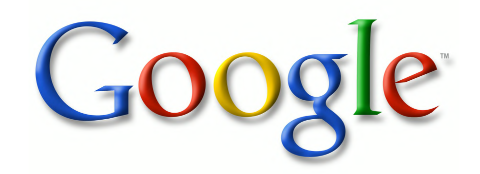

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Англо-индійскій „Кавказъ“. Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. (Этнико-историческій и политическій этюдъ). Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами. *Н. А. Аристова*. . . . 3—150
2. Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. *Вл. Іохельсона* . . . . 151—193

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ и мордвы. *В. Мошкова*. . . . . 194—212
2. Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ). *Илларіона Свѣнцицкаго*. . . . . 213—229
3. Сборникъ Панаіота Дьиновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ). (Продолженіе). Сообщ. *П. Ровинскаго* . . . 230—248
4. По говору Любимскаго уѣзда. Сообщ. *А. Балова* . . . 249—250

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Жреческая организація индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ). *А. Погодина* . . . 251—264
2. Румынскія сказанія о рахманахъ. *А. И. Яцимирскаго* . 264—272
3. Psihologia penala a teranului de Dem. I. Dobresku. *А. Яцимирскаго* . . . . 273—277

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

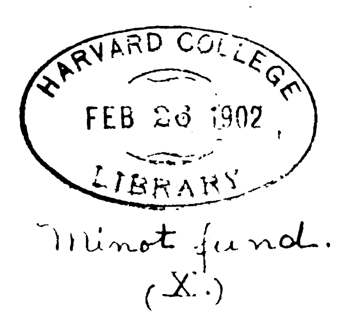
подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I—II

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

АНГЛО-ИНДІЙСКІЙ „КАВКАЗЪ".

Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами.

(Этнико-историческій и политическій этюдъ).

III. Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными авганскими племенами.

1) *Система «закрытой границы» (1849—1879 г.г.).*

Не углубляясь въ мало извѣстную и неразработанную исторію восточныхъ авганскихъ племенъ, необходимо однако же имѣть въ виду, что племена эти большею частію сохраняли свою независимость во все время владычества въ Индіи и Кабулистанѣ Бабера и его потомковъ. Почти тоже надо сказать и о времени основателя существующей авганской монархіи Ахмедъ-шаха и его потомковъ, которымъ, какъ и бaберидамъ, подчинялось въ Восточномъ Авганистанѣ лишь населеніе нѣкоторыхъ долинъ. Еще менѣе горныя племена признавали власть баракзійской династіи. Отнявшіе у баракзійцевъ всѣ земли на востокѣ отъ Инда и подчинившіе себѣ пишаверскую долину и низменность праваго берега Инда сейки не смогли покорить горныя племена и должны были, для охраны населенія равнинъ отъ набѣговъ горцевъ, возвести или возобновить рядъ укрѣпленій, преграждающихъ важнѣйшіе выходы изъ горъ въ долины. Захвативъ въ 1849 году всѣ земли сейковъ, англичане унаслѣдовали и ихъ оборонительную въ отношеніи горныхъ племенъ политику. Держаться ея побудилъ англо-индійское правительство недавній опытъ англо-авганской войны 1838—1842 гг., убѣдившій, что обладаніе бѣдными странами авгановъ требуетъ ничѣмъ неокупающихся усилій и затратъ для исполненной опасностей и тяжкой борьбы съ воинственными

племенами, страстно дорожащими своею независимостью и упорно ее защищающими.

Система „закрытой границы“ (Close Border), неуклонно примѣнявшаяся болѣе 30 лѣтъ съ 1849 года, состояла, съ одной стороны, въ устраненіи англійскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ между собою и въ отношенія ихъ къ эмиру авганскому, съ другой же—въ строгомъ охраненіи британской территоріи отъ грабежей и вторженій горцевъ. Содержаніе гарнизоновъ въ 15, не менѣе, фортахъ и 50 постахъ разнаго рода, соединявшихся разъѣздами, и вообще обереженіе простиравшейся всего до 800 миль или 1200 верстъ границы (свѣдѣнія эти, изъ записки бывшаго секретаря пенджабскаго управленія сэра Ричарда Темпля, шестидесятыхъ годовъ, приведены въ книгѣ Sitana: a mountain campaign on the borders of Afghanistan in 1863, by colonel Iohn Adye, London, 1867, не совсѣмъ полный переводъ которой помѣщенъ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1873 г., іюль, стр. 153—182, и августъ, стр. 351—378) возложены были на особыя пенджабскія пограничныя войска. Войска эти, набиравшіяся изъ туземцевъ (сейковъ, индусовъ, пенджабскихъ мусульманъ, авгановъ, белучжей и пр.), съ британскими офицерами, имѣли вооруженіе и организацію, одинаковыя съ прочими англо-индійскими туземными войсками, но находились въ вѣдѣніи пенджабскаго губернатора, а не общаго военнаго начальства Индіи. Численность ихъ простиралась отъ 10 до 12 т. ч. въ 12 полкахъ пѣхоты, 5 полкахъ кавалеріи и 6 батареяхъ (Sitana, p. 12).

Для предупрежденія безпорядковъ на британской территоріи горцы допускались въ предѣлы ея только безъ оружія. Туземцы британской территоріи пропускались за границу въ земли горцевъ для торговыхъ и другихъ ихъ надобностей, но съ отклоненіемъ гарантіи британскаго правительства за безопасность ихъ лицъ и имуществъ. Пропускъ европейцевъ вообще былъ запрещенъ, британскіе же офицеры не имѣли права отлучаться за границу, даже для охоты, иначе, какъ съ разрѣшенія начальства, которое всегда въ этомъ дозволеніи впрочемъ отказывало. Всѣ эти мѣры значительно устраняли поводы и случаи для столкновеній съ пограничными горцами, но по огромному протяженію границы оберегающія ее войска не всегда могли пресѣкать вторженія на британскую территорію какъ отдѣльныхъ хищниковъ, такъ и болѣе или менѣе многочисленныхъ шаекъ, которыя иногда успѣвали совершать грабежи и убійства и уходить за границу безнаказанно. Въ важнѣйшихъ изъ такихъ случаевъ, когда горныя племена, которымъ принадлежали грабители, отказывались вознаградить причиненные убытки, или оказывались открыто враждебными, англо-индійское правительство вынуждено было прибѣгать къ военнымъ экспедиціямъ.

Первая военная экспедиція была предпринята уже въ 1849 году, въ ноябрѣ, противъ племени отманхейль и нѣкоторыхъ юсуфзіевъ на сѣверо-западной границѣ пишаверскаго округа (Раверти, въ газетѣ The Mail, 15 апрѣля 1895 г., см. „Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 64, стр. 281). Въ томъ же году, собравшись въ числѣ около 6 т., моменды вторгнулись въ пишаверскій округъ около Шабкадара, но отрядъ генерала Кембля прогналъ ихъ, причинивъ значительный уронъ; моменды однако не переставали возбуждать тревоги на границѣ до 1861 года, когда одинъ изъ ихъ вождей Нуабъ-ханъ успѣлъ установить на нѣкоторое время спокойствіе на этой части границы (The Punjaub and North-west Frontier of India, by an old Punjaubee, London, 1878, см. изложеніе этой книги въ „Военномъ Сборникѣ", 1879 года, январь, стр. 20—32, и февраль, стр. 118—135, въ отдѣлѣ Библіографіи, подъ заглавіемъ „Пенджабъ и сѣверо-западная граница Индіи", стр. 118). Въ 1849 же году англо-индійское правительство обязалось платить по 570 фунтовъ стерлинговъ (впослѣдствіи платежъ доведенъ до 1370 ф. ст.) ежегодно восточнымъ родамъ афридіевъ за охраненіе дороги по ущелью между Пишаверомъ и Кохатомъ, но чрезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора шайка афридіевъ напала на саперовъ и рабочихъ, занявшихся исправленіемъ дороги въ ущельи, и вызвала возмездіе отъ отряда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ Чарльза Непира. Лѣтомъ 1853 года, афридіи долины Бори сдѣлали нѣсколько набѣговъ въ равнину Пишавера, а кохатскіе закрыли проходъ. Когда въ сентябрѣ того же года, у форта Мекисонъ, близъ входа въ кохатское ущелье, собрался англійскій отрядъ силою болѣе 3 тыс. чел., кохатскіе афридіи извѣстили, что закрытіе прохода послѣдовало по недоразумѣнію и что теперь путь свободенъ. Пройдя вслѣдствіе этого часть ущелья безъ препятствій, отрядъ повернулъ въ сторону долины Бори и достигъ ее чрезъ горы съ трудными подъемами и спусками; когда отрядъ приступилъ къ сожиганію и разрушенію оставленныхъ населеніемъ деревень, занявшіе прилегающія крутизны горцы открыли стрѣльбу, попытки же выбить ихъ изъ занятыхъ позицій не удались. Близилась ночь, а отрядъ не имѣлъ воды и продовольствія кромѣ сухарей. Англичане благополучно вышли изъ своего стѣсненнаго положенія, обратившись, по совѣту состоявшаго при сопровождавшемъ отрядъ пишаверскомъ коммиссарѣ Лоуренсѣ авганца Фетъ-хана, къ одному изъ мѣстныхъ авганскихъ племенъ, враждовавшему съ другими, съ просьбою о пропускѣ; племя это, соблюдавшее дотолѣ нейтралитетъ между англичанами и сражавшимися съ ними авганцами, согласилось, за приличное вознагражденіе, пропустить отрядъ чрезъ свои земли. Сильно насѣдавшіе на уходившій отрядъ горцы прекратили свое преслѣдованіе по вступленіи англичанъ на земли подкупленнаго племени

и къ утру утомленныя войска благополучно возвратились въ свой лагерь у сѣвернаго входа въ кохатское ущелье (статья Горлова „Англійская экспедиція въ Кохатскій проходъ въ 1853 году“ въ „Военномъ Сборникѣ“ 1878 года, январь).

Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ сосѣдства Англо-Индіи съ авганскими горными племенами противъ послѣднихъ снаряжено было „не менѣе 20 экспедицій“, („Ситана“, стр. 374), изъ которыхъ можно еще упомянуть экспедицію генерала Невиля Чемберлэна, съ 6 полками пѣхоты, полкомъ кавалеріи и 3 батареями, противъ занимающаго верхнюю долину р. Курама племени тури, которое дѣлало постоянные набѣги на англійскую территорію; такъ какъ обращенія къ кабульскому эмиру, которому это племя номинально подчинялось, успѣха не имѣли, то въ 1856 году, съ согласія эмира, и была предпринята противъ нихъ экспедиція („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 16, 1885 года, стр. 129), во время которой произведена была съемка всей долины Курама до перевала Пейваръ (Journal of the R. Geographical Society, 1862, vol. 32, p. 306).

Самая значительная и наиболѣе замѣчательная экспедиція шестидесятыхъ годовъ направлена была противъ „индустанскихъ фанатиковъ“, какъ называли ихъ британцы, или „муджахидовъ“, т. е. воиновъ за вѣру, какъ именовало ихъ мусульманское населеніе. Въ 1823 году, нѣкто Сеидъ-Ахмедъ, по возвращеніи изъ Мекки, собралъ на своей родинѣ, въ Рохилькендѣ, области на востокѣ отъ Дели, населенной давно объиндусившимися по языку авганами, нѣсколько десятковъ единомышленниковъ, отправился съ ними въ Авганистанъ, проповѣдуя священную войну противъ невѣрныхъ, и въ 1824 году основался окончательно у юсуфзіевъ, въ средѣ которыхъ быстро пріобрѣлъ большое вліяніе. 31 декабря 1826 года онъ объявилъ джихадъ противъ сейковъ, которымъ подчинялся въ то время Пишаверъ, и принялъ титулъ падишаха. Не будучи въ состояніи противиться общему движенію мѣстныхъ мусульманъ, правившіе Пишаверомъ, въ качествѣ данниковъ сейковъ, баракзійскіе сердари вынуждены были стать подъ знамена Сеидъ-Ахмеда, но весною 1827 года, въ бою при Саиду, сердари эти, по предварительному уговору съ сейками, обратились съ своимъ войскомъ въ бѣгство. Авганское ополченіе вслѣдствіе этого было разбито сейками. Сеидъ-Ахмедъ бѣжалъ въ Сватъ, гдѣ вскорѣ собралъ новыя силы и направилъ ихъ противъ измѣнниковъ. Войска его напали ночью на лагерь выступившаго противъ нихъ Яръ-Мохаммедъ-хана и разбили его, при чемъ этотъ глава пишаверскихъ сердарей былъ убитъ. Мстя за его смерть, родственники его успѣли возбудить противъ Сеидъ-Ахмеда часть юсуфзіевъ, недовольныхъ его строгостью; произошло возстаніе, при которомъ погублено было много муджахидовъ, но самъ

Сеидъ-Ахмедъ спасся съ 1.600 ч. муджахидовъ, чрезъ нѣкоторое время перешелъ на лѣвый берегъ Инда и былъ убитъ лишь въ бою противъ сейковъ при Балакотѣ, въ 1831 году, во главѣ своего небольшого ополченія. Послѣдователи его сначала разсѣялись, но затѣмъ одинъ изъ его учениковъ Сеидъ-Омаръ собралъ остатки муджахидовъ въ мѣстности Ситана, находящейся на восточномъ склонѣ хребта Махабунъ или Махабанъ, на сѣверо-восточной границѣ пишаверскаго округа, въ земляхъ отманзіевъ. Пользуясь сочувствіемъ мѣстныхъ горцевъ и получая помощь деньгами отъ мусульманъ Бенгаліи, съ которыми еще Сеидъ-Ахмедъ поддерживалъ непрерывныя сношенія, муджахиды Ситаны не переставали возбуждать мѣстныхъ мусульманъ къ войнѣ противъ невѣрныхъ сейковъ, а потомъ противъ занявшихъ ихъ положеніе англичанъ, и сами подавали примѣръ набѣгами въ предѣлы британской территоріи. Производимыя ими убійства и грабежи вызвали наконецъ въ 1858 году экспедицію подъ начальствомъ генерала Сиднея Коттона; англичане разбили муджахидовъ, глава которыхъ Сеидъ-Омаръ былъ убитъ въ бою, разогнали ихъ, истребили ихъ селенія и заставили отманзіевъ и гадуновъ (племя вѣтви парни гургуштской группы, которое занимаетъ часть южныхъ отроговъ хребта Махабанъ между отманзіями на востокѣ и худу-хелями на западѣ, и обитаетъ также на лѣвомъ берегу Инда) обязаться не дозволять муджахидамъ возобновленія ихъ поселеній въ Ситанѣ. Черезъ нѣкоторое время муджахиды однако вновь появились около Ситаны и образовали поселеніе Мелька (Malka) въ долинѣ Чемла, на сѣверныхъ склонахъ Махабана, въ земляхъ амазіевъ. Отсюда они снова начали дѣлать набѣги въ англійскія земли, производить грабежи, захватывать торговцевъ для вымогательства выкупа и т. д.

18 октября 1863 года, генералъ Невиль Чемберлэнъ, съ отрядомъ изъ 5 тыс. пѣхоты (въ томъ числѣ четвертая часть англичанъ) съ 11 орудіями, направился къ южному подножію Махабана, такимъ образомъ, что муджахиды и горцы должны были думать, что отрядъ идетъ въ Ситану путемъ 1858 года. Вмѣсто того, 19 октября Чемберлэнъ повернулъ къ ущелью Умбела, отдѣляющему Махабанъ отъ горъ и земель юсуфзіевъ области Бунирь, разсчитывая пройти это 12-ти верстное ущелье, проникнуть въ долину Чемла, расправиться съ муджахидами и возвратиться обратно тѣмъ же ущельемъ прежде, чѣмъ горцы успѣютъ собраться и начать военныя дѣйствія, если бы и рѣшились воевать. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Бунирь были отправлены прокламаціи, завѣряющія, что отрядъ идетъ исключительно и единственно на муджахидовъ, для наказанія ихъ за разбои, и не причинитъ никакого вреда горцамъ и ихъ имуществу. Утромъ 20 октября отрядъ Чемберлэна вступилъ въ ущелье Умбела и авангардъ его въ тотъ же день достигъ выхода въ долину Чемла, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. Но для главнаго отряда,

и особенно для его обоза, пролегающій по тѣсному ущелью, обставленному съ обѣихъ сторонъ горами высотою до 6 тыс. фут., путь, идущій по ложу рѣчки, заваленный каменьями и заросшій деревьями и кустарникомъ, оказался до такой степени труднымъ, что ни 20, ни 21 октября отрядъ Чемберлэна не успѣлъ добраться до выхода изъ ущелья. Когда же 22 октября отрядъ могъ быть наконецъ двинутъ къ выходу, то посланная послѣ полудня для рекогносцировки часть отряда подверглась на обратномъ пути нападенію появившихся съ лѣвой стороны ущелья значительныхъ массъ горцевъ Бунира, которые преслѣдовали ее до лагеря главнаго отряда и нападали на самый лагерь до полуночи. Считая возможнымъ, что въ случаѣ ухода отряда въ Чемла горцы займутъ проходъ Умбела, отрѣжутъ его сообщенія и пресѣкутъ обратный путь, и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ опаснымъ раздѣлять отрядъ на двѣ части для дѣйствій противъ муджахидовъ и охраненія ущелья, генералъ Чемберлэнъ потребовалъ подкрѣпленій, до прибытія же ихъ рѣшился занимать ущелье Умбела. Подкрѣпленія эти подоспѣли лишь чрезъ два мѣсяца. Между тѣмъ уже 24 октября бунирцы и муджахиды произвели на свѣту нападеніе на позиціи отряда съ правой стороны ущелья, но, встрѣтивъ отпоръ, отступили. 26 октября усиленные ополченіями ближайшихъ племенъ горцы предприняли аттаку на „Орлиное гнѣздо“, какъ англичане назвали одну выдающуюся свою позицію на лѣвой сторонѣ ущелья; отраженіе горцевъ обошлось въ этотъ день англійскому отряду въ 129 чел. убитыми и ранеными. Въ ближайшіе засимъ дни силы горцевъ умножились ополченіемъ „сватскаго ахуна“.

Прославившійся подъ титуломъ „сватскаго ахуна“ или „сахиба“ (господина), урожденецъ округа Ноушехры (въ сѣверной части пишаверской долины), Абдулъ-Гафаръ, принадлежащій по происхожденію къ гуджарамъ, одной изъ низшихъ кастъ у индусовъ, прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ восемнадцати-лѣтняго возраста на одномъ островѣ Инда около Аттока, въ качествѣ мусульманскаго отшельника, предаваясь религіознымъ изученіямъ, созерцаніямъ и упражненіямъ. Въ двадцатыхъ годахъ онъ поселился между юсуфзіями Свата и послѣ гибели Сеидъ-Ахмеда пріобрѣлъ надъ ними и другими окрестными племенами огромное вліяніе, въ качествѣ всенароднаго духовнаго наставника, уже при жизни почитавшагося святымъ. Въ противоположность Сеидъ-Ахмеду, съ которымъ состоялъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, Абдулъ-Гафаръ склоненъ былъ къ богомольной, мирной и спокойной жизни, а потому оказывалъ весьма благопріятное для Англіи вліяніе на авганскія горныя племена, удерживая ихъ отъ столкновеній съ сосѣдями, что особенно было кстати для Англо-Индіи въ 1857 г., во время возстанія сипаевъ, когда значительная часть пограничныхъ войскъ была двинута за Индъ для

усмиренія возстанія и вторженія авганскихъ горцевъ могли натворить на границѣ большія непріятности.

При всемъ своемъ миролюбіи, сватскій ахунъ не могъ, однако оставить безъ вниманія просьбы о помощи отличавшихся особой къ нему преданностью бунирскихъ юзуфзіевъ, угрожаемыхъ отрядомъ Чемберлэна, объявилъ священную войну противъ невѣрныхъ англичанъ и явился самъ съ 2—3 т. наскоро собравшихся въ Сватѣ ополченцевъ. 30 октября, одушевленные прибытіемъ своего „пира", горцы произвели аттаку англійскихъ позицій на лѣвой сторонѣ ущелья, но успѣха не имѣли; напротивъ, дѣйствовавшіе одновременно на правой сторонѣ ущелья муджахиды успѣли, послѣ ожесточенной борьбы, овладѣть „Пикетомъ Скалистымъ", являвшимся весьма важнымъ пунктомъ для обороны англичанъ съ махабанскаго фланга. Британцы однако успѣли отбить захваченную позицію обратно и всѣ усилія муджахидовъ вновь овладѣть ею остались тщетными. Они оставили на мѣстѣ 54 тѣла, потери же англичанъ состояли изъ 53 убитыхъ и раненыхъ.

6 ноября, состоявшее при рабочихъ, разработывавшихъ прямую дорогу отъ отряда къ долинѣ Чемла, прикрытіе подверглось неожиданному нападенію непріятеля; большая часть солдатъ успѣла въ разбродъ добраться до отряда, но командовавшій маіоръ Гардингъ и два офицера съ 34 н. ч. были убиты, а два офицера и 37 н. ч. ранены. Въ ночь на 12 ноября горцы нѣсколько разъ нападали на „Скалистый Пикетъ", утромъ наконецъ овладѣли имъ, но англичане отбили его, потерявъ 51 ч. убитыми и 108 ранеными. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ эта позиція называется Каталгаръ, т. е. „крѣпость побоища", и аттаковывавшіе ее газіи представляются неимѣвшими другого оружія кромѣ дубинъ (Darmesteter, Chants populaires des Afghans, p. 27). Находя затруднительнымъ защищать всѣ свои позиціи вслѣдствіе усиленія силъ горцевъ прибытіемъ предъ послѣднимъ нападеніемъ 3 т. ополченцевъ изъ Баджаура, генералъ Чемберлэнъ, въ ночь на 18 ноября, очистилъ отъ своихъ войскъ всю лѣвую сторону ущелья, сосредоточивъ свои силы на махабанской сторонѣ. Увидавъ утромъ отступленіе англичанъ, горцы немедленно аттаковали махабанскія позиціи и оттѣснили передовые посты, но дальнѣйшихъ успѣховъ не имѣли. Англичане однако потеряли въ этомъ дѣлѣ 4 офицеровъ и 40 н. ч. убитыми и 75 ранеными. 20 ноября горцы овладѣли утесомъ надъ „Скалистымъ Пикетомъ". Послѣ упорныхъ стычекъ англичане отняли этотъ утесъ, съ потерею 2 офицеровъ и 25 н. ч. убитыми; 5 офицеровъ (въ томъ числѣ генералъ Чемберлэнъ) и 105 н. ч. ранены.

Въ концѣ ноября и началѣ декабря, утомленные упорной защитой англичанъ, горцы утратили свою энергію и военныя дѣйствія велись вяло. Всего болѣе бремя войны тяготѣло на бунирцахъ, которые должны были продовольствовать

стекшихся изъ отдаленныхъ областей ополченцевъ, явившихся съ незначительными запасами. Воспользовавшись такими обстоятельствами, состоявшій при британскомъ отрядѣ политическій агентъ Джемсъ завязалъ съ бунирцами переговоры, которые къ 10 декабря завершились было соглашеніемъ съ старшинами племенъ Бунира о прекращеніи войны на условіи допущенія англичанъ къ уничтоженію дер. Мелька и изгнанію муджахидовъ, но такъ какъ бунирцы поставили предполагаемое соглашеніе въ зависимость отъ утвержденія сватскаго ахуна, а онъ въ своемъ одобреніи отказалъ, то 14 декабря переговоры прекратились. Между тѣмъ англичане получили наконецъ столь долго ожидавшіяся подкрѣпленія и могли перейти въ наступленіе. 15 декабря заступившій мѣсто Чемберлэна генералъ Гарвокъ (Garvock), располагавшій 9 т. ч. большею частію свѣжихъ войскъ, двинулся съ 6 т. ч. въ долину Чемла, оставивъ для охраненія ущелья 3 т. ч. Горцы заняли значительными силами одинъ изъ выходящихъ въ долину Чемла отроговъ Махабана, но обходное движеніе англичанъ съ праваго фланга и фронтальная аттака вынудили ихъ обратиться въ бѣгство. 16 декабря отрядъ вышелъ въ долину Чемла и нанесъ горцамъ еще болѣе рѣшительное пораженіе. Въ теченіи 15 и 16 декабря англичане потеряли убитыми и ранеными 172 ч. Но потери горцевъ были весьма значительны, обезкураженныя ополченія изъ Баджаура и другихъ мѣстъ ушли домой, сватскій ахунъ тоже скрылся. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, бунирскіе мелики явились въ англійскій отрядъ, изъявляя согласіе на примиреніе согласно британскимъ требованіямъ, нѣсколько смягченнымъ. Отрядъ прекратилъ дальнѣйшее движеніе и 22 декабря посланные съ меликами британскіе офицеры были свидѣтелями сожженія самими бунирцами выстроенной изъ сосноваго лѣса деревни Мелька, оставленной своими обитателями. 25 декабря англійскій отрядъ уже вышелъ изъ ущелья Умбела въ пишаверскую долину, видя, что слѣдомъ за нимъ горцы уничтожаютъ оставленныя британскія укрѣпленія и портятъ устроенныя англичанами дороги. Потери англійскаго отряда за всю экспедицію составили въ общей сложности 36 офицеровъ и 872 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ убитыхъ 238 (изъ нихъ 15 офицеровъ) и раненыхъ 670; въ числѣ послѣднихъ офицеровъ 21 (свѣдѣнія капитана Carter'a въ Journal of the United Service Institution of India, 1893, vol. XXII, p. 418, и статья The Hindustani Fanatics, by captain A. H. Mason, въ томъ же Journal, 1890, vol. XIX, p. 196).

Изложенныя свѣдѣнія объ умбеллахской экспедиціи и муджахидахъ взяты мною изъ вышеназванныхъ сочиненій генерала Эдай и „Стараго пенджабца", а также отчасти у Дармстетера (Chants populaires des Afghans, pp. 5—24, и Narrative of various journeys etc., by Charles Masson, London, 1842,

vol. I, pp. 132—143). Я имѣлъ сверхъ того въ виду выше цитированную статью капитана Месона, которая составлена имъ на основаніи труда подполковника Paget, Record of expeditions against the North-West Frontier Tribes, 1873 г., доведеннаго самимъ Месономъ до 1884 года и изданнаго въ 1885 г. въ Лондонѣ. Изъ этой статьи Месона я приведу нѣкоторыя подробности о муджахидахъ и столкновеніяхъ съ ними англичанъ, отсутствующія въ другихъ источникахъ.

Селеніе Ситана, служившее муджахидамъ убѣжищемъ, принадлежало нѣкоему Сеидъ-Экберу, который состоялъ при Сеидъ-Ахмедѣ казначеемъ и совѣтникомъ, послѣ же смерти его далъ пріютъ уцѣлѣвшимъ его сподвижникамъ. Они выстроили близъ Ситаны укрѣпленіе, названное ими Mandi. Послѣ перехода Пишавера подъ власть Англіи, „сватскій ахунъ“ Абдулъ-Гафаръ побудилъ народъ Свата признать Сеидъ-Экбера свѣтскимъ своимъ государемъ (р. 184). Первое столкновеніе съ муджахидами Ситаны съ англичанами произошло въ 1853 году изъ-за отнятія у британскаго данника хана Амба (Amb) форта Котла (Kotla) хасанзіями въ союзѣ съ муджахидами. 6 января 1853 года маіоръ Абботъ переправился съ 4 полками черезъ Индъ, прогналъ муджахидовъ изъ укр. Котла, разрушилъ на другой день покинутую населеніемъ Ситану и 8 числа возвратился обратно за Индъ (рр. 184 и 185). Во время возстанія сипаевъ въ Индіи, стоявшій въ сел. Марданъ пишаверскаго округа 55-й полкъ въ концѣ маѣ 1857 года возмутился и уцѣлѣвшіе изъ его состава 600 сипаевъ бѣжали въ Сватъ. Если бы духовный глава Абдулъ-Гафаръ и свѣтскій Сеидъ-Экберъ-шахъ дружно объявили въ это время джихадъ, то едва ли бы англичане могли удержать за собою Пишаверъ. Но Сеидъ-Экберъ вскорѣ послѣ принятія бѣглыхъ сипаевъ умеръ, сватскій же ахунъ и старшины юзуфзіевъ возъимѣли опасеніе, что старшій сынъ и наслѣдникъ Сеидъ-Экбера Сеидъ-Мубарекъ-шахъ обзаведется регулярнымъ войскомъ, зерномъ котораго могли послужить сипаи, и пріобрѣтетъ надъ страною деспотическую власть. Для предупрежденія этого юсуфзіи выгнали изъ Свата и Сеидъ-Мубарекъ-шаха, и сипаевъ. Послѣдніе выпровожены были за Индъ и большею частію погибли, пробираясь въ Кашниръ. Уцѣлѣвшіе собрались потомъ къ Сеидъ-Мубарекъ-шаху въ сел. Пенджтаръ, въ земляхъ худухелей, на южной сторонѣ Махабана, близъ селенія Мангалъ-Тана, основаннаго частью муджахидовъ изъ Ситаны; въ то же время одинъ изъ старшинъ худухелей пригласилъ въ сосѣднее селеніе Чинглай муджахидскаго муллу Инаятъ-хана. Вслѣдствіе этого скопленія фанатиковъ въ земляхъ худухелей возникли, чрезъ нѣкоторое время, смуты въ сосѣднихъ селеніяхъ британской территоріи, изъ числа которыхъ населеніе дер. Шейхъ-Джана призвало къ себѣ 250 ч. изъ Чинглая. 1 іюля 1857 года маіоръ Воганъ, командовавшій въ Марданѣ,

выступилъ съ небольшимъ отрядомъ противъ Шейхъ-Джаны и прогналъ оттуда чинглайцевъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого Инаатъ-мулла занялъ горное британское селеніе Нариндж и объявилъ джихадъ. Въ ночь на 18 іюля Воганъ, съ отрядомъ въ 700 ч., неожиданно подошелъ къ Нариндж, на разсвѣтѣ напалъ на это селеніе, овладѣлъ нижнею его половиною, разрушилъ ее и вечеромъ отступилъ, потерявъ лишь 5 ч. убитыми и 21 ранеными. 3 августа, получивъ подкрѣпленіе, Воганъ вновь подступилъ къ Нариндж; обойденные частью силъ Вогана съ тылу защитники бѣжали и все селеніе было уничтожено; ни одинъ домъ не былъ пощаженъ и даже заборы были разрушены при помощи слоновъ; взятые въ плѣнъ три индустанца были немедленно повѣшены. Въ отместку, въ октябрѣ того же года, муджахиды неожиданно напали на лейтенанта Хорна, находившагося съ небольшимъ конвоемъ въ Шейхъ-Джана; онъ спасся лишь благодаря темнотѣ ночи, но пять человѣкъ его прислуги были перебиты. Это нападеніе вызвало экспедицію генерала Сиднея Коттона, который, съ отрядомъ въ 4877 ч., двинулся въ апрѣлѣ 1858 года въ земли худухелей и разрушилъ селенія Пенджтаръ и Чинглай. 30 апрѣля той же участи подвергнуто сел. Мангалъ-Тана. 3 мая отрядъ подошолъ къ Ситана и на другой день взялъ позиціи муджахидовъ, которые дрались отчаянно, хотя союзники ихъ изъ мѣстныхъ авганскихъ племенъ обратились въ бѣгство. Разрушивъ селеніе, отрядъ удалился, преслѣдуемый непріятелемъ. Потеря отряда составила въ сложности 5 убитыхъ и 29 раненыхъ, у индостанцевъ же было убито около 50 ч. и у авгановъ до 10. Взятые въ плѣнъ два муджахида были немедленно повѣшены въ Ситанѣ. Вслѣдствіе этой экспедиціи отманзіи и гадуны обязались не допускать муджахидовъ возобновить ихъ осѣдлость въ Ситанѣ. Индостанцы удалились поэтому въ дер. Мелька, въ земляхъ амазіевъ, на сѣверномъ склонѣ Махабана. Въ 1861 году они вновь появились около Ситаны въ мѣстности Сири и начали посылать отсюда партіи для грабежей торговцевъ на лѣвой сторонѣ Инда; за пропускъ ихъ отманзіи подвергнуты были „блокадѣ“ и за снятіе ея обязались не пропускать впредь муджахидовъ для грабежей. Однако грабежи впослѣдствіи возобновились, а въ началѣ іюля 1863 г. получено было извѣстіе о томъ, что индустанцы снова заняли Ситану. Это и вызвало вышеописанную умбеллахскую экспедицію, во время которой индустанцы, предводимые Абдулла-муллою, выставили противъ англичанъ около 900 воиновъ, дравшихся съ фанатическимъ одушевленіемъ (pp. 185—192). По сожженіи деревни Мелька и выходѣ изъ ущелья Умбеллахъ, одна бригада отряда ген. Гарвока двинулась на востокъ для уничтоженія возобновленнаго поселенія муджахидовъ около Ситаны. По прибытіи въ Хабалъ, на берегу Инда противъ Торбелы, англичане потребовали отъ отманзіевъ и гаду-

новъ разрушенія притона муджахидовъ въ укрѣпленномъ селеніи Mandi. 4 января 1864 года всѣ постройки были разрушены и окружавшая Mandi стѣна сравнена съ землею, самая же Ситана оказалась находящеюся въ развалинахъ, какъ оставлена въ 1858 году. Гадуны и отманзіи возобновили обязательство не допускать на свои земли индустанцевъ, а отрядъ возвратился 5 января на британскую территорію. Дальнѣйшую исторію муджахидовъ прослѣдить, по словамъ Месона, не легко, но кажется достовѣрнымъ, что послѣ изгнанія изъ Мелька большая ихъ часть, съ муллою Абдуллою во главѣ, удалилась въ страну чагарзіевъ, на сѣверѣ отъ орошающей Бунирѣ рѣки Беренду. Тамъ они получили земли въ деревняхъ Тангорѣ и Баторѣ, но положеніе ихъ было незавидно, такъ какъ хозяева земель старались возможно больше наживаться на ихъ счетъ, пожертвованія же изъ Индустана были скудны. Сватскій ахунъ также относился къ нимъ недружелюбно, почему они держались партія соперничествовавшаго съ нимъ въ Бунирѣ Кота-муллы. Въ февралѣ 1868 года, по приглашенію сторонника Кота-муллы Азимъ-хана, 500—600 муджахидовъ оставили Тангоръ и Батору и переселились въ дер. Беджкетте на р. Беренду, въ центрѣ Бунира. Но 29 мая того же года созванные уполномоченнымъ сватскимъ ахуномъ Мирджи-ханомъ въ общее собраніе муллы и старшины Бунира рѣшили изгнать муджахидовъ изъ своей страны, такъ какъ пребываніе ихъ въ ней непріятно сватскому ахуну и можетъ вызвать раздоръ съ Англіею. Вслѣдствіе этого индустанцы, въ числѣ около 700 ч., ушли изъ Беджкетте въ Мелька, гдѣ начали возобновлять дома, вступивъ въ соглашеніе съ амазіями. Между тѣмъ Абдулла-мулла лично посѣтилъ сватскаго ахуна и нашелъ средства прекратить его враждебность; онъ отозвалъ Мирджи-хана и дозволилъ индустанцамъ остаться въ Бунирѣ. Большая часть ихъ вернулась изъ Мелька въ Беджкетте, но прожить здѣсь имъ привелось не долго, такъ какъ Абдулла-мулла снова присталъ къ враждебной ахуну партіи. Когда 2 августа старшина Зайдулла-ханъ схватилъ проѣзжавшихъ чрезъ его земли сватскихъ торговцевъ, ахунъ немедленно распорядился изгнать индустанцевъ и умертвить враждебнаго старшину. Зайдулла-ханъ былъ убитъ, а затѣмъ 12 августа люди ахуна прибыли въ Беджкетте и назначили Абдулла-муллѣ суточный срокъ для удаленія индустанцевъ. Послѣ нерѣшительной попытки къ сопротивленію, муджахиды выступили въ назначенный срокъ, преслѣдуемые бунирцами и подвергшись съ ихъ стороны нападенію въ проходѣ между Беджкетте и Баторою; арьергардъ ихъ, послѣ храброй обороны, былъ истребленъ. Изъ Баторы они бѣжали въ земли чагарзіевъ, но и тѣ, побуждаемые ахуномъ, отказали имъ въ пріютѣ. Они нашли наконецъ убѣжище за Индомъ въ Джудба (Judba), но движеніе отряда генерала Wilde вынудило ихъ переправиться обратно на правый бе-

регъ Инда и, послѣ неудачной попытки водвориться въ долинѣ Палоси, въ земляхъ хасанзіевъ, уйти въ Такотъ, отсюда назадъ въ Джудба и снова къ хасанзіямъ, которые дали имъ близъ Палоси мѣстность Майданъ, на правомъ берегу Инда, въ 15 миляхъ выше Дербенда, лежащаго близъ границы британскихъ земель съ Ягистаномъ. Въ Майданѣ индустанцы наконецъ и осѣли, въ числѣ около 700 ч., имѣя во главѣ Абдуллу-муллу и уплачивая хасанзіямъ ежегодно около 800 рупій аренды за занимаемыя земли; сады и постройки (pp. 196—199).

По свѣдѣніямъ Биддельфа (семидесятыхъ годовъ), селеніе свое индустанцы именовали Кила-муджахидинъ; ихъ было около 500 ч., изъ которыхъ лишь 8—10 имѣли семьи; почти все время свое они проводили въ ученьяхъ, при которыхъ командныя слова употреблялись арабскія; у нихъ было два укрѣпленія, вооруженныя пушками, сдѣланными изъ кожи и приходящими въ негодность послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; существовали они на средства, доставляемыя сочувствующими имъ жителями Индустана, и вовсе не занимались обработкой земли („Народы, населяющіе Гинду-кушъ“, переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886 года, стр. 7).

Въ 1885 г., во время столкновеній Англіи съ бунирцами, индустанцы собирали на случай войны пожертвованія въ Индіи. Во время смутъ, вызвавшихъ въ 1888 г. экспедицію въ Черныя горы, индустанцы, въ числѣ 120 ч., подъ предводительствомъ престарѣлаго Абдуллы-муллы, участвовали 27 іюня въ демонстраціи хасанзіевъ противъ англичанъ. Но когда въ іюлѣ была снаряжена противъ нихъ экспедиція, то Абдулла-мулла уклонился отъ неравной борьбы и только около сотни его людей участвовало въ бою съ горными племенами при Коткаѣ 4 октября 1888 г., гдѣ изъ числа 88 убитыхъ 48 признаны были за индустанцевъ. Черезъ девять дней послѣ этого дѣла англичане переправились черезъ Индъ и уничтожили укрѣпленіе и поселеніе муджахидовъ въ Майданѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Индустанцы разсѣялись между чагарзіями и окрестными племенами. Послѣднія свѣдѣнія, кототорыя имѣлъ о нихъ Месонъ (статья его напечатана въ 1890 г.), гласили, что около 600 индустанцевъ добивались у амазіевъ дозволенія поселиться въ долинѣ Чемла, въ 5 миляхъ отъ разрушеннаго въ 1863 г. ихъ селенія Мелька, но согласія не получили (p. p. 199, 200).

Въ телеграммѣ завѣдующаго британскимъ округомъ Хезаре, сосѣдящимъ съ Ягистаномъ, отъ 17 августа 1897 года, сообщалось, что на помощь юсуфзіямъ Свата, послѣ нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере, отправилось около 300 ч. изъ Чемла и отъ худухелей, 200 гадуновъ, около 120 отманзіевъ, 200 индустанцевъ съ небольшимъ числомъ амазіевъ и т. д. (Military operations on the North-west Frontiers of India, vol. II,

London, 1898, p. 86): отсюда можно заключить, что муджахиды продолжаютъ обитать гдѣ-то въ сосѣдствѣ Ягистана, на земляхъ амазіевъ, чагарзіевъ или другихъ мѣстныхъ племенъ, въ числѣ конечно не менѣе 600 ч., такъ какъ высылали на Сватъ довольно значительную партію.

Большія потери и значительность расходовъ, вызванныхъ умбеллахской экспедиціею, побудили лондонское правительство выразить порицаніе умноженію числа и размѣровъ карательныхъ экспедицій. Въ особой депешѣ 1864 г. вице-королю статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи Чарльзъ Вудъ заявилъ, что наступательная политика „противна истиннымъ интересамъ государства. Успѣхъ экспедицій во всякомъ случаѣ можетъ быть лишь временный; мы могли бы держаться въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ лишь при раззорительномъ расточеніи жизней и денегъ. Когда же мы удаляемся, населеніе тотчасъ снова принимается за старое и, въ добавокъ, оказывается вдвойнѣ ожесточеннымъ противъ насъ вслѣдствіе понесенныхъ имъ потерь. Самое вѣрное для насъ, это не мѣшаться въ ихъ дѣла, но заводить и поддерживать дружественныя сношенія и стараться убѣдить нашей снисходительностью и ласковымъ обращеніемъ, что для нихъ самихъ всего выгоднѣе быть съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ и пользоваться всѣми удобствами, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ обмѣна взаимныхъ услугъ и товаровъ“ (Sitana, p. p. 98, 99).

Указанная политика довольно строго соблюдалась до второй половины семидесятыхъ годовъ. Въ составленной въ 1876 г. запискѣ о пограничныхъ дѣлахъ пенджабское управленіе констатировало, что въ послѣднія шесть лѣтъ предпринята была только одна военная экспедиція и что отношенія къ пограничнымъ племенамъ улучшились: „онѣ остались дикими, фанатичными, невѣжественными, но научились вѣрить въ честность нашихъ намѣреній и цѣнить наше управленіе настолько, что въ значительномъ числѣ, разставшись съ своею разбойничьею жизнью въ горахъ, водворились осѣдло на британской территоріи“ (sir Lepel Griffin, бывшій членъ пенджабскаго управленія и составитель упомянутой записки, въ Nineteenth Century, 1897, October, p. 512).

При воздержаніи отъ военныхъ экспедицій система „закрытой границы“ дѣйствительно могла со временемъ установить дружелюбныя отношенія пограничныхъ горцевъ къ англо-индійскому сосѣдству, такъ какъ, помимо устраненія британскихъ властей отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла горцевъ за границею, упразднявшаго опасенія племенъ за ихъ независимость, система эта допускала примѣненіе различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію дружественныхъ чувствъ со стороны горцевъ и ознакомленію ихъ съ благами цивилизаціи. Такъ, для облегченія торговыхъ сношеній, отмѣнены были таможенныя пошлины, а также всѣ налоги, которыми при сейкахъ были обложены

въ подвластныхъ имъ земляхъ иностранцы, т. е. главнымъ образомъ авганы независимыхъ племенъ; поземельные сборы съ занимающихъ на британской территоріи земли горцевъ уменьшены до номинальныхъ размѣровъ; для удобства сообщеній пограничныхъ рынковъ проведены дороги; распространены и развиты ирригаціонныя сооруженія; устроены лечебницы и заведенъ безплатный отпускъ лекарствъ и т. п. Доступъ ко всему этому для пограничныхъ горцевъ былъ совершенно свободенъ. Воинственнымъ наклонностямъ горцевъ открытъ былъ широкій путь въ видѣ вербовки въ англо-индійскія туземныя войска и въ полицейскія команды. Всѣмъ пограничнымъ должностнымъ лицамъ и военно-служащимъ вмѣнено было въ обязанность заботиться объ утвержденіи дружественныхъ отношеній къ пограничному населенію и о пресѣченіи возможныхъ недоразумѣній убѣжденіями, твердостью и тактомъ, а не силою оружія. Результаты примѣненія этихъ мѣръ и системы „закрытой границы", по свидѣтельству бывшаго секретаря пенджабскаго управленія Т. Торнтона, были весьма успѣшны, безопасность на британской сторонѣ границы начала утверждаться и набѣги горцевъ на британскую территорію сдѣлались рѣдкими исключеніями, хотя ссоры за ирригацію иногда отражались насиліями и на британской сторонѣ границы, а кровомщенія продолжались и съ британскими подданными (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. p. 134, 135).

2) *Попытки наступательной политики (1879—1895 г. г.).*

Система „закрытой границы" и соединенныхъ съ нею осторожныхъ мѣропріятій конечно могла достигнуть намѣченныхъ для нея результатовъ, но требовала для этого неуклоннаго примѣненія въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Между тѣмъ быстрое распространеніе владѣній Россіи въ Средней Азіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ возбудило въ общественномъ мнѣніи и правящихъ сферахъ Англіи опасенія русскаго нашествія на Индію и расположеніе къ рѣшительной и наступательной политикѣ съ цѣлію предупрежденія угрожающей опасности. Объявивъ войну эмиру Авганистана за вступленіе въ связи съ Россіею, положившее начало „имперіалистской" наступательной политикѣ министерство Биконсфильда, при заключеніи мира въ Гандамакѣ, пріобрѣло для Англіи обладаніе главными путями изъ Индіи въ Авганистанъ и „контроль" надъ независимыми горными племенами. Либеральное министерство, которому привелось ликвидировать возобновившуюся съ Авганистаномъ войну, возвратило новому эмиру Абдэррахманъ-хану отдѣленный было отъ Авганистана Кандахаръ, но оставило за Англіею обладаніе Сулеймановыми горами и Хайберомъ съ Мични, а также „контроль" надъ

независимыми племенами, уступая въ этомъ отношеніи приверженцамъ „наступательной политики“, почитающимъ нахожденіе отдѣляющихъ долину Инда отъ Авганистана горъ въ рукахъ Англіи необходимѣйшимъ для обороны Индіи условіемъ. Предстоявшаго сопротивленія горныхъ племенъ либеральный кабинетъ думалъ избѣгнуть при помощи примѣненія системы Сендемана.

Состоя съ 1866 года „политическимъ офицеромъ“ въ округѣ Дере-Гази-хана, на границѣ съ Белучжистаномъ и юго-восточными авганскими племенами, Робертъ Сендеманъ пріобрѣлъ извѣстность большимъ вліяніемъ на хановъ и меликовъ белучжей, брахуйцевъ и авгановъ, которыхъ онъ успѣвалъ склонять къ миролюбивому разрѣшенію всякихъ возникающихъ между ними раздоровъ на собраніяхъ или джиргахъ изъ почетныхъ и уважаемыхъ людей, вмѣсто обычнаго обращенія къ насиліямъ, набѣгамъ и кровавымъ столкновеніямъ. Хотя Белучжистанъ состоялъ въ политическомъ подчиненіи Англіи со временъ первой англо-авганской войны 1838—1842 г. г. и въ 1854 г. съ властвующимъ въ странѣ брахуйскимъ ханомъ былъ заключенъ новый договоръ, сдѣлавшій связи съ Англіею болѣе тѣсными за ежегодную субсидію въ 50 т. рупій, но внутреннія смуты, происходившія вслѣдствіе раздоровъ между ханомъ и сильными главами племенъ, препятствовали установленію прочнаго порядка и спокойствія, а также безопасности торговыхъ сообщеній, пока Сендеманъ въ іюлѣ 1876 года не устроилъ на съѣздѣ въ Местунгѣ общаго между вождями Белучжистана примиренія и соглашенія о разрѣшеніи на будущее время всякихъ споровъ и раздоровъ между ними на джиргахъ. Въ концѣ того же года, при свиданіи лорда Литтона съ ханомъ въ Джекобъ-абадѣ, заключенъ былъ новый договоръ, давшій Англіи право проводить по Белучжистану желѣзныя дороги и телеграфы и обязавшій хана и старшинъ, въ случаѣ недостиженія соглашеній на джиргахъ, подчиняться рѣшенію генералъ-губернаторскаго агента, постъ котораго занималъ Сендерманъ; субсидія хану доведена до 100 т. рупій. Въ 1877 году ханъ передалъ Англіи за субсидію въ 25 тыс. рупій ежегодно управленіе долиною Кветты, которую еще въ 1876 году заняли британскія войска съ цѣлію охраненія Боланскаго прохода и обезпеченія движенія, въ случаѣ надобности, на Кандахаръ (I. and A. Quarterly Review, 1888, January, Beluchistan and the New Indian Province, by T. H. Thornton, p. p. 55—68).

Благодаря установившемуся въ Белучжистанѣ спокойствію и окрѣпшему британскому вліянію, чрезъ Боланскій проходъ возстановилось прекратившееся уже двадцать лѣтъ торговое движеніе и во время англо-авганской войны 1878—1879 г.г. передвиженія англійскихъ войскъ и транспортовъ совершались по нему въ безопасности; за недостаткомъ въ занятомъ англичанами Кандахарѣ хлѣба, белучжистанскій ханъ, по соглашенію съ Сендеманомъ,

доставилъ туда шестимѣсячный запасъ провіанта. По окончаніи войны, проведя въ Лондонѣ около полугода, Сендеманъ весьма много повліялъ на оставленіе въ рукахъ Англіи пріобрѣтенныхъ по гандамакскому договору Курама, Пишина и Сиби, которые либеральное министерство склонно было возвратить Авганистану вмѣстѣ съ Кандахаромъ. По возвращеніи въ Индію, онъ занялся устройствомъ управленія въ Пишинѣ и Сиби, а равно въ прилегающихъ къ Сиби долинахъ Талъ-Чотіали, Барханъ и Бори, которыя, наконецъ, въ 1887 г. и были формально присоединены къ Индіи, въ качествѣ новой области, названной почему-то „Британскимъ Белуджистаномъ", хотя, за исключеніемъ Кветты, населеніе принадлежало преимущественно племенамъ авганскимъ. Затѣмъ, по словамъ его біографа, Сендеманъ „въ теченіе пяти лѣтъ привелъ въ новой области все въ такой порядокъ, что теперь нѣтъ части британской Индіи, гдѣ наше управленіе было бы болѣе дѣйствительно и болѣе популярно"; проведены руками населенія дороги, устроена дешевая или безмездная врачебная помощь, упорядочена и расширена ирригація, приняты мѣры для охраненія лѣсовъ, произведены съемки и т. д.; доходы провинціи почти покрываютъ расходы по ея управленію. Между тѣмъ, въ 1888 г. Сендеманъ приступилъ къ распространенію своей системы на смежную съ Пишиномъ и Бори долину Зхоба (правый притокъ р. Гомула, заселенный какерами и другими авганскими племенами). Еще въ 1884 году, для наказанія населенія Бори и Зхоба за производимые въ долинѣ Талъ-Чотіали грабежи, былъ отправленъ британскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Теннера, котораго сопровождалъ Сендеманъ. Послѣ пораженія скопища въ 500 чел., населеніе обѣихъ долинъ покорилось и уплатило наложенные штрафы. Долина Бори, чрезъ которую проходитъ часть устроенной въ 1885 году военной дороги изъ Пишина въ Дере-Гази-ханъ, вошла въ составъ „Британскаго Белуджистана", долина же Зхоба оставалась не присоединенною. Послѣ поѣздки въ долину Зхоба Сендемана, мѣстные мелики заявили просьбу о принятіи ихъ народа подъ ближайшее покровительство Англіи. Просьба эта, по ходатайству Сендемана, была уважена и въ Зхобѣ учреждено британское агентство. Въ 1891 г. Сендеманъ устроилъ администрацію новаго агентства, резиденція котораго, селеніе Апозай, была переименована въ фортъ Сендеманъ. 29 января 1892 года Сендеманъ умеръ, не успѣвъ распространить свою систему на племена Везиристана, какъ надѣялись его почитатели. По мнѣнію одного изъ нихъ, Торнтона, согласно съ свѣдѣніями котораго сдѣланъ этотъ очеркъ дѣятельности Сендемана, успѣшность ея зависѣла частію отъ личныхъ качествъ Сендемана, частію отъ примѣненія имъ системы tribale service и дѣйствованія чрезъ джирги. Tribale service состояла въ широкомъ употребленіи туземцевъ, подъ начальствомъ ихъ мели-

ковъ и хановъ, за хорошее вознагражденіе, для проведенія дорогъ, охраны ихъ, содержанія порядка и пр., чѣмъ мѣстные роды заинтересовывались въ поддержаніи мира и спокойствія; обсужденіемъ же дѣлъ на джиргахъ народъ присовокуплялся къ административной дѣятельности. Сендеманъ не изобрѣлъ и не открылъ tribale service и джирги, ибо обоими уже пользовалась иногда пенджабская практика, но онъ сумѣлъ широко и искусено примѣнять ихъ, воспользовавшись мѣстными условіями; при непригодности этихъ способовъ въ другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ успѣлъ бы найти иныя средства для достиженія тѣхъ же цѣлей британской политики (I. and A. Quarterly Review, 1895, July, Sir Robert Sandeman and the Indian Frontier Policy, by Thomas H. Thornton, p.p. 136—144, и отзывъ H. N. D. Prendergast'a, p. 203).

Противники „наступательной политики" утверждаютъ, что система Сендемана не могла дать прочныхъ результатовъ ни въ Белучжистанѣ, ни въ юго-восточномъ Авганистанѣ, такъ какъ сводится къ подкупу хановъ и меликовъ или къ „дани разбойникамъ" (black-mail) и опирается въ сущности лишь на британскія войска, которыя приходится содержать, для поддержанія британской власти, въ готовности. Такъ, хотя во время войны 1878—1880 г.г. Сендеманъ, по выраженію Раверти, умостилъ дорогу отъ Инда до Кандахара рупіями (I. and A. Q. Review, 1894, April, p. 319), однако, при первой же серьезной неудачѣ англичанъ (пораженіе бригады генерала Берро при Мейвандѣ) мѣстныя племена приняли враждебное положеніе, разрушили въ нѣсколькихъ мѣстахъ едва построенную желѣзную дорогу и пресѣкли бы, пожалуй, сообщенія Кандахара съ Индіею, если бы англійское оружіе вскорѣ не одержало надъ Эюбъ-ханомъ рѣшительныхъ успѣховъ (I. and A. Q. Review, 1893, January, p. 25). Въ 1897 г., во время возстанія юзуфзіевъ, момендовъ, афридіевъ и другихъ племенъ на сѣверѣ, начинались безпорядки и на югѣ; нѣкоторыя племена белучжей возмутились и производили грабежи; нѣсколько родовъ авганскихъ племенъ ачекзіевъ и какеровъ укочевали изъ Пишина во владѣнія эмира (Major Yates въ The Scottisch Geographical Magazine, 1898, March, p. 144), и вѣроятно въ „Британскомъ Белучжистанѣ" и въ Сивистанѣ произошло бы общее возстаніе, если бы англичане на сѣверѣ потерпѣли неудачи. Введеніе британскаго управленія въ долинѣ Зхоба совершилось не такъ гладко, какъ описалъ Торнтонъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, посланный въ 1888 г. для изслѣдованія гомульскаго пути англійскій отрядъ не могъ исполнить порученія вслѣдствіе сопротивленія горцевъ. Вслѣдствіе этого въ 1889 году снаряженъ былъ значительный отрядъ со стороны Британскаго Белучжистана, въ сопровожденіи Сендемана, для занятія долины Зхоба до западной оконечности гомульскаго прохода, но

этотъ отрядъ не могъ исполнить своей задачи вслѣдствіе сопротивленія хайдерзіевъ (kidarzais). Лишь въ слѣдующемъ 1890 г. Сендеману, при помощи субсидій меликамъ Зхоба, удалось добиться ихъ согласія на учрежденіе британскаго поста въ Апозаѣ, и склонить меликовъ везирей на открытіе торговаго пути чрезъ Гомулъ за условленную ежегодную субсидію (I. and A. Quarterly Review, 1893, January, p. 18).

Одновременно съ дѣйствіемъ у юго-восточныхъ племенъ системы Сендемана, на сѣверѣ продолжала примѣняться система „закрытой границы" съ карательными экспедиціями. Такъ въ 1877 г. предпринималась экспедиція изъ Кохата противъ афридійской вѣтви джовакіевъ, которые отказывались платить 80 т. рупій убытковъ и штрафа за нападеніе на партію строительно-дорожныхъ рабочихъ и выдать четырехъ главныхъ виновныхъ; послѣ упорнаго боя и трехмѣсячнаго пребыванія въ земляхъ враждебнаго племени, отрядъ долженъ былъ уйти, получивъ лишь обѣщаніе удаленія четырехъ виновныхъ изъ среды племени (тамъ же, 1893, July, p. 39). Въ 1878 г. отрядъ Каваньяри предпринималъ походъ на отманъ-хейлей за нападеніе на проводившіе дороги рабочіе отряды. Въ 1879 г. производились экспедиціи противъ замустовъ и оракзіевъ, въ 1880, 1881 и 1882 г.г. противъ момендовъ и двухъ вѣтвей везирей. Въ 1883 г. посылался отрядъ въ земли ширaніевъ для изслѣдованій ихъ страны. Въ 1884 и 1885 г.г. ходили отряды въ земли какеровъ и везирей. Въ 1886 и 1887 г.г. посылались экспедиціи противъ шираніевъ и юсуфзіевъ Бунира (id., p.p. 39 и слѣд.).

Такъ какъ всѣ эти экспедиціи заканчивались возвращеніемъ англійскихъ войскъ за прежнюю границу, то пограничныя племена, земель которыхъ военныя дѣйствія не касались, не придавали имъ большого значенія и считали ихъ въ каждомъ случаѣ счетами англичанъ съ заинтересованными племенами, не касающимися остальныхъ племенъ. Благодаря тому же внушенному примѣнявшеюся съ 1849 года системою „закрытой границы" убѣжденію въ томъ, что Англо-Индія, при всѣхъ столкновеніяхъ съ горцами, неизмѣнно уважаетъ ихъ независимость и неприкосновенность ихъ земель, авганскія независимыя племена большею частію сохраняли нейтралитетъ во все время войны Англіи съ Авганистаномъ въ 1878 — 1880 г.г., когда ихъ непріязнь едва-ли не лишила бы англичанъ возможности движенія на Кабулъ хайберскимъ и курамскимъ путями и не измѣнила бы условія войны въ пользу эмира. Юсуфзіи отнеслись къ этой войнѣ, какъ къ дѣлу, ихъ не касающемуся. Получавшіе отъ эмира Ширъ-Али-хана субсидіи хайберскіе африди въ началѣ войны 1878 года держали сторону эмира, но когда англичане овладѣли Али-Месджидомъ и предложили болѣе значительныя субсидіи, то часть хайберцевъ приняла эти предложенія, по заключеніи же гандамакскаго трактата вошли

въ соглашенія съ англичанами и остальные хайберцы. По окончаніи войны дружественныя отношенія къ афридіямъ были упрочены въ 1881 году окончательною передачею имъ, по особому договору, охраны торговаго движенія по Хайберскому проходу. Эта охрана, считая содержаніе особыхъ отрядовъ „хайберскихъ стрѣлковъ“, набиравшихся главнымъ образомъ изъ афридіевъ же, обходилась до 1897 года англо-индійскому казначейству ежегодно до 10 т. ф. ст., изъ которыхъ афридіямъ *) доставалась львиная доля („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 41, 1890 г., стр. 50—52).

Сохранивъ, въ видѣ уступки приверженцамъ „наступательной политики“, пріобрѣтенныя по гандамакскому трактату обладаніе Пишиномъ и пр. и исключительный „контроль“ надъ независимыми племенами, англійское правительство уклонилось, однако, въ первые годы послѣ войны отъ какихъ-либо фактическихъ мѣропріятій по вступленію въ обладаніе Сулеймановыми горами между прежней и новой границами и даже по точному опредѣленію послѣдней. Оно только нѣсколько менѣе препятствовало снаряженію карательныхъ экспедицій, а также посылкѣ отрядовъ для съемокъ и изслѣдованій въ земляхъ горцевъ, въ виду предстоящихъ приспособленій Сулеймановыхъ горъ къ оборонѣ Индіи, отказывая однако въ средствахъ на осуществленіе послѣднихъ. Но завоеваніе Туркменіи, занятіе Мерва и стычка на Кушкѣ въ 1885 году возобновили въ Англіи опасенія сдѣлавшагося не неисполнимымъ нашествія на Индію и сильно склонили правительство и общественное мнѣніе въ пользу мѣропріятій, требуемыхъ приверженцами Forward Policy. Въ 1885 же году миссія Локхарта привела Читраль подъ протекцію Англіи. Въ 1887 г. возстановлено было упраздненное съ 1881 года агентство въ Гильгитѣ. Прекращенная послѣ войны постройка желѣзной дороги отъ Инда къ Кандахару была теперь возобновлена и въ сентябрѣ 1891 года прошелъ первый поѣздъ чрезъ Ходжа-Амранскій тоннель къ Новому Чаману, первой пока станціи на кандахарской сторонѣ горъ. Системѣ Сендемана данъ былъ полный ходъ и въ 1887 г. оффиціально присоединена къ Индіи новая область Британскаго Белучжистана, а въ 1890 г. долина Зхоба. Наступила пора фактическаго подчиненія лежащаго далѣе на сѣверъ Везиристана.

Занимающіе наиболѣе трудно-доступную часть Сулеймановыхъ горъ, между рѣками Гомуломъ и Курамомъ, на протяженіи около 180 верстъ по сейкской, а потомъ англо-индійской границѣ, роды везирей, по свѣдѣніямъ Раверти, составляли въ общей сложности, въ концѣ XVIII столѣтія, до 100 т. семей, нынѣ же численность ихъ должна быть больше (I. and A. Quarterly

*) Точная цифра получавшихся афридіями за охраненіе Хайберскаго прохода—89.540 рупій въ годъ (The Peshawar Border, by Captain E. G. Burrow, въ Journal of the United Service Institution of India, 1884, p. 74).

Review, 1895, January, p. 165), и хотя свѣдѣнія эти кажутся преувеличенными, однако обыкновенно принимаемая цыфра въ 45 тыс. воиновъ, могущихъ быть выставленными везиріями, едва ли далека отъ дѣйствительности. Изъ главныхъ ихъ вѣтвей месуды (mahsûds),—въ одномъ изъ трехъ отдѣловъ которыхъ Белью считаетъ 12 тыс. семей (An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, 1891, p. 120), — занимаютъ восточную часть страны, а муса или дервишъ—западную; вѣтвь дервишъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: отманзи въ 18 тыс. семей и ахмедзи въ 10 тыс. семей (Белью, p.p. 116—118). Почти всѣ везири кочевники и скотоводы; земледѣліемъ занимаются мало по недостатку удобныхъ земель, встрѣчающихся лишь по берегамъ рѣкъ небольшими участками (Раверти, p.p. 157, 158). По свѣдѣніямъ Эльфинстона (1809 г.), везири живутъ между собою въ замѣчательномъ согласіи: между родами ихъ никогда не бываетъ войнъ и ссоры очень рѣдки (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 303). По завѣренію Раверти, они и нынѣ отличаются отъ всѣхъ аргановъ своимъ родовымъ единеніемъ (I. and A. Quarterly Review, 1894, April, p. 319). Вмѣстѣ съ тѣмъ однако везири пользуются извѣстностью, какъ самые отчаянные разбойники и грабители, за нападенія на гомульскомъ торговомъ пути на повиндах'овъ. Подъ именемъ послѣднихъ извѣстны кочевники разныхъ племенъ, занимающіеся торговлею и перевозкою товаровъ. Зиму семьи этихъ повиндаховъ проводятъ между Индомъ и Сулеймановыми горами, тогда какъ взрослые ихъ мужчины отправляются съ товарами и кладями въ Индію. Возвращаются они съ пріобрѣтенными за Индомъ товарами и принятыми для доставки кладями весною и идутъ съ семьями чрезъ Сулеймановы горы на лѣтовки въ земляхъ гильджіевъ, гдѣ опять оставляютъ семьи, а сами расходятся съ товарами по владѣніямъ эмира, а также за Хиндукушъ и въ Бухару. Осенью они возвращаются къ семьямъ и отправляются къ Инду. Эти весеннія и осеннія передвиженія повиндаховъ совершаются обыкновенно по составляющему кратчайшую дорогу между Газною и Мультаномъ Гомульскому пути чрезъ земли везирей. Такъ какъ вьючный и остальной скотъ тысячъ повиндаховъ вытравляетъ до тла и безъ того скудныя пастбища мѣстнаго населенія, а сами повиндахи нерѣдко обижаютъ тѣхъ при-гольмульскихъ жителей, кто почему либо не успѣлъ убраться подальше во время движенія ихъ массъ, то становится понятнымъ, что сосѣдніе везири относятся къ повиндахамъ съ крайней враждебностью и часто производятъ на нихъ нападенія съ цѣлію грабежа. Съ своей стороны повиндахи всегда вооружены и въ готовности отражать разбойниковъ. При такихъ отношеніяхъ ни та, ни другая сторона не даетъ побѣжденнымъ пощады. Везири однако не обижаютъ ни-

когда попавшихся въ ихъ руки женщинъ и даютъ имъ возможность добраться до своихъ родовъ.

По словамъ „Стараго Пенджабца", везири оказались такимъ же бичемъ въ южной части границы, какъ афридіи въ сѣверной. Сначала всѣхъ безпокойнѣе держали себя кабулъ-хейли (изъ вѣтви отманзійской), дѣлавшіе частые набѣги на сосѣднюю съ ихъ землями долину Маранзи кохатскаго округа, почему противъ нихъ посылались три экспедиціи, а въ 1860 году принимались репрессивныя мѣры за укрытіе убійцъ одного англійскаго офицера. Противъ вторженій месудовъ „пришлось устроить цѣлый рядъ укрѣпленныхъ постовъ и организовать правильную систему патрулей. Но они десять лѣтъ (съ 1849 года) не прекращали набѣговъ". Въ 1860 году они подступили къ укрѣпленному городу Такъ или Танкъ, но гарнизонъ отразилъ нападеніе, при которомъ месуды потеряли 200 чел. убитыми. Для наказанія ихъ двинулся изъ Така въ апрѣлѣ 1860 года, съ 5 тыс. пѣхоты и 4 батареями, генералъ Невиль Чемберлэнъ. Поднявшись по р. Заму, онъ взялъ укрѣпленную позицію месудовъ въ Пулозинѣ и разсѣялъ ея защитниковъ. 1 мая являлась къ Чемберлэну депутація месудскихъ меликовъ для переговоровъ о мирѣ, но на уплату потребованной генераломъ контрибуціи въ 1400 фун. ст. и на выдачу заложниковъ не согласилась. Чрезъ два дня, преодолѣвъ продолжавшееся сопротивленіе месудовъ, англійскій отрядъ занялъ главное селеніе ихъ страны Каниграмъ, заявившее покорность (населеніе его состоитъ, по Белью, р. 62, изъ пришлаго объавганеннаго, неизвѣстнаго происхожденія, племени бараки), и выжегъ до-тла городъ или группу селеній Мекинъ, жители котораго оказали сопротивленіе. Такъ какъ сообщенія отряда съ британской территоріей были прерваны уже двѣ недѣли, то Чемберлэну пришлось затѣмъ вернуться въ Такъ по долинѣ Кайсоры, не добившись покорности месудовъ („Пенджабъ" въ „Военномъ Сборникѣ", 1879, февраль, стр. 120—123; см. также Bannû, by S. S. Thorburn, London, p. 58, гдѣ брит. потери опредѣлены въ 475 убитыхъ и раненыхъ, и статью майора Walker въ Journal of R. Geogr. Society, 1862, vol. 32, p.p. 315 и 327).

Во время войны 1878—1880 года ближайшіе къ дѣйствовавшему въ бассейнѣ Курама англійскому отряду роды везирей дѣятельно помогали мѣстнымъ племенамъ, нападали на англійскіе посты и сообщенія и т. д. Послѣ войны граница съ везиріями и отношенія къ нимъ возвратились къ прежнему положенію, въ которомъ и оставались до поворота въ наступательной политикѣ, послѣдовавшаго за доведеніемъ русской границы въ сосѣдство съ Хератомъ. Въ августѣ 1887 года управленіе Индіею нашло, что наступило время принять мѣры къ подчиненію британскому „контролю" и „къ организаціи, въ цѣляхъ защиты противъ внѣшняго нападенія, той огромной по-

лосы территоріи независимыхъ племенъ, которая лежитъ вдоль сѣверо-западной границы и которая до сихъ оставлялась грознымъ барьеромъ противъ англичанъ. Такъ какъ употребленіе силы оружія потребовало бы большихъ затратъ людьми и средствами, то предположено привести племена въ намѣченное положеніе при помощи тѣсныхъ и дружественныхъ отношеній съ британцами. Для начала систематическихъ усилій въ этомъ направленіи индійское правительство признало желательнымъ склонить племена къ открытію, подъ надзоромъ британскихъ пограничныхъ коммиссаровъ, торговыхъ путей чрезъ Гомулъ и Точи. „Набравъ для охраненія этихъ путей вольнонаемные отряды изъ мѣстныхъ горцевъ, мы привлечемъ на свою сторону заинтересованныя племена и пріучимъ къ присутствію нашихъ офицеровъ въ ихъ средѣ; и надо надѣяться, что такое начало новыхъ отношеній съ ними дастъ благопріятные для послѣдующаго результаты“ (Military operations on the Northwest Frontiers of India, London, 1898, C.—8713, vol. I, p. 9). Сообразно этому Сендеманъ и коммиссаръ Дереджата (округа Дере-Измаилъ-хана и Банну) Брюсъ (Bruce) созвали въ 1889 году въ Апозай на Зхобѣ меликовъ прилегающихъ къ гомульскому пути племенъ и вошли съ ними въ соглашеніе объ открытіи торговаго движенія и охранѣ его на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ. Въ томъ же и слѣдующихъ годахъ учреждено въ земляхъ везирей, въ ближайшихъ къ британской территоріи мѣстностяхъ гомульскаго пути, нѣсколько постовъ изъ наемныхъ горцевъ, а нѣкоторымъ меликамъ стало выдаваться жалованье *). Дальнѣйшія мѣропріятія были пріостановлены, такъ какъ выставка упомянутыхъ постовъ и офиціальное присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ въ 1890 году Зхоба вызвали протестъ эмира. Основываясь на томъ, что въ гандамакскомъ трактатѣ не упомянуто объ уступкѣ Англіи Зхоба, а равно Гомула и прочихъ земель везиріевъ, составлявшихъ издревле часть Авганистана, эмиръ заявилъ на эти земли притязанія и протестовалъ противъ включенія ихъ во владѣнія Англіи. Британское правительство отвергло притязанія эмира на томъ основаніи, что Зхобъ и Везиристанъ не признавали власти его предмѣстниковъ, но эмиръ стоялъ на своемъ и могъ сослаться на признаніе его правъ самими везирами, такъ какъ едва лишь въ январѣ 1892 года два его офицера съ сотнею всадниковъ показались на Гомулѣ, какъ населеніе, даже получавшіе уже жалованье мелики, перешло на его сторону. Раздраженіе Англіи достигло край-

*) 6 тыс. рупій на жалованье меликамъ отпускались уже съ 1881 года, но такъ какъ изъ нихъ производились вычеты штрафовъ за набѣги, то жалованье часто совсѣмъ не доходило до меликовъ. Въ 1888 г. везири не допустили въ свою страну посланную для съемокъ партію и отпускъ жалованья меликамъ совсѣмъ прекращенъ („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, 1890 г., вып. 41, стр. 43).

ней степени и „Times“ 2 ноября 1892 года угрожалъ прекращеніемъ существованія Авганистана, какъ государства. Но правительство сохранило хладнокровіе и эмиръ по договору Дюранда въ ноябрѣ 1893 года отказался отъ своихъ притязаній, принялъ границу, оставлявшую въ его владѣніяхъ Хостъ и Пермуль (верховья р. Точи), и устранился отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла везирей и другихъ пограничныхъ племенъ, предоставленныхъ „контролю“ Англіи.

Въ началѣ 1894 года, въ виду предстоявшаго проведенія въ натурѣ границы владѣній эмира съ независимыми племенами, согласно договора Дюранда, коммиссіонеръ Брюсъ высказалъ свое мнѣніе относительно дальнѣйшихъ отношеній къ везиріамъ, настаивая на примѣненіи въ Везиристанѣ системы Сендемана. Сообразно съ этимъ Брюсъ находилъ необходимымъ, вмѣсто отпуска 17 тыс. рупій на жалованье меликамъ и содержаніе стражниковъ для охраненія гомульскаго пути, назначить впредь къ ежегодному отпуску до 100 тыс. рупій на всѣ племена, чтобы распространить британское вліянія и спокойствіе на весь Везиристанъ, открывъ кромѣ гомульской дорогу по долинѣ Точи и соединивъ обѣ поперечнымъ сообщеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Брюсъ признавалъ необходимымъ, для утвержденія въ странѣ между Точи и Гомуломъ прочнаго спокойствія, помѣстить въ ея предѣлахъ постоянный отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты, полка кавалеріи и одной горной батареи (id., p.p. 7—13). Излагая свое заключеніе относительно представленія Брюса, пенджабскій губернаторъ замѣтилъ, что рекомендуемая коммиссіонеромъ система не примѣнима къ племенамъ везирей, имѣющимъ строго демократическое устройство, такъ какъ мелики ихъ не имѣютъ почти никакой власти; недовѣрчиво также отнесся губернаторъ къ увѣреніямъ Брюса объ общемъ желаніи племенъ подчиняться англійской власти и видѣть въ своей странѣ постоянный британскій отрядъ, поддерживающій спокойствіе, замѣтивъ, что мелики ахмедзіевъ Вано, заявленіе которыхъ доставлено Брюсомъ, получая отъ Англіи жалованье, лишились его за переходъ на сторону эмира, а потому, для возврата потеряннаго, они готовы сдѣлать какія угодно заявленія (тамъ же, p.p. 13—23). При обсужденіи дѣла въ совѣтѣ генералъ-губернатора Индіи возникло разногласіе. Вице-король лордъ Эльджинъ, главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (White) и два члена совѣта находили, что для прекращенія все болѣе и болѣе увеличивающихся набѣговъ и грабежей въ Дераджатѣ и особенно въ Зхобѣ и на гомульскомъ пути необходимо усилить англійское вліяніе и средства воздѣйствія въ Везиристанѣ, а потому полагали разрѣшить отпускъ 100 тыс. рупій и выставить отрядъ намѣченной силы, поручивъ переговоры съ меликами и выборъ мѣстъ стоянки войскъ коммиссару, имѣющему проводить предстоявшей осенью границу съ владѣніями эмира

(id., p.p. 1—6). Остальные три члена совѣта опасались, что проектируемыя большинствомъ мѣры повлекутъ за собою подчиненіе англійскому управленію племенъ везирей, присоединеніе къ британскимъ владѣніямъ ихъ земель, перенесеніе существующей британской границы на новую границу владѣній эмира съ доселѣ независимыми племенами, вызовутъ возстанія племенъ и огромныя затрудненія и расходы; съ своей стороны три члена совѣта полагали правильнымъ держаться прежней политики,—обсуждавшейся и одобренной лондонскимъ кабинетомъ въ 1893 году и основанной на признаніи независимости племенъ и невмѣшательствѣ въ ихъ дѣла,—ограничившись усиленіемъ обереженія гомульскаго пути (p.p. 25—30). Статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи тогдашняго либеральнаго министерства Фоулеръ разрѣшилъ 24 августа 1894 года исполненіе предположеній большинства (p.p. 31).

Въ сентябрѣ того же года получены были свѣдѣнія, что три месудскихъ мелика, участвовавшіе въ выдачѣ британскимъ властямъ нѣсколькихъ своихъ соплеменниковъ, обвиняемыхъ въ убійствахъ англичанина Келли и одного сипая, въ отомщеніе за ихъ поступокъ убиты родственниками выданныхъ. Пенджабскій губернаторъ ходатайствовалъ о посылкѣ карательной экспедиціи для наказанія виновныхъ въ убійствѣ трехъ меликовъ, но совѣтъ генералъ-губернатора отклонилъ ее, чтобы не испортить отношеній къ горцамъ въ виду предстоящаго проведенія границы съ Афганистаномъ и мѣропріятій по выставленію въ Везиристанѣ постояннаго отряда. Заблаговременно предупредивъ везирей о предполагаемомъ проведеніи границы и посылкѣ для этого уполномоченнаго съ конвоемъ, Брюсъ, назначенный такимъ уполномоченнымъ, прибылъ, въ сопровожденіи значительнаго отряда въ постъ Каджури-качъ и на другой день, 19 октября, объявилъ собравшимся меликамъ, что идетъ для проведенія въ натурѣ границы съ владѣніями эмира, что затѣмъ набѣги за эту границу воспрещаются и обиженные подданными эмира должны обращаться къ британскимъ властямъ, и что въ Вано или другомъ пунктѣ будетъ выставленъ постоянный британскій отрядъ. Мелики дали подписку о полномъ согласіи на объявленныя имъ распоряженія правительства. 25 октября Брюсъ прибылъ съ отрядомъ въ Вано. Положеніе везирей продолжало казаться дружественнымъ, но 28 октября получены были извѣстія о сборѣ Повинда-муллою до тысячи человѣкъ изъ родовичей горцевъ, выданныхъ меликами по обвиненію въ убійствѣ Келли и сипая. Мулла отрицалъ враждебныя намѣренія, но требовалъ освобожденія выданныхъ горцевъ. Собирались послать противъ него летучую колонну, но вечеромъ 3 ноября отъ 1200 до 2000 месудіевъ, преимущественно изъ Мекина, подобравшись незамѣтно, вслѣдствіе условій мѣстности и темноты, напали на британскій лагерь у Вано. Хотя часть нападающихъ ворвалась въ лагерь, но нападеніе было

отражено и горцы вынуждены были спасаться бѣгствомъ, преслѣдуемые кавалеріею и артиллеріею. Однако потери англичанъ были немаловажны: убито 3 офицера, въ томъ числѣ одинъ англичанинъ, и 18 солдатъ изъ туземцевъ, ранено 6 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ; сверхъ того убито 23 человѣка и ранено 20 ч. нестроевыхъ. Пока на границѣ сосредоточивались и снаряжались предназначавшіяся противъ месудіевъ подъ начальствомъ генерала Локхарта войска, Брюсъ 18 ноября объявилъ обращавшимся къ нему за примиреніемъ меликамъ, что правительство даруетъ месудіямъ миръ, если къ назначенному сроку они возвратятъ захваченныя при нападеніи 3 ноября 3 т. рупій денегъ, 36 ружей и 15 лошадей, выдадутъ нѣкоторыхъ вожаковъ и удалятъ на время изъ своей страны Повинда-муллу. Хотя многіе мелики надѣялись склонить народъ къ выполненію поставленныхъ условій и Повинда-мулла распустилъ свое сборище, но противники примиренія одержали верхъ и къ послѣдне назначенному на 12 декабря сроку требованія англичанъ не были выполнены. 17 и 18 декабря войска генерала Локхарта, въ общей сложности около 9.500 ч. съ 18 орудіями, выступили въ страну месудіевъ тремя колоннами почти одинаковой силы изъ Банну, Джандолы и Вано. Вторгнувшіяся такимъ образомъ съ трехъ сторонъ войска прошли земли месудіевъ по разнымъ направленіямъ, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, проникли въ наименѣе доступныя мѣстности, захватили множество рогатаго скота, барановъ и козъ и разрушили башни и укрѣпленія селеній. 21 января 1895 года Локхартъ объявилъ меликамъ месудіевъ, что сверхъ выполненія ранѣе поставленныхъ требованій налагается на мехсудіевъ штрафъ въ размѣрѣ 50 заряжающихся съ казенной части ружей, 200 обыкновенныхъ горскихъ ружей и 200 сабель или кинжаловъ; крайнимъ срокомъ для окончанія выполненія требованій и штрафа было назначено 1 марта. Но уже въ концѣ января, въ виду предупрежденія, что войска не будутъ выведены изъ земель месудіевъ до выполненія всѣхъ требованій, выяснилось, что месудія исполнятъ ихъ до наступленія срока, такъ какъ уже доставили большую часть заложниковъ, Повинда-мулла бѣжалъ изъ предѣловъ Везиристана и т. д., такъ что Локхартъ предполагалъ въ февралѣ вывести войска изъ земель месудовъ (p.p. 31—41).

Вслѣдствіе неожиданныхъ столкновеній съ месудіями предстоявшее въ началѣ ноября проведеніе границы не состоялось, но такъ какъ остальныя племена остались спокойными, то въ январѣ 1895 года признано было возможнымъ и съ 28 числа этого мѣсяца выполнено проведеніе въ натурѣ границы отъ Доманди на Гомулѣ къ сѣверу до пункта Ходжа-Хайдеръ. Дальнѣйшее проведеніе границы въ раіонѣ долины Точи было отложено до весны. 25 февраля генералъ Локхартъ съ частью войскъ, оставляющихъ

земли месудовъ, и съ войсками изъ Банну, всего съ 6 полками пѣхоты и одной горной батареей, двинулся вверхъ по долинѣ притока Курама рѣки Точи для прикрытія работъ по окончанію проведенія границы Везиристана съ Авганистаномъ, которое и было выполнено въ мартѣ и началѣ апрѣля. Часть средняго теченія Точи именуется Даверомъ и подобно сосѣднимъ Хосту и Пермулю заселена объавганенными таджиками и индійцами, усердно занимающимися земледѣліемъ и склонными къ мирной жизни. Еще во время нахожденія въ Точи силъ Локхарта, который, послѣ окончанія разграниченія, съ большею частію ихъ удалился, производившій разграниченіе комиссаръ Андерсонъ заручился 6 апрѣля письменнымъ заявленіемъ 394 меликовъ даверцевъ и 142 меликовъ везирей вѣтвей дервишей, обитающихъ въ долинѣ Точи и смежныхъ земляхъ, о желаніи ихъ находиться подъ британскимъ управленіемъ, съ тѣмъ, чтобы они почтены были жалованьемъ и службой, чтобы мѣстные обычаи и права были сохраняемы, чтобы дѣла были рѣшаемы по магометанскому закону на джиргахъ, когда возможно, и т. д. (р. 46). Сообразно этому въ Точи назначено было расположеніе главнаго постояннаго британскаго отряда Везиристана изъ двухъ батальоновъ съ горною батареею и эскадрономъ кавалеріи, второстепенный же отрядъ изъ батальона пѣхоты съ 4 орудіями и эскадрономъ помѣщенъ въ Вано. Отъ стоянки главнаго отряда въ Датта-хелѣ недалеко авганская граница и лишь около 150 в. до Газны, тогда какъ на востокъ пролегаетъ хорошая дорога въ Банну, на югъ находится дорога въ Вано, и съ Точи имѣются легкіе доступы въ земли месудіевъ.

Еще войска Локхарта находились въ Везиристанѣ, какъ безпорядки въ Читралѣ и осада тамошняго резидента Робертсона съ его небольшимъ отрядомъ туземцами вынудили Англо-Индію направить на выручку Робертсона дивизію генерала Лоу чрезъ земли юсуфзіевъ Свата и Пенджкоры. Чтобы отвратить вооруженное сопротивленіе юсуфзіевъ, Лоу объявилъ, что по окончаніи операцій въ Читралѣ британскія войска очистятъ земли горцевъ. Однако войскамъ его привелось пролагать себѣ путь оружіемъ. 3 апрѣля Лоу овладѣлъ, послѣ пятичасового боя, малакандскимъ проходомъ между долинами пишаверской и сватской, но сопротивленіе юсуфзіевъ и затрудненія въ переправахъ чрезъ рѣки Сватъ и Пенджкору на столько задержали движеніе Лоу, что лишь 22 апрѣля передовой его отрядъ достигъ дружественнаго Дира. Между тѣмъ Робертсонъ въ Читралѣ уже 20 апрѣля освободился отъ осады. Выводя по окончаніи похода свои войска изъ земель юсуфзіевъ, англичане признали необходимымъ имѣть обезпеченное сообщеніе между Пишаверомъ и Читраломъ и выставили постоянные отряды въ малакандскомъ

проходѣ и въ Чакдере, у моста чрезъ р. Сватъ, возведя въ этихъ пунктахъ укрѣпленія и связавъ ихъ съ Диромъ постами изъ наемныхъ горцевъ.

Кромѣ мѣропріятій наступательной политики въ земляхъ везиріевъ и юсуфзіевъ немаловажное значеніе для возбужденія независимыхъ племенъ противъ Англіи имѣло возведеніе укрѣпленій въ хребтѣ Самана, принадлежащемъ оракзіямъ. Хребетъ этотъ лежитъ на сѣверной сторонѣ долины Миранзай кохатскаго вѣдомства. Въ январѣ 1891 года въ Миранзайскую долину посланъ былъ британскій военный отрядъ для понужденія къ платежу штрафовъ за набѣги въ британской территоріи. Не встрѣтивъ вооруженнаго сопротивленія, отрядъ этотъ 24 февраля возвратился, оставивъ прикрытія при начатыхъ въ трехъ пунктахъ хребта Самана постройкахъ фортовъ съ цѣлью прекращенія набѣговъ оракзіевъ. Заявивъ оставленный безъ удовлетворенія протестъ противъ возведенія укрѣпленій на своихъ земляхъ, оракзіи напали на одно изъ прикрытій, которое потеряло 14 человѣкъ убитыми и 7 ранеными; прикрытія при другихъ двухъ фортахъ также были прогнаны и работы прекращены. 10 апрѣля горцы нападали на собиравшійся противъ нихъ отрядъ, но были отражены, потерявъ до 60 ч. убитыми и ранеными. 17 апрѣля англійскія войска, въ составѣ 17 батальоновъ, 15 орудій и 7 эскадроновъ, приступили къ овладѣнію хребтомъ Самана. Оракзіи оказали значительное сопротивленіе, но были побѣждены. Военныя дѣйствія закончились 15 мая, потери же англичанъ за все время ихъ составили до 110 ч. убитыми и ранеными. Три форта были окончены и заняты британскими гарнизонами („Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 191—196, и вып. 54, 1893 г., стр. 197 и 198).

3) *Возстанія пограничныхъ племенъ въ 1897 году.*

Хотя англо-индійское правительство не переставало объявлять, что признаетъ независимость пограничныхъ племенъ и не намѣрено ни вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управленіе и отношенія между собою, ни покушаться на присвоеніе ихъ земель, но выставленіе постоянныхъ отрядовъ въ Везиристанѣ, возведеніе укрѣпленій въ земляхъ оракзіевъ въ хребтѣ Самана, устройство укрѣпленій въ малакандскомъ проходѣ и въ Чакдере въ земляхъ юсуфзіевъ убѣдило не только непосредственно заинтересованныя племена, но и всѣ сосѣднія, что Англія стремится постепенно подчинить независимыя племена и овладѣть ихъ землями. Неуспѣшность сопротивленія месудіевъ, оставленныхъ безъ помощи дервишами, оракзіевъ, которымъ зашевелившіеся было афридіи не дали всетаки поддержки, наконецъ юзуфзіевъ средняго Свата, которые были предоставлены остальными соплеменниками почти однимъ ихъ собствен-

нымъ силамъ, указывала конечно необходимость общаго дружнаго дѣйствія противъ сильнаго врага, но вѣковыя разрозненность, соперничество и враждебность не только между племенами, но и между ихъ вѣтвями, не могутъ еще долго не препятствовать политическому объединенію пограничныхъ племенъ въ борьбѣ противъ Англо-Индіи, ибо и при общемъ сознаніи необходимости политическаго единенія практическія трудности единства дѣйствій безчисленнаго множества независимыхъ демократическо-родовыхъ общинъ очень велики. Однако общая опасность, угрожающая независимости пограничныхъ племенъ, разбудила въ нихъ столь недавно еще дремавшее чувство національности и, вслѣдствіе единства ихъ религіи и иновѣрія врага, возбудила религіозный фанатизмъ, такъ какъ у національностей, не имѣющихъ политической самостоятельности или находящихся въ опасности потерять ее, чуждая поработителямъ религія всегда дѣлается знаменемъ и орудіемъ борьбы за народную самобытность. При возбужденіи религіознаго фанатизма неизбѣжно возвышеніе политическаго вліянія духовенства. Чуждое и по духу ислама, и по не авганскому большею частію своему происхожденію, племенныхъ и родовыхъ распрей духовенство пограничныхъ племенъ оказалось могучею силою для объединенія племенныхъ вѣтвей и даже сосѣднихъ племенъ съ цѣлію борьбы съ англичанами. Эти возстанія пограничныхъ племенъ, происшедшія въ 1897 году, мы опишемъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ разныхъ группахъ племенъ *).

*) Источники будутъ указываемы съ своихъ мѣстахъ. Главнѣйшимъ служила изданная англійскимъ правительствомъ въ январѣ 1898 года «Синяя книга» Military operations on the North-west Frontiers of India (Papers regarding British relations with the neighbouring Tribes on the North-west Frontier of India, and the military operations undertaken against them during the year 1897—1898. Presented toboth Houses of Parliament by Command of Her Majesty, London, 1898, два тома). Возстаніямъ 1867 года посвящены двѣ статьи, помѣщенныя въ «Военномъ Сборникѣ», именно въ августовской книжкѣ 1898 года, г. Г. В., «Очеркъ Тирахской экспедиціи генерала Локгарта въ 1897 году», стр. 342—384, и въ пяти книжкахъ 1899 года съ января по май, всего около 120 страницъ, г. М. Грулева, «Очеркъ возстаній на сѣверо-западной границѣ Индіи въ 1897 году». Первый изъ этихъ очерковъ даетъ краткое, достаточно обстоятельное, почти исключительно съ спеціально-военной стороны, описаніе экспедиціи Локхарта, на основаніи умѣло собранныхъ и соображенныхъ газетныхъ и телеграфныхъ извѣстій, причемъ основою служили, повидимому, офиціальныя свѣдѣнія. Въ очеркѣ г. Грулева «фактическая сторона событій, въ виду отсутствія другихъ источниковъ, изложена по англійскимъ газетамъ» (январская книжка 1899 г., стр. 183). Такъ какъ почти за годъ до появленія статьи г. Грулева издана вышеуказанная «Синяя книга» и за полгода и болѣе вышли въ свѣтъ книги полковника Хетчинсона, корреспондента агентства Рейтера Ліонеля Джемса, Спенсера Черчилля и пр., а также много статей въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ, принадлежащихъ людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ, большею частію участникамъ экспедицій, то исключительное пользованіе «англійскими газетами» отнюдь не вызывалось необходимостію и весьма неблагопріятно отразилось на качествѣ труда г. Грулева, особенно на исторической, этнической и политической его сторонахъ, потому что газетные корреспонденты обыкновенно не обладаютъ по этимъ предметамъ ни нужными свѣдѣніями, ни компетентностью, на которую естественно и не претендуютъ.

а) Столкновенія въ Везиристанѣ.

Въ депешѣ статсъ-секретарю 1 января 1896 года индійское правительство констатировало, что раздача жалованья (меликамъ) у дервишей и даверцевъ вызвала общее удовольствіе (M. o.,' vol. 1, p. 50); имъ досталась львиная доля вышеупомянутыхъ 100 т. рупій. Однако это самое жалованье уже въ февралѣ дало поводъ къ раздорамъ въ одной изъ вѣтвей дервишъ-визирей. Эта вѣтвь, по имени мадда, могла выставлять 1600 воиновъ и занимала самую верхнюю часть долины Точи отъ сел. Ширанни до афганской границы. Вліятельнѣйшимъ въ ней меликомъ состоялъ, по своему происхожденію, родству и личнымъ качествамъ, нѣкто Садда-ханъ. 9 февраля 1896 года въ Ширанни произошло сборище до 100 мадда-хелей, по поводу недовольства нѣсколькихъ младшихъ меликовъ на невыдачу на ихъ долю жалованья, хотя Садда-ханъ получилъ 23 оклада пѣшихъ стражниковъ для удовлетворенія, между прочимъ, младшихъ меликовъ, не получившихъ офицерскихъ окладовъ. Разгорячившись при спорахъ по этому поводу, нѣкоторые участники сходки угрожали выгнать изъ временнаго стражническаго поста въ Ширанни его мунши (писаря), а также дѣлали угрозы стражникамъ. 14 февраля принимавшіе участіе въ сходкѣ отправились въ другую вѣтвь мадда-хелей, желая привлечь ее на свою сторону по поводу жалованья меликовъ, но произошла ссора и одинъ человѣкъ былъ убитъ, послѣ чего сходка разошлась. Садда-ханъ 9 и 14 февраля, когда происходили упомянутыя сборища, былъ въ отлучкѣ въ сел. Миранъ-шахъ, гдѣ первоначально стоялъ отрядъ и пребывалъ политическій агентъ. 16 марта, по случаю мусульманскаго праздника, происходило по обычаю большое собраніе мадда. На немъ недовольные и нѣкоторые муллы обвиняли меликовъ, что именно они, по своимъ видамъ, призвали въ страну англійскія войска. Садда-ханъ и другіе мелики, отвергая это, приняли присягу въ томъ, что британскихъ войскъ не приглашали. По полученіи обо всемъ этомъ свѣдѣній, политическій агентъ Андерсонъ далъ знать меликамъ, что правительство возлагаетъ отвѣтственность за происходящія смуты лично на нихъ. Послѣ этого, по уговору съ другими меликами, Садда-ханъ взялъ на себя удовлетворить обойденныхъ меликовъ изъ полученныхъ имъ окладовъ и недовольство ихъ прекратилось. Политическіе агенты объяснили изложенныя смуты возбужденіемъ ихъ Садда-ханомъ и другими старшими меликами съ цѣлію побудить правительство увеличить сумму назначенныхъ мадда-хелямъ выдачъ. Главныя основанія этого мнѣнія: Садда-ханъ приписывалъ волненія сначала тому, что народъ недоволенъ назначеніемъ жалованья ахмедзіямъ, не имѣющимъ земель въ долинѣ

Точи, что къ смутамъ подстрекалъ одинъ авганскій служащій, наконецъ тому, что рѣшеніе правительства не брать въ свои руки полнаго обладанія и управленія страною везиріевъ возбудило чувство независимости и побудило народъ возставать противъ подчиненія своимъ меликамъ; въ виду этого мелики настаивали, чтобы въ земли мадда-хелей были двинуты англійскія войска, на которыя они могли бы опираться для возстановленія своей власти надъ народомъ; когда же мелики увидѣли, что желаемаго увеличенія жалованья не послѣдуетъ, и что агентъ признаетъ смуты результатомъ интригъ ихъ самихъ, то Садда-ханъ удовлетворилъ обойденныхъ меликовъ и сталъ утверждать, что смуты не имѣютъ никакого значенія и что онъ въ силахъ самъ прекратить агитацію. Сообразно этому англо-индійскія власти оштрафовали меликовъ мадда на 1 т. рупій, а главный отрядъ перемѣстили изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, находящійся отъ Ширанни лишь въ 2 миляхъ. Упомянутый штрафъ мелики уплатили (Mil. oper., v. I, pp. 167—177). Мнѣ кажется, что ни приведенные факты, ни опущенныя мною подробности (см. указанныя страницы Синей книги), не подтверждаютъ мнѣнія мѣстныхъ англійскихъ властей. Сборища 9 и 14 февраля произошли во время отлучки Садда-хана и несомнѣнно имѣли своею причиною невыдачу нѣкоторымъ младшимъ меликамъ доли жалованья и окладовъ, данныхъ англичанами мадда-хелямъ и подлежащихъ по обычаямъ раздѣлу между всѣми частями общины и представляющими ихъ меликами, какъ всякая добыча и иной доходъ родовой общины. На сборищѣ 16 марта выразились уже не претензіи обойденныхъ меликовъ, а общее неудовольствіе и раздраженіе племени на присвоеніе англичанами власти надъ нимъ, и подозрѣнія противъ меликовъ въ томъ, что именно они, изъ корысти и для порабощенія народа, призвали англичанъ и ихъ войска. Правильность такого взгляда доказывается тѣмъ, что послѣ удовлетворенія обойденныхъ жалованьемъ меликовъ и послѣ принятія меликами очистительной присяги, убѣдившей народъ, что во всякомъ случаѣ англійскія войска заняли страну не по ихъ призыву, смуты у мадда-хелей прекратились и спокойствіе въ ихъ странѣ болѣе года ни чѣмъ не нарушалось, если не считать такимъ нарушеніемъ убійство Хонда Рама, одного изъ чиновъ туземнаго поста, совершеннаго мѣстнымъ жителемъ, по оставшимися невыясненными причинамъ. Убійство это получило политическія послѣдствія лишь потому, что убійца бѣжалъ за авганскую границу и правительство 7 сентября 1896 г. рѣшило не требовать отъ эмира его выдачи, но взыскать съ мадда-хелей штрафъ въ 2 т. р. (p. 77), впослѣдствіи въ маѣ 1897 г. уменьшенный до 900 рупій (pp. 78 и 136).

Въ Ширанни, какъ уже упомянуто, находился постъ изъ туземцевъ для охраненія дороги въ Газну и пресѣченія набѣговъ и грабежей. По перенесе-

нiи стоянки главнаго отряда изъ Миранъ-шаха въ Датта-хель, постъ этотъ, очутившiйся отъ отряда лишь въ двухъ миляхъ, рѣшено было еще въ 1896 г. перенести за Майзаръ, группу деревень и домовъ мадда-хелей, въ девяти миляхъ отъ Ширанни. Въ 1897 году предстояло построить помѣщенiе для поста на новомъ мѣстѣ, а потому, пригласивъ съ собою для совѣта при выборѣ мѣста для поста командующаго отрядомъ въ Датта-хелѣ полковника Бенней, политическiй агентъ Джи (Gee) 10 iюня 1897 года отправился изъ Датта-холя въ Майзаръ, въ сопровожденiи конвоя изъ 300 ч. пѣхоты, двухъ орудiй и 12 ч. кавалерiи. По прибытии въ Майзаръ, Джи оставилъ здѣсь пѣхоту и орудiя, а самъ съ 2 офицерами и кавалерiею отправился осмотрѣть мѣстность до селенiя Дотоя. По возвращенiи, около полудня, офицеры и конвой позавтракали. Мѣстные жители дружественно разговаривали съ солдатами конвоя изъ авганъ. Такъ какъ Джи предполагалъ окончить здѣсь раскладку и взысканiе упомянутаго штрафа съ мадда-хелей въ 900 рупiй за убiйство и для того были собраны мелики, то онъ освѣдомился: пришли ли къ соглашенiю о раскладкѣ. Около 2 ч. офицеры находились, по окончанiи завтрака, въ тѣни деревьевъ на возвышенiи и Джи собирался отправиться для избранiя мѣста для постройки помѣщенiй поста, какъ раздалось два выстрѣла на воздухъ, населенiе отхлынуло и начало стрѣльбу по офицерамъ и конвою. Конвой сталъ отстрѣливаться и орудiя открыли огонь. Въ пять минутъ орудiя израсходовали весь имѣвшiйся запасъ снарядовъ и полковникъ Бенней, уже смертельно раненый, приказалъ конвою отступать. Это отступленiе было весьма затруднительно для обремененнаго ранеными конвоя, особенно въ началѣ, до пункта Котелъ, до котораго дорога лежала между возвышенностями и была обстрѣливаема стекавшимся изъ окрестностей населенiемъ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь отрядъ понесъ наибольшую потерю. Дальнѣйшее отступленiе продолжалось чрезъ шесть небольшихъ горныхъ отроговъ. Достигнувъ послѣдняго отрога, за которымъ начиналась уже равнина, отрядъ остановился въ ожиданiи помощи изъ Датта-хеля. На разстоянiе въ двѣ мили (3 версты) отъ Майзара до послѣдняго отрога потребовалось болѣе трехъ часовъ времени, потому что отрядъ остановился въ 5 ч. 30 м. Подкрѣпленiе изъ Датта-хеля подоспѣло къ 6 ч. 15 м., при чемъ оно прошло разстоянiе въ 9 миль въ полтора часа. Къ этому времени число горцевъ достигло до 1 т. ч., но отрядъ могъ двигаться безъ затрудненiй до Датта-хеля, въ который арьергардъ его прибылъ въ 12 ч. 30 м. по полуночи. Изъ пяти офицеровъ отряда одинъ былъ убитъ, двое ранены смертельно и умерли во время отступленiя, двое ранены; раненый также врачъ отряда впослѣдствiи умеръ отъ своей раны. Сверхъ того раненъ одинъ туземный офицеръ, убито 22 и ранено 30 нижнихъ чиновъ. Потеря мадда оцѣнялась болѣе 100 убитыхъ,

кромѣ раненыхъ. Политическій агентъ Джи, въ своихъ телеграммахъ и донесеніяхъ, признавалъ ничѣмъ невызванное и совершенно неожиданное нападеніе 10 іюня произведеннымъ по предварительному соглашенію мѣстныхъ фанатиковъ, съ участіемъ или съ вѣдома меликовъ, возлагалъ главную отвѣтственность на вліятельнѣйшаго изъ меликовъ Садда-хана и требовалъ присылки войскъ для примѣрнаго наказанія мадда-хелей (M. o., vol. 1, pp. 77, 84, 93—100).

Въ англійскихъ войскахъ долины Точи 10 іюня 1897 года состояло 1476 ружей и 120 сабель, 4 орудія и 4 пулемёта Максима. Снаряженный для наказанія мадда-хелей подъ начальствомъ генерала Берда (Bird) дѣйствующій отрядъ сформированъ былъ изъ шести туземныхъ полковъ, двухъ англійскихъ батальоновъ, 10 орудій и проч., всего болѣе 6 тыс. чел. Такой значительный составъ отряда Берда можетъ быть объясненъ правильно лишь чрезмѣрнымъ опасеніемъ возможности возстанія другихъ вѣтвей везирей кромѣ мадда, хотя индійское правительство признавало возстаніе наиболѣе опасныхъ изъ нихъ, мехсудовъ, мало вѣроятнымъ (p. 79): въ нападеніи на отрядъ Джи принимала участіе лишь часть мадда, отдѣленіе же ихъ казха поспѣшило заявить, что оно дѣлу не причастно; компрометированныя вѣтви чувствовали себя не въ состояніи противостоять англійскому отряду изъ Датта-хеля и уже въ ночь 10 іюня одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ ихъ меликовъ спѣшилъ убраться съ своими пожитками за недалекую границу, и конечно многіе его общинники сдѣлали тоже (p. 98); по имѣвшимся еще въ іюнѣ свѣдѣніямъ индійскаго правительства, Повинда-мулла, „единственный человѣкъ, который могъ бы соединить разрозненныя вѣтви везиріевъ“ противъ англичанъ (p. 57), не имѣлъ прикосновенности къ нападенію 10 іюня и едва-ли о замыслѣ его зналъ, когда же мадда, послѣ нападенія, просили его помощи, то онъ обратился къ одному состоящему на британской службѣ въ Вано офицеру изъ мусульманъ съ предложеніемъ своихъ услугъ для заключенія мира съ мадда, но отвѣта не получилъ; вѣроятно онъ попытается,—думали англійскія мѣстныя власти,—поднять племена, но всѣ донесенія сходились въ мнѣніи о невѣроятности, чтобы отрядъ Берда встрѣтилъ какое-либо сопротивленіе (p. 80). Такъ дѣйствительно и вышло.

Вступивъ 8 іюля съ своимъ отрядомъ въ долину Точи, Бердъ изданною 13 іюля прокламаціею объявилъ, что идетъ къ Майзару для разрушенія укрѣпленныхъ зданій въ Майзарѣ и Ширанни и останется тамъ или въ окрестностяхъ, пока виновные въ нападеніи 10 іюня не исполнятъ требованій правительства, которыя будутъ въ свое время объявлены (p. 79). 20 іюля отрядъ Берда достигъ Ширанни и Майзара, которые оказались оставленными всѣми жителями. 4 августа окончено было разрушеніе построекъ въ Ширанни

и Майзарѣ (p. 111). 17 августа Бердъ объявилъ слѣдующія условія дарованія прощенія мадда-хелямъ: выдача Садда-хана и 17 меликовъ, подозрѣваемыхъ въ качествѣ главныхъ виновныхъ нападенія 10 іюня; возвращеніе всего захваченнаго при нападеніи или уплата его стоимости; уплата штрафа въ 900 рупій за убійство Хонда Рама и уплата деньгами или рабочими для правительственныхъ построекъ штрафа въ 10 тыс. рупій, налагаемаго на мадда за нападеніе 10 іюня (p. 103). Отъ мадда-хельскаго отдѣленія казха, не принимавшаго въ массѣ участія въ нападеніи, Бердъ потребовалъ выдачи двухъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ этомъ участіи, когда же казха выдачи не произвели до назначеннаго къ 26 сентября срока, то ихъ укрѣпленныя жилища были разрушены и неубранныя жатвы уничтожены (p. 115). Продолжая находиться за авганской границей, мадда-хели не переставали извѣщать о своемъ желаніи получить прощеніе, но согласія на выполненіе условій прощенія не изъявляли. Садда-ханъ настоятельно увѣрялъ въ своей преданности правительству и невиновности, но отъ явки къ англійскимъ властямъ уклонялся. Тщательно провѣривъ съ своей стороны обстоятельства нападенія 10 іюня и степень участія въ немъ разныхъ лицъ, генералъ Бердъ пришелъ къ заключенію, что это нападеніе не было послѣдствіемъ какого-либо предварительнаго заговора или замысла и что въ частности нѣтъ никакихъ основаній обвинять Садда-хана и главныхъ меликовъ въ какомъ-либо коварствѣ или предательствѣ (p.p. 137, 139). Поэтому и полагая, что мадда-хели не въ состояніи арестовать и выдать своихъ меликовъ, если бы и желали, тѣмъ болѣе при нахожденіи всѣхъ ихъ на авганской территоріи, Бердъ призналъ возможнымъ обнадежить Садда-хана, что въ случаѣ добровольной явки онъ не будетъ ни лишенъ жизни, ни подвергнутъ ссылкѣ. 23 октября правительство дало на это разрѣшеніе (p. 145), Послѣ этого, въ виду бѣдствій, которымъ подвергались мадда-хели, лишенные домовъ и жатвъ, на авганской територіи и которыя должны были особенно увеличиться съ наступленіемъ зимы, а также опасаясь, что англійское правительство окончательно отниметъ, при дальнѣйшей непокорности, у мадда-хелей ихъ земли, Садда-ханъ, не уступая увѣщаніямъ даже женщинъ и дѣтей всѣхъ деревень, встрѣчавшихся на пути, не отдаваться въ руки англичанъ, явился 31 октября къ генералу Берду. Тоже сдѣлали за нимъ и остальные мелики. 14 ноября Бердъ принялъ отъ общей джирги мадда-хелей заявленіе покорности и согласіе на всѣ поставленныя условія, исполненіе котораго они обезпечили заложниками (p. 146).

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣлахъ въ Везиристанѣ я не имѣю, но по газетнымъ извѣстіямъ весь 1898 годъ прошелъ тамъ спокойно, хотя, конечно, не безъ обычныхъ въ земляхъ горцевъ и на границахъ мелкихъ набѣговъ и грабежей. Между прочимъ въ декабрѣ того года газеты упо-

минали о заявленныхъ эмиромъ жалобахъ на грабежи и набѣги везирей на авганской территоріи.

Во все время нахожденія отряда Берда въ сѣверномъ Везиристанѣ онъ не встрѣтилъ серьознаго сопротивленія. Были конечно угоны вьючныхъ верблюдовъ, нападенія на транспорты и отдѣльныхъ солдатъ одиночныхъ горцевъ или небольшихъ шаекъ и тому под., но все это обычно и въ мирное время. Наибольшее кровопролитіе произвели за все время это не горцы, а сейки британской пѣхоты и кавалеріи, принявъ 7 іюля 40 стражниковъ одного поста изъ состоявшихъ на британской службѣ везирей за непріятеля и открывъ по нимъ огонь: правительство выдало семействамъ двухъ убитыхъ и 14 раненымъ везиріямъ вознагражденіе изъ казны (р. 105).

Англо-индійскія власти сначала приписывали нападеніе 10 іюня взрыву мусульманскаго фанатизма (р. 81), но впослѣдствіи сдѣлалось общимъ (конечно въ административныхъ инстанціяхъ) мнѣніе, что нападеніе имѣло своимъ источникомъ родовые раздоры по поводу распредѣленія штрафа за убійство Хонда Рама (депеша вице-короля 4 ноября 1897 г., стр. 130). По мнѣнію статъ-секретаря по дѣламъ Индіи лорда Хамильтона, бездѣйствіе племенъ везиріевъ во время полученія извѣстій о возстаніи горцевъ Свата и момендовъ убѣждаетъ, что во всякомъ случаѣ религіозное возбужденіе не было главнымъ источникомъ майзарскаго нападенія (М. о., vol. 2, р. 176).

Изъ этихъ причинъ нападенія 10 іюня внутренніе родовые раздоры между мадда по поводу штрафа въ 900 рупій, раздоры, о которыхъ впрочемъ въ виду индійскаго правительства имѣлись лишь смутные намеки и догадки, очевидно должны быть исключены: какимъ образомъ внутренніе раздоры между мадда, возбуждавшіе неудовольствія родовичей лишь другъ на друга, могли повести къ внезапному нападенію на англійскій отрядъ? Съ другой стороны воздержаніе племенъ везирей отъ общаго возстанія по полученіи извѣстій о возстаніяхъ въ Сватѣ и момендовъ объясняется совсѣмъ не отсутствіемъ у везирей религіознаго фанатизма, а просто нахожденіемъ въ предѣлахъ Везиристана большихъ британскихъ военныхъ силъ, справиться съ которыми, послѣ недавней неудачи 1894—1895 года, месуды и остальныя племена основательно считали для себя невозможнымъ. Вѣрно, что религіозный фанатизмъ не имѣлъ доминирующаго значенія въ нападеніи 10 іюня, но доказывается это не воздержаніемъ отъ возстанія остальныхъ везирей, объясняемымъ другими причинами, а тѣмъ, что глава духовенства Повинда-мулла повидимому даже не зналъ о предстоящемъ нападеніи, что не видно въ немъ участія другихъ муллъ и что во всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ нападенія нѣтъ ничего спеціально проявлявшаго преобладающее религіозное происхожденіе. Вслѣдствіе этого кореннымъ и главнымъ источникомъ напа-

денія 10 іюня слѣдуетъ считать страстную ненависть и вражду мѣстныхъ авганскихъ племенъ къ англичанамъ, возбужденныя попытками подчинить своей власти независимыя племена. Эти стремленія племена везирей ясно и правильно видѣли въ договорѣ эмира съ Англіею объ отказѣ въ пользу послѣдней отъ власти надъ горными племенами,—которой онъ на дѣлѣ не имѣлъ и которой племена за нимъ не признавали,—въ проведеніи границы, опредѣленной Англіей и безъ вѣдома племенъ, и въ фактическомъ осуществленіи англійскаго господства введеніемъ въ земли племенъ войскъ, а также присвоеніемъ власти надъ племенами въ различныхъ формахъ и степеняхъ отъ привлеченія старѣйшихъ и меликовъ на англійскую службу назначеніемъ имъ жалованья до ближайшаго подчиненія управленія племенъ англійской власти, какъ въ юго-восточныхъ племенахъ и въ Даверѣ. Эта политическая вражда, благодаря иновѣрію англичанъ, слилась съ мусульманскимъ фанатизмомъ, который развился именно благодаря ей. Вполнѣ яснымъ доказательствомъ такого настроенія въ средѣ мадда-хелей служатъ возбужденныя на народномъ сборищѣ 16 марта 1897 года обвиненія меликовъ въ томъ, что они призвали въ Точи англійскія войска. Присяга меликовъ болѣе или менѣе отклонила отъ нихъ подозрѣнія, но вражда и ненависть къ поработителямъ—англичанамъ остались и возрастали. При такомъ настроеніи народной массы воинственныхъ горцевъ съ расовымъ сангвиническимъ темпераментомъ, достаточно было 10 іюня одного или двухъ, вѣроятно случайныхъ, выстрѣловъ на воздухъ, чтобы всегда вооруженные горцы, находившіеся кругомъ конвоя Джи, открыли огонь противъ ненавистныхъ враговъ и чтобы въ подмогу имъ, на выстрѣлы, стеклось все окрестное населеніе, даже женщины, которыя бросали въ отступавшій англійскій отрядъ камнями, а нѣкоторыя стрѣляли изъ ружей (vol. 1, p. 96). Нападеніе 10 іюня было такимъ образомъ стихійнымъ взрывомъ народной ненависти, которымъ увлечены были даже мелики, особенно майзарскіе, такъ что въ числѣ убитыхъ горцевъ оказалось четыре мелика *). Лишь немногіе изъ меликовъ, подобно Садда-хану, сохранили настолько хладнокровія, чтобы воздержаться отъ участія въ общемъ стихійномъ увлеченіи.

б) Возстаніе въ Сватѣ.

По окончаніи читральской экспедиціи (отрядъ Лоу былъ расформированъ 27 сентября 1895 года), британскія войска остались въ земляхъ не-

*) Подтвержденіемъ неожиданности нападенія для всего населенія служитъ между прочимъ присутствіе женщинъ и дѣтей, которыя, по обычаю горцевъ, въ случаѣ предстоящаго боя, всегда отсылаются заблаговременно въ безопасныя мѣста: въ числѣ убитыхъ оказалось 13 женщинъ и дѣтей (vol. I, p. 142).

зависимыхъ юсуфзіевъ лишь въ лагерѣ на Малакандскомъ перевалѣ и въ фортѣ Чакдере, охраняющемъ устроенный англичанами висячій желѣзный мостъ черезъ рѣку Сватъ. Дальнѣйшее охраненіе дороги въ Читраль производилось постами наемныхъ стражниковъ изъ мѣстныхъ горцевъ и возложено на отвѣтственность меликовъ мѣстныхъ племенъ и хана Дира. Весною 1896 года и затѣмъ весною 1897 года войска и запасы въ Читраль и смѣненныя оттуда части прошли безпрепятственно, а почты слѣдовали все время исправно. Политическій агентъ Дира и Свата маіоръ Динъ (H. A. Deane), въ отчетѣ о положеніи дѣлъ къ іюню 1896 года, признавалъ отношенія мѣстныхъ племенъ къ британскому правительству удовлетворительными и постепенно улучшающимися и опасался возбужденія смутъ лишь со стороны хана Дира, обладающаго безпокойнымъ характеромъ и находящагося въ дурныхъ отношеніяхъ какъ съ родными братьями, такъ и съ подвластными племенами, которыя тщетно жалуются ему на притѣсненія его агентовъ. Динъ думалъ, что Диръ слишкомъ далекъ отъ Малаканда, чтобы можно было изъ послѣдняго имѣть полный „контроль", а потому находилъ нужнымъ выставить на лѣто летучую колонну въ долину Адинзай, подчинивъ британскому управленію какъ эту долину, такъ и сосѣдній округъ Талашъ; онъ утверждалъ, что мѣстное населеніе будетъ этимъ довольно, съ ханомъ же Дира не трудно будетъ сговориться. Между тѣмъ окончательно обезпечится вліяніе Англіи на племена Баджаура, Пенджкоры, Дира и Верхняго Свата. Если же правительство намѣрено держаться политики рѣшительнаго невмѣшательства и воздерживаться отъ всякаго наступленія впередъ, то Динъ считалъ возможнымъ уменьшить количество войскъ въ Малакандѣ и оставить тамъ вмѣстѣ съ Чакдере только полкъ пѣхоты и одинъ или два эскадрона кавалеріи (M. o., vol. 2, p.p. 40—47). Вице-король „въ совѣтѣ", 20 августа 1896 года, не разрѣшилъ движенія войскъ въ долину Адинзай; желая ограничиться удержаніемъ и охраненіемъ дороги изъ Малаканда въ Читралъ и не воспрещая Дину пріобрѣтать личное вліяніе на окружающія племена для достиженія той же цѣли, правительство признало однако, что чѣмъ менѣе британскія власти будутъ вмѣшиваться въ дѣла страны, тѣмъ будетъ лучше; немедленное уменьшеніе войскъ въ Малакандѣ также было отклонено (p. 48). 9 іюня 1897 года, въ отчетѣ за истекшій годъ, Динъ доносилъ, что мѣстныя племена, дотолѣ скрытно враждебныя, теперь утвердились въ столь великомъ довѣріи (great confidence) къ правительству, оставившему неприкосновенными ихъ земли, не наложившему податей и не вмѣшивающемуся въ ихъ дѣла, что правительству представляется возможность побудить ихъ смотрѣть на себя, какъ на союзниковъ (allies), и пренебрегать происками Адда-муллы въ Баджаурѣ и міянгуловъ въ Верхнемъ Сватѣ, старающихся раздуть фана-

тизмъ и возбудить народъ противъ Англіи. Правительство, если бы захотѣло, легко могло бы собрать у нихъ иррегулярную армію отъ 15 до 20 тыс. человѣкъ, которые не желали бы ничего лучшаго, какъ получить приказъ объ исполненіи любой службы (р. 50). Ханъ Дира хорошо обращается съ своимъ народомъ и постоянныя прежде жалобы на него прекратились. Ханъ этотъ собирается подавить фанатическую партію въ Верхнемъ Сватѣ, распространивъ на него свою власть; въ случаѣ успѣха, Динъ ожидалъ большихъ выгодъ для правительства вслѣдствіе успокоенія страны (р.р. 50, 51). Еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 9 мая 1897 г., Динъ извѣщалъ, что Адда-мулла, Манки-мулла и Паламъ-мулла, главнѣйшіе послѣдователи покойнаго „ахуна Свата“ (изъ нихъ Адда-мулла жилъ среди момендовъ, Манки-мулла между отманъ-хейлями, а Паламъ-мулла на р. Аушири, лѣвомъ притокѣ Пенджкоры), стараются возбуждать религіозный фанатизмъ, и первый изъ нихъ разослалъ воззваніе, объявляющее, что наступило для добрыхъ мусульманъ время возстанія. Съ своей стороны Динъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе хана Дира на Паламъ-муллу, который возбуждалъ стражниковъ британскихъ постовъ по дорогѣ въ Читраль къ дезертирству. Ханъ отвѣтилъ, что двинется противъ Паламъ-муллы, управившись съ фанатической партіей въ Верхнемъ Сватѣ. Динъ далъ понять хану, что намѣренія его одобряетъ (р. 58). Индійское правительство съ своей стороны 4 іюня 1897 г. утвердило дѣйствія Дина (р. 59).

Появленіе хана въ Верхнемъ Сватѣ возбудило большое волненіе. Въ виду всѣмъ извѣстныхъ отношеній этого хана къ Англіи *), племена Свата отправили къ Дину посланцовъ съ просьбою защитить ихъ отъ хана. Динъ отвѣтилъ, что не находитъ основаній вмѣшиваться (р. 59). Тогда 12 іюня старшій изъ міангулей, внуковъ „ахуна Свата“, обитающихъ въ Верхнемъ Сватѣ, обратился къ губернатору Пенджаба съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что изстари состоявшій слугою его дѣда и его самого ханъ Дира 3 іюня вторгнулся въ предѣлы Свата, переправился черезъ рѣку и произвелъ у мѣстныхъ племенъ грабежи на сумму отъ 2 до 3 лаковъ рупій, увѣряя, что получилъ распоряженіе отъ правительства и что вся страна поступаетъ въ англійское управленіе; не вѣря, чтобы ханъ производилъ грабежи и насилія дѣйствительно по распоряженію серкера (такъ называютъ горцы англо-индійское правительство), Сеидъ-Бадшахъ просилъ разрѣшенія противостать хану силою оружія (р. р. 64, 65). Никакого отвѣта на эту просьбу

*) Въ 1895 году ему подарено, за услуги во время читральской экспедиціи, 40 ружей Снайдера и затѣмъ ежегодно отпускаются къ нимъ патроны. Сверхъ того ханъ получаетъ ежегодно 20 т. рупій на поправки дороги въ Читраль и ея охрану (по свѣдѣніямъ англо-индійскихъ газетъ).

не дано, но посланцу объявлено, что онъ можетъ обратиться къ маіору Дину (р. 59), тогда какъ міангулямъ уже было извѣстно, что на подобную просьбу меликовъ Динъ отвѣчалъ, какъ выше значится, отказомъ.

Въ концѣ іюня, съ одной стороны ханъ Дира съ 400 меликами Верхняго Свата его партіи, съ другой болѣе 1000 меликовъ противной стороны явились къ Дину и были имъ приняты, въ началѣ іюля, въ Чакдере. Подлинныхъ донесеній Дина о происходившемъ при этомъ въ „Синей книгѣ“ не напечатано, за исключеніемъ „извлеченія“ изъ письма его отъ 21 іюля, очевидно сильно сокращеннаго. По помѣщеннымъ въ депешѣ вице-короля отъ 1 сентября 1897 года свѣдѣніямъ, всѣ мелики признавали страну находящеюся подъ британскимъ вліяніемъ и политическимъ „контролемъ“. Всѣ желали спокойствія и заявляли готовность нести всякую службу, какая нужна правительству, выставлять для этого ратниковъ, когда потребуется. „Главная ихъ просьба состояла въ томъ, чтобы отъ народа не требовалось безплатныхъ работъ и чтобы изгнанные за убійства не возвращались въ общины противъ ихъ желанія“. Маіоръ Динъ объявилъ, что правительство не намѣрено вмѣшиваться во внутреннія дѣла и управленіе племенъ, но желаетъ помогать имъ улаживать раздоры, если за этимъ будутъ обращаться къ политическому офицеру. „Горцы выразили сожалѣніе, что не вошли ранѣе въ дружескія сношенія съ нами, чѣмъ было бы устранено вмѣшательство хана Дира, который недавно совершилъ удачное вторженіе въ часть враждебной ему страны“. „Главное въ настоящемъ положеніи дѣлъ то,— писалъ Динъ 3 іюля,— что власть міангулей, связанная съ именемъ ахуна, уничтожена“: міангули добивались, чтобы племена Верхняго Свата не входили съ англійскими властями въ непосредственныя сношенія, а теперь, въ полученныхъ отъ нихъ Диномъ письмахъ, сами объявляютъ себя слугами правительства. Динъ находилъ особенно успѣшнымъ, что все это достигнуто безъ употребленія британскихъ военныхъ силъ (р.р. 59, 60).

По напечатанному въ „Синей книгѣ“ извлеченію изъ письма Дина отъ 21 іюля, занявъ правый берегъ Свата, ханъ по авганскому обычаю выставилъ караулы, „которые обыкновенно производятъ насилія и притѣсняютъ народъ“. Желая отвратить являющіяся послѣдствіемъ такого образа дѣйствій смуты, Динъ предложилъ хану явиться къ нему съ признавшими его власть меликами. „Прямымъ послѣдствіемъ этого (т. е. поѣздки хана съ меликами его партіи на поклонъ къ Дину) было то, что всѣ лишенные власти и сдѣлавшіеся ш и р у н к и или изгнанниками (т. е. мелики и вообще жители праваго берега Свата, не пожелавшіе подчиниться насиліямъ и беззаконіямъ хана и вынужденные вслѣдствіе этого бѣжать на лѣвый берегъ Свата) направились

ко мнѣ по своему собственному желанію, и съ ними прибыли всѣ мелики муса-хелей“ и другихъ племенъ лѣваго берега (p. 65).

Такимъ образомъ, зная, что нѣкоторое, чрезмѣрно впрочемъ имъ преувеличенное, улучшеніе настроенія мѣстныхъ племенъ въ отношеніи Англіи, въ послѣдовавшіе за читральской экспедиціей два года, произошло вслѣдствіе воздержанія отъ вмѣшательства въ дѣла и отношенія между племенами и вслѣдствіе уваженія къ ихъ независимости, британскій политическій агентъ разрѣшилъ хану Дира, или скорѣе подстрекнулъ его, насильственно завладѣть независимыми племенами праваго берега Свата. Такъ какъ силы хана были недостаточны, чтобы справиться съ племенами Свата, то ханъ этотъ объявлялъ или давалъ понять, что дѣйствуетъ по распоряженію британскаго правительства, которое вступаетъ въ обладаніе страною. Отказъ Дина воспретить хану его насилія и затѣмъ поведеніе его на съѣздѣ меликовъ не могли не убѣдить племена, что Англія затѣваетъ, пользуясь дирскимъ ханомъ, какъ ширмою, лишить горцевъ независимости. Въ то время, когда Динъ восторгался ловкостью, съ которой привелъ онъ упрямыхъ меликовъ Верхняго Свата,— казавшихся ему „съ ихъ четками въ рукахъ, скорѣе сборищемъ фанатическихъ муллъ, чѣмъ авганскими старшинами“ (p. 66),—къ заявленіямъ преданности и покорности, съ единственною просьбою не принуждать народъ къ безплатнымъ работамъ, мелики развозили по всей странѣ несомнѣнныя извѣстія о томъ, что дѣйствительно Англія намѣревается лишить племена независимости и подчинить своему управленію. Возстаніе сдѣлалось неминуемымъ. Не доставало только искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ, который долженъ былъ обнять всѣ сѣверныя пограничныя племена. Такой искрой оказалось объявленіе джихада, сдѣланное „безумнымъ“ или „плѣшивымъ“ факиромъ.

Появленіе этого факира въ предѣлахъ Свата Динъ относилъ ко времени около 18 іюля (p. p. 66, 77), но вѣрнѣе, конечно, свѣдѣнія меликовъ Верхняго Свата, которые утверждаютъ, что факиръ прибылъ изъ Бунира въ Мангаору на верхнемъ Сватѣ около 6 іюля, т. е. немедленно послѣ полученія въ Бунирѣ вѣстей о происходившемъ въ Чакдере на представленіи меликовъ Дину; по ихъ же словамъ, факиръ объявлялъ въ Мангаорѣ, что намѣренъ начать священную войну; отсюда онъ черезъ день отправился въ сел. Лендекей (въ одномъ переходѣ отъ Малаканда), гдѣ и началъ свои проповѣди, утверждая, что получилъ повелѣніе свыше изгнать невѣрныхъ, пушки и ружья которыхъ лишатся дѣйствія противъ мусульманъ, а пули и снаряды обратятся въ воду; онъ увѣрялъ, что пятью пригоршнями риса можетъ насытить тысячи людей и т. под. Народъ однако относился къ факиру недовѣрчиво и считалъ его безумнымъ. 25 іюля факиръ собрался выступить на Малакандъ, но мѣстные жители удержали его, объясняя его

поступки безуміемъ. Имѣя объ этомъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ меликовъ, Динъ, намѣревавшійся было отправить противъ факира летучій отрядъ изъ Малаканда, счелъ лучшимъ воздержаться, опасаясь придать фанатику серьезное значеніе и вмѣсто умиротворенія вызвать образованіе сборищъ для защиты факира. 26 іюля безумный факиръ, съ другимъ присоединившимся къ нему неизвѣстнымъ факиромъ, въ предшествіи нѣсколькихъ мальчиковъ 13—14 лѣтъ, изъ которыхъ одного выдавали за потомка мусульманскихъ императоровъ Дели, изъ династіи Бабера, двинулся къ Малаканду чрезъ самое многолюдное изъ селеній Свата Тана или Тарна; тутъ къ нему присоединилось нѣсколько мѣстныхъ жителей, такъ что образовалась толпа человѣкъ въ 400, большею частію безоружныхъ. На дальнѣйшемъ пути сборище увеличилось людьми изъ попутныхъ селеній, между прочимъ туземными стражниками изъ британскихъ постовъ между Малакандомъ и Чакдере. Около 9 ч. 15 м. вечера джемадаръ поста въ сел. Харъ прискакалъ въ малакандскій лагерь съ извѣстіемъ о приближеніи скопища факира, а въ 10 ч. 30 м. оно, состоя уже изъ 1 т. ч., напало на англійскія позиціи при Малакандѣ. Нападенія горцевъ продолжались всю ночь почти до утра, но были отражены съ большими для нихъ потерями, какъ и одновременно произведенныя нападенія окрестныхъ жителей на фортъ Чакдере. Силы англичанъ (всего до 4 т. ч., изъ которыхъ лишь малая часть находилась въ Чакдере) первоначально превышали численность нападающихъ, но въ теченіе ночи и слѣдующаго дня толпы горцевъ достигли значительныхъ размѣровъ (р. р. 120, 77, 78, 174).

27 іюля на свѣту отправленъ былъ изъ Малаканда, для возстановленія сообщенія съ Чакдере, полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и кавалеріею, но долженъ былъ возвратиться, такъ какъ путь былъ прегражденъ значительными силами горцевъ; только взводъ кавалеріи пробился до Чакдере. Въ тотъ же день нападенія горцевъ, силы которыхъ постоянно смѣнялись подходившими подкрѣпленіями, возобновились и продолжались до прибытія 31 іюля первыхъ англійскихъ подкрѣпленій въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, усиливаясь ночами. Ночью 29 іюля безумный факиръ былъ раненъ въ руку, а товарищъ его убитъ. Первоначальныя нападенія 26 іюля на Малакандъ и Чакдере производило населеніе ближайшихъ селеній; въ слѣдующіе дни къ нимъ постепенно прибыли на помощь юсуфзіи нижняго Свата, сосѣдящіе съ ними съ юго-запада отманъ-хейли, затѣмъ юсуфзіи Пенджкоры, племена Баджаура, далѣе юсуфзіи Верхняго Свата и Бунира, а также около 2 т. юсуфзіевъ и другихъ племенъ пишаверской долины непосредственнаго британскаго подданства съ винтовками Энфильда, розданными имъ англійскими властями для обороны отъ набѣговъ горцевъ. Общее число дѣйствовавшихъ

противъ Малаканда горцевъ оцѣняется до 12 т. и противъ Чакдере до 8 т., но одновременно нападало на Малакандъ не болѣе 6 т. и на Чакдере до 4 т. Общая потеря горцевъ подъ Малакандомъ и Чакдере опредѣляется въ 2—3 т. убитыхъ кромѣ множества раненыхъ (р.р. 60, 61, 78—80).

Неуспѣшность производившихся пять дней и ночей нападеній на Малакандъ и Чакдере и огромныя при этомъ потери лишили горцевъ надежды на успѣшное продолженіе борьбы по полученіи англичанами подкрѣпленій. Поэтому ополченія ихъ начали расходиться и двинутый 2 августа изъ Малаканда отрядъ изъ двухъ полковъ пѣхоты встрѣтилъ весьма незначительное сопротивленіе при движеніи своемъ къ Чакдере. Мелики ближайшихъ къ Малаканду и Чакдере селеній не замедлили явиться къ Дину съ покорностью. Примѣру ихъ послѣдовали ближайшія племена праваго берега Свата. Ханъ Дира, укрывавшійся во время возстанія, въ страхѣ, въ своей столицѣ, приступилъ къ наказанію своихъ подданныхъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (р. 61).

Уже 3 августа Динъ испрашивалъ разрѣшенія двинуться съ отрядомъ въ Верхній Сватъ, гдѣ находился „безумный“ факиръ Сайдулла (р. 68). Для наказанія за возстаніе и для предупрежденія возобновленія въ будущемъ Динъ полагалъ необходимымъ наложить на племена штрафы, отобрать у нихъ все оружіе и обложить ближайшихъ юсуфзіевъ податями (р. 80). 12 августа индійское правительство разрѣшило движеніе отряда въ Верхній Сватъ, но съ предварительнымъ объявленіемъ племенамъ, что правительство не намѣрено лишать ихъ независимости и желаетъ лишь принять мѣры для удостовѣренія, что племена эти не нападутъ на его войска снова (р. 74). Выступившая 16 августа съ генераломъ Биндонъ Блудомъ (Bindon Blood) бригада легко разсѣяла 17 числа около Ленденея скопище горцевъ до 1200 ч., прошла до Мангаоры и 24 августа пустилась въ обратный путь, такъ какъ племена покорились, платили штрафы и выдавали оружіе (р. р. 62, 117). Во время движенія отряда по лѣвому берегу ханъ Дира шелъ по правому, взыскавъ около 20 т. рупій штрафовъ. Факиръ бѣжалъ въ Бунирь (р. р. 118, 121).

По возвращеніи отряда, Динъ продолжалъ взысканіе штрафовъ и оружія на лѣвомъ берегу Свата, тогда какъ ханъ Дира занимался тѣмъ же на правомъ. Къ концу сентября общая цифра взысканныхъ съ юсуфзіевъ штрафовъ составила 85 т. рупій, оружія же отобрано до 3800 ружей, 1500 сабель, кинжаловъ или ножей и 118 заряжающихся съ казны винтовокъ (р. р. 94, 136). Уже 18 августа, во время движенія отряда по Верхнему Свату, явился къ Дину съ покорностью руководящій молодыми міангулями Пизани-мулла (р. 118); 24 сентября пріѣзжалъ къ нему на

поклонъ младшій изъ міянгулей, 14 лѣтъ, съ меликами Верхняго Свата (р. 127). Въ концѣ октября міянгули предложили свои услуги для приведенія къ покорности юсуфзіевъ Бунира, которые присылали людей на помощь сватцамъ при нападеніяхъ на Малакандъ и Чакдере. Предпринятая ими въ ноябрѣ поѣздка съ этою цѣлію въ Бунирь осталась однако безуспѣшною. Въ концѣ декабря индійское правительство объявило бунирцамъ, что отъ нихъ требуется присылка меликовъ съ заявленіемъ покорности, выдача 600 ружей, въ томъ числѣ 50 заряжающихся съ казенной части, и уплата штрафа въ 11.500 рупій; сверхъ того потребовано отъ племенъ долины Чемла 1500 р. штрафа и по 100 ружей и сабель, и подобныя же количества штрафа и оружія отъ племенъ гадунъ и худу (р. р. 171—172). За неисполненіемъ этихъ требованій, двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Блуда, проникли между 7 и 19 января 1898 года въ Бунирь и почти безъ сопротивленія принудили племена уплатить штрафы и выдать оружіе. Безумнаго факира не нашли въ селеніи Рега въ его жилищѣ, но имущество его конфисковано (р. р. 7—10). Этимъ и закончилась расправа съ юсуфзіями за нападенія ихъ на Малакандъ и Чакдере въ концѣ іюля 1897 года.

Конечно маіоръ Динъ никакъ не хотѣлъ признать, что возстаніе было вызвано дѣйствіями руководимаго имъ дирскаго хана и его самого (р. 118). Онъ не переставалъ утверждать, что возстаніе было взрывомъ религіознаго фанатизма, который подготовлялся Адда-муллой, Паламъ-муллой и міянгулями съ 1895 года и не вспыхивалъ лишь за неимѣніемъ подходящаго главы. Глава этотъ явился въ лицѣ безумнаго факира и возстаніе разразилось (р. 81). Однако о Паламъ-муллѣ за все время возстанія не было никакихъ упоминаній. Дѣятельность міянгулей или скорѣе окружающихъ ихъ и дѣйствующихъ ихъ именемъ муллъ выразилась по отношенію къ началу возстанія тѣмъ, что міянгули посылали своихъ людей удалить безумнаго факира изъ Свата, опасаясь, что этотъ человѣкъ натворитъ бѣдъ, но подѣлать ничего не могли (телеграмма Дина отъ 26 іюля, р. 66); хотя, повинуясь общему движенію, міянгули должны были присоединиться къ возстанію, но сдѣлали это лишь 30 іюля, по переходѣ же англичанъ въ наступленіе никакого сопротивленія не оказывали и являлись съ покорностью не послѣдними. Духовный руководитель отманъ-хейлей и юсуфзіевъ нижняго Свата, въ томъ числѣ населенія многолюдной Таны, Манки-мулла объявилъ обращавшимся къ нему за указаніями относительно призывовъ факира къ нападенію на англичанъ въ Сватѣ: „Малакандъ—гора осъ; не совѣтую ее трогать“ (донесеніе Дина, р. 80). Этотъ старикъ, 70—80 лѣтъ, получилъ свое прозвище отъ мѣста его родины, селенія Манки, пишаверской долины; онъ

имѣетъ значительныя земли въ британскихъ владѣніяхъ и пишаверскія власти не слыхали, чтобы отъ него исходили зажигательныя посланія, какъ отъ другихъ муллъ (р. 104); во время читральской экспедиціи 1895 года онъ уклонился отъ участія въ дѣйствіяхъ противъ британскихъ войскъ, вторгшихся въ Сватъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что предпринялъ сорока-дневное моленіе объ успѣхѣ сватцевъ, и это значительно уронило его репутацію, какъ ревнителя ислама (р. р. 106, 107). Что касается до Адда-муллы, то хотя Динъ и утверждаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что онъ находился въ сношеніяхъ съ факиромъ между 18 и 22 іюля (р. 81), но вѣсти о нападеніи на Малакандъ и Чакдере застали его нисколько неподготовленнымъ къ участію въ войнѣ; разумѣется онъ немедленно началъ собирать своихъ приверженцевъ, но могъ выступить лишь 1 августа и долженъ былъ, вслѣдствіе извѣстій о пораженіи сватцевъ, направиться вмѣсто Свата въ сосѣднюю съ момендами часть британской территоріи (р. 83).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о религіозно-фанатическомъ происхожденіи возстанія, Динъ указываетъ на то, что считавшіеся наиболѣе преданными и получавшіе наиболѣе выгодъ отъ присутствія англичанъ въ странѣ, но оказавшіеся жесточайшими врагами жители Таны и Алладанда, на вопросы о причинѣ возстанія, давали тотъ единственный отвѣтъ, что ихъ обманулъ „безумный“ факиръ (81): неужели мелики Таны и Алладанда, находившіеся во власти всесильнаго послѣ неуспѣха возстанія Дина, могли сказать ему, что оно вызвано собственными его дѣйствіями? По свѣдѣніямъ же Дина, ханъ Дира, отказываясь, не смотря на общія увѣщанія, принять участіе въ возстаніи, тѣмъ не менѣе находился въ смертельномъ страхѣ, что обладающій сверхъ-естественными способностями и силами факиръ явится къ нему „невидимкою“ и убьетъ его (р. 81): нѣтъ мудренаго, что предавшему свой народъ изъ корысти и честолюбія суевѣру могли мерещиться всевозможныя вещи. Наконецъ доказательствомъ фанатическаго происхожденія возстанія Динъ признаетъ тотъ фактъ, что уже во время читральской экспедиціи 1895 г. состоявшіе при немъ на службѣ почетные туземцы пишаверскаго округа внезапно отказались отъ службы и разъѣхались по домамъ, а во время возстанія 1897 г. и экспедиціи въ Верхній Сватъ онъ имѣлъ только одну просьбу о пріемѣ такихъ туземцевъ на службу, тогда какъ при прежнихъ экспедиціяхъ не было отбоя отъ желающихъ принять въ нихъ участіе (р. 119). Безспорно, мусульманскій фанатизмъ увеличивается какъ въ независимыхъ племенахъ, такъ и въ населеніи британскихъ владѣній праваго берега Инда и низовьевъ р. Кабулъ-дарьи, состоящемъ изъ авганскихъ племенъ. Но подъ религіозной оболочкой заключается политическое содержаніе: растетъ, выставляя религіозное знамя, чувство національное. Экзальтиро-

ванныхъ фанатиковъ у авгановъ, какъ и у другихъ мусульманскихъ народовъ, всегда было и будетъ въ избыткѣ, но возбуждать національныя и политическія движенія они не въ силахъ, если нѣтъ подходящихъ національно-политическихъ условій. По свѣдѣніямъ Дина, „безумный" факиръ проповѣдывалъ джихадъ въ Бунирѣ три мѣсяца до перехода въ Сватъ, „но народъ смотрѣлъ на него, какъ на лунатика, и не обращалъ на него въ то время никакого вниманія" (p. 119). Такъ же три недѣли относилось къ проповѣдямъ факира и населеніе Свата, но когда онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу и двинулся съ нѣсколькими мальчиками на Малакандъ, чувство ненависти къ англичанамъ за ихъ покушенія на народную независимость, только что произведенныя въ Верхнемъ Сватѣ подъ ширмою дирскаго хана, вспыхнуло стихійнымъ взрывомъ и на помощь факиру отовсюду устремились тысячи воиновъ, хотя вѣра въ посланничество факира свыше, если она существовала, была уничтожена первыми выстрѣлами британцевъ, показавшими, что пули ихъ не обращаются въ воду, а иные выстрѣлы изъ орудій укладываютъ сразу по 80 горцевъ.

в) Вторженіе момендовъ и усмиреніе ихъ и сосѣднихъ племенъ.

Урожденецъ селенія Адды или Хадды (Hadda) джелальабадской области Кабулистана Неджмъ-эддинъ, извѣстный подъ именемъ Адда-муллы, имѣетъ тысячи преданныхъ учениковъ и послѣдователей въ населеніи средняго теченія Кабулъ-дарьи и между момендами. Около 1890 г., возбудивъ противъ себя неудовольствіе эмира Абдэррахманъ-хана, къ которому вмѣстѣ съ большинствомъ авганскаго духовенства относился враждебно, какъ къ другу невѣрныхъ англичанъ, Неджмъ-эддинъ вынужденъ былъ удалиться изъ владѣній эмира. Онъ водворился въ селеніи Джароби, въ земляхъ баизіевъ, главнѣйшей вѣтви момендовъ, на границѣ между владѣніями эмира и территоріею независимыхъ племенъ, предоставленныхъ британскому „контролю" (pp. 83, 89). По словамъ эмира, моменды и народъ джелальабадской области смотрятъ на Неджмъ-эддина, какъ на своего пророка; Адду, населенную кожевниками, ученики его называютъ Адда-Шерифъ, т. е. „Благородная Адда" (p. 89).

Вскорѣ послѣ полученія извѣстій о возстаніи въ Сватѣ, Адда-мулла разослалъ населенію джелальабадской области, шинваріямъ и др. посланія, въ которыхъ значилось, что „соединенное населеніе Свата, Баджаура и Бунира уничтожило войска невѣрныхъ, стоявшія въ Сватѣ, и разграбило ихъ имущество. Да будетъ извѣстно всѣмъ мусульманамъ, что всѣ моменды соединились со мною для похода на Дхери (Шабкаддаръ) чрезъ долину Гандабъ,

съ цѣлію вести священную войну. Надо надѣяться, что и вы, по полученіи сего письма, встанете, если сидите, и двинетесь, если стоите, и, взявъ съ собою необходимые запасы, придете, нисколько немедля. По волѣ Божіей наступило время гибели невѣрныхъ. Не будьте лѣностны" и пр. Подписано „Факиръ Адды" (р. 84). Подобныя воззванія къ 4 августа были разосланы афридіямъ и другимъ окрестнымъ племенамъ (р. 70). 7 августа Адда-мулла съ 2—5 т. ополченцевъ, изъ которыхъ около трети подданныхъ эмира, вышелъ изъ долины Гандабъ и въ 4 часа по полудни напалъ на постъ Шабкаддаръ, занятый небольшимъ гарнизономъ пограничной стражи. Прилегающее селеніе индусовъ было сожжено; населеніе его заблаговременно удалилось, оставшіеся же два индуса убиты (р. 11). Посланный немедленно на выручку Шабкаддара изъ находящагося въ 18 миляхъ Пишавера полкъ пѣхоты съ 4 орудіями и двумя эскадронами конницы добрался до Шабкаддара 8 числа и на другой день прогналъ занявшія ближайшія горы силы Адда-муллы въ далѣе лежащія, болѣе высокія горы. Британскій отрядъ получилъ затѣмъ подкрѣпленія, но дальнѣйшаго наступленія не предпринялъ. Съ своей стороны Адда-мулла изъ горъ не показывался, ожидая, быть можетъ, открытія военныхъ дѣйствій отъ афридіевъ, главный мулла которыхъ Сеидъ-Экбѣръ назначилъ по этому поводу собраніе муллъ и старшинъ на 6 августа и затѣмъ, по слухамъ, отложилъ до 13 числа (р. 74). Не придавая значенія ходившимъ въ это время слухамъ о намѣреніи оракзіевъ напасть на британскіе форты въ хребтѣ Самана и о враждебномъ настроеніи афридіевъ, пишаверскій коммиссіонеръ сэръ Ричардъ Эдни (Udny), въ телеграммѣ отъ 10 августа, настоятельно представлялъ о необходимости немедленной посылки отряда въ земли момендовъ для наказанія ихъ за набѣгъ на Шабкадаръ (р. 75). Правительство рѣшило однако отложить расправу съ момендами до окончанія усмиренія Свата и выясненія отношеній къ волненіямъ пограничныхъ племенъ со стороны авганскаго эмира, такъ какъ британскіе пограничные агенты, введенные въ заблужденіе распускаемыми коноводами смутъ слухами о намѣреніи эмира объявить Англіи священную войну, доносили, что слухи эти подтверждаются нахожденіемъ въ скопищѣ Адды-муллы значительнаго числа подданныхъ эмира и даже, будто бы, его солдатъ (рр. 2, 62, 74 и др.).

Посланное по этому предмету вице-королевское сообщеніе было 18 августа прочитано эмиромъ на состоявшемся въ тотъ день, по случаю годовщины принятія имъ титула Зія-эль-миллятъ-вад-динъ („Свѣточъ единенія и вѣры"), торжественномъ собраніи сановниковъ, племенныхъ старѣйшинъ и духовенства, всего въ числѣ до 3 т. лицъ. Изложивъ исторію вступленія своего на престолъ и отношеній къ Англіи, эмиръ заявилъ, при общемъ подтвержденіи присутствующихъ, что никогда не думалъ дѣйствовать противъ Англіи и

отнюдь не допускалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе въ мятежахъ противъ британскаго правительства; эмиръ торжественно при этомъ клялся, что всегда поддерживалъ дружбу съ англійскимъ правительствомъ и никогда не желалъ причинить ему какой-либо вредъ (pp. 91, 92). Въ прочитанномъ и одобренномъ на томъ же собраніи отвѣтѣ вицѣ-королю значится, что слухи, собранные британскими пограничными чиновниками, не основательны и что эмиръ готовъ лично принять присягу, что ни его солдаты, ни ихъ начальники не принимали ни малѣйшаго участія въ возстаніяхъ противъ британскаго правительства (88, 89).

Не дождавшись возстанія оракзіевъ и афридіевъ и не ожидая большого успѣха отъ повторенія набѣга, подобнаго шабкаддарскому, Адда-мулла во второй трети августа распустилъ на время свое ополченіе. Когда въ двадцатыхъ числахъ афридіи и оракзіи открыли военныя дѣйствія, началъ снова собирать свои ополченія и Адда-мулла. 1 сентября онъ уже предпринялъ съ ними движеніе, но внезапно вновь распустилъ ихъ, подъ предлогомъ полученія отъ эмира извѣщенія о томъ, что онъ отлагаетъ на нѣкоторое время начатіе военныхъ дѣйствій (pp. 82, 88, 110, 115, 126). На самомъ дѣлѣ, какъ справедливо полагали британскія власти (p. 99), Адда-мулла получилъ не какое либо письмо эмира, а вѣсти объ энергическихъ мѣропріятіяхъ эмира къ недопущенію помощи возставшимъ изъ предѣловъ его владѣній. Такъ, вѣроятно къ этому времени относится разогнаніе авганскими властями собиравшагося выступить на помощь Адда-муллѣ въ Лемганѣ скопища въ 30 т. ч., о чемъ упоминается въ письмѣ эмира вице-королю отъ 10 сентября (p. 122). Между тѣмъ, по окончаніи экспедиціи въ Верхній Сватъ, въ виду слуховъ о намѣреніи Адда-муллы напасть на дирскаго хана, индійское правительство 2 сентября распорядилось, чтобы съ одной стороны генералъ Блудъ съ тремя бригадами изъ Свата, а съ другой генералъ Эллисъ съ двумя бригадами изъ Пишавера направились на Адда-муллу; по соединеніи съ Эллисомъ и по истребленіи Адды-муллы, большая часть войскъ Блуда должна была идти съ возвращающимися бригадами Эллиса на пишаверскую границу для участія въ предполагавшемся затѣмъ походѣ въ Тира (p. 112).

Войска Блуда проникли въ бассейнъ Пенджкоры и въ Баджауръ, не встрѣчая сопротивленія. Ханы Навагая, Хара и Джара держали себя дружественно, племена заявляли покорность и вступали въ переговоры о размѣрахъ налагаемыхъ на нихъ штрафовъ за участіе въ сватскомъ возстаніи. 14 сентября бригада генерала Джефрейса отправилась изъ Хара къ перевалу Раматъ, намѣреваясь войти въ связь съ войсками Эллиса, но въ ночь на 15 сентября лагерь Джеффрейса въ Макранѣ былъ окруженъ населеніемъ долины Мамундъ (Mamund) при участіи отманъ-хельской вѣтви саларзіевъ.

Во время шести-часовой перестрѣлки бригада потеряла двухъ офицеровъ и двухъ сипаевъ убитыми; одинъ британскій и одинъ туземный офицеръ, а также пять сипаевъ были ранены. Вслѣдствіе этого Джеффрейсъ прекратилъ свое движеніе, дабы расправиться съ оказавшимися въ его тылу враждебными мамундами (pp. 94, 95, 13, 14). Оставшись съ другою бригадою въ Навагаѣ, Блудъ возвратилъ третью на Пенджкору для охраненія сообщеній съ Сватомъ и Малакандомъ (p. 14). Между тѣмъ Джеффрейсъ, ставъ 15 сентября лагеремъ при Инаятъ-кала, выступилъ отсюда 16 числа для операцій противъ мамундовъ и саларзіевъ; при возвращеніи войскъ къ вечеру въ лагерь, самъ Джеффрейсъ съ небольшимъ количествомъ пѣхоты и саперъ, съ частью артиллеріи, не поспѣлъ до ночи добраться до лагеря и долженъ былъ заночевать въ долинѣ Ваделай въ небольшой деревнѣ, гдѣ по восходѣ луны горцы открыли противъ него огонь и поставили въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго однако выручили подоспѣвшія изъ лагеря четыре роты; бывшія съ Джеффрейсомъ части потеряли двухъ офицеровъ ранеными, 9 нижнихъ чиновъ убитыми и 60 ч. ранеными. Съ 18 сентября Джеффрейсъ возобновилъ операціи противъ мамундовъ, занявшись истребленіемъ ихъ деревень. 19 сентября Блудъ въ Навагаѣ подвергся въ полночь нападенію 1200 ополченцевъ Адда-муллы, спустившихся съ Бадманайскаго перевала, на которомъ они виднѣлись уже нѣсколько дней. Нападеніе было нерѣшительное, но въ слѣдующую ночь возобновлено 3 т. горцевъ; перестрѣлка продолжалась четыре часа и горцы понесли при аттакахъ значительныя потери (pp. 14, 15, 95).

Между тѣмъ двинувшійся 15 сентября отъ Шабкаддара съ двумя бригадами генералъ Эллисъ прошелъ перевалъ Караппа и проникъ въ долину Гандабъ, не встрѣчая сопротивленія, такъ какъ силы момендовъ и вниманіе Адда-муллы обращены были противъ войскъ Блуда. Галимзіи долины Гандаба изъявили покорность и согласіе на уплату штрафа въ 5 т. рупій, 300 ружей и 300 сабель. Разрушивъ укрѣпленныя жилища сторонниковъ Адда-муллы въ этой вѣтви момендовъ, Эллисъ 19 сентября прошелъ черезъ перевалъ Нахаки, оставивъ здѣсь одну свою бригаду для охраненія сообщеній. 21 сентября, въ 15 миляхъ отъ Нахаки, онъ встрѣтился въ горахъ Лакарай съ генераломъ Блудомъ, который вышелъ сюда изъ Навагая, находившагося въ 6 миляхъ. Отдавъ здѣсь въ распоряженіе Эллиса бывшую съ нимъ бригаду, Блудъ самъ отправился къ Джеффрейсу. Эллисъ 23 сентября аттаковалъ Бадманайскій перевалъ и овладѣлъ имъ послѣ слабой защиты. Адда-мулла бѣжалъ за авганскую границу, ополченіе же его разсѣялось. Разрушивъ всѣ укрѣпленные дома въ селеніи Бадманай, отрядъ Эллиса произвелъ 24 сентября такое же разрушеніе въ деревнѣ Митай, а 25 числа въ

селенiи Суранъ, и въ тотъ же день прошелъ въ каменистую съ утесистыми съ каждой стороны горами долину Джароби. Не тронувъ мечеть, оказавшуюся и жилищемъ Адда-мулы, отрядъ уничтожилъ всѣ укрѣпленiя въ находившейся въ вершинѣ долины деревнѣ, а также въ селенiяхъ непокорявшихся момендовъ. 26 числа Эллисъ пошелъ обратно, принимая покорность момендскихъ и отманъ-хельскихъ вѣтвей. Не смирилась только хвазiйская деревня Кундъ, которая 28 сентября разрушена. 6 октября отрядъ Эллиса возвратился въ британскiе предѣлы. По разсчету этого генерала, его экспедицiя обошлась момендамъ до 150 т. рупiй (pp. 14, 15, 95, 96), считая конечно убытки, причиненные истребленiемъ деревень и т. п. Ружей выдано момендами 1030, сабель 850, заряжающихся съ казенной части винтовокъ 72; штрафовъ уплачено 15 т. рупiй (p. 18).

Карательныя операцiи генерала Джеффрейса продолжались до 25 сентября, когда мамунды выказали готовность вступить въ переговоры о примиренiи. Причиненный имъ разрушенiемъ деревень и имущественный убытокъ оцѣнялся уже къ этому времени въ 25 т. рупiй. Генералъ Блудъ требовалъ возвращенiя 22 винтовокъ, доставшихся мамундамъ отъ британскихъ войскъ въ дѣлѣ 16 сентября, но мамунды отъ возврата отказались, утверждая, что ружья эти взяты помогавшими имъ авганскими подданными, которые удалились за границу, почему отобрать ихъ у нихъ мамунды не имѣютъ возможности (pp. 95, 129, 131, 132, 16). Вслѣдствiе этого Блудъ возобновилъ карательныя мѣры. 29 сентября войска его произвели разрушенiе 15 башенъ въ 12 деревняхъ и уничтожили много имущества. 30 сентября, двигаясь на деревни Агру (Agrah) и Гатъ, бригада Джеффрейса встрѣтила упорное сопротивленiе со стороны мамундовъ въ числѣ 2 т. ч., въ благопрiятныхъ для обороны мѣстныхъ условiяхъ. Первая и часть второй деревни были заняты и сожжены, горцы понесли значительный уронъ, но и у англичанъ было убито 2 и ранено 3 британскихъ офицера, убито 10 и ранено 38 нижнихъ чиновъ. 3 октября разрушена была деревня Баделай (Badelai), при слабомъ сопротивленiи, но опять не безъ потерь и у британцевъ: 2 нижнихъ чина убито и 14 ранено (pp. 135, 17). Такъ какъ для овладѣнiя долиною мамундовъ, вслѣдствiе недостатка воды и крѣпости позицiй, занятыхъ довольно многочисленными и хорошо вооруженными горцами, предстояли значительныя трудности и кровопролитiе, то предложено было баджаурскимъ ханамъ употребить свое влiянiе для склоненiя мамундовъ къ покорности; вмѣстѣ съ тѣмъ дано было знать мамундамъ, чтобы они, если желаютъ мира, отослали обратно шедшую къ нимъ на помощь отъ авганской границы партiю въ числѣ около 1 т. ч. Мамунды немедленно исполнили это требованiе и 9 октября доставили часть требовавшихся 22 британскихъ ружей. 11 октября генералъ Блудъ

лично принялъ покорность меликовъ мамундовъ, доставившихъ остальныя изъ 22 винтовокъ, кромѣ трехъ, возвратъ которыхъ они обезпечили; во вниманіе къ большимъ потерямъ, понесеннымъ мамундами лично (однихъ убитыхъ 200 ч.) и имущественно, ген. Блудъ освободилъ ихъ отъ штрафа деньгами и оружіемъ (pp. 135, 137, 140). Съ 13 по 21 октября Блудъ занимался понужденіемъ къ платежу штрафовъ и выдачѣ оружія саларзіевъ (вѣтвь отманъ-хейлей) и шамозіевъ (племени юсуфзійскаго). 23 октября войска его переправились на обратномъ пути къ Чакдере и Малаканду чрезъ Пенджкору и къ концу октября прибыли въ Малакандъ (p. 135). Ханамъ Навагая, Хара и Джара, за содѣйствіе британскимъ войскамъ, выдано было изъ взысканныхъ штрафовъ первому 10 т. рупій, второму 3500 р. и третьему 2 т. рупій (p. 142), хотя ханы эти подозрѣвались сначала въ тайномъ подстрекательствѣ мамундовъ къ сопротивленію (p. 132).

Такъ какъ часть отманъ-хелей нижняго Свата уклонялась отъ уплаты штрафовъ и выдачи оружія въ наказаніе за участіе въ возстаніяхъ момендовъ и юсуфзіевъ, то въ земли ихъ 23 ноября былъ посланъ особый отрядъ изъ трехъ полковъ пѣхоты съ кавалеріею и артиллеріею. Они поспѣшили выполнить требуемое безъ сопротивленія и отрядъ этотъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Рейда, уже 6 декабря возвратился въ британскіе предѣлы (p. 7).

По уходѣ войскъ Эллиса Адда-мулла возвратился въ Джароби около половины октября, но походъ Рейда въ концѣ ноября повидимому побудилъ его удалиться въ авганскіе предѣлы, такъ какъ эмиръ, въ полученномъ вице-королемъ 10 декабря письмѣ, увѣдомлялъ, что, подъ угрозою ареста, приказалъ объявить Неджмъ-эддину, чтобы онъ немедленно удалился изъ его владѣній или слѣдовалъ въ Кабулъ, а оттуда въ Мекку черезъ Персію (p. 18).

г) Война съ афридіями и оракзіями.

Въ найденномъ впослѣдствіи англичанами, во время похода въ Тира, въ домѣ главнаго муллы афридіевъ Сеидъ-Экбера письмѣ Адда-муллы,— адресованномъ мулламъ и старшинамъ афридіевъ и оракзіевъ, безъ даты, но относящемся по содержанію къ концу іюля или началу августа 1897 года,— говорится, что высказывавшій до сего времени малодушіе народъ Баджаура и Свата, понявъ свою вину, раскаявшись и устыдившись своего поведенія, возсталъ противъ кафировъ, нападаетъ на нихъ день и ночь и приводитъ ихъ въ трепетъ. „Я, съ своей стороны, оповѣстилъ народъ Легмана и Кунара, момендовъ, джелальабадцевъ (Ningragaris) и шинваріевъ, и всѣ они приготовляются принять участіе въ войнѣ“. Призывая и афридіевъ съ орак-

зіями къ джихаду, во избѣжаніе посрамленія предъ Богомъ въ день страшнаго суда и т. д., Адда-мулла увѣдомлялъ, что посылаетъ къ нимъ для наставленія и совѣта духовнаго главу момендовъ муллу Абдуллу. Съ своей стороны онъ выступитъ на бой въ опредѣленномъ ими мѣстѣ и въ назначенное время, но проситъ о рѣшеніи по этому предмету увѣдомить (pp. 39A, 39B). Хотя захваты англичанами земель и водвореніе войскъ въ хребтѣ Самана у оракзіевъ, въ Сватѣ и Везиристанѣ поселили въ горцахъ общее опасеніе за сохраненіе независимости пограничныхъ племенъ и неприкосновенность ихъ территорій. но придти къ соглашенію относительно общей войны съ Англіею было не легко, тѣмъ болѣе, что интересовъ нѣкоторыхъ племенъ, напр. афридіевъ, покушенія англичанъ явно пока не затрогивали. Трудно достижимо было единодушное рѣшеніе даже въ средѣ одного и того же племени, такъ какъ вѣтви племенъ часто враждебны между собою и имѣютъ разные интересы. По доходившимъ до англійскихъ пограничныхъ властей отрывочнымъ слухамъ, Сеидъ-Экберъ и другіе муллы афридіевъ и оракзіевъ озаботились созывомъ меликовъ и вожаковъ племенъ для совѣщаній о джихадѣ (напр., на 6 августа, на 13 августа, какъ выше упоминалось), но для принятія общихъ рѣшеній потребовалось не малое время. Набѣгъ Адда-муллы на Шабкаддаръ по всей вѣроятности сильно подвинулъ совѣщанія у афридіевъ и оракзіевъ. 14 августа командиръ форта Локхартъ въ хребтѣ Самана телеграфировалъ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, что оракзіи рѣшили начать войну противъ Англіи въ союзѣ съ афридіями; въ виду предстоящихъ вслѣдствіе этого нападеній горцевъ на форты въ Самана, служащіе въ этихъ фортахъ англичане въ тотъ же день отправили свои семейства въ безопасныя мѣста внутри британской территоріи (p. 83). 17 августа одинъ прибывшій въ Пишаверъ меликъ извѣстилъ, что 10 тыс. афридіевъ выступили изъ Тира для овладѣнія фортами и постами въ Хайберскомъ проходѣ (p. 84). Продолжавшій не вѣрить возможности возстанія афридіевъ пишаверскій коммиссіонеръ Udny и командующій тамъ войсками генералъ Эллисъ рѣшили, на всякій случай, предоставить защиту хайберскихъ фортовъ и постовъ занимавшимъ ихъ „хайберскимъ стрѣлкамъ“, подъ командою ихъ офицеровъ изъ азіатцевъ; начальствовавшій въ Хайберѣ британскій офицеръ былъ отозванъ въ британскіе предѣлы (pp. 90, 91). Извѣстія о воинственныхъ сборахъ племенъ оказались вѣрными. Многочисленныя ополченія афридіевъ напали на хайберскіе форты и всѣми ими 23—25 августа овладѣли послѣ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія „хайберскихъ стрѣлковъ“. Послѣдніе, частію, въ теченіе сентября, пробрались въ британскіе предѣлы, такъ что изъ числа 836 винтовокъ Снайдера утрачено съ убитыми, ранеными и перешедшими на сторону непріятеля только 274 штуки (p. 96). Изъ вѣтвей афридіевъ остались вѣрными

англичанамъ адамъ-хели, по находящемуся въ земляхъ которыхъ кохатскому проходу войска и транспорты двигались во все время войны безпрепятственно; отказывалась сначала воевать также вѣтвь куки, но, опасаясь сожженія и разграбленія домовъ и имущества, и она 26 августа присоединилась къ возставшимъ (р. 105). У оракзіевъ роды самиль первоначально уклонялись отъ войны, но послѣ успѣховъ афридіевъ въ Хайберѣ поднялись и они, начавъ съ 26 августа набѣги и нападенія на британскіе посты между Кохатомъ и фортомъ Курамъ; нѣкоторые изъ этихъ постовъ были оставлены стражниками и сожжены горцами; тогда къ возстанію присоединились и уклонявшіеся досселѣ восточные шіитскіе роды оракзіевъ, ближайшіе къ Кохату. Въ концѣ августа оракзіи начали скопляться къ британскимъ формамъ въ хребтѣ Самана. 3 сентября произвели они нерѣшительное нападеніе на фортъ Гулистанъ, но на приступъ не пошли. Къ 11 сентября прибыли на помощь афридіи съ Сеитъ-Экберомъ. Командовавшій войсками отъ Кохата до Курама генералъ Етманъ Биггсъ двинулся вдоль подножія хребта Самана и воспрепятствовалъ горцамъ произвести предположенное ими нападенія на городъ Хангу, но его арьергардъ подвергся ночью аттакѣ и потерялъ 20 чел. убитыми и ранеными (рр. 97, 24). 12 числа отрядъ, по недостатку воды, долженъ былъ возвратиться въ Хангу. Между тѣмъ горцы аттаковали въ это время большими силами два поста, изъ которыхъ одинъ, въ Сарагари, былъ взятъ ими послѣ мужественной обороны гарнизона, состоявшаго изъ 23 сейковъ, которые были всѣ перебиты. Ночью 13 сентября британскій отрядъ двинулся изъ Хангу, вынудилъ огнемъ своихъ орудій заграждавшихъ путь горцевъ къ отступленію и освободилъ форты Локхартъ и Гулистанъ отъ обложенія (рр. 121, 24, 98). Засимъ, вплоть до начала движенія англичанъ въ Тира 18 октября, военныя дѣйствія почти прекратились.

По свѣдѣніямъ капитана Barrow (Journal of the United Service Institution of India, 1884, № 59, p. 74), афридіи могли выставить 23.900 ратниковъ, въ томъ числѣ вѣтвь адамъ-хель 4400 чел. и вѣтви закка, куки и меликдинъ по 4 тыс. чел. каждая. Въ 1897 г. пенджабскій губернаторъ полагалъ, что афридіи имѣютъ около 19 тыс. воиновъ, не считая всѣхъ адамъ-холей и части куки, силы же оракзіевъ оцѣнялъ онъ въ 21.880 воиновъ, не считая шіитскихъ родовъ (Mil. oper., vol. II, p. 151). Такимъ образомъ силы афридіевъ и оракзіевъ составляли въ совокупности около 40 тыс. чел., изъ которыхъ до 2 или, крайнее, до 3 тыс. чел. были вооружены добытыми разными путями винтовками, заряжающимися съ казенной части, различныхъ системъ. Не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи, горцы были не въ состояніи противостоять англійскимъ войскамъ въ открытомъ полѣ и были лишены возможности овладѣвать укрѣпленіями, защищаемыми сколько

нибудь значительнымъ гарнизономъ изъ регулярныхъ войскъ, а тѣмъ болѣе снабженными пушками. По этимъ причинамъ африди и оракзіи въ продолженіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые англичане употребляли на сборы къ походу въ Тира, не предпринимали никакихъ движеній въ британскую территорію и готовились, съ бо́льшими шансами на успѣхъ, бороться съ англичанами въ своихъ горахъ, гдѣ для кавалеріи нѣтъ мѣста и гдѣ дѣйствія регулярной пѣхоты и артиллеріи значительно парализируются трудными и невыгодными мѣстными условіями, представляющими напротивъ многія удобства для партизанской войны мѣстныхъ горцевъ.

Сознавая свою слабость предъ мощью Англо-Индіи, въ особенности же предъ ея артиллеріею и регулярными войсками, африди и оракзіи обратились за помощью къ эмиру. Посланцы ихъ были задержаны въ Джедальбадѣ, въ письменныхъ же прошеніяхъ, которыя привезли они и которыя были датированы 5 сентября 1897 года, значилось слѣдующее: „Британское правительство съ давнихъ поръ производитъ постепенные захваты въ нашей странѣ и даже на авганской территоріи, и возводитъ въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія. При многихъ случаяхъ мы жаловались на это авганскому правительству, но ваше высочество не обратили на наши жалобы вниманія. Нынѣ, хотя и малосильные, но опираясь на исламъ и свою твердость въ религіи, мы, по волѣ Божіей, отворили врата джихада противъ сказаннаго правительства и прекратили сношенія съ нимъ на всѣхъ путяхъ. Мы разграбили и разрушили пять фортовъ въ Самана, надъ Хангу, фортъ въ Шинавари у подножія Самана на британской территоріи, одинъ фортъ въ проходѣ Обланъ близъ Кохата“. Поименовавъ затѣмъ мѣстности, гдѣ разрушены семь тана (посты) и одно индуское торговое селеніе, петиціи продолжаютъ: „Осталось три большихъ форта на вершинѣ этихъ горъ (Самана, т. е. форты Локхартъ, Гулистанъ и меньшаго значенія третій), которые мы еще не взяли, но надѣемся, съ Божіей помощью, разрушить и сжечь. Весь народъ Тира занялъ позиціи на вершинахъ этихъ горъ и у ихъ подножія. Граница оракзіевъ тянется отъ Кохата до Рудъ-и-Кермана въ курамскомъ округѣ, и племена, каждое на своихъ частяхъ границы, ведутъ священную войну. И мы не желаемъ подчиниться британскому правительству и сдѣлаться его подданными, и не хотимъ отдавать бразды власти надъ нашей страною въ руки этого правительства. Мы желаемъ, напротивъ, подчиняться правительству государя ислама. Правительству же ислама надлежитъ разсмотрѣть не только наши интересы и обсудить наше положеніе, но сообразить интересы и положеніе всего Авганистана. Посему мы посылаемъ этихъ 18 лицъ изъ нашихъ меликовъ, духовныхъ и старшинъ съ нашими просьбами къ вашему высочеству. Въ настоящее время мы ведемъ священную войну въ хребтѣ Са-

мана, и просимъ ваше высочество сдѣлать возможное для нашей пользы и блага, а мы, съ Божьею помощью, будемъ дѣйствовать по указаніямъ вашимъ, такъ какъ отдаемъ веденіе и направленіе нашихъ дѣлъ въ ваши руки. Мы употребимъ всѣ старанія для службы вашему высочеству. Теперь время достигнуть цѣлей вашего высочества. Всѣ мусульмане теперь въ распоряженіи вашего высочества, государя ислама. Остаемся въ надеждѣ на помощь вашего высочества регулярными войсками, артиллеріею и деньгами. Если британцы окажутся побѣдителями, они раззорятъ всѣхъ мусульманъ. Всякую службу въ этомъ отношеніи мы готовы нести для вашего высочества. Надѣемся, что, по разсмотрѣніи нашего ходатайства, ваше высочество благоволите почтить насъ отвѣтомъ“ (р. 133).

Данный эмиромъ письменный отвѣтъ,—копія котораго, по донесенію британскаго агента отъ 25 сентября, была вывѣшена въ Кабулѣ для всеобщаго свѣдѣнія,—состоялъ въ существѣ въ томъ, что въ продоженіе 18 лѣтъ со времени вступленія эмира на престолъ, даже въ то время, когда онъ проѣзжалъ для свиданія съ вице-королемъ по Хайберскому пути, а равно и во время проѣзда сэра Мортимера Дьюранда для соглашенія о границѣ, никто къ нему по предмету ходатайствъ горцевъ не обращался. Все время они хранили молчаніе, молчаніе же означаетъ согласіе. Теперь, поссорившись съ англичанами и начавъ съ ними войну, они обратились къ нему. Между тѣмъ онъ, по государственнымъ соображеніямъ, состоитъ въ союзѣ съ британскимъ правительствомъ и до настоящаго времени англичане, хотя христіане, не подавали ему никакого повода союзъ этотъ нарушить. Какъ мусульмане, просители сами должны знать, что въ коранѣ сказано: „исполняйте свои обязательства“. Онъ не можетъ по одному желанію немногихъ, заботящихся лишь о своихъ выгодахъ, лицъ посрамить себя самого и народъ свой. Что они натворили своими руками, пусть сами и выносятъ на своихъ шеяхъ (р. 132, 134).

По полученіи извѣстій о нападеніи афридіевъ на хайберскіе форты и посты и о прекращеніи вслѣдствіе этого торговаго и иного сообщенія Пишавера съ Кабуломъ по прямому пути, англо-индійское правительство немедленно, уже 26 августа, рѣшило подвергнуть афридіевъ строгой карѣ, предпринявъ экспедицію въ средоточіе ихъ земель. Для приготовленій къ ней оно считало достаточными недѣли три (р. 21), но на дѣлѣ для нихъ потребовалось болѣе чѣмъ полтора мѣсяца, такъ какъ движеніе въ Тира начато лишь 18 октября. Угрожаемыя племена имѣли поэтому достаточно времени, чтобы вновь обратиться за помощью къ эмиру. Уже 5 октября англійскія власти получили свѣдѣнія о томъ, что афридіи и оракзіи рѣшили отправить въ Кабулъ новую депутацію съ просьбою о помощи и съ заявленіемъ обязательства племенъ уплачивать за нее впредь по одной рупіи съ каждаго плуга

ежегодно (р. 156). 15 октября британскій агентъ въ Кабулѣ обратился къ эмиру съ представленіемъ объ отказѣ въ ходатайствѣ вновь прибывшей депутаціи (р. 167). 17 октября эмиръ собственноручно отвѣтилъ, что не принималъ еще депутаціи, но не откажется во всякомъ случаѣ отъ дружбы съ Англіей, пока живъ. „Что можетъ—писалъ онъ между прочимъ—этотъ жалкій и трепещущій народъ сказать мнѣ такого, что могло бы побудить меня измѣнить свои намѣренія? Если врагъ (несомнѣнно Россія) вступитъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то не взирая на его мощь и силу и хотя бы моя страна была раззорена его руками, я всетаки не откажусь отъ своего союза съ славнымъ британскимъ правительствомъ" (р. р. 167—168). Въ тотъ же день, послѣ пріема депутатовъ, эмиръ дополнительно написалъ агенту, что умы депутатовъ поражены страхомъ и говорятъ они безсвязно и какъ безумные. Теперь они раскаиваются и очень жалѣютъ. Они не имѣютъ никакой надежды избѣжать заслуженнаго ихъ негодными дѣйствіями, и молятъ Бога, чтобы высокіе сановники славнаго британскаго правительства даровали прощеніе за ихъ преступленія. Они готовы сдѣлаться подданными правительства. Они желали бы знать, можетъ ли правительство простить ихъ и на какихъ условіяхъ. Эмиръ сомнѣвался было въ ихъ искренности но они клялись, что говорятъ правду. Если правительство еще не отдало приказанія объ ихъ наказаніи, то агентъ могъ бы спросить—нельзя ли вступить съ ними въ переговоры, о чемъ эмиръ могъ бы съ ними потолковать. Если же приказанія о наказаніи этихъ безумныхъ горцевъ уже отданы, то возражать противъ нихъ нечего. Они заслужили всяческую кару. „Да будутъ прокляты ихъ муллы", которые довели ихъ до такого положенія (р. 168).

Предназначенный для похода въ Тира дѣйствующій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Локхарта, былъ составленъ изъ четырехъ бригадъ, соединенныхъ въ двѣ дивизіи; въ каждую дивизію включено было по одному піонерному батальону, по 1—2 роты саперъ, по два эскадрона кавалеріи и по три горныхъ батареи, такъ что въ отрядѣ составилось до 20 т. ч. Сверхъ того для охраны сообщеній дано около 3.500 ч., въ курамской подвижной колоннѣ 2.500 ч., въ пишаверской колоннѣ, выставленной на р. Барѣ, 3.500 ч. и въ резервахъ въ Раваль-Пинди 3.200 ч., такъ что въ общей сложности состояло въ распоряженіи Лакхарта до $34^{1}/_{2}$ т. ч. Задачами для дѣйствій силъ Локхарта поставлены были достиженіе британскими войсками центра земель афридіевъ и оракзіевъ, выси Тира, занимающей верховья рѣкъ Бары и притока ея Мастуры, и вынужденіе племенъ къ покорности, къ возврату захваченныхъ въ Хайберѣ 274 винтовокъ Снайдера и вообще всякаго имущества, принадлежащаго правительству и его служащимъ,

съ возмѣщеніемъ непосредственныхъ убытковъ въ немъ, и, въ наказаніе за возстаніе, къ уплатѣ штрафа афридіями 50 т. рупій, оракзіями 30 т. рупій, съ выдачею тѣми и другими по 1 т. заряжающихся съ казенной части ружей (р. 142). Пенджабскій губернаторъ полагалъ, что хотя по всей вѣроятности племена не согласятся безъ боя принять условія прощенія, но тѣмъ не менѣе, по соображеніямъ гуманности и согласно прежней практикѣ въ такихъ случаяхъ, слѣдовало бы объявить горцамъ эти условія до вторженія дѣйствующаго отряда, дабы дать имъ возможность добровольно исполнить британскія требованія безъ напраснаго кровопролитія и раззоренія (р. 148), но вице-король „въ совѣтѣ" рѣшилъ объявить горцамъ условія примиренія лишь по вступленіи британскихъ войскъ въ Тира, дабы возстановить пострадавшій будто бы отъ ничѣмъ невызваннаго возстанія престижъ (153). Если бы Англія воздержалась отъ большею частію неразумныхъ и напрасныхъ жертвъ Молоху „престижа", то сберегла бы много жизней своихъ солдатъ и офицеровъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ половина оракзіевъ и афридіевъ, особенно послѣ отказовъ въ помощи со стороны эмира, готова была покориться во избѣжаніе непосильной и безнадежной борьбы. Въ такомъ настроеніи безспорно находились у оракзіевъ роды самиль (р. 126), не говоря уже о шіитскихъ, а у афридіевъ вѣтвь куки и отчасти другія. Ихъ примѣръ могъ бы увлечь остальные роды, во всякомъ же случаѣ ихъ уклоненіе отъ участія въ борьбѣ много уменьшило бы встрѣченное войсками Локхарта сопротивленіе и дальнѣйшее упорство горцевъ въ продолженіи борьбы. Напротивъ, неизвѣстность условій примиренія, при предварительномъ занятіи британскими войсками центра земель племенъ, не могла не побудить всѣ роды къ единодушному сопротивленію, такъ какъ въ числѣ требованій англичанъ могли заключаться не однѣ кары, но отнятіе земель, построеніе крѣпостей, введеніе англійскаго управленія и податей и такъ далѣе. Да и на самомъ дѣлѣ главнокомандующій войсками Индіи Хуайтъ (White) настаивалъ на присоединеніи или постоянномъ занятіи Тира (р. 28), а отвергшее это мнѣніе большинство совѣта съ вице-королемъ во главѣ склонялось однако къ обложенію оракзіевъ и афридіевъ небольшими податями въ знакъ фактическаго проявленія англійскаго верховенства (р. 28), и только лондонское министерство отклонило это предположеніе, справедливо находя, что никакое соглашеніе съ горцами не продержится, если въ него войдетъ установленіе податей, взиманіе которыхъ сопряжено будетъ съ крайними затрудненіями, тѣмъ болѣе, что даже чисто номинальныя подати вызовутъ безполезное озлобленіе (р. 29).

7 октября Локхартъ разослалъ племенамъ извѣщеніе, гласившее, что вслѣдствіе ничѣмъ невызваннаго открытія непріязненныхъ дѣйствій со стороны

афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска пройдутъ въ центръ ихъ страны и онъ объявитъ тамъ окончательныя условія британскаго правительства, въ случаѣ же непринятія ихъ племенами, онъ принудитъ ихъ къ выполненію поставленныхъ требованій, а равно и другихъ, какія будутъ вызваны сопротивленіемъ племенъ, ихъ частей и отдѣльныхъ лицъ (р. 155). 9 октября Локхартъ отправился изъ Кохата къ хребту Самана, у котораго сосредоточивался весь дѣйствующій отрядъ. Съ своей стороны ополченія афридіевъ и оракзіевъ собирались въ долинѣ рѣки Ханки (р. 143). 16 октября являлись въ Джамрудъ со стороны Хайбера депутаціи отъ всѣхъ афридіевъ и оракзіевъ съ мирными предложеніями, но имъ было объявлено, чтобы они представили ихъ генералу Локхарту по прибытіи его въ Тира (рр. 159, 143). Движеніе своего отряда, собраннаго въ Шинавари, Локхартъ думалъ направить въ долину Ханки чрезъ проходъ Чагру (Chagru Kotal). Посылавшіяся для поправки дороги чрезъ Чагру рабочія партіи ежедневно подвергались нападеніямъ горцевъ, устроившихъ сенгеры въ деревнѣ Даргай, за переваломъ (рр. 143, 144). Кажется, Локхартъ не ожидалъ значительнаго сопротивленія движенію чрезъ Чагру, быть можетъ вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи горцевъ сосредоточиться для защиты прохода Сампага (р. 158). Предположивъ передвинуть одну изъ своихъ дивизій чрезъ долину Ханки 22 октября, на слѣдующій день отправить за нею другую дивизію и 24 числа аттаковать соединенными ихъ силами проходъ Сампага (р. 26), Локхартъ 18 октября послалъ двѣ бригады подъ начальствомъ генерала Пальмера, изъ лагеря при Шинавари, для очищенія отъ непріятеля Чагру, съ цѣлью безпрепятственной разработки дороги. Направивъ одну бригаду во флангъ защитниковъ прохода, Пальмеръ далъ другой бригадѣ возможность легко овладѣть проходомъ, а затѣмъ въ полдень занялъ и Даргай; пока онъ занимался разрушеніемъ сенгеровъ Даргая, къ горцамъ подошли большія подкрѣпленія изъ долины Ханки. Въ виду трудности дороги чрезъ Чагру, Пальмеръ, еще до достиженія прохода, отослалъ назадъ, въ лагерь при Шанавари, свой обозъ, а потому, по словамъ его телеграммы, „имѣлъ возможность причинить непріятелю столь значительныя потери, что могъ возвратиться въ лагерь при Шанавари, не безпокоимый имъ; арьергардъ прибылъ въ лагерь въ 11 часовъ ночи“; потери состояли изъ 1 убитаго и 1 раненаго офицеровъ, изъ 8 убитыхъ и 44 раненыхъ нижнихъ чиновъ (рр. 26, 144, 161). Оставленіе занятаго было прохода и Даргая отозвалось при предпринятомъ 20 октября движеніи всѣхъ силъ Локхарта въ долину Ханки немалыми затрудненіями. Дойдя безпрепятственно до прохода, дивизія генерала Етманъ Биггса нашла его занятымъ значительными силами горцевъ. Послѣ безуспѣшной аттаки позиціи въ продолженіе четырехъ часовъ, генералъ этотъ телеграфировалъ

Локхарту, что пройти невозможно (p. 161: after attacking position for about four hours, he reported it to be impossible to get through). Аттака производилась послѣдовательно, но одинаково безуспѣшно батальономъ гурка и двумя англійскими батальонами, пока наконецъ въ 3 ч. 15 м. позиція не была взята батальономъ шотландскихъ горцевъ Гордона, поддержаннымъ батальономъ сейковъ, подъ прикрытіемъ сосредоточеннаго огня четырехъ горныхъ батарей (pp. 161, 162, 164, 27). Потери англичанъ состояли изъ 163 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, 3 убитыхъ и 5 раненыхъ британскихъ офицеровъ (p. 144). Оставленіе занятыхъ 18 октября Чагру и Даргая и непосылка 20 октября особой колонны во флангъ защитниковъ Чагру и Даргая кажутся ошибками Локхарта или Пальмера и Етманъ Биггса, но не смотря на продолжавшуюся въ англо-индійской прессѣ и военныхъ кругахъ еще въ 1898 году горячую полемику по этому поводу возникающіе вопросы недостаточно выяснены *).

Защищали Чагру главнымъ образомъ ополченія афридіевъ и роды гаръ племени оракзіевъ. О численности ихъ можно судить по имѣвшимся у Локхарта къ 18 октября свѣдѣніямъ о нахожденіи въ долинѣ Ханки афридіевъ въ числѣ 18 знаменъ, или по 300—400 ратниковъ на каждое знамя, отъ 5400 до 7200 ч., оракзіевъ родовъ гаръ 6 т. ч. и оракзіевъ родовъ самиль 3—4 т. ч. (pp. 144, 160).

21 октября дивизія Етманъ Биггса спустилась съ перевала Чагру (5.525 футовъ) въ долину Ханки (4.380 ф.), но передвиженіе ея обозовъ и второй дивизіи, по трудности пути, который пришлось разрабатывать, и дальнѣйшее движеніе отряда къ подножію перевала Сампага потребовали недѣлю времени. Зато перевалъ Сампага (6.550 ф.) взятъ былъ 29 октября

---

*) Изъ свѣдѣній полк. Хетчинсона, состоявшаго при штабѣ ген. Локхарта, можно заключить, что оставленіе части войскъ въ Даргаѣ и Чагру не входило въ намѣренія Локхарта, наблюдавшаго за операціями 18 октября съ горы Самана-Сукъ, и что войска не могли быть оставлены въ Даргаѣ за неимѣніемъ на мѣстѣ воды, которая находилась въ трехъ миляхъ далѣе и была труднодоступна вслѣдствіе плохого состоянія дороги, подвергавшейся притомъ обстрѣливанію съ сопровождавшихъ ее высотъ. Локхартъ предполагалъ прочно занять Чагру 19 октября и отдалъ соотвѣтствующія приказанія, но войска были такъ утомлены движеніемъ 18 октября, что ген. Етманъ-Биггсъ нашелъ необходимымъ дать имъ день отдыха; когда Локхартъ, находившійся въ фортѣ его имени, узналъ объ этомъ, было уже поздно отмѣнять распоряженіе Етманъ Биггса. При движеніи 20 октября Локхартъ имѣлъ въ виду кромѣ фронтальной аттаки обходное движеніе съ лѣваго фланга въ тылъ непріятеля, но Етманъ Биггсъ призналъ опаснымъ предпринять это фланговое движеніе до взятія командующихъ ущельемъ высотъ, а потому повелъ одну фронтальную аттаку (The Campaign in Tirah 1897—1898, London, 1898, pp. 6?, 65, 67, 69). За болѣзнью ген. Етманъ Биггса и послѣдовавшей вскорѣ (4 января) его смертью относящіяся до него обстоятельства подвергаются въ нѣкоторыхъ кругахъ сомнѣнію, такъ какъ, по мнѣнію его друзей, генералъ этотъ былъ не такой человѣкъ, чтобы дозволить себѣ не исполнить приказаній командующаго войсками.

легко, съ потерею лишь 4 ч. убитыи и 20 ч. ранеными, такъ какъ перевалъ этотъ защищали лишь оракзіи родовъ самиль, при содѣйствіи небольшаго числа афридіевъ, и сосредоточеніе артиллерійскаго огня на сенгерахъ прохода лишило горцевъ возможности въ нихъ удержаться; ополченіе родовъ гаръ племени оракзіевъ не приняло участія въ оборонѣ вслѣдствіе демонстраціи, которою оно было отвлечено на западъ отъ Сампага. Сверхъ того фронтальная аттака на Сампага была облегчена фланговымъ движеніемъ съ востока (pp. 28, 144, 164, 170). 30-е октября войска Локхарта провели въ долинѣ Мастуры (5.880 ф.), а 31 октября взяли перевалъ Арханга (7.050 ф.), слабо защищавшійся афридіями, и спустились въ котловину Майданъ (6.090 ф.), въ верховьяхъ рѣки Бары, въ центрѣ страны Тира. Защитники перевала Арханга были выбиты изъ сенгеровъ артиллерійскимъ огнемъ, да и число ихъ было не велико, такъ какъ афридіи заняты были удаленіемъ семействъ въ безопасныя мѣста; сверхъ того позиціи горцевъ были обойдены съ лѣваго фланга (pp. 28, 29).

По вступленіи въ Майданъ Локхартъ оповѣстилъ племена афридіевъ и оракзіевъ, чтобы старшины ихъ явились къ нему въ лагерь для выслушанія условій, выполненіе которыхъ требуется британскимъ правительствомъ для возстановленія мира. Онъ ожидалъ, что ближайшіе роды явятся 6 или 7 ноября, но прибыли къ 12 ноября лишь мелики оракзіевъ, которымъ и объявлены выше изложенныя условія, въ которыхъ Локхартъ, по предоставленной ему власти, смягчилъ требованіе относительно оружія, уменьшивъ цифру его до 500 винтовокъ, вѣроятно по трудности, граничившей съ невозможностью, найти у оракзіевъ большее количество заряжающихся съ казны ружей: мелики оракзіевъ заявляли, что и 500 винтовокъ у нихъ не розыщется, но требованіе объявлено окончательнымъ (p. 30, 31). Оракзіи приняли условія, приступили вскорѣ къ ихъ исполненію и къ 18 декабря выполненіе это закончили (p. 37). Съ 9 ноября стали являться мелики нѣкоторыхъ вѣтвей афридіевъ, но закка держались явно враждебно, а куки камрай и сипа отъ примиренія и покорности уклонялись, такъ что, послѣ тщетныхъ ожиданій общей покорности, Локхартъ къ 21 ноября объявилъ условія словесно вѣтвямъ меликдинъ, камбаръ, ака и адамъ-хель (обитающей въ Тира части послѣдней), остальнымъ же послалъ письменныя объявленія (pp. 31, 33). Количество штрафа винтовками назначено было въ 800 штукъ (p. 34).

Скорая покорность оракзіевъ, помимо большей легкости доступа для британскихъ войскъ во всѣ части ихъ земель, не представляющихъ такихъ удобствъ для обороны, какъ земли афридіевъ,—объясняется отдаленностью ихъ территоріи отъ границы владѣній эмира, почему оракзіи не могли, по-

добно афридіямъ, отправить свои семьи и наиболѣе цѣнное имущество за границу, а должны были удалить семейства свои въ горы, гдѣ проживаніе въ палаткахъ и пещерахъ въ зимнее время сопряжено съ гибелью дѣтей, стариковъ и менѣе крѣпкихъ женщинъ отъ холода и недостатка топлива и продовольствія. Напротивъ афридіи, отправивъ свои семьи, имущество и скотъ за авганскую границу, частію еще до начала движенія Локхарта, частію же потомъ, отчего Сампага и Арханга имѣли такъ мало защитниковъ, могли затѣмъ вести оборонительную и партизанскую войну, не стѣсняясь заботами о безопасности семей и въ полной мѣрѣ пользуясь благопріятными для такой войны условіями своей страны, въ которой даже долины и котловины изрѣзаны оврагами и ущельями съ труднопроходимыми, узкими пѣшеходными тропинками (Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, въ Geographical Journal, 1898, October, pp. 347—348). Вслѣдствіе этого британскіе транспорты и ихъ прикрытія, а равно отряды, посылавшіеся для рекогносцировокъ, фуражировокъ, разрушенія сенгеровъ, башенъ, домовъ и деревень, подвергались, особенно при возвращеніи, нападеніямъ горцевъ, пользовавшихся всякой случайностью и возможностью для нанесенія противникамъ вреда, устраивавшихъ засады, производившихъ днемъ и ночью стрѣльбу въ лагери англичанъ и т. д. Такъ 6 ноября фуражиры въ окрестностяхъ лагеря въ Майданѣ потеряли 2 нижнихъ чиновъ убитыми и 6 ранеными. Того же числа, при ночной стрѣльбѣ въ лагерь, одинъ британскій офицеръ убитъ, другой тяжело раненъ; черезъ одну ночь убитъ еще одинъ офицеръ (p. 30). 9 ноября въ аррьергардѣ разрушившаго 40 башенъ у закка отряда были убиты 1 офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ, а 2 офицера и 43 н. ч. ранены (pp. 30, 31). 16 ноября, при возвращеніи колонны генерала Кемпстера изъ Варана въ Майданъ, отдѣлившаяся рота дорсетшейрскаго батальона и два сейкскихъ полка понесли значительныя потери (p. 32), именно офицеровъ убито 4 и ранено 6 (въ томъ числѣ 3 изъ туземцевъ) и нижнихъ чиновъ убито 25 и ранено 37 (The Campaign in Tirah, by col. Hutchinson, London, 1898, pp. 145, 146).

Предвидя, что войска скоро придется вывести изъ Тира, такъ какъ наступили холода, Локхартъ испросилъ заблаговременно разрѣшеніе и 27 ноября издалъ прокламацію, гласившую: „Я уйду съ майданской выси, потому что выпалъ снѣгъ и я не хочу держать свои войска на морозѣ. Но я не покину страны афридіевъ. Я останусь въ ней, пока афридіи не согласятся выполнить требованія правительства, и буду нападать на васъ зимою въ другихъ вашихъ мѣстахъ обитанія. Какъ старый другъ нѣкоторыхъ изъ васъ, совѣтую покориться и перемѣстить женъ и семьи изъ холодныхъ горъ въ свои дома“ (p. 35). Въ ожиданіи результата, Локхартъ съ частью

своихъ войскъ совершилъ, между 27 ноября и 6 декабря, изъ Майдана, походъ въ восточныя земли оракзіевъ, на р. Курману, гдѣ племена масузіевъ и чамканніевъ не покорялись. 30 ноября тамъ соединилась съ нимъ курамская подвижная колонна. При разрушеніи деревень масузійскихъ хани-хейлей встрѣчено упорное сопротивленіе, высоты брались въ штыки и понесены нѣкоторыя потери. 6 декабря Локхартъ вернулся въ Багъ въ Майданѣ чрезъ верховья Ханки (рр. 34—36). Между 7 и 14 декабря, отославъ лишнія тяжести обратно въ Шинавари прежнимъ путемъ, Локхартъ вывелъ всѣ свои войска на пишаверскую границу. Одна изъ бригадъ первой дивизіи спустилась по теченію Мастуры, захвативъ съ собою другую бригаду, охранявшую сообщенія съ Шинавари. Вторая дивизія слѣдовала внизъ по рѣкѣ Бара• Обѣ колонны разрушали лежавшія на пути и въ сосѣдствѣ башни и деревни афридіевъ. Трудности пути умножались сопротивленіемъ и нападеніями горцевъ (р. 36). Общая цифра потери за время выхода изъ Тира состояла изъ 33 убитыхъ и 133 раненыхъ (Imp. and Asiatic Quarterly Rериew, 1898 January, p. 214).

Черезъ нѣсколько дней предприняты были операціи для занятія Хайберскаго прохода. 23 декабря пишаверская колонна заняла фортъ Али-Месджидъ и 26 числа достигла конечнаго пункта Хайбера Ленди-котеля. Въ то же время первая девизія двигалась вверхъ по р. Базару и возвратилась обратно въ Джамрудъ 30 декабря, разрушивъ деревни и башни афридіевъ на своемъ пути. Сопротивленіе горцевъ было во время этихъ операцій, особенно въ Хайберѣ, незначительное, но безъ потерь, преимущественно при отступленіяхъ, не обошлось (рр. 37—39).

Въ концѣ декабря афридіи еще разъ обратились къ эмиру съ просьбою о помощи. На письмо по этому поводу вице-короля эмиръ 3 января сообщилъ, что отпустилъ посланцовъ обратно съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Депутаты вернулись изъ Кабула, потерявъ всякую надежду на заступничество или помощь эмира (р. 39). Въ связи съ этимъ 17 января прибыли въ Джамрудъ мелики всѣхъ вѣтвей афридіевъ кромѣ закка (р. 39).

Здѣсь кончаются свѣдѣнія „Синей книги", изданной ко времени открытія сэссіи парламента, начавшейся 8 февраля. Изъ газетъ и вообще изъ печатныхъ источниковъ извѣстно, что въ началѣ февраля заявили покорность и закка, но возвратъ и выдача ружей встрѣчали такія затрудненія и подвигались столь медленно, что, не смотря на назначеніе Локхартомъ разныхъ сроковъ, подъ угрозою возобновленія военныхъ дѣйствій, выполненіе условій закончено лишь въ концѣ марта и отрядъ Локхарта расформированъ лишь въ началѣ апрѣля 1898 года.

Торговое движеніе по занятому англійскими войсками Хайберскому про-

ходу возобновилось, подъ охраною возстановленныхъ „хайберскихъ стрѣлковъ“ въ половинѣ марта. Въ октябрѣ 1898 года правительство окончательно объявило афридіамъ, что охраненіе хайберской дороги принимаетъ непосредственно на себя; тѣмъ не менѣе афридіи обязываются помогать безопасности торговаго движенія, за что вѣтвямъ ихъ будетъ продолжаться отпускъ субсидій въ прежнемъ размѣрѣ, подъ опасеніемъ окончательнаго ихъ лишенія въ случаѣ новаго нарушенія своихъ обязанностей.

За все время военныхъ дѣйствій противъ афридіевъ и оракзіевъ англійскія войска потеряли убитыми и ранеными 1150 чел., въ томъ числѣ 79 британскихъ офицеровъ, изъ которыхъ убито и умерло отъ ранъ 23 чел., и 20 офицеровъ изъ туземцевъ, которыхъ убито 4 чел. (The Campaign in Tirah by col. Hutchinson, London, 1898, Appendix), слѣдовательно болѣе половины общаго урона британскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ разныхъ племенъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, состоявшаго съ 10 іюня 1897 года по 8 марта 1898 года, изъ 506 убитыхъ и умершихъ отъ ранъ (въ томъ числѣ британскихъ офицеровъ 44 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 136, туземныхъ офицеровъ 6) и 1378 раненыхъ (въ томъ числѣ офицеровъ 93 и нижнихъ чиновъ изъ англичанъ 404), итого 1884 чел. Сверхъ того отъ болѣзней умерло англійскихъ офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ изъ европейцевъ 250 и туземцевъ 220, итого 480 чел. (The Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, April, p. 456).

Сравнивая экспедицію Локхарта въ Тира съ экспедиціей Киченера въ Хартумъ, одинъ газетный корреспондентъ, участвовавшій въ обѣихъ, справедливо замѣчаетъ, что экспедиція въ Тира требовала такого напряженія мужества и сопряжена была съ такой непрерывностью опасностей, какія рѣдко выпадаютъ на долю войскъ. Боевая борьба въ Хартумской экспедиціи ограничилась продолжавшимся два съ половиною часа сраженіемъ при Обдурманѣ, гдѣ, выпустивъ свои пули на воздухъ безъ прицѣла, въ надеждѣ, что Богъ направитъ ихъ въ невѣрныхъ, дервиши, съ холоднымъ оружіемъ, устремились на 20 тысячъ англійскихъ и египетскихъ магазиновъ, на 70 орудій и на 30 пулеметовъ Максима: конечно произошло двухъ-часовое избіеніе нападающихъ и немедленно затѣмъ обратившихся въ бѣгство фанатиковъ, въ сущности не бой, а бойня, которою все и закончилось. „Бой же въ Тира не прекращался два съ половиною мѣсяца. Съ момента, когда первый гурка вступилъ, 21 октября, въ долину Ханки, до момента, когда послѣдній солдатъ арьергарда вышелъ изъ долины Бары, въ концѣ декабря, не было ни одного часа дня или ночи, когда бы не происходило стычекъ“. Войска „подвергались выстрѣламъ невидимаго непріятеля на ходу, за обѣдомъ, даже въ постеляхъ, если не спали безъ пищи и безъ подстилокъ; утромъ же ожидало зрѣлище

убитыхъ товарищей арьергарда или обознаго прикрытія, погибшихъ подъ напоромъ превосходящаго числомъ непріятеля". Войска Киченера, если не плыли по Нилу на судахъ въ полной безопасности и съ завиднымъ комфортомъ, могли дѣлать по прибрежной ровной пустынѣ $2^1/_2$ мили въ часъ; войска же въ Тира, двигаясь по тропинкамъ въ 2 фута шириною, въ постоянномъ ожиданіи нападенія, надъ пропастями, проходили $2^1/_2$ мили въ день (Nineteenth Century, 1898, December, pp. 1041—1047, The Tirah and Khartoum Expeditions. By L. Oppenheim, Correspondent with both Expeditionary Forces).

Помимо многаго другого, существенная разница между противниками англичанъ въ двухъ экспедиціяхъ заключалась въ томъ, что дервишами, фатально шедшими на убой, двигалъ безраздѣльно религіозный фанатизмъ, тогда какъ авганскими горцами руководила привязанность къ племенной и національной независимости, религіозное же чувство являлось мотивомъ второстепеннымъ, отнюдь не достигавшимъ фанатической фазы, такъ какъ горцы, въ особенности же знакомые по службѣ въ рядахъ англо-индійскихъ туземныхъ войскъ съ вооруженіемъ и тактикою врага афридіи, вели борьбу свою съ могущественнымъ врагомъ такимъ образомъ, чтобы причинить ему наибольшій вредъ собственными силами и при помощи благопріятныхъ мѣстныхъ условій, а не полагаясь исключительно или предпочтительно на помощь небесныхъ силъ. Въ отношеніи „фанатизма" свѣдущіе въ англо-авганскихъ пограничныхъ дѣлахъ люди, не несущіе за пограничную политику послѣднихъ лѣтъ непосредственной отвѣтственности, не имѣютъ никакихъ иллюзій. Такъ даже сэръ Ричардъ Темпль, считающій обыкновенно мнѣнія и рѣшенія англо-индійскаго правительства образцами „политической мудрости", какъ онъ тутъ же объявлялъ, отозвался однако, что хотя оффиціальные авторитеты признаютъ причиною возстаній горцевъ въ 1897 году фанатизмъ, но что-нибудь дало же пищу для возбужденія этого фанатизма: это, по заявленіямъ самихъ горцевъ, захваты ихъ земель и покушенія на ихъ независимость; „конечно, угрозы независимости племенъ далеки отъ намѣреній индійскаго правительства, но мы безсознательно дѣлали вещи, имѣвшія не тѣ слѣдствія, которыя мы имѣли въ виду". Замѣтивъ затѣмъ, что указанія на допущенныя въ разныхъ пунктахъ границы уклоненія отъ правительственной политики сдѣланы были въ замѣчательной рѣчи бывшаго вице-короля лорда Норсбрука въ февралѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, сэръ Р. Темпль призналъ другой причиной возстаній проведеніе въ натурѣ границы, на основаніи договора Дюранда, въ чемъ племена усмотрѣли явный знакъ лишенія ихъ независимости (The Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January, p. 4). Подобнымъ образомъ, по мнѣнію полковника Хетчинсона, корреспондента Times'а

изъ дѣйствовавшаго въ Тира отряда и автора лучшаго пока описанія этой экспедиціи, проповѣди и внушенія муллъ остались-бы безъ послѣдствій, если бы въ горцахъ не были возбуждены опасенія за ихъ независимость проведеніемъ границы и выставленіемъ отрядовъ и постовъ въ Вано, Точи, Малакандѣ и хребтѣ Самана (The Campaign in Tirah 1897—1898, by colonel H. D. Hutchinson, Director of Military Education of India, London, 1898, pp. 2, 3, 10, а также сообщеніе его The Story of Tirah, and the Lessons of the Campaign. Lecture by colonel H. D. Hutchinson, въ Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 229, 230). Напротивъ англо-индійскія власти, вообще приписывая возстанія 1897 года религіозному фанатизму, въ особенности упирали въ качествѣ доказательства, на возстаніе афридіевъ, которые, получая значительныя субсидіи за охрану Хайбера, рѣшительно не имѣли никакихъ причинъ жаловаться на правительство, не вмѣшивавшееся въ ихъ дѣла и не трогавшее ихъ земель. Лордъ Хамильтонъ, присоединяясь къ этому мнѣнію, находилъ доказательство его правильности въ единодушіи по этому предмету пограничныхъ политическихъ офицеровъ (Military operations, vol. 2, p. 179). Однако это единодушіе есть результатъ не правильности, а единодушной ошибки, являющейся слѣдствіемъ одинаковыхъ обстоятельствъ. Именно, будучи постоянно окружены меликами и другими туземцами, ищущими отъ нихъ великихъ и богатыхъ милостей и непрестанно для того расточающими увѣренія въ преданности своей Англіи, политическіе офицеры невольно проникались убѣжденіемъ, что выражаемыя меликами чувства раздѣляются ихъ племенами. Доставляя постоянно въ такомъ смыслѣ отчеты свои, пограничные агенты въ 1897 году совершенно неожиданно увидали племена возставшими, а самыхъ преданныхъ меликовъ стоящими въ рядахъ инсургентовъ и впослѣдствіи оправдывавшимися тѣмъ, что не въ силахъ были противиться общему движенію, руководимому муллами. Понятно, что „политическіе офицеры“ стали усматривать корень зла въ Адда-муллѣ и другихъ духовныхъ и что пишаверскій, напр., главный коммиссіонеръ, не хотѣвшій вѣрить возможности возстанія афридіевъ до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно не овладѣли всѣми фортами въ Хайберѣ, поспѣшилъ включить въ число условій покорности афридіевъ „безусловную выдачу двадцати муллъ-вожаковъ, которые принимали главное участіе въ возбужденіи настоящихъ смутъ“ (p. 147). Требованіе это отклонено, согласно мнѣнію пенджабскаго губернатора, который находилъ, что можно было бы домогаться выдачи вожаковъ, муллы они или нѣтъ, все равно, если бы возстаніе сопровождалось какими либо коварствами, тайной измѣною и т. д., но возстаніе афридіевъ и оракзіевъ произошло открыто и ихъ поведеніе не даетъ никакихъ основаній къ возбужденію подобныхъ

требованій (p. 149). Обратившись къ тѣмъ документамъ въ „Синей книгѣ“, въ которыхъ выражается собственное мнѣніе племенъ и туземцевъ о причинахъ возстаній, найдемъ, что мотивами его сами племена выставляли не фанатизмъ. Такъ, по разспросамъ эмира, причинами возставій служили стремленія британскихъ властей захватывать земли племенъ и лишать ихъ независимости, прокладывая дороги, вводя налоги, налагая штрафы и т. д., вообще желаніе поставить вольныхъ горцевъ въ то же положеніе, въ какое приведено туземное населеніе Индіи, вопреки постоянныхъ объявленій и обѣщаній правительства уважать независимость горныхъ племенъ; между тѣмъ горцы вообще бѣдны, налоговъ и штрафовъ платить не въ состояніи и въ подчиненіи имъ видятъ свое окончательное раззореніе (p. 123). Въ петиціяхъ эмиру отъ 5 сентября 1897 года афридія и оракзіи писали, что британское правительство издавна старается постепенно овладѣть ихъ землями и возводитъ на нихъ укрѣпленія и посты; это и вынудило ихъ возстать (pp. 133). Даже Адда-мулла, въ наиболѣе интересной изъ своихъ прокламацій, отправляется отъ того положенія, что „кафиры овладѣли всѣми мусульманскими странами“ (p. 39 A). Въ отвѣтахъ на разосланную Локхартомъ 7 октября прокламацію разныя вѣтви афридіевъ и оракзіевъ весьма опредѣленно заявляли, что подняли оружіе вслѣдствіе произведенныхъ англичанами захватовъ земель въ Сватѣ, „священной для мусульманъ землѣ“, и въ хребтѣ Самана, а также вслѣдствіе притязаній Англіи владѣть и распоряжаться въ Хайберѣ, исконной собственности афридіевъ (pp. 158, 160, 168, 169). Нѣкоторыя вѣтви жаловались еще на наказанія горцевъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, даже послѣ принятія ими присяги, очищающей по обычаямъ отъ всякаго обвиненія, на невыдачу мужьямъ бѣжавшихъ на британскую территорію женъ ихъ (p. 160), на браки невѣрныхъ съ мусульманками, на возвышеніе акциза съ кохатской соли (p. 160 и др.). На политическіе же мотивы возстаній указываетъ присоединеніе къ возставшимъ вѣтвей шіитскихъ. Съ другой стороны уклоненіе отъ возстанія нѣкоторыхъ родовъ, какъ кохатскихъ афридіевъ, изъ опасенія лишиться субсидій, хотя мусульманскій фанатизмъ едва ли у нихъ менѣе развитъ, чѣмъ у другихъ, также указываетъ на политическія побужденія. Наконецъ нельзя не видѣть, что покорность племенъ, слѣдовавшая обыкновенно за первыми пораженіями, достигалась главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что, налагая штрафы и требуя выдачи оружія, британское правительство давало однако обѣщанія не посягать на земли горцевъ, на ихъ независимость и самоуправленіе, въ чемъ выдавались племенамъ письменныя удостовѣренія (p. 140). Въ противномъ случаѣ, не одни мамунды и закка продолжали бы упорное сопротивленіе, но вѣроятно большинство возставшихъ племенъ.

Вообще, пограничныя племена конечно сильно пострадали вслѣдствіе потерь убитыми и изувѣченными въ бояхъ, а также вслѣдствіе выдачи части оружія, разрушенія жилищъ и сенгеровъ, но сила ихъ далеко не сломлена и отношенія ихъ къ Англіи въ будущемъ опредѣлятся тою политикою, которой будетъ держаться британское правительство. Къ разсмотрѣнію этой политики мы теперь и обратимся.

IV. Политика Англіи въ отношеніи авганскихъ пограничныхъ племенъ.

Необходимость заблаговременнаго принятія мѣръ для обороны Индіи противъ возможнаго нападенія Россіи, въ случаѣ войны съ нею, признается въ Англіи всѣми. Но относительно выбора и оцѣнки ведущихъ къ этой цѣли мѣропріятій существуютъ весьма разнообразные взгляды, которые однако можно свести къ двумъ противоположнымъ политическимъ системамъ. Одна изъ нихъ, извѣстная подъ кличкою Forward Policy, „наступательной политики", въ виду стратегическихъ выгодъ обладанія Хиндукушемъ и его западнымъ до персидской границы продолженіемъ Паропамизомъ, укрѣпленными и защищаемыми англо-индійскими войсками и средствами, всегда настаивала на перенесеніи англо-индійской границы на Хиндукушъ, съ подчиненіемъ британской власти всего Авганистана, не стѣсняясь нужными для выполненія жертвами и расходами, которыя съ избыткомъ оплатятся безопасностью и благосостояніемъ Индіи. Противоположная политическая система исходила изъ того убѣжденія, что подчиненіе Авганистана, населеннаго страстно привязанными къ независимости племенами, потребуетъ,—даже при выполнимости, которая мало вѣроятна,—громадныхъ пожертвованій и средствъ, но не усилитъ, а ослабитъ оборону Индіи, такъ какъ нашествіе найдетъ въ озлобленномъ до крайности противъ Англіи населеніи Авганистана ревностныхъ союзниковъ; по мнѣнію противниковъ „наступательной политики", слѣдуетъ, отнюдь не добиваясь насильственнаго подчиненія авганскихъ племенъ, строго уважать ихъ независимость, содѣйствовать благосостоянію Авганистана, а также усиленію и крѣпости національной правительственной власти въ странѣ и ея военныхъ силъ, и пріобрѣсти этимъ довѣріе и дружбу Авганистана, дабы имѣть въ немъ. въ случаѣ нашествія, вѣрнаго союзника.

Иногда называютъ основателемъ „наступательной политики" бомбейскаго генерала Джекёба (Jacob), который, изъ первыхъ, забилъ въ 1856 году тревогу по поводу возобновившихся притязаній Персіи на Хератъ, видя въ нихъ козни Россіи и требуя занятія Кветты и посылки въ Хератъ двадцатитысячнаго гарнизона. Но однимъ изъ первыхъ проявленій Forward Policy

была уже война 1838—1842 г.г. *). Ея огорченія были еще такъ свѣжи,

*) Къ числу основателей «наступательной политики» принадлежитъ безспорно лордъ Элленборо, который въ 1829 году писалъ: «Русскіе взяли Эрзерумъ и разсѣяли турецкую армію въ азіатской Турціи. При каждомъ ихъ успѣхѣ въ этихъ мѣстахъ сердце мое обливается кровью. Каждая побѣда ихъ кажется мнѣ одержанною надо мною, такъ какъ Азія моя... Индъ долженъ сдѣлаться британской рѣкою... Если русскіе овладѣютъ Хивою, мы должны занять Лахоръ и Кабулъ. Встрѣчать врага надо не на Индѣ. Если мы не встрѣтимъ его въ Кабулѣ, у подножій Хиндукуша или въ проходахъ чрезъ него, то для насъ лучше оставаться на Сетледжѣ». Для успѣха борьбы съ Россіею онъ находилъ необходимымъ, во-первыхъ, захватить Египетъ (къ этой мысли онъ возвращался и въ 1844 году когда не имѣлось никакихъ предлоговъ и случаевъ для овладѣнія Египтомъ), и, во-вторыхъ, упразднить остъ-индскую компанію и передать управленіе Индіею непосредственно коронѣ, объявивъ короля Великобритании императоромъ Индіи. Однако именно этотъ самый лордъ Элленборо, будучи назначенъ на мѣсто лорда Окланда вице-королемъ Индіи въ 1842 году послѣ истребленія авганами англійскаго войска, занимавшаго Кабулъ, распорядился очищеніемъ Авганистана отъ англійскихъ войскъ, прославившись знаменитымъ предоставленіемъ генералу Нотту, подъ его, а не подъ своей, отвѣтственностью, совершить отступленіе изъ Кандахара въ Индію не чрезъ Боланскій проходъ, а чрезъ Газну и Кабулъ. Помѣстивъ затѣмъ на медаляхъ въ память авганской войны надпись Pax Asiae restituta, но думая, что неудача предпріятія лорда Окланда овладѣть Авганистаномъ произошла отъ неподчиненности Англіи земель между Авганистаномъ и тогдашними британскими владѣніями, лордъ Элленборо рѣшилъ присоединить долину Инда подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣльцы Синда будто-бы не исполнили своихъ обязательствъ по договору съ Окландомъ. Конечно слабые эмиры Синда были побѣждены и желаніе Элленборо сдѣлать Индъ британской рѣкою было выполнено. Однако директоры остъ-индской компаніи нашли себя обязанными заявить лондонскому правительству, что обращеніе вице-короля съ эмирами Синда не можетъ считаться ни справедливымъ, ни политичнымъ, и противно интересамъ и чести индійскаго правительства. Не смущаясь этимъ, лордъ Элленборо затѣялъ въ 1844 г. войну съ Гваліоромъ и послѣ двухъ побѣдъ такъ расхрабрился, что могъ писать: «Я долженъ имѣть армію, чтобы идти къ Дарданелламъ. Въ четыре мѣсяца у меня будетъ подъ ружьемъ 275.000 ч.». Планъ этотъ остался безъ исполненія уже потому, что совѣтъ директоровъ остъ-индской компаніи, обвиняя Элленборо въ беззаконныхъ и самовластныхъ дѣйствіяхъ и неправильномъ израсходованіи огромныхъ суммъ, постановилъ отозвать его изъ Индіи, и лондонскій кабинетъ долженъ былъ изъявить на это согласіе. Карьера лорда Элленборо этимъ не кончилась, такъ какъ онъ и впослѣдствіи занималъ разные высокіе посты, когда власть доставалась его партіи, но попадать на самостоятельныя должности внѣ Лондона ему уже не пришлось. Сэръ Спенсеръ Вальполь изъ статьи котораго (The Nineteenth Century, 1899, July, p. p. 123—130, Lord Ellenborough, by sir Spencer Walpole) всѣ эти свѣдѣнія взяты, заключаетъ, что лордъ Элленборо имѣлъ похвальное стремленіе возвысить могущество своей страны и предчувствовалъ направленіе, въ которомъ будетъ расширяться британская имперія, но въ своемъ желаніи увеличить мощь Англіи онъ не обращалъ вниманія на чужія права и справедливость. Онъ не стѣснялся завладѣвать чужимъ, если оно нужно для округленія территоріи британской имперіи. Хотя совѣсть его не смущалась захватомъ Синда и предположеніемъ завладѣть Египтомъ, однако онъ не обладалъ мужествомъ, необходимымъ для того, чтобы справиться съ дѣломъ, представлявшимъ дѣйствительныя затрудненія: «странно и почти необъяснимо—какимъ образомъ отступленіемъ британскихъ войскъ изъ Авганистана распорядился тотъ самый человѣкъ, который брался бороться съ Россіею въ Хиндукушѣ и увѣрялъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ состояніи будетъ идти къ Дарданелламъ».

Мнѣ кажется достаточно яснымъ, что обнаруженный лордомъ Элленборо недостатокъ мужества и твердости предъ неудачей въ Авганистанѣ есть черта личная, индивидуальная; мечтанія его объ императорѣ-королѣ, о походѣ изъ Индіи къ Дарданелламъ и т. под. суть ребяческія фантазіи, къ которымъ способны и не-англичане, но его непомѣрная жадность и циническое пренебреженіе къ чужимъ правамъ и къ требованіямъ нравственности типичны

что правительство не приняло совѣтовъ Джекеба и ограничилось морскимъ воздѣйствіемъ на Персію и заключеніемъ договора съ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ. Политика благоразумія продолжала потомъ господствовать почти двадцать лѣтъ, будучи утверждена особенно вице-королемъ лордомъ Джономъ Лоуренсомъ и нѣсколькими его преемниками. Не было однако въ рядахъ англо-индійскихъ дѣятелей недостатка и въ приверженцахъ наступательной политики, выжидавшихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для ея проведенія. Къ числу ихъ принадлежали бывшіе бомбейскіе же офицеры Генри Роулинсонъ и Бартль Фреръ. Послѣ завоеванія Самарканда и подчиненія Бухары, въ меморандумѣ отъ 20 іюля 1868 г., поданномъ консервативному статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи, сэръ Г. Роулинсонъ, въ виду угрожающихъ Индіи успѣховъ Россіи, настаивалъ на необходимости занятія Кветты, заведенія британскаго резидента въ Кандахарѣ и т. д. Вице-король лордъ Лоуренсъ въ депешѣ 4 января 1869 г. отклонилъ эти предложенія (The Eastern Question etc., by Duke of Argyll, London, 1879, vol. II, p.p. 243—251). Въ маѣ 1874 г., послѣ совершившагося въ февралѣ вступленія во власть торійскаго министерства Дизраэли, членъ совѣта вице-короля сэръ Бартль Фреръ вновь возобновилъ предложенія Роулинсона, но снова встрѣтилъ возраженія лорда Лоуренса, сохранившаго, и по оставленіи поста вице-короля въ 1869 году, вліятельное положеніе. Не стѣсняясь этимъ, Бартль Фреръ 11 января 1875 г. подалъ статсъ-секретарю по дѣламъ Индіи новую записку въ прежнемъ смыслѣ, а 22 января статсъ-секретарь лордъ Солсбери уже предписалъ вице-королю потребовать отъ эмира Ширъ-Али допущенія въ Авганистанъ британскихъ резидентовъ и т. д. Однако вице-король лордъ Норсбрукъ, вѣрный политикѣ своихъ предмѣстниковъ и опираясь на мнѣніе своего совѣта, возсталъ противъ „наступательной политики“. Примѣненіе ея замѣнившимъ Норсбрука въ 1876 году лордомъ Литтономъ повело въ 1878 году къ войнѣ съ Авганистаномъ (тамъ же, p.p. 356, 363, 380 и слѣд.).

Какая была къ этому времени у приверженцевъ „наступательной политики“ программа, которой они вѣрны во многомъ и понынѣ, можно видѣть изъ книги ревностнаго ея послѣдователя Бульджера England and Russia in Central Asia (by D. A. Boulger, London, 1879), изданной въ началѣ войны и посвященной Роулинсону. „Для рѣшенія центрально-азіатскаго вопроса мало исправленія границы Индіи, мало удаленія Россіи изъ Кабула, мало пріобрѣтенія права содержать въ Авганистанѣ британскихъ агентовъ: мы должны занять Хератъ, вооружить туркменовъ и возвратить Персіи ея прежнюю силу. Когда мы достигнемъ всего этого, тогда только мы можемъ

едва ли не для большинства британскихъ государственныхъ дѣятелей и составляютъ почти неотъемлемую принадлежность англійской политики всюду и во всѣ времена.

предоставить судьбѣ дальнѣйшее развитіе соперничества между Россіею и Англіею, съ полной увѣренностью въ результатахъ. Тогда только мы можемъ откинуть всякія опасенія русскаго нашествія на Индію“ (vol. 2, p. 371). Кандахаръ долженъ остаться въ рукахъ Англіи и обратиться въ сильную крѣпость (p. 318). О пограничныхъ съ Индіею авганскихъ горныхъ племенахъ Бульджеръ замѣчалъ, что въ теченіи 30 лѣтъ обладанія Пенджабомъ британскія войска совершили болѣе 30 экспедицій противъ этихъ горцевъ; потери людьми были немаловажныя, расходы значительные, а результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Болѣе благопріятны были для улучшенія отношеній къ этимъ горцамъ проведеніе хорошихъ дорогъ, устройство лѣчебницъ, развитіе торговыхъ сношеній, но мѣропріятія въ этомъ смыслѣ требуютъ слишкомъ долгаго времени. Необходимо найти скорые и вѣрные способы для подчиненія безпокойныхъ и опасныхъ горцевъ. Никакая держава не потерпѣла бы продолженія такого положенія индійской границы, при которомъ на ней находится около 150 т. вооруженныхъ людей, пользующихся полной независимостью и питающихъ къ англо-индійцамъ упорную враждебность. Вѣрнѣйшей системой для ихъ подчиненія было бы постепенное занятіе земель каждаго открыто враждебнаго племени, съ обезоруженіемъ всѣхъ мужчинъ и съ проведеніемъ дорогъ на его земляхъ, присоединяемыхъ къ британскимъ владѣніямъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовало бы сверхъ того добавлять къ этимъ мѣрамъ изгнаніе (ejectement) и выселеніе враждебныхъ племенъ, какъ это было сдѣлано сэромъ Чарльзомъ Непиромъ въ Синдѣ съ племенемъ jakrani'евъ. Кромѣ того Бульджеръ находилъ возможнымъ устроить на индійской границѣ нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, учрежденныхъ Австріею противъ Турціи, но мысли его въ этомъ отношеніи остались не выясненными и мало понятными (p.p. 298, 299, 308—310). „Можетъ быть Провидѣніе въ послѣдній разъ даетъ намъ возможность уничтожить честолюбивые замыслы Россіи“—патетически заключалъ Бульджеръ свои призывы къ „наступательной политикѣ“.—Гандамакскій трактатъ 30 мая 1897 года не удовлетворилъ ея приверженцевъ, такъ какъ возвращалъ эмиру Кандахаръ и Джелальабадъ. Сэръ Генри Роулинсонъ объявилъ, что смотритъ на этотъ трактатъ лишь какъ на переходную ступень между независимостью Авганистана и желательнымъ его присоединеніемъ (Nineteenth Century, 1879, August). Сообразно этому, по возобновленіи войны, министерство Биконсфильда, съ одной стороны, завязало переговоры съ Персіею объ отдачѣ ей Херата за союзъ съ Англіею и подчиненіе Туркменіи, дабы предупредить захватъ ея Россіею, съ другой же образовало изъ Кандахара особое вассальное владѣніе. Неудачи возобновленной войны были одною изъ причинъ паденія кабинета Биконсфильда. Ликвидируя его затѣи въ Авганистанѣ, мини-

стерство Гладстона прекратило переговоры съ Персіею, признало эмиромъ Абдэррахманъ-хана и намѣревалось отказаться отъ гандамакскихъ пріобрѣтеній, но русское завоеваніе Ахалъ-теке, возобновивъ страхи за Индію, побудило его удержать Пишинъ, Сиби и Курамъ. Правительство однако не принимало мѣръ и не отпускало средствъ для фактическаго осуществленія власти Англіи въ Сулеймановыхъ горахъ. Но присоединеніе Мерва въ 1884 году и особенно стычка на Кушкѣ въ 1885 году дали приверженцамъ „наступательной политики“ поводы возбудить въ Англіи тревогу. Министерству Гладстона удалось избѣгнуть войны, но оно вынуждено было возобновить прекращенную въ 1880 году постройку желѣзной дороги отъ Инда въ Пишинъ до афганской границы и признать необходимость принятія мѣръ къ занятію и укрѣпленію проходовъ чрезъ Сулеймановы горы. Вслѣдствіе этого и такъ какъ приверженцы „наступательной политики“, въ виду вѣрности эмира Абдэррахманъ-хана союзу съ Англіею и враждебности его къ Россіи, отложили выполненіе своихъ плановъ относительно подчиненія или присоединенія Авганистана до смерти эмира, въ политикѣ смѣнявшихъ одно другое съ 1885 года до настоящаго времени консервативныхъ и либеральныхъ министерствъ нѣтъ принципіальной разницы. Либералы нѣсколько менѣе склонны къ наступательнымъ мѣропріятіямъ, консерваторы нѣсколько болѣе, но тѣхъ и другихъ одинаково сдерживаетъ стѣсненное положеніе финансовъ Индіи. Именно послѣднее послужило причиною тому, что въ теченіи послѣднихъ пятнадцати или двадцати лѣтъ для обороны индійской границы сдѣлано немного. Существеннымъ можно считать здѣсь лишь доведеніе синдъ-пишинской желѣзной дороги до Нью-Чамана (обошлась она въ общемъ не менѣе 100 милл. рублей), укрѣпленія Кветты и Пишинскаго лагеря (120 т. ф. стерл.), занятіе гомульскаго и точійскаго путей чрезъ Сулеймановы горы, подчиненіе Гильгита, Хунзы, Нагара, Ясcина и Читраля, съ военною дорогою къ послѣднему отъ Кабулъ-дарьи. Въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ, какъ либеральныя, такъ и торійскія или уніонистскія министерства одинаково воздерживались отъ значительныхъ отступленій отъ прежней политики невмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и отъ завладѣній ихъ землями, но не изъ принципіальнаго уваженія къ ихъ независимости и къ неприкосновенности ихъ территорій, а изъ опасенія возстаній и сопряженныхъ съ ихъ усмиреніями значительныхъ расходовъ.

Конечно образъ дѣйствій правительства не удовлетворялъ ни противниковъ „наступательной политики“, ни ея защитниковъ. Первые порицали стремленія правительства подчинить пограничныя племена, проведеніе желѣзныхъ дорогъ на правой сторонѣ Инда, постройки укрѣпленій въ земляхъ горцевъ, занятіе Читраля, устройство военной къ нему дороги чрезъ Сватъ и т. д., призна-

вая лучшею оборонительною линіею рѣку Индъ, а правильнѣйшею политикою—дружбу и союзъ съ Авганистаномъ и уваженіе независимости пограничныхъ племенъ, и не сомнѣваясь, что, въ случаѣ нашествія, русскія войска достигнутъ береговъ Инда въ крайне разстроенномъ, вслѣдствіе трудности прохода чрезъ враждебный Авганистанъ, положеніи и будутъ легко побѣждены. Во время читральской экспедиціи, не разъ выше упоминавшійся по поводу экспедицій противъ горцевъ, генералъ сэръ Невиль Чемберлэнъ, напоминая, что въ 1881 году онъ настаивалъ на отказѣ отъ Кандахара и передачѣ его эмиру, рѣшительно высказался за неуклонное и строгое уваженіе независимости пограничныхъ племенъ, доказывая, что невозможно остановиться на чемъ-нибудь среднемъ между полной независимостью и полной зависимостью, хотя бы имѣлось искреннее желаніе удержаться въ промежуточномъ пунктѣ: „если въ машину англо-индійскаго управленія туземцами попадетъ одна рука, за нею неизбѣжно втянется все тѣло" (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, July, p. 200). Сэръ Невиль Чемберлэнъ имѣлъ въ виду систему Сендемана. Отвергалъ эту послѣднюю, какъ противорѣчащую принципу невмѣшательства, въ посвященной положенію дѣлъ на индійской границѣ, въ концѣ 1897 года, статьѣ и сэръ Auckland Colvin, доказывая примѣрами, что примѣненіе этой системы влекло за собою сопротивленіе племенъ, военныя экспедиціи и озлобленіе горцевъ. Онъ цитировалъ между прочимъ слѣдующее мнѣніе одного изъ авторитетныхъ по авганскимъ дѣламъ генераловъ сэра Генри Грина, помѣщенное въ „Синихъ книгахъ" (Afghanistan, № 2, 1881, p. 26): „Что сказать о патанскихъ племенахъ? Онѣ не имѣютъ истинныхъ начальниковъ, потому что родовые старшины пользуются лишь номинальной властью. Патаны—фанатичные мусульмане, коварные, мстительные, незаслуживающіе никакого довѣрія. Они ненавидятъ всѣхъ европейцевъ, да и туземцы, попадающіе въ ихъ горы, столь же небезопасны, какъ 30 лѣтъ назадъ. Единственное ихъ достоинство—личное мужество. Эти племена—лучшая оборона англо-индійской границы по вреду, который они нанесутъ арьергарду и флангамъ арміи нашествія, но лучшая система обращенія съ ними—держать себя на почтительномъ разстояніи... Всякая попытка поставить въ горныхъ проходахъ передовые посты, съ цѣлію защиты или устрашенія независимыхъ горцевъ, поведетъ только къ постоянному раздраженію и частымъ экспедиціямъ" (Nineteenth Century, 1897, December, p. 262). Генералъ (нынѣ лордъ) Робертсъ, въ запискѣ 12 мая 1880 года, высказываясь подобно Грину за удержаніе Кандахара, писалъ между прочимъ: „Можетъ быть это не лестно для нашего самолюбія, но я долженъ сказать, что чѣмъ менѣе авганцы будутъ насъ видѣть, тѣмъ менѣе они будутъ насъ ненавидѣть. Если Россія вознамѣрится завоевать Авгани-

станъ или вторгнуться въ Индію, мы имѣли бы больше возможности привязать къ себѣ авганцевъ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла до того времени“.

По мнѣнію одного изъ самыхъ свѣдущихъ въ пограничныхъ дѣлахъ противниковъ „наступательной политики“ сэра Лепель Гриффина, умноженіе военныхъ экспедицій и усиленіе ихъ состава, съ громаднымъ возрастаніемъ непроизводительныхъ расходовъ, ведущихъ Индію къ банкротству, находится въ связи съ изъятіемъ пограничныхъ войскъ изъ вѣдѣнія пенджабской администраціи и съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующему войсками Индіи, противъ чего, съ своей стороны, пенджабское начальство долго возставало. „Дѣло въ томъ, что казначейство Индіи находится слишкомъ близко къ главнокомандующему, и потому военныя экспедиціи снаряжаются все въ большемъ и большемъ составѣ и на границѣ собираются, какъ въ 1897 году, силы въ 60 т. ч., достаточныя для отраженія нападенія европейской державы“. Когда командующій войсками, плохо знающій пограничныя племена и дѣла, требуетъ усиленія войскъ, калькутское управленіе, мало знакомое съ мѣстными дѣлами и условіями, еще менѣе въ состояніи достигать экономіи. Другая причина огромной стоимости нынѣшней политики заключается въ дурной системѣ разбрасыванія военныхъ постовъ и укрѣпленій по территоріямъ независимыхъ племенъ вдали отъ поддержки; въ мирное время войска, содержаніе которыхъ обходится тамъ весьма дорого, занимаютъ эти укрѣпленія безъ всякой пользы, въ военное же время они требуютъ цѣлыхъ армій для своего освобожденія. Слѣдуетъ изъять пограничныя войска изъ непосредственнаго вѣдѣнія главнокомандующаго и подчинить ихъ генералъ-губернатору, въ вѣдѣніе котораго передать и пограничные округа, учредивъ, подъ его начальствомъ, главнаго коммисара для завѣдыванія пограничными округами и дѣлами, притомъ изъ гражданскихъ чиновъ, а не изъ военныхъ офицеровъ, которые весьма рѣдко обладаютъ необходимой для успѣшнаго отправленія пограничныхъ дѣлъ опытностью. Полная независимость пограничныхъ племенъ есть вѣрнѣйшая защита Индіи. „Мы не должны требовать военныхъ дорогъ чрезъ земли независимыхъ племенъ, потому что дороги эти облегчатъ движеніе армій нашествія, и не должны обезоруживать населеніе, ибо оно этимъ было бы лишено возможности противостоять нашествію“. Конечно вмѣстѣ съ тѣмъ сэръ Л. Гриффинъ порицалъ проведеніе военной дороги въ Читралъ, съ содержаніемъ на ней войскъ, находя, что юсуфзіи справедливо считаютъ это захватомъ ихъ территоріи вопреки прокламаціи генерала Лоу, обѣщавшей очистить ихъ земли по окончаніи экспедиціи (The Breakdown of the Forward Frontier Policy, by Sir Lepel Griffin, въ Nineteenth Century, 1897, October, pp. 512—516).

Принадлежащій къ числу наиболѣе ревностныхъ приверженцевъ „насту-

пательной политики“ Дж. Керзонъ, возражая (въ газетѣ The Mail, 17 іюня 1895 года) „отставнымъ губернаторамъ и генераламъ“, „наводнившимъ почти всю прессу“ доводами противъ этой политики по читральскимъ дѣламъ, ссылался на авторитетъ главнокомандующаго войсками Индіи генерала Хуайта (White) и его предмѣстника лорда Робертса. „Положительныя выгоды хорошихъ дорогъ для обороны, по его словамъ, неизмѣримо превосходятъ предполагаемыя опасности отъ пользованія ими со стороны нашествія“. Онъ не желалъ покорять пограничныя племена, ни раззорять ихъ, ни управлять ихъ страною, „но ихъ слѣдуетъ вразумить, что они наши, а не какой либо другой державы; что они не могутъ, по своему произволу, интриговать или сражаться противъ англичанъ; что удержаніе автономіи зависитъ отъ охраненія ими мира и содержанія открытыми сообщеній съ нашими передовыми позиціями на границѣ. Тысячи патановъ между Кветтой и Пишаверомъ уже поняли этотъ полезный урокъ. Почему же не понять его живущимъ между Пишаверомъ и Читраломъ?“.

Возстанія 1897 года показали, что „полезный урокъ“ не усвоенъ и племенами между Пишаверомъ и Кветтою, но „наступательная политика“ дѣйствительно имѣетъ большую часть своихъ послѣдователей въ военныхъ кругахъ, какъ это естественно и должно быть. Въ рѣчи, напечатанной въ газетѣ Pionneer Mail 9 октября 1897 года, тогдашній главнокомандующій сэръ Джорджъ Хуайтъ высказалъ убѣжденіе, что „цивилизація и варварство, какъ показываетъ исторія всѣхъ временъ, не могутъ существовать въ мирѣ и сосѣдствѣ, при независимости варваровъ... Когда мы имѣемъ на границѣ приблизительно 200 т. воиновъ, принадлежащихъ племенамъ самымъ безпокойнымъ, самымъ необузданнымъ и воспламененнымъ фанатизмомъ, мы не можемъ надѣяться на миръ съ ними и должны стоять во всеоружіи и готовности“. Мы упоминали уже, что сэръ Хуайтъ высказывался за присоединеніе Тира къ британскимъ владѣніямъ и за обезоруженіе горцевъ. Такъ какъ мнѣнія его не опубликованы, то съ взглядами индійскаго главнаго штаба можно пока ознакомиться по статьѣ одного изъ офицеровъ этого штаба маіора Юнгхесбанда. Изложенный имъ планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ во всякомъ случаѣ выражаетъ взгляды, господствующіе въ средѣ наиболѣе энергичныхъ и вліятельныхъ чиновъ индійской арміи, и конечно будутъ, по мѣрѣ возможности, проводиться ими на практикѣ. Подобно главнокомандующему, Юнгхесбандъ отправляется отъ того „великаго закона человѣческаго рода, по которому варварство отступало предъ цивилизаціею или поглощалось ею въ Индіи, какъ и вездѣ“ *). Дѣйствію этого закона подлежатъ и тѣ

*) Маіоръ Юнгхесбандъ могъ бы цитировать слѣдующія строки изъ книги Романовскаго «Кавказъ и кавказская война» (Спб., 1860 г., стр. 48): «Торжество Россіи въ войнѣ

занимающія сѣверо-западную границу Индіи племена, „которыя, представляясь мирными сосѣдями и добрыми друзьями, въ дѣйствительности суть толпы кровожадныхъ и коварныхъ дикарей, готовыхъ въ любой моментъ обрушиться на руку, расточающую имъ ежедневно благодѣянія“. Примѣнявшіяся въ отношеніи къ нимъ пятьдесятъ лѣтъ мѣры не достигли удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ, первоначально дѣйствовавшая система карательныхъ экспедицій не прекратила ни ихъ враждебности, ни грабежей. Замѣнившая ее „политика рупій“ или субсидій также не увѣнчалась успѣхомъ: горцы съ жадностью домогались субсидій, но, вмѣсто пріобрѣтенія плуговъ и орудій производства, они употребляли субсидіи на покупку огнестрѣльнаго оружія и военныхъ припасовъ, не дѣлаясь нимало дружественными, а становясь все болѣе и болѣе сильными и опасными. Теперь практикуется третья политическая система: вмѣсто мелкихъ экспедицій стали предпринимать систематическіе походы большими силами, овладѣвать вражескими твердынями и оставаться въ нихъ продолжительное время, пока предположенныя кары и иныя цѣли вполнѣ не выполнены и не достигнуты. Опытъ 1897 года доказалъ, что и эта система неудовлетворительна. Необходимы другія средства для того, чтобы „избѣжать ежегодныхъ смутъ на границѣ и громадныхъ расходовъ, истощающихъ финансы Индіи. „По всемірной исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ первѣйшее средство для умиротворенія безпокойнаго населенія есть его обезоруженіе. Если бы горцы сѣверной Шотландіи и населеніе Вандеи не были обезоружены, то и понынѣ сѣверная Шотландія и Вандея были бы столь же небезопасны, какъ горы афридіевъ. Съ обезоруженіемъ пограничныхъ племенъ необходимо соединить, во-первыхъ, постройку желѣзныхъ дорогъ для удобнаго доступа во всѣ части территоріи этихъ племенъ, и во-вторыхъ, переселеніе наиболѣе упрямыхъ и враждебныхъ племенъ или ихъ отдѣловъ изъ горъ въ открытыя долины. Для примѣненія предлагаемыхъ мѣръ необходимо всю границу подчинить одному военному губенатору, съ резиденціей въ Пишаверѣ, раздѣливъ пограничную территорію на шесть, примѣрно, участковъ, завѣдываемыхъ приставами (deputy governors) изъ офицеровъ. Желѣзныя дороги конечно надо строить такъ, чтобы непріятель не получилъ большихъ противъ теперешняго удобствъ для прорыва черезъ горы (Nineteenth Century, 1898, February, p.p. 250--255, The Permanent Pacification of the Indian Frontier, by Major G. J. Younghusband).

При сличеніи программы Юнгхусбанда съ вышеприведенной программой Бульджера легко видѣть, что за исключеніемъ „Военной границы“ на ма-

---

съ кавказскими горцами составляетъ торжество цивилизаціи надъ самымъ упорнымъ варварствомъ... На каждомъ великомъ народѣ лежитъ обязанность ...содѣйствовать по мѣрѣ силъ развитію другихъ болѣе отсталыхъ народовъ...» и т. д.

неръ австрійской, о способахъ устройства которой на сѣверо-западѣ Индіи и самъ Бульджеръ не могъ сказать ничего осуществимаго, и особаго устройства желѣзныхъ дорогъ, оставшагося секретомъ для читателей (да вѣроятно и для самого автора), обѣ программы тождественны. Послѣ нихъ менѣе радикальныя программы сторонниковъ „наступательной политики" большого интереса представить не могутъ и я ограничусь еще изложеніемъ, въ видѣ образчика, замѣтки по тому же предмету лорда Непира Магдальскаго. „Мы не можемъ,— говоритъ онъ—допустить образованія на нашей границѣ ряда независимыхъ, хорошо вооруженныхъ и неприступныхъ Эльзасовъ (?)". Предоставленныя самимъ себѣ пограничныя племена, вражда которыхъ къ Англіи питается религіознымъ фанатизмомъ и злобою за помѣхи ихъ грабительству, съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе сильными и лучше вооруженными, съ каждымъ днемъ болѣе убѣждаются въ противоположности ихъ интересовъ съ британскими, съ каждымъ днемъ становятся доступнѣе враждебнымъ вліяніямъ. Положеніе это невыносимо и требуетъ безотлагательныхъ мѣропріятій, такъ какъ политика равнодушія, разнообразившаяся карательными экспедиціями и блокадами, цѣли не достигаетъ. Слѣдуетъ продолжать съ успѣхомъ начатое сэромъ Робертомъ Сендеманомъ на южной части границы подчиненіе племенъ англійскому „контролю", распространивъ его систему на сѣверныя племена. Надо прежде всего разъединить пограничныя племена другъ отъ друга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природа страны сама этому способствуетъ, ибо племена на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи совершенно отдѣлены отъ афридіевъ, а затѣмъ долина Курама раздѣляетъ афридіевъ и оракзіевъ отъ болѣе южныхъ везиріевъ и т. д. Ключъ къ успѣху лежитъ въ странѣ афридіевъ, наиболѣе труднодоступной и соединяющей племена сѣвера съ племенами юга. Нельзя допустить, чтобы 20 т. не признающихъ никакихъ законовъ горцевъ ставили упорную преграду политическимъ потребностямъ великой имперіи. „Надо это племя усмирить, во что бы то ни стало". Долину Тира, центръ страны афридіевъ, слѣдуетъ занимать войсками, пока горцы не покорятся вполнѣ. Можно устроить здѣсь постоянную лѣтнюю стоянку для британскихъ войскъ, чѣмъ, благодаря горному здоровому климату, будетъ сберегаемо больше людей, чѣмъ стоила вся экспедиція. Когда афридіи будутъ усмирены, остальныя племена, будучи разъединены, покорятся сдѣлавшемуся неизбѣжнымъ цивилизующему вліянію. Идеальное положеніе для этой границы: рядъ находящихся подъ покровительствомъ англійской власти небольшихъ владѣньицъ, управляемыхъ собственными старѣйшинами или собраніями и какъ можно болѣе обособленныхъ другъ отъ друга. Къ каждому племени или группѣ должны быть назначены особые офицеры для веденія дѣлъ съ ними, для пріобрѣтенія ихъ довѣрія и для наблюденія за ихъ вооруженіемъ, и т. д. Возраженія, указы-

вающія на то обстоятельство, что только въ ихъ нынѣшнемъ дикомъ состояніи горныя племена въ состояніи оказать противодѣйствіе нашествію, авторъ опровергаетъ соображеніемъ, что трудно предвидѣть—чью сторону примутъ горцы: непріятельскіе агенты могутъ обѣщать грабежъ богатыхъ городовъ и долинъ Индіи, „а что можемъ предложить имъ за союзъ мы?“ Что касается финансовой стороны, то если предлагаемая политика вызоветъ нынѣ значительные расходы, за-то она доставитъ несравненно большія сбереженія, предотвращая пограничныя войны въ будущемъ (A brief note on the North-western Frontier Policy, by Lord Napier of Magdala, въ Nineteenth Century, 1898, March, p.p. 371—373).

Въ концѣ 1897 и въ началѣ 1898 гг., послѣ вывода войскъ Локхарта изъ Тира, безъ приведенія афридіевъ къ покорности, перевѣсъ въ борьбѣ съ горцами казался значительной части общественнаго мнѣнія Англіи и почти всей континентальной прессѣ находящимся на сторонѣ афридіевъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій весною, съ новыми расходами и жертвами со стороны Англо-Индіи, неминуемымъ. Вслѣдствіе этого, на основаніи весьма неполныхъ свѣдѣній, содержавшихся въ телеграммахъ и болѣе или менѣе плохо освѣдомленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, политика правительства, дѣйствія Локхарта, организація и дѣятельность штабовъ, интендантства и т. д. подвергались рѣзкой критикѣ и порицаніямъ. При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, весенняя сэссія парламента, открывавшаяся 8 февраля 1898 года, обѣщала имперіалистско-консервативному министерству значительныя затрудненія, такъ какъ оппозиція могла воспользоваться непопулярностью и неудачами правительственной политики на сѣверозападной границѣ Индіи. По этой причинѣ статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи лордъ Хамильтонъ озаботился изданіемъ, ко времени открытія парламента, сборника документовъ о столкновеніяхъ съ горцами, закончившагося его депешею вице-королю отъ 28 января 1898, очевидно составленною для оправданія политики правительства противъ нападеній и содержавшую обзоръ пограничныхъ столкновеній 1897 года съ указаніями относительно будущей политики.

Въ депешѣ этой, главною причиною возстаній лордъ Хамильтонъ признаетъ, какъ уже выше было приведено, мусульманскій фанатизмъ, возбуждаемый муллами. Въ числѣ второстепенныхъ поводовъ онъ указываетъ на проведеніе въ натурѣ границы съ владѣніями эмира согласно договору Дьюранда, которое могло послужить мулламъ предлогомъ для обвиненія правительства въ намѣреніи лишить племена ихъ независимости (Military operations etc., vol. II, p. 177), возвышеніе акциза на кохатскую соль, вызванное необходимостью устранить контрабанду и содержаніе особаго таможен-

наго надзора, извѣстія о пораженіяхъ, нанесенныхъ мусульманами-турками христіанамъ-грекамъ, слухи о небывалыхъ неудачахъ Англіи и пр. (р. 177).

Приступая къ обсужденію дальнѣйшей англо-индійской политики въ отношеніи къ пограничнымъ племенамъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи замѣтилъ, что задачи правительства въ этомъ отношеніи могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) въ отношеніи къ британскимъ землямъ, непосредственно прилегающимъ къ территоріи независимыхъ племенъ, 2) относительно „строгаго исключенія всякаго внѣшняго вмѣшательства на территоріи племенъ, отданной по предшествовавшимъ соглашеніямъ въ сферу британскаго политическаго вліянія“, и 3) „по исполненію нашихъ обязательствъ въ отношеніи Авганистана и по оборонѣ естественныхъ границъ Индіи“ (р.р. 177, 178).

По первому предмету, въ послѣдніе годы произошли значительныя перемѣны, заключающіяся въ томъ, что,—вслѣдствіе развитія пограничной торговли и успѣховъ земледѣлія и промышленности въ приграничной полосѣ,—сношенія между населеніемъ британской территоріи и горцами очень участились; отъ этого увеличилось, между прочимъ, вліяніе духовенства независимыхъ племенъ на британскихъ пограничныхъ мусульманъ, возрастаніе же фанатизма выразилось участіемъ британскихъ подданныхъ въ возстаніи въ Сватѣ и въ набѣгѣ момендовъ на Шабкаддаръ (р. 178). Никакихъ однако дальнѣйшихъ выводовъ изъ этихъ фактовъ и какихъ либо указаній на соотвѣтствующія мѣропріятія въ депешѣ не содержится.

По второму предмету, лордъ Хамильтонъ начинаетъ съ замѣчанія, что отношенія къ племенамъ сѣверной части границы, начиная съ Везиристана, отличаются отъ отношеній къ племенамъ белучжей, контролируемымъ изъ Кветты, вслѣдствіе различія во внутреннемъ управленіи; сверхъ того разнообразны и отношенія къ разнымъ сѣвернымъ племенамъ: даворская часть долины Точи принята подъ непосредственное покровительство, тогда какъ, напр., племена Хайберскаго прохода остаются вполнѣ независимыми, внѣ принятыхъ ими на себя обязательствъ по отношенію къ Хайберскому проходу; иныя племена, какъ даверцы, платятъ небольшія подати, тогда какъ другимъ правительство само даетъ субсидіи за военныя и полицейскія услуги. Опредѣливъ границу между Авганистаномъ и землями племенъ, состоящихъ въ сферѣ англійскаго вліянія, соглашеніе Дьюранда имѣло однако и тотъ результатъ, что, освободивъ племена отъ вмѣшательства въ ихъ дѣла эмира и упраздннвъ исканіе ими помощи противъ эмира у Англіи, оно обратило все ихъ недовѣріе и всѣ ихъ опасенія исключительно на Англію. „Постепенное устраненіе этого недовѣрія должно быть однимъ изъ первостепенныхъ предметовъ предстоящихъ намъ дѣйствій“. Съ умноженіемъ сношеній горцевъ съ британскими туземцами участятся обращенія горцевъ къ пограничнымъ офицерамъ. Увеличатся или

уменьшатся вслѣдствіе этого поводы къ враждебнымъ столкновеніямъ—неизвѣстно. Но при надлежащей внимательности и предусмотрительности можно бы надѣяться, что непріязненныя столкновенія будутъ устраняемы и учащенныя сношенія повліяютъ на исправленіе къ лучшему грабительскихъ и безнравственныхъ наклонностей горцевъ, безъ вмѣшательства въ родовую систему ихъ самоуправленія (p.p. 178, 179).

По третьему предмету, лордъ Хамильтонъ ограничился констатированіемъ, что принятое въ 1880 году обязательство защищать владѣнія эмира въ случаѣ невызваннаго внѣшняго нападенія, если эмиръ во внѣшнихъ дѣлахъ будетъ слѣдовать указаніямъ британскаго правительства, подтверждено, но не расширено соглашеніемъ Дьюранда, „въ доказательство же возрастающаго дружелюбія между двумя правительствами субсидія эмиру увеличена на шесть лаковъ". Къ сказанному обязательству добавилась обязанность (duty) надзора за пограничными горными проходами въ Индію, а равно содержанія достаточнаго „контроля" надъ главными путями, соединяющими Авганистанъ съ Индіею, „съ цѣлію предупрежденія чьего-либо враждебнаго политическаго вліянія на высокихъ плато, съ которыхъ внутренній Авганистанъ господствуетъ надъ этими проходами" (p. 179).

Хотя замѣчанія лорда Хамильтона по тремъ группамъ задачъ пограничной политики отрывочны, неполны и довольно неопредѣленны, тѣмъ не менѣе онъ отказывается дать индійскому правительству болѣе точную инструкцію на томъ основаніи, что пограничныя дѣла и вопросы столь сложны и разнообразны, что для разрѣшенія ихъ не можетъ быть какихъ либо точныхъ формулъ и плановъ и что, напротивъ, „всякая попытка дать однообразныя правила для руководства могла бы повредить главному объекту общей политики правительства ея величества, именно уваженію къ правамъ другихъ, при твердой поддержкѣ своихъ". „Вмѣстѣ съ тѣмъ однако есть нѣкоторые руководящіе принципы, касающіеся пограничной политики, которыхъ правительство ея величества рѣшилось придерживаться" и на которые обращаетъ вниманіе вице-короля:

1) Большое протяженіе и трудности горной границы дѣлаютъ желательнымъ, чтобы содержаніе постовъ и постоянныхъ военныхъ отрядовъ было ограничено тѣми позиціями, которыя необходимы для точно опредѣленныхъ нуждъ пограничной политики. Такъ, напр., лордъ Хамильтонъ еще въ августѣ 1895 года указывалъ на необходимость обсудить—настолько ли отрядъ въ Вано полезенъ, чтобы окупались производимые на его содержаніе расходы. Онъ полагаетъ, что такіе посты, какъ въ Сарагари (см. выше, стр. 53), должны быть упразднены. Вообще же вопросъ о лучшемъ размѣщеніи пограничныхъ постовъ и о выборѣ подлежащихъ удержанію сообщеній чрезъ по-

граничныя земли долженъ быть подвергнутъ тщательному изученію, на основаніи котораго слѣдуетъ составить ясный и вполнѣ опредѣленный планъ, соотвѣтствующій мѣстнымъ обстоятельствамъ. Посты отъ регулярныхъ войскъ должны быть оставлены лишь въ такихъ мѣстностяхъ и условіяхъ, гдѣ возможно скорое и успѣшное отраженіе всякихъ нападеній на нихъ, постамъ же изъ наемныхъ стражниковъ или милиціонеровъ долженъ быть, на сколько возможно, придаваемъ характеръ полицейской, а не военной силы.

2) Второй принципъ, указываемый лордомъ Хамильтономъ, заключается въ избѣжаніи всякихъ столкновеній съ племенами, которыя могутъ быть устраняемы безъ вреда для насущныхъ интересовъ. Именно по этой причинѣ онъ, по зрѣломъ обсужденіи, отказалъ въ своемъ согласіи на обложеніе афридіевъ и оракзіевъ податью. Онъ не отвергаетъ, что такой налогъ былъ бы видимымъ проявленіемъ правъ, пріобрѣтенныхъ по соглашенію Дьюранда; возможно также, что номинальная подать могла бы усилить положеніе мелликовъ противъ проповѣдей муллъ и фанатическихъ взрывовъ; боязнь обложенія податьми удерживала бы иногда враждебно настроенныхъ горцевъ. Но, съ другой стороны, желательно избѣгать подтвержденій мысли о томъ, что правительство намѣревается управлять землями горцевъ или желаетъ включить ихъ въ предѣлы индійскихъ провинцій. Сверхъ того лордъ Хамильтонъ опасается, что наложеніе даже номинальной подати можетъ воспламенять умы горныхъ племенъ, доставлять враждебно расположеннымъ людямъ матеріалъ для приписыванія британскому правительству намѣреній, которыхъ оно не имѣетъ, особенно же можетъ дать племенамъ возможность выбирать время для отказа въ уплатѣ податей и, чрезъ это, для открытаго возстанія противъ британской власти. Въ такомъ случаѣ единственнымъ средствомъ вынудить исполненіе правительственныхъ требованій, вмѣсто карательныхъ экспедицій и блокадъ, могло бы быть лишь введеніе прямого административнаго „контроля“ или, наконецъ, присоединеніе къ непосредственнымъ британскимъ владѣніямъ. Но распространеніе прямаго управленія за границу вызоветъ увеличеніе отвѣтственности, котораго желательно избѣгать, присоединеніе же повлечетъ за собою расширеніе британскихъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, съ слишкомъ большой и все растущей тяжестью для финансовыхъ средствъ. Между тѣмъ страхъ присоединенія несомнѣнно отвращаетъ отъ совершенія насильственныхъ дѣйствій и можетъ оказывать такое вліяніе на сохраненіе порядка, какое отсутствуетъ въ присоединенныхъ земляхъ.

3) По поводу обезоруженія, одобряя помѣщеніе въ числѣ условій покорности возстававшихъ племенъ выдачу такихъ количествъ оружія, какія разумно могутъ быть требуемы, лордъ Хамильтонъ находитъ однако, что всякая попытка держать племена или часть ихъ обезоруженною повлечетъ за

собою серьезныя послѣдствія, ибо при томъ отсутствіи законовъ и власти, въ какомъ живутъ племена внѣ британской территоріи, племена эти не могутъ существовать безъ средствъ для защиты. Пока правительство не приготовилось принять на себя ихъ защиту противъ всѣхъ ихъ сосѣдей, отнятію средствъ самозащиты неизбѣжно должны быть опредѣлены какія-нибудь границы.

Въ заключеніе статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи говоритъ, что хотя взрывъ фанатизма, послѣдовавшій вслѣдствіе пропаганды муллъ, открылъ гораздо болѣе глубокій и шире распространенный источникъ опасности, чѣмъ до сихъ поръ подозрѣвалось, но съ другой стороны мягкость условій покорности, предъявленныхъ возставшимъ племенамъ, и явное нежеланіе правительства посягать на независимость и обычаи самоуправленія племенъ не могутъ не устранять то недовѣріе, которое ранѣе существовало у горцевъ относительно намѣреній правительства. Ближайшія предстоящія въ отношеніяхъ къ горцамъ затрудненія соединены, поэтому, не столько съ опасеніями вмѣшательства въ ихъ дѣла, сколько съ неугомонностью (характера) горцевъ. Поэтому вице-король долженъ обратить вниманіе на эту перемѣну положенія и посвятить свои заботы новымъ сторонамъ вопроса. Въ виду же трудностей, съ которыми сопряжено было усмиреніе возстаній, совпавшихъ съ голодомъ и чумою въ Индіи, индійское правительство будетъ имѣть въ виду, что „никакія новыя отвѣтственности (responsibility) не могутъ быть допущены кромѣ неизбѣжно вызываемыхъ дѣйствительными стратегическими нуждами и защитою индійской границы“ (p.p. 179—182).

По открытіи парламента оппозиція, какъ и ожидалось, направила свои удары на индійскую пограничную политику. Представители правительства, помимо возраженій по существу, упирали съ своей стороны на то обстоятельство, что правительство было вѣрнымъ продолжателемъ политики либеральнаго кабинета и держалось тѣхъ же принциповъ, принимало такія же мѣры, какъ предшествовавшія либеральныя министерства. Дѣйствительно, первое выставленіе военнаго отряда въ земляхъ независимыхъ племенъ, со всѣми послѣдствіями, было, какъ выше излагалось, разрѣшено въ 1894 году либеральнымъ статсъ-секретаремъ Фоулеромъ, который нашелъ, что это необходимо для установленія „дѣйствительнаго контроля надъ Везиристаномъ“ (Mil. operations on the North-west Frontiers of India, I, p. 31). Выставленіе войскъ въ Читралѣ и въ Малакандѣ было конечно отнюдь не менѣе необходимо для „дѣйствительнаго контроля“ надъ Читралемъ и Сватомъ, а затѣмъ во всемъ остальномъ лордъ Хамильтонъ дѣйствовалъ совершенно такъ же, какъ поступалъ и поступилъ бы Фоулеръ. При такой постановкѣ дѣла, весьма естественно, что въ палатѣ общинъ внесенная оппозиціею поправка къ адресу, выражавшая порицаніе политикѣ правительства на сѣверо-западной

границѣ Индіи, была 15 февраля 1898 г. отвергнута большинствомъ 311 голосовъ противъ 208. Когда, съ другой стороны, защитникъ „наступательной политики“, бывшій главнокомандующій войсками Индіи, фельдмаршалъ лордъ Робертсъ Кандахарскій (of Kandahar) выступилъ, 7 марта, въ палатѣ лордовъ, съ заявленіемъ о необходимости энергичныхъ и дѣйствительныхъ мѣропріятій къ подчиненію пограничныхъ племенъ, положеніе которыхъ служитъ грозою для безопасности Индіи, то правительство заявило свое рѣшительное несогласіе съ мнѣніями Робертса и твердое намѣреніе держаться намѣченной лордомъ Хамильтономъ политики. Противники Forward Policy напротивъ торжествовали: предсѣдатель восточно-индійской ассоціаціи лордъ Reay, въ рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи этого общества 27 мая 1898 года, между прочимъ, утверждалъ, что положеніе, принятое правительствомъ, и принципы, установленные имъ въ депешахъ вице-королю, при точномъ исполненіи, предотвратятъ новыя усложненія на сѣверо-западной границѣ Индіи; онъ сказалъ при этомъ: „изъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ достиженію столь желательнаго результата, первое мѣсто занимаетъ предсѣдатель нашего совѣта сэръ Лепель Гриффинъ, могучее перо котораго сдѣлало очень многое“ (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, July, p. 183).

Значитъ ли все это, что Англія отказалась въ отношеніи къ авганскимъ горнымъ племенамъ отъ Forward Policy и безповоротно приняла политику уваженія независимости этихъ племенъ и неприкосновенности ихъ территорій?

По увѣренію одного изъ англо-индійскихъ публицистовъ, „Синяя книга“ 1898 года ничего не скажетъ тому, кто не умѣетъ читать между строками (Vista въ I. a. A. Quarterly Review, 1899, January, p. 10). Но и не претендуя на такое умѣнье, достаточно вникнуть внимательно въ содержаніе депеши лорда Хамильтона, чтобы убѣдиться, что главною, единственно существенною, цѣлью англійской политики на сѣверо-западной границѣ признается „защита“ Индіи отъ русскаго нашествія и „стратегическія нужды“ этой обороны. Хотя при достиженіи этой цѣли предполагается уважать „права другихъ, при твердой поддержкѣ своихъ“, но въ той же депешѣ англійскіе „интересы“ отождествляются съ „правами“, права же „другихъ“ оставляются безъ вниманія и попираются, если не совпадаютъ съ англійскими интересами. Такъ, для обороны Индіи важно имѣть „контроль“ надъ пограничными племенами и ихъ территоріею: Англія присвоиваетъ его себѣ на основаніи гандамакскаго договора съ Якубъ-ханомъ и кабульскаго соглашенія Дьюранда съ Абдэррахманъ-ханомъ, тогда какъ пограничныя племена въ зависимости отъ этихъ эмировъ не состояли, и потому Англія не могла правильно пріобрѣсти отъ нихъ правъ, которыхъ сами эмиры эти не имѣли. О независимости племенъ въ депешѣ трактуется только какъ о предметѣ, въ

высшей степени дорогомъ для горцевъ, а не какъ о началѣ, признаваемомъ Англіею. Правительство желаетъ, чтобы индійскія власти возстановили и поддерживали въ горцахъ убѣжденіе въ томъ, что оно не намѣрено посягать на независимость племенъ. Но оно поступаетъ такъ не потому, что твердо и искренно признаетъ эту независимость и право на нее племенъ, а потому лишь, что не видитъ пока лучшаго средства достигнуть умиротворенія племенъ и дружелюбныхъ съ ними отношеній. Рекомендуемыя прямолинейными приверженцами „наступательной политики“ насильственныя мѣропріятія—обезоруженіе, обложеніе податями, подчиненіе британскому управленію и т. д.—отвергаются лордомъ Хамильтономъ не принципіально, не потому, что они противорѣчатъ началу независимости племенъ, а только по практическимъ трудностямъ и невыгоднымъ результатамъ ихъ примѣненія. Отклоняя упомянутыя насильственныя мѣропріятія, правительство пріобрѣло по этой причинѣ одобреніе своей политикѣ со стороны всѣхъ противниковъ Forward Policy, но сохранило также поддержку всѣхъ умѣренныхъ сторонниковъ „наступательной политики“, которые мирятся съ правительственною политикою, такъ какъ она не находится съ Forward Policy въ принципіальномъ противорѣчіи и стремится къ тѣмъ же цѣлямъ, хотя другими средствами. Такъ стоящій болѣе тридцати лѣтъ въ рядахъ сторонниковъ Forward Policy сэръ Ричардъ Темпль,—мнѣніе котораго о горныхъ племенахъ, высказанное въ шестидесятыхъ годахъ, было мною приведено, — въ любопытномъ сообщеніи, сдѣланномъ 8 декабря 1898 года въ Royal United Service Institution, заявилъ, что если бы результатомъ незадолго передъ тѣмъ законченнаго столкновенія съ Франціею изъ-за Фашоды была война и сторону Франціи приняла бы Россія, то непріязненныя отношенія съ авганскими горными племенами сильно усугубили бы трудности войны для Англіи. Онъ питаетъ надежду, что принятая нынѣ правительствомъ политика освободитъ Англо-Индію отъ враждебности горцевъ. Изъ иныхъ политикъ ту, которая заключалась бы въ поступленіи съ горцами такъ, „какъ Россія обошлась съ Черкесіею послѣ крымской войны, т. е. состояла бы въ истребленіи ихъ“, онъ обсуждать нашелъ излишнимъ, потому что ни индійское правительство ея не приметъ, ни англійскій народъ ее не допуститъ. Политика подчиненія независимыхъ племенъ и управленія ими и ихъ землями такимъ же порядкомъ, какъ управляются провинціи Индіи, „была бы слишкомъ дорога и едва-ли имѣла бы успѣхъ, потому что горцы не покорились бы: возстанія и усмиренія были бы безконечны и закончились бы тѣмъ, что я называю черкесскимъ методомъ“. Не годится также примѣнявшаяся на югѣ границы съ успѣхомъ бомбейская политика (сэра Роберта Сендемана, подъ руководствомъ, между прочимъ, стоявшаго одно время его начальникомъ сэра Ричарда Темпля), потому что

афридіи, по своему характеру, совершенно отличаются отъ южныхъ племенъ. Поэтому сэръ Ричардъ Темпль вполнѣ одобряетъ принятую нынѣшнимъ правительствомъ политику не щадить стараній убѣдить афридіевъ и остальныя племена, что ихъ независимость будетъ абсолютно сохраняема подъ британскимъ владычествомъ: that their independence under us is absolutely secure (Journal of the Royal United Service Institution, 1899, January, p.p. 4, 5).

Желавшій въ 1895 году „вразумить" авганскія племена, что они „наши", Керзонъ, въ излагавшей впервые, по назначеніи его вице-королемъ Индіи, съ титуломъ лорда Керзонъ-Кедльстона, взгляды его относительно политики на сѣверо-западной границѣ лахорской рѣчи 30 марта 1899 г., объявилъ, по газетнымъ извѣстіямъ, что намѣренъ уважать независимость племенъ и быть дружественнымъ съ тѣми, кто этого пожелаетъ, но твердымъ въ дѣйствіяхъ относительно тѣхъ, кто нападетъ безъ вызова. Подобно лорду Хамильтону, онъ, однако, уклонился отъ дальнѣйшихъ разъясненій: никто-де не въ состояніи предвидѣть, что можетъ случиться въ столь обильной неожиданностями странѣ, какъ сѣверо-западная граница Индіи; пограничная политика менѣе зависитъ отъ инструкцій и плановъ, чѣмъ отъ методовъ и средствъ, а еще болѣе отъ людей. Хотя въ рѣчи лорда Керзонъ-Кедльстона не слышится особаго сочувствія политикѣ лорда Хамильтона, однако, въ теченіе всего 1898 года, при лордѣ Эльджинѣ, и въ 1899 году, при новомъ вице-королѣ, индійское правительство дѣйствовало совершенно въ духѣ миролюбія и воздержанія отъ всякихъ покушеній на вмѣшательство въ дѣла горныхъ племенъ и на неприкосновенность ихъ территоріи. По обыкновенію, отдѣльныя лица, шайки и даже мелкія вѣтви племенъ производили грабежи и небольшія вторженія на британскую территорію, но пограничныя власти, слѣдуя, конечно, инструкціямъ свыше, ограничивались прекращеніемъ безпорядковъ и наказаніемъ виноватыхъ по возможности, не затѣвая большихъ экспедицій и не распространяя отвѣтственности на цѣлыя племена, остававшіяся чуждыми возникавшимъ безпорядкамъ. Появлялся въ ноябрѣ 1898 года въ Сватѣ „безумный факиръ", пытаясь поднять юсуфзіевъ противъ хана Дира, но успѣха не имѣлъ, будучи прогнанъ самими горцами. Начинались военныя дѣйствія между ханомъ Дира и баджаурцами, но своевременныя строгія внушенія не замедлили возстановить спокойствіе.

Хотя заведенное съ начала 1898 года охраненіе Хайберскаго прохода британскими войсками не вызывало столкновеній съ афридіями, но съ цѣлію окончательнаго примиренія съ ними и устраненія поводовъ къ столкновеніямъ и неудовольствіямъ, въ мартѣ 1899 года британскія войска выведены изъ Хайбера, и для охраны его сформированы два батальона „хайберскихъ стрѣл-

ковъ", каждый изъ шести ротъ, по 100 ч. въ ротѣ, подъ командою британскихъ офицеровъ; восемь изъ этихъ ротъ вербуются изъ афридіевъ Хайбера, племенамъ которыхъ сверхъ того сохранены получавшіяся ими ранѣе субсидіи. Кромѣ того, изъ вышеупомянутаго сообщенія сэра Ричарда Темпля 8 декабря 1898 года слѣдуетъ заключить, что, во-первыхъ, правительство, для успокоенія афридіевъ, отказалось отъ постройки по Хайберу желѣзной дороги, ограничившись проведеніемъ ея отъ Пишавера до Джамруда и заготовленіемъ всего необходимаго для укладки рельсовъ отъ Джамруда до Кабула, когда въ этомъ встрѣтится надобность; во-вторыхъ, во избѣжаніе неудовольствія и столкновеній съ везиріями, рѣшено не возводить укрѣпленій по Гомульскому пути чрезъ Сулеймановы горы и не занимать для этой цѣли пункта около Худайдада, какъ предлагали нѣкоторые военные авторитеты, ограничившись, въ видахъ обороны Гомульскаго прохода, постройкою постояннаго черезъ Индъ моста у Дере-Измаилъ-хана (The Journal of R. U. S. Institution, 1899, January, p.p. 3, 4, 6, 15—17) *).

*) Считаю не лишнимъ привести здѣсь сокращенно изъ этого же сообщенія сэра Ричарда Темпля (The present situation on the Indian Frontier) соображенія его относительно обороны Индіи противъ нападенія Россіи, такъ какъ эти соображенія составляютъ главнымъ образомъ лишь отраженіе мнѣній и свѣдѣній правительственныхъ сферъ въ концѣ 1898 года. Завѣряя, разумѣется, что Англія съ своей стороны желаетъ сохранять съ Россіею миръ и согласіе, онъ указалъ на два недавнихъ факта, свидѣтельствующихъ о явно недружелюбныхъ замыслахъ Россіи противъ Индіи: во-первыхъ, проведеніе желѣзной дороги отъ Мерва до Кушка на авганской границѣ, дороги, которая не доходитъ до Херата лишь 70 миль, не имѣетъ никакого торговаго значенія и является угрозою для Авганистана и Индіи, и во вторыхъ, наполненіе авгано-персидской границы въ Сеистанѣ русскими офицерами и агентами, съ невѣдомыми, но очевидно враждебными цѣлями (p.p. 7, 8). Относительно положенія Авганистана въ случаѣ войны Англіи съ Россіей сэръ Р. Темпль того мнѣнія, что, какъ и во время столкновеній съ пограничными племенами, эмиръ останется вѣрнымъ Англіи, хотя «кто можетъ читать въ сердцѣ авгана? (p. 3). Обыкновенно полагаютъ, что русское нашествіе можетъ быть произведено по двумъ направленіямъ: на Хератъ-Кандахаръ и на Балхъ-Кабулъ. Сэръ Р. Темпль убѣжденъ, что успѣшное движеніе русской арміи на Кабулъ, гдѣ она встрѣтитъ британскую армію, соединенную временною желѣзною дорогою съ Пишаверомъ, практически невозможно вслѣдствіе чрезвычайной трудности путей чрезъ Хиндукушъ (p.p. 11, 12). Остается направленіе Хератъ-Кандахаръ. «Можетъ-ли Хератъ защищаться и пожелаютъ ли его защищать—этого никто не можетъ знать. Если авганы будутъ хорошо настроены, то я не сомнѣваюсь, что крѣпость можетъ защищаться». Индійское правительство можетъ послать нѣсколько отборныхъ инженеровъ, артиллеристовъ и офицеровъ. Я думаю, что благодаря этому Россіи придется потанцовать предъ Хератомъ нѣсколько дней, а можетъ быть и недѣль. Весьма важно, между прочимъ, укрѣпить всѣ высоты кругомъ Херата, съ которыхъ русскіе могли бы командовать надъ городомъ. Все это однако надолго не пособитъ, русскіе возмутъ Хератъ, и я думаю, что мы не пошлемъ своихъ войскъ въ такую даль отъ своей базы. Хератъ долженъ пасть, но продержавшись нужное для насъ время» (p. 12). Отсюда русская армія направится къ Кандахару и встрѣтится съ британскою, которая ее несомнѣнно отразитъ. Если-бы, паче чаянія, позиція при Кандахарѣ не была удержана и русская армія двинулась бы къ Гомульскому проходу, то тамъ ее встрѣтитъ британскій корпусъ, тогда какъ арьергарду ея будетъ угрожать другой корпусъ, поддерживаемый третьимъ изъ Кветты. Такимъ образомъ противъ одного аттакующаго русскаго корпуса, имѣющаго другой корпусъ въ резервѣ, будутъ дѣйствовать три британскихъ корпуса.

Если бы миролюбивая и благоразумная политика лорда Хамильтона не была только результатомъ „урока" 1897 года, показавшаго какія трудности и опасности представляетъ борьба съ доведенными до крайности горцами, защищающими свою независимость, но имѣла принципіальныя основы, а съ ними и прочную устойчивость на долгое время, то по всей вѣроятности Англія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не ранѣе, пріобрѣла бы мирное сосѣдство и дружбу горныхъ племенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннаго и вѣрнаго союзника для обороны Индіи противъ нашествія чрезъ Авганистанъ и Сулеймановы горы. Къ несчастію не только для авганскаго народа, но и для самой Англіи, на сколько-

---

Изъ нихъ два, повидимому, будутъ взяты изъ индійской арміи, третій же будетъ присланъ изъ Англіи, гдѣ будетъ немедленно приступлено къ формированію второго корпуса. Потребуются значительные расходы, «но я полагаю, что мы возвратимъ эти издержки съ Россіи, которая должна будетъ выплатить ихъ деньгами или землями въ Китаѣ» (p.p. 12, 13).

Численность арміи нашествія сэръ Р. Темпль опредѣляетъ не выше 100 т. ч., такъ какъ закаспійская желѣзная дорога, одноколейная и отрѣзанная отъ внутреннихъ губерній Каспійскимъ моремъ, не въ состояніи перевезти большаго количества войскъ и снабжать ихъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ, и такъ какъ для движенія отъ Херата арміи въ 100 т. ч. потребуется подъ продовольствіе и другія тяжести не менѣе 100 т. верблюдовъ, между тѣмъ какъ вся страна на сѣверъ до Аральскаго моря едва ли можетъ дать такую массу верблюдовъ. Вообще этотъ недостатокъ перевозочныхъ средствъ явится главнѣйшимъ затрудненіемъ для русскаго нашествія, тогда какъ индійскія желѣзныя дороги доходятъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ британскимъ войскамъ придется вступать въ бой, и на основаніи своего личнаго опыта по завѣдыванію транспортною частью во время войны 1879—1880 г.г. сэръ Р. Темпль завѣряетъ въ возможности добыть въ Индіи любое количество вьючнаго скота, 100 т. верблюдовъ и т. д.

Если Россія не предприметъ немедленно по объявленіи войны движенія къ Инду, а ограничится овладѣніемъ Хератомъ и Авганскимъ Туркестаномъ, размѣститъ свои войска въ этихъ областяхъ и займется здѣсь полгода или годъ приготовленіями для дальнѣйшаго похода на Индію, то, по мнѣнію сэра Р. Темпля, Англія, вслѣдствіе отдаленности указанныхъ областей отъ Инда, не можетъ ни защитить ихъ, ни послать войска для отнятія ихъ. Ей придется принудить Россію къ возвращенію ихъ посылкою флотовъ въ Черное и Балтійское моря, уничтоженіемъ морской торговли Россіи и завладѣніемъ нѣкоторыми пріобрѣтеніями ея въ Китаѣ. Сомнительно, чтобы Россія могла долго выносить такую войну, тогда какъ для Англіи она будетъ нечувствительна, ибо ни ея владѣнія, ни торговля, ни сообщенія съ Индіею ни мало не пострадаютъ (p. 13). Если бы, сдѣлавъ всѣ приготовленія для снабженія арміи въ дальнѣйшемъ пути къ Инду изъ Херата и Балха, Россія произвела нашествіе, то изготовившаяся къ отраженію Англія дала бы ей надлежащій отпоръ и въ Кабулѣ, и въ Кандахарѣ. Сэръ Р. Темпль не допускаетъ однако одновременнаго нападенія по обоимъ направленіямъ, такъ какъ по первому наступленіе невозможно въ зимнее время по причинѣ страшныхъ холодовъ, по второму же въ лѣтнее вслѣдствіе необыкновенныхъ жаровъ (p. 14).

Завѣренія лектора о легкости снабженія британскихъ войскъ транспортными животными изъ Индіи столь не согласны съ опытомъ англо-авганскихъ войнъ, что предсѣдательствовавшій въ собраніи генералъ лордъ Метуенъ долженъ былъ выразить по этому поводу сомнѣніе, указавъ на затрудненія въ транспортныхъ средствахъ во время экспедицій 1897 года (p. 19). Сэръ Р. Темпль отвѣтилъ, что въ Синдской пустынѣ и въ Раджпутанѣ существуютъ лучшія въ мірѣ пастбища для разведенія верблюдовъ (p. 17). Не трудно однако замѣтить, что мало имѣть пастбища, надо развести сотни тысячъ верблюдовъ, а на это потребуются десятки лѣтъ и громадные расходы со стороны индійской казны, ибо разведеніе вьючнаго скота убито въ Индіи желѣзными дорогами.

нибудь продолжительное примѣненіе нынѣшней политики разсчитывать невозможно, во-первыхъ, вслѣдствіе безраздѣльнаго преобладанія въ англійской политикѣ принципа британскихъ интересовъ, съ попираніемъ чужихъ правъ, и во-вторыхъ, вслѣдствіе крайней нервности правящихъ круговъ и общественнаго мнѣнія Англіи и готовности къ рискованнымъ и неразумнымъ насиліямъ въ случаяхъ воображаемой опасности для Индіи. Salus Indiæ suprema lex— восклицалъ въ 1893 году въ одной своей статьѣ нынѣшній вице-король Индіи; „я вѣрю, что мы рады были бы истратить всѣ снаряды вульвичскаго арсенала и что каждое англійское семейство съ готовностью отдало бы своего послѣдняго сына, чтобы не допустить вступленія врага на индійскую почву" (Nineteenth Century, 1893, August, India between two fires, by M. George Curzon). Изъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ Индіи, нынѣшній вице-король считалъ и, конечно, продолжаетъ считать важнѣйшею возможность подкупа и возбужденія фанатизма и вражды противъ Англіи въ средѣ авганскихъ пограничныхъ племенъ: „тогда положеніе можетъ измѣниться изъ сомнительнаго въ неоспоримо опасное, и на протяженіи всей тысячемильной границы закипитъ хроническое возмущеніе".

Вполнѣ естественно со стороны Англіи, если она употребитъ для защиты своихъ индійскихъ владѣній всѣ свои силы и достояніе, но и при оборонѣ недозволительно нарушать требованія общеобязательныхъ для человѣчества нравственности, гуманности, справедливости и уваженія къ правамъ другихъ; и при законной оборонѣ постыдно, неразумно и невыгодно отдаваться во власть чувствъ страха и мстительности. Между тѣмъ, во всемъ этомъ повинна политика Англіи вообще, между прочимъ и въ отношеніяхъ ея къ народу авганскому. Такъ, въ 1838 году, когда неимѣвшій никакихъ обязательствъ предъ Англіею и нежелавшій подчинять ей безъ всякаго вознагражденія свою политику эмиръ Достъ-Мохаммедъ-ханъ вошелъ въ соглашеніе съ Россіей, то хотя Россія, не желая воевать съ Англіею, отреклась отъ данныхъ ея именемъ обѣщаній и отъ политическихъ сношеній съ эмиромъ, Англія тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ чувства страха предъ предстоявшей Индіи опасностью, хотя вполнѣ миновавшей, и изъ мстительности, обращенной вмѣсто сильнаго и опаснаго соперника на слабый и безвредный для Индіи Авганистанъ, начала войну для подчиненія этой страны. Послѣдовавшая, послѣ эфемерныхъ успѣховъ, катастрофа съ окупаціоннымъ отрядомъ обнаружила громадныя трудности удержать завоеванную страну и вынудила англичанъ очистить Авганистанъ послѣ вторичнаго похода для мести и выручки плѣнныхъ. Чрезъ тридцать пять лѣтъ Англія успѣла позабыть полученный урокъ. Когда чрезмѣрныя притязанія англичанъ побудили Ширъ-Али принять русское посольство, Англія начала войну, снова изъ страха за Индію и изъ мести, хотя

оставленному Россiею безъ защиты эмиру не оставалось ничего другого, какъ признать протекторатъ Англiи на возможныхъ условiяхъ. Вмѣсто принятiя неминуемой покорности эмира Авганистана Англiя предпочла воевать, чтобы свергнуть Ширъ-Али съ престола. Снова за обманчивыми удачами возникли трудности борьбы съ народомъ, мужественно и стойко защищающимъ свою независимость, и снова Англiя вынуждена была очистить Авганистанъ, считая счастьемъ, что нашла въ лицѣ Абдэррахманъ-хана эмира, принявшаго условiя, болѣе для Авганистана выгодныя, чѣмъ тѣ, которыми удовольствовался бы Ширъ-Али. Едва прошло послѣ этого пятнадцать лѣтъ, какъ сторонники Forward Policy начали забывать и этотъ вторичный урокъ.

Въ письмѣ къ редактору газеты „The Mail“ 17 iюня 1895 года нынѣшнiй вице-король Индiи спрашивалъ уже: „когда въ исторiи британскихъ войнъ оставленiе занятой территорiи было успѣшно? Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы отступленiе изъ Авганистана въ 1842 году было выигрышемъ, а не потерей. Оставленiе Кандахара въ 1881 году“ нѣсколько извиняется лишь тѣмъ, что Абдеррахманъ-ханъ оказался вѣрнымъ другомъ Англiи, хотя нахожденiе Кандахара въ британскихъ рукахъ было бы всетаки надежнѣе. Если и принять въ соображенiе, что такiя мнѣнiя высказывались Керзономъ въ пылу полемики противъ индiйскихъ „отставныхъ губернаторовъ и генераловъ, наводнившихъ почти всю прессу“ требованiями о выводѣ британскихъ войскъ изъ Читрала послѣ возстановленiя въ немъ англiйскаго влiянiя, изъ опасенiя возбудить вражду и волненiя пограничныхъ племенъ (въ чемъ, какъ показали событiя 1897 года, „отставные губернаторы и генералы“ оказались вполнѣ правыми); что въ Англiи не мало людей, готовыхъ стоять за соблюденiе въ дѣйствiяхъ правительства справедливости, гуманности и уваженiя къ правамъ другихъ народовъ, и что Гладстону удавалось иногда примѣнять въ нѣкоторой степени эти начала въ политикѣ Англiи,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что даже Гладстону приходилось дѣлать уступки, между прочимъ, и по авганскимъ дѣламъ, нацiональному шовинизму и что со смертью его имперiализмъ получилъ рѣшительное преобладанiе.

Лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, на постѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, являлся въ 1895—1898 г.г. въ палатѣ общинъ довольно точнымъ и вѣрнымъ выразителемъ умѣренной политики лорда Солсбери, но въ качествѣ публициста, въ предшествовавшiе годы, оказывался способнымъ къ имперiалистскимъ увлеченiямъ. Недавнiй маскатскiй инцидентъ побуждаетъ опасаться отъ него и на постѣ вице-короля Индiи опрометчивой дѣятельности въ томъ же духѣ. Власть вице-короля закономъ и практикою настолько ограничена, что онъ обыкновенно не можетъ предпринимать ничего серьезнаго безъ вѣдома и разрѣшенiя лондонскаго министерства. Однако при отсутствiи между мини-

стерствомъ и вице-королемъ много различія кромѣ степени благоразумія и осторожности, такъ какъ безраздѣльное и неограниченное никакими этическими требованіями господство британскихъ интересовъ признается непреложнымъ, такой талантливый, энергичный и занимающій въ правительственной партіи вліятельное положеніе вице-король, какъ лордъ Керзонъ-Кедльстонъ, можетъ давать англо-индійской политикѣ рѣшительное направленіе въ смыслѣ своихъ личныхъ взглядовъ и симпатій. Указаніе его, въ лахорской рѣчи, на зависимость англо-индійской пограничной политики не столько отъ намѣреній и инструкцій, сколько отъ людей и случайностей, даетъ основаніе ожидать, что лордъ Керзонъ разсчитываетъ на свою личную талантливость, энергію, ловкость и счастіе для опредѣленія путей и средствъ будущей англо-индійской политики, причемъ неизбѣжно будутъ имѣть преобладающее, быть можетъ, значеніе его симпатіи къ Forward Policy.

Что касается „людей",—которыми часто созидаются и самыя „случайности" на границѣ, какъ видѣли мы въ дѣятельности "политическихъ офицеровъ", предшествовавшей возстаніямъ въ Сватѣ и пр.,—то политика лорда Лоуренса и его преемниковъ до лорда Литтона пользовалась среди индійскихъ англичанъ весьма малыми симпатіями. Гордые британцы съ трудомъ переносили эту политику, требовавшую необычной сдержанности въ отношеніи наглыхъ пограничныхъ дикарей, тогда какъ вся исторія владычества Англіи въ Индіи пріучила къ совсѣмъ иной системѣ обращенія съ азіатцами. По словамъ сэра Лепеля Гриффина, военный секретарь лорда Литтона полковникъ Pomeroy Colley, фактически правившій при этомъ вице-королѣ Индією, особенно возмущался воспрещеніемъ британскимъ офицерамъ переходить границу съ горными племенами даже для охоты (Nineteenth Century, 1897, October, p. 510). Со времени лорда Литтона сторонники „наступательной политики" и имперіализма получили преобладаніе въ гражданскомъ, особенно же въ военномъ управленіи Индіи. Рѣчи бывшаго главнокомандующаго войсками Индіи лорда Робертса въ 1893 году въ Лондонѣ, по возвращеніи его изъ Индіи, и въ мартѣ 1898 года, въ палатѣ лордовъ, а также его преемника сэра Генри Хуайта въ Индіи въ октябрѣ 1897 года, мнѣнія послѣдняго въ совѣтѣ генералъ-губернатора относительно афридіевъ, планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы" маіора Дж. Юнгхесбанда и т. д. не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно настроенія военныхъ круговъ Индіи. По справедливому замѣчанію лорда Reay, въ вышеупомянутой рѣчи его 27 мая 1898 г., отношенія къ горнымъ племенамъ много зависятъ отъ такъ называемыхъ „политическихъ офицеровъ", которые завѣдуютъ пограничными дѣлами. Недостаточно указать правильную политику; „мы должны обезпечить себя агентами, способными вести ее и внушать горцамъ довѣріе". —

Газетныя корреспонденціи изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ въ 1887 году, часто заключали въ себѣ жалобы на „политическихъ офицеровъ“, будто бы вынуждавшихъ начальниковъ отрядовъ, къ которымъ они назначались для веденія политическихъ сношеній, къ неумѣстной слабости и снисходительности къ племенамъ, къ уменьшенію размѣровъ подлежавшихъ съ нихъ штрафовъ, оружія и т. п. Въ дѣйствительности, какъ ясно изъ „Синей книги“, „политическіе офицеры“ высказывались большею частію за строгія мѣры и высокіе размѣры взысканій. Та же „Синяя книга“ показала, что возстанія 1897 года были въ значительной степени послѣдствіемъ вмѣшательства пограничныхъ агентовъ въ дѣла горцевъ, несогласнаго съ правительственною политикою, хотя иногда и одобрявшагося индійскимъ правительствомъ. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ пограничные коммиссіонеры, сознательно или безсознательно, не проявляли въ своей дѣятельности симпатій къ „наступательной политикѣ“, уже по тому одному, что политика невмѣшательства лишаетъ пограничныхъ агентовъ случаевъ высказывать свои способности въ активной политикѣ.

Вообще, до осени 1899 года, представлялось весьма мало вѣроятнымъ, чтобы политикѣ лорда Хамильтона предстояло продолжительное примѣненіе. Казалось, что даже безъ всякихъ особыхъ случайностей, какъ только впечатлѣніе опасностей и трудностей, сопровождавшихъ усмиреніе смутъ 1897 года, нѣсколько изгладится, англо-индійское правительство болѣе и менѣе постепенно и сознательно, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма, возвратится на путь „наступательной политики“ въ отношеніи къ пограничнымъ авганскимъ племенамъ. Поводы къ столкновеніямъ обильны съ обѣихъ сторонъ. Достаточно, напр., индійскому правительству, во исполненіе требованій нѣкоторыхъ военныхъ авторитетовъ, провести желѣзную дорогу по Хайберу или гомульскому пути, съ возведеніемъ въ земляхъ горцевъ соотвѣтствующихъ укрѣпленій, или послать военный отрядъ на помощь хану Дира для поддержки вѣрнаго союзника противъ мятежныхъ подданныхъ или враждебныхъ сосѣдей, и т. под., чтобы возбудить въ горныхъ племенахъ опасенія за независимость и вызвать войну съ ними. Съ другой стороны, сколь ни удручены горныя племена бѣдствіями и раззореніемъ вслѣдствіе возстаній 1897 года, тѣмъ не менѣе ненависть и озлобленіе противъ англичанъ столь въ нихъ прочно укрѣплены, что кромѣ обычныхъ грабежей и мелкихъ вторженій весьма возможны стихійные взрывы, подобные возстаніямъ въ Сватѣ и у маддахелей. Въ случаѣ же возобновленія войны съ однимъ или нѣсколькими изъ горныхъ племенъ индійскому правительству едва-ли окажется возможнымъ устоять противъ требованій сторонниковъ „наступательной политики“ относительно обезоруженія, обложенія податями, подчиненія англійскому управленію,

занятія стратегическихъ пунктовъ и прочихъ мѣропріятій, составляющихъ „планъ прочнаго умиротворенія“ или „черкессвій методъ“.

Въ такомъ видѣ представлялось положеніе отношеній Англо-Индіи къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ осенью 1899 года, до войны Англіи съ бурами двухъ южно-африканскихъ республикъ, начавшейся 11 октября. Ознаменовавшаяся неудачами и пораженіями англійскихъ войскъ, выказавшая несостоятельность Англіи, въ качествѣ военной державы, обнаружившая нравственное и политическое ея одиночество и вызвавшая единодушное порицаніе покушеній Англіи лишить независимости и поработить небольшой численностью, но сильный мужественною привязанностью къ свободѣ народъ, колонизовавшій южную Африку,—порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ, война эта, чѣмъ бы она ни кончилась, не можетъ не оказать огромнаго вліянія на послѣдующія судьбы Англіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на ея политику на сѣверо-западной границѣ Индіи. Возможное выясненіе вліянія совершающихся измѣненій въ положеніи Англіи на отношенія ея къ авганамъ составитъ одинъ изъ предметовъ заключительной главы настоящаго этюда.

V. Русскій и англо-индійскій „Кавказы“.

Утверждая, что индійское правительство не пожелаетъ и англійскій народъ не допуститъ примѣненія „черкесскаго метода“ къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ, сэръ Ричардъ Темпль выражалъ господствующее издавна въ Англіи отношеніе къ русскимъ мѣропріятіямъ по покоренію Кавказа, которыя подвергались въ этой странѣ, въ свое время, горячимъ и единодушнымъ порицаніямъ. Хотя планъ „прочнаго умиротворенія индійской границы“ есть лишь полная систематизація мѣропріятій „черкесскаго метода“,—примѣнявшихся въ разное время, въ различныхъ размѣрахъ и съ неодинаковыми результатами,—однако, не желая навлекать на свой планъ непопулярности „черкесскаго метода“, маіоръ Юнгхесбандъ ссылался, вмѣсто кавказскихъ горцевъ, на горцевъ Шотландіи и населеніе Вандеи, у которыхъ слишкомъ мало общаго съ авганскими пограничными племенами, ихъ средою и исторіею. Между тѣмъ аналогіи между борьбою Англіи съ авганскими горцами и покореніемъ Россіею кавказскихъ горцевъ столь во многомъ поразительны, что начинаютъ сильно интересовать англо-индійскихъ военныхъ писателей.

Такъ, въ майской книжкѣ Nineteenth Century, 1898 (The Caucasus and Tirah: a Retrospect, p.p. 717—723), лордъ Непиръ Магдальскій

занялся сравненіемъ военныхъ дѣйствій генерала Локхарта противъ оракзіевъ и афридіевъ съ экспедиціею графа Воронцова въ Дарго въ 1845 году. Онъ нашолъ, что „оба театра военныхъ дѣйствій сходны по климату, по топографическимъ условіямъ и по пространству. Если русскіе имѣли невыгоду дѣйствовать въ покрытой густыми лѣсами странѣ, то есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Тира лѣса, которые давали, въ двухъ или трехъ случаяхъ, афридіямъ нѣкоторыя преимущества; притомъ Тира вѣроятно много гористѣе и труднѣе для сообщеній, ибо русскія извѣстія упоминаютъ о сопровождавшихъ войска легкихъ колесныхъ экипажахъ, что въ Тира было бы невозможно". Въ обоихъ случаяхъ враждебные горцы были сходны, какъ одинаково опасные противники, привыкшіе носить орудіе съ дѣтства и проводящіе всю жизнь въ междоусобіяхъ и стычкахъ. У тѣхъ и другихъ одинаково примѣнялась тактика слабаго сопротивленія при наступленіи противника и отчаяннаго на него натиска при отступленіи. Но племена сѣверо-западной границы Индіи лучше вооружены, чѣмъ сподвижники Шамиля. Неудачи русскихъ (въ экспедиціи 1845 года) были слѣдствіемъ военныхъ талантовъ Шамиля, успѣхи же англичанъ (въ Тира) зависѣли отъ талантовъ полководца и превосходства офицеровъ новѣйшаго времени.

Свѣдѣнія лорда Непира во многомъ невѣрны или неполны, а потому и заключенія его ошибочны. Такъ изрѣдка встрѣчающаяся скудная древесная растительность Тира *) не имѣетъ никакого сходства съ занимающими огромныя пространства лѣсами Чечни **). Затѣмъ лорду Непиру повидимому неизвѣстно, что кавказскіе горцы были вооружены лучше русской пѣхоты и кавалеріи: „горцы всегда имѣли предъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи... Винтовки ихъ уступаютъ въ дѣйствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ" (донесеніе князя Барятинскаго военному министру 8 ноября 1857 года, см. А. Л. Зиссермана „Фельдмаршалъ кн. Барятинскій", Москва, 1890 г., томъ II, стр. 185). Что не таланты Шамиля были

---

*) См. описаніе театра военныхъ дѣйствій начальника топографовъ въ войскахъ Локхарта полковника Хольдича въ The Geographical Journal, 1898, October, p. 345.

**) Нѣкоторое сходство существуетъ въ качествѣ театра военныхъ дѣйствій, лишь между Дагестаномъ и Тира и вообще землями авганскихъ горцевъ. По словамъ генерала Смѣкалова (1877 г.), между условіями военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ и Чечнѣ «и сравненія быть не можетъ»: «какъ бы ни были труднопроходимы горныя тропы Дагестана, вы ихъ все же хорошо видите и опредѣляете издали, что на нихъ есть, тогда какъ въ терской области непроницаемая завѣса лѣсовъ, до самаго момента встрѣчи съ опасностью, оставляетъ васъ въ полной неизвѣстности, «гдѣ и чего ожидать» (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ Терской области въ 1877 году», Спб., 1896, стр. 123). Превосходно также выяснены различіе условій военныхъ операцій въ Дагестанѣ и Чечнѣ и разница въ системѣ войны между лезгинами и чеченцами въ интересной запискѣ генерала Пассека, убитаго въ экспедиціи князя Воронцова 1845 г., напечатанной въ книгѣ Романовскаго «Кавказъ и кавказская война», Спб., 1860 г., стр. 371—378.

главною причиною неуспѣха экспедиціи князя Воронцова, а лѣса Чечни, это доказывается еще болѣе полнымъ пораженіемъ 10-ти тысячнаго отряда Граббе въ 1842 г. въ тѣхъ же лѣсахъ, пораженія, нанесенномъ какими-нибудь 2 тыс. мѣстныхъ чеченцевъ въ то время, когда Шамиль съ главными своими силами находился въ другой части Дагестана, въ казикумухскомъ ханствѣ. Далѣе, если генералы и офицеры дѣйствовавшихъ въ 1897 г. противъ авганскихъ горцевъ англо-индійскихъ войскъ вообще стояли на высотѣ требованій отъ европейскихъ войскъ въ настоящее время, то равнымъ образомъ генералы и офицеры составлявшихъ въ сороковыхъ годахъ боевую часть русской арміи кавказскихъ войскъ соотвѣтствовали военнымъ требованіямъ своего времени. Вопреки мнѣнію наслѣдника имени побѣдителя негуса Θеодора, сопротивленіе афридіевъ сломлено было отнюдь не какими-либо особыми талантами генерала Локхарта, а превосходствомъ вооруженія британской пѣхоты, превышавшею силы горцевъ численностью англо-индійскихъ войскъ и, главное, артиллеріею, которой горцы совсѣмъ не имѣли.

Во всякомъ случаѣ сравненіе отдѣльныхъ эпизодовъ кавказской войны съ эпизодами англо-авганской не можетъ дать столь цѣнныхъ и поучительныхъ результатовъ, какъ сравненіе той и другой борьбы въ ихъ общихъ условіяхъ и историческомъ развитіи. Изъ всѣхъ примѣровъ борьбы европейскихъ державъ съ нецивилизованными горными народами, страстно и упорно отстаивавшими свою независимость, всего ближе подходятъ къ столкновеніямъ Англо-Индіи съ авганскими горными племенами завоеваніе Кавказа Россіею и Алжиріи Франціею. Но наибольшее сходство принадлежитъ покоренію Кавказа, а потому, намѣтивъ нѣкоторыя главныя черты сходства и различія между кавказскими и авганскими горцами и условіями ихъ обороны, я сдѣлаю краткій очеркъ покоренія кавказскихъ горцевъ и его результатовъ до настоящаго времени, а затѣмъ попытаюсь примѣнить данныя кавказскимъ опытомъ указанія къ борьбѣ англо-авганской.

Пространство территоріи кавказскихъ горцевъ почти одинаково съ пространствомъ земель авганскихъ пограничныхъ племенъ. Численность кавказскихъ горцевъ также равнялась численности авганскихъ, составляя около $1^1/_2$ милл. душъ обоего пола, въ томъ числѣ около 1 милл. въ Восточномъ Кавказѣ и около 500—600 т. д. въ Западномъ. Кавказскіе горцы находились въ той же стадіи устарѣвшаго и разлагающагося родового быта, какъ авганскіе, и также раздѣлялись на множество независимыхъ обществъ то демократическихъ, то съ наслѣдственными ханами и остатками аристократическихъ классовъ, какъ пережитками былыхъ нашествій и завоеваній. Мусульманство было религіею большинства кавказскихъ горцевъ, но у западныхъ племенъ значеніе его сильно ослаблялось остатками языческихъ и, мѣстами, христіан-

скихъ вѣрованій. Кавказскіе горцы были столь же воинственны и мужественны, какъ авганскіе, и столь же привязаны къ независимости, но они не составляли какъ авганы, лишь разныхъ племенъ и дѣленій одной и той же народности, говорящей на одномъ языкѣ, а распадались на десятки особыхъ народностей, различнаго происхожденія и съ особыми языками. Вслѣдствіе этого необходимое для болѣе успѣшной борьбы съ могучимъ врагомъ единеніе кавказскихъ горцевъ встрѣтило несуществующія у авганскихъ горцевъ препятствія и не могло быть вполнѣ достигнуто. Сверхъ того объединенію Западнаго Кавказа съ Восточнымъ значительно мѣшало раздѣленіе ихъ землями иновѣрныхъ осетинъ и отчасти грузинъ. Другая важная невыгода кавказскихъ горцевъ сравнительно съ авганскими заключалась въ томъ, что территорія ихъ была со всѣхъ сторонъ окружена русскими владѣніями или морями, обыкновенно находившимися во власти Россіи. Напротивъ авганскія пограничныя племена всѣмъ тыломъ своимъ прилегаютъ къ владѣніямъ эмира и не только могутъ находить въ нихъ безопасный пріютъ, но разсчитывать и на помощь подвластныхъ эмиру племенъ авганскаго народа.

Экономическія условія Кавказа и земель авганскихъ горцевъ, разумѣется, весьма разнообразны, но въ общемъ хозяйственное положеніе кавказскихъ и авганскихъ горцевъ сходно въ томъ отношеніи, что, при отсутствіи иныхъ важныхъ промысловъ кромѣ земледѣлія и скотоводства, населеніе было бѣдно и едва могло пропитываться продуктами своихъ промысловъ.

Доставляемыя горною природою выгоды обороны были вообще одинаковы, но могучая древесная растительность въ Чечнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ давала кавказскимъ горцамъ значительное предъ авганскими преимущество.

1) *Покореніе Кавказа Россіею.*

Столкновенія Англіи съ авганами происходили вслѣдствіе желанія ея подчинить своему вліянію или владычеству ихъ страну, съ цѣлью лучшей обороны Индіи противъ болѣе или менѣе возможнаго и вѣроятнаго нашествія съ сѣверо-запада. По распространенному между русскими писателями мнѣнію, „война на Кавказѣ, съ цѣлью его умиротворенія и покоренія русской власти, началась собственно съ 1799 г., со времени занятія нами Грузіи... Россія вовлечена была въ нее силою обстоятельствъ, необходимостью защитить единовѣрцевъ, взывавшихъ къ ней о помощи, а разъ начавъ войну, Россія не могла отступить предъ ея трудностями, не роняя достоинства имперіи, прежде ея совершеннаго окончанія, которое не могло быть иное, какъ полное подчиненіе Кавказа“ („Военный Сборникъ“, 1864 г., октябрь, стр. 382, „Очеркъ

кавказской войны“, безъ означенія имени автора). Однако, для защиты собственно Грузіи отъ набѣговъ горцевъ не было необходимости покорять народы Кавказа, а достаточно было держать въ Грузіи одинъ-два русскихъ батальона, которые, при Екатеринѣ II, съ полнымъ успѣхомъ оберегали Грузію въ 1783—87 г.г. не только отъ горцевъ, но и отъ остальныхъ ея внѣшнихъ враговъ. Мнѣніе о томъ, что покореніе Кавказа, сколь бы громадны ни были требующіяся для выполненія жертвы и усилія, требуется „достоинствомъ имперіи“, сдѣлалось правительственнымъ лишь при императорѣ Николаѣ I. Два его предмѣстника и Екатерина II держались противоположнаго взгляда.

Принявъ по договору 24 іюля 1783 года подъ свое покровительство Грузію, Россія долго не имѣла за Кавказомъ никакихъ владѣній кромѣ этого вассальнаго царства. Ввѣряя графу В. А. Зубову командованіе предназначаемыми противъ Персіи войсками, императрица Екатерина II писала ему 19 февраля 1796 года: „Приведя къ желаемому концу дѣла имперіи нашей въ Европѣ..., простерли мы вниманіе наше и на азіатскіе предѣлы и съ прискорбіемъ видимъ... злое мучительство свирѣпаго и коварнаго Аги-Махометъ-хана“ (Н. Ф. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, томъ 3, Спб., 1886 года, стр. 70). Поводомъ къ походу послужило совершенное въ сентябрѣ 1795 года основателемъ владычества въ Персіи царствующей и нынѣ каджарской династіи нашествіе на Грузію, откуда русскія войска были выведены во время войны съ Турціею. Сколь ни прискорбно было разграбленіе персами Тифлиса, которое притомъ легко могло быть предотвращено своевременною присылкою взятыхъ оттуда войскъ, однако предположенное императрицею завоеваніе Персіи не вызывалось никакой необходимостью, тѣмъ болѣе, что виновникъ нашествія былъ зарѣзанъ своими приближенными до выступленія Зубова въ походъ. Войска наши, впрочемъ, дошли только до Муганской степи, гдѣ и застало ихъ посланное императоромъ Павломъ I, немедленно по вступленіи его на престолъ (6 ноября 1796 г.), повелѣніе возвратиться въ наши предѣлы. Въ концѣ 1799 года, по настоятельнымъ просьбамъ новаго грузинскаго царя Георгія XIII, ссылавшагося на договоръ 1783 года, утвердивъ его въ царскомъ достоинствѣ, Павелъ I послалъ въ Грузію одинъ егерскій полкъ (тамъ же, стр. 251), но на домогательство Георгія, чрезъ особое посольство въ 1800 году, о принятіи Грузіи „навсегда въ полную зависимость и подданство“ приказалъ объявить, что просьба будетъ удовлетворена лишь въ томъ случаѣ, если „грузины вторично заявятъ грамотою о своемъ желаніи вступить въ подданство Россіи“ (id., стр. 338). Хотя, не дождавшись требуемаго вторичнаго заявленія, Павелъ I подписалъ 18 января 1801 года манифестъ о присоеди-

нenія Грузіи и указомъ Сенату 6 марта того же года обратилъ ее въ губернію (тамъ-же, стр. 357, 381), но вступившій на престолъ 12 марта 1801 года императоръ Александръ I, сомнѣваясь въ желаніи царскаго дома и народа Грузіи лишиться независимости, „почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли“ („Архивъ Государств. Совѣта“, томъ 2, Спб., 1888 г., стр. 1191) и признавая для себя обязательнымъ руководствоваться не однѣми выгодами своего государства, а также справедливостью и уваженіемъ чужихъ правъ („пользамъ царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ, предустановлена другая мѣра, единая истинная и непреложная: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву“), 19 апрѣля 1801 года поручилъ командовавшему войсками кавказской линіи Кноррингу удостовѣриться: 1) дѣйствительно ли Грузія не въ состояніи собственными силами устроить свои внутреннія дѣла и защищаться отъ внѣшнихъ враговъ, и 2) точно ли народъ желаетъ поддаться Россіи, такъ какъ присоединеніе Грузіи можетъ быть допущено лишь для ея собственнаго блага („Исторія войны“ и пр., т. 3, стр. 391, 394 и 395). Совершивъ поѣздку въ Грузію, Кноррингъ 28 іюня донесъ, что по внутреннему и внѣшнему своему положенію Грузія не въ состояніи однѣми собственными силами ни противостоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги окружающихъ ее горныхъ народовъ, и что хотя дворянство на половину желаетъ сохранить собственнаго царя и прежніе порядки, но „весь народъ“ жаждетъ подданства (стр. 411—414). Въ виду этого и согласно мнѣнію государственнаго совѣта, въ четвертый разъ высказавшагося за присоединеніе, Александръ I, 12 сентября 1801 г., предписалъ Кноррингу „въ царствѣ грузинскомъ, ради собственнаго его блага, устроить правленіе и порядки“ (стр. 419).

Первыя военныя столкновенія между Россіею и горцами Восточнаго Кавказа произошли чрезъ два года послѣ принятія Грузіи подъ покровительство Россіи, которое могло внушить горцамъ опасенія за свою независимость, такъ какъ русскія войска оказывались и на сѣверѣ, и на югѣ Кавказа. Въ началѣ 1785 года сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Мансура чеченецъ сел. Алды началъ, подъ вліяніемъ религіозной экзальтаціи, проповѣдывать соплеменникамъ необходимость точнаго соблюденія законовъ ислама, а затѣмъ объявилъ, что, по повелѣнію свыше, ему предстоитъ совершить обращеніе невѣрныхъ народовъ въ мусульманство. Командовавшій кавказскою линіею генералъ-поручикъ Потемкинъ счелъ нужнымъ, въ обращенныхъ къ горцамъ прокламаціяхъ, обличать Мансура, какъ обманщика. Мансуръ отвѣтилъ объявленіемъ газавата противъ русскихъ. Посланный генералъ-поручикомъ Леонтьевымъ (Зиссерманъ „Исторія Кабардинскаго полка“, Спб., 1881 г. томъ I, стр. 158—160) съ порученіемъ схватить Мансура отрядъ полков-

ника Піери 6 іюля 1785 года захватилъ сел. Алды въ—расплохъ, но Мансуръ успѣлъ скрыться. Когда, разграбивъ и сжегши селеніе, Піери пустился въ обратный путь, то подвергся такому ожесточенному нападенію чеченцевъ, что отрядъ его былъ почти уничтоженъ: 8 офицеровъ (въ томъ числѣ Піери) и 414 н. ч. были убиты и 162 ч. взяты въ плѣнъ. Во главѣ собравшихся подъ его знаменами горцевъ Мансуръ совершилъ вскорѣ набѣгъ на Кизляръ, но послѣдующія его дѣйствія были неудачны и закончились уходомъ его въ 1787 году на Западный Кавказъ, гдѣ въ 1791 г. онъ попалъ въ плѣнъ при взятіи турецкой крѣпости Анапы („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", т. 2, стр. 86—116, 234 и 275). Участь отряда Піери побудила затѣмъ надолго къ соблюденію въ отношеніи горцевъ оборонительной политики: „Не входя въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и не касаясь жительствъ и собственностей ихъ, старайтесь предуспѣть сохранить ихъ въ спокойствіи, презирая неважные грабежи, противъ коихъ полезнѣе умножить собственныя предосторожности и оными наказывать дерзающихъ, чѣмъ отмщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбуждать противъ себя взаимное отмщеніе цѣлаго народа, и трудными походами въ ущелины терять людей напрасно, тратить время и одерживать побѣды безполезныя"... (тамъ же, томъ 3, стр. 82, рескриптъ Екатерины II графу Зубову 19 февраля 1796 г.). Той же политики держался Павелъ I: „Относительно собственныхъ нашихъ границъ мы почитаемъ существенно выгоднѣйшимъ, чтобы линія для сохраненія ихъ наблюдаема была отъ устья р. Кубани... на р. Терекъ до Кизляра... Народы горскіе... удерживать въ кротости и повиновеніи ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служитъ къ ихъ притѣсненію или отягощенію"... Изъ добровольно желающихъ покровительства Россіи владѣній кавказскихъ и закавказскихъ Павелъ желалъ составить „федеративное государство, зависящее отъ насъ, яко верховнаго ихъ государя и покровителя, который... ни въ образъ ихъ правленія мѣшаться, ниже отъ нихъ дани или иныя повинности... требовать" не намѣренъ (тамъ же, стр. 199 и 200). Гуманный и склонный руководствоваться справедливостью и уваженіемъ къ правамъ другихъ народовъ, Александръ I не только предпочиталъ въ отношеніи кавказскихъ горцевъ согласную съ здраво понятыми интересами Россіи оборонительную политику, не только требовалъ соблюденія гуманности, но не переставалъ настаивать на установленіи и сохраненіи мирныхъ отношеній съ горскими народами, заключая съ ними договоры на условіяхъ мирнаго сосѣдства (томъ 6, стр. 584, 318, 362 и др.). Незадолго до своей кончины онъ писалъ Ермолову по поводу одной экспедиціи за Кубань: „Я не могу перемѣнить объявленное вамъ убѣжденіе мое, что подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ

жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами къ мщенію за обиды, ведутъ только къ большему его противу насъ ожесточенію". Онъ отказалъ въ наградѣ офицеру, совершившему экспедицію, за то, что онъ истребилъ „болѣе 300 семействъ, изъ коихъ конечно большая часть женщинъ и дѣтей невинныхъ" (т. 6, стр. 584 и 585, „Записки Ермолова", ч. 2, приложенія, 192). Но и на Кавказѣ воспитанникъ Лагарпа встрѣтилъ непониманіе или болѣе или менѣе сознательное несочувствіе и противодѣйствіе со стороны исполнителей, выросшихъ въ Россіи XVIII столѣтія и начавшихъ практическую дѣятельность въ почти тридцатипятилѣтнее царствованіе Екатерины II. И здѣсь, ему пришлось допустить примѣненіе политики и мѣропріятій, въ значительной степени чуждыхъ и противныхъ его намѣреніямъ и инструкціямъ.

Изъ часто смѣнявшихся въ продолженіе первой половины царствованія Александра I правителей Кавказа болѣе другихъ дѣйствовалъ въ духѣ инструкцій императора симпатичный и талантливый князь Циціановъ (1802—1806 г. г.), который правильно видѣлъ главныя средства для умиротворенія горцевъ въ образованіи народномъ, развитіи промышленности, ремеслъ и пр. (Дубровинъ „Исторія войны" и пр., томъ 4, стр. 389 и 390), и старался упрочить и облегчить покорность и преданность подчинявшихся Россіи хановъ и владѣльцевъ Дагестана заключеніемъ съ ними договоровъ и сохраненіемъ существовавшихъ въ ихъ владѣніяхъ внутреннихъ порядковъ (т. 4, стр. 523, и т. 6, стр. 225). Генералъ Ртищевъ заключилъ „дружественный договоръ съ чеченцами" *); Александръ I предписывалъ ему „снискивать дружбу горскихъ народовъ дружественнымъ обращеніемъ съ ними, допуская военныя дѣйствія лишь въ крайнихъ случаяхъ. Наступательная война противъ горцевъ началась... съ назначеніемъ... Ермолова" („Очеркъ кавказской войны" въ „Военномъ Сборникѣ", 1864 года, октябрь, стр. 287 и 288).

На личность и дѣятельность А. П. Ермолова существовали и существуютъ различные взгляды. Отчасти дѣйствія его могутъ быть объяснены тѣмъ, что этотъ энергичный, умный, свѣдущій и талантливый въ своей военной спеціальности генералъ, будучи назначенъ въ правители Кавказа, пере-

*) Я не знаю—на чемъ основано это утвержденіе о «дружественномъ договорѣ» Ртищева съ чеченцами, но 16 сентября 1815 г. генералъ этотъ писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ: «Воля всемилостивѣйшаго государя императора, неоднократно повторенная есть та, чтобы народовъ, Грузіи сопредѣльныхъ, не раздражать и всемѣрно уклоняться отъ наступательныхъ на нихъ дѣйствій безъ крайней необходимости... Если, паче чаянія дагестанцы сами начнутъ военныя дѣйствіи, въ такомъ случаѣ предписываю отражать ихъ силою оружія и оборонительно защищать цѣлость границы» («Акты, собранные Кавказскою Археографической Коммиссіею», т. 5, Тифлисъ, 1873 г., стр. 608).

несъ въ управленіе и отношенія къ мѣстнымъ народамъ тѣ же понятія и пріемы, какіе были ему привычны въ войскахъ его времени *). Когда же оказалось, что горскіе народы имѣютъ очень мало общаго съ воинскими частями, а горцы съ солдатами, приказовъ не исполняютъ, угрозъ не боятся и силу отражаютъ силой, то раздраженному ослушаніемъ и сопротивленіемъ, деспоту по характеру, Ермолову горцы стали представляться какими-то чудовищами, съ которыми дозволительно и даже необходимо всякое насиліе и мщеніе. „Плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ—предписывалъ онъ 30 мая 1818 г. „обществу старшинъ чеченскаго народа“—не медля отдать... Плѣнные и бѣглые или мщеніе ужасное“! („Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 6, стр. 300, и „Акты, собранные Кавказской Археографич. Коммиссіей“, т. 6, ч. 2, Тифлисъ, 1875 г., стр. 499). Выдачи не послѣдовало, и Ермоловъ 22 іюня того же года пишетъ, въ непреложномъ убѣжденіи: „Сего народа, конечно, нѣтъ подъ солнцемъ ни гнуснѣе, ни коварнѣе, ни преступнѣе. У нихъ и чумы не бываетъ“ (Дубровинъ, т. 6, стр. 295) съ злобнымъ сожалѣніемъ замѣчаетъ этотъ однако, по своему, добрый въ обыденной жизни человѣкъ. Двѣ трети кабардинцевъ погибло тогда отъ чумы, занесенной нашими войсками изъ Турціи, но распорядившись „истребить“ одно ихъ селеніе, какъ „гнѣздо разбойниковъ и вѣчной почти чумы“, Ермоловъ утверждаетъ, что это народъ столь же „гнусный и подлый, какъ чеченцы“ (стр. 294), что не мѣшало ему имѣть объ остальныхъ горскихъ народахъ отнюдь не лучшее мнѣніе. Горцы въ офиціальной его перепискѣ и даже въ прокламаціяхъ къ нимъ именовались постоянно „мошейниками“ (мошенниками, повидимому на жаргонѣ военныхъ писарей). „Вы не защитите ихъ (дагестанцевъ),—писалъ онъ 5 ноября 1818 года начинавшему непріязненныя дѣйствія аварскому хану,—и если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ, тѣмъ жесточнѣе наказаны будете. Всегда такова участь подлыхъ измѣнниковъ“ (стр. 335). Ермоловъ не хотѣлъ знать, что вольные горцы не понимали и не признавали иныхъ отношеній между народами, кромѣ договорныхъ, терявшихъ обязательность въ случаѣ войны. Такъ же конечно смотрѣлъ на свои отношенія къ русскому правительству аварскій ханъ, который получалъ 5 т. рублей жалованья взамѣнъ соотвѣтственной дани,

*) Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ Ермоловъ писалъ, 29 декабря 1816 г., графу Воронцову: «Я въ такой землѣ, гдѣ незнакомые мнѣ предметы занятія, по роду для меня совсѣмъ новые, даютъ мнѣ чувствовать недостатки моихъ способностей. Безпорядокъ во всемъ чрезвычайный. Въ народѣ врожденная къ нему наклонность, слабостію многихъ изъ предмѣстниковъ моихъ ободренная. Мнѣ надобно употребить чрезвычайную строгость»... («Архивъ князя Воронцова», книга 36, Москва, 1890 г., стр. 174).

платившейся ему царями Грузіи за воздержаніе отъ набѣговъ на грузинскія земли. Брань конечно вызывала легкую расплату: 11 ноября, „когда войска подошли къ подошвѣ хребта..., съ вершины горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства“ (стр. 336). Неумѣренно щедрыя угрозы Ермолова большею частію оставались безъ исполненія, но не по недостатку желанія, а по безсилію. Разграблялись, сожигались и разрушались селенія, вѣшались десятками аманаты, но непосредственный личный вредъ причинялся этимъ невиннымъ женщинамъ, дѣтямъ, аманатамъ. Подчиненные конечно слѣдовали примѣру корпуснаго командира. Такъ, по словамъ генерала князя Мадатова, дагестанцы „ни удовлетворенія ни въ чемъ не видятъ и даже ни одного ласковаго слова отъ (генералъ-маіора) Пестеля, а слышатъ одни лишь всегдашнія повторенія его—прикажу повѣсить“ (стр. 301). Однако и Пестель, получивъ отъ Ермолова приказаніе повѣсить всѣхъ заложниковъ отъ сел. Башлы, исполнилъ это предписаніе только относительно 17 человѣкъ, остальныхъ же 12 просилъ помиловать, по малолѣтству ихъ и какъ дѣтей лицъ, которыя старались удержать башлынцевъ отъ возмущенія, но достигнуть этого не имѣли возможности“ („Акты, собранные Кавк. Арх. Коммиссіей“, т. 6, стр. 57). Образъ дѣйствій Ермолова столь былъ извѣстенъ, что императоръ Николай вынужденъ былъ 16 сентября 1826 года предписывать ему: „Я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что отвѣчаете; лучше прощать, чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ“ („Записки Ермолова“, Москва, 1868 г., приложенія, стр. 220).

„Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова“ было объявленіе „мирнымъ мошенникамъ“, что если они будутъ пропускать чрезъ свои земли хищниковъ, то находящіеся у насъ аманаты будутъ казнены, сами же они будутъ казнены оружіемъ и прогнаны въ горы, „гдѣ истребятъ ихъ или непріятели, или моровая язва“ (стр. 286). Такъ какъ объявленіе это набѣговъ на линію по Тереку не прекратило, то въ 1818 году Ермоловъ приступилъ къ перенесенію линіи укрѣпленій съ Терека на р. Сунджу, чтобы отнять у чеченцевъ хлѣбопахатныя земли и важныя для ихъ скотоводства пастбища между Терекомъ и Сунджою. Чеченскія деревни были „сняты“ и населеніе ихъ выслано подъ конвоемъ до границъ чеченскихъ (стр. 302), внѣ новой линіи. „Съ чеченцами, народомъ сильнымъ, живущимъ въ состояніи совершеннаго равенства,—доносилъ Ермоловъ 22 іюня 1818 года,—употребляю я единственное средство—терпѣніе, и рѣшился на оное до 1820 года, зная, что до того времени надобно сносить и досады, и потери, но за все то они заплатятъ впослѣдствіи и будутъ принуждены обратиться къ жизни спокойнѣйшей, усмирены будучи недостаткомъ самыхъ первыхъ потребностей“ (стр. 294). Разсчеты Ермолова не оправда-

лись. Вытѣсненные новой линіею чеченцы уходили въ горы и въ глубь своихъ лѣсовъ, заводили тамъ на полянахъ и розчистяхъ новыя гашни, но не покорялись, а все болѣе озлоблялись и готовились къ оборонѣ. Между тѣмъ наступательныя дѣйствія противъ чеченцевъ и отнятіе у нихъ земель вызвали общія опасенія и раздраженіе во всемъ Дагестанѣ. И владѣльцы, кромѣ одного шахмала тарковскаго, и вольные народы стали готовиться къ борьбѣ съ общимъ врагомъ, не начиная однако военныхъ дѣйствій. Вызвалъ войну Ермоловъ, который,—не стѣсняясь полученнымъ отъ 30 сентября приказаніемъ „приложить все стараніе къ сохраненію мира, ибо войны государю императору ни подъ какимъ предлогомъ не угодно“ (стр. 318),—предписалъ генералу Пестелю двинуться къ сел. Башлы и потребовать аманатовъ отъ акушинцевъ, не покидая страны до исполненія требованія (стр. 315). Послѣ трехдневнаго боя со стекшимися отовсюду ополченіями дагестанцевъ Пестель вынужденъ былъ 26 октября оставить Башлы, потерявъ изъ своего двухтысячнаго отряда убитыми и ранеными 12 офицеровъ и 406 н. ч. (стр. 321) *). Двинувшись самъ съ новой линіи, изъ кр. Грозной, съ 4 т. ч., Ермоловъ прошелъ въ Тарки и оттуда проникъ въ мехтулинское ханство, 14 ноября разграбилъ и предалъ огню столицу его селеніе Дженгутай, но этимъ и долженъ былъ закончить военныя дѣйствія 1818 года, по недостатку войскъ (стр. 340 и слѣд.), не воздержавшись отъ писанія одному изъ враждебныхъ хановъ непокорнаго Дагестана нижеслѣдующаго: „Всю фамилію подлѣйшихъ дженгутайскихъ бековъ выгналъ изъ ихъ владѣній и перваго изъ нихъ— гнуснаго измѣнника султана Ахмедъ-хана аварскаго, и даю слово, что они вѣчно въ своихъ владѣніяхъ не будутъ“ **). Однако Ахмедъ-ханъ продолжалъ властвовать въ своей Аваріи до самой смерти, послѣдовавшей въ 1823 году. „Остаются теперь одни измѣнники, присягѣ своей измѣнившіе и извѣстные скотской глупостью своею акушинцы. Если они осмѣлятся что-нибудь предпринять: истреблю до основанія скотскій сей заводъ“ ***) (Сурхай-хану казыкумыхскому, 22 ноября 1818 года, тамъ же, стр. 347).

*) Ермоловъ оказался плохимъ знатокомъ горцевъ и пророкомъ въ письмѣ Воронцову 20 октября 1818 года: «Ожидаю, что они придутъ къ городу Башлы..., постреляютъ издалека... и ...разойдутся по домамъ. Будущей весною ...я приду разведаться съ мошенниками въ ихъ собственныхъ жилищахъ» («Архивъ князя Воронцова», кн. 36, стр. 217).

**) Порицая, послѣ потери Аваріи въ 1843 году, занятіе ея въ 1837 году при Головинѣ, котораго не любилъ, Ермоловъ утверждалъ въ 1846 году въ письмѣ Воронцову: «Никогда не мыслилъ я объ Аваріи»... («Архивъ князя Воронцова», кн. 36, стр. 333).

***) Въ «Запискахъ А. П. Ермолова во время управленія Грузіею» о тѣхъ же акушинцахъ находимъ: «Отличительное народа свойство есть добронравіе и кротость. Къ воровству нѣтъ наклонности ни малѣйшей, праздность почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе» («Записки А. П. Ермолова», часть II, Москва, 1868 года, стр. 101). Разумѣется, акушинцы не отличались ни «скотской глупостью», ни «добронравіемъ и кротостью»: мѣнялось лишь субъективное мнѣніе о нихъ Ермолова, впадая изъ одной крайности въ другую, одинаково далекія отъ дѣйствительности.

Хотя война была вызвана наступательными дѣйствіями и угрозами Ермолова въ Чечнѣ и его подчиненнаго Пестеля въ Дагестанѣ, однако въ донесеніяхъ своихъ онъ старался обвинить горцевъ, себя же оправдывалъ такими разсужденіями: „Здѣсь между народами, загрубѣлыми въ невѣжествѣ, чуждыми общихъ понятій, первый законъ есть сила. Знаю, что недостойно Россіи во зло употреблять оную, но не могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насиліе". Мало того, „во всякомъ другомъ мѣстѣ" можно ограничить употребленіе силы отраженіемъ насилія, „но здѣсь этого недовольно: здѣсь надобно наказать. Теперь сіе довольно легко, но въ другой разъ не легко могутъ встрѣтиться" благопріятныя обстоятельства. Онъ заключалъ ходатайствомъ объ усиленіи кавказскихъ войскъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи, завѣряя, что „съ сими войсками и много въ два года времени Дагестанъ будетъ совершенно въ рукахъ нашихъ, ибо одного акушинскаго народа надо смирить гордость; прочихъ всѣхъ бѣдность и нужда покорятъ нашимъ законамъ" (стр. 348). Помимо не вполнѣ вѣрнаго освѣщенія фактической стороны, о чемъ въ Петербургѣ вѣроятно догадывались, въ самыхъ разсужденіяхъ Ермолова былъ очевиденъ существенный пробѣлъ: отсутствіе основаній къ наступательнымъ дѣйствіямъ и къ „наказаніямъ". Поэтому, съ подтвержденіемъ прежнихъ инструкцій, Ермолову дано было знать, что государь императоръ „не одобряетъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ нарушить общее спокойствіе, вопреки намѣренія его и. в., нарочито пекущагося о сохраненіи мира, какъ въ семъ краѣ, такъ и вообще со всѣми державами". Авторъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ" по этому поводу замѣчаетъ: „Находясь у самаго дѣла и сознавая, что чеченцы не держава, а шайка разбойниковъ (?), Алексѣй Петровичъ поступалъ по внушеніямъ своей совѣсти и въ интересахъ пользы отечества" (стр. 362). Но вѣдь и императоръ Александръ I руководствовался внушеніями своей совѣсти, а равно пользами Россіи; какъ глава государства, онъ съ большей компетентностью могъ рѣшить вопросъ не только мѣстнаго значенія, но касавшійся важныхъ интересовъ государства. Вопросъ въ томъ: кто правильнѣе относился къ дѣлу, Александръ I, стоявшій за оборонительную политику, принятую его предмѣстниками на основаніи указаній опыта и совпадавшую съ руководившими имъ высокими началами справедливости и уваженія къ чужимъ правамъ, или кавказскій „проконсулъ" (такъ называлъ себя самъ Ермоловъ въ нѣкоторыхъ письмахъ), который, въ моментъ установленія своихъ взглядовъ (впослѣдствіи, по свойствамъ характера Ермолова, уже не подвергавшихся существеннымъ измѣненіямъ) на отношенія къ населенію Кавказа обладалъ весьма недостаточнымъ и поверхностнымъ знакомствомъ

съ горцами, такъ какъ предшествовавшіе полтора года кавказской своей службы провелъ въ посольствѣ въ Персію и въ занятіяхъ дѣлами Закавказья?

Исторія дала на этотъ вопросъ такой отвѣтъ, *) что нельзя не жалѣть, что правильность взгляда Александра I не соединялась съ энергіею и настойчивостью въ его примѣненіи **).

Такъ какъ война, хотя и напрасная, была начата и требовала средствъ даже для обороны, то достигавшія ко времени Ермолова до 45 т. пѣхоты войска были въ 1819 году значительно увеличены и доведены почти до 60 т. пѣхоты (стр. 216 и 360). Въ декабрѣ 1819 года, раззоривъ нѣсколько богатыхъ селеній, Ермоловъ занялъ наконецъ оставленную жителями Акушу („Исторія войны“ и пр., т. 6, стр. 382). Въ 1820 году разбитъ и изгнанъ изъ своихъ владѣній ханъ казыкумухскій (стр. 440). Послѣ смерти въ 1823 году Ахметъ-хана удалось привести въ вассальное положеніе Аварію. Но горныя общества западнаго Дагестана и Чечня не покорялись. Разсчеты Ермолова на отнятіе у непокорныхъ средствъ къ продовольствію не оправдались. Такія мѣры, какъ подтвержденіе казачьимъ полкамъ и войскамъ по Тереку и Сунджѣ „дѣлать чеченцамъ всевозможное зло и безъ всякой пощады“ (стр. 363), печально отражались на успѣхахъ благосостоянія и нравственности казаковъ, горцевъ же лишь ожесточали.

Система грубаго насилія, ни чѣмъ въ глазахъ горцевъ не вознаграждаемаго, начала приносить свои плоды еще при Ермоловѣ. Озлобленные до

*) «Къ великому горю Россіи Екатериненскій завѣтъ былъ потомъ, въ XIX столѣтіи, забытъ»... «Собственно съ походовъ Ермолова въ Чечню и Дагестанъ и открывается та Кавказская война, которая прославила русское оружіе и стоила неимовѣрныхъ жертвъ государству... Быть можетъ, лучше было бы держаться завѣта Екатерины II не входить въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и стараться лишь охранять свои границы» (В. С. Кривенко «По Дагестану. Путевыя замѣтки». Спб., 1896, стр. 24 и 26).

**) Объясненіе послѣдняго обстоятельства главнымъ образомъ заключается въ «двойственности» императора Александра I, въ душѣ котораго одновременно жили, противорѣчиво и непримиренно, съ одной стороны гуманно-либеральныя идеи XVIII вѣка, съ другой же навыки и практика прусско-гатчинскаго милитаризма. Мечты о дарованіи Россіи «либеральныхъ учрежденій», напр., не были еще покинуты въ то время, когда Александръ I твердо рѣшился учредить военныя поселенія, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова» («Русскій біографическій словарь», т. I, Спб., 1896 года, стр. 352). «Проконсульство» Ермолова относится притомъ ко второй половинѣ царствованія, когда прусско-гатчинская практика рѣшительно преобладала. Образъ дѣйствій Ермолова въ сущности ей соотвѣтствовалъ, а потому, изрѣдка журя Ермолова за противные гуманности и миролюбію поступки, императоръ сохранялъ къ нему благоволеніе и удовлетворялъ его представленія, даже плохо мирящіяся съ инструкціями, исходившими по собственной инициативѣ государя. Такъ въ 1818 же году, по особому ходатайству Ермолова, былъ ему посланъ просимый имъ указъ, которымъ повелѣвалось, какъ Ермолову, такъ и будущимъ его преемникамъ «утвердиться на р. Сунджѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяться иначе, какъ ставъ твердою ногою и обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріятельскихъ» (Зиссерманъ «Исторія Кабардинскаго полка», т. I, стр. 333).

крайности горцы скоро оказались готовыми на всякія жертвы для борьбы съ жестокимъ врагомъ съ цѣлію возврата независимости. Не доставало только общей связи и организаціи. Онѣ явились въ мусульманскомъ фанатизмѣ и мюридизмѣ. Возбудителями освободительнаго движенія естественно дѣлались муллы, проповѣдывавшіе войну противъ невѣрныхъ общими силами правовѣрныхъ горцевъ, для чего неизбѣжно требовалось объединеніе разноплеменныхъ и разноязычныхъ народовъ подъ властію единаго духовнаго и свѣтскаго главы. Ученики—мюриды такого главы—имама должны были служить организаторами, являясь, въ качествѣ уполномоченныхъ имама, правителями обществъ и предводителями войскъ, и служа вмѣстѣ съ тѣмъ отборною и преданною его гвардіей. Въ имамы предстояло попасть одному изъ наиболѣе энергичныхъ, талантливыхъ и счастливыхъ въ своихъ предпріятіяхъ проповѣдниковъ. Вѣроятно поэтому дѣятельность одного изъ первыхъ пропагаторовъ борьбы противъ русскихъ муллы Магомы ярагскаго обратила на себя вниманіе Ермолова, который въ 1824 году распорядился его арестовать. Мулла Магометъ или Магома, чуждый впрочемъ по своему характеру и склонностямъ всякихъ притязаній на роль предводителя борьбы, успѣлъ скрыться въ горахъ (стр. 511). Надоумленные, быть можетъ, преслѣдованіемъ Магомы и помнившіе во всякомъ случаѣ объ успѣхахъ Мансура вожаки чеченцевъ объявили въ началѣ 1825 года пророкомъ нѣкоего юродиваго Яука, но ничего изъ этого не вышло. Не теряя надежды на успѣхъ съ болѣе способнымъ человѣкомъ, тѣ же вожаки выдвинули маюртупскаго муллу Магому, который 24 мая 1825 года провозгласилъ себя имамомъ, посланнымъ для избавленія отъ русскихъ. Новый пророкъ уклонился отъ боя съ двинутыми въ окраины Чечни въ началѣ лѣта русскими отрядами, объявляя, что еще не настало для борьбы время, но вскорѣ сдѣлалъ удачную попытку начать наступательныя дѣйствія. Передъ разсвѣтомъ 7 іюля 1825 года, незамѣтно подкравшись къ укрѣпленію Амиръ-Аджи-юртъ, чеченцы овладѣли имъ; изъ 155 (или, по другимъ извѣстіямъ, 177) человѣкъ гарнизона спаслось только 2 офицера и около 60 нижнихъ чиновъ, которые успѣли переплыть черезъ Терекъ, начальникъ же гарнизона капитанъ Осиповъ утонулъ (тамъ же, стр. 532 и 533, и „Кавказскій сборникъ“, т. X, стр. 98—104). 9 іюля 4 тыс. одушевленныхъ побѣдою горцевъ окружили укр. Герзель-аулъ, но оно было выручено подоспѣвшимъ на выручку значительнымъ отрядомъ. Прибывшій лично Ермоловъ остановилъ возстаніе между кумыками, а неудача попытки взять кр. Грозную (30 августа) прекратила наступательныя дѣйствія и чеченцевъ („Кавказскій сборникъ“, т. X, стр. 106 и слѣд., 132, 133).

Начавшаяся въ 1826 году война съ Персіею отвлекла наши силы и вниманіе Ермолова и его преемника Паскевича отъ Чечни и Дагестана. За

персидской войной послѣдовала турецкая, кончившаяся въ 1829 году. Между тѣмъ въ эти четыре года возбужденное или по крайней мѣрѣ чрезвычайно усиленное ермоловскою политикою политическо-религіозное движеніе среди народовъ Восточнаго Кавказа распространилось, развилось, укрѣпилось и начало организоваться. Изъ среды проповѣдниковъ борьбы за вѣру и независимость выдвинулся уроженецъ аула Гимры фанатическій, энергичный и даровитый Кази-мулла, присвоившій себѣ, въ качествѣ имама, духовную и свѣтскую власть надъ горскими народами и утвердившій ее при помощи своихъ мюридовъ. Подчиненіе власти имама демократическихъ горныхъ народовъ и обществъ не встрѣтило большихъ затрудненій, потому что большинство духовенства и народныя массы сознавали необходимость объединенія власти для успѣха борьбы; напротивъ большая часть хановъ, не желая лишиться своей власти, оказала сопротивленіе, то пытаясь найти поддержку въ населеніи своихъ владѣній, то прибѣгая къ помощи русскихъ. Бывшее первымъ проявленіемъ силы Кази-муллы, произведенное имъ въ февралѣ 1830 года нашествіе, съ 6 тыс. чел., на Аварію, не смотря на сочувствіе населенія ханства, кончилось неудачею, такъ какъ предпринятый имъ штурмъ Хунзаха былъ отраженъ ханскими войсками и преданною ханскому семейству частью жителей („Кавказскій сборникъ", т. XI, стр. 171). Однако, благодаря изумительной энергіи Кази-муллы и пріобрѣтенному имъ на горцевъ вліянію, онъ въ короткое послѣ каждой неудачи время оказывался сильнѣе прежняго. Въ іюнѣ 1831 года онъ съ 14 тыс. чел. двѣ недѣли осаждалъ укр. Внезапное, защитники котораго потеряли 536 чел. убитыми и ранеными, и затѣмъ нанесъ значительный уронъ отряду генералъ-маіора Бековича, у котораго было убито и ранено 16 офицеровъ и 365 нижнихъ чиновъ (тамъ же, т. XIII, стр. 234—237). 1 ноября того же года онъ произвелъ успѣшный грабительскій набѣгъ на г. Кизляръ (тамъ же, т. XIV, стр. 120—123). 1 декабря отрядъ полковника Миклашевскаго, съ потерею 392 чел., взялъ укрѣпленія Чумкескента, съ нанесеніемъ горцамъ большого урона, но Кази-мулла успѣлъ спастись (т. XIV, стр. 148—153). Въ концѣ 1832 года онъ былъ убитъ при взятіи барономъ Розеномъ аула Гимры, но дѣло газавата не погибло, такъ какъ мѣсто его занялъ столь же энергичный Гамзатъ-бекъ, который 18 октября 1834 г. овладѣлъ Хунзахомъ и Аваріею, вырѣзавъ все ханское семейство. Послѣ паденія Гамзатъ-бека въ 1835 году отъ руки кровомстителя изъ аварцевъ, имамомъ сдѣлался даровитый Шамиль, который въ томъ же году угрожалъ уже Хунзаху, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался властителемъ почти всего Восточнаго Кавказа.

Нѣкоторые изъ низшихъ мѣстныхъ кавказскихъ дѣятелей довольно скоро и вѣрно опредѣлили значеніе происходящаго у горцевъ движенія. Такъ на-

чальникъ укр. Бурнаго маіоръ Ивченко доносилъ 20 января 1830 года: „Навѣрное можно полагать за настоящую ихъ цѣль, что введеніемъ новой секты (мюридизма) поселится въ народѣ единодушіе и рвеніе къ защитѣ свободы“ (т. XI, стр. 149). Но главное кавказское начальство и за нимъ правительство долго еще приписывало это движеніе, какъ Паскевичъ (т. XII, стр. 78), „необузданности нравовъ“. Хотя Ермоловъ, обѣщавшій въ 1818 году „много въ два года времени“ управиться съ горцами Восточнаго Кавказа, въ его время еще разъединенными, не могъ до оставленія Кавказа въ 1827 году закончить покоренія Дагестана и Чечни, но императоръ Николай I считалъ возможнымъ совершить покореніе Восточнаго Кавказа однимъ ударомъ. Желая для этого воспользоваться освобожденіемъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Персіи и Турціи, онъ предписалъ въ планѣ военныхъ дѣйствій на 1830 годъ: „произвести одновременный поискъ противъ всѣхъ горскихъ народовъ, завладѣть всѣми важнѣйшими пунктами ихъ земель, а въ особенности низменностями, и такимъ образомъ, лишивъ средствъ къ пропитанію, заставить ихъ покориться“ (т. XI, стр. 150). Это предписаніе не было выполнено Паскевичемъ, занявшій же его мѣсто въ 1831 году баронъ Розенъ 12 ноября донесъ, что при шестидесяти тысячахъ пѣхоты во всемъ краѣ, онъ не находитъ возможнымъ дѣйствовать наступательно и полагаетъ ограничиться приведеніемъ линіи въ надежное оборонительное состояніе и затѣмъ укрощать горскіе народы не оружіемъ, а путемъ мирныхъ сношеній и торговли, частію же и постепеннымъ утвержденіемъ нашимъ въ пунктахъ, гдѣ обстоятельства и силы наши позволятъ (т. XIV, стр. 132). Наиболѣе опытный и талантливый изъ кавказскихъ генераловъ того времени Вельяминовъ не переставалъ въ 1828—1833 г.г. настаивать, что „главное и надежнѣйшее средство къ прочному овладѣнію горами и къ покоренію обитающихъ въ оныхъ народовъ состоитъ въ занятіи укрѣпленіями важнѣйшихъ въ топографическомъ отношеніи мѣстъ... Средство ускорить покореніе горцевъ состоитъ въ отнятіи у нихъ плоскостей и занятіи оныхъ казачьими станицами. ...Истребленіе полей ихъ въ продолженіе пяти лѣтъ сряду дастъ возможность обезоружить ихъ и тѣмъ облегчить всѣ дальнѣйшія дѣйствія“. Полагая, что при обыкновенномъ составѣ и средствахъ кавказскаго корпуса на покореніе горцевъ потребуется быть можетъ „цѣлое столѣтіе“, Вельяминовъ требовалъ прибавки войскъ и признавалъ въ 1833 году, для выполненія предлагаемаго имъ плана, необходимымъ ежегодное (не менѣе пяти лѣтъ сряду) выставленіе, сверхъ обычно охраняющихъ кавказскую линію и укрѣпленія войскъ, по крайней мѣрѣ шести отрядовъ, каждый изъ шести тысячъ пѣхоты, 1 тыс. казаковъ и 24 орудій, съ запаснымъ паркомъ и 500 повозками для подвоза провіанта, больныхъ и раненыхъ („Кавказскій сборникъ“:

т. VII, стр. 145, 150, 151, 154 и 155). По соображеніямъ своей европейской политики, Николай I не нашелъ возможнымъ усилить на продолжительное время кавказскія войска на счетъ силъ и средствъ западной границы. Когда же, вслѣдствіе недостаточности войскъ нашихъ и усиленія Шамиля, положеніе наше ухудшилось, между прочимъ вслѣдствіе возбудившей Чечню, въ началѣ 1840 года, попытки генерала Пулло обезоружить чеченцевъ и взимать съ нихъ подать (т. II, стр. 31 и 32), то въ 1842 году возобновленъ былъ отвергаемый почти всѣми кавказскими генералами планъ покоренія горцевъ посредствомъ наступательныхъ дѣйствій значительной массы войскъ, посланныхъ на Кавказъ на короткое время. По присылкѣ на Кавказъ 14-й пѣхотной дивизіи, исполненіе плана возложено было на генерала Граббе, который еще въ 1839 году взялъ,—послѣ 76 дневной осады и съ потерею въ 140 офицеровъ и около 2.300 нижнихъ чиновъ,—служившій резиденціею Шамиля аулъ Ахульго (т. II, стр. 22—24). Граббе на этотъ разъ предоставлено было „дѣйствовать независимо отъ распоряженій корпуснаго командира“ (стр. 56), такъ какъ Головинъ (1838—1842 г.г.), подобно Розену, придерживался осторожной системы дѣйствій.

Выступившій 30 мая 1842 года изъ укр. Герзель-аула отрядъ Граббе направленъ былъ вверхъ по р. Аксаю съ цѣлію достигнуть аула Дарго, сдѣлавшагося послѣ Ахульго резиденціею Шамиля, истребить этотъ аулъ, перейти потомъ черезъ хребетъ и овладѣть Гумбетомъ и Андіею. Отрядъ состоялъ изъ 10 тыс. чел. при 24 орудіяхъ. „Онъ имѣлъ съ собою множество повозокъ и до 3 тыс. лошадей. При движеніи, обозъ этотъ, по трудности дороги, растягивался на нѣсколько верстъ и для прикрытія его, даже рѣдкой цѣпью стрѣлковъ, необходимо было употребить почти половину отряда“ (стр. 65). Въ первый день отрядъ прошелъ только 7 верстъ, еще не встрѣчая непріятеля. Къ вечеру 31 мая, послѣ 15-ти часоваго марша, отрядъ сдѣлалъ 12 верстъ, при безпрерывномъ боѣ съ горцами, и былъ вынужденъ остановиться для ночлега на безводной полянѣ. 1 іюня дорога была еще труднѣе, завалы чаще, число раненыхъ при отрядѣ простиралось до нѣсколькихъ сотъ, общій безпорядокъ часъ отъ часу увеличивался. „Такимъ образомъ въ три дня войска успѣли пройти только 25 верстъ, и генералъ-адъютантъ Граббе убѣдился, что продолжать движеніе уже не было возможности. Ночью на 2 іюня, отказавшись отъ своего предпріятія, онъ отдалъ приказаніе отступить по той же дорогѣ, по которой пришолъ. Какъ ни бѣдственно было описанное движеніе впередъ, но отступленіе отряда было еще несравненно бѣдственнѣе. Войска..., видя необычную для нихъ неудачу, поколебались и упали духомъ, замѣшательство и безначаліе дошли до крайней степени... Были батальоны, которые обращались въ бѣгство отъ одного только лая собакъ...

Какъ ни печальна эта картина, но къ сожалѣнію она заключаетъ въ себѣ сущую истину, безъ всякаго преувеличенія... Наконецъ, 4 іюня, чеченскій отрядъ возвратился въ Герзель—аулъ, потерявъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 66 штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 1.700 нижнихъ чиновъ, одно полевое орудіе и почти всѣ военные и продовольственные свои запасы". Число горцевъ, дѣйствовавшихъ противъ отряда, „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ", „не составляло и 2.000 человѣкъ, потому что всѣ главныя силы находились съ Шамилемъ въ Казыкумухѣ" (тамъ же, стр. 66 и 67). Въ приведенныхъ цифрахъ потерь значатся 9 офицеровъ и 480 нижнихъ чиновъ убитыми, и 57 офицеровъ съ 1.239 нижними чинами ранеными („Кавказскій сборникъ", т. VI, стр. 2). „Вся потеря въ войскахъ въ послѣднее четырехлѣтіе (1839—1842 г г.) во время экспедицій, предпринятыхъ большею частію подъ личнымъ начальствомъ генерала Граббе, составляетъ" 8.366 чел., въ томъ числѣ убитыми 64 офицера и 1.756 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ", т. II, стр. 68).

Фіаско экспедиціи Граббе отозвалось въ слѣдующемъ 1843 году необыкновеннымъ увеличеніемъ предпріимчивости и силъ Шамиля. Въ концѣ августа, по окончаніи полевыхъ работъ, онъ вторгнулся въ Аварію и 29 числа истребилъ отрядъ выступившаго на помощь осажденному аулу Унцукулю подполковника Веселитскаго (12 офицеровъ и 477 нижнихъ чиновъ). Возстаніе мѣстнаго населенія заставило прибывшаго съ 1350 штыками для защиты Аваріи генерала Клюки фонъ-Клугенау сосредоточить войска въ Хунзахѣ. По прибытіи къ нему сюда на помощь самурскаго отряда, Клугенау, имѣя 4.000 пѣхоты, 1.760 ч. конницы и 17 орудій, выступилъ противъ Шамиля. Не достигнувъ успѣховъ, онъ оставилъ въ Хунзахѣ гарнизонъ подъ командою подп. Пассека, а самъ 26 сентября ушолъ изъ Аваріи въ Темиръ-ханъ-шуру. Съ 11 ноября Шамиль обложилъ его здѣсь и продолжалъ блокаду до прибытія 14 декабря отряда генерала Фрейтага. Между тѣмъ Пассекъ, получивъ приказаніе оставить Аварію, 16 ноября выступилъ изъ Хунзаха въ укр. Зыряны, отсюда же могъ направиться въ Темиръ-ханъ-шуру лишь 18 декабря. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ съ 27 августа по 22 декабря 1843 г. мы потеряли Аварію, 12 укрѣпленій и укрѣпленныхъ постовъ разной силы, 27 орудій, 2160 ружей, 92 офицеровъ и 2528 нижнихъ чиновъ („Кавказскій сборникъ", т. 6, стр. 54—207).

Прислав въ 1844 году на Кавказъ 5-й пѣхотный корпусъ, императоръ Николай I поставилъ задачею 1845 года: „1) разбить, буде можно, скопище Шамиля, 2) проникнуть въ центръ его владычества, и 3) въ немъ утвердиться"; для этого предписано двумъ отрядамъ, чеченскому и дагестанскому, изъ 16 батальоновъ каждый, „двинуться одновременно къ Андіи, искать

скопищъ Шамиля, буде можно, разбить его, взять Андію и истребить сіе гнѣздо“ (стр. 236—238). Замѣнившій Головина въ 1843 году генералъ Нейгардтъ, „хотя лично и былъ противникомъ той системы подчиненія непокорныхъ горцевъ, что предписывалась изъ столицы, но, по слабохарактерности своей, не выражалъ противорѣчія, хотя бы въ формѣ сомнѣнія въ успѣхѣ, и подготовлялъ всѣ распоряженія къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ“ (тамъ же, стр. 231). Исполненіе однако выпало на долю назначеннаго на его мѣсто главнокомандующимъ графа Воронцова. Вѣря въ успѣхъ, вопреки мнѣнію всѣхъ кавказскихъ генераловъ, Воронцовъ выступилъ 31 мая 1845 г. изъ лагеря подъ кр. Внезапной, успѣшно преодолѣвалъ трудные пути и сопротивленіе горцевъ и наконецъ 6 іюля двинулся изъ аула Гагатля къ аулу Дарго, имѣя однако уже только 7940 ч. пѣхоты, 1218 ч. кавалеріи и 16 орудій, съ шестидневнымъ лишь запасомъ провіанта и 5 тысячами подъемныхъ лошадей. Въ тотъ же день, послѣ нелегкаго боя, съ потерею 206 ч. убитыми и ранеными, пробившись чрезъ лѣсистыя горы, отрядъ прибылъ въ Дарго, сожженный и оставленный непріятелемъ. Не желая возвращаться назадъ и не считая возможнымъ идти впередъ за недостаткомъ провіанта, Воронцовъ простоялъ здѣсь до 10 іюля, когда на высотахъ за даргинскимъ лѣсомъ, пройденнымъ 6 іюля, показался ожидаемый изъ Темиръ-ханъ-шуры транспортъ. Въ увѣренности, что транспорту этому невозможно пройти къ Дарго, Воронцовъ отправилъ къ нему почти половину своей пѣхоты, подъ начальствомъ ген. Клюки фонъ-Клугенау, для того, чтобы люди доставили на себѣ, разобравъ по рукамъ и въ пустые ранцы, продовольствіе для всего отряда на четыре дня. Найдя путь еще болѣе труднымъ, чѣмъ 6 іюля, Клюки фонъ-Клугенау тѣмъ не менѣе пробился до транспорта, сильно пострадавъ отъ натисковъ горцевъ, особенно на арьергардъ. Переночевавъ, онъ пустился въ обратный путь. Обремененная ранеными колонна подверглась такимъ нападеніямъ горцевъ, что едва ли достигла бы Дарго, если бы не получила помощи отъ высланной на встрѣчу части главнаго отряда. Вообще въ этой „сухарной экспедиціи“ потери состояли въ 2 генералахъ, 17 офицерахъ и 537 н. ч. убитыми и 36 офицерахъ съ 822 н. ч. ранеными или контуженными. Уничтоживъ всѣ тяжести, Воронцовъ 13 іюля выступилъ по направленію къ укр. Герзель-аулу, отстоявшему на 40 верстъ, имѣя въ отрядѣ уже только до 5 т. штыковъ и около 2 т. подъемныхъ лошадей. Пройдя въ четыре дня непрерывнаго боя едва половину разстоянія до Герзель-аула и имѣя уже до 1500 больныхъ и раненыхъ, Воронцовъ остановился у аула Шаухалъ-берды въ ожиданіи прибытія на помощь генерала Фрейтага со стороны Герзель-аула. Соединившись съ Фрейтагомъ 19 іюля послѣ боя, въ которомъ потери отряда Фрейтага составили 107 ч. убитыми

и ранеными, Воронцовъ прибылъ 20 іюля въ Герзель-аулъ. Убыль его отряда съ 14 іюня до 21 іюля составила всего 3510 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 генерала, 34 офицера и 819 н. ч. убитыми, 2 офицера и 177 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими („Кавказскій сборникъ", т. 6, стр. 291—364).

Послѣ такого исхода экспедиціи князя Воронцова попытки покоренія горцевъ однимъ ударомъ были оставлены. Съ 1846 года въ теченіе десяти лѣтъ мы держались оборонительной системы дѣйствій. Наступленіе производилось въ ограниченномъ раіонѣ, съ большою осмотрительностью и по проведеніи и обезпеченіи путей сообщенія. Военныя дѣйствія возобновлялись ежегодно, и хотя не доставляли намъ большихъ выгодъ, но не сопровождались и важными неудачами. Съ другой стороны наступательныя предпріятія Шамиля оканчивались постоянно неуспѣшно и въ такой мѣрѣ поселили въ умахъ горцевъ убѣжденіе въ крѣпости нашихъ оборонительныхъ позицій, что во время восточной войны 1853—1856 г.г., когда кавказское начальство, не надѣясь по недостатку войскъ удержать въ нашей власти принадлежащія намъ окраины Дагестана и Чечни, предполагало одно время оставить ихъ, Шамиль напротивъ не рѣшился напасть на насъ въ этомъ направленіи и ограничился нашествіемъ на Кахетію. По заключеніи парижскаго мира, новый главнокомандующій кн. Барятинскій испросилъ согласіе на оставленіе на Кавказѣ, съ цѣлію его покоренія, дѣйствовавшихъ въ Азіатской Турціи войскъ и приступилъ къ систематическимъ военнымъ дѣйствіямъ на Восточномъ Кавказѣ. Главныя усилія предприняты были со стороны Чечни и состояли въ постепенномъ овладѣніи ею, съ проведеніемъ дорогъ и возведеніемъ укрѣпленій. Работы и военныя дѣйствія не прекращались около трехъ лѣтъ ни лѣтомъ, ни зимою. Наконецъ въ началѣ іюля 1859 года предпринято было общее наступленіе съ разныхъ сторонъ трехъ отрядовъ, въ общей сложности около 40 т. ч. изъ 240 т., составлявшихъ въ это время кавказскую армію (Ѳадѣевъ „Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны", Тифлисъ, 1860 года, стр. 106). Во второй половинѣ іюля, благодаря отчасти счастливымъ случайностямъ, отряды соединились, и, утомленные многолѣтней войною, безконечными жертвами и деспотизмомъ Шамиля, горцы прекратили сопротивленіе и спѣшили покоряться. Оставленный всѣми, кромѣ небольшой кучки мюридовъ, Шамиль былъ окруженъ нашими войсками въ Гунибѣ и 25 августа сдался.

Еще въ 1857 княземъ Барятинскимъ былъ представленъ планъ покоренія Западнаго Кавказа, основанный на очищеніи отъ горцевъ черноморскаго прибрежья и самаго Кавказскаго хребта, съ заселеніемъ ихъ казаками и съ переселеніемъ горцевъ на при-кубанскія плоскости и частію на Донъ, такъ какъ оставленіе горцевъ въ ихъ земляхъ представлялось опаснымъ въ случаѣ

новой восточной войны. При разсмотрѣніи этого плана въ особомъ комитетѣ въ Петербургѣ сдѣланы были противъ него различныя возраженія, указывавшія между прочимъ на неизбѣжность ожесточеннаго со стороны горцевъ сопротивленія отнятію у нихъ земель, а также на невозможность успѣшнаго и прочнаго водворенія на этихъ земляхъ русскаго населенія по климатическимъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ, но въ общемъ предположенныя мѣропріятія были признаны полезными, съ тѣмъ однако, чтобы не оставлять горцевъ безъ достаточнаго земельнаго надѣла и „не ставить ихъ въ отчаянное положеніе“ (Зиссерманъ въ „Русскомъ архивѣ“, 1884 г., вып. 5, стр. 426, и „Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, Москва, 1890 г., т. 2, стр. 348 и слѣд.). Въ 1860 году значительная часть освободившихся на Восточномъ Кавказѣ войскъ была передвинута въ Западный. Въ 1861 году горцы предлагали покорность съ сохраненіемъ неприкосновенности ихъ земель и управленія по обычаямъ, но отъ нихъ потребовано было безусловное подчиненіе съ выселеніемъ изъ горъ. Вслѣдствіе этого горцы взялись за оружіе и весь 1862 годъ напрягали всѣ усилія, но не могли остановить движенія нашихъ войскъ отъ Анапы къ востоку и отъ Лабы къ западу; вытѣсненное изъ занятыхъ въ этомъ году земель, населеніе частію, въ числѣ 50 т. д., покорилось и поселено на Кубани (письмо начальника штаба кавказской арміи ген. Карцева, цитированное въ статьѣ А. П. Берже „Выселеніе горцевъ съ Кавказа“ въ „Русской старинѣ“, 1882 года, февраль, стр. 340 и 341). Оставляя постъ намѣстника и сообщая преемнику свои соображенія по управленію краемъ, кн. Барятинскій въ декабрѣ 1862 года между прочимъ писалъ, что для покоренія черкесскихъ племенъ необходимо „отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ нѣдра западнаго хребта..., а затѣмъ усиленною колонизаціею закубанскихъ земель (казаками) довершить всю прочность его (т. е. покоренія)... Вытѣсненный непріятель конечно будетъ защищаться съ упорнымъ ожесточеніемъ, но... можно облегчить столь желанную развязку, если бы условиться съ Портою о водвореніи Шамиля на земляхъ турецкихъ, съ дозволеніемъ ему колонизировать добровольныхъ кавказскихъ выходцевъ. Этимъ мы освободимся скоро отъ недовольныхъ, отъ фанатиковъ и всей теократической партіи, одновременно успокоимъ и европейскихъ филантроповъ, и нашу собственную совѣсть, предоставляя черкесамъ исходъ изъ настоящаго отчаяннаго положенія“ („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, томъ 2, стр. 417).

Эмиграція кавказскихъ горцевъ въ Турцію началась по окончаніи восточной войны, когда исходъ этой войны показалъ, что разсчитывать на внѣшнюю помощь для сохраненія независимости Кавказа нѣтъ основаній. Съ 1858 года имѣются и оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ переселившихся. Въ началѣ 1860 года, констатируя, что „подъ вліяніемъ партіи фанатиковъ, члены

которой ...разжигаютъ въ своихъ единовѣрцахъ подозрѣнія относительно неприкосновенности ихъ религіи и имущества“, наклонность мусульманскаго населенія къ выселенію въ Турцію прогрессивно растетъ, кн. Барятинскій признавалъ необходимымъ „если не пресѣчь совершенно, то по крайней мѣрѣ урегулировать, на сколько возможно“, эмиграцію горцевъ; облегчивъ переселеніе фанатиковъ, онъ надѣялся удержать отъ него массу населенія: „разъ возмутители и фанатики будутъ удалены, несомнѣнно, что народъ успокоится („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій“, т. 2 стр. 342 и 343). Въ цитируемомъ письмѣ кн. Барятинскаго упоминается о посылкѣ имъ въ Константинополь ген. Лорисъ-Меликова для испрошенія согласія Порты на принятіе и водвореніе вдали отъ нашихъ границъ 3 т. семействъ кавказскихъ выходцевъ. Желаемое разрѣшеніе было получено безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ для упорядоченія происходящаго переселенія горцевъ турецкое правительство еще въ 1859 году обнародовало правила о колонизаціи кавказкихъ выходцевъ и просило наше правительство о возможныхъ распоряженіяхъ лишь къ тому, чтобы переселеніе совершалось партіями, а не массами (Берже въ „Русской старинѣ“, 1882 г., февраль, стр. 241 и 242). Вѣроятно кн. Барятинскій предполагалъ въ числѣ этихъ 3 т. семействъ выселить „возмутителей и фанатиковъ“, но едва ли это осуществилось, такъ какъ трудно и придумать, какимъ способомъ это было бы возможно выполнить. Во всякомъ случаѣ выселеніе горцевъ въ Турцію въ 1860—1862 г.г. не прекращалось, но не принимало и значительныхъ размѣровъ.

Возобновившіяся въ 1863 году военныя дѣйствія имѣли своимъ результатомъ къ осени того же года окончательное оттѣсненіе горскаго населенія на юго-западные склоны хребта и очищеніе имъ сѣверовосточныхъ, такъ какъ лишь весьма малая часть его согласилась переселиться за Кубань, большинство же, прекративъ сопротивленіе, предпочло эмигрировать въ Турцію и для этого направилось къ Черному морю. 19 мая 1864 года убыхи, послѣднее изъ кавказскихъ племенъ, продолжавшее защищаться, заявили покорность на условіи непрепятствованія имъ переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ, къ осени 1863 года „быстрота и рѣшительность дѣйствій нашихъ войскъ возбудили панику въ горцахъ, спѣшившихъ во что бы то ни стало покинуть свои родныя горы и добраться до морскаго берега, чтобы выселиться въ Турцію“. Побросавъ или сбывъ за безцѣнокъ свое имущество, „истощенные тяжкими лишеніями на берегу, въ ожиданіи прихода судовъ изъ Турціи, горцы не выдерживали бѣдствій плаванія въ зимнее время, заболѣвали и умирали массами“. „Нельзя рѣшить, когда бѣдствія горцевъ достигли болѣе ужасающихъ размѣровъ: въ 1863 или 1864 году“ (Берже въ „Русской Старинѣ“, 1882 г., февраль, стр. 352—355). „Поразительное зрѣлище

представилось глазамъ нашимъ по пути" къ морскому берегу въ маѣ 1864 года,— разсказываетъ одинъ изъ участниковъ „Послѣдней борьбы съ горцами на Западномъ Кавказѣ" въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ („Кавказскій сборникъ", т. 2, стр. 456): „разбросанные трупы дѣтей, женщинъ, стариковъ, растерзанные, полуобъѣденные собаками; изможденные голодомъ и болѣзнями переселенцы, едва поднимавшіе ноги отъ слабости, падавшіе отъ изнеможенія и еще заживо дѣлавшіеся добычею голодныхъ собакъ. Живымъ и здоровымъ некогда было думать объ умирающихъ; имъ и самимъ перспектива была неутѣшительна; турецкіе шкиперы, изъ жадности, наваливали, какъ грузъ, черкесовъ, нанимавшихъ ихъ кочермы до береговъ Малой Азіи, и, какъ грузъ, выбрасывали лишнихъ за бортъ, при малѣйшемъ признакѣ болѣзни... Едва ли половина отправившихся въ Турцію прибыла къ мѣсту. Такое бѣдствіе и въ такихъ размѣрахъ рѣдко постигало человѣчество"...

Общая цыфра выселившихся въ Турцію горцевъ Западнаго Кавказа съ 1858 до 1865 года опредѣляется по офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 470,703 души, но въ дѣйствительности вѣроятно составляла около полумилліона душъ или 100 т. семействъ, такъ какъ офиціальныя свѣдѣнія не полны, число же водворившихся на плоскостяхъ въ нашихъ предѣлахъ не превысило 100 т. душъ („Русская старина", 1882 года, январь, стр. 163—167, и февраль, стр. 347). Кавказскія власти наши повидимому не были подготовлены къ внезапному массовому выселенію горцевъ въ концѣ 1863 и первой половинѣ 1864 года, потому что 19 сентября 1863 года, когда горцы уже начали толпиться на берегу Чернаго моря, командующій правымъ флангомъ графъ Евдокимовъ предпринялъ ходатайство лишь о „поощреніи" горцевъ къ выселенію въ Турцію въ числѣ до 10 т. семей „небольшими преміями", сообразно чему главнокомандующій 10 ноября 1863 года вошолъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ о назначеніи 100 т. рублей на пособія переселенцамъ, въ видахъ удаленія такихъ личностей, которыя отличаются фанатизмомъ и вредно вліяютъ на соплеменниковъ. Назначеніе полк. Ѳадѣева съ двумя помощниками для наблюденія за выселеніемъ горцевъ и выдачи бѣднѣйшимъ провіанта и денежныхъ пособій послѣдовало 28 апрѣля 1864 г. Къ концу 1864 года выселеніе почти закончилось. Всѣ расходы казны по выселенію горцевъ, въ томъ числѣ на пособія не свыше 10 рублей на семью, а также на наемъ судовъ для перевозки, составили 289.678 р. 17 к. („Русская старина", 1882 г., февраль, стр. 348, 330—362).

Нѣкоторое понятіе о взглядахъ и мотивахъ кавказскаго начальства по выселенію горцевъ въ Турцію и о послѣдовавшихъ чрезъ два-три года въ этихъ взглядахъ измѣненіяхъ могутъ дать слѣдующія строки изъ относящагося къ сентябрю 1867 года письма намѣстника: „Военныя соображенія,

руководившія мною въ 1863 году и заставившія не только не препятствовать переселенію горцевъ, но и поощрять въ нихъ тотъ фанатизмъ, который побудилъ все населеніе черноморскаго прибрежья къ поголовному выселенію, нынѣ не могутъ болѣе имѣть вліянія на дальнѣйшій взглядъ мой по этому предмету. Если въ 1863 году, въ виду могущей возникнуть европейской коалиціи (по польскому вопросу), быстрое окончаніе кавказской войны было всѣмъ понятной необходимостью и для достиженія этой цѣли выбора не представлялось, то теперь наискорѣйшее развитіе края и административное его благоустройство побуждаютъ меня препятствовать дальнѣйшему выселенію кавказскихъ мусульманъ, мало по малу начинающихъ пріучаться къ нашему управленію и обѣщающихъ со временемъ сдѣлаться трудолюбивыми поселянами" („Русская старина", 1882 года, октябрь, стр. 1 и 2). „Изъ числа 500.000 горцевъ, обитавшихъ за Кубанью въ началѣ 1860 года, къ 1865 году осталось не выселившихся въ Турцію всего лишь до 90.000. Безъ сомнѣнія, такая громадная масса переселенцевъ не могла быть подвинута къ оставленію родины одними лишь мѣрами, извнѣ предпринятыми— по разсчетамъ побѣдителя, если бы въ этой массѣ не таилось издавна тяготѣніе къ Турціи,... порожденное религіознымъ единствомъ ихъ съ турками." („Всеподданнѣйшій отчетъ главнокомандующаго Кавказскою арміею по военно-народному управленію за 1863—1869 г.г.", Спб., 1870 года, стр. 109).

Едва ли религіозный фанатизмъ имѣлъ въ эмиграціи горцевъ Западнаго Кавказа особенно значительное вліяніе, такъ какъ черкесскія племена именно отличались „отсутствіемъ въ нихъ религіознаго фанатизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ легче было соблазнить отбитіемъ нашего порціоннаго скота, чѣмъ именемъ Магомета, въ чемъ они представляли разительную противоположность чеченцамъ и дагестанцамъ" („Кавказскій сборникъ", т. 7, стр. 465). Переселеніе горцевъ въ Турцію было слѣдствіемъ поддержаннаго непреодолимою силою требованія побѣдителя выселиться изъ горъ. При неизбѣжномъ выселеніи, горцамъ представлялся выборъ только между переселеніемъ въ степи между Кубанью и Дономъ и эмиграціею въ Турцію. Въ случаѣ переселенія за Кубань горцы опасались гибели отъ голода и непривычныхъ природныхъ и климатическихъ условій. Естественно, что переходу подъ власть вѣкового врага съ такою будущностью огромное большинство горцевъ Западнаго Кавказа предпочло выселеніе въ земли единовѣрной державы, съ болѣе близкими природными и климатическими условіями.

Въ 1861—1863 г.г., одновременно съ военными дѣйствіями, въ отнятыхъ у горцевъ предгорьяхъ и нѣкоторыхъ долинахъ сѣверо-восточныхъ склоновъ водворены были казачьи станицы. Всего поселено было здѣсь, съ значительными расходами казны и притомъ принудительнымъ порядкомъ, по-

тому что добровольныхъ переселенцевъ оказывалось мало, 16 т. семей или около 90 т. душъ. Но горы, главный хребетъ и его юго-западные склоны, а также черноморская прибрежная полоса остаются и понынѣ не заселенными. „Въ продолженіе трехъ десятковъ лѣтъ, 1864—1894 г.г., были испытаны разныя мѣры заселенія“ кавказско-черноморскаго побережья, „но попытки эти, стоившія большихъ денегъ, оказались безплодными... Настоящее экономическое положеніе края печально, хотя замѣчается нѣкоторый подъемъ къ лучшему“ („Спб. вѣдомости“, 1899 года, 3 мая). Въ горахъ могло сносно существовать многочисленное туземное населеніе, которое, не платя податей и имѣя ограниченныя потребности полудикой жизни, довольствовалось произведеніями небольшого скотоводства и маленькихъ площадокъ удобной для культуръ земли, поддерживаемыхъ или созданныхъ вѣковыми трудами человѣка, пользуясь для сообщеній конными или пѣшими тропинками. Русскіе колонисты нуждаются въ несравненно большемъ количествѣ культурной земли, потому что должны производить достаточное не только для собственнаго пропитанія, но и для сбыта количество продуктовъ; послѣдній невозможенъ безъ хорошихъ дорогъ, устройство же ихъ и содержаніе не по силамъ мѣстнаго населенія, а со стороны государства потребовало бы огромныхъ расходовъ, несоразмѣрныхъ съ результатами. Трудности колонизаціи западныхъ склоновъ и приморской полосы еще болѣе значительны, несмотря на богатство даровъ природы. Теплый и влажный климатъ даетъ не только роскошную растительность, но также и всѣ условія для губительныхъ малярійныхъ болѣзней. Въ немногіе года по уходѣ туземцевъ буйная растительность и воды почти уничтожили всякіе слѣды культуры и существовавшіе первобытные пути сообщеній. Поэтому въ большей части Западнаго Кавказа, лишившагося туземнаго населенія, Россіи предстоитъ тяжкая, съ великими жертвами, борьба для обузданія и покоренія мощныхъ силъ природы.

Что касается Восточнаго Кавказа, то отдаленность его отъ Чернаго моря и другихъ границъ въ значительной степени устраняла опасности враждебнаго настроенія горскаго населенія въ случаѣ внѣшней войны. Притомъ для выселенія изъ горъ милліоннаго населенія не имѣлось свободныхъ земель. Съ другой стороны малое количество удобныхъ для земледѣлія земель и густота на такихъ земляхъ туземнаго населенія не дозволяли и не дозволяютъ сколько нибудь значительной русской колонизаціи. Настаивающій не непремѣнномъ водвореніи на Кавказѣ и въ Закавказьи сотенъ тысячъ русскихъ переселенцевъ, В. С. Кривенко признаетъ однако, что если бы съ горъ Дагестана „согнать туземцевъ, опытомъ столѣтій научившихся добывать себѣ на безплодныхъ скалахъ Дагестана пропитаніе, то на ихъ пепелищахъ врядъ ли могли бы обосноваться русскіе колонисты, и двѣ трети Дагестана обратились

бы въ пустыню" („Очерки Кавказа", Спб., 1893 года, стр. 179). „Если бы въ 1859 году, послѣ сдачи Шамиля, ихъ вздумали заставить покинуть свои горные аулы и переходить куда-нибудь на плоскости, то вѣроятно пришлось бы вновь начинать покореніе Дагестана" (тамъ же).

Въ 1860 году предположеніе графа Евдокимова переселить часть чеченцевъ въ Кабарду, населеніе которой собиралось уходить въ Турцію, произвело въ Ичкеріи въ аргунскомъ округѣ возстаніе. По усмиреніи, въ виду предполагавшагося переселенія чеченцевъ въ Кабарду, Евдокимовъ водворилъ въ Чечнѣ пять казачьихъ станицъ, всего около 1 т. семей. Между тѣмъ кабардинцы отъ ухода въ Турцію отказались. Хотя населеніе чеченскаго округа въ числѣ 81.360 душъ стѣснилось на пространствѣ въ 76 квадратныхъ миль, имѣя не болѣе 2 дес. на душу, тѣмъ не менѣе перейти на лѣвый берегъ Терека оно не соглашалось и для переселенія его туда пришлось бы прибѣгнуть къ силѣ. Занявшій мѣсто Евдокимова, переведеннаго на Западный Кавказъ, князь Мирскій „не раздѣлялъ его убѣжденій; онъ полагалъ, что уже настала пора дѣйствовать въ Чечнѣ мѣрами кротости". Для разрѣженія населенія, при помощи состоявшаго въ русской службѣ, но пользовавшагося вліяніемъ между соплеменниками генералъ-маіора Кундухова, часть чеченцевъ склонена была къ переселенію въ Турцію. Въ 1865 году 5 тысячъ семействъ чеченцевъ, подъ предводительствомъ Кундухова и слѣдуя его примѣру, отправилась сухимъ путемъ въ Азіатскую Турцію, съ согласія Порты и съ расходами нашей казны въ 130.582 р. 72 коп. Переселенцы эти однако долго доставляли большія хлопоты турецкому правительству и нашему, стремясь возвратиться на родину. Послѣ этого опыта дальнѣйшія переселенія въ Турцію были окончательно прекращены. („Русская старина", 1882 г., октябрь, стр. 9—19, статья Берже).

Такимъ образомъ съ 1859 года на Восточномъ Кавказѣ для Россіи предстала задача замирить и обратить къ цивилизованной жизни покоренное, но остающееся враждебнымъ милліонное горское населеніе. Конечно задача эта не можетъ, по своей трудности, не требовать продолжительнаго времени и большихъ усилій. На сколько мало она достигнута, можно отчасти судить уже потому, что чрезъ 18 лѣтъ послѣ покоренія, во время второй восточной войны, въ 1877 году, горцы „возмутились, произвели рядъ дерзкихъ нападеній, вызвали необходимость вооруженныхъ дѣйствій съ нашей стороны и лишили кавказскую армію на театрѣ войны въ Азіатской Турціи содѣйствія двухъ дивизій" („Фельдмаршалъ кн. Барятинскій", т. 2, стр. 371), которыя пришлось держать на Кавказѣ для предупрежденія новаго возстанія. Едва ли многимъ лучше настроеніе горцевъ и въ настоящее время. „Чеченцы до сихъ поръ остаются враждебнымъ для насъ народомъ, готовымъ, при удобномъ

случаѣ, почти поголовно возстать"; „кабардинцы... далеки отъ сближенія съ нами" (В. С. Кривенко „Очерки Кавказа", 1893 года, стр. 15). Такое настроеніе воинственныхъ и свободолюбивыхъ горцевъ тѣмъ менѣе удивительно, что положеніе ихъ подъ русскимъ владычествомъ ухудшилось во всѣхъ почти отношеніяхъ *). Такъ введеніе русскаго управленія упразднило или окончательно расшатало находившійся въ стадіи разложенія родовой бытъ горскихъ племенъ и связанныя съ нимъ формы общественнаго устройства **), но кровомщеніе, насилія, убійства, грабежи, воровство не только сохранились, но усилились, ибо не встрѣчаютъ болѣе противодѣйствій въ упраздненныхъ

*) По словамъ г. А. С., пользовавшагося мѣстными офиціальными источниками, «подчиненіе нашей власти Восточнаго Кавказа имѣло характеръ не столько покоренія или низложенія, сколько добровольнаго (?) принесенія населеніемъ покорности, т. е. обѣщанія сидѣть смирно и повиноваться постановленнымъ отъ нашего правительства властямъ, причемъ мы, съ своей стороны, обязались оставить неприкосновенными: ихъ религію, права, обычаи, которыми опредѣлялись отношенія семейныя и между сословіями; въ числѣ правъ весьма важное и драгоцѣнное для нихъ право ношенія оружія; обязались никогда не облагать ихъ податьми и повинностями денежными, какъ и натуральными, въ особенности никогда не привлекать къ отбыванію повинности воинской. Въ какихъ именно выраженіяхъ и при какой обстановкѣ даны были эти обязательства покорителемъ Восточнаго Кавказа, бывшимъ намѣстникомъ, княземъ Барятинскимъ, намъ установить не удалось, но достовѣрно, что въ такомъ именно смыслѣ были поняты горцами предложенныя имъ условія и что составленныя ими объ этомъ записи хранились въ нѣсколькихъ мечетяхъ». «Горцамъ терской области въ 60-хъ и 70-хъ годахъ жилось подъ нашимъ управленіемъ очень недурно», но введены были подводная и дорожная повинности, подати; въ общемъ они «теряли одни права за другими» и стали относиться «къ намъ въ душѣ съ недовѣріемъ, а потому, весьма естественно, и съ непріязнью», опасаясь введенія воинской повинности, отобранія оружія и наконецъ насильственнаго обращенія въ христіанство. «Такимъ образомъ, не въ прижимкахъ, не въ злоупотребленіяхъ ближайшей къ народу администраціи, какъ и не въ фанатизмѣ, заключались причины нерасположенія къ намъ и недовольства горцевъ» и причины возстанія 1877 г. (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ терской области въ 1877 г.», Спб., 1896 г., стр. 19 и 20).

Въ 1886 году, три почетныхъ старика изъ аула Гехи доставили къ князю Амилахвари,—командовавшему войсками, назначенными для усмиренія волненій въ Чечнѣ по поводу составленія посемейныхъ списковъ съ цѣлію введенія новаго налога взамѣнъ отбыванія воинской повинности натурою,—деревянный, окованный серебромъ, ларецъ. «Они открыли его, и кн. Амилахвари увидѣлъ оригиналъ прокламаціи, обращенной къ чеченскому народу отъ имени императора Александра II и подписанной собственноручно княземъ Бартянскимъ. Въ подлинности документа сомнѣваться было нельзя.—Эта прокламація—сказалъ старикъ—вручена народу самимъ намѣстникомъ, и хранится, какъ законодательная хартія и основаніе нашихъ гражданскихъ правъ» («Исторія 44 драгунскаго Нижегородскаго полка», составленная В. Потто, Спб., 1895 г., томъ 10, стр. 51).

**) «Старыя вѣковыя основы зданія ихъ (горцевъ) общественнаго порядка и быта замѣняются новыми, и самое зданіе подвергается послѣдовательной и, нужно сказать, нѣсколько поспѣшной перестройкѣ» («Всеподданнѣйшій отчетъ главнокомандующаго кавказскою арміею по военно-народному управленію за 1863—1869 г. г.», Спб., 1870 г., стр. 115). Предполагалось, что «общественная и частная безопасность» «ограждена твердою и бдительною правительственною охраною и (что) такія нарушенія этой безопасности, какъ грабежи и разбои, если и возможны, какъ случаи единичные, не могутъ, однако же, никогда достигнуть размѣровъ повальнаго, трудно-истребимаго зла» (тамъ же, стр. 116).

родовыхъ союзахъ и въ обезсиленныхъ и лишенныхъ почти всякой власти и средствъ воздѣйствія обществахъ, тогда какъ русская администрація, уже по одной своей малочисленности, не въ состояніи достигать дѣйствительной охраны личной и имущественной безопасности, при отсутствіи содѣйствія туземныхъ обществъ, немогущихъ его оказывать не столько по недостатку желанія, сколько по безсилію. Развившіеся съ особою силою, отчасти подъ вліяніемъ подобныхъ же причинъ, грабежи и разбои въ Закавказьи вызвали примѣненіе и на Восточномъ Кавказѣ въ послѣдніе годы чрезвычайныхъ и исключительныхъ мѣръ, каковы поголовное обезоруженіе, имущественная отвѣтственность территоріальныхъ обществъ за убійства, грабежи и даже кражи на ихъ территоріяхъ, отнятіе у цѣлыхъ обществъ ихъ земель съ отдачею подъ казачьи поселенія и съ разселеніемъ жителей по разнымъ туземнымъ обществамъ (по „Терскимъ вѣдомостямъ" отъ 4 марта 1899 года такая мѣра примѣнена къ аулу Баматъ-юртъ, состоявшему изъ 104 дворовъ, за уклоненіе отъ выдачи двухъ абрековъ-разбойниковъ, укрывавшихся, по свѣдѣніямъ мѣстной р. администраціи, въ этомъ аулѣ), и т. под. Въ областномъ городѣ Владикавказѣ туземцамъ воспрещено появляться на улицахъ позже девяти часовъ вечера; ингушамъ запрещено ночевать въ чужихъ аулахъ и т. д. Будучи соединены съ крайними стѣсненіями для населенія и связаны съ административнымъ усмотрѣніемъ, легко переходящимъ въ произволъ *), подобныя мѣропріятія, какъ всегда почти показывалъ опытъ, обыкновенно не приводятъ къ цѣлямъ, имѣвшимся въ виду. Такъ, напр., усиленныя старанія по обезоруженію горцевъ ведутъ къ тому, по мѣстнымъ отзывамъ изъ терской области, что „мирные граждане отданы въ жертву разбойникамъ", ибо лишь послѣдніе успѣваютъ сохранить оружіе («Спб. Вѣдомости", 30 іюля 1898 года) **). Экономическое положеніе туземнаго населенія

*) По словамъ циркуляра Главноначальствующаго на Кавказѣ отъ 31 декабря 1899 года, «земледѣльческое податное населеніе Кавказа»... «крайне обременно казенными податями и земскими сборами, подъ названіемъ подымныхъ» и «особыхъ частныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, въ видѣ добавочныхъ къ податному и земскому обложенію». Стремясь къ устраненію «того ненормальнаго порядка, въ силу котораго не только отдѣльные дымы, обремененные непосильными податными сборами, но цѣлыя селенія исчезли», циркуляръ этотъ отмѣнилъ, между прочимъ, содержаніе постоянныхъ обывательскихъ разъѣздныхъ командъ и «произвольное назначеніе на счетъ обществъ жалованья» опредѣляемымъ администраціею сельскимъ старшинамъ и низшимъ при нихъ служащимъ «въ размѣрѣ, иногда превышающемъ всякое вѣроятіе».

**) По мнѣнію сенатора Кони, «циркуляры бакинскаго губернатора и администраціи терской области, запретившіе оружіе, увѣнчались успѣхомъ и можно разсчитывать, что при нѣсколько большей энергіи на Кавказѣ разоруженіе могло бы быть достигнуто» («Новое время», 27 января 1897 года). Мѣстныя свѣдѣнія гласятъ противное, да и по словамъ г. Кони «писаные законы встрѣчаютъ часто непримиримыя противорѣчія съ обычаями»: «кавказецъ чуть не родится съ оружіемъ» и «въ силу вѣкового обычая оно составляетъ органическую его принадлежность и фамильную драгоцѣнность». По его же словамъ,

Восточнаго Кавказа не менѣе плачевно, отчасти вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель, *) главнымъ же образомъ вслѣдствіе неподвижности устарѣлыхъ формъ хозяйства, отсутствія промышленности и т. д.

Культурное развитіе и успѣхи гражданственности невозможны безъ широкаго и прочнаго распространенія въ населеніи школъ, научныхъ и техническихъ знаній и т. д. Выше уже приведено основательное мнѣніе по этому предмету князя Циціанова, выраженное въ началѣ истекающаго столѣтія. Подобнымъ образомъ одинъ изъ командовавшихъ на Восточномъ Кавказѣ генераловъ, Клюки фонъ-Клугенау, заявилъ въ 1843 году, что „слѣдовало бы въ будущемъ обратить вниманіе на образованіе туземнаго населенія, такъ какъ это, безъ сомнѣнія, былъ бы долгій и трудный, но тѣмъ не менѣе неизбѣжный и достойный имени русскаго путь къ прочному утвержденію нашей власти въ Дагестанѣ“ („Кавказскій сборникъ“, т. VI, приложенія, стр. 35). Конечно и всѣ позднѣйшіе правители Кавказа и его частей раздѣляли это мнѣніе **). Между тѣмъ изъ двухъ областей, между которыми дѣлится нынѣ

обычай кровомщенія такъ глубокъ, что отъ него не спасутъ никакія законныя кары и можетъ спасти одно только образованіе и нравственное воздѣйствіе» (тамъ же). Все это вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что и обычай ношенія оружія столь же мало можетъ быть искорененъ «циркулярами», какъ кровомщеніе; такіе обычаи упраздняются лишь съ измѣненіемъ быта и условій, ихъ создавшихъ, подъ вліяніемъ народнаго образованія, но для этого нужны десятки, если не сотни лѣтъ.

*) Въ дагестанской области «естественный приростъ туземнаго населенія значительно ниже нормальнаго..; причиной этого явленія, безъ сомнѣнія, служатъ крайне стѣсненныя экономическія условія» («Памятная книжка дагестанской области», Темиръ-ханъ-шура, 1895 г., стр. 128). «Мѣстное земледѣліе... не обезпечиваетъ существованія земледѣльца... Мѣстнаго хлѣба, даже въ урожайные года, не хватаетъ на продовольствіе населенія въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году» (тамъ же, стр. 107). «Народному продовольствію оказываютъ косвенно большую поддержку овцеводство, отхожій промыселъ и кустарныя производства» (стр. 117).

Въ терской области, у чеченцевъ (всего въ области въ 1894 г. 193.338 д., а вообще горцевъ въ области 476.083 д. о. п.) средній надѣлъ въ горахъ приходится въ среднемъ въ 1,23 дес. удобной земли, а на плоскости въ 4,11 дес. на 1 муж. душу: отъ 0,05 дес. (въ 6-мъ участкѣ грозненскаго округа) до 14,9 дес. (въ одномъ сел. Мундаръ-юртъ); у ингушей не превышаетъ (въ 1894 г. 45,016 д.) 1 дес. на душу («Кавказскій календарь на 1897 г.», отдѣлъ 6, стр. 149). Между тѣмъ сосѣдніе съ чеченцами казаки имѣютъ на Сунджѣ 15 дес. на душу, а на Терекѣ даже 30 дес. (А. С. «Очеркъ возстанія горцевъ въ терской области въ 1877 году». Спб., 1896 г., стр. 18).

**) «Изъ всѣхъ мѣръ... въ цѣляхъ нравственнаго скрѣпленія горскихъ народностей съ Россіею развитіе образованія въ средѣ горцевъ есть мѣра самая важная и радикальная» (Всепод. отчетъ главнокомандующаго кавказскою арміею по военно-народному управленію за 1863—1869 г. г., Спб., 1870 г., стр. 98), но къ 1870 году «всѣхъ школъ, содержимыхъ правительствомъ для горцевъ» было только «7, въ томъ числѣ 4 въ терской и по 1 въ дагестанской и кубанской областяхъ и сухумскомъ отдѣлѣ» (стр. 101): «нельзя не сознаться, что до сихъ поръ дано горцамъ въ этомъ отношеніи менѣе, чѣмъ слѣдовало бы и какъ того требуютъ собственные наши разсчеты, не только нравственные, но и матеріальные» (тамъ же, стр. 99).

почти весь Восточный Кавказъ, въ терской къ 1895 году „только 6 заведеній на 458 учащихся открыты для дѣтей туземцевъ..., численность коихъ въ общей сложности простирается до 421,128 душъ обоего пола" („Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества", книжка 19, Тифлисъ, 1897 года, стр. 134), въ дагестанской же области, по отчету попечителя кавказскаго учебнаго округа за 1897 годъ, всего 10 начальныхъ училищъ съ общею численностью учащихся 480, въ томъ числѣ горцевъ 264 („Кавказскій календарь на 1899 годъ"), и 1 лечебное заведеніе (пріемный покой на пять кроватей) на всю область („Врачъ", 1898 г., № 31), въ которой перепись 1897 года опредѣлила 586.636 душъ обоего пола.

Итакъ чрезъ 35—40 лѣтъ послѣ покоренія Кавказа, потребовавшаго милліардовъ денегъ, потоковъ крови и многолѣтняго содержанія громадной арміи,—что въ совокупности было одною изъ главныхъ причинъ нашей культурной и экономической слабости и отсталости, ибо слишкомъ значительная часть государственныхъ средствъ и силъ отвлекалась почти полвѣка на цѣли, чуждыя развитію народнаго образованія, хозяйства и благоустройства,—Россіи предстоитъ: на Западномъ Кавказѣ—заселеніе опустѣвшей и одичавшей страны и тяжелая борьба съ неблагопріятными условіями ея природы, на Восточномъ же Кавказѣ—не менѣе тяжкія усилія и затраты къ культурному развитію страны и ея находящагося въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ до завоеванія, туземнаго населенія. Предстоящіе для этихъ задачъ расходы, въ особенности на Восточномъ Кавказѣ, безотлагательны, хотя по свѣдѣніямъ за 24 года (1868—1891 г.г., см. монографію проф. Н. Яснопольскаго „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи" въ „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1895—1897 г.г.") государственные доходы Кавказа и Закавказья равнялись лишь 454½ милліоновъ руб., тогда какъ расходы составили 1.136 милліоновъ руб., т. е. дефицитъ составилъ за 24 года 681½ милліонъ руб., или въ среднемъ почти 28½ милліоновъ руб. ежегодно (см. таблицу № 42 при означенной монографіи), причемъ этотъ огромный дефицитъ происходилъ не отъ однихъ расходовъ на военныя надобности (въ среднемъ, вѣроятно, военные расходы доходили лишь до 23 милліоновъ руб., какъ въ 1887 году, см. таблицу № 6), имѣющія въ виду потребности всей имперіи, а не однѣ мѣстно-кавказскія. По приведеннымъ даннымъ, показывающимъ во-что обходится Россіи обладаніе Кавказомъ и Закавказьемъ послѣ ихъ покоренія, можно заключить, что говоря въ 1859 году о „колоссальныхъ размѣрахъ" средствъ и усилій, которыя потребовались для покоренія Кавказа, капитанъ Окольничій не впадалъ въ преувеличеніе, утверждая, что „если бы пришлось теперь исчислить всю

нашу потерю на Кавказѣ, то цифры эти испугали бы самое смѣлое воображеніе" („Военный Сборникъ", 1859 года, январь, стр. 109 и 110).

2) *Англо-Индійскій „Кавказъ".*

Изъ вышеизложеннаго видно, что борьба Россіи съ кавказскими горцами имѣла двѣ главныхъ фазы: до объединенія горцевъ Восточнаго Кавказа, подъ властью единаго духовнаго и свѣтскаго главы, и послѣ объединенія. Въ первой фазѣ оказываются два періода; въ одномъ, до Ермолова, преобладала оборонительная система; вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя русскіе правители не оставляли стремленій подчинить горскія ханства и общества, но сохраняли независимость внутренняго ихъ управленія по существовавшимъ обычаямъ и установившимся порядкамъ; во второмъ періодѣ, при Ермоловѣ, принята была наступательная система, ставившая прямою задачею покореніе горцевъ съ упраздненіемъ самостоятельности и внутренняго ихъ управленія: „терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ; управленіе ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ"—писалъ Ермоловъ уже въ началѣ своего управленія Кавказомъ („Архивъ князя Воронцова", кн. 36, стр. 185), а демократическое общество, безъ хана, какъ акушинское, одно время представлялось ему, мы видѣли, лишь „скотскимъ заводомъ".

Борьба Англо-Индіи съ авганскими горными племенами находится уже полстолѣтія, съ 1849 года, все еще въ первой фазѣ, такъ какъ объединенія горцевъ еще не совершилось, но и здѣсь видимъ два ея періода: оборонительной системы—Close Border—съ 1849 до 1876 года, и наступательной со времени лорда Литтона. Оборонительная система выполнялась здѣсь съ несравненно большей послѣдовательностью и твердостью, чѣмъ на Кавказѣ, и хотя многія карательныя экспедиціи и жертвы Молоху „престижа" и погонѣ за чинами и орденами были совершенно излишни и вредны для достиженія постановленной для этой политики цѣли, однако результаты лишь двадцати пяти-лѣтняго ея примѣненія были достаточно удовлетворительны, такъ какъ горныя племена начинали убѣждаться, что англо-индійское правительство не желаетъ посягать на ихъ независимость и уважаетъ неприкосновенность ихъ земель. Благодаря именно этому убѣжденію, не имѣя опасеній за свою независимость со стороны Англо-Индіи, большинство пограничныхъ горныхъ племенъ не только не заботилось объ утвержденіи связей съ эмиромъ Авганистана, но отвергало всякую отъ него зависимость, не видя нужды налагать на себя лишнее ярмо. По этой же причинѣ, во время войны 1878—1880 г.г., пограничныя племена, за немногими исключеніями, не только не приняли сторону эмира, но отчасти, какъ афридіи, брали на себя охрану безопасности сообщеній вторгнувшихся въ Авганистанъ британскихъ войскъ.

Принятая съ 1876 года, подъ вліяніемъ воинствующаго имперіализма и раздуваемаго имъ страха нашествія на Индію, наступательная политика имѣла, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, извѣстный успѣхъ въ Белучистанѣ и у юго-восточныхъ авганскихъ племенъ, но у остальныхъ горныхъ племенъ она встрѣтила полную неудачу. Захваты стратегическихъ пунктовъ и путей сообщенія, выставленіе на нихъ отрядовъ, постройки укрѣпленій и постовъ, попытки подчиненія горцевъ британской власти—все это постепенно убѣдило горныя племена въ стремленіи Англіи попрать ихъ независимость и свободу. Соглашеніе Дьюранда, присвоившее Англіи владычество надъ независимыми горными племенами, безъ ихъ вѣдома и согласія, окончательно выяснило намѣренія Англіи, а потому попытки постановки знаковъ на границѣ съ Авганистаномъ и другія проявленія стремленій Англіи осуществить свое владычество надъ горными племенами вызвали рядъ вооруженныхъ столкновеній и возстаній, заключившихся борьбою 1897 года, охватившею почти всю границу Индіи съ авганскими горными племенами. Событія 1897 года выяснили, по словамъ лорда Хамильтона, что „боевыя силы“ „дѣйствовавшихъ доселѣ порознь“ горныхъ племенъ „и способность ихъ соединяться (для общей борьбы съ Англіею) въ послѣдніе годы возросли одновременно“ (Military operations etc., vol. II, p. 178).

Такъ какъ Англія, по всей вѣроятности, будетъ держаться наступательной политики и возобновленіе борьбы ея съ горными племенами неминуемо въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то возникаетъ вопросъ: совершится ли объединеніе пограничныхъ племенъ подъ единой властью, для борьбы съ могучимъ врагомъ ихъ независимости, и въ какой оно осуществится формѣ? Явится ли у нихъ своей Шамиль?

Каждое изъ авганскихъ горныхъ племенъ и каждая изъ племенныхъ вѣтвей такъ дорожатъ своей независимостью и самоуправленіемъ, что соединенія всѣхъ пограничныхъ племенъ подъ властью единаго главы доселѣ, сколько извѣстно, не бывало. Мы знаемъ однако о союзахъ нѣсколькихъ племенъ для завоеваній (напр. союзъ группъ каши и горіахель для завоеванія низовьевъ Кабулъ-дарьи и Свата въ XV вѣкѣ) и для защиты противъ внѣшняго врага (напр., противъ Экбера). Союзы эти распадались по достиженіи непосредственной своей цѣли или по минованіи вызвавшей ихъ внѣшней опасности. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ проповѣдникъ войны съ невѣрными Сеидъ-Ахмедъ, въ виду угрожавшей горнымъ племенамъ опасности отъ завоеваній сейковъ, успѣлъ соединить подъ свою власть юсуфзіевъ и племена низовьевъ Кабулъ-дарьи. Власть его была сокрушена не столько побѣдами сейковъ, интригами баракзійскихъ сердарей, соперничествомъ „сватскаго ахуна“ абдулъ-Гафара и желаніемъ племенъ освободиться отъ деспо-

тизма падишаха, сколько воздержаніемъ сейковъ отъ попытокъ покоренія горныхъ племенъ. Подобнымъ образомъ паденіе Сеидъ-Мубарекъ-шаха,—наслѣдовавшаго Сеидъ-Экберу, пріобрѣвшему власть надъ юсуфзіями вслѣдствіе опасеній горцевъ за свою независимость со стороны замѣнившихъ сейковъ англичанъ,—послѣдовало вслѣдствіе того, главнымъ образомъ, что разгоравшееся въ Индіи возстаніе сипаевъ упраздняло для горныхъ племенъ страхъ британскаго завоеванія. Въ настоящее время, послѣ событій 1897 года, несомнѣнно выяснившихъ пограничнымъ племенамъ необходимость, для успѣха борьбы за независимость, объединенія ихъ силъ и средствъ, появленіе имама-падишаха, съ духовной и свѣтской властью надъ всѣми горными племенами, весьма вѣроятно и возможно.

Я могъ бы, конечно, высказать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и соображенія — изъ какой среды явится имамъ-падишахъ авганскихъ горныхъ племенъ, при какихъ обстоятельствахъ, какими путями и чьими вліяніями будетъ онъ выдвинутъ и т. д., но все это были бы лишь гипотезы. Несомнѣнно же одно: авганскіе горцы получатъ вождя для борьбы противъ Англіи за свою независимость, какъ получили кавказскіе горцы Кази-муллу и его преемниковъ, алжирскіе горцы Абд-эль-Кадера и т. д., если только авганскій эмиръ не станетъ своевременно во главѣ борьбы съ Англіею, принявъ подъ свою власть всѣ пограничныя горныя племена.

То обстоятельство, что пограничныя племена составляютъ часть авганскаго народа и что вслѣдствіе этого они получатъ, рано или поздно, помощь своихъ остальныхъ соплеменниковъ въ борьбѣ съ Англіею, составляетъ весьма важное преимущество авганскихъ горцевъ предъ кавказскими и алжирскими и влечетъ за собою самыя большія для Англіи трудности борьбы съ ними. Полтора милліона пограничныхъ авганскихъ горцевъ не лишены, подобно кавказскимъ горцамъ, единоплеменниковъ и не окружены со всѣхъ сторонъ владѣніями врага, а составляютъ лишь авангардъ двухъ милліоновъ соплеменниковъ Авганистана, располагающихъ силами и средствами трехъ милліоновъ подчиненныхъ народовъ. Относительно неминуемости участія Авганистана въ борьбѣ пограничныхъ племенъ съ Англо-Индіею не можетъ быть основательнаго сомнѣнія, такъ какъ,—помимо естественнаго стремленія авганскаго населенія Авганистана помочь своимъ единоплеменникамъ въ оборонѣ противъ иноплеменнаго и иновѣрнаго врага,—нашествія англичанъ 1838—1842 г.г. и 1878—1880 г.г. прочнѣйшимъ образомъ вкоренили въ авганскомъ народѣ ненависть къ Англіи и опасенія возобновленія съ ея стороны покушеній къ порабощенію Авганистана. Мы знаемъ, что въ 1897 году, при первыхъ извѣстіяхъ о возстаніи въ Сватѣ, на помощь своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ немедленно устремились тысячи добровольцевъ изъ смежныхъ

владѣній эмира, а десятки тысячъ (какъ 30 тыс. въ Лемганѣ) готовились слѣдовать за ними. Развитіе этого движенія остановили не столько, быть можетъ, энергичныя мѣры эмира, сколько свѣдѣнія о сохраненіи, со стороны англичанъ, за побѣжденными племенами ихъ земель и самоуправленія.

По свидѣтельству сэра Лепель Гриффина,—состоявшаго британскимъ уполномоченнымъ въ 1880 году при возведеніи Абдэррахманъ-хана на престолъ эмира,—большинство авганскихъ вождей и народа было расположено въ то время въ пользу Якубъ-хана и его семьи, и относилось къ Абдэррахманъ-хану съ нелюбовью и страхомъ, опасаясь его мстительности и жестокости (A page of Afghan History, by sir Lepel Griffin, въ Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 250). Увѣряя англичанъ въ своей преданности, на условіи субсидій и поддержки, и указывая имъ—кого изъ вліятельныхъ и подозрѣваемыхъ имъ во враждебности къ себѣ народныхъ вождей слѣдуетъ подвергнуть задержанію, для общей безопасности, Абдэррахманъ-ханъ въ то же время тайно возбуждалъ въ народѣ противъ англичанъ религіозно-національныя чувства, дабы пріобрѣсти этимъ путемъ популярность и опору противъ неудобныхъ требованій британскаго правительства (тамъ же, p. p. 250, 257 и др.). Достигнувъ этой „двойной игрой“ престола и утвердившись на немъ, Абдэррахманъ-ханъ далъ волю своей мстительности и жестокости. Результатомъ были возстанія, усмиренія которыхъ сопровождались свирѣпыми пытками и казнями. Лепель Гриффинъ признаетъ вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ союзниковъ Англіи въ Европѣ и Азіи самымъ жестокимъ (most cruel) правителемъ и замѣчаетъ, что Ширъ-Али-ханъ наказывалъ своихъ подданныхъ розгами, Абдэрраханъ-ханъ же сталъ ихъ бичевать скорпіонами (p. 255). Другой почитатель эмира, Керзонъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ въ Кабулъ зимою 1894—1895 г.г., утверждалъ, что въ мірѣ не найдется государя, къ которому его народъ питалъ бы чувство страха съ такой полной основательностью. Ненавидимый главами племенъ, духовенствомъ и народомъ и держащійся главнымъ образомъ субсидіями Англіи и ея, въ случаѣ надобности, военной помощью Абдэррахманъ-ханъ лишь въ крайности можетъ принять сторону пограничныхъ племенъ и рѣшиться на войну съ Англіею. Но состояніе здоровья Абдэррахманъ-хана давно уже внушаетъ опасенія.

Вопреки газетнымъ толкамъ о неизбѣжныхъ смутахъ въ Авганистанѣ послѣ смерти нынѣшняго эмира, вслѣдствіе появленія претендентовъ, съ наибольшею вѣроятностью слѣдуетъ полагать, что вступленіе на престолъ назначеннаго Абдэррахманъ-ханомъ въ преемники старшаго сына его Хабибуллы-хана совершится спокойно и никакихъ претендентовъ не появится или претензіи ихъ останутся совершенно безуспѣшными, ибо Хабибулла-ханъ уже

нѣсколько лѣтъ принимаетъ участіе въ управленіи и замѣняетъ отца въ разныхъ случаяхъ, а претенденты, бѣжавшіе изъ Авганистана уже десять—двадцать лѣтъ (Эюбъ-ханъ въ 1881 году, Исхакъ-ханъ въ 1888 году), не имѣютъ въ странѣ ни значительнаго числа приверженцевъ, ни шансовъ на успѣхъ. Положеніе новаго эмира будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ Абдэррахманъ-хана. Ненависть народа и духовенства не можетъ быть перенесена на сына, невиннаго въ его жестокостяхъ. Съ своей стороны Хабибулла-ханъ, надо думать, пожелаетъ пріобрѣсти расположеніе своего народа, дабы не быть въ тяжкой зависимости отъ англо-индійскаго правительства и основать свою власть на прочномъ фундаментѣ народной преданности. Разумѣется, чтобы не лишиться возможно дольше ежегодной субсидіи въ 1.800.000 рупій, онъ будетъ выполнять обязательства отца предъ Англіею, но трудно сомнѣваться, что при возобновленіи борьбы пограничныхъ племенъ съ Англіею, онъ вынужденъ будетъ принять сторону единоплеменниковъ, подчиняясь единодушному чувству своего народа и во избѣжаніе потери престола. Уклоненіе авганскаго эмира отъ борьбы съ Англіею за независимость авганскаго народа приготовило бы баракзійской династіи участь предшествовавшей ей саддозійской; духовный и свѣтскій глава пограничныхъ племенъ, появленіе котораго было бы вѣроятно неизбѣжно, столь же легко прогналъ бы или обратилъ въ ничтожество баракзійскихъ эмировъ, какъ сдѣлалъ это Шамиль съ дагестанскими ханами.

Какъ бы то ни было, Англіи придется, рано или поздно, бороться не съ одними пограничными племенами, но и съ Авганистаномъ. Если 1½ милліона душъ пограничныхъ племенъ выставляютъ 200 тыс. воиновъ, то въ общей сложности 6½ милл. авганъ и подвластныхъ имъ народностей могутъ, безъ сомнѣнія, дать по крайней мѣрѣ 650 тыс. ратниковъ или десятую часть населенія, въ томъ числѣ до 150 тыс. регулярныхъ войскъ эмира съ ихъ резервами.

По свѣдѣніямъ Бернса, Достъ-Мохаммедъ-ханъ содержалъ въ тридцатыхъ годахъ около 2.500 чел. пѣхоты, вооруженной крѣпостными ружьями, и 12—13 тыс. всадниковъ („Кабулъ“, изд. Голубева, Москва, 1847 года, часть 2, стр. 164). Послѣ войны съ Англіею онъ завелъ регулярное войско, которое въ 1858 году, когда онъ владѣлъ всѣмъ Авганистаномъ кромѣ Херата, состояло изъ 16 полковъ пѣхоты, 3 полковъ кавалеріи и 80 орудій (Юль, статья его Afghanistan въ Encyclopaedia Britannica, изд. 1878 года), всего 12—15 тыс. чел. Ширъ-Али-ханъ, получивъ въ 1869 году въ подарокъ отъ англо-индійскаго правительства 5 тыс. ружей Снайдера и 15 тыс. Энфильда, около 1 милл. патроновъ къ нимъ и 12 орудій, въ томъ числѣ 6 горныхъ, устроилъ выдѣлку пороху, ружей и пушекъ по англійскимъ образцамъ чрезъ

туземныхъ мастеровъ, ознакомившихся нѣсколько съ техникою въ пишеверскомъ арсеналѣ; въ результатѣ, къ войнѣ 1878 года, численность ручнаго огнестрѣльнаго оружія разныхъ системъ доходила до 50 тыс., въ томъ числѣ болѣе 2 тыс. ружей Снайдера и 8 тыс. Энфильда туземной выдѣлки; имѣлось значительное количество патроновъ, болѣе 1 милл. фунтовъ пороху и 379 орудій (The Afghan War of 1879—1880, by Howard Hensman, London, 1881, p.p. 72—74, 320—327). Самъ Ширъ-Али-ханъ опредѣлялъ численность своей арміи, при переговорахъ съ русскимъ посольствомъ, въ 60 тыс. чел. (И. Л. Яворскій „Путешествіе русскаго посольства по Авганистану“ и пр., Спб., 1883 г., т. II, стр. 149), вѣроятно нѣсколько преувеличенно. По свѣдѣніямъ Н. И. Гродекова, собраннымъ въ концѣ 1878 года во время проѣзда по Авганскому Туркестану въ Хератъ, у эмира имѣлось отъ 50 до 60 батальоновъ пѣхоты (30—35 тыс. чел.), около 20 полковъ кавалеріи (около 8 тыс. чел.) и около 200 орудій („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“ вып. V, Спб., 1883 г., стр. 101), значитъ всего регулярнаго войска до 50 тыс. Но изъ этихъ войскъ 15 батальоновъ и 15 кавалерійскихъ полковъ находились въ Авганскомъ Туркестанѣ и 15 батальоновъ въ Хератѣ (тамъ же, стр. 106), такъ что противъ трехъ англійскихъ отрядовъ, вступившихъ въ предѣлы Авганистана, могли быть выставлены лишь 20—30 батальоновъ, пока не подошла часть туркестанскихъ и хератскихъ батальоновъ. Хотя вслѣдствіе недостатка въ транспортныхъ средствахъ англійскія войска, направлявшіяся изъ Пишавера къ Кабулу, употребили почти полгода, чтобы добраться до Джелальабада, но утратившій мужество, рѣшительность и энергію, отличавшія его въ молодые годы, Якубъ-ханъ ничего не сдѣлалъ для организаціи борьбы и заключилъ унизительный миръ. Такую же растерянность выказалъ онъ при возобновленіи войны. Добровольно отдавшись вмѣстѣ съ главными своими министрами въ руки двигавшагося на Кабулъ корамскимъ путемъ шеститысячнаго отряда генерала Робертса, онъ думалъ спасти столицу своею покорностью. Только передъ самымъ Кабуломъ движеніе не встрѣчавшихъ никакаго сопротивленія англичанъ было 6 октября 1879 года остановлено 13 регулярными батальонами, которые наканунѣ возмутились, захватили орудія и военные припасы въ бала-хиссарскихъ складахъ и заняли ведущій къ Кабулу горный проходъ Сенги-Невишта, подъ вольнымъ или невольнымъ начальствомъ дяди эмира Никъ-Мохаммедъ-хана. Въ штабѣ Робертса численность этихъ батальоновъ оцѣняли то въ 9—10 тыс., то въ 4—5 тыс. чел. (Hensman, p.p. 37, 84). Будучи обойдена съ фланга при фальшивой фронтальной аттакѣ прохода, авганская регулярная сила къ вечеру обратилась въ бѣгство, побросавъ свою артиллерію и оставивъ на мѣстѣ около 300 тѣлъ, тогда какъ англичане потеряли лишь 20 чел. уби-

тыми и 67 ранеными. Доступъ къ беззащитному Кабулу сдѣлался для англійскаго отряда свободнымъ. Большая часть афганскихъ батальоновъ разсѣялась. Только три батальона, всего до 2 тыс. чел., съ 20 орудіями, заняли высоты Асмай, прилегающія къ городу Кабулу съ сѣверо-запада. Предпринятое противъ нихъ 8 октября движеніе англичанъ ограничилось перестрѣлкою до наступленія ночи, когда же утромъ 9 октября предпринято было рѣшительное наступленіе, то оказалось, что авганы бѣжали, бросивъ орудія (Hensman, p.p. 41—51). Въ обоихъ дѣлахъ 6 и 8 октября, которыми закончилось существованіе регулярной арміи эмира Ширъ-Али-хана, авганскія войска ограничились пассивной обороной. Значительное численное превосходство ихъ артиллеріи и недурной выборъ позицій для орудій не повели ни къ чему вслѣдствіе неудовлетворительности стрѣльбы. Огонь пѣхоты также оказывался недѣйствительнымъ, такъ какъ по невѣрности прицѣла пули авганской пѣхоты такъ же не попадали въ цѣль, какъ снаряды авганскихъ орудій (p. 330).

Видѣвшій авганскія войска передъ войною, въ авганскомъ Туркестанѣ и въ Хератѣ, русскій офицеръ генеральнаго штаба высказалъ мнѣніе, что „пѣхота не годна вслѣдствіе принятія совершенно механически англійскаго устава“ („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. V, стр. 160). Практика на войнѣ выяснила, что ближайшими причинами непригодности авганской регулярной арміи были неудовлетворительность офицеровъ и командировъ, а главное—плохое ознакомленіе людей со стрѣльбою. Надлежащихъ офицеровъ и генераловъ армія эмира имѣть не могла за отсутствіемъ военныхъ школъ и необходимаго образованія; лучшіе офицеры были изъ отставныхъ чиновъ англо-индійской туземной арміи, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи сносно руководить движеніями даже одной бригады (Hensman, p. 328). Для обученія стрѣльбѣ каждому солдату выдавалось только три патрона въ годъ, а на каждое орудіе только одинъ снарядъ (p. 332). Не удивительно, что въ октябрѣ 1879 года регулярные батальоны не умѣли стрѣлять, а черезъ два мѣсяца, послѣ нѣкоторой практики, тѣ же солдаты, въ составѣ 20—50 т. ч. собравшагося противъ англичанъ народнаго ополченія, стрѣляли и дрались весьма сносно. Ополченцы эти нанесли Робертсу пораженіе и вынудили запереться въ Ширпурскій укрѣпленный лагерь. Послѣ восьмидневной блокады и стычекъ, авганы предпринимали 23 декабря штурмъ лагеря. Ночь на 24 декабря осажденные провели съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая возобновленія штурма, но по наступленіи дня оказалось, что авганскія ополченія исчезли, разсѣявшись по своимъ мѣстамъ, съ обѣщаніемъ возвратиться въ большихъ силахъ къ веснѣ. Англичане приписывали снятіе блокады приближенію подкрѣпленій (тамъ же, p. 254), но эти подкрѣпленія состояли всего изъ 1.400 чел. (p. 268) и едва пополнили убыль отряда Робертса убитыми, ранеными

и больными. Дѣйствительная причина вѣроятно состояла въ недостаткѣ продовольствія. Когда взятый каждымъ ополченцемъ изъ дома на себѣ запасъ пищи истощился въ-продолженіи двухъ недѣль военныхъ дѣйствій, ополченіямъ оставалось только разойтись по домамъ, потому что окрестности Кабула, въ которыхъ только-что были съ большимъ трудомъ собраны, за огромныя деньги и реквизиціями, запасы для продовольствія отряда Робертса на зиму, не въ состояніи были продовольствовать десятки тысячъ ополченія.

Когда британскія войска уходили въ 1880 году окончательно изъ Кабула, то по усиленнымъ просьбамъ Абдэррахманъ-хана было ему подарено 30 орудій, преимущественно малаго калибра (Hensman, p. 459). Въ 1885—1887 г.г., во время разграниченія и опасеній войны съ Россіей, англо-индійское правительство обильно снабжало своего союзника оружіемъ, но никакихъ точныхъ свѣдѣній по этому предмету въ общедоступныхъ источникахъ не имѣется, какъ и о тогдашнихъ и продолжающихся съ того времени пріобрѣтеніяхъ эмиромъ предметовъ вооруженія изъ Европы, провозившихся съ разрѣшенія правительства чрезъ Индію. Сверхъ того эмиръ возобновилъ выдѣлку пороха, ружей и орудій въ Кабулѣ, подъ руководствомъ принятаго имъ для того на службу англичанина Солтера Пайна, который оставилъ службу въ Кабулѣ лишь въ 1899 году послѣ тринадцати-лѣтняго на ней пребыванія. Если сколько нибудь достовѣрны извѣстія о томъ, что мастерскія эмира при помощи машинъ, доставленныхъ изъ Индіи, производятъ по 15 ружей и по 20 тыс. патроновъ въ день и по два орудія въ недѣлю (Statesman's Year-book, 1898, p. 313), то одно домашнее изготовленіе могло дать въ 13 лѣтъ до 70 тыс. ружей англійскихъ образцовъ и нѣсколько сотенъ орудій, съ подарками же и покупками надо предполагать у эмира болѣе 100 тыс. огнестрѣльнаго оружія, можетъ быть даже до 200 тыс.

„По свѣдѣніямъ 1882 г. *) регулярная армія эмира состояла изъ 30.890 пѣхотинцевъ, 9.750 всадниковъ и 1.600 артиллеристовъ, при 182 орудіяхъ“ („Сборникъ ...матеріаловъ по Азіи“, Спб. 1896 г., вып. 64. стр. 102, по The Ameer Abdur Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895). Въ Revue militaire de l'étranger (1891, Mai) численность арміи эмира, на основаніи свѣдѣній, приписываемыхъ Керзону, оцѣнялась въ 45 т. пѣхоты и 16 т. кавалеріи. По The Statesman's Year-book, 1898 (p. 313), численность войскъ эмира опредѣлялась по свѣдѣніямъ 1896 года въ 50 т.; тамъ же утверждалось, что въ 1896 г. эмиръ распорядился ввести наборъ по 1 ч. съ каждыхъ 7, но мѣра эта не получила исполненія вслѣдствіе общаго сопротивленія населенія: едва ли это не повтореніе давнишнихъ, ока-

*) Можетъ быть эта опечатка вмѣсто 1892.

зывавшихся невѣрными, газетныхъ слуховъ. Были также въ разное время извѣстія объ образованіи эмиромъ резервовъ для своей регулярной арміи. Во всякомъ случаѣ регулярная армія эмира не можетъ превышать, не считая резервовъ, 50—60 т. ч., потому что онъ не располагаетъ для содержанія большей цифры финансовыми средствами.

Авганистанъ—страна бѣдная. „Вѣковая обработка и искусство въ земледѣліи и орошеніи, стоящемъ даже на болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ въ Индіи, превратила многія части“ сѣверныхъ провинцій „въ прекрасные сады и плодородныя поля, какими едва ли можетъ похвалиться и Ломбардская долина. Но только глядя съ вершинъ горъ, можно замѣтить, какъ узки эти ярко-зеленыя ленты плодородной земли, извивающіяся и мѣстами разбросанныя въ болѣе широкихъ долинахъ среди обнаженныхъ склоновъ и унылой пустыни, покрытой песками и скалами. Значительнѣйшая часть Авганистана представляетъ совершенно и навсегда безплодную почву, такъ что, каковы бы ни были настоящіе доходы страны, можно съ достовѣрностью утверждать, что они не могутъ быть увеличены посредствомъ распространенія земледѣлія. Я не думаю также, чтобы земледѣльцы могли пойдти еще далѣе въ искусствѣ обработки этихъ узкихъ полосокъ пахотной земли. Въ особенности искусственное орошеніе, какъ открытыми канавами, такъ и подземными водопроводами (карызы), доведено до высокаго совершенства. Можно, дѣйствительно, сказать про авганцевъ, что они употребляютъ въ дѣло всю воду, которую имѣютъ. Достовѣрно извѣстно, что рѣка Кабула и Герирудъ... бываютъ въ извѣстное время года почти безъ воды“ („Извѣстія Кавказскаго отдѣла и. р. географическаго общества“, т. 8, Тифлисъ, 1884—5 г.г., стр. 7 и 8, „Географическіе результаты авганской кампаніи“ 1878—1880 г.г., русскій переводъ статьи полковника Хольдича изъ Proceedings of the R. Geographical Society, 1881, February). Хотя часть населенія ведетъ жизнь кочевую и питается главнымъ образомъ продуктами скотоводства, однако земледѣліе даетъ недостаточное для прокормленія количество хлѣба и во многихъ мѣстностяхъ приходится прибѣгать къ питанію сушеными тутовыми ягодами и мукою изъ нихъ. Обработывающая промышленность развита слабо и не выходитъ изъ предѣловъ ремеслъ и кустарныхъ производствъ. Такое экономическое состояніе страны и ея производительныхъ силъ достаточно ясно обнаруживается въ ея внѣшней торговлѣ.

Главные предметы вывоза изъ Авганистана по индійской границѣ суть шерсть, мѣха (лисьи, мерлушки), кожи, лошади и мулы, шелкъ, фрукты, ассафетида, ковры и другія издѣлія изъ шерсти. Ввозятся въ Авганистанъ по индійской границѣ хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, металлы и металическія издѣлія, чай и затѣмъ незначительныя количества дру-

гихъ товаровъ. Въ 1895—96 финансовомъ году (съ 1 апрѣля по 31 марта) вывозъ въ Индію составлялъ изъ Кабула цѣнность въ 1.650.030 рупій и по синдо-пишинской желѣзной дорогѣ 5.806.050 рупій (Statistical Abstract relating to British India, Number 31, London, 1897), но по этой желѣзной дорогѣ привозятся товары не изъ одного Авганистана (чрезъ Кандахаръ), а также изъ Белучжистана и британскихъ владѣній въ юго-восточномъ Авганистанѣ, а потому, принимая приблизительно (сообразуясь съ нѣкоторыми изъ предшествовавшихъ годовъ, когда вывозъ изъ Кандахара показывался отдѣльно) вывозъ изъ владѣній эмира въ треть этой цифры, получимъ цифру вывоза изъ всего Авганистана въ Индію приблизительно въ 3½ милл. рупій. Ввозъ изъ Индіи въ Авганистанъ за тотъ же годъ равнялся по направленію къ Кабулу 3.262.510 рупій и по желѣзной дорогѣ 4.340.570 рупій, что при отнесеніи на владѣнія эмира трети послѣдней цифры, дастъ общій примѣрный итогъ ввоза въ Авганистанъ изъ Индіи въ 4¾ милл. рупій. По границѣ съ русскими средне-азіатскими владѣніями и бухарскимъ ханствомъ въ 1897 году вывозъ изъ Авганистана составлялъ („Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1897 годъ“, изд. Департ. тамож. сборовъ, Спб., 1899 г.) по цѣнности всего 1.576.751 руб. (противъ 2.093.366 р. въ 1896 г. и 2.485.842 р. въ 1895 г.), т. е. сильно и прогрессивно падаетъ со времени включенія бухарскихъ владѣній въ русскую таможенную черту; вывозъ этотъ состоитъ изъ „жизненныхъ припасовъ“ на 120.081 р. (въ томъ числѣ фруктовъ, орѣховъ и т. под. на 75.854 р., риса на 16.779 р., патоки и т. под. 12.474 р., „чаю всякаго“ 228 пудовъ на 9.134 р.), „сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ“ на 1.087.491 р. (кожъ не выдѣланныхъ на 577 т. р., шерсти 223 т. р., хлопка 74 т. р., лисьихъ мѣховъ и прочей „мягкой рухляди“ на 49 т. р.), „животныхъ“ на 240.682 р. (80.418 штукъ мелкаго рогатаго скота на 240.230 р.), наконецъ „издѣлій“ на 128.497 руб. (ковровъ и другихъ продуктовъ изъ шерсти 103.791 р.). Ввозъ въ Авганистанъ по русской таможенной границѣ опредѣленъ нашими оффиціальными свѣдѣніями на сумму въ 479.278 рублей (въ 1896 году 906.571 р., за 1895 г. свѣдѣній не имѣется, кромѣ цифры издѣлій на 558 т. р., сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 38 т. р. и животныхъ на 2 т. р., см. „Вѣстникъ финансовъ“ 1897 г., № 35), въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ на 13.509 р. (сахаръ, табакъ, хлѣбъ), сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ 39.267 р. (шелкъ, бумажная пряжа, желѣзо и другіе металлы, пухъ козій), наконецъ издѣлій на 426.278 р. (бумажныхъ тканей 266.941 р., льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій 126.075 р., металлическихъ издѣлій на 9.344 р.). Торговля Авганистана съ Персіей незначительна: въ

1895 году („Вѣстникъ финансовъ“, 1897 г., № 5, стр. 269) вывозъ изъ Херата въ Хорасанъ оцѣнялся въ 203 т. р. и ввозъ въ 551 т. р. (въ томъ числѣ индо-британскихъ товаровъ на 345 т. р., русскихъ, преимущественно сахару, на 163 т. р. и персидскихъ на 43 т. р.). Взявъ свѣдѣнія за послѣдній извѣстный годъ, мы видимъ изъ вышеприведеннаго, что ввозъ въ Авганистанъ составляетъ въ сложности около $4^{3}/_{4}$ милл. рупій и около 1.030.000 рублей, а вывозъ около $3^{1}/_{2}$ милл. рупій и 1.780.000 рублей, при чемъ ввозъ состоитъ изъ произведеній обработывающей промышленности, чая и сахара, вывозъ же главнѣйшимъ образомъ изъ продуктовъ скотоводства (рогатый скотъ, лошади, мулы, невыдѣланныя кожи, шерсть); въ частности большая часть вывоза въ русскія владѣнія состоитъ изъ произведеній Авганскаго Туркестана, а не изъ продуктовъ земель къ югу отъ Хиндукуша.

При выясненной приведенными данными бѣдности страны государственные ея доходы не могутъ быть значительны. По Эльфинстону (vol. 2, p.p. 258—260), въ началѣ настоящаго столѣтія, когда шахъ кабульскій владѣлъ долиною Инда, Кашмиромъ и пр., государственные доходы Авганистана оцѣнялись въ 30 милл. рупій или 3 милл. фунтовъ стерл., но изъ этой суммы 10 милл. оставались въ рукахъ вассальныхъ владѣтелей, изъ остальныхъ же 20 милл., за расходомъ на платежи главамъ племенъ, духовнымъ учрежденіямъ и пр., поступало въ казну шаха только 9 милл. рупій, которыя и употреблялись на содержаніе двора, арміи, придворнаго духовенства и пр. Въ послѣдніе годы правленія Достъ-Мохаммедъ-хана доходы достигали до 710 т. ф. ст., изъ которыхъ содержаніе арміи поглощало 430 т. ф. ст. (Юль, въ не разъ упомянутой статьѣ). По свѣдѣніямъ отъ одного министра Ширъ-Али-хана, въ 1872—1876 г.г. доходы составляли 712.968 фунт. стерл. (Statesman's Yearbook, 1898, p. 313). Самъ Ширъ-Али-ханъ, крайне повидимому преувеличенно, оцѣнялъ свои доходы въ 20 милл. рупій (Яворскій „Путешествіе“ и пр., т. 2, стр. 149), тогда какъ по точнымъ исчисленіямъ маіора Хастингса, завѣдывавшаго политическою частію при ген. Робертсѣ во время оккупаціи Кабула, доходы Авганистана при этомъ эмирѣ опредѣлились въ 7.982.390 рупій (Hensman, p. 327), четверть которыхъ (именно 1.921.195 рупій) расходовалась на военныя издержки. О доходахъ Авганистана за время нынѣшняго эмира свѣдѣній нѣтъ, но по всей вѣроятности эти доходы (помимо субсидій) близки къ 8 м. рупій, какъ при Ширъ-Али-ханѣ *), и изъ нихъ также употребляется на содержаніе арміи четверть или

*) Вѣроятно, вслѣдствіе большей силы правительства и строгости взиманія, налоги поступаютъ въ большей цифрѣ, но за-то въ послѣдніе годы таможенные сборы значительно сократились, даже противъ времени Ширъ-Али-хана. Этимъ сборамъ, достигавшимъ 106 рупій съ верблюжьяго вьюка въ 14 пудовъ, британскіе писатели приписывали обыкновенно упа-

около 2 милл. рупій. Это даетъ въ среднемъ на 1 ч. 40 рупій, если армія состоитъ изъ 50 т. ч. При раздѣленіи бюджетной суммы всѣхъ военно-сухопутныхъ расходовъ на число чиновъ всѣхъ ранговъ получается для Италіи 36 ф. стерл., Франціи болѣе 39, Англіи почти 94 ф., а содержаніе 1 пѣхотнаго солдата (безъ расходовъ на офицеровъ, на вооруженіе и вообще всѣхъ издержекъ, не касающихся непосредственно солдата) обходится во Франціи $16^1/_2$ фунтовъ стерл., въ Италіи болѣе 23, въ Германіи болѣе 22, въ Англіи болѣе $45^1/_2$ фунтовъ ст. (Journal of the R. United Service Institution, 1899, January, p.p. 96—98). Хотя афганскому солдату неизвѣстны многія потребности европейскаго солдата, а другія удовлетворяются въ несравненно меньшей степени, однако средняя въ 40 рупій столь незначительна, что расходы по вооруженію и часть другихъ относятся, безъ сомнѣнія, на счетъ получаемой эмиромъ отъ Англо-Индіи ежегодно субсидіи, достигшей съ 1894 года 1.800.000 рупій. Вмѣстѣ съ тѣмъ кажется очевиднымъ, что Афганистанъ не можетъ содержать регулярной арміи болѣе, чѣмъ въ 50—60 т. ч. за неимѣніемъ средствъ.

Что касается качествъ регулярной арміи Абдэррахманъ-хана, то, по отзывамъ англійскихъ наблюдателей, ознакомившихся съ нею во время столкновеній на русско-афганской границѣ въ 1885 году и въ Кабулѣ, армія эта не можетъ успѣшно противостоять европейскимъ военнымъ силамъ по отсутствію европейски-образованныхъ офицеровъ (The Northern Afghanistan, by Major C. E. Yate, London, 1888, p.p. 367, 368 ctr.). Относительно стрѣльбы извѣстно, что солдату выдается въ годъ для практики 4—5 пуль (Statesman's Year-book, 1898, p. 314). Повидимому армія нынѣшняго эмира имѣетъ почти тѣ же недостатки, какъ при Ширъ-Али-ханѣ.

Помимо неимѣнія финансовыхъ средствъ на содержаніе значительной регулярной арміи, сформированіе ея было бы и безцѣльно, такъ какъ, по недостатку въ странѣ продовольственныхъ средствъ и удобствъ для ихъ перемѣщенія, передвиженія туземной арміи значительнаго состава были бы столь

докъ вывоза изъ Индіи въ Афганистанъ, особенно зеленаго чая. На самомъ дѣлѣ 106 рупій съ груза верблюда не такъ уже велики, если ихъ сравнить съ русской таможенной пошлиной въ 201 р. 60 к. съ того же верблюжьяго груза (по 14 р. 40 к. съ пуда зеленаго чая). Если еще въ 1887 году, по одному русскому оффиціальному источнику («Сборникъ ...матеріаловъ по Азіи», вып. 33, 1888 г., стр. 1—7), въ Бухару привозилось изъ Индіи чрезъ Афганистанъ до 70 т. пудовъ зеленаго чаю, значительное количество индиго, кисеи и пр., всего до 100 т. пудовъ на 5.475.000 рублей, а въ 1897 году привезено лишь 228 пудовъ зеленаго чаю на 9.134 р., то сборы эмира тутъ не причемъ. Объясненіе главнымъ образомъ заключается въ томъ, что съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда чаи въ Среднюю Азію направились вмѣсто Афганистана на Персію и Закаспійскую желѣзную дорогу, а съ 1895 года,—со времени включенія Бухары въ русскую таможенную черту и дозволенія транзита чрезъ Батумъ,—по Суэзскому каналу въ Батумъ и на Закаспійскую желѣзную дорогу, все вслѣдствіе большей дешевизны и скорости перевозки, чѣмъ чрезъ Афганистанъ.

же почти затруднительны или невозможны, какъ и для иностранныхъ войскъ. Противъ всякой авганской регулярной арміи Англо-Индія въ состояніи выставить армію не меньшей численности, но несравненно лучше вооруженную, командуемую и снабжаемую. Не въ регулярной войнѣ при помощи регулярной арміи, а, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ Кавказа и опытъ англо-авганскихъ войнъ, только въ народной войнѣ можетъ авганскій народъ оказать громадное и многолѣтнее сопротивленіе всякому врагу. Въ такой войнѣ небольшая регулярная армія можетъ принести оборонѣ драгоцѣнную помощь, въ особенности своею артиллеріею, но главнымъ агентомъ являются ополченія воинственнаго и одушевленнаго любовью къ независимости и ненавистью къ врагу народа, отстаивающаго шагъ за шагомъ горныя твердыни родной страны и неустанно нападающаго на силы непріятеля, въ особенности же на его сообщенія, транспорты и охраняющія ихъ мелкія части войскъ. Въ январѣ 1880 года, единственный частный газетный корреспондентъ при только-что испытавшемъ мощь авганскихъ народныхъ ополченій отрядѣ генерала Робертса сообщалъ въ свои газеты слѣдующій, вѣроятно внушенный въ отрядномъ штабѣ, планъ воспользоваться авганами для обороны Индіи; „Когда Авганистанъ обратится въ вассальное государство, руководимое англо-индійскимъ правительствомъ, и народъ убѣдится въ выгодахъ союза съ англичанами", то Англія получитъ въ немъ громадную милицію; все населеніе будетъ вооружено заряжающимися съ казны ружьями, будетъ ежегодно собираемо на короткое время для обученія, съ раздачею для учебной стрѣльбы, на глазахъ офицеровъ, обильнаго количества патроновъ, и образуетъ собою великолѣпный (splendid) военный матеріалъ; при роспускѣ съ учебныхъ сборовъ, „людямъ будутъ оставляемы ихъ ружья, но безъ патроновъ, которые будутъ выдаваться на руки лишь по распоряженію офицеровъ", конечно англійскихъ (Hensman, p.p. 332—333).

Сравнительно съ Авганистаномъ финансовыя средства Англо-Индіи неизмѣримо громадны. Отпускная торговля Индіи исчислена за 189⁸/₉ финансовый годъ въ 1.127 милл. рупій, при привозѣ почти въ 685 м. рупій (1 рупія равняется 67 к., см. «Вѣстникъ финансовъ», 1899 г. № 45, 7 ноября), тогда какъ, напр., весь внѣшній вывозъ Россіи составлялъ въ 1897 г. только 484,4 милл. рублей и привозъ 373,3 м. р. Если принять въ соображеніе, что львиная доля отпуска и привоза Индіи направляется въ Англію и обратно; что индійскій бюджетъ уплачиваетъ ежегодно правящимъ страною англійскимъ чиновникамъ 200 милл. рупій и что индійская казна отпускаетъ 17 милл. ф. стерл. на расходы метрополіи (The Westminster Review, 1897, vol. 148, p.p. 406—407), то эти факты дадутъ лишь частичное и слабое понятіе о преобладающемъ значеніи Индіи въ образованіи и возрастаніи богатства и благосо-

стоянія Англіи. Лишиться Индіи съ ея громадными ресурсами и 300 милл. населенія (по переписи 1891 г. болѣе 287 милл. душъ, но приростъ за предшествовавшее десятилѣтіе въ 33 м. душъ убѣждаетъ, что въ настоящее время населеніе уже далеко превысило цыфру въ 287 м.) значило бы для Англіи потерять главнѣйшій источникъ ея благосостоянія и положеніе міровой державы, такъ какъ связи ея съ колоніями слишкомъ слабы и съ утратою Индіи Англіи предстоитъ занять въ политическомъ отношеніи роль немного болѣе значительную, чѣмъ та, какую, напр., имѣетъ Голландія съ Бельгіей. При владычествѣ Англіи на моряхъ, британская имперія знаетъ теперь только одну «границу» — отъ Памировъ до Персидскаго залива: It is the Achilles heel of the Empire, the one vulnerable point (Imp. and Asiatic Quarterly Review, 1899, July, p. 42). Понятно, что Англія не щадитъ средствъ подвластной Индіи для предупрежденія опасностей на «границѣ». Такъ, съ 1877 года до 1897 года израсходовано на укрѣпленіе и распространеніе владычества Англіи на сѣверо-западной границѣ Индіи 714.500.000 рупій сверхъ обыкновенныхъ расходовъ на содержаніе арміи; въ эту сумму входятъ 21 м. ф. стерл., израсходованныхъ на войну съ Авганистаномъ въ 1878—1880 г.г., изъ которыхъ Англія дала изъ своихъ средствъ только 5 м. ф. стерл. (Westminster Review, vol. 148, 1897, p. 403). Если бы была возможность обратить Авганистанъ и его населеніе въ прочный и вѣрный навсегда оплотъ Индіи цѣною единовременныхъ финансовыхъ затратъ, то едва ли бы размѣръ ихъ могъ остановить Англію: можно бы удвоить, даже утроить государственный долгъ Индіи (къ 1897 году около 232 м. ф. ст.), и сама Англія могла бы на много увеличить свою задолженность (въ 1897 г. долгъ ея составлялъ лишь $640^{3}/_{4}$ м. ф. ст., съ ежегоднымъ расходомъ на проценты и погашеніе въ 25 м. изъ государственныхъ доходовъ въ $106^{1}/_{2}$ м. ф. стерл.). Богатства Соединеннаго королевства опредѣлялись въ 1895 году въ 11.806.000.000 ф. ст.; цѣнность имуществъ и капиталовъ, принадлежащихъ британскимъ подданнымъ внѣ королевства, оцѣняютъ отъ 2 до 5 милліардовъ ф. ст., съ ежегоднымъ доходомъ отъ 22 до 50 милліоновъ ф. стерл. (The Contemporary Review, 1899, July, The Imperialism of British Trade). Но для покоренія Индійскаго «Кавказа» потребуется не единовременный расходъ, а постоянныя огромныя жертвы въ продолженіи десятковъ лѣтъ, такъ какъ свойства страны и ея воинственнаго населенія дозволяютъ оборонять ее многіе годы противъ тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя въ состояніи выставлять Англо-Индія. Между тѣмъ многолѣтніе и огромные непроизводительные расходы на безконечную войну, большое увеличеніе налоговъ, финансовые и промышленные кризисы неизбѣжно вызовутъ истощеніе и раззореніе Индіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Англіи.

Недостаточная численность англо-индійской арміи и невозможность значи-

тельнаго ея увеличенія представляются однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій для успѣшности борьбы Англіи съ афганами. Опытъ 1897 г. выяснилъ, что война только съ пограничными племенами, возстававшими разновременно и дѣйствовавшими разрозненно, потребовала выставленія на границу 60—70 т. ч. изъ англо-индійской арміи, причемъ дѣйствовало противъ непріятеля въ каждое данное время не болѣе 10—30 т. ч., остальныя же войска необходимы были для удержанія отъ возстаній недавно усмиренныхъ или собиравшихся начать непріязненныя дѣйствія племенъ. При войнѣ съ объединенными авганами едва будетъ достаточно 100 т. ч. для обороны британскихъ земель по сѣверо-западной границѣ Индіи отъ вторженій горцевъ на 800 миляхъ ея протяженія, тѣмъ болѣе, что возстаніе вѣроятно обниметъ многія племена белучжей и брахуи, и сторону авгановъ примутъ многіе патаны и другіе мусульмане англо-индійской территоріи. Эти 100 т. ч. будутъ во все продолженіе войны прикованы къ британской сторонѣ границы и для наступленія въ авганскіе предѣлы понадобятся неизбѣжно другія войска въ числѣ тоже около 100 т. ч., такъ какъ для сколько-нибудь успѣшнаго дѣйствій противъ арміи эмира въ 50 т. ч., а съ резервными въ 100 или даже 150 т., вспомоществуемой ополченіями, необходимо по крайней мѣрѣ 50 т. ч. и столько же надо употребить для охраненія сообщеній. Разумѣется 50 т. активно дѣйствующихъ войскъ не въ состояніи будутъ уничтожить сопротивленіе 3½ милліоннаго воинственнаго горнаго народа, отстаивающаго свое существованіе, скорѣе, чѣмъ въ десятокъ или болѣе лѣтъ, а потому на одно пополненіе убыли двухсотъ-тысячной арміи отъ болѣзней, помимо боевыхъ потерь, понадобится ежегодно 25—50 т. ч., такъ какъ индійскія войска сильно страдаютъ отъ климата и условій жизни горныхъ странъ. И такъ для войны съ объединеннымъ авганскимъ народомъ Англіи необходимо будетъ выставить по крайней мѣрѣ 200 т. ч., и комплектовать эту армію десятки, быть можетъ, лѣтъ. Между тѣмъ вся англо-индійская армія состоитъ въ настоящее время изъ 214 т. ч., въ томъ числѣ около одной трети англичанъ. Къ этой цыфрѣ можетъ быть добавлено около 18 т. такъ называемыхъ «имперскихъ войскъ», содержимыхъ на счетъ туземныхъ владѣтелей, но мало разнящихся отъ британскихъ туземныхъ войскъ. Съ призывомъ резервныхъ, образованіе которыхъ началось лишь нѣсколько лѣтъ и численность которыхъ не велика, вся англо-индійская армія можетъ быть съ трудомъ доведена до цыфры немного болѣе 250 т. ч. Дальнѣйшее ея увеличеніе представитъ едва ли одолимыя трудности, такъ какъ, по указаніямъ опыта, вербовка во время войнъ съ авганами у туземцевъ Индіи бываетъ безуспѣшна. Для гарнизоновъ внутри Индіи и на другихъ ея границахъ, а также для предупрежденія возстаній и подавленія смутъ въ самой Индіи необходимы по крайней мѣрѣ 150 т., такъ что за Indъ можетъ быть дано изъ состава индійской

арміи никакъ не болѣе 100 т. ч., которые едва будутъ достаточны для чисто оборонительной войны. 100 т. ч. для наступленія въ предѣлы Авганистана должна будетъ доставить сама Англія, постоянная армія которой въ настоящее время едва доходитъ до 165 т. ч., въ томъ числѣ 75 т. ч. въ Индіи; гарнизоны въ Египтѣ и въ разныхъ стратегическихъ пунктахъ, захваченныхъ Великобританіею по всему свѣту, также требуютъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Въ результатѣ, чтобы послать до 100 т. ч. въ южную Африку для войны съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, пришлось созвать не только всѣхъ резервныхъ (считалось до 80 т. ч. къ началу 1899 г.) но частью и милицію, которая однако не можетъ быть употребляема внѣ Европы. Начало войны показало уже, что раздавить двѣ маленькія республики не такъ легко, какъ ожидалось, и что, чѣмъ бы война ни кончилась, Англіи надолго предстоитъ бороться съ голландскимъ населеніемъ южной Африки за обладаніе страною и содержать здѣсь 25—50 т. лучшаго войска, дабы усмирять возстанія буровъ, если они будутъ побѣждены въ первой войнѣ, или защищать отъ нихъ Капскую колонію и другія свои владѣнія съ голландскимъ населеніемъ, если война кончится признаніемъ независимости Трансваальской и Оранжевой республикъ. Во всякомъ случаѣ имперіалистская политика въ южной Африкѣ значительно увеличила трудности для Англіи выслать нужные для успѣшной войны съ авганами 100 т. ч.

Чѣмъ менѣе будетъ выставлено Англіею войскъ для наступательныхъ дѣйствій въ Авганистанѣ, тѣмъ война будетъ продолжительнѣе и раззорительнѣе. Доводя къ 1815 году свой долгъ до колоссальной по тому времени цыфры въ 861 м. ф. стерл., Англія завоевывала владычество на моряхъ и рынки всего міра для своей промышленности и торговли, захватывала колоніи европейскихъ державъ и обезпечивала безспорное обладаніе Индіею. Истощая и раззоряя Индію и подрывая собственное благосостояніе для покоренія Авганистана, Англія лишь ослабитъ свои силы и средства, необходимыя для обороны Индіи отъ нападенія Россіи, которое будетъ не затруднено, а облегчено сокрушеніемъ или истребленіемъ авганскаго народа, если бы оно и было осуществлено цѣною громаднѣйшихъ для того жертвъ. По вѣрному замѣчанію В. Т. Лебедева, для успѣшности русскаго похода на Индію необходимо или покорить Авганистанъ, «или заключить съ авганскимъ эмиромъ союзъ съ условіемъ оккупаціи его государства нашими войсками. Покореніе Авганистана—дѣло весьма трудное; это будетъ повтореніе завоеванія Кавказа, только при болѣе невыгодныхъ условіяхъ, такъ какъ англичане будутъ снабжать нашихъ противниковъ усовершенствованнымъ оружіемъ и инструкторами» («Въ Индію. Военно-статистическій и стратегическій очеркъ. Проектъ будущаго похода», Спб., 1898 г., стр. 79 и 80). Отвергая такимъ образомъ, повидимому, покореніе

авгановъ, г. Лебедевъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и союзъ съ ними, во первыхъ, невыгоденъ, и во вторыхъ, мало вѣроятенъ. Въ виду невозможности ни покоренія Авганистана, ни союза съ нимъ, г. Лебедеву надлежало опредѣлить условія возможности похода на Индію, при враждебности Авганистана, но, къ значительному ущербу его труда, этого не сдѣлано. Между тѣмъ, при враждебности Авганистана, походъ на Индію представляетъ трудности чрезвычайныя и почти никакихъ шансовъ для прочныхъ успѣховъ, такъ какъ даже при одной операціонной линіи на Кандахаръ (движеніе на Кабулъ конечно совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста) охрана сообщеній между Хератомъ и Индомъ сдѣлается задачей невыполнимой или неимовѣрно трудной, а движеніе за Индъ невозможнымъ или чрезмѣрно рискованнымъ. При враждебности авгановъ къ Англіи и при союзѣ съ ними Россіи, походъ въ Индію будетъ дѣломъ труднымъ, но исполнимымъ; при нейтралитетѣ Авганистана, походъ этотъ гораздо болѣе труденъ и рискованъ, при враждебности же авгановъ къ Россіи и союзѣ ихъ съ Англіею походъ въ Индію имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ. Мнѣніе свое о невыгодности союза съ авганами г. Лебедевъ мотивируетъ лишь тѣмъ, что «дѣйствуя съ ними въ союзѣ, Россіи придется, сдѣлавъ громадныя затраты, ограничиться только платоническимъ желаніемъ нанести вредъ англичанамъ» (стр. 80 и 81). Такъ какъ, въ случаяхъ враждебныхъ столкновеній съ Англіею въ Европѣ и Азіи, Россія можетъ нанести ей чувствительные удары только въ Индіи и такъ какъ союзъ съ Авганистаномъ необходимъ для похода въ Индію, то этотъ союзъ дастъ возможность нанести Англіи не «платоническій», а самый дѣйствительный вредъ, который въ случаѣ нужды можетъ состоять въ полной для нея потерѣ Индіи или въ освобожденіи отъ ея владычества болѣе или менѣе значительной ея части. Намѣчая условія союза съ Авганистаномъ, г. Лебедевъ полагаетъ потребовать отъ эмира согласія на занятіе важнѣйшихъ пунктовъ страны русскими гарнизонами, на содѣйствіе авганскихъ войскъ и племенъ и на отдачу Россіи Хератской и Кандахарской областей; взамѣнъ эмиру могутъ быть обѣщаны: расширеніе границъ Авганистана вплоть до р. Инда, гарантія въ полной независимости Авганистана и извѣстная денежная субсидія. «Мало вѣроятія, что союзъ на этихъ условіяхъ состоится»—замѣчаетъ г. Лебедевъ; «развѣ только сознаніе своего безсилія и невозможности бороться съ могуществомъ Россіи, а также личная выгода—сохранить престолъ, заставитъ эмира принять ультиматумъ» (стр. 81). Къ этому г. Лебедевъ добавляетъ, что «независимость Авганистана, охваченнаго съ трехъ сторонъ нашими владѣніями, окажется номинальною и не будетъ помѣхою для нашихъ дальнѣйшихъ задачъ въ средней и южной Азіи» (стр. 81).

При обсужденіи отношеній Россіи къ Авганистану необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) Россія уже дважды, чрезъ своихъ послан-

цевъ, въ 1838 и въ 1878 г.г. предлагала Авганистану союзъ противъ Англіи, получала согласіе, навлекала этимъ оба раза нашествіе на Авганистанъ Англіи и оставляла его безъ помощи, такъ что «авганцы повѣрятъ нашему будущему посольству только въ томъ случаѣ, если слѣдомъ за нимъ пойдетъ наша армія» (И. Л. Яворскій «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану» и пр., Спб., 1883 г., т. 2, стр. 387). 2) Участь народовъ Кавказа и средней Азіи столь же мало завидна для авгановъ, какъ и положеніе народовъ Индіи, и нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ защищать свою независимость совершенно одинаково какъ противъ Россіи, такъ и противъ Англіи. 3) За свою независимость авганы естественно могутъ больше питать опасеній со стороны Россіи, чѣмъ со стороны болѣе слабой, въ качествѣ военной державы, Англіи, тѣмъ болѣе, что полувѣковой слишкомъ опытъ показалъ, что Англія можетъ довольно вѣрно и строго уважать внутреннюю независимость и самостоятельность управленія во владѣніяхъ эмира. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, союзъ Авганистана съ Россіею возможенъ только въ случаѣ войны его съ Англіею и необходимости въ чужой помощи для защиты своей независимости. Война съ Англіею, какъ знаемъ мы, весьма возможна, и при господствѣ въ правительствѣ и общественномъ мнѣніи Англіи имперіализма является лишь вопросомъ времени. При неминуемомъ возстаніи пограничныхъ племенъ, вслѣдствіе новыхъ попытокъ къ ихъ подчиненію и овладѣнію ихъ землями, Авганистанъ долженъ будетъ принять сторону своихъ единоплеменниковъ и тогда прибѣгнетъ къ помощи и союзу Россіи, но на условіяхъ, не угрожающихъ его независимости. Въ крайности онъ вѣроятно согласится на уступку Россіи Херата, гдѣ коренное населеніе не-авганское, въ обмѣнъ на Пишаверъ и земли до Инда, но отдача Кандахарской области, гдѣ находятся земли дураніевъ и часть гильджійскихъ, если бы и состоялась по волѣ эмира, никогда не получитъ утвержденія авганскаго народа и сдѣлается источникомъ вражды въ Россіи и неискоренимымъ зародышемъ Индійскаго «Кавказа», обращеннаго противъ Россіи. Проходъ русскихъ войскъ чрезъ авганскія земли въ союзной войнѣ противъ Англіи можетъ, конечно, оказаться неизбѣжнымъ, но постоянное занятіе авганскихъ центровъ русскими гарнизонами не можетъ быть допущено, не вызывая опасеній за независимость и враждебныхъ столкновеній съ населеніемъ. Такъ какъ для Россіи было бы крайнимъ неразуміемъ создавать противъ себя новый Кавказъ, который несомнѣнно получитъ для борьбы съ нею поддержку во всѣхъ силахъ и средствахъ Англіи, то единственнымъ путемъ для уклоненія Россіи отъ той горькой и пагубной чаши, къ которой неудержимо влечетъ Англію ея политика, можетъ быть лишь твердая и неизмѣнная рѣшимость Россіи строго и вѣрно уважать независимость авганскаго народа и неприкосновенность вѣковыхъ его земель. Сообразно съ этимъ, сколь бы ни выгодно было въ военномъ отношеніи обла-

даніе Кандахаромъ и его округомъ, Россіи вѣроятно придется ограничиться пріобрѣтеніемъ, отъ Херата чрезъ Сеистанъ и низовья Хильменда къ Кветтѣ и Инду, лишь полосы земли, необходимой для желѣзной дороги и опорныхъ пунктовъ.

Разумѣется и Англія могла бы освободиться отъ созидаемаго ею для себя Индійскаго «Кавказа» передачею пограничныхъ племенъ и ихъ территоріи авганскому эмиру, согласно его и ихъ желаніямъ, какъ намекали нѣкоторые противники «наступательной политики», не рѣшаясь прямо высказать это предложеніе изъ опасенія задѣть британскую гордость и возбудить противъ себя всѣхъ «джинго». Выговоривъ при этой передачѣ право устройства укрѣпленій въ нѣкоторыхъ точно опредѣленныхъ стратегическихъ пунктахъ Сулеймановыхъ горъ и проведенія къ этимъ укрѣпленіямъ дорогъ, съ обязательствомъ для эмира охраны ихъ безопасности со стороны мѣстнаго населенія, Англія устранила бы важнѣйшіе поводы къ враждебности и ненависти горцевъ. Несмотря на умноженіе пограничныхъ постовъ и карательныя экспедиціи, Англія не могла прекратить набѣги горцевъ на свою территорію. Не легко будетъ, на первыхъ порахъ, достигнуть этого и эмиру, но не можетъ быть сомнѣнія, что мѣрами власти и строгости, которыя племена не переносятъ отъ британскихъ властей, но стерпятъ со стороны національнаго государя—мусульманина, эмиръ въ состояніи прекратить пограничные набѣги и низвести правонарушенія на границѣ до предѣловъ обыкновенныхъ ссоръ, кражъ и похищеній. За вѣрность эмира союзу противъ нашествія съ сѣвера, Англо-Индіи нѣтъ основаній опасаться, такъ какъ Авганистанъ естественно болѣе можетъ страшиться покушеній на свою независимость со стороны Россіи, и притомъ, относительно субсидій, по вѣрному разсужденію сэра Лепель Гриффина и его правительства въ 1880 году, Англія всегда можетъ «дать эмиру больше, чѣмъ въ состояніи предложить ему Россія» (Asiatic Quarterly Review, 1888, October, p. 249)

Весьма мало однако вѣроятно, чтобы Англія избрала указываемый путь наилучшаго для обѣихъ сторонъ установленія своихъ отношеній къ авганскому народу. По традиціонной привычкѣ къ политикѣ попирательства чужихъ правъ, своекорыстія и насилія, англійскія правящія сферы и руководимое ими общественное мнѣніе не могутъ смотрѣть на передачу эмиру пограничныхъ авганскихъ племенъ съ ихъ землями иначе, какъ на дѣло невозможное: отдача въ чужія руки Сулеймановыхъ горъ, т. е. лучшей естественной преграды противъ нашествія на Индію, была бы, въ ихъ глазахъ, полнымъ безуміемъ и непростительной слабостью.

Конечно всѣ государства во взаимныхъ отношеніяхъ преимущественно руководствуются собственными интересами, но рѣдкія отличаются такой степенью

своекорыстной жадности и такой наклонностью къ насилію, какъ Англія. Причины этого заключаются въ исторіи и расовыхъ особенностяхъ англійскаго народа.

Переправившіеся съ материка Европы и завоевавшіе южную половину Британскаго острова, англо-саксы были въ XI вѣкѣ въ свою очередь покорены франко-норманнами. Образовавшійся изъ смѣшенія аборигеновъ и послѣдовательно завоевывавшихъ страну кельтовъ, англо-саксовъ, датчанъ и нормандцевъ, англійскій народъ *) подчинилъ себѣ долго защищавшіеся кельтскіе Уэльсъ и Ирландію, а также Шотландію. Основанное на усиленной эксплуатаціи порабощеннаго населенія двухъ островов, благосостояніе и могущество Англіи, каково бы ни было развитіе ея промышленности и торговли, отнюдь не могли бы, вслѣдствіе незначительности территоріи и населенія, достигнуть нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ, если бы въ XVIII и XIX столѣтіяхъ она не захватила множества острововъ и странъ въ разныхъ частяхъ свѣта и не подвергла ихъ населенія усиленной эгоистичной эксплуатаціи. Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній, вслѣдствіе попытокъ такой же эксплуатаціи, побудило Англію отказаться отъ прямой финансовой эксплуатаціи колоній съ европейскимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что коронное управленіе ими поглощало всѣ доходы и часто требовало приплатъ, почему предоставленіе колоніямъ самоуправленія вызывалось и финансовыми выгодами, но въ отношеніи къ главнѣйшему изъ ея захватовъ, къ главному источнику ея богатства, къ Индіи, Англія продолжаетъ и понынѣ держаться системы непосредственнаго управленія и усиленной эксплуатаціи. Первые двадцать лѣтъ англійскаго владычества въ Индіи представляли собою почти сплошной грабежъ и безумную погоню за милліонами; англичане отнюдь не уступали въ этомъ испанскимъ завоевателямъ Перу и Мексики, съ тѣмъ различіемъ, что испанскіе грабители по крайней мѣрѣ долго оставались въ странѣ и иногда водворялись въ ней совсѣмъ, тогда какъ англійскіе, заграбивъ все воз-

*) Извѣстный антропологъ Топинаръ склоненъ видѣть въ аборигенахъ Англіи вѣтвь смуглой и длинноголовой средиземноморской расы (L'Anthropologie et la Science sociale, par Paul Topinard. Paris, 1900, p.p, 547, 152). По его мнѣнію, короткоголовые кельты, родственные славянамъ, составляютъ вмѣстѣ съ ними очень древнее отвѣтвленіе желтой расы (p. 228), съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Дѣля народы на эгоистическіе или практическіе и альтрюистическіе или сантиментальные, и считая типомъ первыхъ англичанъ, а вторыхъ— французовъ, онъ полагаетъ, что оба народа составились изъ смѣшенія однихъ и тѣхъ же трехъ расъ (средиземноморской, кельтской и длинноголовой, высокорослой и бѣлокурой—blonde—скандинавской и сѣверо-германской), разница же въ ихъ характерахъ произошла отъ преобладанія въ составѣ англійскаго народа скандинаво-германской расы и отъ счастливой пропорціи смѣшенія тѣхъ же трехъ расъ во французскомъ народѣ, изъ каковыхъ расъ первая (средиземноморская) представляетъ собою альтрюистическій, вторая (кельтская) положительный, практическій, но неэгоистичный, и третья положительный и эгоистичный элементы (p.p. 538—540, 544, 547—549). Топинаръ не указываетъ антропологическихъ основъ различныхъ характеровъ расъ. При настоящемъ положеніи научныхъ знаній, мнѣ кажется возможнымъ искать пока причины этихъ различій въ отличіяхъ физіологическихъ основъ расовыхъ темпераментовъ.

можное, спѣшили возвратиться со всею своею добычею въ Англію, уступая мѣсто новой смѣнѣ грабителей, которая поступала точно также (L'Inde d'aujourd'hui d'après les ecrivains indiens, par M. Augustin Filon, въ Revue des deux mondes, 1899, 15 Novembre, p.p. 383, 384). Съ прибытіемъ, въ 1786 году, лорда Корнуэльса,—перваго генералъ-губернатора, назначеннаго короной,—эксплуатація начала постепенно регулироваться и принимать приличныя по внѣшности формы, но въ существѣ система осталась та же самая и понынѣ (тамъ же). Одинъ англійскій писатель опредѣлилъ чистые барыши отъ обладанія Индіею до 1838 года въ 700 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; въ настоящее время оцѣняютъ ихъ въ 30 м. ф. ст. ежегодно (тамъ же, p. 385), не считая конечно выгодъ, которыми пользуется отъ индійскаго рынка англійская торговля и промышленность, а также капиталисты, затрачивающіе свои капиталы на разныя предпріятія въ Индіи и получающіе проценты на государственные долги Индіи. Одинъ изъ вице-королей Индіи лордъ Уильямъ Бентинкъ утверждалъ, что англичане заставили туземцевъ Индіи жалѣть во многихъ отношеніяхъ о прежнемъ мусульманскомъ владычествѣ. Туземные писатели дѣйствительно находятъ, что прежніе завоеватели постепенно возвращали странѣ большую часть награбленнаго при завоеваніи, Англія же, «вмѣсто продолжавшагося часъ грабежа, обираетъ 150 лѣтъ методически правильно и прогрессивно; вмѣсто избіенія послѣ проиграннаго рѣшительнаго сраженія, народъ осужденъ на медленную смерть, будучи запертъ въ Башнѣ Голода и притомъ—о ужасъ!—размножаясь, ибо при страшной смертности рождаемость еще ужаснѣе». При всемъ томъ, «если бы англичанамъ пришла фантазія сѣсть на корабли въ Бомбеѣ и предоставить Индію ея собственной участи, они нашли бы, по прибытіи въ Аденъ, телеграмму, приглашающую ихъ возвратиться,» потому что туземцы Индіи не могли бы безъ нихъ обойтись (тамъ же, p.p. 389, 390). Не довольствуясь преимуществами и богатствами отъ обладанія Индіею и другими захватами во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія не упускала никакихъ случаевъ и не отказывалась ни отъ какихъ насилій для уничтоженія морской торговли и военныхъ флотовъ другихъ державъ, и благодаря этому сдѣлалась въ XIX столѣтіи владычицею морей и міровой торговли. Недостатокъ войскъ для сухопутной войны не дозволилъ ей употребить силу для господства на внутреннихъ рынкахъ европейскихъ державъ, но въ другихъ частяхъ свѣта она ничѣмъ не стѣснялась для открытія и эксплуатаціи рынковъ. По словамъ прусскаго исторіографа Трейчке, «это Англія вела самую отвратительную войну, какую когда—либо предпринималъ христіанскій народъ»,—войну для вынужденія Китая къ допуску англо-индійскаго опіума, отравляющаго китайское населеніе.

То же чрезмѣрное преобладаніе корысти и насилія характеризуетъ внутреннюю исторію Англіи. Ограничивъ болѣе сильную въ Англіи, чѣмъ на мате-

рикѣ Европы, королевскую власть, феодальные бароны постепенно усилили значеніе и права парламента, верхняя палата котораго и понынѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ ихъ потомковъ по праву первородства, съ добавленіемъ главъ родовъ служебной и имущественной аристократіи, а нижняя палата многіе вѣка составлялась изъ младшихъ членовъ тѣхъ же олигархическихъ родовъ, избираемыхъ въ эту палату общинъ вслѣдствіе имущественнаго и политическаго преобладанія въ странѣ олигархіи. Лишь во второй четверти XIX вѣка торговые и промышленные классы, опираясь на народную массу, вынудили олигарховъ дать народу нѣсколько большее вліяніе на составъ нижней палаты, но, получивъ долю власти, значительная часть бароновъ торговли, промышленности и капитала вступила съ земельными олигархами въ союзъ противъ рабочихъ классовъ. По этой и другимъ причинамъ, демократизація политическаго и общественнаго устройства Англіи совершается съ весьма большой медленностью. Весьма важное значеніе долженъ имѣть здѣсь, мнѣ кажется, расовый темпераментъ англійскаго народа.

Флегматическій или лимфатическій темпераментъ англо-саксонской расы, характеризующійся «медленными, но сильными реакціями нервной системы *),» имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Медленность нервныхъ реакцій даетъ разсудку большее время для обсужденія рѣшеній, а сила реакцій вліяетъ на твердость и энергію исполненія этихъ рѣшеній; въ результатѣ англичане отличаются практичностью и энергіею своей дѣятельности. Но съ другой стороны разсчетливость и практичность ведутъ къ преобладанію эгоизма, медленность же нервныхъ реакцій легко переходитъ въ косность, а сила ихъ въ упорство въ этой косности и въ упрямое противодѣйствіе всему новому: англійскій консерватизмъ коренится, между прочимъ, въ особенностяхъ расоваго темперамента. Будучи предпріимчивъ и энергиченъ въ дѣятельности, направленной къ личному обогащенію, англичанинъ склоненъ къ консерватизму въ отношеніяхъ соціальныхъ и политическихъ, боится новшествъ и упорно держится традиціонныхъ принциповъ. Когда стремленіе къ обогащенію преобладаетъ, деньги естественно дѣлаются кумиромъ, бѣдность порокомъ. Эмерсонъ приводитъ слѣдующія слова Нельсона: «Недостаточность состоянія есть преступленіе, котораго я не могу простить» (Revue des deux mondes, 1899, 15 Novembre, p. 477). По замѣчанію Сиднея Смита, «въ Англіи бѣдность позорна» (тамъ же). Такъ какъ эксплуатація другихъ народовъ и вообще слабѣйшихъ есть древнѣйшій и простѣйшій источникъ для обогащенія, то презрѣніе къ чужимъ правамъ и насиліе являются коренными основами англійской политики. По словамъ А. Фуилье, величайшій ораторъ Англіи въ послѣднемъ столѣтіи заявлялъ: «Мы прекратимъ

*) По Вундту. См. проф. И. Т. Оршанскаго «Темпераментъ и характеръ» въ журналѣ «Жизнь», 1899 г., іюль.

свое существованіе, если будемъ справедливы хотя одинъ день» (Revue des deux mondes, 1899, 1 Decembre, p. 581).

Обѣ политическія партіи, попеременно правящія Англіею, имѣютъ своими руководителями членовъ олигархіи, продолжающей фактически удерживать въ своихъ рукахъ политическую власть, хотя численное преобладаніе на выборахъ въ палату общинъ уже нѣсколько десятилѣтій принадлежитъ народной массѣ. Различіе между той и другой партіями заключается главнымъ образомъ въ томъ, что виги или либералы стремятся къ постепенному упраздненію олигархическихъ привиллегій, къ демократизаціи политическаго и соціальнаго строя и къ улучшенію экономическаго положенія народной массы; тори или консерваторы упорно отстаиваютъ всѣ олигархическія привиллегіи и противодѣйствуютъ всѣмъ реформамъ, въ случаѣ же видимой невозможности избѣгнуть ихъ, нерѣдко сами проводятъ требуемыя общественнымъ мнѣніемъ реформы, дабы урѣзать ихъ на сколько возможно и удержать въ своихъ рукахъ власть. Во внѣшней политикѣ либералы стоятъ обыкновенно на сторонѣ мира, необходимаго для внутреннихъ реформъ, и не чужды склонности къ нѣкоторому примѣненію и во внѣшнихъ отношеніяхъ началъ справедливости и уваженія правъ слабѣйшихъ, во имя которыхъ требуютъ они внутреннихъ реформъ; консерваторы, напротивъ, держатся во внѣшней политикѣ традиціонныхъ своекорыстія и презрѣнія къ чужимъ правамъ, не опирающимся на достаточную силу.

Убѣдившись, что непримиримая враждебность въ продолженіе вѣковъ эксплуатировавшихся ирландцевъ *) парализируетъ въ парламентѣ проведеніе необходимѣйшихъ реформъ и можетъ быть крайне опасна въ случаѣ неудачной внѣшней войны, гуманнѣйшій и дальновиднѣйшій изъ англійскихъ государственныхъ людей Гладстонъ поставилъ, во второй половинѣ весьмидесятыхъ годовъ, во главѣ политической программы либеральной партіи дарованіе Ирландіи самоуправленія съ особымъ парламентомъ. Наиболѣе пропитанные духомъ традиціоннаго своекорыстія и насилія, члены либеральной партіи отдѣлились и вступили въ коалицію съ консерваторами, но масса партіи осталась вѣрною своему вождю, не столько повидимому по убѣжденію, сколько изъ дисциплины. Однако, когда проведенный въ палатѣ общинъ ирландскій билль былъ отвергнутъ палатою лордовъ и на выборахъ въ палату общинъ въ 1895 году противники либераловъ, поставившихъ своею программою самоуправленіе Ирландіи и упраздненіе

*) Явилась пословица «убійство ирландца не есть преступленіе» (It is no felony to kill an Irishman). Въ царствованіе Елизаветы, въ нѣсколькихъ ирландскихъ округахъ было произведено систематическое уничтоженіе всѣхъ животныхъ и культуры, чтобы уморить голодомъ населеніе, которое нельзя было истребить инымъ путемъ. Современный поэтъ Спенсеръ описалъ, съ чувствомъ удовольствія, страшныя мученія погибавшихъ отъ этого искусственно устроеннаго голода (A. Fouillée, Revue des deux mondes, 1899, 1 Décembre. p. 582).

или реформу палаты лордовъ, одержали побѣду, то и въ рядахъ либераловъ восторжествовало мнѣніе о несвоевременности обѣихъ предположенныхъ реформъ, вслѣдствіе неодобренія ихъ большинствомъ англійскаго народа. На самомъ дѣлѣ попытка Гладстона достигнуть примиренія съ ирландцами сдѣлана была весьма своевременно, ибо устраненіе этой вражды было очень важно въ виду вскорѣ выяснившихся весьма неблагопріятныхъ для Англіи міровыхъ событій и теченій, угрожающихъ ея торговому и промышленному преобладанію, а съ нимъ и ея благосостоянію и могуществу. Такъ, возвращеніе многихъ европейскихъ державъ къ протекціонизму сократило или остановило сбытъ въ ихъ предѣлахъ произведеній англійской промышленности. Въ то же время необыкновенно быстрое и успѣшное развитіе промышленности Соединенныхъ Штатовъ и Германіи создало весьма опасное для англійской промышленности и торговли соперничество, такъ какъ произведенія этимъ странъ отнимаютъ у Англіи находившіеся въ обладаніи рынки и отчасти успѣшно конкурируютъ съ англійскими издѣліями въ самой Англіи. На поприщѣ завладѣнія остававшимися независимыми внѣ-европейскими странами, съ цѣлію обезпеченія за собою ихъ рынковъ, Англія встрѣтила могучихъ и счастливыхъ соперниковъ во Франціи, которая распространила свои владѣнія въ Индо-Китаѣ, пріобрѣла Мадагаскаръ и захватила огромныя пространства въ Африкѣ, сдѣлавъ даже попытку утвердиться въ верховьяхъ Нила, и въ Германіи, которая также заняла въ Африкѣ изрядные куски. Еще хуже для Англіи идетъ раздѣлъ Китая, формально начатый германскимъ захватомъ Цяо-чжеу, за которымъ послѣдовали занятіе Россіею Портъ-Артура и французскія пріобрѣтенія въ южномъ Китаѣ. Англіи пришлось удовольствоваться завладѣніемъ Вэй-хай-вэемъ, въ качествѣ противовѣса Портъ-Артуру, и притязаніями на бассейнъ Янъ-цзы-цзяна, а, выступившая подъ ея протекціею для полученія частицы китайскаго пирога, Италія потерпѣла рѣшительное фіаско. Весь этотъ рядъ неудачъ и остановка непрерывнаго доселѣ возрастанія вывоза изъ Англіи естественно возбудили не только въ политическихъ кругахъ, но и въ торговыхъ и промышленныхъ понятныя опасенія за будущее. Разумѣется, всего разумнѣе было бы для Англіи бороться съ промышленнымъ и торговымъ соперничествомъ тѣми же средствами, какія примѣняютъ конкурренты, т. е. удовлетвореніемъ вкусовъ потребителей и удешевленіемъ издѣлій, для котораго развитіе техники и дешевизна въ Англіи капиталовъ даютъ полную возможность. Въ политической сферѣ, по незначительности ея сухопутныхъ военныхъ силъ, владычицѣ морей надлежало пріобрѣсти прочные союзы съ тѣми или другими европейскими военными державами, принявъ на себя болѣе или менѣе тяжкія обязательства и принеся необходимыя жертвы. Вмѣсто всего этого, нерасположенное, по традиціонному своекорыстію, къ какимъ либо жертвамъ и уступкамъ для пріобрѣтенія союзовъ, ибо смотритъ на всѣ великія державы какъ на соперниковъ

или враговъ въ настоящемъ или будущемъ, общественное мнѣніе Англіи обнаруживало стремленіе исправить неудачи и возвратить потерянное лишь традиціоннымъ путемъ насилія и устрашенія недруговъ. При отсутствіи союзниковъ и непримиримости интересовъ Англіи съ интересами каждой изъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, Англіи оставалось выжидать внутренней европейской войны, а между тѣмъ готовиться къ борьбѣ. Расходы на армію и флотъ увеличены были въ теченіе 13 лѣтъ съ 28 м. ф. ст. до 44 милл. (Revue de Paris, 1899, 15 Décembre, p. 882). Въ 1898 году, увлекшись желаніемъ доставить британской гордости дешевый тріумфъ, англійское правительство съ большимъ шумомъ мобилизировало флотъ и потребовало отъ Франціи очищенія Фашоды. Ни мало не расположенная ссориться съ Англіею и не готовая къ войнѣ, Франція уступила, но естественно должна была принять мѣры къ усиленію флота и морской обороны. Примѣру ея послѣдовали Россія и Германія. Англіи пришлось готовиться къ увеличенію и своего флота до громадныхъ размѣровъ. Конечно, увеличивъ податное бремя, она въ состояніи настроить массу новыхъ судовъ, но умноженіе числа военныхъ судовъ тогда только увеличиваетъ морское могущество, когда увеличивается удовлетворительнаго качества личный составъ. Между тѣмъ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, численность командъ и офицеровъ англійскаго военнаго флота и въ настоящее время едва доходитъ до половины противъ необходимаго, да и изъ этого состава едва половина обладаетъ соотвѣтственными качествами (тамъ же, p. 884). Такъ какъ комплектованіе флота, подобно арміи, производится наемной вербовкой, то нельзя ручаться, что въ морской войнѣ Англіи не могутъ предстоять такія же катастрофы, какія неожиданно потерпѣла она въ войнѣ съ южно-африканскими республиками.

Пожелавъ воспользоваться наступившимъ къ половинѣ 1899 года затишьемъ въ міровой политикѣ и временнымъ спокойствіемъ на сѣверо-западной границѣ Индіи для уничтоженія независимости двухъ республикъ Трансваальской и Оранжевой и для устраненія возможной со стороны голландскаго населенія оппозиціи британскому владычеству въ южной Африкѣ, а также движимое жаждой мести за нанесенныя въ 1881 и 1884 г.г. бурами англійскимъ войскамъ пораженія, министерство Солсбери и Чемберлэна вынудило буровъ къ войнѣ предъявленіемъ все возраставшихъ по мѣрѣ уступокъ буровъ притязаній и усиленіемъ своихъ войскъ и вооруженій въ южной Африкѣ. Противъ всякихъ ожиданій, вмѣсто предполагавшейся военной прогулки, вмѣсто отплаты за неудачу произведеннаго въ 1895 г. съ вѣдома и одобренія, по всей вѣроятности, министра колоній Чемберлэна набѣга Джемсона и вмѣсто присвоенія богатѣйшихъ пока въ мірѣ золотоносныхъ рудниковъ Трансвааля, подобно такому же захвату алмазныхъ пріисковъ Оранжевой республики, англійскія войска понесли отъ буровъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, рядъ пораженій и неудачъ. Такъ какъ

изъ Индіи уже взято отъ 10 до 15 т. англійскихъ войскъ и дальнѣйшее уменьшеніе европейскихъ войскъ тамъ невозможно безъ опасности со стороны между прочимъ туземнаго населенія, въ средѣ котораго голодъ уже вызвалъ волненія, и такъ какъ почти всѣ регулярныя войска и гарнизоны изъ Англіи и колоній отправлены противъ буровъ и большею частію уже понесли отъ нихъ пораженія, то положеніе сдѣлалось критическимъ: за истощеніемъ регулярныхъ войскъ Англіи придется двигать въ южную Африку милицію и волонтеровъ, т. е. сбродъ по большей части непригодныхъ къ военной службѣ людей, которыхъ лишь малая частица можетъ быть, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ обращена въ нѣкоторое подобіе регулярныхъ войскъ.

Такъ какъ война затѣяна была съ общаго одобренія страны, то общественное мнѣніе почти единодушно обвиняетъ министерство лишь въ непредусмотрительности, въ неотправкѣ въ южную Африку достаточнаго числа войскъ заблаговременно, до открытія военныхъ дѣйствій; обвиняются также, по обыкновенію, военное министерство, главнокомандующій, генералы, интендантство и т. д. Забываютъ при этомъ, что буры точно также не стали бы дожидаться скопленія англійскихъ войскъ и объявили бы войну при первыхъ къ умноженію войскъ значительныхъ попыткахъ, какъ сдѣлали это 11 октября; что для существенныхъ заблаговременныхъ приготовленій къ войнѣ необходимо было ассигнованіе парламентомъ соотвѣтствующихъ кредитовъ, испрошеніе которыхъ также могло вызвать буровъ на объявленіе войны, и, главное, что корень всѣхъ бѣдъ лежитъ, съ одной стороны, въ традиціонной англійской политикѣ чрезмѣрнаго своекорыстія и насилія, съ другой же, въ отсутствіи необходимыхъ для веденія такой политики, противъ маломальски мужественнаго и обладающаго современнымъ оружіемъ врага, регулярныхъ войскъ, ибо 90 т. войскъ, остающихся за вычетомъ находящихся въ Индіи, совершенно не въ состояніи содержать гарнизоны въ Ирландіи и многочисленныхъ захватахъ Англіи во всѣхъ частяхъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ воевать съ успѣхомъ даже противъ столь слабаго численно непріятеля, какъ буры, которые могли выставить въ началѣ войны не болѣе 50 т. ч. Во всякомъ случаѣ кабинету Солсбери-Чемберлэна предстоитъ паденіе, если не при весеннемъ созывѣ парламента, то при предстоящихъ въ настоящемъ году выборахъ въ палату общинъ, срокъ полномочій состава которой истекаетъ. Торіи и уніонисты потерпятъ по всей вѣроятности пораженіе на этихъ выборахъ, въ наказаніе за неудачную войну. Власть перейдетъ въ руки либераловъ, но либеральная партія находится въ состояніи полнаго разложенія.

Это разложеніе либеральной партіи есть послѣдствіе общей всему англійскому народу заразы чрезмѣрнаго эгоизма и склонности къ насилію противъ слабѣйшихъ. Самъ Гладстонъ до конца дней своихъ не могъ отъ нея освободиться. Его благородная агитація по поводу турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи не по-

мѣшала бы Биконсфильду начать войну съ Россіей, если бы онъ нашолъ союзниковъ. Дарованіе Ирландіи самоуправленія Гладстонъ оправдывалъ не столько требованіями справедливости, сколько опасностью для Англіи отъ непримиримой враждебности ирландцевъ. Разоблаченія сотоварища Гладстона лорда Кимберлея въ рѣчи 14 ноября 1899 года въ Ньюкестлѣ, выяснили, что признаніе независимости Трансвааля въ 1884 году вызвано было не какимъ-либо великодушіемъ, а достовѣрными свѣдѣніями о томъ, что буры Оранжевой республики и всѣ африкандеры англійскихъ колоній южной Африки готовы присоединиться къ Трансваалю въ борьбѣ его за независимость: Гладстономъ просто руководилъ здравый разсчетъ и благоразуміе, которыхъ не оказалось у Солсбери, Чемберлэна и К°. Хотя замѣнившій Гладстона, по удаленіи его отъ дѣлъ, во главѣ либеральной партіи лордъ Розбери принялъ въ наслѣдство всю программу своего великаго предмѣстника, но вскорѣ обнаружилось, что по иностранной и колоніальной политикѣ глава либераловъ ничѣмъ не отличается отъ послѣдователей Биконсфильда; такъ какъ и во внутренней политикѣ онъ обнаруживалъ склонность отдѣлаться отъ обременительнаго наслѣдства, то несогласія съ вѣрными убѣжденіямъ Гладстона либералами понудили Розбери, послѣ пораженія на выборахъ 1895 года, отказаться отъ предводительства либеральной партіею. Занявшій мѣсто Розбери, сэръ Уильямъ Харкуртъ стоялъ нѣсколько ближе къ истиннымъ гладстонитамъ, группирующимся въ небольшомъ числѣ около Джона Морлея, но и онъ въ 1898 году оставилъ предводительство либералами, признавая невозможнымъ устранить раздоры розберитовъ съ радикалами. Новый глава распадающейся либеральной партіи сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, не обладающій никакими выдающимися талантами, еще менѣе въ силахъ возстановить въ партіи единомысліе. Разладъ между ея фракціями весьма ясно обнаружился по поводу трансваальскихъ дѣлъ. Въ то время какъ Морлей и Харкуртъ съ самаго начала возстали противъ политики Чемберлэна, лордъ Розбери оказался ярымъ ея защитникомъ, а Кемпбелль-Баннерманъ, одобряя эту политику въ принципѣ, критиковалъ лишь пріемы правительства въ ея проведеніи, давая понять, что его партія, принявъ власть вмѣсто торіевъ, стремилась бы къ тѣмъ же цѣлямъ, лишь нѣсколько иными средствами и съ большимъ искусствомъ.

Нѣкоторые изъ членовъ нынѣшняго министерства пробовали отнестись съ высокомѣріемъ и насмѣшкою къ публицистамъ континента, указывающимъ признаки начинающагося паденія Англіи, приписывая подобныя предсказанія легкомысленной зависти. Но на самомъ дѣлѣ трансваальская война обнаружила, съ одной стороны, политическое одиночество и военное безсиліе Англіи, съ другой же окончательно выяснила, что политика Англіи, основанная неизмѣнно на непомѣрномъ своекорыстіи и склонности къ насилію, влечетъ ее къ катастрофамъ

и паденію, такъ какъ опирается на ничѣмъ неоправдываемую жадность и самомнѣніе, а не на дѣйствительную силу: слабость сухопутныхъ силъ Англіи стала очевидна для всѣхъ, что же касается до ея армадъ, то весьма возможно, что морская война обнаружитъ въ большей части флота Британіи такую же декорацію, какою оказались ея сухопутныя силы. Чтобы избѣгнуть вѣроятнаго низведенія къ роли третьестепенной державы, влачащей свое существованіе подъ протекціею заатлантическихъ Соединенныхъ Штатовъ, Англія должна отказаться отъ своей пагубной традиціонной политики, прекратить эгоистическую эксплуатацію подвластныхъ и слабѣйшихъ независимыхъ народовъ и странъ, уважать чужія права и обращаться къ силѣ только для необходимой обороны, послѣ обращенія къ посредничеству постороннихъ державъ и къ третейскому суду, установленному недавнимъ конгрессомъ въ Гагѣ. Сохраненіе Англіи, въ ряду европейскихъ великихъ державъ, при такихъ измѣненіяхъ въ основахъ ея политики, было бы весьма желательно для блага человѣчества, такъ какъ англійскій народъ оказалъ великія услуги цивилизаціи своею долею участія въ развитіи европейской науки и ея примѣненій въ техникѣ и промышленности, а также въ развитіи и обезпеченіи индивидуальной свободы и прогрессивныхъ политическихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, внутреннее политическое положеніе Англіи не таково, чтобы переходъ къ новой политикѣ обѣщалъ навѣрное совершиться своевременно, до наступленія катастрофъ, къ которымъ влечетъ нынѣшняя политика. Консервативная партія, разумѣется, не даетъ никакихъ надеждъ на обращеніе ея къ иной политикѣ, помимо имперіалистской. Большая часть либераловъ находится въ такомъ же настроеніи. Только меньшая часть либеральной партіи, именно радикалы, группирующіеся около Морлея, и ирландскіе депутаты исповѣдуютъ новую политику во внѣшнихъ и колоніальныхъ дѣлахъ, наравнѣ съ внутренними и экономическими реформами въ демократическомъ направленіи, отрѣшившись отъ традиціонной политики олигархизма, эгоизма и насилія. Эта радикальная партія должна естественно пріобрѣсти современемъ неоспоримый перевѣсъ въ управленіи Англіею, но потребуется, къ несчастію, не мало времени для того, чтобы народныя массы поняли, что спасеніе и благосостояніе Англіи можетъ быть достигнуто лишь выполненіемъ программы радикаловъ фракціи Морлея. До сихъ поръ, подъ вліяніемъ олигархическихъ классовъ и духовенства, народныя массы во внѣшней политикѣ безусловно шли за консерваторами и либералами, согласно проводившими политику чрезмѣрнаго національнаго своекорыстія и насилія, какъ единственно достигающую величія и благостоянія англійскаго народа. Событія послѣднихъ лѣтъ, особенно же трансваальская война, вѣроятно выяснятъ рабочимъ классамъ и средней буржуазіи, что политика эта гибельна и что правильные взгляды на внѣшнюю политику имѣютъ только тѣ же радикалы, которые и во внутренней политикѣ стремятся къ преобладанію интересовъ и правъ народныхъ массъ.

Пока народно-демократическая или радикальная партія не пріобрѣтетъ большинства въ палатѣ общинъ и не преобразуетъ или не упразднитъ палату

лордовъ, слабыя либеральныя и консервативныя министерства будутъ смѣнять другъ друга, продолжая держаться традиціонной политики и навлекая на Англію бѣдствія и катастрофы *). По всей вѣроятности имперіалисты будутъ пытаться ввести въ Англіи обязательную воинскую повинность, потому что вербовка не можетъ доставлять количества войскъ, необходимаго великой державѣ, особенно имѣющей повсюду разбросанныя владѣнія и въ числѣ ихъ Индію, одна защита которой или усмиреніе возстаній можетъ требовать сотенъ тысячъ европейскихъ войскъ. Послѣ эксплуатаціи Индіи и другихъ странъ, отсутствіе воинской повинности было главнымъ преимуществомъ Англіи предъ другими державами, ибо въ то время какъ остальныя европейскія государства уже нѣсколько столѣтій требуютъ отъ населенія обязательнаго нахожденія подъ знаменами цвѣта молодыхъ людей въ лучшіе годы ихъ жизни, отрывая отъ занятій, доставляющихъ средства къ жизни и требующихъ для успѣха ознакомленія съ ними въ первые годы молодости, англичане освобождены отъ этой обременительной и крайне невыгодно отражающейся на промышленной и экономической сторонахъ народной жизни повинности, свободно и безпрепятственно совершая обученіе, подготовленіе и вступленіе на промышленные, хозяйственные и иные пути добыванія средствъ къ существованію. При мирной политикѣ, устраняющей всякія войны, кромѣ оборонительныхъ, при островномъ положеніи Англіи и при существованіи сильнаго флота, введеніе воинской повинности едва ли можетъ быть проведено и попытки въ этомъ смыслѣ всего скорѣе могутъ содѣйствовать успѣхамъ радикальной партіи, которая конечно будетъ противиться развитію милитаризма.

Въ предстоящее, критическое для судебъ доселѣ счастливой Англіи, время отношенія ея къ авганскимъ пограничнымъ племенамъ и къ Авганистану могутъ имѣть доминирующее значеніе. Если бы Англія потеряла всю южную Африку въ результатѣ войны съ бурами,—что невѣроятно,—она все же останется обладательницею Индіи, главнаго источника ея богатства и могущества. Столкновенія съ авганами грозятъ, напротивъ, не только истощеніемъ Индіи и самой Англіи для покоренія Индійскаго «Кавказа», но нашествіемъ съ сѣверо-запада и потерею Индіи. Въ настоящее время даже крайніе имперіалисты и адепты «наступательной политики» видятъ выгоды благоразумной политики лорда Хамильтона. Но трудно думать, чтобы эта политика окончательно упрочилась. Какъ только дѣла въ южной Африкѣ уладятся, вниманіе имперіалистовъ обратится на сѣверо-западную границу. Политика лорда Хамильтона подвергнется жесточайшимъ нападеніямъ, какъ ни малѣйше не ограждающая Индію, планы «прочнаго

*) «Послѣ Гладстона, за единственнымъ исключеніемъ г. Джона Морлея (котораго здравомысліе и честность неоспоримы, хотя, къ несчастію, ему недостаетъ всеподчиняющаго вліянія), мы не обладаемъ ни однимъ государственнымъ человѣкомъ, который относился бы къ общественнымъ дѣламъ съ полной добросовѣстностью и самоотреченіемъ; взамѣнъ мы имѣемъ тысячу неотвязчивыхъ совѣтчиковъ, циниковъ, подобно лорду Солсбери, или флюгеровъ (trimmers), подобно лорду Розбери, къ которымъ никто въ глубинѣ сердца не чувствуетъ ни малѣйшаго уваженія» (Mr. Robert Buchanan въ Contemporary Review, 1899, December, p. 777).

умиротворенія сѣверо-западной границы» вѣроятно пріобрѣтутъ горячихъ защитников и популярность, и въ результатѣ, при удобныхъ случаяхъ, которыхъ на «границѣ» и въ Авганистанѣ встрѣтится сколько угодно, Англія заполучитъ Индійскій «Кавказъ».

Н. А. Аристовъ.

14 января 1900 года.
С.-Петербургъ.

Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ *).

Бродячее населеніе тундры между рѣками Индигиркой и Колымой ничтожно количествомъ. На пространствѣ приблизительно въ 60,000 кв. верстъ, кочуютъ всего около 800 чел., что составляетъ 75 кв. вер. на одного человѣка. Но для народовѣдѣнія населеніе это представляетъ интересъ не малой важности. Во первыхъ мелкіе роды, кочующіе на указанной тундрѣ, разнообразны по своему племенному составу и у нихъ именно этнологія можетъ получить любопытный матеріалъ для прослѣживанія взаимнаго вліянія другъ на друга въ духовномъ, матеріальномъ и физическомъ отношеніяхъ представителей разнородныхъ этническихъ группъ. Тамъ отношенія между племенами не отличаются сложностью взаимовліяній большихъ и культурныхъ народовъ, исторія столкновеній между собой отдѣльныхъ родовъ не отличается древностью и при внимательномъ изученіи, не трудно разобраться въ процессѣ взаимодѣйствія пришлыхъ племенъ, каковы: тунгузы, ламуты, якуты и русскіе пришельцы, и аборигеновъ страны — юкагировъ, чукчей и др. Во вторыхъ бытъ и нравы полярныхъ обитателей тундры нашего крайняго сѣверо-востока весьма мало извѣстны образованной публикѣ, ибо рѣдко кто изъ путешественниковъ имѣлъ возможность ихъ наблюдать, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, которыя попадаются о нихъ въ этнографической литературѣ не отличаются особой точностью.

Главною цѣлью моего изученія въ бытность мою членомъ Якутской экспедиціи въ 1894—97 гг. было маленькое и вымирающее, но любопытное племя юкагировъ, которыхъ этнологи причисляютъ къ такъ называемымъ Гиперборейцамъ. Разумѣется въ классификаціонномъ смыслѣ терминъ этотъ ничего собой не выражаетъ и извѣстный этнологъ Пешелъ не даромъ выразился, говоря о нѣкоторыхъ племенахъ Сѣверо-Восточной Сибири и между прочимъ о юкагирахъ, что по отношенію къ нимъ научное зданіе народовѣдѣнія находится еще въ него-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Рус. Географ. Общ. 29-го октября 1899 г.

товомъ видѣ. Съ отдѣльными родами юкагирскаго племени, родами, разбросанными на громадномъ разстояніи другъ отъ друга между р.р. Колымой и Яной, я жилъ и странствовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Моей второстепенной экспедиціон-

Двѣ юкагирскихъ молодыхъ дѣвушки съ рѣки Ясачной въ лѣтнихъ костюмахъ.

ной задачей было изслѣдованіе полярныхъ якутовъ. Разумѣется, что въ той или иной степени пришлось также знакомиться съ другими племенами, съ которыми обѣ названныя народности приходятъ въ столкновеніе. Изслѣдованіе юкагировъ меня привело также къ бродячимъ родамъ Колымской тундры, на которой я провелъ Январь, Февраль и часть Марта 1897 г., и свѣдѣнія, которыя будутъ приведены въ настоящемъ очеркѣ, заимствованы изъ собран-

собранныхъ мной, но необработанныхъ еще матеріаловъ для составленія монографіи о юкагирскомъ племени *).

Отъ края лѣсовъ, приблизительно отъ 68° с. ш., къ югу живетъ сѣверный осколокъ тюркскаго племени якутовъ, пришедшихъ въ полярный край со скотомъ въ весьма недалекомъ прошломъ изъ Якутскаго округа, но теперь на половину только оставшихся скотоводами. Къ сѣверу отъ нихъ до береговой полосы Ледовитаго моря бродятъ 4 маленькихъ рода. Два изъ нихъ юкагирскіе: первый и второй Алазейскіе, одинъ родъ Тунгузскій и одинъ Ламутскій. Необходимо тутъ замѣтить, что ламуты и тунгузы суть не отдѣльныя племена, а родовыя названія одного и того же, родственнаго Манджурамъ, племени—тунгузскаго. На самой сѣверной тундрѣ у береговъ океана, преимущественно въ устьяхъ рѣкъ, начиная отъ р. Колымы до р. Шандрона **), живутъ и кочуютъ немногочисленныя чукотскія семьи, недавніе выходцы съ восточныхъ береговъ р. Колымы. Небольшое число чукочъ живетъ еще на притокѣ Индигирки Іерченъ ***) и отчасти въ нижнемъ теченіи р. Алазеи.

Кромѣ того на Колымо-Алазейской тундрѣ то здѣсь, то тамъ можно встрѣтить въ поискахъ за пищей ламутское семейство съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскій лагерь съ западныхъ береговъ Индигирки.

Прежде чѣмъ характеризовать бытовыя особенности бродячихъ родовъ Колымской тундры, необходимо сказать нѣсколько словъ о природѣ края. Весь крайній сѣверо-востокъ Азіи, вопреки обычному представленію о тундрѣ,

---

*) До сихъ поръ на основаніи собранныхъ матеріаловъ напечатаны мной слѣдующія статьи: 1) Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. Живая Старина, вып. II, 1895 г.; 2) Къ вопросу объ исчезнувшихъ народностяхъ Колымскаго края. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXVIII, № 2, 1897 г.; 3) Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якутской области. (Съ картой маршрутовъ). Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. XXIX, (1898) стр. 9—25; 4) Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Спб. 1898, Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III, т. X, ч. 3; 5) По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XXXIV, вып. 3. 1898 г.; 6) Нѣкоторыя данныя о рыбахъ Колымскаго края. Землевѣдѣніе, III—IV. Москва, 1898; 7) Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1898 г. Сент., т. IX. № 2; 8) Über die, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen-Geographischen Gesellschaft, ausgeführte Untersuchung der Völkerschaften der Provinz Jakutsk Bern, 1899. Сообщеніе, читанное мной въ засѣданіи Бернскаго Географическаго Общества 17 ноября 1898; 9) Über die Sprache und Bilderschrift der Jukagiren. Jahresbericht der Geographischen gesellschaft in Bern, 1900. Докладъ, читанный въ засѣданіи Бернскаго Географич. Общ. 29 іюня 1899; 10) In Polargegenden. Ethnographische Skizzen, журналъ Mutter-Erde. Berlin. 1898—99; 11) Скоро выйдетъ: Первый томъ матеріаловъ по юкагирскому языку и фольклору. Юкагирскіе тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.

**) Шандронъ—исковерканное юкагирское слово Ша́нд-эну́, что значитъ: лѣсистая рѣка, отъ Шал-дерево, лѣсъ и Эну—рѣка. Верховья этой полярной рѣчки покрыты лиственничнымъ лѣсомъ.

***) На картахъ этотъ притокъ Индигирки названъ Эрченъ, но мѣстные инородцы произносятъ Іерченъ.

какъ о понижающейся къ морю равнинѣ, образуетъ настоящую горную страну, скалы которой мѣстами вдаются въ океанъ. Къ востоку отъ рѣки Лены до Тихаго океана, мы встрѣчаемъ въ полярномъ краѣ только три значительныхъ равнины: въ среднемъ теченіи Индигирки, на пространствѣ между рр. Алазеей и Колымой и въ области р. Чауна къ востоку отъ Колымы.

Раіономъ кочевокъ тундренныхъ родовъ служитъ вторая низменность, заключенная между западнымъ, «земляныхъ» берегомъ Колымы и восточнымъ, холмистымъ Алазеи. Вся эта область покрыта густою сѣтью многочисленныхъ озеръ, различныхъ размѣровъ — начиная отъ бассейновъ въ сто верстъ въ окружности и кончая топями или испаряющимися лѣтомъ лужами. Всѣ озера соединены съ рр. Колымой, Чукочьей, Алазеей или между собою посредствомъ постоянныхъ или временныхъ рѣчекъ, называемыхъ вискамн. Съ птичьяго полета эта страна озеръ должна быть похожа на рѣшето съ неправильными ячеями.

Образованіе этихъ озеръ надо, повидимому, приписать какъ обильнымъ зимнимъ осадкамъ, такъ и рельефу мѣстности. Слой снѣга достигаетъ нерѣдко толщины въ два и больше аршина. Не имѣя весной стока, снѣжная вода заполняетъ всѣ углубленія равнины. Хотя рѣки Чукочья и Алазея получаютъ посредствомъ височъ свое питаніе главнымъ образомъ изъ озеръ, но медленное теченіе височъ и ничтожное испареніе воды во время короткаго лѣта способствуютъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Большинство озеръ имѣетъ берега низкіе, болотистые, кочковатые; но надъ нѣкоторыми возвышаются невысокіе земляные яры. Часто одно озеро отъ другого раздѣляетъ валъ или кочковатое мѣсто шириной въ нѣсколько саженъ или даже метровъ.

Климатъ страны является, послѣ такъ назыв. полюса холода около Верхоянска, наиболѣе суровымъ на земномъ шарѣ. Температура падаетъ зимой до—65° Ц. и ниже. Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а около устьевъ—въ началѣ Іюня, и покрываются льдомъ въ Сентябрѣ. На тундренныхъ озерахъ ледъ стоитъ еще въ концѣ Іюня и даже въ Іюлѣ.

Отсутствіе теченія на озерахъ лишаетъ полярную природу механическаго дѣятеля, разбивающаго и раздробляющаго рѣчные льды, а лѣтнее солнце, хотя и не сходитъ съ горизонта, слишкомъ медленно плавитъ 3-хъ аршинную толщу озерныхъ льдовъ.

Почва оттаиваетъ на полъ аршина, самое большее на 3/4 аршина. Собственно говоря, нельзя назвать тамъ верхній слой земной коры почвой, ибо перемѣшанные между собой ледъ, земля и торфъ образуютъ лѣтомъ, когда они оттаиваютъ, тотъ библейскій хаосъ, когда жидкій и твердый элементы еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Весь край представляетъ собой лѣтомъ обширное травяное или моховое болото съ многочисленными озерами. Виски, соединяющія озера между собой, часто покрыты болотной растительностью, скрывающей ихъ отъ глазъ неопытнаго путешественника, попадающаго внезапно въ глубокую канаву изъ жидкой черной грязи.

Такимъ образомъ сообщенія въ странѣ лѣтомъ затруднены или вовсе прекращаются. Якутскія лошади края лѣсовъ бродятъ по брюхо въ болотѣ, а на оленяхъ верхомъ можно ѣздить только въ гористыхъ мѣстахъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ. На тундрѣ же только склоны холмовъ представляютъ собою какъ бы слабую попытку природы отдѣлить воду отъ суши, но попытку недоведенную до конца. Впрочемъ, такое раздѣленіе элементовъ въ полярной странѣ не имѣло бы особаго смысла, ибо и безъ того всѣ жидкости въ теченіе 9 мѣсяцевъ обращены въ твердыя массы.

Зимой же край, скованный льдомъ, покрытый снѣгомъ и лишенный свѣта, являетъ собой картину того періода въ исторіи земли, когда она, по разсчетамъ астрономовъ, будетъ умирать вслѣдствіе угасанія самаго источника жизни на землѣ — солнца. Стоитъ ему только одно лѣто остаться за горизонтомъ, какъ вся скудная органическая жизнь полярнаго края прекратила бы свое существованіе. Но къ счастью солнце является каждую весну и растительный и животный міръ за короткое лѣто запасается тепломъ и свѣтомъ для длинной зимы. Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ матеріальная культура обитателей края должна быть самая первобытная и жалкая. Высокій градусъ широты предписываетъ имъ извѣстный образъ жизни. Тамъ не только земледѣліе невозможно, но, заведенное съ юга якутами почти до 69° с. ш., скотоводство должно вести жестокую борьбу съ суровостью климата. Якуты притундренной полосы, полосы корявыхъ лиственницъ и южнаго предѣла кочевокъ тундренныхъ родовъ, являются уже наполовину собаководами, а свое питаніе они почти исключительно получаютъ отъ рыбнаго промысла на озерахъ.

Что касается до 4-хъ тундренныхъ родовъ, то на особенности ихъ быта, кромѣ климата, вліяютъ еще этническіе факторы. Ихъ образъ жизни, языкъ, вѣрованія и обычаи такъ же смѣшаны, какъ ихъ племенной составъ. Приведу прежде всего нѣкоторыя данныя о происхожденіи и мѣстахъ кочевокъ каждаго изъ тундренныхъ бродячихъ родовъ.

Первый Алазейскій юкагирскій родъ, кочующій теперь по р. Б. Чукочьей, есть остатокъ древняго населенія Большой тундры. Ихъ называютъ Алаями, что значитъ Алазейцы, или Алаи-омокъ т. е. Алазейскій родъ. Свѣдѣнія прежнихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и барона Врангеля, объ омокахъ, какъ объ исчезнувшемъ полярномъ племени, основаны на недоразумѣніи. Омó или омóкъ по юкагирски значитъ р о д ъ, и омоки и юкагиры одно и тоже племя. Преданіе же объ исчезнувшихъ омокахъ можетъ относиться только къ тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не къ племени.

Второй Алазейскій юкагирскій родъ, называющій себя Эрбеткенъ-омокъ или Дудки-омокъ, кочуетъ по западному берегу р. Алазеи. Эрбеткенъ слово ламутское и означаетъ гусиный, отъ «эрбеть»-гусь. Названіе это связано съ легендой о родовомъ шаманѣ, летавшемъ оборотившись гусемъ. Дудки тоже ламутское слово и означаетъ: на прямки идущій, т. е. человѣкъ, для котораго не существуетъ препятствій. Значеніе этой клички можетъ служить указаніемъ на

юкагирское происхожденіе этого рода, ибо эпическія сказанія рисуютъ древнихъ юкагировъ храбрыми и ловкими воинами. По преданію, этотъ родъ пришелъ на Алазею съ р. Индигирки. И дѣйствительно, обламутѣвшій юкагирскій родъ на Индигиркѣ, оффиціально называемый Каменно-юкагирскимъ, тоже именуетъ себя самъ Дудки. Тѣмъ же именемъ называетъ себя объякутѣвшій Омолойскій юкагирскій родъ на р. Янѣ.

Третій тундренный родъ, кочующій на одной территоріи съ Эрбеткенъ-омокъ и самъ себя называющій юкагирскимъ словомъ Ходейджилъ-омокъ оффиціально числится «Вторымъ каменно-ламутскимъ родомъ» и сохранилъ преданіе о своемъ приходѣ на Алазейскую сторону съ хребтовъ восточнаго, гористаго берега р. Колымы, гдѣ и теперь кочуютъ ламутскіе роды. Но трудно утверждать, чтобы происхожденіе этого рода было чисто ламутское. Въ архивныхъ бумагахъ начала этого столѣтія онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ родомъ.

Четвертый родъ Тунгузскій, самый большой, кочующій по тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Алазеей, оффиціально называется Тунгузскимъ Бетильскимъ. По сохранившемуся преданію родоначальники этого рода пришли на тундру съ якутской стороны. Ихъ было семь братьевъ, изъ которыхъ старшій шаманъ. Когда они пришли на «Большую рѣку» *) т. е. рѣку Алазею, шамана заставили шаманить, чтобы узнать отъ духовъ, гдѣ имъ засѣсть. Послѣ камланія шаманъ оборотился въ орла, сѣлъ на дерево и всѣ перья у него выпали. «На этой землѣ дѣти наши жить будутъ», сказалъ онъ. Тогда они поселились на рѣкѣ Алазеѣ. Пошли они вверхъ по рѣкѣ, къ лѣсамъ, встрѣтили якутскую дѣвушку и насильно увели ее; пошли внизъ по рѣкѣ, нашли юкагировъ во время пляски. Увидѣвъ ихъ, юкагиры стали луки и стрѣлы готовить, но тунгузскій шаманъ приворожилъ юкагирскихъ дѣвушекъ, которыя перебѣжали къ тунгусамъ и юкагиры не стали съ ними воевать, помирились. Отъ этого союза произошелъ Бетильскій родъ. Судя по этому преданію, въ генеалогіи рода участвовали не только тунгусо-юкагирскіе элементы, но и якутскіе.

Замѣчу, что Бетильскій родъ имѣется у тунгусовъ, какъ Якутскаго, такъ и Вилюйскаго округовъ.

Всѣ указанные четыре рода, выбираютъ каждый своего князца, но они соединены еще однимъ общимъ выборнымъ лицомъ, именуемымъ «головою».

Роль князцевъ исчерпывается сборомъ съ родовичей ясака, по 1 рублю съ чѣмъ-то съ души въ годъ, и доставленіемъ его Колымскому исправнику. Они еще заботятся объ отправленіи натуральной повинности по провозу зимой на оленяхъ изъ Средне-Колымска на тундру и обратно исправника и священника. Голова же никакой роли не играетъ. Выборъ головы есть наслѣдіе Зашиверскаго Коммисарства, обнимавшаго въ прошломъ столѣтіи два нынѣшнихъ округа Верхоянскій и Колымскій.

*) Р. Алазея на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчіи называется Чóмод-Эну т. е. Большая рѣка.

Тогда голова завѣдывалъ всѣми бродячими родами Полярной части Якутской области, т. е. онъ отвѣчалъ за ясакъ и доставлялъ въ русскія зимовья, такъ называемыхъ аманатовъ т. е. заложниковъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Зашиверскія власти брали у бродячихъ инородцевъ въ залогъ дѣтей, чтобы

Младшій братъ князца перваго Алазейскаго юкагирскаго рода. Князецъ Бетильскаго Тунгузскаго рода съ кортикомъ, пожалованнымъ Екатериной II и переходящимъ отъ князца къ князцу.

обезпечить себѣ ихъ покорность и правильное поступленіе ясаку, ибо розыскивать бродячихъ людей на безконечной тундрѣ или въ мало-приступныхъ хребтахъ дѣло не легкое. Бродячіе инородцы сами приносили въ русскія зимовья ясакъ, какъ это и теперь дѣлаютъ. Но случалось, что тотъ или другой родъ забирался

въ невѣдомыя дебри и не являлся нѣсколько лѣтъ. Обязанностью головы было предупредить такое уклоненіе отъ ясачныхъ обязанностей. Большей частью эти «головы» назначались изъ воспитанныхъ русскими аманатовъ. На тундрѣ еще передаются разсказы объ нѣкоемъ «Афонькѣ», бывшемъ головой тундренныхъ родовъ при Екатеринѣ II. Онъ умѣлъ говорить по русски и зналъ даже русскую грамоту. Это искусственное административное объединеніе въ извѣстномъ смыслѣ содѣйствовало ассимилированію различныхъ племенныхъ группъ. По закрытіи въ 1822 Зашиверскаго Коммисарства бродячіе роды къ западу отъ Алазеи и Индигирки причислены были къ г. Верхоянску, а кочевые роды къ востоку отъ Алазеи — къ г. Средне-Колымску. Головой въ то время былъ родовичъ изъ Бетильскаго рода и такимъ образомъ онъ остался завѣдующимъ 4-хъ маленькихъ родовъ. Теперь голова послѣдними выбирается каждые 3 года, и утверждается губернаторомъ, но вся его дѣятельность заключается въ томъ, что при встрѣчѣ исправника онъ одѣваетъ кортикъ и красный пожалованный ему кафтанъ.

Если навязанное тундреннымъ родамъ административное объединеніе въ лицѣ головы чисто внѣшнее, то внутренней, естественной связью между ними служитъ общность языка. Всѣ эти роды говорятъ теперь нарѣчіемъ юкагирскаго языка. До сихъ поръ это тундренное нарѣчіе считали тунгузскимъ языкомъ. Такъ и теперь его называютъ русскіе на Колымѣ. Таковымъ его считали прежніе путешественники и въ томъ числѣ послѣдній путешественникъ баронъ Майдель, видѣвшій тундренные роды и бывшій на тундрѣ въ 1870 г. Впрочемъ, баронъ Майдель, который, въ бытность свою начальникомъ, такъ называемой Чукотской экспедиціи, былъ назначенъ для удобства изслѣдованія временнымъ исправникомъ Колымскаго округа, очевидно, не зналъ также, что въ Верхнеколымской части, управляемаго имъ округа еще сохранился юкагирскій языкъ. Образцы словъ и фразъ, доставленные имъ академику Шифнеру, были имъ записаны на Анадырѣ въ обрусѣвшей юкагирской семьѣ отъ старухи, помнившей еще свой родной языкъ *). Съ того времени малоизученный, но интересный юкагирскій языкъ считался вымершимъ, и еслибъ это было такъ, то лингвистика была бы лишена возможности, когда либо опредѣлить его родство съ той или другой группой языковъ, а этнологія одного изъ средствъ для классифицированія племени. Теперь оказалось, что не только языкъ еще сохранился въ Верхнеколымскихъ юкагирскихъ родахъ, но что выработался отдѣльный тундренный діалектъ. Послѣдній, правда, всосалъ въ себя извѣстное количество тунгузскихъ словъ, но слова эти подчинены законамъ грамматики юкагирскаго языка. Отъ Верхнеколымскаго нарѣчія онъ отличается главнымъ образомъ своей фонетикой. Большинство же корней одни и тѣже въ обоихъ нарѣчіяхъ. Хотя на тундрѣ и сохранилось преданіе, что нарѣчіе тундренныхъ родовъ есть языкъ древнихъ Алаевъ, т. е. Алазейскихъ юкагировъ и что Бетильцы когда то говорили на

*) Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ записей образцовъ юкагирскаго языка, сдѣланныхъ до сихъ поръ, записи барона Майделя оказываются самыми лучшими.

иномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время главными представителями этого языка являются Бетильскіе тунгусы. Они не только говорятъ «Міт ару— одуд-ару т.-е.» нашъ языкъ есть юкагирскій языкъ, но сами о себѣ говорятъ одулнгоджäiii т. е. мы «одулы». Одулъ — общее племенное названіе юкагировъ и означаетъ «крѣпкій», «сильный». Юкагиры сами себя такъ называютъ, по всей вѣроятности, потому, что, какъ я уже раньше замѣтилъ, они считались самыми храбрыми воинами на всемъ сѣверо-востокѣ. Изъ другихъ же народностей края — русскіе называютъ Бетильцевъ тунгусами, подразумѣвая впрочемъ подъ этимъ именемъ всѣ тундренные роды, и языкъ ихъ тунгузскимъ, а якуты или «тонгусъ» или хангаями (хангаiлäр) а языкъ ихъ хангайскимъ (ханга-тыла). Весьма возможно, что слово хангаи заимствовано съ монгольскаго ханга — охотиться. Слово это усвоено Верхнеколымскимъ юкагирскимъ нарѣчіемъ, промышленникъ называется хангичэ. Хангаилäр такимъ образомъ можетъ быть означаетъ—охотники, охотничій народъ. Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундренныхъ родовъ тысячеверстнымъ разстояніемъ, называютъ ихъ однимъ именемъ Алаи, но подразумѣвая подъ этимъ не родственныхъ себѣ юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ тундренныхъ юкагировъ только родовымъ именемъ Алаи; индигирскихъ юкагировъ—Дудки, а колымскихъ—Кöгимэ. По разсказамъ же колымскихъ юкагировъ Когимэ-есть названіе одного вымершаго юкагирскаго рода.

Когда я сообщилъ Верхнеколымскимъ юкагирамъ, что тѣ тундренные люди, которыхъ они называютъ тунгусами, говорятъ на юкагирскомъ языкѣ и именуютъ себя одул, то они были весьма удивлены первымъ обстоятельствомъ, а по поводу второго возмущены самозванствомъ тунгусовъ. Князецъ пришелъ въ такую ярость отъ моего разсказа, что онъ воскликнулъ: «Еслибъ тунгусъ сказалъ при мнѣ, что онъ одул, я бы ему лицо разбилъ». Изъ сказаннаго по поводу тундреннаго нарѣчія видно, насколько ненадежна народная классификація языковъ и какъ перепуталось тамъ взаимное представленіе различныхъ племенъ другъ о другѣ. Эта путаница отразилась также въ этнографической литературѣ.

Баронъ Майдель говоритъ о тундренныхъ людяхъ Колымскаго края только какъ о тунгусахъ, а г. Сѣрошевскій, послѣдній авторъ писавшій о племенахъ крайняго сѣвера-востока, сообщаетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о «Якутахъ», со словъ послѣднихъ, слѣдующія свѣдѣнія о мелкихъ народностяхъ глубокаго сѣвера. Сѣверные тунгусы дѣлятся на морскихъ и горныхъ. Горные еще распадаются на двѣ вѣтви, схожихъ по внѣшности и обычаямъ, но говорящихъ разными нарѣчіями. Такія же вѣтви есть и среди морскихъ тунгусовъ. Одна изъ этихъ вѣтвей есть народецъ Кангхай *), кочующій съ чукчами въ низовьяхъ Индигирки и Колымы. Къ приморскимъ тунгусамъ причисляются также юкагиры.

Изъ того, что мной сообщено было о юкагирахъ и о тунгусо-ламутскихъ

*) См. Сѣрошевскій. Якуты, стр. 246.

родахъ Колымскаго и Верхоянскаго округа, можно видѣть насколько спутаны свѣдѣнія якутовъ, приведенныя указаннымъ авторомъ.

Якутское дѣленіе тунгусовъ на «морскихъ» и «горныхъ» можно назвать топографическимъ. Море и тундра, камень и хребетъ являются въ

Юкагирки на р. Ясачной связываютъ десятками омулей общественнаго промысла для дѣленія рыбы на паи (См. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону». Изв. И. Р. Г. О. 1898 в. 3).

мѣстномъ русскомъ нарѣчіи синонимами, такъ что «морскимъ» человѣкомъ называютъ жителя тундры, а «каменнымъ» человѣкомъ—обитателя горъ. Оффиціальное наименованіе ламутскихъ и юкагирскихъ родовъ, кочующихъ по хребтамъ, каменно-ламутскими или каменно-юкагирскими основано на этомъ именно дѣленіи. Разумѣется, что въ этнологическомъ смыслѣ оно не существенно. Еще менѣе смысла имѣетъ дѣленіе тунгусовъ на двѣ вѣтви, говорящихъ разными нарѣчіями. Всѣ тунгусы и ламуты Якутской области, за исключеніемъ тѣхъ, ко-

торые объякутѣли (какъ въ устьѣ Лены или Яны) или объюкагирѣли (какъ на Колымской тундрѣ и на рѣкѣ Ясачной), говорятъ діалектами общаго всему племени языка – тунгузскаго, изученнаго Кастреномъ. Народецъ Кангхай очевидно есть Бетильскій Тунгузскій родъ, называемый якутами Хангаями и кочующій на тундрѣ между Б. Чукочью и Алазеей, а не въ устьяхъ Индигирки и Колымы. Юкагировъ якуты причислили къ тунгусамъ, должно быть, потому, что на тундрѣ тѣ, и другіе говорятъ однимъ языкомъ—юкагирскимъ.

Спеціально же въ тундренномъ т. е. юкагирскомъ нарѣчіи мы получаемъ ясное доказательство ненадежности одного языка въ роли признака для классификаціи расъ. Тутъ мы видимъ не только усвоеніе тунгусами юкагирскаго языка, весьма мало общаго имѣющаго съ урало-алтайской группой языковъ, къ которой, по классификаціи Кастрена, принадлежитъ тунгузскій языкъ, но и присвоеніе себѣ ими племеннаго названія народа, выработавшаго этотъ языкъ; съ другой стороны въ обоихъ юкагирскихъ родахъ тундры физическія свойства не могутъ уже въ настоящее время служить показателемъ древне-юкагирскаго типа. По отношенію къ Алаямъ именно языкъ является доказательствомъ ихъ юкагирскаго происхожденія. По типу же они вполнѣ приблизились къ тунгусамъ. Не даромъ Миддендорфъ, видѣвшій случайно въ Якутскѣ привезенныхъ туда за какое то преступленіе, двухъ Индигирскихъ юкагировъ, причислилъ ихъ къ тунгузской вѣтви монгольской расы.

Къ сожалѣнію я не могу тутъ вдаваться въ подробности о типѣ юкагиро-тунгусовъ. Антропологическій матеріалъ мой о юкагирахъ еще не обработанъ, а сравнительными данными о физическомъ типѣ тунгусовъ,—племени, разрозненныя части котораго разбросаны на громадномъ пространствѣ между Китаемъ и Ледовитымъ океаномъ и Енисеемъ и Охотскимъ моремъ, антропологія еще не располагаетъ.

Какъ бы то ни было два приведенныхъ мной первостепенныхъ элемента въ вопросѣ о племенномъ родствѣ—языкъ и типъ—достаточно уже указываютъ на смѣшанность тундренныхъ родовъ и на взаимное вліяніе составляющихъ ихъ элементовъ. Тунгусы переняли юкагирскій языкъ, введя въ него извѣстное количество тунгузскихъ корней, а юкагиры приблизились къ тунгусамъ по физическимъ свойствамъ, сохранивъ нѣкоторыя племенныя особенности.

Тѣ же слѣды смѣшенія разнородныхъ этническихъ группъ мы находимъ въ бытѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ тундренныхъ родовъ. Относительно вѣрованій слѣдуетъ замѣтить, что они носятъ гораздо болѣе юкагирскій характеръ, чѣмъ тунгузскій. Не то съ матеріальнымъ бытомъ и обычаями; въ нихъ тунгузское вліяніе довольно сильно.

Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что древніе юкагиры области р. Колымы были рѣчными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками. Труднѣе рѣшить этотъ вопросъ по отношенію къ древнимъ тундреннымъ юкагирамъ, занимавшимъ рѣки Алазею и Большую Чукочью. Рѣшеніе этого вопроса связано съ другимъ вопросомъ—откуда взялся на тундрѣ домашній олень?

Есть указанія на то, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ недалекомъ еще прошломъ были мелкіе оленные роды, служившіе связью между юкагирами и чукчами. Къ нимъ можно причислить живущій еще остатокъ чуванскаго племени. Какой былъ у этихъ родовъ олень—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперешній тундренный домашній олень не чукотскій, а тунгузскій. Чукотскіе и тунгузскіе олени образуютъ по своимъ физическимъ свойствамъ двѣ вполнѣ отличныхъ расы. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что домашній олень пришелъ къ тундреннымъ юкагирамъ съ юга, вмѣстѣ съ тунгусами. Теперь же всѣ четыре рода—оленные люди. Но оленеводами въ строгомъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать. По произведенной мной на тундрѣ переписи оказалось,

Подледный промыселъ рыбы юкагировъ на р. Ясачной. (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

что изъ 66 шатровъ, составляющихъ 4 рода, одно только хозяйство имѣло 60 оленей, два по 50, а среднее—отъ 10 до 20 оленей. Всѣ же 66 семействъ имѣли вмѣстѣ 1020 оленей, въ то время какъ одинъ богатый чукча западной тундры, Арара, владѣетъ стадомъ въ 5000 оленей. У большинства изъ указанныхъ семействъ едва хватаетъ оленей на перевозку урасы, семьи и домашняго скарба при перекочевкахъ. Нѣкоторыя семьи имѣютъ всего 2—3 или 5 оленей, а для того чтобы двинуться въ путь средней семьѣ въ 5 человѣкъ, нужно отъ 20 до 30 санокъ, стало быть 20—30 оленей. Такіе люди кочуютъ въ хвостѣ болѣе богатаго родственника, пользуясь его лишними оленями, или они перевозятъ свое хозяйство по частямъ, причемъ взрослые и здоровые члены семьи ходятъ пѣшкомъ. Такой способъ кочевки называется на Колымѣ «кочевать съ отвозомъ». Такимъ образомъ домашній олень не только не питаетъ тундренныхъ людей, но и недостаточно выполняетъ свою роль рабочаго скота. Какъ и у юкагировъ—собаководовъ, главной пищей этихъ оленныхъ людей

служитъ рыба, добываемая ими въ рѣкахъ Алазеѣ и Большой Чукочьей и въ многочисленныхъ озерахъ тундры.

Въ рѣкахъ встрѣчается «бѣлая рыба» нельма, омуль, муксунъ, въ озерахъ чиръ, пелядь, щокуръ — это все различные виды Coregonus т. е. сига. Въ озерахъ, ближайшихъ къ морю, имѣется красная рыба «краска», одинъ изъ видовъ Salmo, кромѣ того водятся въ озерахъ щука, налимъ. Тундренные озерные чиры (Coregonus nasutus) подъ названіемъ Алёрскихъ, отъ имени двухъ озеръ—Большого и Малаго Алёрскаго, славятся вкусомъ во всемъ краѣ. Промышляютъ тундренные люди рыбу сѣтями изъ конскихъ волосъ, выѣзжая въ легкихъ челнокахъ изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, называемыхъ тамъ вѣтками. При переходѣ лѣтомъ отъ одного озера къ другому тундренные рыбаки волокутъ за собой челноки по мокрому мшистому грунту, точно санки, или переносятъ ихъ на плечахъ черезъ болота и кочки.

Тундренный рыбакъ переноситъ свой челнокъ изъ одного озера въ другое.

Побочнымъ источникомъ питанія служитъ охота на дикихъ оленей. Главный промыселъ оленей производится весной по насту, когда олени изъ лѣсовъ направляются для лѣтняго пребыванія къ морскому берегу, или на острова. Тогда, говорятъ юкагиро-тунгусы, слухъ дикаго оленя притупляется. Зимой же промыселъ на него трудный: олень не подпускаетъ къ себѣ, онъ слышитъ шумъ на далекомъ разстояніи. Это объясняется тѣмъ, что сжатый морозомъ воздухъ является хорошимъ проводникомъ звука. Зимой на тундрѣ малѣйшій шорохъ передается на десятки верстъ кругомъ. Вы слышите трескъ отъ замерзанія выдыхаемаго пара, и малѣйшее движеніе въ атмосферѣ отражается въ вашемъ ухѣ какимъ либо звукомъ или шумомъ. Трудна также охота на оленя осенью во время любовнаго сезона. Лѣтомъ тоже по временамъ удается убить оленя на озерѣ, куда онъ заходитъ, спасаясь отъ комаровъ, или подкрадываться къ нему на тундрѣ, ползая брюхомъ по мокрымъ мхамъ, ибо тамъ нѣтъ деревьевъ, за которыми охотникъ могъ бы скрываться во время частаго оглядыванія назадъ преслѣдуемаго оленя.

Интересно указать тутъ, что тундренные охотники употребляютъ еще на охотѣ главнымъ образомъ оружіе костяного вѣка—лукъ и стрѣлы, въ то время какъ у верхнеколымскихъ юкагировъ и лѣсныхъ тунгусовъ мы уже находимъ почти исключительно кремневую винтовку. Отсталость тундреннаго охотника объясняется не одной недоступностью для него оружія желѣзнаго вѣка, а также отсутствіемъ на тундрѣ бѣлки, для промысла которой необходимо ружье.

Охота Верхне-Колымскихъ юкагировъ на оленей по насту на лыжахъ (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

Значительнымъ подспорьемъ въ питаніи служитъ еще лѣтомъ перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами—стрѣлами, петлями и сѣтями, а во время линянія—просто палками, но праздникъ дичи продолжается не долго и, не смотря на то, что въ мерзлой почвѣ тундры всякая вырубленная топоромъ яма является естественнымъ ледникомъ, бродячіе люди мало кладутъ въ запасъ изъ убитыхъ птицъ. Отчасти это объясняется первобытной непредусмотрительностью, а отчасти краткостью сезона лѣтняго промысла рыбъ и птицъ.

При всемъ усердіи первобытнаго промышленника трудно тамъ ему за короткое время лѣтнихъ и осеннихъ промысловъ запасти пищу на весь годъ, особенно съ тѣми орудіями, которыя имѣются у жителей колымской тундры.

Лѣтомъ рѣдко у кого есть порядочная сѣть, а зимой нечѣмъ долбить толстый ледъ, чтобы сдѣлать прорубь. Трудно найти на тундрѣ желѣзное кайло, и саженный ледъ колютъ топоромъ, или ножами. Надо еще замѣтить, что люди, питающіеся главнымъ образомъ хлѣбной и другой растительной пищей, не могутъ имѣть яснаго представленія о томъ громадномъ количествѣ рыбы или мяса, которое потребно для годоваго прокормленія семьи, питающейся исключительно животной пищей. Я ѣмъ весьма мало, но когда отсутствовала другая пища, мнѣ нужно было 5 фунтовъ рыбы въ день, чтобы не чувствовалась пустота въ желудкѣ.

Такимъ образомъ по отношенію къ питанію тундренный годъ можно раздѣлить на сытые и голодные сезоны.

Первые бываютъ лѣтомъ во время хода рыбы въ рѣкахъ, осенью во время ея нереста въ озерахъ, а весной, если есть дикіе олени. Но оба рода промысла подвержены колебаніямъ и случайностямъ. Нерѣдко бываетъ, что сейчасъ за рѣкоставомъ запасная рыба кончается и начинается недоѣданіе. Въ зимнее же время, когда подъ толщей льдовъ рыба скрывается въ ямахъ озеръ или она уплываетъ изъ рѣкъ въ океанъ, наступающій голодъ заставляетъ тѣ или другія бѣдныя семейства уйти къ востоку отъ Колымы, или въ Индигирскую сторону, или на самой тундрѣ ходить за чукотскими лагерями въ качествѣ приживальщиковъ, пользующихся подачками и отбросами отъ чукочъ. Отношенія между богатымъ оленеводомъ чукчей и окружающимъ его станъ голоднымъ бродячимъ людомъ весьма любопытны. Примитивный оленеводъ,—чукча считаетъ себя обязаннымъ кормить голодныхъ людей, точно духъ покровитель стада даетъ его хозяину не въ полную собственность, а только въ завѣдываніе, для общей пользы, а бродячій тунгусо-юкагиръ смотритъ на себя, какъ на пайщика въ чукотскомъ стадѣ.

Впрочемъ къ этимъ первобытно-филантропическимъ отношеніямъ примѣшиваются еще обмѣнно-торговыя сношенія. Богатый чукча является не только кормильцемъ бѣдныхъ людей, но и торговцемъ-посредникомъ между настоящимъ купцомъ и промышленникомъ и получаетъ отъ своихъ кліентовъ песцовыя шкуры въ обмѣнъ за «ѣдёмныхъ», какъ говорятъ на Колымѣ, оленей. Разсчеты этого обмѣна бываютъ довольно запутаны, но въ общемъ за одного оленя считаютъ 2-хъ песцовъ *). Песцовый промыселъ и въ извѣстной степени нахожденіе мамонтовой кости даетъ бродячимъ людямъ тундры также средство для пріобрѣтенія русскихъ привозныхъ товаровъ, главнымъ образомъ кирпичнаго чаю и табаку, платковъ, бисеру, желѣзныхъ вещей, наконецъ водки. Мамонтовую кость находятъ лѣтомъ въ обвалахъ земляныхъ береговъ озеръ. Обыкновенно ее ищутъ артелями и на каждаго пайщика можетъ выйти 1—2 пуда кости. Оцѣниваютъ кость отъ 12 до 25 руб. за пудъ. Песцовъ хорошій промышленникъ добываетъ

*) Какъ въ Верхнеколымской части округа роль монетной единицы играетъ бѣличья шкурка, такъ на тундрѣ обращается песцовая шкура.

отъ 10 до 20 въ годъ и шкурка при обмѣнѣ оцѣнивается отъ 1 до 2 руб. Промышленникъ можетъ такимъ образомъ имѣть отъ 50 до 60 руб. въ годъ. Но если принять во вниманіе обмѣнныя цѣны—1 ф. табаку цѣной у насъ 7 к. засчитывается въ 1 руб., 30-ти копеечный топоръ—въ 3 рубля и т. д.—то покупательная способность охотника будетъ ничтожна и привитыя ему какъ вредныя, такъ и полезныя культурныя потребности остаются почти неудовлетворенными.

Главный обмѣнъ между тундренными людьми и русскими и якутскими торговцами производится на ярмаркѣ на Дулбѣ. Это мѣсто на тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Колымой. Туда въ октябрѣ мѣсяцѣ прикочевываютъ бродячіе роды, пріѣзжаютъ торговцы для обмѣна, исправникъ для полученія ясака и походный священникъ для совершенія требъ. Я не буду распространяться о характерѣ мѣновыхъ сношеній. Болѣе или менѣе они извѣстны. Они основаны на кредитѣ, на переходѣ долговыхъ обязательствъ по наслѣдству, такъ что каждый

Зимняя ураса у края лѣсовъ семьи князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода и его отца. Направо—женщины, налѣво—мужчины съ луками и стрѣлами.

инородецъ является на свѣтъ съ готовымъ дефицитомъ, на произволѣ въ разсчетахъ и чудовищныхъ процентахъ за отсрочки платежей. Если напр. кто нибудь не доставилъ на ярмарку 10 песцовъ согласно обязательству, то къ будущей ярмаркѣ онъ долженъ доставить 15, т. е. прибавляется 50%. Въ денежныхъ займахъ процентъ доходитъ до 100. Часто случается, что небольшой рублевый ясакъ, уплачиваемый, по обыкновенію, путемъ займа, выростаетъ, проходя черезъ рядъ отсрочекъ и мѣновыхъ разсчетовъ, въ стоимость полугодового промысла.

Для иллюстраціи мѣновыхъ отношеній я разскажу объ одной характерной сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто на тундрѣ передъ самымъ моимъ пріѣздомъ туда. Въ томъ году повезло семейству князца I-го алазейскаго рода. У князца есть еще два брата—лучшіе промышленники на тундрѣ и старикъ отецъ. Это самое почетное и богатое семейство на тундрѣ. Богатство ихъ заключается въ оленяхъ—у князца вмѣстѣ съ отцемъ ихъ около 100, затѣмъ въ числѣ и качествѣ промышленниковъ и наконецъ въ количествѣ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ долговъ. Степень задолженности тоже служитъ мѣриломъ

Жена (ламутка) и сестра
Князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

для представленія о богатомъ человѣкѣ. Около урасы князца, который самъ нерѣдко сидитъ безъ чаю и табаку, всегда всетаки ютится нѣсколько урасъ болѣе бѣдныхъ родовичей. Въ 1896 году выпало его семейству особое счастье. Братья его вырыли мамонтовый клыкъ въ 6 пуд. Такой вѣсъ чрезвычайно рѣдко попадается. Обыкновенно крупнымъ уже считается трехпудовый клыкъ. Чѣмъ крупнѣе клыкъ, тѣмъ онъ дороже. За особенно большой клыкъ купцы даютъ по 30 р.

съ пуда. Вѣсть объ этой находкѣ скоро распространилась по всему округу. Старика, отца князя, различные торговцы соблазняли самыми выгодными предложеніями для мѣны, но вѣрный своему постоянному заимодавцу, одному разбогатѣвшему торговлей среднеколымскому казаку, онъ выждалъ его пріѣзда на тундру. Чтобы устранить сразу всѣхъ конкуррентовъ, послѣдній, не упоминая о долгахъ, предложилъ за кость наличныя деньги, товаръ, который весьма дорого цѣнится въ округѣ. Въ виду наличности сдѣлки и старыхъ сношеній сошлись на 100 руб. Получивъ такую кучу денегъ, старый юкагиръ былъ въ восторгѣ. Онъ мечталъ уже о дешевой покупкѣ на деньги чаю и табаку, объ уплатѣ за всѣхъ родовичей ясаку и о полученіи взамѣнъ этого съ послѣднихъ съ выгодой для себя песцовъ. Послѣ угощенія водкой торговецъ рѣшилъ, что деньги ему нужно получить обратно и началъ въ искусной рѣчи излагать хозяину, какъ онъ, купецъ, всегда вѣрилъ ему, всегда былъ добръ къ нему, никогда не отказывалъ ему въ кредитѣ, всегда откладывалъ платежи; напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ не разъ заплатить осенью часть долга и такъ какъ онъ теперь имѣетъ

Средній братъ Князца. Жена Князца (ламутка). Князецъ 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

деньги, то долженъ исполнить обѣщаніе. Старикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая то крупная несправедливость, но всѣ слова купца онъ долженъ былъ подтвердить, ибо такъ оно и было. На возраженія, чѣмъ онъ заплатитъ ясакъ, торговецъ отвѣтилъ, что онъ никогда не отказывалъ его родовичамъ въ деньгахъ, пусть они къ нему обратятся. Въ концѣ концовъ купецъ получилъ 90 руб., но далъ юкагиру на 200 руб. товаровъ въ кредитъ, а его родовичамъ роздалъ

подъ промыселъ будущаго года мелкія суммы денегъ для платежа ясаку, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Кромѣ внѣшняго обмѣна еще производится на тундрѣ внутренній обмѣнъ, по пріобрѣтенію предметовъ не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Такъ напр. привозятъ изъ лѣсной полосы на ярмарку березовое дерево для полозьевъ и копыльевъ нарты, осиновыя доски для челноковъ и лиственничную сѣру для заливанія швовъ челнока; чукчи привозятъ оленьи жилы на нитки, тюленьи и моржевые ремни для связыванія частей нарты; якуты — коровьи ремни и конскій хвостовый волосъ на сѣти, чаще всего готовыя сѣти. Въ обмѣнъ на эти вещи идетъ пушнина, оленьи шкуры, оленье мясо, рыба, дичь, мамонтовая кость и даже тундренная морошка, которую доставляютъ русскимъ въ Средне-колымскъ.

Тундренный тунгусъ на бѣговыхъ санкахъ.

Послѣ ярмарки на Дулбѣ, съ наступленіемъ морозовъ и времени отсутствія солнца тунгусо-юкагиры спускаются съ тундры на югъ, въ притундренную полосу края лѣсовъ, гдѣ они соприкасаются съ зимниками-юртами полярныхъ якутовъ. Тамъ они ставятъ свои кожаныя урасы и самое сѣверное дерево— лиственница доставляетъ имъ топливо для очага и нѣсколько защищаетъ отъ снѣжныхъ заносовъ и отъ вѣтровъ, столь безпощадныхъ на тундрѣ во время жестокихъ морозовъ. Но не смотря на постоянно поддерживаемый огонь, температура въ кожаномъ домѣ съ дымовымъ отверстіемъ немногимъ выше, чѣмъ на дворѣ. Впрочемъ за исключеніемъ стариковъ обитатели урасы проводятъ большую часть дня и даже ночи на морозѣ. Защита оленей (для чего нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ) отъ изобилующихъ на краю лѣсовъ волковъ требуетъ постояннаго надзора за ними со стороны молодыхъ людей; женщины и подростки ставятъ зимой петли на куропатокъ, рубятъ и возятъ дрова, охотники ищутъ песцовъ и дикихъ оленей. Такъ проводятъ они время въ лѣсу, пока еще есть запасы пищи отъ осенняго рыбнаго промысла. Часто приходится зимой съѣсть весь приплодъ, обмѣнять ѣздовыхъ оленей у чукочъ на ѣдемныхъ или, если чукчей нѣтъ вблизи, съѣсть свои перевозочныя средства и остаться пѣшими.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда полярная весна возбуждаетъ новыя надежды и вызываетъ заснувшій край къ новой жизни, тунгусо-юкагиры оставляютъ лѣса и начинаютъ двигаться на сѣверъ въ голую и глухую тундру. Бѣдные люди еще раньше уходятъ на сѣверъ, чтобы раздобыть пищу у чукочъ на морскомъ берегу. Еще стоятъ 20 и даже 30-ти градусные морозы, но это уже считается теплымъ временемъ. Солнце уже большую часть дня стоитъ надъ горизонтомъ, и непосредственный свѣтъ его лучей въ соединеніи съ ихъ яркимъ отраженіемъ на необозримомъ снѣжномъ покровѣ вызываетъ явленіе, хорошо знакомое альпійскимъ путешественникамъ и извѣстное подъ именемъ снѣжной слѣпоты. Глаза инородца довольно хорошо переносятъ этотъ ослѣпительный блескъ. Впрочемъ и они употребляютъ различнаго рода окуляры въ видѣ сѣтокъ изъ чернаго конскаго волоса, металлическихъ пластинокъ или просто кусочковъ березовой коры съ узенькими щелями для глазъ, уменьшающими силу свѣта. Время это представляетъ собой полярную весну и если промыселъ оленей удаченъ, это самое веселое время на тундрѣ.

Въ началѣ іюня, съ таяніемъ снѣговъ и вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, сразу наступаетъ полярное лѣто. Тундра покрывается зеленовато-сѣрымъ ковромъ травъ и мховъ, но съ моря дуютъ холодные вѣтры съ туманами, такъ что тундреннымъ людямъ нѣтъ необходимости мѣнять зимнюю одежду на лѣтнюю. Они и лѣтомъ носятъ свои кафтаны изъ мохнатыхъ оленьихъ шкуръ, въ то время, какъ верхнеколымскіе юкагиры лѣтомъ одѣваются въ одежду изъ тонкой хорошо выдѣланной замши. Все лѣто тунгусо-юкагиры проводятъ далеко за краемъ лѣсовъ, но на 100—200 верстъ не доходятъ до океана. Какъ и колымскіе юкагиры, это не морскіе *) люди и съ морскими промыслами они не знакомы. Они промышляютъ рыбу въ нижнемъ теченіи Алазеи и Б. Чукочьей и на озерахъ. Тамъ для топлива попадаются уже только ползучіе кустарники; иной разъ, чтобы имѣть возможность вскипятить чай, приходится ѣхать къ морскому берегу за плавникомъ, жечь запасныя жерди урасы или старую нарту. Хотя комаровъ на сѣверной тундрѣ меньше, чѣмъ въ лѣсахъ, но они достаточно мучатъ людей и животныхъ. Чтобъ избавиться отъ нихъ, разводятъ дымокуры изъ торфяныхъ кочекъ. Но въ смыслѣ питанія короткое лѣто является самымъ лучшимъ временемъ года. Такъ живутъ тунгусо-юкагиры до наступленія зимы. Потомъ они снова спускаются на югъ, въ зону лѣсовъ.

Изъ краткаго обзора матеріальнаго быта тундренныхъ родовъ достаточно явствуетъ, насколько онъ является смѣшаннымъ, тунгусо-юкагирскимъ или оленно-рыболовческимъ, но не мѣшаетъ указать еще на нѣкоторыя особенности этого быта. Тундренные люди употребляютъ оленя, какъ въ упряжи, такъ и подъ сѣдломъ, въ то время какъ горные ламуты ѣздятъ только верхомъ, а чукчи только на нартѣ. Нарта тундренная чукотскаго типа. Ураса же тундренная чисто тунгуз-

*) Здѣсь я слово морской употребляю не въ локальномъ, а въ настоящемъ его значеніи.

ская. Она состоитъ изъ нижней цилиндрической части, и верхней—конической. Ни чукчи, ни верхнеколымскіе юкагиры таковой не ставятъ.

Еще болѣе любопытный матеріалъ для сужденія о смѣшеніи на тундрѣ различныхъ племенныхъ элементовъ даютъ обычаи при сватовствѣ и бракѣ.

Положеніе дѣвушки въ семьѣ до замужества одинаково какъ у тундренныхъ родовъ, такъ и у верхнеколымскихъ юкагировъ. Названіе для дѣвушки въ языкѣ есть «Мàрхіl», но оно не связано съ понятіемъ о невинности, а со свободой располагать собой. Дѣвушка, достигшая зрѣлаго возраста, получаетъ въ урасѣ отдѣльный пологъ (палатка), и пріѣзжій, ночуя въ урасѣ, не лишенъ права расчитывать на благосклонность свободныхъ отъ брачныхъ узъ особъ. Древне-юкагирскій обычай предписывалъ класть гостей на дѣвичью постель. Это была добрачная поліандрія.

Тундренный юкагиръ старикъ Ягловскій готовитъ для меня съ женой дорожный чукотскій зимній пологъ изъ мохнатыхъ шкуръ.

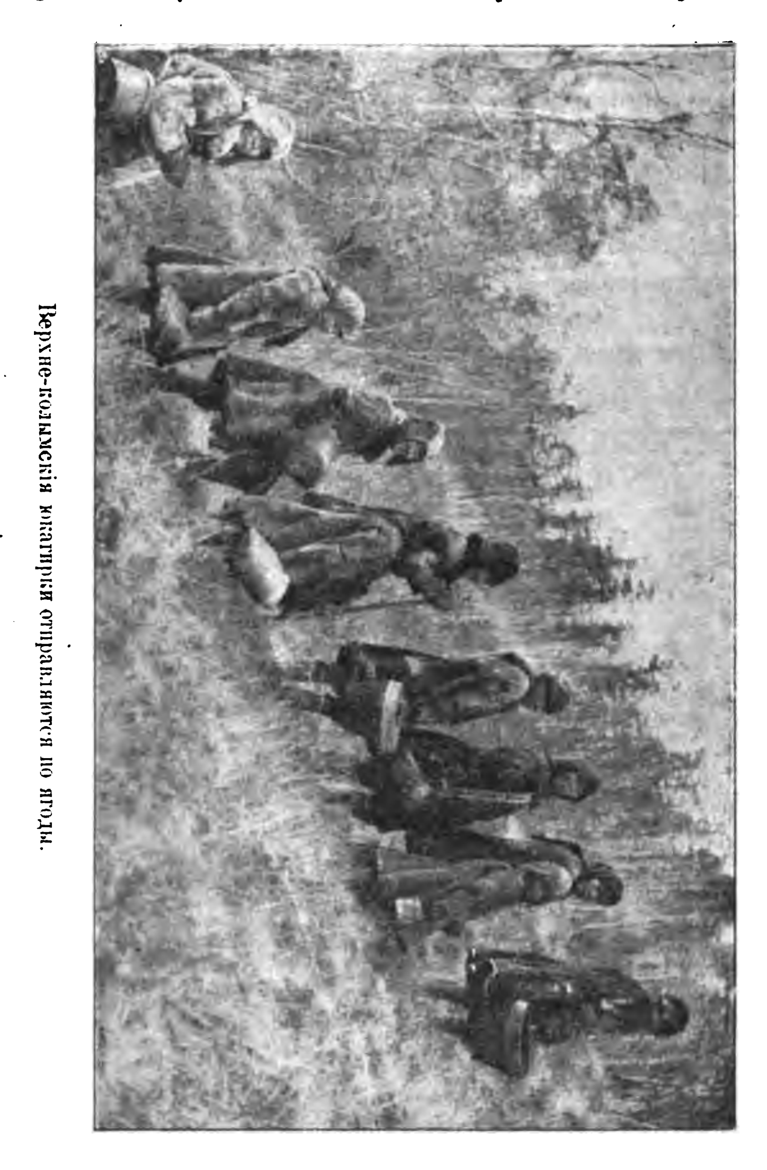
Мой переводчикъ юкагиръ Долгановъ разъ при мнѣ спросилъ у старика, хозяина урасы на Коркодонѣ, у котораго мы остались ночевать: — «Дѣдъ, гдѣ я спать буду? и послѣдній отвѣтилъ: «ложись съ дѣтьми». У старика были двѣ дочери дѣвушки. Въ сказкахъ встрѣчаются разсказы, въ которыхъ глава семьи указываетъ, на чью именно постель лечь—старшей или младшей. Замѣчу, впрочемъ, что на р. Ясачной жена князца на мои разспросы по этому поводу отвѣтила, что умная дѣвушка не снимаетъ передника, если не любитъ гостя.

Внутри рода отношенія между полами таковы, что юноши рѣдко проводятъ ночь дома. Свободныя отношенія имѣютъ мѣсто среди самыхъ близкихъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, несмотря на запрещенія священниковъ *), и что еще болѣе удивительно, по обычаю, родные, двоюрод-

*) Юкагиры всѣ православные.

ные, троюродные и т. д. братья и сестры, т. е. каждое данное поколѣніе группы, связанной кровнымъ родствомъ, не должны между собой разговаривать.

Замѣчу мимоходомъ, что юкагирская система родства вполнѣ похожа на системы родства американскихъ индѣйцевъ, приведенныя Морганомъ. Старшій

Верхне-колымскія юкагиры отправляются по ягоды.

братъ матери называется дѣдомъ, а старшій братъ отца называется «большимъ отцемъ». Не смотря на эндогамическій характеръ брака, обычай не говорить между собой распространяется въ системѣ родства на три группы родственниковъ. Первая группа погільпā обнимаетъ отца, мать, и старшихъ братьевъ женщины по отношенію къ ея мужу и обратно. Вторая группа ніальпā обнимаетъ отца, мать, старшихъ братьевъ мужчины по отношенію къ его женѣ и обратно. Третью группу āмджāпул составляютъ братья и сестры въ прямой, т. е. родные, и

во всѣхъ боковыхъ линіяхъ т. е. все данное поколѣніе рода *). Этотъ обычай называется нехіjінчі — «взаимно стѣсняются» и очевидно предупреждалъ половыя сношенія среди извѣстныхъ степеней родства, а между тѣмъ сожительство двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не считается за грѣхъ. Интересную юкагирскую семью я видѣлъ на р. Коркодонѣ. Эта самая большая и уважаемая семья. Мужъ и жена—двоюродные братъ и сестра, старики 70—75 лѣтъ. Они говорятъ между собою во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Дѣти считаются незаконными. Старикъ много разъ обращался съ просьбой, чтобы его обвѣнчали. Когда я готовился въ 1896 г. ѣхать съ р. Ясачной на р. Коркодонъ, старикъ этотъ, по приказанію верхнеколымскаго священника, долженъ былъ оставить семью и жить на р. Ясачной у чужихъ. Но, за отсутствіемъ другихъ опытныхъ проводниковъ, я долженъ былъ его взять съ собой и такимъ образомъ онъ могъ увидѣться со своей семьей.

На тундрѣ тѣ же самыя отношенія къ дѣвушкѣ, какъ въ верховьяхъ р. Колымы.

Весьма характерный отвѣтъ я получилъ отъ одного старика Бетильскаго рода, имѣющаго взрослыхъ дочерей, на мой вопросъ, какъ они смотрятъ на свободныя сношенія молодыхъ людей. «Это не считаемъ за грѣхъ, сказалъ онъ, отецъ дѣвушки не сердится, ибо она сама согласилась. Если парень не нравится отцу, то онъ про себя будетъ недоволенъ, замужъ не дастъ, но ничего не скажетъ, не станетъ ругаться, чтобы дитя свое не конфузить». Вообще родители и др. родственники дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ночныхъ посѣщеній полога дѣвушки молодыми людьми. Но свобода дѣвушки не исключаетъ съ ея стороны предпочтенія того или другого лица, т. е. настоящей любви. Такая связь кончается бракомъ, если роднѣ невѣсты нравится женихъ. Женихъ разумѣется является посѣтителемъ полога невѣсты задолго до начала сватовства. Это—періодъ испытанія, насколько прочна привязанность молодыхъ людей. Неоффиціальное положеніе жениха весьма часто легализируется услугами и подарками, которые онъ доставляетъ отцу или другимъ старшимъ родственникамъ невѣсты. Женихъ дровъ привезетъ или доставитъ результатъ своего промысла: рыбу, оленя, песца и т. д., и отецъ невѣсты принимаетъ приношенія молча, не показывая никакого вида, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Такія услуги разсматриваются на тундрѣ, какъ начало выкупа (уоленгъ—цѣна) и называются ханджай, а у юкагировъ, какъ начало отработка (эймэ). Эти услуги впрочемъ ни къ чему не обязываютъ обѣ стороны. Завязанныя отношенія могутъ прекратиться безъ всякаго ущерба для чести невѣсты. Благоволеніе же отца невѣсты къ услугамъ жениха разсматривается, какъ моментъ благопріятный для начала сватовства.

Начиная съ сватовства и кончая свадьбой, мы уже видимъ въ обычаяхъ тундренныхъ родовъ рядомъ съ юкагирскими и тунгузскіе обычаи, значительно

*) Полную таблицу системы родства юкагировъ на обоихъ нарѣчіяхъ я помѣстилъ въ печатающихся матеріалахъ по юкагирскому языку и фольклору. См. прим. стр. 2.

измѣняющіе архаическій строй юкагирскихъ семейныхъ отношеній. Для удобства сравненія я предварительно приведу главные моменты въ юкагирскомъ сватовствѣ и бракѣ.

Согласно преданіямъ, надо думать, что сватовство у юкагировъ есть институтъ позднѣйшаго времени, заимствованный у пришлыхъ племенъ, пріобрѣтающихъ невѣсту куплей, а также у русскихъ. Въ старину, разсказываютъ,

Чукча съ женой юкагиркой въ чукотскомъ костюмѣ.

молодой человѣкъ устраивалъ свои дѣла безъ чьего либо посредства. Женихъ или скорѣе супругъ-экстернъ, желая сдѣлаться супругомъ-интерномъ, три дня кололъ дрова передъ урасой тестя, накладывая кучу выше его жилища. На четвертый день послѣдній начиналъ пользоваться дровами, если желалъ принять зятя. Тогда женихъ ночью, какъ обыкновенно, приходилъ въ пологъ невѣсты, но приносилъ уже съ собой свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, ставилъ ихъ на видномъ мѣстѣ и утромъ оставался въ домѣ тестя, точно старый членъ. Такимъ образомъ юкагирскій бракъ отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ либо свадебныхъ церемоній; я конечно не говорю о церковномъ обрядѣ, совершающемся post factum. И теперь женихъ, сватовство котораго принято, является

ночью къ невѣстѣ и утромъ остается у тестя, ничего не принося съ собой, кромѣ одного кремневаго ружья, ибо говорятъ юкагиры, онъ приходитъ на «готовое ложе». Онъ у жены находитъ также новый костюмъ, ею для него сшитый. Любопытно также, что рыболовныя снасти должны быть у невѣсты, хотя сѣти ставятъ мущины. Только охотничье оружіе приноситъ женихъ. Но со дня вступленія въ домъ невѣсты ея отецъ или старшій братъ перестаютъ обращаться къ зятю прямо, а во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Въ такой формѣ старикъ говоритъ: «На такой то рѣкѣ ловушки не насторожены», ни къ кому не обращаясь, и зять идетъ ихъ сторожить или тесть скажетъ: «Сѣти надо бы посмотрѣть», и зять идетъ смотрѣть сѣти.

Изъ записаннаго мной на р. Ясачной образца юкагирскаго сватовства, я укажу наиболѣе интересныя мѣста. Сватовство рѣдко кончается въ одинъ день. Сватъ обыкновенно много разъ ходитъ и уходитъ съ отвѣтомъ отца невѣсты или старшаго брата, чтобы «ихъ такими рѣчами не встрѣчали». Бываетъ, что родня невѣсты тянетъ нѣсколько лѣтъ, испытывая солидность привязанности жениха или его усердіе на охотѣ, или просто по капризу, потому что такъ принято. Въ первый разъ сватъ, предлагая союзъ, отъ имени родныхъ жениха проситъ родню невѣсты сидѣть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное мѣсто въ рѣчахъ свата—слѣдующія слова его, обращенныя къ родителямъ невѣсты послѣ ихъ обычнаго первоначальнаго отказа: «Отецъ — мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?» въ каковыхъ словахъ выражается просьба пріобщить жениха къ культу предковъ семьи невѣсты, культу чрезвычайно развитому у юкагировъ. Затѣмъ интересенъ отвѣтъ на это отца невѣсты: «мои люди, моя родня какія слова изрекутъ, я не знаю», указывающій на участіе всего рода въ рѣшеніи вопроса, принять ли въ домъ зятя. Наконецъ, отецъ невѣсты даетъ согласіе, но ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома. Вообще поселеніе жениха въ домѣ тестя является правиломъ, но и теперь и въ старину бывали исключенія. Напр., если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятья переходили изъ дома въ домъ.

Тундренныя тунгуски
въ тунгузскомъ костюмѣ. въ чукотскомъ костюмѣ.

Обратившись къ сватовству и браку тундренныхъ родовъ, мы увидимъ, насколько въ нихъ тунгузскій элементъ уже смѣшанъ съ юкагирскимъ. Какъ изъ верхнеколымскаго сватовства, я и изъ записаннаго мной текста сватовства на

тундрѣ обращу вниманіе на самыя интересныя мѣста. Женихъ былъ богатый старикъ вдовецъ, а невѣста молодая дѣвушка, любившая уже одного бѣднаго юношу. Это была цѣлая драма. Ее не заставляли выходить за старика, но было оказано нравственное давленіе такъ же тонко, какъ у культурныхъ людей, такъ что подчиненіе обычаю и желанію родни подавило голосъ сердца.

Духъ рѣчей свата и родственниковъ невѣсты—говорить о вещахъ не прямо, а намеками и аллегоріями—чисто юкагирскій, но содержаніе ихъ уже иное. Сватъ тоже долго ходилъ, пока получилъ согласіе, хотя родня невѣсты очень желала богатаго жениха. На тундрѣ сватъ получаетъ отъ жениха за труды оленя, который называется арйматунгелъ, что значитъ «на починку подошвъ», ибо свату иной разъ приходится не одну пару обуви износить, пока получаетъ согласіе.

Въ тундренномъ сватовствѣ отсутствуетъ самое существенное изъ юкагирскаго сватовства—обращеніе свата къ роднѣ невѣсты о допущеніи жениха къ огню ихъ очага, ибо не женихъ переходитъ въ домъ невѣсты, а послѣдняя покупается и переходитъ въ домъ родни жениха т. е. материнскій строй семьи рыболововъ-охотниковъ—юкагировъ перешелъ въ патріархально-родовой—тунгусовъ-оленеводовъ. Чтобъ характеръ юкагирскаго матріархата не былъ ложно понятъ, необходимо прибавить, что въ обоихъ типахъ семьи значеніе мужчины почти одинаково. И въ юкагирской семьѣ, въ которой кровное родство ведется по женской линіи, авторитетомъ пользуется, за исключеніемъ хозяйственной сферы, старшій мужчина—дѣдъ или старшій братъ матери. Наконецъ, пришлый зять, причисленный къ семьѣ обрядомъ пріобщенія къ семейному культу, становится домоправителемъ, если въ семьѣ нѣтъ старше его мужчинъ.

Какъ на тунгузское вліяніе, надо также смотрѣть на усиленіе значенія рода въ дѣлѣ отдачи замужъ дѣвушки. Когда сватъ приходитъ, приглашаются всѣ родственники невѣсты, и сватъ обращается не къ однимъ ея родителямъ, а ко всему роду, и согласіе является результатомъ общаго соглашенія всѣхъ родственниковъ. Основой, какъ материнской семьи юкагировъ, такъ и патріархальнаго рода тунгусовъ, одинаково служитъ кровное родство, въ первой по женской линіи, во второмъ по мужской. Но хотя въ материнской семьѣ кровное родство надежнѣе, патріархальный родъ тѣмъ не менѣе дисциплинированнѣе.

Но вотъ сватъ истощилъ все свое краснорѣчіе и терпѣніе и получаетъ все-таки отказъ; тогда онъ является съ оленемъ и со шкурой лисицы, песца или болѣе цѣннаго мѣха и говоритъ, что это онъ даритъ родственникамъ невѣсты, чтобы открыть у нихъ ротъ. Это обычай какъ тунгузскій, такъ и якутскій, но не юкагирскій. Наконецъ сватъ получаетъ согласіе. Тогда начинаются переговоры о количествѣ калыма, о чемъ въ собственно-юкагирскомъ сватовствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны, какъ на остатокъ юкагирскаго семейнаго строя надо смотрѣть на роль старшаго брата невѣсты, къ которому въ извѣстномъ мнѣ сватовствѣ отецъ обратился за совѣтомъ, и на рѣшающее значеніе словъ матери, сказавшей, чтобы свата больше не

мучили. Кромѣ того, какъ пережитокъ обычая перехода жениха въ домъ тестя, рядомъ съ выкупомъ, остался на тундрѣ обычай отслуживанія. Обыкновенно невѣста не сейчасъ переходитъ въ семью жениха, а послѣдній послѣ удачнаго исхода сватовства, нѣсколько лѣтъ служитъ у родныхъ невѣсты. Срокъ службы не бываетъ больше 7 лѣтъ, и тесть довольный зятемъ работникомъ, обыкновенно сбавляетъ количество оленей условленнаго выкупа и увеличиваетъ приданое.

Тундренная свадьба, т. е. переходъ невѣсты въ домъ родителей, бѣдна обрядами, но, по сравненію съ отсутствіемъ въ юкагирскомъ бракѣ какихъ бы

Тундренная свадьба.

то ни было свадебныхъ празднествъ, она является торжественнымъ моментомъ въ однообразной жизни полярнаго кочевника. Разумѣется свадебныя дѣйствія въ этомъ торжествѣ не юкагирскаго происхожденія. Главнымъ образомъ они принесены тунгусами, но символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь, при измѣненіи условій брака, потеряло уже всякій смыслъ. Кромѣ того на то или другое дѣйствіе очевидно повліяли съ одной стороны якутскіе, съ другой— чукотскіе обычаи. Укажу вкратцѣ на главные моменты свадьбы. Передъ переходомъ невѣсты изъ родительскаго дома въ домъ жениха, родня послѣдняго прикочевываетъ со своимъ стойбищемъ близко къ стойбищу родни невѣсты. За невѣстой отправляется одна только сваха—жена свата. Отецъ невѣсты вмѣстѣ съ другими родственниками тогда ловятъ оленей, назначенныхъ для приданаго и запрягаютъ ихъ въ нарты, а женщины укладываютъ на нихъ одежду, хозяйственныя вещи, принадлежности женскихъ работъ и постель. Сверху кладутъ подарки для родственниковъ жениха. Потомъ отецъ невѣсты колетъ оленя, и при переодѣваніи невѣсты, ей мажутъ свѣжей кровью всѣ суставы. Этотъ обрядъ называютъ меріэшумъ т. е. вымываніе или помазаніе. Наружно онъ походитъ

на помазаніе невѣсты жертвенною кровью у чукочъ, но у нихъ это дѣлаютъ въ домѣ родителей жениха, при пріемѣ невѣсты какъ обрядъ пріобщенія ея къ новому семейному культу. Тутъ надо полагать это имѣетъ значеніе отлученія ея отъ семейнаго культа родителей. Послѣ этого невѣсту передаютъ въ руки свахи, она сажаетъ ее на первую нарту, къ которой привязаны всѣ остальныя и пѣшкомъ уводитъ поѣздъ къ стойбищу жениха. При отправленіи поѣзда, родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, чтобы прострѣлить глаза злыхъ дьяволовъ, и возвращаются въ урасу. Подъѣхавъ къ урасѣ родителей жениха, сваха три раза обводитъ по солнцу кругомъ дома поѣздъ, отпускаетъ оленей къ стаду, вымазавъ ихъ рога краской изъ отвара ольховой коры, какъ это дѣлаютъ чукчи, и ставитъ нарты полукругомъ у того мѣста урасы, гдѣ внутри помѣстятъ постель невѣсты. Изъ урасы никто не выходитъ на встрѣчу, только молодая дѣвушка поднимаетъ шкуру, служащую дверью, и пропускаетъ въ урасу сваху, ведущую невѣсту за руку. Тутъ невѣста кланяется всѣмъ родственникамъ жениха и ставитъ на очагъ, какъ будущая его жрица, нѣсколько полѣньевъ, а сваха заноситъ и раздаетъ роднѣ жениха подарки. Затѣмъ женихъ со сватомъ, въ сопровожденіи молодыхъ людей, берутъ оленей, назначенныхъ для выкупа и отправляются къ отцу невѣсты. Въ доставленіи выкупа участвуютъ всѣ родственники жениха, какъ въ снаряженіи приданаго всѣ родственники невѣсты. Отецъ невѣсты, принявъ выкупъ, раздаетъ по оленю родственникамъ, а остальныхъ пускаетъ въ свое стадо. Женихъ со сватомъ, по возвращеніи домой, заявляютъ, что выкупъ принятъ. Тогда хозяинъ посылаетъ свата просить родню невѣсты на свадебный пиръ. Во время пиршества женихъ и невѣста отдѣляются за отдѣльный отъ другихъ гостей столъ т. е. имъ кладутъ на шкуры, на которыхъ они сидятъ, отдѣльную доску. Послѣ угощенія раздаютъ подарки родственникамъ невѣсты.

При описаніи сватовства я уже указалъ, какое значеніе имѣютъ всѣ кровные родственники въ рѣшеніи вопроса о выдачѣ замужъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ свадебныхъ обычаяхъ. Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты всѣ родственники участвуютъ въ доставленіи предметовъ для подарковъ, оленей для выкупа и для приданаго. Это весьма характерный признакъ для общественныхъ отношеній, основаныхъ на единствѣ крови и обнимаемыхъ понятіемъ родового быта. Остальныя свадебныя дѣйствія ужъ не такъ легко объяснить, и то, что могло бы хоть символически указать на прежній обычай умыканія, приписываемаго тунгусамъ, потерялъ теперь всякій смыслъ, ибо, если раньше у пришлыхъ на тундру тунгусовъ, какъ у другихъ вѣтвей тунгузскаго племени, преобладалъ экзогамическій бракъ, то теперь подъ юкагирскимъ вліяніемъ бракъ сдѣлался преимущественно эндогамическимъ. Значительная часть замужнихъ женщинъ на тундрѣ не только одного рода съ мужемъ, но нерѣдко носятъ одну и туже фамилію, что указываетъ на кровное родство. Изъ опроса мной 41 замужнихъ женщинъ Бетильскаго рода оказалось, что 20 изъ нихъ происходятъ изъ того же рода, а 21 распредѣлены между ламутками, юкагир-

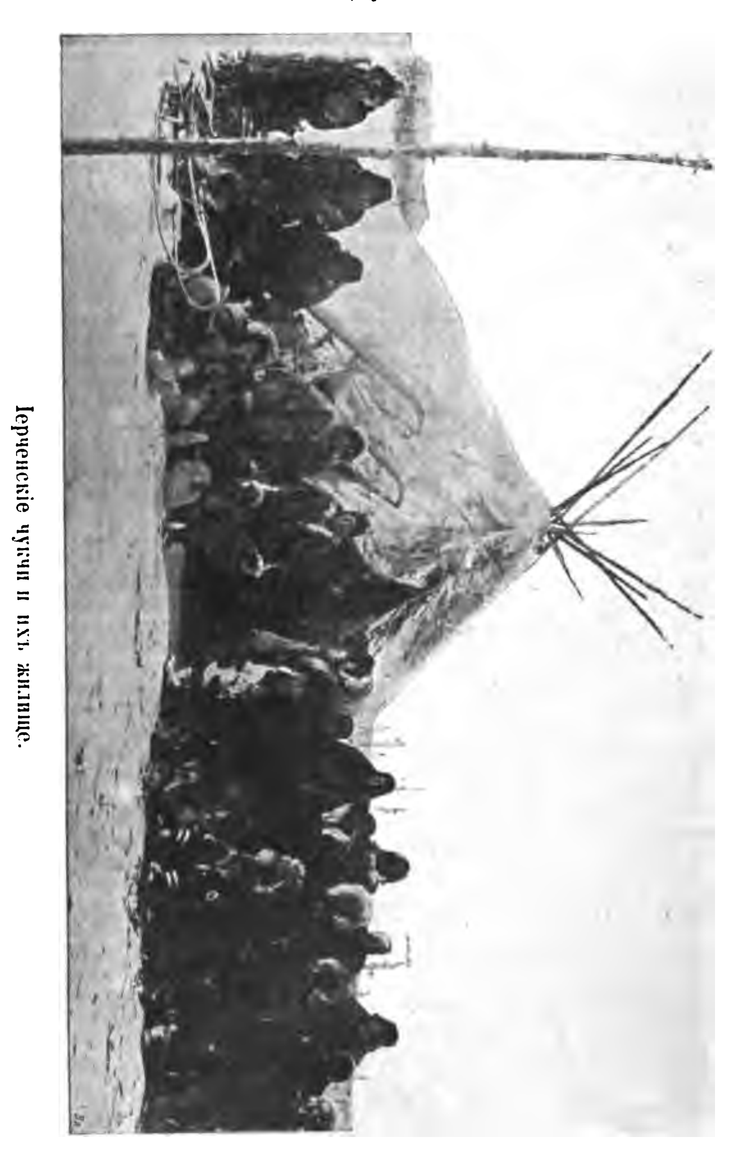
ками и чукчанками. Впрочемъ, только одно свадебное дѣйствіе—обмѣнъ подарками, символически можетъ еще представлять мировую, но мы почти ужъ не видимъ другихъ пережитковъ похищенія. За невѣстой приходитъ одна сваха, а не вооруженный поѣздъ родственниковъ жениха, какъ у якутовъ, родственники невѣсты стрѣляютъ въ злыхъ духовъ, а не въ похитителей, подарки даютъ

Ночлегъ на снѣгу на берегу р. Коркодона (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

раньше родственники невѣсты, а калымъ посылается родней жениха послѣ того, какъ сватьей доставлена имъ невѣста съ приданымъ. Въ якутскомъ бракѣ, въ которомъ есть много слѣдовъ прежняго умыканія, раньше выплачивается калымъ, а потомъ невѣста переходитъ въ домъ жениха. Отдѣленіе же молодыхъ за особый столъ сближаетъ тундренную свадьбу съ якутской, указывая на подчиненную

роль вступающихъ въ бракъ по отношенію къ группѣ лицъ, связанныхъ единствомъ крови. Калымъ, какъ вознагражденіе за убытки роду невѣсты, тоже фактически не существуетъ, ибо отецъ невѣсты и ея родственники тратятъ обыкновенно на приданое больше, чѣмъ калымъ стоитъ. Кромѣ того молодые черезъ годъ послѣ свадьбы объѣзжаютъ родственниковъ невѣсты и получаютъ

Іерченскіе чукчи и ихъ жилище.

назадъ оленей, доставшихся имъ изъ калыма. Этотъ обычай такъ и называется нятмар мэнга т. е. обратно взяли.

Мы видѣли, что во всѣхъ сферахъ тунгусо-юкагирскихъ взаимовліяній въ отношеніи къ языку, быту, обычаямъ и т. д. мы имѣемъ два элемента, изъ которыхъ преобладаетъ юкагирскій, только въ физическомъ типѣ и въ брачныхъ обычаяхъ тунгузскій элементъ выступаетъ рѣзче. Объюкагиреніе же полярнаго

осколка тунгузскаго племени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что культура юкагирскаго племени примитивнѣе, архаичнѣе тунгузской. Если на Ленѣ, Янѣ, въ Туруханскомъ краѣ *) тунгусы ассимилировались съ якутами, то общественная организація и матеріальная и духовная культура послѣднихъ выше тунгузскихъ, здѣсь же ассимиляція тунгусовъ является пониженіемъ ихъ культурнаго типа.

Что касается религіозныхъ воззрѣній, то скажу только въ общемъ, что, несмотря на сходство шаманскихъ религій вообще, очень легко опозить, что духъ юкагирскихъ вѣрованій взялъ верхъ. Особенно интересенъ культъ предковъ, получившій у юкагировъ свое высшее развитіе. Недавнее поклоненіе черепу умершаго представителя рода еще живетъ въ памяти тундренныхъ обитателей. Мало того, даже къ западу отъ Индигирки, тамъ гдѣ юкагирскіе роды обламутѣли по языку, мы встрѣчаемъ совершенно юкагирскій характеръ вѣрованій.

Даже на р. Янѣ, гдѣ юкагиры успѣли подвергнуться вторичной ассимиляціи, гдѣ они послѣ того какъ обламутились, теперь, вмѣстѣ съ ламутами, вполнѣ ассимилировались съ якутами, еще сохранились преданія о чисто юкагирскомъ культѣ предковъ. Я записалъ тамъ тѣже разсказы, какіе мной были записаны въ верховьяхъ Колымы, на 2500—3000 верстъ къ юго-востоку отъ Яны. Согласно этимъ преданіямъ, умершаго шамана или представителя рода анатомировали люди, одѣтые въ маскахъ и перчаткахъ, чтобы лицо ихъ не видѣло тѣла покойнаго и голыя руки не прикасались къ нему, потомъ при помощи крючковъ и костяныхъ ножей они снимали и счищали съ костей мясо. Послѣднее вялили на солнцѣ, чтобы оно не гнило и клали въ гробницы, поставленныя на высокихъ деревьяхъ или столбахъ, или вмѣстѣ съ собачьими жертвами оставляли въ тальничной урасѣ, а кости дѣлили между всѣми членами рода, носившими ихъ съ собой, какъ амулеты, и вопрошавшими ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Черепъ же получалъ старшій въ родѣ. Поставленному на деревянный чурбанъ и одѣтому въ лучшую одежду, черепу воздавали божескія почести, приносили жертвы и называли хоілъ т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ нынѣ называютъ христіанскаго Бога **). Въ устьѣ Яны мнѣ передавали, что тамъ и засушеное мясо покойниковъ носили въ кожаныхъ мѣшочкахъ въ качествѣ амулетовъ. Устьянскій священникъ мнѣ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще нашелъ такой амулетъ у одного омолойскаго юкагира.

---

*) Я полагаю, что Долгане тоже объякутѣвшіе тунгусы или якуто-тунгусскіе метисы.

**) Весьма интересно указать на то, что, вскрывая и препарируя покойниковъ, юкагиры сдѣлались хорошими анатомами. Они знали всѣ кости скелета, положеніе внутреннихъ органовъ и въ извѣстной степени ихъ отправленія. Мало того по названіямъ въ языкѣ кровеносныхъ сосудовъ и сердца можно было бы подумать, что, если древніе юкагиры не предупредили открытіе Гарвея, то по крайней мѣрѣ имъ было знакомо, что кровь движется по тѣлу и направляется отъ сердца по сосудамъ. Кровеносные сосуды юкагиры называютъ лäпун-чуго т. е. кровяныя дороги и артеріи въ отличіе отъ венъ называютъ äджун-лäпун-чуго, т. е. живая кровяная дорога. Сердце же они называютъ ч у г о д ж ä или чубоджä, что означаетъ—бѣгъ, движеніе или—я бѣгу, я двигаю. Бьющійся пульсъ—јуку-чубоджä т. е. маленькое сердце.

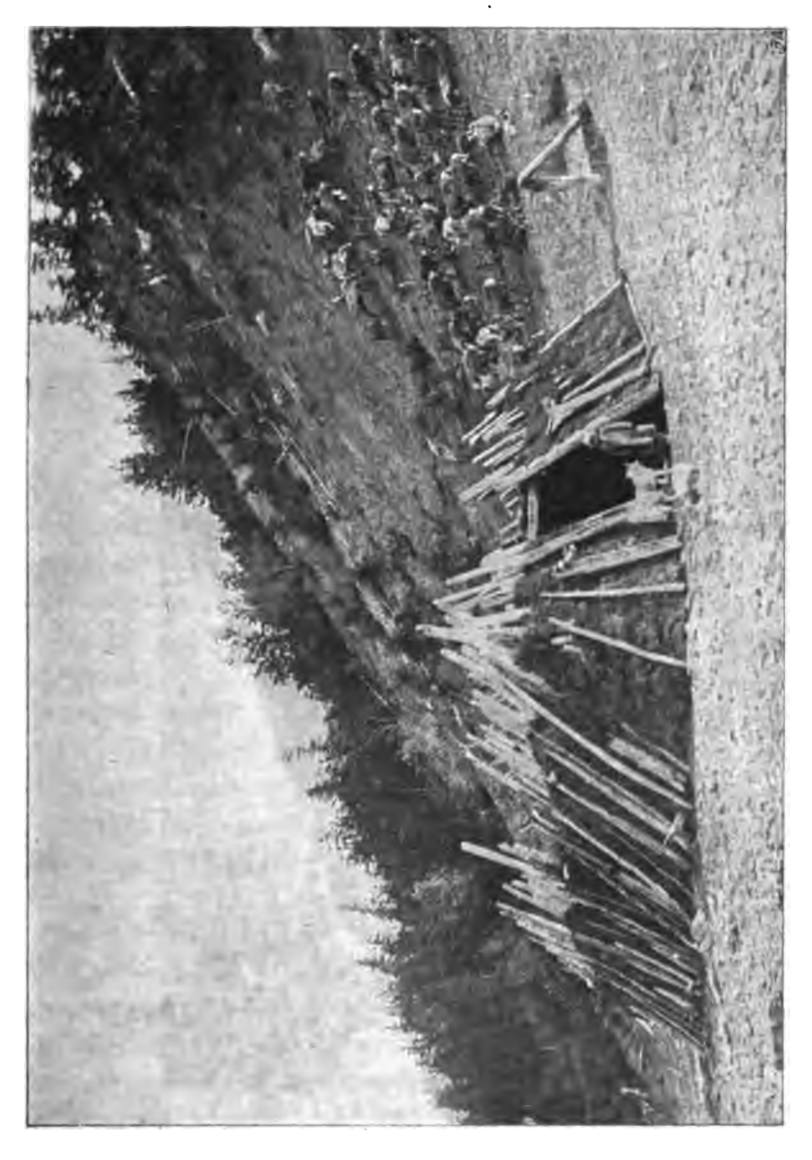
Чтобы закончить свой докладъ о бродячихъ родахъ тундры необходимо, прибавить кое что объ ихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ якутамъ, съ другой къ чукчамъ. Духовное вліяніе якутовъ на эти роды выражается въ томъ, что но якутски они всѣ говорятъ, какъ по юкагирски. Въ Якутской области якутскій языкъ является международнымъ языкомъ. Но физически якуты рѣдко смѣшиваются съ тундренными людьми. Въ числѣ замужнихъ женщинъ на тундрѣ я не нашелъ ни одной якутки точно также якуты рѣдко берутъ тундренныхъ дѣвушекъ.

Чукча съ чукчанкой съ восточнаго берега р. Колымы.

На сѣверѣ Колымскаго округа якуты, какъ ни жалка ихъ жизнь, все-таки сохранили сознаніе своего культурнаго превосходства надъ бродячими племенами. Есть нѣсколько примѣровъ, что тундренные бродячіе люди поселились въ лѣсу около якутовъ и обзавелись скотомъ, но я не знаю примѣра, чтобы якутъ совершенно вышелъ на тундру—куда между прочимъ отдѣльные промышленники выходятъ зимой для промысла песцовъ и лѣтомъ—озерныхъ рыбъ,—и зажили бродячей жизнью юкагиро-тунгуса. Обладаніе извѣстнымъ количествомъ оленей, которыхъ нѣкоторые богатые якуты Колымскаго округа держатъ для содержанія почтовыхъ станцій, или для перевозки клади купцовъ, нисколько не мѣняетъ ихъ образа жизни. Пастухами къ оленямъ у нихъ служатъ главнымъ образомъ тунгусы. Другое дѣло якуты сѣвера Верхоянскаго округа между Ин-

дигиркой и Леной. Тамъ они лишились рогатаго скота, сдѣлались оленеводами или, по близости отъ моря, собаководами, но надо замѣтить, что они выработали тамъ своеобразный типъ оленеводства. Вернувшись къ Колымскимъ якутамъ, мы съ другой стороны можемъ утверждать, что не только климатическія условія повліяли на измѣненіе типа хозяйства, сравнительно съ хозяйственнымъ бы-

Хозяйство якута-оленевода въ низовьяхъ р. Лены

томъ южныхъ якутовъ, но что, несмотря на ихъ способность ассимилировать другія племена, сами они не ушли отъ вліянія древнихъ обитателей края, юкагировъ. И ихъ обычаи и вѣрованія получили во многихъ отношеніяхъ юкагирскую окраску. Приведу два примѣра. Изъ литературы о якутахъ извѣстенъ экзогамическій характеръ ихъ брака, а у притундренныхъ якутовъ, по собран-

нымъ мной данным, большинство браковъ совершается не только внутри наслега (административная единица, обнимающая большее или меньшее количество родовъ), но и между однофамильцами; что указываетъ на ихъ кровное родство. Большинство притундренныхъ якутовъ не знало названія рода, отъ котораго они происходятъ. Вопросъ этотъ ихъ теперь уже не интересуетъ. Только по архивнымъ бумагамъ старыхъ ревизскихъ сказокъ, я собралъ свѣдѣнія о количествѣ родовъ въ каждомъ наслегѣ, объ ихъ названіяхъ и о томъ, изъ какого именно рода происходятъ опрошенные мной якуты. Этимъ объясняется, почему г. Сѣрошевскій въ своемъ трудѣ о якутахъ для полярныхъ якутовъ слилъ понятіе наслегъ и родъ, отмѣтивъ въ каждомъ наслегѣ только одинъ родъ. Нерѣдки также тамъ сожительства въ такихъ степеняхъ родства, которыя не могутъ быть освящены церковью.

Якутки края лѣсовъ въ праздничныхъ костюмахъ.

Другой примѣръ возьмемъ изъ религіозныхъ воззрѣній. Въ этнографіи извѣстенъ мрачный характеръ якутской демонологіи. У якутовъ не только различные демоны (абасы) по природѣ ѣдятъ людей, причиняютъ имъ болѣзнь и смерть, но и души умершихъ родственниковъ, главнымъ образомъ шамановъ, превращаются послѣ смерти нерѣдко въ демоновъ, именуемыхъ ӱрӧ'ами, пи-

тающихся человѣческими душами. Поэтому якуты питаютъ такой страхъ передъ всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ покойнику, и посѣщеніе его духомъ жилищъ считается нежелательнымъ и опаснымъ. Другое дѣло у юкагировъ. Ихъ демонологія мягче. Души покойниковъ добрые благодѣтельные геніи для рода. Тѣни предковъ живутъ въ подземномъ царствѣ тѣней (Аібідзі) настоящей идиллической жизнью. Переправляются души въ царство тѣней черезъ рѣку, на которой стоитъ готовый челнокъ, но безъ лодочника Харона. Только входъ въ подземное царство охраняется старухой съ собачкой. Въ царствѣ тѣней души живутъ родами точно также, какъ на землѣ ихъ живые родственники; тѣни вновь умершихъ присоединяются къ душамъ своихъ предковъ. Тѣни ведутъ такой же образъ жизни, какъ ихъ надземные родственники, но промышляютъ не матеріальныхъ оленей, лосей и рыбъ, а тѣни послѣднихъ. Тѣни умершихъ родственниковъ несутъ заботу о живыхъ. Между живущими и мертвыми членами рода существуетъ постоянная связь, отъ которой зависитъ самая жизнь и питаніе живущихъ, ибо прежде чѣмъ матеріальный человѣкъ убиваетъ лося или оленя, духъ его родственника предварительно долженъ убить тѣнь обреченнаго на смерть животнаго, иначе оно не дастся охотнику. Тѣни умершихъ являются покровителями рода, и входъ тѣни умершаго въ новорожденнаго считается особымъ благоволеніемъ и счастіемъ для ребенка. По большей части въ новорожденныхъ входятъ не случайныя души, а возобновляющія земную жизнь тѣни умершихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ наружно похожъ на умершаго родственника, и когда онъ начинаетъ говорить, онъ прежде всего объявляетъ, какая душа въ немъ поселилась. Въ старину тогда только ребенокъ получалъ имя, и именно имя умершаго родственника. Теперь же дѣти получаютъ имена при крещеніи, но крестное имя съ моментомъ установленія личности тѣни, поселившейся въ ребенкѣ, замѣняется именемъ этой тѣни. Поэтому многіе юкагиры, которыхъ зовутъ Иванами, Петрами, записаны въ метрикахъ Михаилами, Васильями. Этотъ же обычай заимствовали отъ юкагировъ и колымчане русскіе, но что еще интереснѣе, я нашелъ его у якутовъ. Ночуя разъ у князца Кангаласскаго наслега, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ назвалъ своего сына Уйбанъ (Иванъ). Изъ переписи я зналъ, что мальчикъ числится Павломъ (Байбалъ). «Почему ты зовешь сына чужимъ именемъ», спросилъ я его. «Э, отвѣтилъ онъ, это имя нашего родственника, умершаго въ оспенный годъ». Оказалось, что способность рѣчи открылась у ребенка слѣдующимъ монологомъ: «Много насъ было на Джаргатахѣ (урочище въ притундренной полосѣ), всѣ умерли и только на одной лошади уѣхали». Такъ говорила въ немъ поселившаяся душа родственника «уру – кута».

Дѣло тутъ было въ томъ, что въ оспу 1884 г. умеръ ихъ родственникъ Иванъ, состоятельный якутъ, на его могилѣ закололи по обычаю коня. Въ это же время умерло нѣсколько бѣдныхъ якутовъ, на могилѣ которыхъ не были заколоты лошади. Такимъ образомъ всѣ бѣдныя души усопшихъ должны были

совершить трудный и утомительный путь въ подземное царство на тѣни одной только лошади.

Обратившись теперь къ чукчамъ, мы увидимъ, что ихъ отношенія къ тундренныхъ родамъ интереснѣе якутскихъ и связь ихъ съ ними древнѣе.

Якутскіе рыбаки края лѣсовъ вяжутъ сѣти изъ конскихъ волосъ передъ входомъ въ юрту.

У бродячихъ родовъ западной тундры сохранилось не мало преданій о древнемъ пребываніи чукочъ къ западу отъ Колымы: на это указываетъ также названіе рѣки Большой Чукочьей.

Согласно упомянутымъ же преданіямъ, Алаи, т. е. тундренные юкагиры, воевали съ чукчами, между тѣмъ, какъ у обрусѣвшихъ Омолонскихъ, такъ и у Верхнеколымскихъ юкагировъ я записалъ вполнѣ тождественныя преданія о томъ, что юкагиры съ чукчами не воевали, ибо считались родными братьями, послѣ взаимнаго убійства которыхъ солнце должно было померкнуть. Имѣются

на тундрѣ и матеріальныя указанія на древнее пребываніе тамъ оленнаго племени — въ остаткахъ жертвенныхъ кучъ оленьихъ роговъ, складываемыхъ чукчами въ весенній праздникъ роговъ и на могильникахъ; бродячіе жители тундры приписываютъ ихъ чукчамъ, но г. Богоразъ полагаетъ, что это есть слѣды вымершаго племени чааченовъ, служившаго связывающимъ звеномъ между двумя древними племенами края, собаководами юкагирами и оленеводами чукчами. Но кто бы ни были древніе оленные люди тундры, въ новѣйшее время чукчи впервые появились къ востоку отъ Колымы недавно. По даннымъ, почерпнутыхъ мной въ Нижнеколымскомъ архивѣ, въ первый разъ чукчи обратились съ просьбой позволить имъ перейти со стадами на лѣвый берегъ Колымы къ ревизовавшему округъ чиновнику Шевелеву въ 1857 г. Тогда же нѣкоторые чукчи были привлечены къ платежу ясака. Баронъ Майдель приписываетъ себѣ починъ въ дѣлѣ перехода на западный берегъ Колымы и первой попытки обложенія чукочъ, что относится къ 1869 г. Какъ бы то ни было, чукчи, съ вѣдома представителей русской власти, появились на западной тундрѣ въ началѣ второй половины текущаго столѣтія.

Въ 70-хъ годахъ вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Многіе чукчи перешли р. Алазею и появились не далеко отъ Индигирки, уже въ предѣлахъ Верхоянскаго округа. Надо замѣтить, что совершенно неправильно считаютъ р. Алазею границей между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Не говоря уже о чукчахъ, значительная часть Колымскихъ якутовъ живетъ къ западу отъ р. Алазеи. Оспа 1884 года скосила около половины чукочъ западной тундры. Многіе изъ богатыхъ чукочъ обѣднѣли, оставшись почти безъ оленей. Съ одной стороны ихъ объѣдали вѣчно голодные тундренные тунгусы и юкагиры, а съ другой стороны разоряли русскіе и якутскіе торговцы водкой и другими соблазнами. Многіе чукчи поэтому поспѣшили убраться отъ новыхъ друзей назадъ, къ востоку отъ Колымы. Во время моего проѣзда по тундрѣ съ Колымы на Индигирку около 30-ти чукотскихъ лагерей были главнымъ образомъ расположены на морскомъ берегу въ устьяхъ всѣхъ рѣкъ къ западу отъ Колымы до Шадрона. Это оленные люди, но зимой промышляютъ также тюленей. За отсутствіемъ лѣса они пользуются для топлива плавникомъ. Нѣкоторое количество чукотскихъ лагерей тундры откочевываютъ на зиму къ лѣсамъ восточнаго берега Колымы, около устья Омолона. Три чукотскихъ стойбища я во время своего проѣзда засталъ на среднемъ теченіи Алазеи, а 9 лагерей на р. Іерченъ, притокѣ Индигирки. Къ западу отъ Колымы это самые богатые чукчи, обладатели стадъ въ 3000—5000 оленей. Это также самые западные чукчи. Зимой они живутъ въ долинѣ рѣки Іерченъ, недалеко отъ устья котораго начинается лѣсъ, а лѣтомъ поднимаются къ сѣверу, въ сторону Шадрона и Алазеи. Между стойбищами Іерченскихъ чукочъ и послѣдними жительствами якутовъ Колымскаго округа съ одной стороны и якутскими семействами на Индигиркѣ съ другой, лежитъ необитаемая гористая тундра разстояніемъ съ обѣихъ сторонъ въ 200—250 верстъ. Путь къ этимъ чукчамъ ле-

житъ какъ со стороны Алазеи, такъ и со стороны Индигирки по отрогамъ хребта, который служитъ водораздѣломъ этихъ рѣкъ и главная ось котораго

Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (профиль).

тянется діагональю между среднимъ теченіемъ Индигирки и нижнимъ Алазеи. Мѣстность состоитъ изъ голыхъ отроговъ, лишенныхъ растительности. Только

Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (фасъ).

на нѣкоторыхъ сопкахъ и по берегамъ рѣчекъ торчатъ одиноко отдѣльныя уродливыя лиственницы. Дороги нѣтъ, ибо тамъ господствуютъ постоянные вѣтры,

которые заносятъ всякій слѣдъ. Безъ опытнаго проводника тамъ ѣхать не совѣтуютъ. По хребтамъ легко заблудиться, а когда настигаетъ пурга, то приходится лежать подъ снѣжнымъ заносомъ, пока она не прекратится. Все это нисколько не мѣшаетъ пилигримству со всѣхъ сторонъ юкагировъ, тунгусовъ и ламутовъ къ чукотскимъ оленямъ. Кругомъ чукотскихъ стойбищъ раскинуты жалкіе кожаные шатры голоднаго бродячаго люда, выжидающаго подачекъ, выпрашивающаго въ долгъ оленьяго мяса или предлагающаго себя въ пастухи. Съ самыхъ верховьевъ Индигирки приходятъ «каменные» ламуты, чтобы сдѣлаться пастухами чукотскихъ оленей. Когда я проходилъ черезъ этотъ хребетъ, направляясь къ чукчамъ, у меня вдругъ оказалось столько спутниковъ: ламутовъ, тунгусовъ и юкагировъ, что поѣздъ мой былъ похожъ на переселеніе

Виды гористой тундры.

цѣлаго племени. Это все были спутники приживальщики, присоединившіеся къ намъ подъ предлогомъ быть полезными въ качествѣ проводниковъ, но съ разсчетомъ, что на ночевкахъ я ихъ не обдѣлю чаемъ и сухарями, а мои возчики чукчи—мясомъ.

Чукчи, переселившись на западъ отъ Колымы, съ одной стороны внесли новую струю не только въ матеріальный бытъ другихъ бродячихъ родовъ, но и въ ихъ нравы, обычаи и брачныя отношенія, съ другой стороны сами перенимаютъ многое отъ другихъ племенъ.

На матеріальный бытъ тундреннаго населенія переселеніе чукчей повліяло въ общемъ неблагопріятно. Во-первыхъ первобытная готовность богатыхъ оленеводовъ убивать оленей, для людей нуждающихся въ пищѣ, отвлекала безпечнаго охотника отъ промысла. Во-вторыхъ конфликтъ между хозяйственными расчетами оленеводческой экономіи и обычаемъ гостепріимства и ненасытностью просителей долженъ былъ разрѣшиться кризисомъ. Одни чукчи обѣднѣли, другіе переселились на востокъ, третьи перестали давать даромъ оленей, а тундренное

молодое поколѣніе отвыкло отъ охоты. Старики говорятъ, что нынѣшніе молодые люди научились быть пастухами чужихъ оленей, но стали плохими промышленниками.

Кромѣ того чукотскій домашній олень захватомъ кормовищъ, вытѣснилъ полевого. Тунгусы говорятъ, что дикій олень убѣжалъ отъ домашняго, какъ послѣ пала, и ушелъ на острова. Въ промыслѣ песцовъ молодые чукчи начинаютъ конкурировать съ другими бродячими людьми.

Мой переѣздъ съ р. Алазеи на р. Іерченъ. Чукчи-ямщики собираютъ утромъ на ночлегѣ оленей, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь.

Съ другой стороны, у чукочъ, въ особенности у Іерченскихъ, тоже произошли измѣненія въ хозяйствѣ. Тунгузскій олень, какъ ѣздовой и болѣе ручной, цѣнится значительно больше чукотскаго. Чукчи Іерченскіе, при помощи подбора, совершенно измѣнили первоначальную расу своихъ оленей. Они научились промышлять сѣтями на озерахъ рыбу и подобно ламутамъ стали ѣздить также на оленяхъ верхомъ.

Извѣстно, что примитивныя религіи весьма легко включаютъ въ свой пантеонъ на правахъ божествъ духовъ, которыхъ почитаютъ сосѣдніе народы. Такимъ же образомъ изъ терпимаго отношенія первобытныхъ племенъ къ обычаямъ и обрядамъ другъ друга возникаютъ заимствованія. Но болѣе всего располагаютъ къ нимъ брачные союзы. Значительная часть женъ западныхъ чукочъ состоятъ изъ ламутокъ, тунгусокъ и юкагирокъ, а въ тундренныхъ родахъ уже встрѣчаемъ чукчанокъ. Чукча, пріобрѣтая куплей тунгуску, подчиняется всѣмъ описаннымъ выше обычаямъ сватовства и брачнымъ обрядамъ. Онъ даже первые дни послѣ прибытія невѣсты въ его домъ носитъ вышитый тунгусо-юкагирскій костюмъ, привозимый въ числѣ приданаго невѣстой. Старикъ чукча Арара самымъ уморительнымъ образомъ расказывалъ мнѣ, какъ онъ послѣ женитьбы на тунгускѣ носилъ 3 дня тунгузскій расходящійся кафтанъ и все думалъ, что брюхо у него вылетитъ *). Но тунгуски или юка-

*) Тунгусо-юкагирская верхняя одежда состоитъ изъ кафтана съ расходящимися полами, а чукотская—изъ глухихъ мѣховыхъ рубахъ.

гирки, перейдя въ домъ чукчи, должны одѣть чукотскій костюмъ, мѣнять образъ жизни и подчиняться требованіямъ чукотскаго поліандро-полигамическаго

Чукчанки съ р. Іерченъ (фасъ).

брака, названнаго г. Богоразомъ перемѣннымъ бракомъ и заключающагося въ

Чукчанки съ р. Іерченъ (профиль).

томъ, что люди, состоящіе въ такомъ союзѣ, имѣютъ взаимное право на ложе

своихъ женъ. Я спросилъ одного почетнаго тунгуса, сестра котораго передъ этимъ была отдана чукчамъ, будетъ ли его сестра жить со смѣнными товарищами мужа. «Поневолѣ будетъ, если мужъ прикажетъ», отвѣтилъ онъ. Извѣстны случаи подчиненія этому обычаю русскихъ женщинъ, вышедшихъ за чукочъ, только якутки питаютъ такой страхъ передъ дикими нравами, образомъ жизни и брачными обычаями чукочъ, что я не знаю ни одного случая перехода якутской женщины въ чукотское стойбище. Я видѣлъ на урочищѣ Сенкель якутскую дѣвушку, проданную было ея дядей чукчамъ за 30 оленей, но, привезенная въ чукотскій лагерь, она сопротивлялась совершенію обряда пріобщенія ея къ семейному культу т. е. помазанію жертвенной кровью, си-

Группа Іерченскихъ чукочъ.

дѣла безъ сна, безпрестанно рыдая, такъ что чукчи рѣшили ее вывезти обратно къ якутамъ. Разумѣется своихъ оленей они отъ якутовъ обратно уже не получили.

Съ другой стороны тунгусо-юкагиры нерѣдко въ качествѣ пріемныхъ зятей отрабатываютъ у чукочъ какъ Іаковъ у Лавана, а случаи, что они состоятъ съ чукчами въ союзѣ перемѣннаго брака, довольно часты.

Впрочемъ группа западныхъ чукочъ довольно быстро ассимилируется со своими новыми сосѣдями. Они оказываются способными къ усвоеніямъ другихъ языковъ. Молодое поколѣніе говоритъ хорошо по ламутски, а нѣкоторые чукчи знаютъ по юкагирски и по якутски.

Нравы и обычаи ихъ значительно смягчились. Вмѣсто того, чтобы жечь или бросать мертвецовъ на съѣденіе песцамъ, они уже начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Стариковъ и старухъ уже не убиваютъ. Лѣтъ пять тому назадъ на Алазеѣ еще задавили чукчу Эчейвуке ремнемъ его два

сына, по его собственной просьбѣ. Съ тѣхъ поръ не слышно больше объ исполненіи этого обычая. Можно думать, что черезъ короткое время западные чукчи войдутъ какъ одинъ изъ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ бродячіе роды и придадутъ имъ новую окраску.

Если нѣсколько десятковъ лѣтъ достаточно для того, чтобы взаимодѣйствіе разнородныхъ племенъ произвело новыя отношенія и смѣшеніе обычаевъ, то нѣсколько сотенъ лѣтъ тамъ могутъ повести къ коренному измѣненію типа. Первобытныя племена, какъ простѣйшіе организмы, весьма мало устойчивы. Два съ половиной вѣка, протекшіе между завоеваніемъ крайняго сѣверо-востока и нынѣшнимъ временемъ, несомнѣнно произвели глубокія измѣненія въ бытѣ и типѣ населенія. Съ тѣхъ поръ не только отдѣльные роды, но и цѣлыя племена вымерли, или растворились въ крови другихъ народностей. Такъ на краю исчезновенія находятся теперь два тундренныхъ юкагирскихъ рода. Какъ интересно было бы знать, что представляло собой населеніе тундры во время прихода на нее русскихъ въ 17 вѣкѣ!

Къ сожалѣнію первые завоеватели не интересовались этнографіей, и всѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ къ ихъ донесеніяхъ, касаются количества собранныхъ въ ясакъ мѣховъ и въ лучшемъ случаѣ приводятся, и то не всегда вѣрно, имена вновь обложенныхъ племенъ.

Вл. Іохельсонъ.

ОТДѢЛЪ II.

Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ вотяковъ, черемисовъ и мордвы.

Лѣтъ 7—8 тому назадъ мы предприняли собираніе народныхъ мелодій чувашскихъ, черемискихъ, вотяцкихъ и мордовскихъ отъ нижнихъ чиновъ Варшавскаго Военнаго округа, съ цѣлью изучить мелодію русской народной пѣсни путемъ сравненія ея съ мелодіями сосѣднихъ народовъ и народцевъ. Такое собираніе встрѣчено было съ полнымъ сочувствіемъ, какъ офицерами Варшавскихъ полковъ, такъ и самими нижними чинами, отъ которыхъ приходилось дѣлать подобнаго рода записи. Ласковое и простое обращеніе съ солдатиками-инородцами производило на нихъ неотразимое вліяніе, едва-ли не большее, чѣмъ на ихъ сотоварищей русскихъ. Эти безхитростные и довѣрчивые полудикари за ласковое слово, имъ сказанное, за участіе къ ихъ судьбѣ за незнакомый для нихъ, искренній интересъ къ ихъ домашнимъ дѣламъ, готовы были, какъ говорится, душу свою выворотить на изнанку. Передавая намъ свои пѣсни, они сообщали множество весьма интересныхъ разсказовъ изъ своей домашней жизни, свои вѣрованья, суевѣрія, примѣты и прочія вещи, могущія имѣть весьма важное значеніе для этнографіи. Многое токое, о чемъ они же сами затруднились бы разсказать постороннему лицу, посѣтившему ихъ деревню, здѣсь, вдали отъ своей родины, въ разговорѣ съ человѣкомъ, который никакого отношенія къ ихъ родной деревнѣ не имѣетъ, они передавали съ полной откровенностью и со всѣми интимными подробностями.

Это послѣднее обстоятельство заставило насъ измѣнить первоначальное намѣреніе, заставило кромѣ мелодій и пѣсенъ заносить въ записную книжку и другой этнографическій матерьялъ, который, если такъ можно выразиться, самъ напрашивался на запись. Сначала такое записыванье мы вели безъ всякаго порядка и почти безъ всякой системы, но затѣмъ стали пользоваться для этого программой Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, изданной въ 1889 году. Такъ собирали мы матерьялъ отъ Ногайцевъ Оренбургскихъ и Астраханскихъ, отъ Вотяковъ и Черемисовъ. Что же касается Мордвы, то при собираніи отъ нея матерьяла, мы пользовались спеціальной программой, составленной профессоромъ Казанскаго Университета, Иваномъ Николаевичемъ Смирновымъ. Изъ всего собраннаго такимъ образомъ матерьяла напечатано уже во первыхъ все то, что было записано отъ Ногайцевъ въ т. XII Извѣст. Общест. Арх. Ист. и Этногр. при Импер. Казанск. Универс., а во вторыхъ часть Мордовскаго матерьяла вошла въ составъ Этнографическаго очерка проф. И. Н. Смирнова «Мордва», изданнаго въ 1894 году. Весь остальной Мордовскій, Вотяцкій и Черемисскій этнографическій матерьялъ, находящійся у насъ въ рукописи, мы рѣшили соединить вмѣстѣ и напечатать отдѣльными статейками, по той классификаціи его, какая принята въ программѣ Моск. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Кромѣ міросозерцанія инородцевъ, составляющаго предметъ настоящаго очерка, у насъ остаются:

1) Вѣрованья и разсказы о божествахъ Вотяцкаго и Мордовскаго Олимпа, т. е. о Ву-Муртѣ, Нюлэсъ-Муртѣ, Гидъ-Муртѣ, Вѣдь-Авѣ, Варм-Авѣ, Паксь-Авѣ и проч. 2) Обычаи свадебные, похоронные и обычаи, соединенные съ различными, годовыми праздниками, 3) Моленія и жертвоприношенія, 4) Суевѣрія, обряды и примѣты 5) Семейныя отношенія и названія для разныхъ степеней родства изъ разныхъ мѣстностей и 6) Коллекція родовыхъ знаковъ (тамга) и Вотяцкихъ языческихъ именъ.

Что касается личностей самихъ разсказщиковъ, то они происходили почти изъ всѣхъ губерній Волжско-Камскаго края: Вятской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Области Уральской. По вѣроисповѣданію между ними были и православные и язычники (такъ называемые «некрещенные»). Само собой разумѣется, что всѣ они довольно порядочно говорили по Русски, въ особенности Мордва. При той массѣ молодыхъ людей, которые привлекаются въ настоящее время къ отбыванію воинской повинности, изъ нихъ легко выбрать такихъ, которые владѣютъ русскимъ языкомъ, въ особенности изъ побывавшихъ въ сельской школѣ.

Въ общемъ, какъ это ни странно, всѣ эти полудикари, проходившіе передъ нами десятками, производили на насъ несравненно болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Полѣшуки Минской губ. Волынской и Влодавскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., отъ которыхъ намъ также доводилось собирать этнографическій матерьялъ. Прежде всего это были люди несомнѣнно болѣе любознательные и болѣе наблюдательные, чѣмъ наши Полѣшуки. Хотя объясненіе для различныхъ явленій природы, какъ читатель убѣдится ниже, у нашихъ восточныхъ инородцевъ ребячески наивны, но всетаки существованіе такого рода объясненій указываетъ на вопросы, которые стоятъ за ними, и на потребность такъ или иначе объяснить себѣ окружающія явленія природы. Что касается Полѣшуковъ, въ особенности Волынскихъ, то эти послѣдніе, по сравненію съ восточными инородцами, являются отчаянными прозаиками, не интересующимися начѣмъ, кромѣ того, что непосредственно касается ихъ насущнаго куска хлѣба, беря этотъ вопросъ въ самомъ узкомъ его значеніи. Если имъ задавать тѣ вопросы, на которые отвѣтомъ является настоящая статья, то легко убѣдиться, что вопросы эти не только никогда не приходятъ имъ въ голову, но даже вызываютъ ихъ удивленіе. Для этого народа даже непонятно, какъ можетъ кто-нибудь интересоваться подобными вопросами.

Некрещеные инородцы, язычники Вотяки, Черемисы, опять таки къ нашему величайшему удивленію, оказались не только не ниже, но пожалуй даже выше своихъ крещеныхъ сородичей. При видѣ ихъ, невольно являлась мысль, что не низкій уровень умственнаго развитія удерживаетъ ихъ отъ принятія христіанства, а что-то другое. Ихъ языческія вѣрованія очевидно приведены въ болѣе стройную систему, а главари ихъ болѣе тверды въ своихъ убѣжденіяхъ и болѣе фанатичны, чѣмъ это было у остальной массы ихъ сородичей «крещеныхъ» передъ тѣмъ, какъ они приняли православіе. Между прочимъ Черемисы-язычники, познакомившись съ нами, горько жаловались на презрѣніе и насмѣшки, съ которыми къ нимъ относятся, какъ къ «язычникамъ» ихъ товарищи по полку, и на то, что полковое начальство не признаетъ ни ихъ праздниковъ, ни постовъ, тогда какъ праздники евреевъ и магометанъ всегда принимаются въ расчетъ тѣмъ же самымъ начальствомъ. «Чѣмъ же мы хуже, спрашивали они, евреевъ и магометанъ? Вѣдь и они также, какъ и мы, не признаютъ Христа»? При этомъ наши «язычники» касались такихъ тонкостей религіи, такъ горячо защищали свои религіозныя понятія и обряды, что намъ пришлось значительно измѣнить свои прежніе взгляды на этотъ народъ. Многіе изъ насъ думаютъ, что наши некрещеные инородцы ничто иное, какъ невѣжественное стадо безъ пастыря, то, что поляки называютъ «быдломъ», т. е. толпа людей-скотовъ, не доросшихъ еще до пониманія высокихъ христіанскихъ истинъ. Если они еще не приняли до сихъ поръ христіанства, то, думаемъ мы, только потому, что у насъ нѣтъ еще достаточнаго количества школъ, чтобы ихъ просвѣтить, и достаточнаго контингента миссіонеровъ, которые могли бы принять на себя ихъ обращеніе въ христіанство. Между тѣмъ оказывается на самомъ дѣлѣ, что въ подобныхъ взглядахъ на нашихъ инородцевъ язычниковъ есть много ошибочнаго. Такъ, напримѣръ, «некрещеные», съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, въ своихъ разговорахъ о вѣрѣ выказывали не только знакомство съ основами мусульманства, но

и порядочное знаніе православнаго Закона Божія, въ томъ объемѣ, какъ онъ преподается въ сельскихъ училищахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, окончившіе курсъ въ сельскихъ школахъ, были хорошо грамотными и еще въ школѣ изучали православный Законъ Божій наравнѣ съ прочими учениками, а въ полку занимали писарскія или другія вакансіи, на которыя требуются люди грамотные. Одинъ изъ такихъ молодыхъ людей между прочимъ старался намъ доказать, что мы совершенно несправедливо называемъ его религію язычествомъ и идолопоклонствомъ; для этого онъ проводилъ паралель между своей религіей и христіанствомъ, стараясь для каждаго изъ извѣстныхъ ему элементовъ христіанскаго вѣроученія подъискать соотвѣтствующее вѣроученіе своего язычества. Такъ напримѣръ, среди множества Черемисскихъ божествъ, онъ выдѣлялъ трехъ главныхъ и сопоставлялъ ихъ съ христіанской Троицей, всѣхъ остальныхъ божествъ приравнивалъ къ христіанскимъ Святымъ, свои моленія приравнивалъ къ нашимъ богослуженіямъ, и т. под. Словомъ, наши «некрещеные» перестали намъ представляться такими темными, какъ прежде. Если они, какъ всякая народная масса, представляютъ изъ себя стадо овецъ съ вожаками во главѣ, то ясно, что стадо это не останется въ настоящее время безъ вожаковъ, а вожаки его, по силѣ своего духа и по твердости убѣжденія, не уступятъ вожакамъ старообрядчества или главарямъ нашихъ многочисленныхъ сектъ.»

Уже когда были написаны настоящія строки, намъ попалась на глаза замѣтка доктора Н. Тезякова (Новое Слово, 1896, № 4, стр. 9), описавшаго праздества у Вотяковъ язычниковъ Больше-Гондырской волости (Осинскаго уѣзда). Сообщеніе автора этой замѣтки вполнѣ подтверждаетъ только что высказанное нами наблюденіе. Онъ говоритъ, что «на обращеніе Больше-гондырскихъ Вотяковъ въ христіанство давно уже обращено вниманіе миссіонерами. Но обращенныхъ въ христіанство Вотяковъ здѣсь мало: въ 1888 году такихъ всего здѣсь насчитывалось до 20 душъ обоего пола, да и это почти исключительно нищіе».

Небо.

Между Вотяками распространено убѣжденіе, что небо представляетъ изъ себя такую же плоскость, какъ земля, что оно не имѣетъ ни начала, ни конца. То, что мы называемъ небомъ, есть только нижняя свѣтлая его поверхность, верхняя поверхность его такая же темная, какъ наша земля и вообще ничѣмъ отъ нашей земной поверхности не отличается. На этой верхней землѣ живутъ маленькіе люди, у которыхъ есть свое небо и свой Богъ. Наша земля съ нижней поверхности также свѣтла, какъ небо, потому что она служитъ небомъ нижнему міру, расположенному подъ нами, въ которомъ живутъ некрещеные люди. Такимъ образомъ міръ представляется Вотякамъ трехъ-этажнымъ зданіемъ, средній этажъ котораго занимаемъ мы, обыкновенные люди. [А. Б. В. Г.]. Маленькихъ людей верхняго неба нѣкоторые изъ Вотяковъ замѣняютъ святыми (Б. В.), а на нижнее небо помѣщаютъ кромѣ некрещеныхъ людей еще грѣшниковъ [Б.] (1).

Небо было прежде очень близко къ намъ, такъ что можно было достать его рукой. Но одна баба разъ пекла блины, а въ это время у нея былъ маленькій ребенокъ, который обмаралася. Баба, не долго думая, взяла блинъ, вытерла имъ ребенка и положила блинъ на небо. Съ тѣхъ поръ небо отошло отъ насъ далеко. [А.]. (2).

Передъ дождемъ Илья Пророкъ отмыкаетъ небо, а послѣ дождя замыкаетъ его [А]. (3).

Звѣзды.

Звѣздъ на небѣ столько, сколько людей на землѣ, потому что у каждаго человѣка есть своя звѣзда. [А. В). Когда звѣзда падаетъ, то это значитъ, что умеръ какой-нибудь человѣкъ. [А]. (4). Упавшая звѣзда можетъ иногда попасть на домашнее животное,

лошадь, свинью или собаку и зашибить ихъ. Поэтому, если животное заболѣетъ безъ видимой причины и сляжетъ такъ, что даже встать не можетъ, то говорятъ, что на него упала звѣзда (А.).

Млечный путь называютъ Гусиной дорогой [Б.] или Дорогой дикихъ гусей [А]. Созвѣздіе Большой медвѣдицы—по вотяцки «Утиное гнѣздо» [А.]. «Гусиной же дорогой» млечный путь называютъ и Черемисы [Д.]. (5).

Кометы, являясь на небѣ, предвѣщаютъ тяжелый годъ [А.] (6).

Солнце.

Астрономическія истины при посредствѣ сельскихъ школъ начинаютъ мало по малу проникать и въ среду нашихъ восточныхъ инородцевъ, правда пока еще въ искаженномъ видѣ: они уже представляютъ себѣ солнце не такимъ маленькимъ, какъ оно кажется и даютъ ему размѣры 30 саженъ въ окружности [А.], а иные даже полторы версты [Д]. Далѣе говорятъ, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вокругъ него, но при этомъ представляютъ себѣ солнце висящимъ на веревкѣ [Д]. Но другіе еще не слыхали о такихъ новостяхъ и по прежнему представляютъ себѣ, что на ночь солнце прячется подъ землю [Б] или за большія горы, находящіяся на концѣ земли [А]. (7).

Солнечное затмѣніе объясняютъ себѣ тѣмъ, что солнце, какъ и человѣкъ, старѣется и во время затмѣнія замѣняется новымъ. [А] (8).

Луна.

Темныя пятна на мѣсяцѣ, которыя можно различить простымъ глазомъ, какъ Вотяки, такъ и Черемисы представляютъ себѣ человѣческими фигурами [В, Д, Ж]. По большей части это фигура молодой дѣвушки съ ведрами въ рукахъ [Д, Ж], о которой Черемисы передаютъ даже слѣдующій разсказъ: У одного крестьянина, когда онъ овдовѣлъ, осталась дочь. Крестьянинъ снова женился, но мачиха стала сильно обижать падчерицу. Разъ она послала дѣвушку въ ночное время за водой, дѣвушка пошла, но дорогой, глядя на мѣсяцъ, пожаловалась ему: «хотя бы ты меня взялъ». Мѣсяцъ тотчасъ же исполнилъ ея желаніе, и съ тѣхъ поръ на мѣсяцѣ видна фигура дѣвушки [Д], (9). Иные говорятъ, что фигура на мѣсяцѣ принадлежитъ Маріи Магдалинѣ и что фигура эта не съ ведрами, а съ однимъ ведромъ и весломъ въ рукахъ [В].

Затмѣніе луны, такъ же, какъ и солнца, Вотяки объясняютъ необходимостью для нея возрождаться каждый мѣсяцъ, потому что она старѣется [А], но кромѣ того думаютъ, что луну въ это время ѣдятъ злые духи (у Черемисовъ ихъ называютъ Буверъ [Д]), иной разъ такъ объѣдятъ, что мѣсяцъ дѣлается совсѣмъ желтымъ. Отъ этого мѣсяцъ сталъ гораздо темнѣе, тогда какъ прежде онъ былъ такой же свѣтлый, какъ солнце [Д]. Или же говорятъ, что мѣсяцъ портятъ колдуны, за то, что онъ ночью свѣтитъ и мѣшаетъ имъ поѣдать людей [А] (10).

При появленіи новаго мѣсяца, Мордва считаетъ обязательнымъ ему поклониться и прочитать особую молитву на мордовскомъ языкѣ [Е, І, И), его называютъ Од-гоѵ Матушка [Е] (11). Иные вѣрятъ, что при видѣ новаго мѣсяца нужно перекреститься, а у кого болятъ зубы, въ теченіи полгода, на каждый новый мѣсяцъ прочитывать «Отче нашъ» [З] (12).

Облака.

Облака Вотяки представляютъ себѣ въ видѣ киселя. Одинъ крестьянинъ будто бы нашелъ кусокъ облака на полѣ послѣ дождя и положилъ его въ бутылку. Когда

шелъ дождь, то этотъ кусокъ разбухалъ и заполнялъ всю бутылку, а когда устанавливалась сухая погода, то и кусокъ облака въ бутылкѣ высыхалъ и становился твердымъ, какъ сыръ [А] (13).

Вѣтеръ.

Черемисы объясняютъ себѣ происхожденіе вѣтра тѣмъ, что на концѣ земли сидитъ Святой Мардэжъ (Мардэж по черемисски — вѣтеръ), который дуетъ своимъ ртомъ. Онъ живетъ съ Богомъ, но прикованъ постоянно къ мѣсту на цѣпи. Спустить его съ цѣпи нельзя, потому что тогда онъ бы всю землю перевернулъ. Этотъ святой-добрый, его ругать нельзя, а нужно каждый день поминать въ особой молитвѣ [Д]. Вотяки же говорятъ, что вѣтеръ производится шейтаномъ, который сидитъ на концѣ земли, прикованный на цѣпь. Во рту у него вставлены три мѣдныя трубы, черезъ которыя онъ и дуетъ. Въ маломъ видѣ вѣтеръ можетъ производить и лѣшій (Нюлляс-мурт) (14) [А]. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, составляется изъ смѣси того, который идетъ отъ неба, и земного воздуха.

Кругообращеніе на земной поверхности и воды.

Вотяки думаютъ, что если человѣкъ доживетъ до 120 лѣтъ, то онъ три раза въ жизни будетъ пить одну и ту же воду, такъ какъ изъ рѣкъ вода вливается въ море, а изъ моря подъ землей возвращается въ источники, изъ которыхъ снова попадаетъ въ рѣку [А].

Громъ.

Черемисы говорятъ, что громъ производитъ Кюдэрче-юму (Божество), который ѣздитъ на тройкѣ лошадей въ колесницѣ. Направляется онъ туда, гдѣ есть нечистая сила, и бросаетъ въ нее камнемъ. Но если нечистая сила заберется въ воду, то тамъ въ нее попасть нельзя. Огня отъ молніи ничѣмъ затушить нельзя. Люди, которыхъ убиваетъ молнія, считаются грѣшными и нечистыми. Во время грома грѣшно пѣть и бѣгать, если человѣкъ не соблюдаетъ этой предосторожности, то къ нему привязывается нечистая сила, и онъ можетъ быть убитымъ молніей [Д].

Вотяки приписываютъ громъ и молнію Ильѣ Пророку [А, Н]. Говорятъ, что онъ и его сынъ ѣздятъ на тарантасахъ и иногда встрѣтятся между собою и заспорятъ. Молнія происходитъ оттого, что Илья Пророкъ стрѣляетъ въ шейтана. Одинъ разъ этотъ святой заспорилъ съ шейтаномъ и грозилъ, что будетъ въ него стрѣлять. «А если я спрячусь за самаго хорошаго человѣка, ты не будешь тогда въ меня стрѣлять?» спросилъ его шейтанъ.—Нѣтъ, буду, отвѣтилъ ему Пророкъ. Вотъ почему Вотяки считаютъ праведнымъ человѣка, убитаго молніей (15). Яичную скорлупу нельзя бросать въ цѣломъ видѣ на землю, потому что во время грозы въ нее прячется шейтанъ (15). Если молнія ударитъ въ дерево, то на верхушкѣ дерева можно увидѣть пламя, но это не дерево горитъ, а кровь шейтана. При первой грозѣ кувыркаются для того, чтобы быть здоровымъ во все лѣто и тогда же три раза ѣдятъ землю съ своего сапога, чтобы «сердце не горѣло», т. е. чтобы не мучила изжога. Послѣ грома больные пьютъ воду, чтобы выздоровѣть. Во время грома нельзя ругаться, шумѣть и стоять противъ окна. Подъ дерево можно спрятаться въ время грозы, но въ него нужно воткнуть ножъ или топоръ, чтобы нечистый духъ туда не забрался [А]. Стоя во время грозы подъ деревомъ, отнюдь нельзя свистать, чтобы не привлечь къ себѣ нечистую силу [М] (17). При ударѣ молніи земля въ этомъ мѣстѣ поднимается [А]. Новѣйшее объясненіе грозы, распро-

страняющееся между Вотяками, вѣроятно подъ вліяніемъ школы,—это то, что она происходитъ отъ столкновенія между собою двухъ тучъ [А].

Радуга.

Радуга, по мнѣнію Вотяковъ, пьетъ воду изъ озеръ, прудовъ и рѣкъ, чтобы пополнить убыль воды на небѣ (18). До нея можно добраться, если идти шаговъ 200, не дыша, а если человѣку удается до нея дойти, то онъ можетъ тамъ достать много золотыхъ вещей: кресты, ковшики, тарелки и т. под. Одинъ человѣкъ пытался дойти до радуги и не дошелъ только шаговъ 10-ти. Онъ увидѣлъ, что тамъ горитъ, какъ будто бы золото, но въ это время онъ чуть не упалъ отъ того, что долго не дышалъ. Вздохнулъ, и все сразу пропало [А]. Другіе говорятъ, что, если подойти къ радугѣ, то получишь серебряную чашку и ложку [О] (19).

Черемисы говорятъ, что Богъ создалъ радугу изъ 7-ми цвѣтовъ, для того, чтобы она служила для него образчикомъ, когда онъ создавалъ цвѣты [Д]. Къ ней можно подойти, если все время, пока идешь, не дышать. А если дойдешь до нея такимъ образомъ и схватишься за нее рукой, то можно изъ мужчины сдѣлаться женщиной или наоборотъ [П].

Метеоры.

Паденіе метеоровъ Вотяки считаютъ полетомъ по воздуху шейтановъ. У одной женщины померъ мужъ. Она сильно горевала и въ горѣ призывала своего покойнаго мужа. Шейтанъ услышалъ ея призывъ и принялъ на себя видъ ея покойнаго мужа. Сталъ онъ каждую ночь къ ней прилетать. При этомъ онъ всякой разъ приносилъ ей гостинцевъ въ платкѣ. Но какъ только женщина захочетъ попробовать чертовскіе гостинцы, такъ они обращались въ кости и коровій пометъ. Узнали объ этомъ люди и не пустили женщину на сѣновалъ, куда прилеталъ къ ней шейтанъ. Шейтанъ прилетѣлъ, попортилъ крышу ея дома, разбилъ въ избѣ окна и самую женщину убилъ, когда она шла на гумно [Б] (20).

Земля.

Вотяки представляютъ себѣ землю плоской, круглой и окруженной со всѣхъ сторонъ водой. Сама земля лежитъ на трехъ огромныхъ рыбахъ, а рыбы лежатъ на водѣ. Когда эти рыбы отряхиваются, то происходитъ землетрясеніе [А] (21). Для образованія на земной поверхности горъ Вотяки имѣютъ два объясненія, одинъ болѣе старый, что это соръ, который набросалъ Богъ [Ж], а другой новѣйшій, что когда-то земля вся горѣла, отъ жару она раскалилась, скипѣлась и образовала горы [А].

Мордва думаетъ, что землю Богъ насѣялъ въ морѣ [І] и что она лежитъ на одной большой рыбѣ [Е].

Черемисы думаютъ, что земля была создана сначала ровною, но поднялся сильный вѣтеръ и понадѣлалъ въ ней горы и рытвины [Д].

Озера, по мнѣнію Вотяковъ, раскопали шейтаны, чтобы было гдѣ имъ скрываться [А].

Камни и металлы.

Черемисы думаютъ, что камни растутъ изъ земли (22), а желѣзо изобрѣтено чортомъ. Чортъ сдѣлалъ себѣ желѣзный топоръ и рубитъ, а Богъ увидѣлъ и спраши-

ваетъ: «какъ ты это сдѣлалъ?» Чортъ не хотѣлъ открыть секрета, тогда Богъ подослалъ къ нему своего работника, чтобы тотъ выспросилъ будто-бы для себя. Чортъ на вопросы работника объяснилъ, что онъ дѣлаетъ желѣзо изъ земли, накаливаетъ и соль подсыпаетъ. Съ тѣхъ поръ Богъ и самъ сталъ приготовлять желѣзо и научилъ тому же людей [Д].

Любопытно вѣрованье Вотяковъ, что всѣ металлы, камни и деревья имѣютъ свой языкъ. Шейтаны знаютъ всѣ эти языки, и деревянный и желѣзный и золотой. Если въ нихъ стрѣлять, то никакой пулей нельзя ихъ убить, кромѣ чугунной, это потому, что только съ чугуномъ нельзя говорить, потому что у него нѣтъ языка. Говорятъ, передавалъ мнѣ разсказчикъ, что генералъ Гурко во время войны стоялъ подъ градомъ изъ пуль, и ни одна его не задѣла. Это потому, что онъ зналъ свинцовый языкъ. Дѣдъ разсказщика, по словамъ его, зналъ желѣзный языкъ, но почему-то своему сыну этого искусства не передалъ. Знаніе желѣзнаго языка даетъ человѣку много выгодъ, такъ напримѣръ, если онъ захочетъ откормить свою лошадь, то можетъ сдѣлать это за три дня. Но есть и неудобства, сопряженныя съ этимъ знаніемъ: если человѣкъ, знающій желѣзный языкъ, куда нибудь ѣдетъ, то обязательно долженъ запрягать въ свою телегу пару, потому что если онъ напьется, то къ нему въ телегу непремѣнно подсядетъ желѣзо, и тогда одна лошадь воза не свезетъ (23).

Человѣкъ, знающій деревянный языкъ, можетъ слышать, о чемъ разговариваютъ между собою деревья въ лѣсу. А если лѣсъ играетъ передъ снѣгомъ и если знающій человѣкъ скажетъ одно слово, то деревья, которыя особенно разыгрались и сошли со своего мѣста, не найдутъ уже этого мѣста и засохнутъ [А]. Черемисы также вѣрятъ въ существованіе деревяннаго языка: «когда вѣтра нѣтъ въ лѣсу, говорятъ они, а деревья скрипятъ, то это они между собою разговариваютъ» [П] (24).

Первые люди.

Богъ создалъ человѣка изъ земли. Для этого онъ нарисовалъ на землѣ человѣка и повелѣлъ ему встать, человѣкъ всталъ и пошелъ (Мордва [Р]). Первый человѣкъ, по словамъ Вотяковъ, назывался Аврамъ. Однажды онъ ѣхалъ на лодкѣ и сказалъ своей женѣ: «садись, жена». Жена не сѣла, по его приглашенію, тогда онъ разсердился и сказалъ: «садись, чортъ»». Тотчасъ же явился шейтанъ и съ тѣхъ поръ человѣкъ узналъ шейтана [Ж].

Вотяки разсказываютъ, что первые люди были великанами, для которыхъ нашъ лѣсъ былъ все равно, что для насъ трава. Жили они по 150 по 200 лѣтъ, шубы и валенокъ зимой не носили, а ходили въ одной рубашкѣ и въ лаптяхъ [С и Г] (25). Но въ это время жили также и маленькіе люди, меньше насъ (Пичи-мурт), ихъ нужно было 12 человѣкъ, чтобы зарѣзать одного барана. Великанъ разъ набралъ ихъ въ карманъ и принесъ показать своей матери: «мы теперь больше жить на землѣ не будемъ, сказалъ онъ, а вотъ эти маленькіе люди будутъ жить вмѣсто насъ». Такъ оно и случилось, прибавлялъ разсказщикъ, мы теперь гораздо меньше первыхъ людей, а послѣ насъ будутъ люди еще меньше [С] (26). Прежніе люди, по словамъ другихъ Вотяковъ, были мудрые, они знали не меньше самого Бога и могли даже летать по воздуху. Собирались они на моленіе по нѣскольку деревень, и были у нихъ одна женщина и одинъ мужчина знающіе. Собираясь на моленіе, ихъ ждали и безъ нихъ ничего нельзя было дѣлать. Пока они не подлетятъ, люди сидѣли и ждали, пока имъ не прикажутъ встать. И тишина между ними была такая, что бызто-бы тутъ никого не было. А когда начнутъ молиться и если кто-нибудь не встанетъ на колѣни, то посыльный былъ такой особый съ плетью, и онъ сейчасъ плетью огрѣетъ. Зато въ то время, о чемъ ни просили Бога, сейчасъ же исполнялось: если дождя нѣтъ, то помолятся, и сейчасъ дождь пойдетъ, и потому тогда жили богато, не то что теперь [А].

Черемисы также разсказывали, что первые люди были великаны. Они ходили въ лаптяхъ и, когда много земли въ лапти набиралось, высыпали ее; отъ этого образовались курганы. Около насъ (въ Уржумскомъ уѣздѣ), передавалъ разсказщикъ, есть

такіе два кургана; одинъ изъ нихъ великанъ высыпалъ изъ правой лапти, а другой изъ лѣвой, а между тѣми курганами есть верстъ 50 разстоянія (27). Такихъ великановъ было немного, всего только два брата. У одного тѣло, какъ у рыбы (въ городѣ Казани около моста есть его портретъ). Одинъ братъ померъ, а другой гдѣ-то сидитъ закованнымъ. Братья, не смотря на свой огромный ростъ, были очень добрыми людьми, Они помогали малымъ людямъ вырубать лѣсъ: они дергали его съ корнемъ, какъ мы ленъ, и выпивали за одинъ разъ цѣлую бочку квасу [П].

Очень интересные разсказы передавали намъ Вотяки о первыхъ шагахъ человѣка на пути цивилизаціи. Въ старину, говорили они, люди не умѣли отъ костра отодвинуться, когда ихъ сильно пекло, а засыпали его землей. Отодвигаться отъ огня ихъ научилъ одинъ безногій мальчикъ. Было такое время, что люди не умѣли ни пахать, ни боронить землю, пахали палкой, а боронили граблями, и не умѣли добывать огня. Разъ пришли они въ боръ и нашли старый сухой кленъ. «Давайте, говорятъ, повалимъ этотъ кленъ». Повалили, сдѣлали изъ него палочки, и давай ихъ терѣть одну объ другую. Палочки загорѣлись. Люди узнали тогда, что такое огонь, и забрали съ собой кленъ, думая, что только изъ клена можно добыть огонь. А потому, когда весь кленъ у нихъ израсходовался, они не знали, откуда можно добыть новый огонь. «Давайте, говорятъ, сходку сдѣлаемъ». А въ то время звѣри съ людьми въ ладу жили, говорили по человѣчески и собирались вмѣстѣ съ людьми на сходку. На этотъ разъ собрались всѣ люди и звѣри, только одного ежа не было. Всѣ звѣри пошли за нимъ, чтобы пригласить его на сходку, говорятъ: «иди скорѣй, тебя ждутъ». Ежъ нейдетъ: «не пойду, я буду черезъ порогъ перелѣзать, еще свалюсь, и всѣ будутъ надо мной смѣяться». Долго уговаривали его, онъ все отказывался, но наконецъ пошелъ и дѣйствительно, перелѣзая черезъ порогъ, упалъ, и всѣ надъ нимъ засмѣялись. Ежъ разсердился, но его успокоили и начали распрашивать, гдѣ и какъ достать огня?

«Развѣ, говоритъ ежъ, на горѣ нѣтъ камня? Возьмите, говоритъ, кремень, возьмите трутъ съ березы и возьмите кусокъ желѣза». Сдѣлали все, какъ сказалъ ежъ, и стало легко добывать огонь. Впослѣдствіи люди стали ухитряться все больше и больше и приготовили наконецъ спички [А].

Жали хлѣбъ прежде зубами и не знали никакого приспособленія, чтобы обойтись безъ зубовъ. Разъ пошли жать, пришло время обѣда. Сѣли обѣдать, смотрятъ на свои копны и видятъ, что въ нихъ воткнутъ горбатый серпъ. Они подумали, что это змѣя ѣстъ ихъ хлѣбъ, испугались, схватили серпъ и понесли его топить въ воду. Размахнутся, а серпъ вмѣсто того, чтобы попасть въ воду, все попадаетъ въ шею тому, кто его бросалъ, всю шею изрѣзалъ. Попробовали люди рѣзать имъ солому и видятъ, что такъ лучше будетъ жать, чѣмъ зубами, собрали общество и говорятъ: «мы новость нашли». Стали думать, какъ бы еще и другой такой серпъ сдѣлать, собрали всѣхъ своихъ лучшихъ людей, кузнецовъ въ то время еще не было. Человѣкъ 50 принялись за серпъ и на другой день сдѣлали что-то вродѣ серпа. Потомъ одинъ изъ нихъ приловчился лучше другихъ и сталъ дѣлать серпы по 5-ти рублей за штуку, а отъ него уже и всѣ научились [А].

Отношеніе къ иностранцамъ.

Свѣдѣнія по этому, очень интересному вопросу, характеризующему нашихъ восточныхъ инородцевъ, къ сожалѣнію, намъ удолось добыть только отъ Вотяковъ. Изъ числа чуждыхъ имъ народовъ, тѣ Вотяки, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, знали только трехъ: Русскихъ, Татаръ и Евреевъ, послѣднихъ, впрочемъ только теоретически.

О Татарахъ намъ сообщили, что ихъ называютъ по вотски Бідер [А] или Бігер [Г и С]. «Татары, говорятъ Вотяки, очень боятся, чтобы на нихъ креста не надѣли. Мы ихъ не боимся, но не любимъ, потому что они страшные воры, всѣ конокрады у насъ изъ Татаръ. У насъ въ полѣ, чтобы дѣти хлѣба не мяли, дѣлаютъ чучело съ палкой въ рукахъ и говорятъ дѣтямъ, что это Татаринъ» [А и Г].

Русскихъ называютъ дютць [А], дзютць [С], или джютсь [Г] (очевидно чудь). Въ отношеніи къ нашему народу очень характерно выраженіе нѣкоторыхъ Вотяковъ: «я, говорятъ они, никого не боюсь, ни волка, ни медвѣдя, а Русскаго боюсь». [А]

Про своихъ богатыхъ односельчанъ, которые заводятъ у себя все на русскій ладъ, Вотяки говорятъ, что они совсѣмъ забыли Бога, и что у нихъ и свое солнце есть (блестящій самоваръ) и мѣсяцъ есть (лампа), и сами они хотятъ быть солнцемъ (носятъ красную рубашку) [А].

Что касается Евреевъ, то ихъ Вотяки никогда не видятъ, но тѣмъ не менѣе на основаніи слуховъ, составили о нихъ довольно странное представленіе. Одного солдатика Вотяка я спросилъ разъ, не боялись ли его товарищи ѣхать на такую далекую отъ нихъ чужбину, какъ Польша? «Страшно боялись», отвѣчалъ онъ.—Чего же вы здѣсь особенно боялись?» Мы испугались, когда намъ сказали, что въ здѣшнихъ сторонахъ живутъ Евреи. У насъ дома думаютъ, что евреи—это огромные великаны, которые хватаютъ обыкновеннаго человѣка и сейчасъ же его съѣдаютъ. Поэтому, когда намъ здѣсь въ первый разъ показали Евреевъ, мы ни за что не хотѣли повѣрить, что это Евреи, думали, что надъ нами шутятъ. Какъ же можно было повѣрить, что эти слабые, тщедушные человѣчки, съ десяткомъ я одинъ справляюсь, тѣ самые великаны-людоѣды, о которыхъ у насъ дома разсказывали? [А] *).

Животные.

Какъ было уже говорено выше, въ старину, по мнѣнію Вотяковъ, животныя жили съ человѣкомъ дружно, говорили съ нимъ по человѣчески, давали свои совѣты и собирались съ людьми на сходки, но потомъ все это кончилось, потому что человѣкъ сталъ дурно обращаться съ животными [А].

Медвѣдь. Относительная близость этого животнаго къ человѣку послужила темой для слѣдующаго разсказа о его происхожденіи, передаваемаго Вотяками:

Въ старину одна женщина родила семерыхъ ребятъ за одинъ разъ, всѣ семеро были величиною въ кулакъ. Мать забросила ихъ, одного въ лѣсъ, другаго въ рѣку, третьяго въ озеро и т. дал., всѣхъ пораскидала. Всѣ они стали нечистыми духами. Мальчика, который былъ заброшенъ въ лѣсъ, забралъ къ себѣ и выкормилъ заяцъ, онъ сдѣлался медвѣдемъ. Потому-то у медвѣдя и груди, какъ у человѣка, и хвость коротенькій, а если снять съ него шкуру, то и совсѣмъ будетъ, какъ человѣкъ [А] (28). Одну половину зимы медвѣдь спитъ на одномъ боку, другую на другомъ, а когда просыпается и перевертывается съ боку на бокъ, то только одинъ палецъ пососетъ и съ тѣмъ засыпаетъ (29). Медвѣдь потому такъ долго можетъ спать зимой, что онъ ѣстъ особый сонный корешокъ. «Мнѣ случилось, передавалъ разсказщикъ, пойти въ лѣсъ на охоту и вдругъ вижу, что какой-то звѣрокъ, величиною въ собаку, лапами разрываетъ

*) У Болгаръ и теперь жидъ, жидавецъ—исполинъ, жидовски гробове, подъ самой Софіею на Нишской дорогѣ, двѣ большія впадины, могилы великановъ, нашь же Жидъ у Болгаръ исключительно—Евреинъ.—Вѣроятно у Вотяковъ тоже Жидъ—великанъ. Это слова и съ этимъ именно значеньемъ (Жид—исполинъ) напоминаетъ сл. Щоуд-Чуд-Чудь (соб), прил. щоуждь, р. чужь:—быть можетъ дюжь—предполагаетъ пропавшія Дуд (тоуждь), тјуд. р. чуд, древ. щоужд—и дуд (срвн. гатати и гадати), дјуд (дюжь), дјид (жид), дјуд-дјид—Жюд-Жид. Отчего только у Болгаръ не Ждидъ (древн. сл.), а р. Жид? Но у Болгаръ есть: чудо, чуден, чудовит, чужденецъ, чуждина, чуждъ, и чужина и пр. И это потому что кореннымъ согласнымъ тутъ было не *т*, а *к*, *г* (кјуд), а въ Жид—гјуд-гјид=Жид. Такое смягченіе было въ праславянском языкѣ (покой—почити, гой—жити). И такъ Жјуд=Жид-было однозначительно съ Кјуд—(чудо-кудесникъ)=Чуд. исполинъ. Съ другой стороны Гјуд легко переходило и въ Дјуд и въ Юд (срвн. Гюрги, Дюрди и Юрій). Въ извѣстномъ сочетаніи: чудо-юдо, рыба-китъ—сохранилась память о связи этихъ словъ и по смыслу и по происхожденью. Іуд и Жид—по созвучью и по первоначальной однозначимости стали употребляться для обозначенія Іудѣевъ. *Ред.*

землю, вытащилъ какой-то темный корешокъ и съѣлъ. Я взялъ кусокъ этого корня, отрѣзалъ и принесъ домой. Мой отецъ сказалъ, что съ этого корня медвѣдь спитъ всю зиму». А то одна женщина поздно жала рожь и видѣла, какъ медвѣдь вырылъ изъ земли желтый корешокъ. Она выкопала этотъ корешокъ и съѣла. Въ тотъ же день она заснула и проспала всю зиму. Ее бросили въ подполье, и она проснулась только на весну [А] (30).

Волкъ. О волкѣ Вотяки разсказываютъ, что онъ ѣстъ мясо затравленныхъ имъ животныхъ только тогда, когда очень голоденъ, а въ противномъ случаѣ выпиваетъ изъ нихъ только кровь. Подъ видомъ волка иногда можно встрѣтить людей, которыхъ колдуны обращаютъ въ волковъ. Такъ напримѣръ у одного человѣка была свадьба, а на него одинъ колдунъ сердился. Этотъ колдунъ взялъ и всю свадьбу, когда молодыхъ повезли домой, обратилъ въ волковъ [А] (31).

Свинья. Некрещеные Вотяки считаютъ большимъ грѣхомъ ѣсть свинину, на томъ основаніи, какъ они выражаются, что «свинья Вотяку мать была» [Ж].

Ежъ. Этого звѣря, какъ Вотяки, такъ и Черемисы почему-то считаютъ очень умнымъ. Въ добавокъ къ вышеприведенному разсказу о томъ, какъ ежъ научилъ человѣка высѣкать огонь, мы приведемъ здѣсь разсказъ Вотяка о томъ, какъ ёжъ научилъ человѣка пахать землю. Прошелъ онъ разъ въ поле и видитъ, что человѣкъ копаетъ землю деревянной сохой. «Ты бы, говоритъ, наложилъ на деревянную соху желѣзко». Человѣкъ такъ и сдѣлалъ [В]. Черемисы добавляютъ къ этому, что ёжъ научилъ человѣка правую сторону сохи дѣлать кривой, а лѣвую—прямой [Б].

Летучая мышь. У летучей мыши, говорятъ Вотяки, нѣтъ сердца, такъ какъ она умираетъ на зиму. Это ужь такъ Богъ назначилъ, чтобы тѣ животныя, которыя не могутъ работать зимой, умирали по окончаніи лѣта, поэтому онъ и не далъ имъ сердца [А].

Кромѣ обыкновенныхъ звѣрей Вотяки вѣрятъ еще въ существованіе какого-то мифическаго звѣря Лапчі, котораго насылаютъ колдуньи. Если «лапчі» пососетъ у коровы молоко, то у нея молока уже болѣе не будетъ. Но узнать по виду коровы, пососалъ ли ее «лапчі» нельзя. Для предотвращенія коровъ отъ такой порчи имъ навязываютъ не шею медвѣжьяго сала въ тряпочкѣ [А] (32).

Черемисы думаютъ, что звѣри и до сихъ поръ не утратили своего языка, но только мы его не понимаемъ [Л] (33).

Какъ Вотяки, такъ и Черемисы вѣрятъ въ существованіе вырья (теплаго мѣста) куда птицы улетаютъ на зиму [А и Л] (34).

Мухи. О происхожденіи мухъ Вотяки имѣютъ правильное представленіе. Они говорятъ, что мухи происходятъ изъ червей, которые заводятся на падали [А].

Комары. О комарахъ Вотяки думаютъ, что это животное родится изъ орѣшковъ, которые иногда выростаютъ на листьяхъ деревьевъ [В и Ж]. Черемисы думаютъ, что мухи и комары зимуютъ въ дуплахъ деревьевъ, гдѣ имъ очень тепло [Л].

Божья коровка. Если Божья коровка сядетъ человѣку на руку, то Вотяки говорятъ: «если будетъ дождь,—лети, а если нѣтъ,—сиди» [В]. Считается грѣшно убивать это животное, и даже ни одинъ мальчишка-шалунъ никогда его не тронетъ [В А] (35).

Блохи заводятся изъ пыли, если въ нее попадетъ вода [Вот. А].

Вши выводятся изъ угрей, которые вскакиваютъ на лицѣ человѣка [Вот. А].

Тараканы зарождаются изъ углей пихтоваго дерева. Вывести ихъ можно травой «урбо туръм.» Если ее положить въ щели хаты, то тараканы издыхаютъ отъ ея запаху [А].

Клопы заводятся отъ сырости въ избѣ и отъ сырости дерева [А].

Муравьи сердца не имѣютъ, такъ какъ на зиму они умираютъ [А].

Имена расказчиковъ.

[А]—Вотякъ Лаврентьевъ. Вятской губ., Сарапульскаго уѣзда, Большедораинской волости, дер. Вишуръ-Норья.

[Б]—Вотякъ Михаилъ Корепановъ } Вятской губ., Глазовскаго уѣз., Кестомск.
[В]—Вотякъ Лукьянъ Корепановъ } вол., ц. Извиль.

[Г]—Вотякъ Дмитрій Кильдебековъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., с. Елганъ.

[Д]—Черемисъ Иванъ Афанасьевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз.. Караксолинской вол., д. Ишитмычашъ.

[Е]—Мордва-Мокша Андрей Савкинъ. Тамбовск. губ., Спасск. уѣз., Зарубинск. вол., с. Стар. Селища.

[Ж]—Некрещеный Вотякъ Туптагулъ Забаировъ. Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырской вол., с. Больш. Гондырь.

[З] —Мордва-Эрзя. Фролъ Коттинъ. Самарск. губ., Бузулукск. уѣз., Борской вол., с. Коновалова.

[І]—Мордва. Тимофей Чекаевъ. Пензенск. губ., Чембарск. уѣз., с. Карцаево.

[И]—Мордва-Эрзя Дмитрій Авдѣевъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., Вашелейской вол., с. Пазелокъ.

[К]—Некрещен. Вотяки Пермск. губ., Осинск. уѣз, Гондырск. вол.: Разимъ Файрушинъ, д. Гожанъ и Арманша Исангуловъ, д. Стар. Кырга.

[Л]—Черемисъ Михаилъ Федоровъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Косолапск. вол., дер. Моркинери.

[М]—Вотякъ Гаврило Корепановъ. Вятской губ., Глазовск. уѣз., Игринск. вол., починка Верхсетъ.

[Н]—Вотякъ Семенъ Поздѣевъ. Вятск. губ., Глазовск. уѣз., Лудошурск. вол., д. Качкашуръ.

[О]—Мордва-Мокша Михаилъ Ереминъ. Пензенск. губ., Городищенск. уѣз., с. Пазелокъ.

[П]—Черемисъ Исаевъ. Вятск. губ., Уржумск. уѣз., Кузнецовск. вол, с. Малый Чашкаялъ.

[Р]—Мордва-Эрзя Андрей Пищацкинъ. Симбирск. губ., Ардатовск. уѣз., Пичаурской вол., с. Косогоры.

[С]—Некрещеные Вотяки: Пермск. губ., Осинск. уѣз., Гондырск. вол. 1) Шамгай Кысматовъ, д. Ватнюша; 2) Галимша Заантшиновъ, д. Копчакъ и 3) Акмадей Бикташовъ, д. Бараванъ.

В. Мошковъ.

Примѣчанія.

1)—Представленіе о существованіи подземнаго міра извѣстно у многихъ народовъ земнаго шара. Такъ въ индійскихъ Ведахъ подземный міръ называется Naraka, у древнихъ грековъ— , у германцевъ—гелла, у славянъ—пекло. О раѣ, какъ жилищѣ Бога и праведниковъ, также существуетъ представленіе у всѣхъ христіанъ и перешло къ нимъ вмѣстѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ отъ евреевъ. Что касается понятія о мірѣ, какъ многоэтажномъ зданіи, въ которомъ наша земная поверхность представляетъ собою только одинъ изъ этажей, то и это вѣрованье принадлежитъ къ числу международныхъ. Малороссы, напримѣръ, говорятъ, что за видимымъ небомъ есть еще шесть такихъ же небесъ, да кромѣ того и подъ землей есть нѣсколько такихъ же этажей. Отсюда наше выраженіе: «на седьмомъ небѣ». Подобное же выраженіе: «седмеро небеса» встрѣчается и въ сербскихъ пѣсняхъ. Извѣстно также, что такой же взглядъ на мірозданіе имѣютъ и магометане.

Афанасьевъ. Поэтич. возз. ч. I, стр. 124; ч. II, стр. 402 и ч. III, стр. 16; Чубин. ч. I. стр. 1, 2, 37 и 38.

2)—Вѣрованье, передаваемое въ этомъ разсказѣ, чрезвычайно широко распространенно въ Европѣ, несмотря на кажущуюся его безсмыслицу. Варіанты взятаго нами разсказа есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, словенцевъ, болгаръ, латышей, киргизовъ, торгоутовъ, монголовъ, жителей Малой Азіи и нѣмцевъ.

Zb. Wiadom. do Antrop. т. II, стр. 63, № 4; O. Kolberg. Chelm. т. 2, стр. 180; Добровольск. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 289, №№ 58 и 59; Антоновичъ и Драгомановъ, стр. 14, № 39; Трейландъ, стр. 43, № 40; Этногр. Обозр., т. 7, стр. 263 и 265.

3)—У русскаго народа въ древности существовало убѣжденіе, что языческое божество Перунъ «отпираетъ небо и низводитъ на землю плодотворное сѣмя дождя». Тоже вѣрованье сохранилось у нашего народа и до настоящаго времени, съ тою только разницей, что функція Перуна перешла на христіанскихъ Святыхъ Юрія и Илью Пророка. Такъ вѣрятъ великороссы и малороссы, а кромѣ того моравы, сербы и болгары. Впрочемъ бѣлоруссы и моравы выражаются, что Св. Илья Пророкъ отмыкаетъ не небо, а землю, что не измѣняетъ сущности вѣрованья.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. II, стр. 138, 402 и 403; Чубинскій, ч. I, стр. 26—7.

4)—Такое вѣрованье есть: у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, чеховъ, приморскихъ сербовъ, болгаръ, французовъ, грузинъ, китайцевъ и даже у народа Сахо въ сѣверной Африкѣ. Кромѣ того въ нѣмецкомъ этнографическомъ журналѣ Am-Urquell. Monatsschrift für Volkskunde т. 6, 1805 г. есть статья объ этомъ вѣрованьи Л. Шерманна, къ которой авторъ находитъ извѣстія о немъ въ древнихъ литературныхъ памятникахъ индійскихъ, греческихъ и латинскихъ.

Mélusine revue de mythol. litterat. popul. traditions et usage. т. I, № 19, стр. 456; Česky lid Čis. 4. Roč. 5, стр. 324; Zb. Wiadom. do Antrop. т. 9, стр. 32 и т. 11, стр. 31; Сборн. за народ. умотв. т. 7, стр. 127; Къ этногр. Китая сообщ. Ю. Талько-Грынцевича въ общемъ собр. Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣл. Пріамурск. Отдѣла И. Р. Г. О. 26 апрѣля 1895 г. Иркутскъ 1896 стр. 12; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. I, стр. 161 и ч. III, стр. 810; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 16, 1894 г., стр. 78; Чубинск. ч. I, стр. 16 и 17; Фр. Гельвальдъ. Естеств. истор. плем. и народ. Спб. 1885, т. II, стр. 304.

5)—Малороссы также думаютъ, что млечный путь—это дорога, по которой дикія птицы улетаютъ въ вырей. Литовцы называютъ млечный путь paukszcziû kielês, т. е. птичья дорога, финское linnunrata означаетъ тоже самое.

Чубинск. ч. I, стр. 15; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. III, стр. 284.

Спеціальная статья о вѣрованіяхъ, соединенныхъ у разныхъ народовъ съ млечнымъ путемъ, H. Gaidoz и E. Rolland есть во французскомъ этнографическомъ журналѣ Mélusine, т. 2, № 7.

Что касается вотяцкаго названія для созвѣздія Большой Медвѣдицы,—«Утиное гнѣздо», то мы встрѣчаемъ его и у другихъ народовъ, только въ примѣненіи къ созвѣздію Плеядъ. Такъ у грековъ это созвѣздіе называется Дикій голубь, у нѣмцевъ—Kluckhenne, Abendhenne, у французовъ—Poussinière, а у нашихъ русскихъ крестьянъ—Птичье или Утиное гнѣздо.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 533.

6)—Страхъ передъ кометой, появляющейся на небѣ, и мнѣніе, что свѣтило это предвѣщаетъ что-либо необычайное или дурное, какъ кажется, извѣстно въ цѣлой Европѣ, но намъ удалось найдти объ этомъ указаніе въ этнографической литературѣ только относительно великороссовъ, малороссовъ и литовцевъ.

А. Афанасьевъ. Поэт. воззр. ч. I, стр. 74; Чубинск. ч. I, стр. 18.

7)—О томъ, что солнце при закатѣ уходитъ подъ землю или прячется за высокія горы, знаютъ и малороссы.

Чубинск., ч. I, стр. 11 и 12.

8)—Такое же вѣрованье есть и у малороссовъ.

Чубинск. ч. I, стр. 13.

9)—Такой же разсказъ написанъ отъ Вотяковъ и Гр. Верещагинымъ, но въ гораздо болѣе полномъ видѣ онъ передается у словаковъ. Здѣсь также описываются злоключенія дѣвушки по милости ея мачехи, и также ей помогаетъ мѣсяцъ, но въ заключеніе дѣвушка

не попадаетъ, какъ у Вотяковъ на луну, а остается на землѣ. Въ фигурахъ видныхъ на лунѣ, кромѣ вотяковъ, замѣчаютъ ведра съ коромысломъ и скандинавы.

Гр. Верещагинъ. Вотяк. Сарап. уѣзд., стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэт. возвр., ч. I, стр. 356 и ч. III, стр. 265.

10)—Объясненіе солнечнаго, а въ особенности луннаго затмѣнія борьбой свѣтила со звѣрями или съ злыми духами и пожираніемъ его принадлежитъ къ числу самыхъ широко распространенныхъ вѣрованій, ибо захватываетъ весь земной шаръ. Самое слово, затмѣніе у нѣкоторыхъ народовъ по своему смыслу указываетъ на народное вѣрованіе, которымъ это явленіе природы объясняется. Такъ персидское названіе для затмѣнія значитъ захватъ, у ирландцевъ—борьба, битва, у литовцевъ—разрушеніе, у кельтовъ и англо-саксовъ—болѣзнь, у китайцевъ—пожираніе. Поѣданіе луны приписываютъ то волку, волкодлаку, или воркулаку, то змѣю, то упырю, то вѣдьмамъ, то просто нечистой силѣ. Когда случается затмѣніе, то многіе народы приходятъ въ отчаяніе изъ боязни за участь солнца или луны, плачутъ, поютъ жалобныя пѣсни и производятъ страшный шумъ, чтобы напугать и отогнать предполагаемое чудовище: стучатъ въ тазы, и другую металлическую посуду, трубятъ въ трубы, бьютъ въ барабаны, стрѣляютъ изъ луковъ и изъ ружей, кричатъ, скачутъ, дѣлаютъ угрожающіе жесты, молятся Богу и т. под.

Вотъ списокъ народовъ, у которыхъ существуетъ интересующее насъ вѣрованіе:

Въ Европѣ: ирландцы, исландцы, древніе скандинавы, шведы, жители Бургундіи, древніе кельты и англо-саксы, сербы въ Крайнѣ, болгары, галицкіе гуцулы, великоросы, малороссы, чуваши, оренбургскіе татары (по нашей записи), румыны, литовцы и сванеты.

Въ Азіи: древніе индійцы, персы, китайцы, Стіенги въ Сіамѣ, жители о. Суматры, О—въ Индійскаго океана и карагасы (въ Сибири).

Въ Африкѣ: жители верхняго Египта, восточной и средней Африки и готентоты.

Въ Америкѣ: гренландцы, ирокезы, туземцы сѣверной Мексики, чикитосы, гуайкурусы, туземцы Юкатана, перувіанцы и караибы.

Voyage dans le royaume de Siam Henri Mouhot. Paris, 1872, стр. 163, Am Urquell, Monatsschrift für Volkskunde, т. IV, 1895; Allgem. Ethnogr. von Fr. Müller Wien. 1879, стр. 114; Revue des traditions. popul. Годъ I, т. I, 1886, стр. 252; Die Huculen R. Kaindl стр. 97; Начало цивилизаціи С. Джонъ Леббокъ, втор. изд. подъ редакц. Корончевскаго, Спб. стр. 160—161 и 152; Сборн. матерьял. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. X, стр. 90; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. ч. XVIII, вып. II, стр. 223; Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 268—269; Гр. Верещагинъ, Вотяк. Сарап. уѣзд., стр. 139; З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. ч. VI, стр. 250: Чубинскаго, ч. I, стр. 13; А. Афанасьевъ. Поэтич. возвр., ч. I, стр. 112, 755 и 756; ч. III, стр. 805.

Вѣрованье, что солнце и мѣсяцъ были прежде одинаково ярки, но что мѣсяцъ потемнѣлъ, потому что змѣй или колдуны его высосали, съ черемисами раздѣляютъ великоросы Смоленской губ.

Добровольскій, Смоленск. этногр. сборн. ч. I, стр. 235.

11)—При появленіи новой луны, евреи собираются ночью и, глядя на мѣсяцъ, читаютъ молитву. Познанскіе поляки произносятъ особую привѣтственную фразу, которая приноситъ благополучіе. Люблинскіе поляки читаютъ три раза Отче нашъ, малоросы крестятся, а французы читаютъ молитву, становятся на колѣни.

Но все это только остатки весьма древняго и весьма широко распространеннаго культа луны. У однихъ, какъ у китайцевъ, чувашей и американскихъ индѣйцевъ еще и до настоящего времени лунѣ приносятъ жертвы, у другихъ совершаютъ празднества въ честь луны, какъ японцы. Наконецъ у большинства народовъ сохранились только различные остатки того же культа въ видѣ суевѣрій, запрещающихъ какіе либо работы на новолуніе или наоборотъ рекомендующихъ ту или другую работу въ ту или другую фазу луны и т. п. Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что немного такихъ народовъ найдется на земномъ шарѣ, у которыхъ не было бы никакихъ остатковъ этого культа. Но въ цѣляхъ библіографическихъ мы перечислимъ нѣсколько народовъ, о которыхъ имѣются указанія въ этнографической литературѣ. Вотъ они: великоросы, малоросы, грузины, французы, шведы, венгры, чехи, болгары, древніе индусы, древніе ассирійцы, даяки, волофы въ западной Африкѣ, туземцы южной Африки, туземцы Луизіаны и Бразиліи.

Revue des traditions popul. годъ V, стр. 708; годъ VII, стр. 37 и 94; Mélusine 1877, т. I, № 7, стр. 458 и № 4, стр. 95; т. IV, 1888—1889, стр. 91; Ethnologische Mitheilungen aus Ungarn, годъ I, тетр. I, 1887, стр. 23; Allgem. Ethnogr. von F. Müller Wien. 1879, стр. 358; O. Kolberg Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70 и Ser. 15, ч. VII, стр. 5; Lud. Organ. Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. Rok I. zesz. IV и V, стр. 131; Вѣстн. Европ., годъ III, т. II, 1868, стр. 33; ibid. Апрѣль 1895, стр. 276; «Русск. мысль», 1896, Іюль, стр. 85; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. III, стр. 776 и 780; З. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр., т. XVII, вып. II, стр. 102; Этногр. Обозр. 1891, кн. X, стр. 77; Д. Афанасьевъ, Ковенск. губ. Спб. 1861, стр. 575; Къ этногр. Китая. Сообщ. Ю. Талько-Грынцевичъ. Иркутск. 1896, стр. 19; Е. Н. Водовозова, «Жизнь Европ. народ.» т. II, стр. 489; Чубин. ч. I, стр. 10 и 11.

12)—Лѣченіе зубовъ наговорами на новый мѣсяцъ есть: у великоросовъ, малоросовъ и бѣлорусовъ. Кромѣ того малороссы, поляки и евреи лѣчатъ такимъ же образомъ головныя боли.

Materyał. antropol., archeolog. i etnogr. wydan. staran. komissyi antropol. Akadem. umiejęnt. w Krakowie, т. I, 1896, стр. 157; O. Kolberg. Lud. Ser. 7, ч. II, стр. 70; Чубинскій, ч. I, стр. 23—24 и 124—126; «Русск. мысль» 1896. Іюль, стр. 85.

13) Русскій народъ, такъ же, какъ и вотяки, представляетъ себѣ облака иногда въ видѣ киселя или студня.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. ч. II, стр. 134; Чубинскаго, ч. I, стр. 25.

14) Вѣрованье черемисовъ относительно происхожденія вѣтра весьма близко къ малоросійскому преданію, приводимому у А. Афанасьева: «що теперъ витри, јето молодь шатаеццля. старій же тильки иноди въ щилинки помижъ губинъ дмуха—и отто бури бувають. Якъ би ему губи раскуватъ и винъ дмухонувъ на ввесь ротъ—всебъ поздувавъ на свити, гори зъ долинами поривнявъ, кинець свитови бувъ би... Одже колись таки ему раскующя губи».

Средневѣковое искусство постоянно изображало вѣтры въ видѣ дующей человѣческой головы, тоже и на нашихъ лубочныхъ картинкахъ: кромѣ того старинное искусство представляло олицетвореніе вихрей, дующими въ рога.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 310, 311 и 323.

15) Вѣрованье, что громъ и молнію производитъ божество или святой тѣмъ, что ѣздитъ по небу или по облакамъ въ колесницѣ и бросаетъ стрѣлы въ демоновъ, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ и международныхъ. Въ индійскихъ Ведахъ функція эта приписывалася Индрѣ, у грековъ—Зевсу, у германцевъ—Тору, у славянъ—Перуну, отъ котораго, съ принятіемъ христіанства, перешла къ Пророку Ильѣ. Вѣрованье это въ настоящее время съ русскимъ народомъ раздѣляютъ: поляки, сербы, болгары, литовцы, нѣмцы, скандинавы и осетины. Убѣжденіе, что дьяволъ во время грозы прячется за человѣка, кромѣ вотяковъ и черемисовъ, есть у русскаго народа въ Россіи и въ Галиціи. Что касается человѣка, убитаго молніей, то о немъ мнѣнія народовъ расходятся, одни считаютъ его, какъ черемисы, грѣшникомъ, а другіе, какъ вотяки,—праведникомъ и даже святымъ. Такъ, по древне-еврейскому вѣрованью, убитые громомъ «Бога узрятъ», у малоросовъ думаютъ, что такіе люди получатъ Царство Небесное, такъ какъ молнія очищаетъ ихъ отъ всѣхъ грѣховъ. Въ Литвѣ человѣкъ, убитый молніей, признается за святого, а у осетиновъ даже чествуютъ его трупъ.

O. Kolberg. Pokuc., ч. III, стр. 91; Караджичъ. Обычаи, стр. 66; Добровольскій. Смоленск. этногр. сборн., ч. I, стр. 226; Чубинскій, ч. I, стр. 19; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр., ч. I, стр. 264, 266—7, 480—7, 630.

16) Г. Сумцовъ («Культурн. переживан.» стр. 294) говоритъ, что обычай ломать скорлупу яйца, для того, чтобы въ нее не поселился нечистый духъ, существуетъ: въ Малороссіи, въ Германіи, въ Голландіи, въ Англіи и въ Португаліи.

17) У малоросовъ во время грома нельзя пѣть и нельзя стоять подъ дубомъ и вербой, а въ Олонецкой губерніи (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ), какъ намъ приходилось испытать самимъ, не позволяютъ въ домѣ во время грозы пѣть, свистать, играть на какомъ-либо инструментѣ или вообще производить какой либо шумъ.

Соотвѣтственно вотяцкому обычаю при первой грозѣ ѣсть три раза землю, у чеховъ при первой грозѣ три раза цѣлуютъ землю.

Чубинскій, ч. I, стр. 22—23, А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр., ч. 3, стр. 778.

18) Тоже вѣрованье есть у всего русскаго народа, у поляковъ, болгаръ, кашубовъ, словаковъ и было въ древности у римлянъ.

O. Kolberg. Lud. Ser. 7, стр. 73; Чубинскій, ч. I, стр. 27; А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр., ч. I, стр. 355.

19) Древніе греки представляли себѣ Ирисъ (радугу) съ золотымъ кубкомъ, въ которомъ она разносила богамъ Стиксову воду. Въ Германіи простой народъ думаетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась концомъ радуга, остается золотой ключъ или золотыя деньги. Болгары думаютъ, что радуга на томъ мѣстѣ, гдѣ она сосетъ воду, оставляетъ серебряную чашу. Кто найдетъ такую чашу, тотъ узнаетъ будущее, и чего бы онъ ни пожелалъ, все ему исполнится.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр., ч. I, стр. 355.

20)—Вѣрованье, что демоны прилетаютъ къ женщинамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Оно передается въ древне-индійскихъ Ведахъ оно же было извѣстно древнимъ грекамъ (происхожденіе Александра Македонскаго), римлянамъ (происхожденіе Императора Августа) и нашимъ русскимъ предкамъ (происхожденіе Волха Всеславича по русскимъ былинамъ). Въ томъ же самомъ видѣ извѣстно оно въ настоящее время полякамъ и сербамъ. Демоны, вступающіе, по народному вѣрованью, въ связь съ человѣкомъ, во времена классической древности назывались фавнами и сильванами. Въ средніе вѣка въ Европѣ между ними различали инкубовъ, демоновъ мужскаго пола, вступающихъ въ связь съ женщинами, (у поляковъ—пшиложники) и суккубовъ, демоновъ женскаго пола, вступающихъ въ связь съ мужчинами (у поляковъ—половжники). Вѣра въ нихъ въ средніе вѣка была распространена не только въ простонародьи, но и среди правящихъ классовъ, а потому въ то время изъ за нея погибло не мало народу по обвиненію въ колдовствѣ и въ сношеніи съ дьяволомъ. Въ настоящее время тоже вѣрованье сохранилось: у великоросовъ, малоросовъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ, имеретинъ, татаръ и туземцевъ на о-хъ Самоа, въ Австраліи.

Деталь того же вѣрованья, что къ женщинѣ, сильно и безутѣшно тоскующей объ своемъ умершемъ мужѣ, покойный мужъ ея будетъ летать въ видѣ «огненнаго змѣя», извѣстно русскому народу.

Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 279—280; Чубинск. Ч. I, стр. 16, 33, 80 и 193; Das deutsche Volk in Schilderung von Eduard Duller. Leipzig. 1847, стр. 298; З. И. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. т. III, 1873, стр. 36; Teodor Narbutt. Dzieze starożytne narodu Litewskiego. Wilno. 1835. T. I, стр. 117; O. Kolberg. Lud. Ser. 15. Ч. VII, стр. 34. А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 567—579 и ч. III, стр. 815.

21)—Вѣра въ то, что земля покоится на одной или нѣсколько рыбахъ, плавающихъ въ морѣ, кромѣ Мордвы и Вотяковъ, извѣстна русскому народу, сербамъ, болгарамъ и японцамъ. Но число рыбъ или китовъ, поддерживающихъ землю, въ разныхъ мѣстностяхъ измѣняется, начиная съ 1 оно увеличивается до 3, 4 и до 7.

Чубинск. Ч. стр. 37—38; А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 162, 164 и 166.

22)—Вѣрованье, что камни растутъ, существуетъ также и у русскаго народа, въ доказательство чего можно привести пѣсню, извѣстную великоросамъ, малоросамъ и бѣлорусамъ, въ которой задается загадка: «А что растетъ безъ кореня?» На что въ той же пѣснѣ дается отгадка: «Камень растетъ безъ кореня».

Шейнъ. Русск. пѣсн., стр. 233, № 87; Шейнъ. Бѣлорусск. пѣсн. 1874, № 159; Чубин. Т. III, стр. 190, № 7 и стр. 314, № 44.

23)—Намекъ на то, что и у русскаго народа, также какъ у вотяковъ, было когда-то вѣрованье въ существованіе языка металловъ, даетъ слѣдующій русскій наговоръ, произносимый ратниками при выступленіи ихъ на войну: «За дальними горами есть окіянъ-море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ пастухъ чугунный... Завѣщаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, сребру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣзо, каменья и свинецъ, въ свою мать-землю отъ раба (имя рекъ).....»

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 438.

24)—Вѣрованье русскаго народа въ существованье языка деревьевъ видно изъ русской сказки, о томъ, какъ человѣкъ напился воды, въ которой варилась змѣя и сталъ понимать языкъ животныхъ, травъ и деревьевъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 574—5.

25)—Расказы о томъ, что въ древности были великаны и что великаны эти предшествовали обыкновеннымъ людямъ, общи всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Такъ, по сказаніямъ Эдды, въ началѣ мірозданія отъ таянія снѣговъ явился на свѣтъ первородный великанъ Имиръ. По греческому миѳу, скандинавскимъ великанамъ соотвѣтствовали мѣдные люди, которыхъ Зевсъ истребилъ потопомъ за исключеніемъ Девкаліона и Пирры, спасшихся въ ящикѣ. Отъ этой пары произошли предки нынѣшнихъ людей, но только не обыкновеннымъ путемъ, а изъ камней, которые они бросали черезъ голову. Литовскій миѳъ о началѣ міра сходится въ общихъ чертахъ съ греческимъ: предками обыкновенныхъ людей здѣсь также является пара великановъ, которые воспроизвели себѣ потомство, перескакивая черезъ камни. Современные малоросы также вѣрятъ въ существованіе великановъ (Велытни) и говорятъ, что они были до потопа.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 374 и 637—8; Чубинск. Ч. I, стр. 216.

26)—Совершенно такой же разсказъ о карликахъ, которыхъ «12 человѣкъ будутъ молотить въ нашей обыкновенной печи» и которые будутъ жить «послѣ страшнаго суда» записанъ и отъ малоросовъ.

Чубинск. Ч. I, стр. 212 и 216.

27)—Къ черемисскому расказу о происхожденіи кургановъ ближе всего подходитъ расказъ о томъ же, записанный отъ малорусовъ Луцкаго уѣзда, по словамъ которыхъ курганы насыпаны какимъ-то воинствомъ «Бунякъ» [1]), которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха воздвигало курганы, насыпая землю своими башмаками.

Чубинск. Ч. I, стр. 39.

28)—О томъ, что медвѣдь произошелъ отъ человѣка, записаны расказы и отъ малорусовъ, но только по этимъ расказамъ Богъ обратилъ въ медвѣдя мельника за то, что онъ, спрятавшись подъ мостомъ, хотѣлъ напугать Бога.

Чубинск. Ч. I, стр. 50—51.

29)—Русскій народъ также вѣритъ, что медвѣдь въ день солнцоворота (12-го декабря) поворачивается въ своей берлогѣ съ одного боку на другой.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч: I, стр. 383.

30)—Совершенно такой же расказъ, какой мы записали отъ Вотяковъ, передается въ одной хорутанской сказкѣ: «Однажды при началѣ зимы медвѣдь откопалъ невѣдомый корень, лизнулъ его нѣсколько разъ и ушелъ въ яму; увидя то, человѣкъ и самъ лизнулъ его нѣсколько разъ, послѣ чего немедленно впалъ въ усыпленіе и проспалъ въ лѣсу до самой весны......»

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. II, стр. 421.

31)—Расказы объ оборотняхъ-волкахъ, такъ называемыхъ волкодлакахъ, мы находимъ еще у Геродота, который передаетъ, что каждый изъ Невровъ, народа, жившаго въ Скиѳіи, разъ въ году на нѣсколько дней обращается въ волка. Такое же вѣрованье есть у русскаго народа, у поляковъ, у сербовъ, у нѣмцевъ, у армянъ, у жителей острова Митилины, въ Малой Азіи и у всѣхъ индо-германскихъ народовъ.

А. Афанасьевъ. Поэтич. возэр. Ч. I, стр. 736 и Ч. III, стр. 527—8; Чубинск. Ч. I, стран. 52.

32)—Въ этомъ вѣрованьи слиты два мотива: 1) что женщины-колдуньи владѣютъ средствомъ невидимо отъ хозяина отбирать у его коровъ молоко, 2) что колдуньи имѣютъ въ своемъ распоряженіи животныхъ прирученныхъ или дрессированныхъ, которыхъ они могутъ подсылать къ людямъ, для того, чтобы на ихъ счетъ нажиться, а самимъ остаться незамѣченными.

Первое изъ этихъ вѣрованій широко распространено въ Европѣ, оно извѣстно у великорусовъ, малорусовъ, бѣлорусовъ, поляковъ, болгаръ, чеховъ, литовцевъ, нѣмцевъ и норвежцевъ.

Второе распространено по Европѣ пожалуй не меньше перваго, но характеръ зага-

[1]) Память о Половецкомъ Бонякѣ. *Ред.*

дочнаго животнаго, служащаго колдуньямъ, и видъ его сильно измѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ.

Намъ удалось записать отъ крестьянъ дер. Малая Дубровица Бѣльскаго уѣзда. Сѣдлецкой губ., малорусовъ, слѣдующій расказъ, который мы передадимъ здѣсь вкратцѣ: «Есть у насъ, говорятъ они, звѣрь величиной съ кошку, котораго мы называемъ шпорыхомъ. (Изъ дальнѣйшихъ распросовъ и по виду трупа этого животнаго, котораго намъ показывали въ деровнѣ, мы убѣдились, что это обыкновенный хомякъ). Шпорыхи бываютъ дикіе и домашніе. Дикіе имѣютъ за щеками мѣшки, въ которые они собираютъ для себя зерно на поляхъ и сносятъ въ особыя норы, гдѣ они устраиваютъ себѣ запасной магазинъ на зиму. Что же касается шпорыховъ домашнихъ, то ихъ увидѣть очень трудно, но о существованіи ихъ у насъ всякій знаетъ. Нѣкоторые хозяева держатъ ихъ у себя подъ величайшимъ секретомъ и посылаютъ въ чужія поля, чтобы они собирали для нихъ хлѣбныя зерна. Шпорыхъ очень усердно работаетъ для своихъ хозяевъ и приноситъ имъ хлѣбъ всякаго сорта, какой только ему прикажутъ, но если хозяева пошлютъ его за деньгами, то онъ, хотя и идетъ, но при этомъ горько плачетъ, такъ какъ денегъ достать несравненно труднѣе по нынѣшнимъ временамъ, когда всѣ обзавелись хорошими замками».

Мы прослѣдили это вѣрованье во многихъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой губерніи и между прочимъ узнали, что оно совершенно въ томъ же видѣ извѣстно между бывшимъ уніатскимъ населеніемъ въ Радинскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ, съ той только разницей, что въ Константиновскомъ уѣздѣ шпорыхъ называется спорышомъ.

Между тѣмъ извѣстно, что въ Бѣлоруссіи есть вѣрованіе въ какое-то миѳическое существо, также называемое спорышомъ и что тамъ существуютъ даже особыя пѣсни, называемыя спорышевыми, которыя поются по окончаніи жатвы, въ такъ называемыя «Дожинки». Вотъ образчикъ одной изъ такихъ пѣсенъ, записанныхъ въ сборникѣ Бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна (1874 г. № 357):

Ходзіу Спорышъ по вулицѣ, по вулицѣ по широкой, по мурауцѣ по зяленой,
А нихто Спорыша у дворъ не зовецъ. Вышла, выѣхала Хвядориха:
«Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ, ко мнѣ на дворъ, на чисовы столъ,
У мяне столы позасцилаиы, виномъ кубки поналиваны,
У мяне пирогоу понапечана, у мяне меду понасычана, у мяне каша наварена.
Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ, на покуцѣ, да на золоцѣ, пи, Спорышъ, зялено вино».
Сдоры, Божа, у моемъ гумнѣ, у моемъ гумнѣ, у моемъ дворѣ:
На току вмолотъ, а въ дзяжи подходъ, а въ печи ростъ, а на столѣ сынцѣ.

Эта пѣсня записана въ с. Цашники Витебской губ. Кромѣ того въ томъ же сборникѣ есть 4 варіанта ея, записанные въ Лепельскомъ уѣздѣ той же губерніи и 2 въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ. Въ сборникѣ Шейна 1887 года есть 9 варіантовъ той же пѣсни въ числѣ дожиночныхъ: Витебскаго уѣзда — 1, Борисовскаго уѣзда Минск. губ. — 2, Слуцкаго уѣзда—2, Игуменскаго—1, Горецкаго Могилев. губ.—2 и Слонимскаго Гродненск. губ.—1. Наконецъ въ сборникѣ 1890 г. есть два варіанта той же пѣсни въ числѣ свадебныхъ, одинъ Рогачевскаго уѣзда Могилевск. губ., другой—Игуменск. уѣз. Минск. губ. (стр. 319—320). Во всѣхъ этихъ варіантахъ содержанье одно и то же, развѣ съ той только разницей, что въ свадебныхъ варіантахъ прибавляется:

Ой радзь......, добрую раду,
Я сына женю, я Бога хвалю.

Что касается имени Спорыша, то оно повторяется только въ двухъ варіантахъ Горецкаго уѣзда, а во всѣхъ остальныхъ замѣняется словами: Рай, Раёкъ, Рой, Богъ и Добро.

Въ своей замѣткѣ о Спорышевыхъ пѣсняхъ г. Шейнъ приходитъ къ заключенію, что Спорышъ или Рай—это древнее божество жатвы. Что Спорышъ—божество, съ этимъ нельзя не согласиться, потому, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ нашей пѣсни онъ прямо называется Богомъ, но причислить это божество къ числу боговъ общественныхъ, такихъ, которыхъ признавало цѣлое общество и каковыми были, напримѣръ, греческій Зевсъ, славянскій Перунъ и проч., мы бы не рѣшились. Изъ сличенія всего, собраннаго нами здѣсь матерьяла скорѣе можно предположить, что Спорышъ принадлежитъ къ числу *бо-*

жествъ интимныхъ, личныхъ, вродѣ христіанскаго Ангела Хранителя или же къ числу божествъ домашняго очага, семейныхъ, какъ нашъ русскій Домовой.

Далѣе мы находимъ имя Спорыша у поляковъ Люблинской губерніи. Здѣсь этимъ именемъ называется какое-то миѳическое существо «малое», но могущее по желанію вырости до огромныхъ размѣровъ. Названіе это объясняется тѣмъ, что существо это споритъ людямъ въ ихъ имущественныхъ дѣлахъ.

У поляковъ въ Познани подобное же миѳическое существо называется Скшатъ (Skzrat). Это—человѣкоподобное существо небольшого роста, которое можетъ приносить отдѣльнымъ людямъ деньги и достатокъ, для чего оно обращается въ куръ, гусей и т. под.

Въ другой мѣстности Познани то же вѣрованье уже измѣняется: Мѣсто Скшата заступаетъ Дьяволъ или Смокъ (Змѣй), который человѣку, записавшему ему свою душу, сноситъ во всю его жизнь все, что этотъ человѣкъ потребуетъ. Такой «Смокъ» влетаетъ въ домъ черезъ трубу и обращается въ цыпленка.

Наконецъ въ третьей мѣстности той же Познани записанъ расказъ, что одинъ крестьянинъ нашелъ однажды въ полѣ промокшую и продрогшую курицу и принесъ ее къ себѣ домой. Курица эта вскорѣ стала приносить въ его домъ рожь и пшеницу. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ въ одинъ прекрасный день не побилъ курицы и не выбросилъ ее вонъ. Тогда что-то вдругъ загрохотало и, все принесенное курицею жито сразу изчезло.

У литовцевъ Сувалкской губерніи есть вѣрованье въ существованіе нѣкоего Айтвара (Aitwaras). Это также человѣкоподобное существо маленькаго роста съ длинными когтями, оно можетъ обращаться въ разныхъ животныхъ, а когда перелетаетъ изъ дома въ домъ, то принимаетъ видъ блуждающаго огонька или огненной палочки. Айтваръ имѣетъ своего хозяина, которому онъ носитъ деньги, для чего хозяинъ долженъ вставить въ конекъ своей крыши пустую ступицу отъ колеса, чрезъ которую Айтваръ и сыплетъ деньги во внутрь хаты. По другимъ же источникамъ Айтвары соотвѣтствовали средневѣковымъ Инкубамъ и Суккубамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ Литвы то же миѳическое существо въ старину было извѣстно подъ именемъ Рингуса.

Всѣ перечисленныя здѣсь вѣрованія имѣютъ между собою много общаго, а потому несомнѣнно происходятъ изъ одного и того же источника. Повидимому они имѣютъ широкое распространеніе въ Европѣ, такъ какъ къ нимъ примыкаютъ; 1) весьма древнее и широко распространенное вѣрованіе, послужившее основой Гетевскому Фаусту, гдѣ роль Спорыша играетъ Мефистофель, 2) вѣрованье въ существованіе Инкубовъ и Суккубовъ, о распространеніи котораго уже было говорено выше (въ примѣчаніи 20-мъ): демонъ, входящій съ человѣкомъ въ любовную связь, въ тоже время заботятся объ его матеріальномъ благосостояніи и наконецъ 3) къ культу Домового, котораго иногда представляли въ видѣ змѣи и который всегда заботится объ имуществѣ своего дома.

Dzieje starożytne narodu litewskiego Teodora Narbutta. Wilno. 1835, т. I, стр. 117, O. Kolberg. Lud Ser. VII, стр. 92 и Ser. XV. стр. 25—27; Живая старина вып. 4, годъ 4, 1894, стр. 137; Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 264; А. С. Дембовецкій. Опыт. опис. Могилев. губ. ч. Ч. I, стр. 499; Д. Афанасьевъ. Описан. Ковен. губ. Спб. 1861, стр. 574; А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. III, стр. 485—500.

33)—Вѣрованье это есть и у другихъ европейскихъ народовъ, да и вообще, какъ извѣстно, очень широко распространено по земному шару, судя по широкому распространенію такъ называемаго «животнаго эпоса». Малорусы кромѣ того вѣрятъ, что животные разъ въ году, наканунѣ Новаго года, получаютъ даръ разговаривать между собою на человѣческомъ языкѣ.

Чубинск. Ч. I, стр. 48.

34)—Вѣрованье въ существованіе такъ называемаго Вырья, т.-е. мѣста, иногда отождествляемаго съ раемъ, гдѣ господствуетъ вѣчное лѣто и куда улетаютъ на зиму всѣ перелетныя птицы, широко распространено въ Европѣ и неудивительно, такъ какъ оно имѣетъ реальное основаніе въ существованіи тропическихъ странъ. Оно есть у русскаго народа, у другихъ славянъ, у нѣмцевъ, у древнихъ грековъ и т. д.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. II, стр. 137—139; Чубинск. Ч. I, стр. 38—39.

35)—Маленькій жучокъ Божья коровка (Concinella septempunctata) пользуется благоволеніемъ и покровительствомъ, повидимому, у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ: у индусовъ, литовцевъ, нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, поляковъ и у русскихъ. Однако народамъ этимъ не только обще покровительственное отношеніе къ этому жучку, но и странный обычай, если животное это сядетъ на руку человѣка, произносить, разъ навсегда установленныя, фразы или словесныя формулы. Мы привели такую формулу, записанную отъ вотяковъ, но она есть и у сербовъ и у нѣмцевъ; русская же формула каждому изъ насъ хорошо извѣстна:

Божья коровка, улети на волю,
Тамъ тепленько, здѣсь холодненько.

А. Афанасьевъ. Поэтич. воззр. Ч. III, стр. 294—298.

Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ.

(Галицко-бойковскій говоръ).

Горцы южно-западной части Калушскаго, южныхъ частей Стрыйскаго, Дрогобычскаго и Самборскаго повѣтовъ (уѣздовъ) и въ цѣломъ Турчанскомъ уѣздѣ южной Галичины зовутся «Бойки». Занимаются они землепашествомъ, скотоводствомъ и торговлею. Почва карпатскаго подгорья и сами Карпаты, производящіе только овесъ и картошку, изобилуютъ хорошими пастбищами и сѣножатями. И потому-то бойко является главнымъ образомъ скотоводомъ-овчаремъ. Громадная выдѣлка овечьяго сыра—брындзы толкаетъ его къ торговлѣ. Предпріимчивый духъ бойка указалъ ему дорогу къ расширенію своей торговли,—бойко взялъ въ свои руки и овощную торговлю. Почти въ каждомъ большомъ городѣ Австріи, а даже и за ея предѣлами можно встрѣтить крестьянъ съ долгими волосами, въ расшитыхъ насаленыхъ рубахахъ, въ тулупчикахъ и въ лаптяхъ, предлагающихъ вамъ лѣтомъ венгерскія сливы и виноградъ, зимой же орѣхи, яблоки, сушенныя сливы и померанцы—это наши галицкіе бойки.

Различіе въ говорѣ, характерѣ и этнографическомъ отношеніи обратило на себя, уже въ началѣ истекающаго столѣтія, вниманіе этнографовъ и ученыхъ ивызвало ближайшее изученіе этого народца.—Шафарикъ, основываясь на замѣчаніи Константина Багрянороднаго о землѣ «боевъ» лежащей за Молдавіей, высказываетъ въ Slovansky-хъ Starožitnost-яхъ мнѣніе, что бойки живутъ именно въ этой землѣ боевъ. Это мнѣніе развиваетъ дальше и шире галицкій поэтъ-этнографъ, Вагилевичъ въ статьѣ о бойкахъ, напечатанной въ Časopis-ѣ českeho Museum 1841 г., относя происхожденіе бойковъ къ кельтическому племени боевъ. Я. Ѳ. Головацкій опровергаетъ это мнѣніе о кельтическомъ происхожденіи галицкихъ бойковъ на основаніи факта, что Несторъ и другіе лѣтописцы, упоминая о галицкихъ жителяхъ, не упоминаютъ о бойкахъ, какъ инородческомъ племени—и что у бойковъ и кельтическихъ племенъ нѣтъ особыхъ общихъ чертъ; въ виду же факта, что горцы бойки, считаютъ названіе «бойко» постыднымъ, а предпочитаютъ названіе «гуцулъ», предполагаетъ онъ, что названіе «бойко» есть остаткомъ стародавнихъ жителей Карпатскихъ горъ, бояевъ, порабощенныхъ и прогнанныхъ русскимъ элементомъ. Особый же типъ бойка есть послѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій. (Народныя пѣсни;—историко-географическіе очерки Карпатской Руси. Москва 1878 г.) Въ рецензіи на сборникъ Я. Ѳ. Головацкаго, напечатанной въ Отчетѣ о 22-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова (37-ой т. Записокъ Академіи Наукъ) высказывается А. А. Потебня слѣдующимъ образомъ: «Разъ мы въ кругу возможностей, можно допустить и то, что прозвище Бойковъ дано окрестнымъ русскимъ населеніемъ по неизвѣстнымъ причинамъ, въ родѣ приводимыхъ лѣтописью о Радымичахъ (подъ 896-ымъ г.) и принадлежитъ языку этого населенія. Въ такомъ случаѣ можно бы думать о связи съ «боятися» (Бойка изображаютъ робкимъ—между тѣмъ какъ Гуцулъ является удалымъ молодцомъ)..... Возможно, что прозвище «бойко», которое становится документально извѣстнымъ одновременно съ именемъ Гуцуловъ (1703—4 г.), относится не къ столь глубокой древности, какъ думаютъ, и сложилось

подъ вліяніемъ мысли о противоположности характера Бойковъ и Гуцуловъ.... въ окончательной своей формѣ не можетъ быть древнѣе имени Гуцуловъ т. е. по всей вѣроятности, XIV в., времени переселенія Румынъ въ Буковину, но м. б.—гораздо позднѣе». (стр. 86—7).—Въ Галичинѣ былъ поднятъ этотъ вопросъ о происхожденіи бойковъ мѣстными учеными А. С. Петрушевичемъ, И. Верхратскимъ и О. Партыцкимъ въ 80-ыхъ годахъ. Говорили и о румынскомъ происхожденіи бойковъ, и относили названіе «бойко» къ слову «бойкій», и мѣстной поговоркѣ «бо-й-е» (вотъ, ибо и есть).

Професоръ Верхратскій собралъ и издалъ небольшой словарь галицкихъ говоровъ (Знадоби до словаря южно-руского. Львовъ 1877). Въ словарѣ обратилъ онъ отчасти вниманіе какъ на фонетическія, такъ и синтактическія особенности этихъ говоровъ.— Въ «Временникахъ» Ставропигійскаго Института въ Львовѣ помѣщалъ о. І. А. Гоцкій въ 1895—1900 гг. части своего бойковскаго словаря. Оба упомянутые словаря и приняты въ основаніе предлежащаго «Опыта».

Сопоставленіе бойковскаго говора съ другими русскими говорами указываетъ, что названія растеній, животныхъ, блюдъ, снастей, сосудовъ, одежды во многихъ случаяхъ общи бойковскому и сѣверо—и юговосточнымъ русскимъ говорамъ; напр.: боръ, бусекиръ, головастень, грузь, зимозель, зубровникъ, команка; бабецъ, зюшка, казачка, мня; варь, верхнина, глаза, киселиця, перепечка; бичева, бѣгало, верея, вершка, драниця; канька, кушка, саганъ, саква; волокъ, кучма, оплеча и др. Нѣкоторые обряды, игры, суевѣрія, какъ «досватки, жмурки, громовые дни, паликопа» обозначены этимъ же самымъ названіемъ. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ и бойковскомъ говорахъ суффиксъ сь употребляется для обозначенія прошедшаго времени: лѣто-сь, зиму-сь.—Съ другой стороны замѣчаемъ и слѣдующее: слова употребляемыя въ великорусскихъ говорахъ въ значеніи дѣйствія въ бойковскомъ означаютъ состояніе или снарядъ: вывертка, вывозъ, говѣти, задавка, напоръ, нажимъ. Во многихъ случаяхъ употребляется часть въ значеніи цѣлаго и на оборотъ: валъ, завора, опашня; окончаніе средняго и мужского вмѣсто мужского и женскаго рода: било, бабецъ, бичевикъ, облавъ. Относительно окончаній именъ можно слѣдующее замѣтить: окончанію щ и к ъ отвѣчаетъ въ бойковскомъ н и к ъ: вѣяльникъ, вязальникъ; окончаніе а ш а чередуется въ бойковскомъ съ а с ъ и а ш ъ: любасъ, гуляшъ. Для означенія повторительнаго или продолжительнаго дѣйствія интерполируютъ бойки согласный *к*: здоровкати, ревкати, или с т въ словѣ «молиститися». Согласные *к*, *д*, *т*; *х*, *с*, *т*; *л*, *р*; *с*, *ш* (передъ *к*, *в* а даже и передъ гласнымъ) замѣняютъ часто другъ друга: обыдлатися (обыклый), кѣсто (тѣсто), табатерка, (табакерка, ср. Даль-Тол. Сл., т в р. в о р.); обчесати (обчемхати), рубатка (рубшка); пролубъ (прорубъ); шкарадь, шкитевый, шкребтачка, шкали, швайка, шадый (сѣдой), шуниця.— Въ нѣкоторыхъ словахъ отбрасывается префиксъ, или приставляется: (у-) жасъ, (и-) ржище. Пазвукъ неударяемаго *о—а* находится въ словѣ л а н а н ь е.

Большое количество словъ, свойственныхъ однимъ бойкамъ (въ Галичинѣ) и говорамъ сѣверно-русскимъ можетъ привести къ слѣдующему заключенію: 1) если горцы—бойки старожилы въ галицкихъ Карпатахъ, тогда лишній разъ подтверждается, что въ свое время былъ одинъ русскій языкъ, не раздѣленный на нарѣчія и говоры; 2) если же бойки, элементъ пришлый въ Карпатахъ, такъ можно предполагать откудова пришелъ, именно отъ сѣверо-востока. Второе предположеніе, конечно останется предположеніемъ, пока не будетъ указано такое же сходство между бойками и сѣверянами въ этнографическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ слово бойковскаго говора, дальше слѣдуетъ слово изъ Толковаго словаря В. И. Даля 1880 г.—Употребленныя сокращенія слѣдующія: б. = бойковское слово изъ мѣстностей Ясень, Сливки, Небыловъ, Прислопъ и Майданъ; Др. = дрогобычскій у., Кал. = Калушскій у., Крс. = Красне въ Калушскомъ, Либ. = Либогора, Оп. = Опака, Самб. = Самборскій у., Син. = Синеводско, Стр. = Сурыйскій у., Сян. = Сяноцкій у., Тур. = Турка, Угр. = Угрыновъ, Ур. = Уричъ, Яс. = Ясень.— Сокращенія взятыя изъ Толковаго словаря приняты извѣстными.—Въ предлежащемъ «Опытѣ» сохранено этимологическое правописаніе, слѣдуетъ однако отмѣтить, что у бойковъ и вообще въ малорусскихъ говорахъ произношеніе *и* = *ы*, *е* = *э*, *ѣ* = *и* (за изъятіемъ слова м р ѣ в ы й, гдѣ сохранилось правильное произношеніе подъ вліяніемъ

тежре(-я-)вый). Для отмѣченія мѣстныхъ фонетическихъ измѣненій введены a̅, e̅, произносимые какъ і., и г̅, произносимое ı, при общепроизносимомъ h.

Бабецъ (Яс.), бабица (пск.), родъ рыбки, головастая рыбка.

Багоръ (Син.), косякъ; (Т. С.), желѣзный крюкъ....

Багра (б.), черная корова; багряная (Т. С.), чисто бурая, кофейная гончая собака.

Бадулити (б.), работать, заходиться около чего: бадровь (Т. С.), начало дѣла, причина; бадровать (арх.), замышлять, затѣвать.

Баяти (Либ.), баить (Т. С.), шептатать, ворожить.

Балбенковатый (б.), балбесъ, болванъ.

Балта (б. орнб.), топоръ; (б.), отмѣтка на ушахъ овецъ, чтобы можно было ихъ въ толпѣ узнавать.

Барлокъ (б.), висящій подбородокъ у скота; барлой (Т. С.), мѣхъ; барловина (в.-сиб.), шкура оленя или козули.

Барышe̅вникъ (Самб.), барышникъ, посредникъ, маклеръ.

Барышe̅вне (Самб.), барышевка, ряды.

Бебенье (Яс.), малыя рыбки; бебеня (влд.), родъ саламаты, кушанье.

Бейкати (Син.), кричати на волка «бей-бей» (въ Галичинѣ общеупотребительно повел. накл. бій-бый).

Белендѣти (Кал.), белендрясить, балагурить.

Бендюга (б. нврс.), рычагъ, бревно.

Бервено (Яс.), бервно (южн.-зап.), колода, чистый пень.

Било (б.), билень, короткая палка у цѣпа, которой бьется.

Бичевникъ (Самб.), пристяжъ; бичева (Т. С.), веревка для тяги судовъ, лошадьми или людьми.

Богодѣлати (б.), молить, просить кого; богадѣльствовать (Т. С.), богорадствовать, призрѣвать нищихъ.

Боги (б.), кудесники; (Т. С.), мнимые управители вселенной.

Боръ (б. смб. сам.), родъ чорнаго проса.

Бочити (б), колоть рогами, гнѣваться; бочиться (Т. С.), принимать важный видъ.

Брыдняво (б), о состояніи погоды, ненастье; брыдкой (пск.), рѣзкій вѣтеръ.

Будити (Син.), коптить ветчину; (С. Т.), буженица, буженина.

Бусекиръ (б.), родъ травы; бусенецъ (влгд. прм. арх. сиб.), чичеръ; (орл.) ситникъ.

Бутинъ (б.), мѣсто по срубленномъ лѣсѣ; бутня (арх.), сухая моховина.

Бутыти (б.), бутыскать (сѣв. вост.), бодать, пырять.

Бызунка (б.), яловка, которая первый разъ обходилась; быза (вят.), хвостъ; бузыня (прм.) ласковое названіе жены.

Бѣгачка (б.), рычагъ, которымъ передвигаютъ борону; (побѣгало (б.), кольцо на улуку бороны); бѣги (волж.), снасть, веревка, тяга.

Бѣличка (б.), бѣлка.

Валъ (Кал.), пластъ скошенаго сѣна; (тмб. пен.), куча сѣна, скатанная граблями изъ однаго пласта.

Варитъ (Крс.), говоря о солнечномъ зноѣ; варъ (Т. С.), солнечный зной.

Варь (б.), овощная похлебка; (Т. С.), похлебка.

Ватажокъ (б.), самый старшій пастырь овецъ; (раньше названіе предводителя опрышковъ-разбойниковъ); (Т. С.), предводитель шайки, толпы, артели.

Велѣти (Син.), велѣть, приказать.

Вередитися (Син.), хвастаться, важничать; вередуха (Т. С.), пакостникъ, проказникъ, худой, бѣдовый баловникъ; вередливый (Т. С.), нѣженка, недотрога.

Веретеница (б.), ядовитая змѣя; (Т. С.), мѣдяница хрупкая, неядовитая змѣйка.

Верея (Кал. Т. С.), столбы, на которые навѣшиваются полотенца воротъ.

Верхинна (Стр. Слав.), верхи (ярс. влгд.), сливки, снимки верхъ удоя.

Вершка (б.), верша, рыболовный снарядъ изъ прутьевъ.

Веселка, веселичка (Син. Либ. пск. смл.), радуга.

Весноватый (Стр.), тощій (Скотъ подъ весну); вешнять (арх.), доѣдать послѣдніе запасы къ веснѣ.

Волоки (б. южн-зап.), отборы, завязки у постолъ, лаптей.
Волотка (б.), вершина снопа, колосъ; (смб. кст.), стебель, горсть стеблей.
Вороски (б.), веревки, на которыхъ виситъ люлька; ворошить, ворохать (Т. С.), трогать, шевелить.
Ворохъ (б.), толпа, куча; въ вороху, вмѣстѣ, общими силами; (Т. С.), горка сыпучаго.
Время (б.), ненастье; (Т. С.), состояніе воздуха, погода.
Вывертка (б.), дерево опрокинутое вихремъ; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи: класть что въ переверть (состояніе—дѣйствіе); выверть (Яс.), земля у опрокинутаго дерева.
Вывозъ (б), дорога на гору; (Т. С.), дѣйствіе въ значеніи глагола.
Вывѣживати (б.), вывѣдывать, вывѣдать.
Выдруститися (Самб.), выдрыхнуться, выспаться.
Вѣдавь (б.), вѣдь, вѣдай.
Вѣяльникъ (б.), вѣяльщикъ.
Вязальникъ (б.), вязальщикъ.
Вязи (б.—везн), вязки, связки нѣкоторыхъ частей телеги, саней.
Гавзунъ (Кал.), корчага, большой горшекъ; гавезъ (ряз.), множество, тьма, пропасть.
Гарасиковатися (Син.), спорить, ссориться; гарасить (кал.), ударить.
Гачуга (Яс.), букъ, дерево; гачки (сиб. орн.), сосновое лыко, облонь, мезга.
Гинтяй (б.), парень, (гонтяй—гониться?); гилъ (Т. С.), шутникъ.
Глаза (Син.), ячменная каша; глазуха (пск. кал.), гороховая кашка съ крупой.
Глей (Яс.), грязь; (нврс.), глина; глевъ (Т. С.), слизь, покрывающая рыбу; глень (Т. С.), сокъ, влага.
Гнетēнка (б.), кружочекъ сыра, находившійся или находящійся подъ камнемъ; гнетень (твр.), прижимъ, нажимъ.
Говѣти (б), истощаться; (Т. С.), поститься.
Година (Яс.), хорошая погода; (Т. С.), время, пора, часъ.
Головастень (б.), раст. головастикъ.
Голенатый (Стр.), голеняй, долгоногій.
Гонтина (б. Т. С.), короткая дранка, расколотое бревешко.
Гроза (Либ.), большущій, исполинскій; (нвг.), много, ужасъ сколько, пропасть.
Громовый день, (б.): дни свв. Иліи, Пантелеймона, Кирилла; (Т. С.): день св. Иліи.
Грузь (б.), груздъ (пск.), грузделокъ (сиб.), грузень (вят.), съѣдомый грибъ.
Гуляшъ (б.), пастырь въ горахъ; гуляшки (б. Т. С.), праздношатательство; гулевой скотъ (Т. С.), не рабочій, отгуливающійся на пастбищѣ.
Гуркало (Стр. Самб.), болтунъ; гурлить (сар.), болтать.
Гурный (Либ.), гордецъ; гурлить (влгд.), хвастаться.
Гутити (б.), густи, гудить.
Давнēчко, давѣ (Син.), давичка, не такъ давно, еще сегодня.
Дань (Либ. Т. С.), подать, оброкъ.
Дата (б.), кормъ данный скоту дача (Т. С.), пайка, мѣсчина.
Двичи (б.), двонча (тмб.), двоичи (южн.-зпд.), два раза.
Девяносто (Син.), девяносто, (въ Галичинѣ общеупотребительно: девятдесять).
Дзюня (б.), дюжка, зюжка (твр.), поросенокъ.
Днēвка (Либ.), работа одного дня; (Т. С.) проведеніе цѣлаго дня за занятіемъ.
Домарити (Яс.), домашничать.
Долгунья (б.), долгая рубашка у малыхъ дѣтей; (Т. С.), великорослый человѣкъ или другой предметъ.
Дȍ-разъ (Либ.), дорȁзу (кал. кур.), сразу.
Досватки (б.), рукобитье, согласіе насчетъ приданаго.
Драница (б. Т. С.), колотыя, сосновыя дощечки для кровель.
Другаръ (б.), рычагъ у плотины, къ которому привязываютъ кормило; дружокъ (спб.), петля, вдѣваемая въ бердо.
Дужатися (Либ. зпд.), бороться; дужій (зпд. юж. кур. твр. кал. б.), крѣпкій.
Дучайка (Син.), дучка (Угр. юж.), дырка, дыра.

Жало (б.), жалива, крапива.
Жаркій (Самб. Т. С.), горячій, раскаленный.
Жасати (Симб. Кал.), ужасати; жасъ (ibid), ужасъ.
Жиръ (б.), буковые желуди; (Т. С.), масло, приволье, тропинки дикихъ звѣрей.
Жменя (б.), малый снопикъ соломы; (смл.), горсть чего; жмина (каз.), горсть колосьевъ.
Жмо̄хати (кал.), жмакать, жмокать (ряз. ярс.), бить, колотить.
Жмурки (Либ. Т. С.), игра.
Завора (б.), ворота въ овинахъ; (Т. С.), засовъ, застава.
Заворотъ (б.), чадъ; (Т. С.), на дворѣ, ненастье.
Задавка (б.), дифтеритъ; (Т. С.), задавленіе.
Задаръ (Либ.), задаромъ, понапрасно.
Задубѣти (Либ.), задубѣть, окрѣпнуть.
Зазорити (Самб.), начинаетъ разсвѣтать; (нвг.), засвѣтить, зажечь.
Заме̄тати (Стр.), заметать, завѣвать.
Запе̄чекъ (б., скамья между печью и стѣною; (Т. С.), промежутокъ между печью и стѣною.
Зарубъ (б.), небольшое огражденное мѣсто для скота; (Т. С.), засѣка.
Зарѣдити (б.), дать въ пищу молока или масла; (Т. С.), дѣлать что̀-либо рѣже прежняго.
Запо̄ръ (Крс. Т. С.), запирка.
Затворка (б.), окно; (твр.), ставень лавочки.
Зате̄съ (б.), желѣзная трубка у колеса, чтобы ось не стирала его; (Т. С.), затесанное мѣсто, засѣка.
Затынити (Ур. Т. С.), обносить тыномъ.
Захистъ (б.), что захищаетъ избу отъ стужи и вѣтра; захитить (Т. С.), защитить отъ стужи и вѣтра.
Заходистый (б.), неспокойный; заходчивый (Т. С.), скорый.
Зачерети (Самб.), зачерпнуть.
Звонецъ (Яс. Т. С.), раст. синелька.
Здоровкати (Стр.), здороваться.
Зимозе̄ль (б.), раст. зимовикъ.
Зубро̄вникъ (б. Т. С.), растеніе.
Йванъ, самое обиходное имя; Иванъ головатый (Яс.)—растеніе похожее на клеверъ, цвѣтетъ бѣло; Иванъ-трава (Т. С.) кипрей.
Истина (б. стар.) Капиталъ.
Иржйще (Яс.), ржаное пожниво.
Ка, ко (б. Т. С.), частица, присоединяемая къ повелительному наклоненію въ цѣли поощренія.
Баблукъ, (клобукъ), каблучекъ, суконный или кожаный колпачекъ; ср. клебаня (Либ.).
Кавушъ, боченокъ, употребляемый горцами при приготовленіи овечьяго сыра—брындзы; кавшикъ, (прм., сиб.), плетенный изъ прутьевъ плоскій ковшъ для выборки изъ котла пельменей.
Казачка, медвѣдь; казакъ (прм.), боровъ; казачекъ (прм.), поросенокъ; (сиб.) самецъ кабарги; казачиха (арх.), самка моржа.
Казити (Самб.), портить, разбить стекло, искажать.
Кайлакъ, отбросокъ дерева въ лѣсопильныхъ заводахъ; кайла (Т. С.), землекопное орудіе.
Каленица (Стр.), сосудъ для приготовленія глины; каленка (Т. С.), банная печь, каменка.
Калѣчина (Либ.), уродъ, хромой; калѣка (Т. С.), увѣчный.
Канатъ, самая толстая вервь, веревка.
Канятко (произносится кеньетко), малый сосудецъ; канька (арх.), деревянная кружка, жбанокъ; конюхъ; (вор.ниж.), ковшъ, ковшикъ; канка (Самб.), украшеніе головы у крестьянокъ.
Капа̀къ (Ср.), плугъ, ср. копа̀ть; лама̀къ (ib), сошникъ, лемехъ, ср. ломать,

Капустянка (Либ.), капустное поле послѣ уборки капусты; (прм.), помочь для рубки капусты.

Катранъ, передникъ; катранъ, катръ (Т. С.), растеніе, серпуха.

Кваснина (Либ.), кислое козье (или овечье) молоко, наз. у горцевъ жентиця; квасъ (Т. С).

Кедровка (Яс.), птица проживающая въ кедровыхъ лѣсахъ, Nucifraga caryocataetes.

Кервянка, кровянка (Лаб.), кровь, (твр. пск.), сукровица.

Кїянье, (б.) кій, которымъ глушатъ рыбу; кіемъ глушатъ рыбу подо льдомъ (Т. С.).

Кйлавка (множ.—й, Яс.), неспѣлая слива, выродокъ, падочка; килавое дерево (Т. С.), дерево съ наростами.

Килиндати (б.), медленно заниматься чѣмъ; Килиться (пск.), мѣшкать, медлить, возиться.

Кипѣти (б.), волноваться, кипѣть.

Кирина (б.), безпорядокъ, грязь; киръ (астр.), пропитанная нефтью земля.

Киселиця (б), борщъ изъ ржаной муки; киселина (Т. С.), кисельный растворъ, сулой.

Китайка (Либ.), кить, китица у папахи; китиця (Син.), соломенная витушка, горсть соломы; кить (пск.), соломенная плетеница.

Кичер(к)а (Либ.), обрывистая гора, покрытая лѣсомъ; кичить (Т. С.), кичень (твр. пск.), гордецъ; кичерюга (ол.), берестянка.

Кладня (б.), копна; кладь (Т. С.), стогъ, скирда.

Клепачъ (Либ.), клепецъ (Т. С.), молотокъ, которымъ отбиваютъ косы.

Клубъ (б.), дерево, опрокинутое съ корнемъ; клубъ дерева (Т. С.), сучья, вѣтви и листья.

Клюка (Либ.), крючекъ съ загибомъ.

Клянчити (б. влгд.), просить, кучиться, канючить.

Кобелецъ, тычекъ надъ кроватью, для повѣски платья: коба (нвг.), кобелъ (вост.) колъ, тычекъ.

Ковбиця, ковбокъ, ковбня, ковбанъ (Стр.), пень, для рубки дровъ; коба, коблюхъ (Т. С.), колъ, пень, надолба; ковня, наковальня.

Ковыряти (Яс.), долго хворать; коверкать (Т. С.), гнуть, ломать, мять, сгибать. Его падучая коверкаетъ; ковырять, копать, рыть: ковылять, хромать; поживать кой-какъ; всѣ перековыляли, перехворали; кыркать (твр. пск.), хворать, недомогать.

Козелъ (б.), долгая жердь у кормы; (Т. С.), ручной воротъ; (влгд.), два кола на крестъ перевязанные вицей.

Колѐсни (об.), двухколесная тележка у плуга.

Колосйна, колосинье(-ья) (Стр.), вотря, вымолоченные или недомолоченные колосья для корма скота; (сѣв.) колосяга.

Колоситися (б.), колоситься, растить на себѣ колосъ.

Колотилецъ (б.), палка съ колокольчиками, употребляемая свадебнымъ бояриномъ; колотило (Т. С.), клепало, желѣзная доска, въ которую бьютъ сторожа.

Колотушка (об.), колотивка (о.), колотилка, снарядъ для колоченья.

Колубахъ (Стр.), водоворотъ; колотьба (Т. С.), дѣйствіе и состояніе по знач. глагола.

Колыба (б.), изба горцевъ изъ досокъ и коры: колыбель (Т. С.),... родина, мѣсто рожденія.

Колядованье (б.), обрядъ хожденія по домамъ, въ дни Рождества и Новаго года, съ поздравленіями и пѣснями; ходятъ парни и дѣвушки; коляда, коледа (юж. зап.), святки, праздникъ Рождества Христова и всѣ дни до Богоявленія.

Коль (б.), коли, если, буде.

Команика (Яс.), клеверъ, трилистникъ; команйка,—йца (твр.), ягода, перелетъ, латочный горошокъ, Gemeiner Hornklee.

Комарникъ (Стр.), плетенная постройка, гдѣ спятъ пастыри и гдѣ хранятъ овечій сыръ; (арх. астр. урльс.-каз.), холчевая накидка, калпакъ на всю голову, съ сѣткою изъ конскаго волоса передъ лицемъ.

Конюхарити (Самб.), быть конюхомъ.

Конюшйна (об.), клеверъ, трилистникъ: (твр. пск.), раст. конскій щавель.

Копаня (Лнб.), доска у устья печи, печная заслонка; копаница (кур.), одноручная кирочка печниковъ.

Копани (об.), пара санныхъ полозьевъ.

Копылъ, копылья (Стр. Лнб.), въ санныя полозья вдолбленные копылы.

Коржъ, овсяный хлѣбъ; (юж.), прѣсная лепешка.

Корòлька, королица (Яс.), растеніе, родъ трилистника; садовые корольки, (Т. С.), красный, стручковатый перецъ.

Кортя̀чка (Самб.), нетерпѣливое выжиданіе, страстное влеченіе; кортѣть (вост.), жадно выжидать.

Корча̀га (Син.), корчуля (Стр.), глиняный сосудъ съ узкой шейкой; (Т. С.), большой горшокъ.

Космогрудый (Самб.), съ косматой грудью.

Котячка (б.), овечья волна, смѣшанная съ шерстью; котиться (тмб.), объ овцахъ или козахъ, ягниться; котька (ряз.), ягня.

Кочерыга (Син.), брюква, нѣмецкая рѣпа; (Т. С.), хрящеватый кочанный стебель.

Кочѐрга (б.), кочерга̀, печная клюка.

Кохать (б.), заботливо ходить около скота; кохать(ся), (смл. зпд.), любить(ся).

Крещàтина, крещàтое полотно (Лнб.), полотно въ крестахъ; крещатый (Т. С.) въ крестахъ.

Кривуля (Син.), что либо кривое, изогнутое.

Крошня (Самб.), плетеная корзина, для ловли рыбы; долгая плетенка съ холщевой крышкой для телегъ.

Крутарь, (Лнб.), сумасбродъ, пройдоха, обманщикъ; крутила (Т. С.), крутящій что-либо; крутиль (Лнб.), крутильня, отдѣленіе канатнаго завода, гдѣ крутятъ веревки: крутйло (Стр.), крутливѐцъ (Син.). пучина, водоворотъ, крутень (Т. С.); крутить (б.), приготовлять дерево къ спуску, въ рѣку; круть, крутизна (Т. С.), обрывъ, утесъ, скала; круторогій (об. Лнб.), волъ.

Кручѐнка (Самб.), крендель; кручники (ярс.), гостинцы, лакомства, приносимые женихомъ невѣстѣ.

Крушйна (б.), рябина; (Т. С.), горная береза, карлушина.

Крыжовниця (б.), поперечный шестъ между дышломъ и грядками саней; крыжевать (Т. С.), вязать накрестъ.

Крыша, крытіе, прикрытіе, кровля.

Крянути (Лнб.), грянуть, ударить.

Кубашка (б.), деревянный сосудъ съ ушкомъ для питья; кубышка, (Т. С.), деревянный или кожанной сосудъ для питья.

Кугава (Син.), обрывъ, ярь; когва, когма (арх.), второй слой льду, намерзающій отъ морскихъ приливовъ; куговина (сред. и юж.) мѣсто заросшее кугою, тростникомъ; куя̀ва (Калуш.), престарѣлая изба; (кал.), неопрятный растрепа.

Кỳканиця (Яс.), вешній цвѣтокъ; кỳколица (Т. С.), раст. Melandrium pratense, лѣсной куколь.

Кумбỳкъ,—чъ (Яс.), кривое, выбракованное дерево; комель (Т. С.), толстый конецъ бревна; комлюхъ (твр.), дубина, комель; комъ (Т. С.), обломокъ, кусъ.

Курта (Стр.), короткая мужская одежда; куртый (Дрог.), короткій; (Т. С.), курта, куртикъ (дон.).

Курево (Стр.), служащее для курки, дымленія въ пасѣкѣ.

Кучма (б.), шапка изъ цѣлаго барана; (Т. С.), вислоухая, мѣховая шапка.

Кушка (Калуш., вор.) у косарей, бурачекъ съ водою и съ брускомъ для правки косъ, ср. точѐкъ.

Кущавый (б), больной, истощенный, сухощавый; кущникъ (арх.), старикъ-отшельникъ.

Лавка (б.), пѣшеходный мостикъ, кладка: (юж. нвг. ярс.) лава.

Лагодный (б.), готовый, снаряженный къ дѣлу; лагодиться (юж.), собираться.

Ладкати (Стр. Самб.), пѣть свадебныя пѣсни; ладо (Т. С.), мужъ; ладковать (Тул.), сватать.

Лазъ (б.), изба горцевъ въ полѣ, гдѣ проводятъ все лѣто: (Т. С.) тѣсный проходъ, путь, гдѣ проходятъ звѣри.
Ламанье (отъ ломать, Либ.), ломанье, дѣйст. по знач. глагола (ломать стручки, лопатки кукурузы).
Лàтити (лин.), покрывать избу латинами; (кур.) лата, латвина; (юж. зпд. твр.) латàть.
Легѝнь [1]) (б.), парень, холостой человѣкъ; легастый, легостай (вягд.), вѣтренный опрометчивый человѣкъ.
Легòвѝще (б.), мѣсто на пастбищѣ, отведенное для скота; логовище (Т. С.), лежка, лежище, постель животнаго.
Лежанка (Син.), тифъ; лежка (нвг.), повальная болѣзнь.
Лѐжень (б.), лѣнтяй, лежебокъ.
Лелетка (б.), сова, сычъ; птица, которой появленіе па гумнѣ предвѣщаетъ смерть члена семьи; лелекъ (Т. С.), козодой; лелетка (смл.), овсяная мякина; лелетки (Либ.), блёстки: лелеять, (кур. вор.), мелькать, блестѣть.
Леличъ (б.), родъ дерева, растущаго въ горахъ, можевельникъ, сухія ягоды котораго употребляютъ, какъ кадило; лельямъ (Ряз.), куренія, благовонія.
Лєска (б.); плетеная изъ прутьевъ сѣть; лесà (вят.), лесодь (твр.), леска, лѣса, нить или шнуръ на удѣ.
Липина (б.), скипка, которой свѣтятъ по вечерамъ: (кур.) липовая лучина; лапникъ (Калуш.), лѝпецъ (Т. С.), вареный бутылочный медъ (съ липоваго сока).
Липнѝця (Яс.), липу̀чка (Т. С.), раст. пряда.
Лихва (об.), ростовщичьи проценты.
Логинъ (Син.), лежащее дерево; логъ, логовѝна (Т. С.), балка, ущелье, долина.
Ломскій (б.), о молодомъ баранѣ говорятъ; (Т. С.), ломаться, о коровахъ: быть въ порѣ, въ течкѣ; (прм. вят.), метаться во второй половинѣ стельности, ломоватый, неуклюжій, грубый: ломовитый, дюжій, плотный, здоровый.
Ломыгати (Либ.), бить кого ломагой, палкой; ломыхать (нвг. пск.), ломать, коверкать, мять.
Лопарь (Либ.), лопата; (названія разныхъ лопатъ, какъ: заступъ, городникъ, общеупотребительны въ Галичинѣ).
Лопата (б.), городникъ, деревянная лопата съ оковкою, гора непокрытая деревомъ и зеленью; глядѣть подъ лопату, готовиться умирать; во время грозы выносятъ лопату или кочергу на дворъ; (ср. Т. С.).
Лопатень, напарій, коимъ сверлятъ ступицы, колеса.
Лопатка (б.), стручекъ гороху; (об.) деревянная дощечка съ рукоятью, усыпанная по смолѣ пескомъ для правки косъ.
Лоскавѐцъ (б.), растеніе василекъ, служащее къ украшенію; (Т. С.) лоскутникъ, лоскутница, раст. василекъ, волошки.
Лоточить (б.), бранить, ругать; лотошить (юж. курс. тмб. вят.), лепетать, болтать, молоть языкомъ бойко.
Лубье (об.), лубъ, лубки, кора.
Луговина (б.), лоза, изъ которой плетутъ корзины; (Т. С.), небольшой лугъ; (ниж.), мурава, дернъ; пролѣсокъ, прогалина.
Лудити (Либ.), манить собаку; (Т. С)., обманывать.
Лукавити (б.), ненавидѣть; (Т. С.), дѣйствовать коварно.
Лу̀тье (б), лыка; лутьё (кур., ряз.), молодой липнякъ, годный для съемки лыкъ.
Лучнѝця (Стр.), лучина, щепань.
Лѣвàкъ, лѣвку̀нъ (об.), лѣвкò, лѣвачь, лѣвшакъ.
Лѣпàкъ (Самб.), вареникъ: (Т. С.) лѣпòкъ, липкій комъ, лепѐшка.
Лѣпàнда (Самб.), мазь изъ воска, смолы и сала; (окончаніе)!
Лѣтеплый (Либ. пск.), тепловатый, о водѣ.
Лѣто-сь (об.), лѣтомъ, прошлымъ годомъ.
Лѣторостъ (Син.), лѣторосль, вѣтка.

---

[1]) Мадьярск. legény—парень, молодецъ.

Любасъ (б.), любаша, избранный.
Лютый (об.), свирѣпый, звѣрскій.
Лямити (Яс.), увидѣть что: (пск. твр.), тянуть, мѣшкать.
Манна (б. юж.), медовый опадъ въ теплую лѣтнюю ночь; (юж.) собираемое въ южной России по росистой травѣ сѣмя.
Мановцы̀ (об. гал. мановцѝ), оманецъ (Самб)., дорога наугадъ, прямкомъ, (Т. С.) мановьемъ, мановью.
Мантя̀рь (Самб. Стр.), манѝла, манщѝкъ (Т. С.), обманщикъ, надуватель.
Ма̀точина (Самб. юж. зпд.), колесная ступица.
Маценья̀, маценьятко (Син.), мацинча (Самб.), махо̀ня, махо̀тка (ряз. тул. тмб.), кашничекъ, маленькій горшечекъ.
Мжа, мжиця (Син., тмб. тчл. кил. вят.), холодный, мокрый туманъ, мелкій дождь; мга (кал. тул. кур.).
Медвяный (б.), дорогой, сладкій.
Ментусъ (б.), мантусъ (Смб.), рыба мень, налимъ.
Метель (об. Либ.), вихорь со снѣгомъ.
Міръ (Яс.), народъ, громада.
Митьма̀ (Син.), на поперекъ бросить; ср. опрометью (Т. С.).
Мнюхъ (б.), родъ рыбы; (Т. С.), мень, рыба; мня, обжора.
Мокрышъ (б.), родъ зелья; мокринникъ (Т. С.), растеніе.
Молиститиса (Стр.), маливать, покорно просить.
Молодина, верхнина (Либ.), сливки; молодь, молодизна (Т. С.), пѣна на недобродившемъ пивѣ, меду, квасу.
Молотилка, молотѝльня (об.), молотня (Самб.), молотильная машина.
Мо̀лотъ (Стр об.), дѣйствіе и состояніе по знач. глаг.
Морокв̀а (Либ.), топкое болото; ср. мокрота̀, мокредѝна и мордка.
Москати (Дрог.), ударять со стукомъ; (нвг.) москотать.
Мостъ (б. сѣв. вост. орл. тмб. ряз. смл.), избной полъ, помостъ.
Мостовка, мустъ (Син.), навозная жижа; мустъ (Т. С.) виноградное сусло, ягодный сокъ.
Мошна (-я), кошель, сумка, киса.
Моча̀ (Син.), урина.
Моцарь, моча̀рь (Либ.), мощный, крѣпкій человѣкъ.
Мочѝло (б.), прудъ; колдобина, прудъ (Т. С.).
Мрѣвый (б.), дождливый, больный; мрѣть, мрѣять (Т. С.), маячить, мерцать, неясно обозначаться въ мракѣ.
Мудерный (Калуш.), мудреный, искуссный.
Мурандиль (Либ.), морандель (Дрог.), муравей.
Мурашовникъ (Яс.), муравьиная трава.
Муреша (б.), овца съ желтыми пятнами; мурашанъ (Т. С.), о шерсти коровъ, собакъ: волнистый, мрамористый, рыжебурый съ черною волною, желтоватый съ темнобурою волною, темнопестрый, въ волнистыхъ полосахъ и пятнахъ.
Мургатый, мурганистый (Самб.); мурый, мурастый, муругій (Т. С.), темнопестрый.
Мучанка (мученка, Либ.); мỳченка, мỳчница (арх), мучнянка (Т. С.), мучная болтуша, саламата.
Мушеникъ (Тур.), мошенникъ.
Мѣровникъ (Яс.), землемѣритель, инженеръ.
Мѣрчити (Син.), брать установленное количество зерна за молотье въ мельницѣ; мѣрка (Т. С.), мѣреніе.
Надега (б.), надёжа (нрд.), надежда; ср. помога у (Некрасова: Морозъ, красный носъ XXII).
Надчалистый (Либ.), наглый; чалить (Т. С.), привязывать, наставать, напирать на кого (отдѣльно наплавистый (Либ.), наглый.
Нанизати (Либ.), нанизывать.

Напоръ (Стр.), ступица у колеса; (Т. С.) напиранье.
Наракницы (Яс.), бязанные или суконные рукавчики.
Нарожницы (Син.), угловые снопы крыши.
На̀-силу (Либ.), насильственно; на̀-стежь (об.), распахнулъ.
Настрамокъ (об. гал.), острамокъ (смб. пен. влд. нмж.), возшка сѣна.
Начахолити (Самб.), нарубить дерева; чахнуть, чахлый (Т. С.).
На̀шибка (Яс.), варывъ; нашибать (Т. С.), сбивая ронять что, ударять.
Недоходокъ (Яс.), недоноска (обуви).
Нетеча (б.), малый ручей; нетека (Т. С.), остановка теченія.
Норичка (б.), норка, водяной звѣрекъ въ родѣ выдры.
Нѣмота (об.), нѣмецъ, всякій иностранецъ, не говорящій по русски.
Нѣтъ (б.), нѣтъ.
Нюхтити (Яс. сиб.), причувать, искать чутьемъ, слѣдить.
Обгонянка (б.), открытый овинъ для овецъ; обгонокъ (Т. С.), небольшой участокъ дороги, гдѣ гурты обгоняютъ верхомъ.
Облавъ (Самб.), облава (зад.), осока.
Облазъ (б.), облазная тропа, (Т. С.), узкая окольная дорога, тропа.
Облиця (Либ.), облецъ (влгд.), обля̀къ (кур.), круглое неколотое полѣно, пень, чурбанъ.
Облукъ (б.), скрученная обечайка; (Т. С.), грядки на телегахъ, саняхъ; облучать (Т. С.), обогнуть, обнести лучкомъ.
Ободъ (об.), гнутое дерево, образующее колесо.
Оболонка (б.), оконное стекло; (кур. кал. зап.), болонка, оконная, оконное стекло.
Оборины (б.), этотъ моментъ свадьбы, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы идти съ ней въ церковь; обирать (юж. марс.), избирать; отымать, грабить.
Оборень (б), ушко въ лаптѣ.
Оборины (б.), опора, столбы, на которыхъ покоится передвижная крыша.
Обручъ (б.), обечайка, которой привязывается крышу «оборога» (стога) къ столбамъ оборинамъ.
Обсѣкати (об.), обсѣкать, обтесать; (б.), обносить землею молодую картошку.
Обухъ (об.), обнимающій ухо сѣкиры, тупеё.
Обчимхати, обчемсати (Самб.), обчѝкать, обрѣзать, обчакрыжить.
Обчѐрати, обчерсти (Яс.), очерчивать деревья, сбивать кожу, лупить кору.
Обыдлатися (б.), прижиться, обытѣть: обыклый (Т. С.), къ дѣлу навычный, привыклый.
Обыльцѐ, (обельце), (Яс.), стебель растенія; обельно̀й (сиб.), округлый, облѐцъ (влгд.), круглое полѣно.
Огарокъ (об.), остатокъ свѣчи.
Оденокъ, одонокъ (б. гуц.), одѐнье, одонокъ (влд. сар. кур. орл. новг. тамб. тул.), круглая скирда.
Одностебѐлица (Яс.), родъ травы; одностебельный (Т. С.), о растеніяхъ.
Отъ (Либ.), чтобы; (мск. ряз.), неузн, трели.
Ожеледиця, ожеледъ (Син. юж.), гололедь.
Озниця (Сам.), дыра въ крышѣ, на мѣсто трубы; ср. сквозной.
Окидь (б. кстр.), изморозь, иней.
Околотовати (Син.), полуобмалачивать; околотъ, около̀токъ (об.-гал. влд), околоченный, обитый снопъ.
Окопище (об.-гал.), еврейское кладбище; окопъ (тул.), окопанное кладбище.
Окуръ (Яс.), огонь разведенный для окурки комаровъ; (Т. С.), окуриванье.
Омачка, ма̀чка (б.), юшка въ мундштуку, табачная жвачка; обма̀чка, обмакиванье; (новг.) вареный и мятый картофель въ маслѣ.
Омяснутися (Либ.), ошибаться; омягнуть (зап.), утомиться, изнемочь.
Ондѣ, оногда (нар. об.), тамъ, недавно.
Опачина (б.), корма плотины; опашня (сиб.), гребокъ, весло.
Оплета (Самб.), оплеть, плетенка.

Оплетины (Либ.), плетенка для кось.
Оплеча (Либ.), женская рубашка; оплечникъ, оплечье (Т. С.), нараменникъ, шитокъ женскихъ рубахъ.
Опой (Дрог.), опіумъ, отрава; (Т. С), опиванье, перепой.
Оскарбъ (Самб.), топоръ; оскарябить (вор. моск. ряз.), оцарапать.
Осквернитися (Либ.), запачкаться, оскверниться въ постъ.
Оскепище (Дрог.), древко, грабельная рукоятка; (стар.), древко копья.
Оскорбъ (Син.), оскорбленье, несправедливость.
Ослемени (б.), кривые дрюки, подпирающіе хижины горцевъ; оследь, ослединa (прм. вят.), ослонъ, ослопина (сѣв. вост.), бревно, жердь, дрюкъ, колья.
Ослонъ (Самб. зап. юж.), лавка, приставная скамья; (новг. пск.), жерди, для сушки сноповъ, остовины.
Остебня (Самб.), желѣзная драбина; остебать (Т. С.), строчить, остегать.
Остѣга (Самб.), колосовая ость; остѣга (Т. С.), околотень, отбоишъ.
Островъ (б. пск. твр. новг. птрб. прм.), лѣсины съ остряками для сушки хлѣба въ копнахъ.
Островки (Син.), оборни, ушки въ лаптяхъ.
Отбой (б.), бревна плотинъ, вздерживающихъ воду рѣкъ; (Т. С.), отталкиваніе, отраженіе.
Отказать что кому, (об.), завѣщать.
Охаба (Стр. Син.), толстое бревно; лужа сухое русло рѣки; охабка, (Т. С.) вязка дровъ, соломы.
Ошуя (б.), человѣкъ, никѣмъ не любимый; ошуять (Т. С.), быть отвержену.
Па̀даличина (б.), изломы въ лѣсу, изломанныя деревья; па̀далица, па̀далище (Т. С.), обоишъ, плоды обитые вѣтромъ, вѣтробой, обронъ.
Патъ (Яс.), пазъ (Т. С.), узкая и длинная щель, скважина, желобовина въ доскѣ.
Па̀здерити (Др.), па̀здерить (влгд. арх. прм.), сдирать, драть, сѣчь, наказывать.
Паленя (Либ.), паленикъ, паленка, лепешка, испеченная въ золѣ.
Палій (об.), день св. Иліи 20-го іюня; паликопа (юж.), паликопна (ряз.), день Бориса и Глѣба 24 іюля.
Па̀молодокъ (Самб.), отпрыскъ, побѣгъ у растеній.
Па̀морока (Син. сѣв.), морось, пасмурная, мрачная погода.
Памятки (б.), память (Т. С.) церковная служба въ честь святыхъ или въ поминовеніе усопшихъ.
Па̀ренити (Самб.), па̀рить (Т. С.), пахать первый разъ.
Па̀ровина (Дрог.), дубина, толстая палка; парня (Т. С.), устройство для распарки и гнутія дерева, для выдѣлки ободьевъ, дугъ.
Пасклемъ (б.), клинъ у косы; пакленки (Т. С.), короткіе обрубки бревенъ; паскальникъ (кмч.), тонкая жердочка.
Па̀сѣка (Самб. нвг. пск.), посѣка, лѣсорубъ, гдѣ лѣсъ рубится.
Пасть (Самб.), ловушка, слопецъ, западня.
Пеня (б. юж.), выговоръ, упрекъ, бѣда.
Первоха (б.), корова съ первымъ телятемъ; (Т. С.), кличка коровы.
Перелѣсокъ (б.), несплошной, прогалистый лѣсъ.
Перемѣтка (б.), бѣлое, холщевое рядно, которымъ прикрывается невѣста при входѣ въ церковь; (Либ.), кладка.
Переметье (б.), переметь, переметикъ (Т. С.), поворы, паутины, плетенка изъ прутьевъ.
Перѐнѣчка (б.-гал.), пѐрепечь (прм.), хлѣбное печенье, собираемое попами.
Перепонина (б.), ремень которымъ сшиты носы лаптей; перепона (Т. С.), болона плена, кожа.
Перерубъ (Самб.), перегородка въ амбарѣ, житницѣ.
Перила (б.), переводина въ амбарѣ; (Т. С.), поручья, обносъ, ограда въ поясъ, переводина на столбикахъ.
Перистый (Син.), пестрый; (Т. С.), оперенный.

[1]) Перть (Стр.), перть (Син.), тропа, которой овцы ходятъ; (Арх.), хилая изба.
Печура (б.), печеная картофель; (Т. С.), заломчикъ въ печи, гдѣ ставятъ, грѣютъ или сушатъ кое что.
Пили (б), шибко, живо, скоро; пиль (Т. С.), пора жаркой работы, лѣтнія работы, страда.
Пипакъ (Либ.), пипка (Т. С.), опухоль, наростъ или высокая бородавка.
Порхнути, порхнути (Син.), порхать, порхнуть, взлетѣть.
Плавця идти (Либ.), плынуть, пловкомъ гонить, плавить.
Платати (Либ.), чинить одежду, (об.-гал.) латати.
Платка (Либ. пск. твр.), заплатка.
Платина (Самб.), платы (прм.), платокъ, фата, платъ.
Плаха (Кал. Яс. Т. С.), колода, плашковатыя (гал.), плашниковыя (Т. С.), дрова, колотыя пополамъ, плашка (Яс.), скамья.
Плесо (б.), глубокое мѣсто въ тихо плывущей рѣкѣ; плесо, (Т. С.), плесъ (дон.) плесина (тмб.), прямое теченіе, межъ двухъ изгибовъ.
Плетеръ (б.), плетень (Т. С.), тынъ, заборъ изъ хворосту.
Плоскань (Либ.), плоскость, ровная поверхность.
Плотникъ (б.), сверло, употребляемое при стройкѣ плотинъ; (Т. С.), топоръ, долото и другія орудія плотника.
Поволити (Яс.), census поволить (сѣв.), соизволить, дать въ чемъ волю, оставить (б.); повиляти (Т. С.), уклоняться.
Повѣковати (Либ.-об. гал.), повѣковать, долго пожить.
Погарь (б.), гарь, погорѣлый лѣсъ.
Погди (Либ.), погоди, подожди, (въ скороговоркѣ и въ другихъ говорахъ *о* не слышно).
Погодити (Яс.), счастливо случиться, повезти говоря о ведрѣ.
Погостити кого (Кал.), угостить кого; погостить (Т. С.), гостить у кого.
Пдавно (Др.), пдавну (нар. вост.), давно.
Подобой (Син.), подкладка, подшивка.
Поддувати, поддути (б.), раздувать пламя, зажигать скибку.
Подкладка (б), подкладъ подъ сѣдло; (Т. С.), вещь подсунутая подъ что либо.
Поднебенье (Стр.), сводъ печки; поднебина (тмб.), подставка подъ верхъ.
Поднѣвокъ (Яс.), нива, требующая одного дня для вспаханья; поденый (Т. С.), деной, въ теченье дня бывающій; подёнкомъ (твр.), поденно, поденщиной.
Подорожникъ (б.), мохъ; (Т. С.), нѣсколько родовъ растеній.
Подпѣчины (Яс.) подпѣчье, подпѣчекъ (Т. С.), опечекъ, основанье печи.
Подплетень (б.), обечайка изъ прутья; подплетать (Т. С.), проплетать.
Подстолины (Либ.), подстолье, часть стола: ножки съ обвязкой.
Подушка (б.), брусъ, поддѣлка подъ передокъ телѣги для шворня; (Т. С.), всякая подложка, для упору.
Подь (б.), повелит. накл. = пойди.
Позирати (Либ.), позирать, посматривать.
Поимитись (б.), приняться, взяться за что; поиматься (новг.), обѣщаться, взяться за что.
Покровецъ (Самб.), покрывало; общеупотребительно въ значеніи: платъ, которымъ, покрывается дискосъ.
Пола (Син.), плита; полье (Собир.), плиты.
Полата (б.), полка, куда горцы кладутъ сыръ; полати (Т. С.), помостъ и подмостъ.
Пoлегки (Либ. Дрог.), пoлегку, легко (въ значеніи: мнѣ полегку жить).
Полица (б.), полка, сошная полица, отвалъ, лопата, придѣланная повыше сошника для отвала земли.
Полка (об-гал.), передникъ, пола.

---

[1]) Лит. pirtis—баня, также сушильня (для льна—jauja). Па-пертъ—старый предл. па (па-жить, па-мять, па-сѣка). Нын. папертъ—не первоначальнаго, а переноснаго значенья. *Ред.*

Полубка (Угр.), ситяная обечайка; полубина (пен. смб.); лубъ, лубокъ, кора старой липы годная на крышу; полубь (пск. твр.), береста для повивки горшокъ.
Полянка (Самб.), поляна, лѣсная прогалина.
Поmеть (Стр.), хлѣбъ въ покосѣ, покошенный хлѣбъ.
Помолодитися (Крс. говоря о небѣ), помолаживаетъ на дворѣ (нвг. кстр.), клонится къ дождю, къ ненастью.
Пониже, повыже, ниже, выже (б.), ниже, выше. (Общеупотреб. нижше, выжше).
Понюрити (б.), заниматься, трудиться; понурый, поныьый (Т. С.), наклонный, потупленный.
Порожникъ (Самб.), уголъ у порога, для метлы; (Т. С.), понурость, склонъ, передъ устьемъ топки.
Посоромити (б.), бранить кого; посрамить (Т. С.), пристыдить, осрамить.
По̄стникати (Либ.), постничать, поститься.
Пôсудокъ (Ур.), сосудъ; пôсудъ (смл.), столовая посуда.
Потаращити (Угр.), потащить; (Т. С.), потаращить глаза.
Потахнути (Кал.), потухнуть, погасить.
Потроптити (Либ.), измять, растоптать посѣвъ; тропать (нвг. арх.), топать, стучать ногами; тропотъ (Т. С.), топотъ многихъ тропа, дорожка.
Потя (гал.), украшеніе, въ видѣ гусьихъ дѣтенышей, на свадебномъ караваѣ; потька, поточка (влгд. вят.), пичуга, птичка.
Прайникъ (Либ. гуц. пра̀никъ), пряникъ.
Праскати (Либ.), трескать; (орнб.), праскъ, трескъ.
Привой (б.), ремень, которымъ привязываютъ молотъ колокола; навой, привитый конецъ веревки.
Пригато̂къ (б.), малая плотина у берега рѣки, пруда; пригатить пруда (Т. С.), увеличить его, отнести плотину ниже.
Придурковатый (об.-гал.), придурковатый, глуповатый (общерусск.).
Прилавокъ (б.), полка въ низу шкафа; (Т. С.), глухая придѣланная къ чему лавка (тоже).
Прилуда (Стр.), узкая полоса луга, земли; прилугъ (сиб.), порѣчье; прилужать (сѣв.), залужать, задернѣть.
Примѣрокъ (б.), набавка; примѣрка, примѣръ (Т. С.), излишекъ оказавшійся въ чемъ мѣрою, противъ назначенія и счету.
Присѣнокь (Сим.), сѣнцы, пристроенныя сѣни.
Притьмомъ (б. юж. зап.), внезапно и спѣшно, безотложно.
Притыка (б.), часть телѣги, соединяющая ея тыльную часть съ передней, шкворень; (Т. С.), затычка.
Прищебсти болѣзнь (б.), прекратить ее лѣкарствами; прищебенить (Т. С.), посыпать щебнемъ; прищемъ (Т. С.), придавленіе.
Прищепа (б.), привитая вѣтка; прищепъ (Т. С.), привой, насадка.
Приче̄локъ (Оп.), чело избы, причѣлина (сар.), подоконникъ, дощатая прибоина верху дверей или воротъ; (орл.), бабій головной уборъ.
Провалъ (Стр.), провалъ, провалина, ущелье.
Проверелити (Др.), пробить ножемъ или остріемъ, повредить.
Прогайновати (об.-гал.), прогалунить (Т. С.), промотать.
Проглубь (Стр.), глубь; проглублять (Т. С.), углубить напр. рѣку.
Прогôня (Либ. Т. С.), прогонная дорога, въ изгородяхъ, гдѣ прогоняются скотъ на выгонъ.
Прозрѣнье (Оп.), полученіе зрѣнія.
Пролубь (Либ., Т. С.), прорубь, прорубанное во льду окошко.
Прометный (Яс.), пронырливый, любопытный; прометчивый (Т. С.), опрометчивый, скорый и неразсудительный.
Пронурщикъ (б), птица рыболовъ; пронырщикъ (Т. С.), проныра, пролазъ.
Простый человѣкъ (Стр.), простой, добродушный человѣкъ.
Проте̄съ (Либ.), протесъ (ниж.), самый толстый тесъ для построекъ.

Прохватная дорога (Стр.), дорога черезъ горы и долины; прохватокъ, (пск., твр.), разстоянье, пространство, которое надо пройти, прохватить работой; прохватка (Крив.), усталость.
Прочухрати (Кал.), высѣчь, избить; прочуханка (Т. С.), головомойка, розги.
Проща (б.), рѣчь у могилы покойника; прощать, простить (Т. С.), освободиться отъ мукъ и страданій, упокоиться.
Пруда, прунда (б.), сила, молодой сильный человѣкъ; (Т. С.), ребенокъ, который прудится въ постель; пруга (Т. С.), пружина.
Пўга (б. юж. зап.), кнутовище.
Пупакъ (б.), надочка у сливы, неуспѣвшій развиться зародышъ; пупокъ, пупочекъ (Т. С.), зародышъ, почка на растеніяхъ.
Пустый (б.), пустой, плохой, тщетный.
Пўть (б.), дорога.
Пчелинецъ, пчѐльникъ (б.), пасѣка; пчелинецъ (ниж.), пасѣчникъ.
Пыпляти (б.), пыплить (зап.), шишлять, дѣлать что копотно, мѣшкотно.
Пѣнка (б.), сливки, сметана; (Т. С.), плена или корка, осаждающаяся на остывающей жидкости.
Пѣхурка, пѣшка, пѣшакъ (б.), тропинка для пѣшеходовъ; (Т. С.), шахматочная пѣхота.
Пялы (б.), шесты, служащіе для уставленія сѣтей на рыбу; доска, натягивающая веревку у пилы; пяло (Т. С.), шестъ, доска, для разстяжки чего либо.
Пятакъ (б), пятерикъ, бревно пяти саженъ длины.
Равашъ (Яс.), слѣдъ послѣ раны; равча (ол.), железа, опухоль, волдырь.
Ревкати (Яс.), ревѣть, громко кричать, бранить кого; ревѣть, ревка (Т. С.).
Ретитися (Стр.), биться; ретиться (Т. С.), горячиться, храбриться.
Ровень (Син.), равнина.
Рогàтина (Яс.), рѣзное украшеніе въ видѣ рога; (Т. С.), ручное оружіе.
Роженъ (б.), шестъ, тычекъ у граблей; копылъ, заостренный шестъ.
Розлучка (б.), овца, разлученная отъ общаго стада, для отдачи хозяевамъ подъ зиму; (Т. С.), дѣйствіе по глаголу разлучать.
Розсоха (Ур. Син.), разсоха, развилина, вилы.
Роскōлъ (б), плетенная ограда, гдѣ стоятъ разлученныя овцы «розлучки»; расколъ (Т. С.), дѣйствіе по глаголу «расколоть».
Ростерети (б.), растирать, растереть, молоть.
Росточка (Самб.), росточь, оврагъ, водороина.
Ростока (б.), растокъ рѣки на два рукава.
Росцарапати (Угр.), расцарапать, разодрать ногтями.
Рубатка, рубатя (Стр. Либ.), рубашка.
Рукопачь (б.), усердно приниматься за дѣло; рукопашь (Т. С.), схватка, ручной бой.
Рунокъ (б.), прутъ, тонкій хворостъ; руно (арх.), ростовая трава на пожнѣ, китина, вырваный повойный кустъ.
Рунтовати (Яс.), уничтожать раззорять; (г) рунтовати (?), сравнивать съ землей; рунь (Кстр.) рубище, лохмотье.
Рыбарити (Яс.) нвг.), ловить рыбу.
Рындье (б.), платье; рында (стар.), тѣлохранитель, оруженосецъ.
Рѣзецъ (Син.), всякое орудіе для рѣзки.
Рѣзуха (Яс.), родъ травы; рѣзуня (арх.), трава, которой скотъ не пасетъ.
Саганъ (Самб. днс.), большой горшокъ, миска.
Саква (б.), холщевая сума.
Самодругъ (Син. Либ.), самъ-другъ, вдвоемъ. Самодесятый (Син.), вдесятеромъ, самъ-десять. Самодвадьсятый (Син.), вдвадцатеромъ. Самотреть (Син. Либ.), втроемъ. Самочетвертый (Син.), вчетыремъ.
Самосѣвный (Яс., Т. С.), все родящееся отъ сѣмянъ, само собою.
Свищъ (Син.. Т. С.), проточенный червемъ и выѣденный орѣхъ (общерусск.).

Сволокъ (Яс. сѣв. вост.), валъ. навой у кросенъ, на который навивается основа.
Сволочитися съ кѣмъ (б.), сволочиться съ кѣмъ, завести любовныя сношенія.
Свѣдомый (Крс. Т. С.), знающій что, увѣдомленный о чемъ.
Свѣтичъ (Либ. Т. С.), родъ шандала для лучины; (Яс.), длинная жердь съ свѣчкой на концѣ, служащая до зажиганія свѣчей въ церкви.
Свѣчурка (Яс.), свѣчка, растеніе.
Сепелявити, сепеляти (Стр.), шепелять, шепелявить.
Сербати, сёрбати (Стр.-зап.), хлебать вслухъ.
Серповникъ (Яс.), серпникъ, копръ.
Сигла (Либ.), горскій лѣсъ; (запад.), зыбучее болото, трясина.
Скала̀ (Яс.), деревянное мѣрило молока, сосудъ; (Т. С.) чашка вѣсовъ; скалина (сѣв.), пивка, черпачекъ для питья.
Скатерть (б. Т. С.), платъ, ширинка, коею покрываютъ столъ (общер.).
Скалье (Самб. Т. С.), сколотая кора, лубъ, скебки.
Скверна (Син. Т. С.), мерзость, гадость.
Скебка, скибка, скипа (б.), мелкіе куски дерева, которыми свѣтятъ: (смл., орл., кур., нвг.), щепка, ломоть.
Скомити (б.гал.), скомить (сѣв.), болѣть, ныть, щемить.
Склончити (Яс.), склонить, нагибать.
Скоблити (Самб.), скоблить, скрести, драть.
Сколотины (Син.), сколотина, сыворотка изъ-подъ сбитаго масла.
Скородь (Яс.), скорода, полевой, дикій лукъ и чеснокъ.
Скотарити (б.), скотничать; скота̀рь (б.), скотникъ.
Скрутецъ, скрутень (б.), твердо свитый листъ табаку, который горцы очень рано курятъ и даже жуютъ; скрутокъ (Т. С.), витокъ, витень, свертокъ.
Скусъ (Дрог., нвг., влгд., пск., твр.) вкусъ; скусный; (ib)., вкусный.
Слабина̀ (Яс.), пахъ, подвздохи, (Т. С.), отвислость, припускъ.
Слопъ слопецъ (б.), тенета, ловушка на мышей; (сѣв.-вост.), ослопъ, шестъ, родъ ловушки на мелкихъ звѣрей.
Смутолоха (б.), насморкъ; смутолокъ (арх.), смутолока (пск., нвг.), безпорядокъ, неурядица, безтолочь.
Сновалка (б. Т. С.), станъ, на которомъ готовятъ основу подъ ткань.
Снозы (б.), дверные крюки; (Т. С.), жердочки, кресты, на коихъ пчелы строятъ соты.
Снѣтъ (Син.), чурбанъ, колода; (пск.), снятокъ, рыба; снѣть, родъ завихи, доска.
Солодышъ (б.), солодыжникъ, буя, раст. солодковый корень.
Солянка (б.), солонка.
Соплавый (Либ.), сопливый, возгривый.
Соха (б. Т. С.), столбъ, подпора.
Спадать (б.), идти въ помочь, спасать; (пск.), сбѣгать, слетать, сходить и воротиться скоро.
Сплечитися (Угр.), свихнуть плечи; (Т. С.), свихнуть ногу лошади.
Спрокудити,—ся (Стр.), охота пришла; спрокудить (сѣв.), нашалить,—ся, провиниться, капризничать.
Старшинникъ (Стр.), старшина.
Стая (б.), мѣсто, гдѣ овцы дольшее время пасутся; (твр., вят., прм., ол., влд., орнб. спб., влгд.), хлѣвъ, сарай, овинъ.
Стихъ (б.), минуточка; (народн. Т. С.)... состояніе, внезапная блажь, странность.
Стоговиця (б.), стожаръ (сѣв.), шестъ втыкаемый твердо посреди стога.
Столбины (б.), пиръ для свадебныхъ гостей послѣ вѣнчанія; столбуха (вост.-сѣв.), большой стаканъ хмельнаго; столбушки (Т. С.), круговая игра.
Сторонскій (б.), сторонній, чужой.
Судникъ (б.), сосудъ; (южн.-зап.), ларь, прилавокъ для посуды и прилавокъ.
Сует̀а (б.), мученіе, болѣзнь: (Т. С.), пустота, хлопоты.
Сусѣчниця (Самб.), сусѣкъ (вост.), засѣкъ, закромъ.
Сушня (Син.), всякое устройство для сушки.

Сухій (б.), храбрый смѣльчакъ; (Т. С.) сухой, о дѣйствіяхъ человѣка: суровый, неласковый.
Суятитися (Оп.), бѣдствовать; суетиться (Т. С.), метаться потерявъ слѣдъ, торопиться.
Текучка (б.), нефть; (Т. С.), смола, самотекъ; (пск.), текучая вода.
Темесити (б.), догадываться; темить (вят.), твердить одно и то-же; тмить (кур.), долго помнить; темесить (Т. С.), бить кого.
Тенеты (Самб.), тенето, сѣть.
Теслиця (Самб.), тесла, маленькое желобчатое орудіе.
Тирса (б. Т. С.), метлица, костра.
Тогодъ (б.), прошлаго, того года.
Толкання (б.), толченная картофель съ кукурузной мукой, блюдо; толокница, толокнянка (Т. С.), ѣда, толокно съ водой; толокно (Т. С.), толченная, немолотая мука.
Тропъ (б.), узкая лѣсная тропа, тропинка.
Троянки (б.), трояшки, тройчатки, трерогія вилы.
Трусакъ (Син). трусъ, трусикъ (южн.-зпдн.), кроликъ.
Тупакъ, тупецъ (Либ. Стр. Т. С.), тупой ножъ, скобель.
Тушъ (Яс.), тѣло безъ головы, туша.
Тынянка (Либ.), тынина, заборная доска.
Тяга (б.), вѣсъ; (Т С.), центръ тяжеоти, равновѣсія; тяжка (арх.), беремя, ноша.
Тягло (б.), пара воловъ, лошадей; мужъ съ женою и съ семьей (Т. С.).
Тяжъ (Стр.), ремень или веревка у плуга; (Т. С.), веревка отъ оглобли до переджейки.
Убезвѣчити (Лаб.), изувѣчить, укоротить вѣку.
Увозъ (Син. стар.), съѣздъ, дорога въ лощинѣ.
Увязка (Либ.), увязь, ремень, веревка.
Ужвà (Либ.), ужица (сѣв.-вост.), вервь, обечайка.
Узденица (Син.), уздечка, конская збруя.
Улогъ (Яс.), опрокинутое дерево; на-улогъ (Т. С.), наповалъ.
Уплетка (б.), уплетъ, косоплетка.
Урвитель (Дрог.), урванецъ, урвень, сорвиголова.
Урядно (Син. Т. С.), порядочно, хорошо.
Устѣкъ (б.), сѣверо-восточный вѣтеръ; (Кола, Өнега, Байкалъ), восточный вѣтеръ.
Утирало (Либ.), утиральникъ (сѣв.-вост.), утирникъ (южн.), утирышъ (твр. пск.), полотенце, ручникъ.
Уторы (Син.), уторы, нарѣзка въ клепкахъ обручной посуды для дна.
Утямити (Либ. Кал.), запомнить, запримѣтить.
Ўха (б), уши солнца, пасолнца.
Ущемокъ (б.) кисточки у платья; ущемъ, ущимка (Т. С.), сдавленіе, сжиманіе.
Фанта, фантье (Калуш.), платье; фанты (нвг.), фантцы (кал.), боры, складки, полы одежи.
Фатѐвъ (Либ.) фатюй, розиня.
Хандра (Угр. Т. С.), скука, тоска, сплинъ.
Хирѣти (Самб. Стр. смл. влгд. тмб.), болѣть, хилѣть.
Хлѣбакъ (б.), хлѣбникъ, хлѣбный настольный ножъ.
Ходули (Стр.), два шеста, на коихъ ходятъ (общер.).
Храпа (Син.), неровная, бугорчатая дорога послѣ мороза; (волж.), неровный, бугорчатый ледъ на рѣкѣ.
Худобый (б.), худобый (пск.), худой, бѣднякъ.
Цапа (б.), бревна въ плотинахъ; (тмб.), карши, подводные кряжи, затопшій хворостъ.
Царина (Стр.), засѣянное поле; (Т. С.), пахотныя земли.
Цвѣтина (Яс.), цвѣтень, цвѣточная пыль.
Цурахи (Угр. Син.), способъ заклинанія отъ нехорошихъ глазъ; цураться (южн.), отрекаться, заклинаясь.
Цѣлина (Дрог. Т. С.), перелогъ, залежъ (общер.).

Цѣлушка (об.-гал.); **цѣлуха** (ряз.), горбушка хлѣба.
Цямкати (об.-гал.), **цякати** (вят.), зубами щелкать, стучать, чавкать.
Чебрикъ (б.), растеніе, цвѣтущее синимъ цвѣтомъ; **чаберъ** (Т. С.), чеберъ, чебрецъ.
Чёвка (Самб.), (**чѐлка—чёлка—чёвка**), челка, чубъ у лошади.
Челядно (Яс.), много людей; **челядня** (нвг. твр.), большая семья.
Червити (Крс.), черить, сносить яички.
Червонюкъ (Син.), родъ съѣстныхъ грибовъ; **червечникъ**, **червеница**, **червивка**, (Т. С.), растенія.
Четвертòкъ (Либ.), четверикъ, мѣра сыпучаго.
Чечъ (б.), ручей; **чечень** (вост.), сажалка, садокъ; **чечуга** (нвр.), стерлядь.
Чечки (Яс.), **чечвà** (Стр.), цвѣтъ растенія, болотныя растенія; **чечина** (Т. С.) горчакъ, брылена.
Чипера, **чапера**, **чаперга** (Самб. Син.), разсошная вѣтвь; **чипа** (арх.), мелкій, наносный лѣсъ, береговой выкидъ; **чипоракъ**, **чипорыга** (нвг.), шиповникъ, кустъ дикой розы.
Чистецъ (б.), болотное растеніе, похожее на крапиву; (Т. С.), растенія, гребникъ, живучки.
Чопашъ (б.), оленьи слѣды; **чопурокъ** (лапл.), оленій теленокъ.
Чуравый, **цуравый** (б), **чурилья** (иркт.), замарашка, грязный.
Чухнути (Яс.), ударить, попасть; **чушиться** (прм.), драться.
Шаръ (Яс.), рядъ досокъ, составляющихъ часть кровли; (Т. С.), слой, рядъ, скатъ кровли; (Самб.), рядъ, площадь.
Швайка (б.), проволока, которой прочищаютъ трубку; (южн., нвг.), свайка, коточикъ.
Шелопати (кал.), шелошить, шелестѣть.
Шерехатый (Самб.), шероховатый.
Шибкій (Стр. Т. С.), быстрый.
Шишакъ (б.), игра при умершемъ (одинъ ложится на полъ, другіе же поочередно ударяютъ его такъ долго, пока онъ не отгадаетъ, кто ударилъ); **шишмонить**, (нвг.), шалить, баловаться.
Шлыкъ, **шешлакъ** (Стр. Самб.), папаха, остроконечная шапка; (твр., тамб., прм.), шапка, колпакъ, кокошникъ.
Шонтавый (Либ.), оборванецъ; **шоня** (прм.), розиня.
Шпанка (б.), **шпонка** (смл.), запонка, застежка.
Шпеникъ (Стр.), **шпинь**, гвоздь безъ шляпки.
Шпинь (б.), верхъ горы; (Т. С.), шипъ, тычекъ.
Штамбъ (б.), изломанное дерево; (Т. С.), стволъ дерева (нѣм.).
Шулёкъ (б.), косячка, въ которую прячутъ лопатку отъ косы; **шуло**, (Т. С.), ятка, ядра.
Щитъ (б.), поперечные шары крыши; (Т. С.), крыша сводомъ.
Щуптати (кал.), щупать.
Язъ (Сян. сѣв.-вост.), котцы, родъ плетня поперекъ рѣки (общер.).
Язва (Угр.), вѣдьма; баба-яга; **язва** (Т. С.), въ значеніи худого человѣка.
Язвина (Син.), **язва** (сѣв.-вост.), щель, трещина, выбоина.
Ярыга (б.), **ерыга**, **ярыжникъ** (Т. С.), пьяница.
Ящикъ (Самб.), ящикъ.

Иларіонъ Сѣницкій.

Сборникъ Панаіота Дьиновскаго изъ села Галичника (въ Дебрахъ).

Сообщилъ П. А. Ровинскій.

(Продолженіе).

Редакціонная замѣтка.

Послѣ описанія обычаевъ слѣдуютъ пѣсни, которыя представляютъ весьма важный матеріялъ, какъ по содержанію, весьма разнообразному, такъ и по своеобразному языку.

Весь этотъ богатый матеріялъ П. Дьиновскимъ далеко не былъ приведенъ въ порядокъ и заключался во множествѣ отдѣльныхъ листковъ, написанныхъ различными руками (кромѣ его, еще четыре различныхъ почерка), часто очень неразборчиво, испорченно, испещрено поправками; а есть писанное и карандашомъ, который почти совсѣмъ стерся. Поэтому, сколько мы ни старались все хорошо разобрать и точно переписать, кое-что осталось нами неразобрано, иное механически только воспроизведено или-же осталось неправильно нами прочитано.

Правописаніе этихъ записей крайне непослѣдовательно, иногда преисполнено явныхъ несообразностей. Самъ Дьиновскій знакомъ съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, поэтому употребляетъ j, слитныя љ и њ, особые знаки ђ, ћ и џ, въ словахъ, оканчивающихся на согласную, въ концѣ не ставитъ ъ и т. д.; но рядомъ съ этимъ онъ употребляетъ й, я, ю, ъ, ѣ, послѣднему придаетъ особенное, јотированное произношеніе или какъ-бы передъ нимъ стоялъ ь; иногда встрѣчается и є. У другихъ не замѣтно знакомство съ новымъ сербскимъ правописаніемъ, изрѣдка только попадается j. Каково-бы ни было правописаніе, мы старались соблюсти его вполнѣ, позволяя себѣ иногда не писать слитно љ и њ для облегченія типографіи и отбрасывать на концѣ ъ, гдѣ онъ въ большей части рукописи выбрасывался. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ ъ и ь пишутся одинаково или-же съ очень малымъ различіемъ; по возможности мы старались уловить это различіе; но тѣмъ не менѣе вполнѣ разобрать не могли, и потому писали по догадкѣ. Не исправляли мы иногда и явныя описки, если онѣ повторяются и совершаются въ духѣ того языка напр., плечи-те вм. пчели-те (два раза или больше) по тому-же закону, какъ: тнока кошуля (тонка), лизгавье (изглавье), сона вм. носа (носитъ), Пазаните вм. Паязите (Баязитъ) и т. п. Мѣстами встрѣчается дивайче вм. девойче. Все это мы оставляемъ безъ измѣненій, такъ какъ нашу задачу составляетъ обнародованіе матеріяла во всей его оригинальности. Отъ себя мы ставили только знаки препинанія, которые въ иныхъ рукописяхъ совсѣмъ отсутствуютъ, и сообразовались при этомъ со смысломъ, какъ мы понимали текстъ. Есть случаи, гдѣ мы не поняли смысла слова или цѣлаго выраженія, и тогда мы копировали текстъ.

По содержанію пѣсни, кромѣ нѣсколькихъ эпическаго характера, всѣ метрическія, выражающія личное чувство и настроеніе, хотя-бы и на эпической подкладкѣ, и всѣ

поются, а не сказываются, какъ поющіяся подъ акомпаниментъ инструмента, какъ говорятъ сербы уз гусле. Изъ нихъ мы ставимъ въ особый отдѣлъ пѣсни, пріуроченныя къ особымъ днямъ и временамъ года и свадебныя, какъ то дѣлаетъ и самъ собиратель, сдѣлавъ надписи: божичански, великденски, сватовски и т. д., и собственно лирическими мы назвали пѣсни, не идущія ни въ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, при чемъ и между ними различаемъ обыденныя, надъ которымъ мы изрѣдка находили надпись любовны, а то все безо всякаго обозначенія. Это собственно секогашны песны т. е. поющіяся во всякое время, но съ этою надписью мы нашли только 4 пѣсни, изъ которыхъ три поставили въ концѣ (стр. 25—26, №№ 35, 36 и 37), а одну по характеру ея въ шутливыхъ (стр. 40, № 12). Сообразно съ надписями въ оригиналахъ мы выдѣлили пѣсни: жалобныя, кардальскія, аргатскія, а также подъ общимъ названіемъ пѣсенъ при играхъ и забавахъ въ хороводахъ и на качеляхъ. Тамъ-же мы помѣстили и билярскія (при собираніи травъ), хотя ихъ можно-бы помѣстить въ числѣ особыхъ, по временамъ года.

Относительно послѣднихъ замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ рождественскихъ и пасхальныхъ названы также однѣ зимними, другія весенними, поэтому мы такъ ихъ и соединили, хотя-бы это общее названіе и не стояло на всѣхъ. Одна пѣсня названа осеннею; мы ее отдѣлили, но поставили рядомъ съ рождественскими, такъ какъ у сербовъ (южныхъ) говорится: «Божич—есенски светац».

Свадебныя пѣсни мы распредѣлили по различнымъ актамъ свадьбы сообразно съ имѣющимися въ оригиналахъ надписями, въ домѣ жениха или невѣсты и при совершеніи различныхъ обрядовъ. При этомъ встрѣчается иногда и непослѣдовательность, вслѣдствіе того, что часть ихъ мы переписывали съ отдѣльныхъ листковъ на отдѣльные-же листки, а одну часть цѣлой тетрадкой оригинала мы вставили между ними, не касаясь распредѣленія въ ней.

Вообще о распредѣленіи пѣсенъ слѣдуетъ замѣтить, что точныхъ, неизмѣнныхъ признаковъ для него не существуетъ: пѣсня свадебная легко можетъ попасть въ обыденныя и наоборотъ, и также и въ другихъ отдѣлахъ. Эту перетасовку мы замѣтили прежде у И. С. Ястребова (обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ 1886 г.) то-же самое, хотя въ меньшей степени, мы встрѣчаемъ и въ собраніи Дьиновскаго.

Что касается содержанія и формы пѣсенъ, то ихъ можно считать вполнѣ оригинальными и въ массѣ новыми. Многія изъ этихъ пѣсенъ, особенно свободныхъ, встрѣчаются въ богатомъ собраніи И. С. Ястребова, но очень рѣдко онѣ бываютъ совершенно одинаковы: всегда есть разница, если не въ содержаніи, то въ расположеніи, въ вставкахъ или пропускахъ въ томъ или другомъ собраніи, особенно-же въ языкѣ. У Ястребова рядомъ съ пѣснями, вполнѣ сохраняющими языкъ дебрскаго нарѣчія, есть измѣненныя въ сторону сближенія съ чисто сербскимъ языкомъ; а въ одной пѣснѣ вм. юнак у г. Я. стоитъ србин (Ястр. 423, Дьин. въ свадебн. стр. 40, № 73). Поэтому собраніе Дьиновскаго, настоящаго дебранина, имѣетъ для насъ цѣнность по несомнѣнно важному діалекту языка, и въ тоже время даетъ намъ любопытные варіанты и сравненіе съ подобнымъ же матеріяломъ, напечатаннымъ у И. С. Ястребова. Для этого мы во всѣхъ случаяхъ одинаковости пѣсенъ отмѣчаемъ страницу съ изд. Я—ва; эпическихъ пѣсенъ немного, но онѣ по нашему мнѣнію, важны и кажется, новы въ печати. Изъ сказокъ одна вполнѣ напоминаетъ мотивъ русскихъ сказокъ, а двѣ другихъ не окончены. Изъ нихъ «бабушка и дики козы» сколько мнѣ припоминается (слышалъ или читалъ, не припомню) оканчивается тѣмъ, что козы отдаются бабушкѣ за ея уходъ за ними; и тогда что сказка выражаетъ взглядъ сербовъ на прирученіе дикихъ животныхъ, все равно какъ въ первой сказкѣ выражена связь между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ и ихъ взаимопомощь.

Много можно-бы сказать еще по поводу этого сборника, но здѣсь не мѣсто.

П. Р—ій.

Пѣсни А. Лирическія.

I. Обыденныя.

1.

Цутит ружа, цутитъ ружа
Лелей ружа тамо долу.
Тамо долу, тамо долу,
Лелей ружо под село-то.
После:
въ ливађо-то
ни исосены
ни носены.
Размириса, размириса,
Лелей ружа тамо горе.
Тамо горе, тамо горе,
Лелей ружа въ планина-та.
Овчару му, овчару му
Лелей ружа помириса.
Слезе овчар, слезе овчар,
Лелей ружа да я берет.
од татка.

2.

Мор, чуму ти беше,
Бре Елењко моме!
На друм да седиш,
Мор, на друм да седиш,
Бре, Елењко моме!
Карван да чекаш.
Мор, карван да чекаш,
Бре, Елењко моме!
Вино да служиш,
Мор, вино да служиш.
Бре, Елењко моме!
Вино-ле немерено,
Мор, вино да служиш,
Бре, Елењко моме!
Пары да береш.
Мор, пары да береш,
Бре, Елењко моме!
Пары-ле неброяны.

3.

Садило моме,
Мор моме, ран бел босилек (2).
Как го садило моме,
Мор моме, не го видело (2).
Кога го виде моме,
Мор моме, орман се сторил (2),
Орман се сторил, моме,
Мор моме, коњ да пладнуват (2),
Коњ да пладнуват, моме,
Мор моме, и лудо и младо (2).
Туе помина, моме,
Мор моме, лудо и младо (2).
«Тако ти Бога, моме,
Мор моме, дай ми босилек» (2).
— Ак си жhенато, лудо,
Бре младо, оди поть-от 2.
Оди поть-от, лудо,
Бре младо, скърши си черет-от (2).
Ако си неженат, лудо,
Бре младо, скочи, прескочи (2),
Скочи, прескочи, лудо,
Бре младо, сам набери си. (2).
од татка, 1880 г.

4.

Слнце ме зайде—мале-ле-майко!
На врф планина;
Едно ме зайде,
Друго ме огрея.
Си заборавиф,
Дома да дойда.
Кога помина
Овчар со овцы,
Оту ме рече:
«Добор ти вечер!»
Того ми темно,
Али е вечер.
Заилиф (стегнаф) коня,
Дойдоф дома.
Дойдоф си дома
В петлены добы.
Порты си найдоф
Се затворены.
Заилиф коня,
Прескочиф порты.
Вргаф си коня
Долу все тремот.
Оту се качиф
Горе на диван.
Тамо си найдоф
Пуста постеля.

А до постеля
Маико-но дете
Какъ повіено,
Неразвіено.
Оту си излегоф
На мала врата;
На мала врата,
Во градина-та.
Тамо си найдоф
Млада невеста.
Глава-та клала
Во босилек-от;
Роцѣте клала
Во трандафил-от;
Нози-те клчала
Во каранфил-от.
Жалба ми беше,
Да я разбуда;
Пожаль ми беше,
Да я остава.

5.

Ветор повея, мори, ветор повея,
Достум Стано, мори, по рамно поле.
Не было ветор, мори, не было ветор,
Достум Стано, мори, по рамно поле,
Достум добро, мори, по рамно поле.
Ток быле моми, мори, ток быле моми,
Достум Стана, мори, от жетва идет,
Достум добро, мори, от жетва идет,
От жетва идет, мори, от жетва идет,
Достум Стано, мори, песны пеѣт,
Достум добро, мори, песны пеѣт.

6.

Свирни ми свирни,
Митре-ле дълнoземче
Как що свиреше.
Как що свиреше,
Митре-ле дълнoземче,
На дълна земя,
Митре-ле дълнoземче,
На дълна земя».
— Как да ти свирнам,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирам,
Юдо-ле самовило,
Как да посвирам?
Моя-та майка,
Юдо-ле самовило,
Црна ми кърпа носит;
Юдо-ле самовило,
Црна ми кърпа носит.
Црна ми кърпа носит,
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит;
Юдо-ле самовило,
Мене ме жалит.

7.

Що ми е жалба?
Де море, пиле Іове, море
Дека ћа умрам;
Де море, пиле Іове, море,
Дека ћа умрам.
Дека ћа умрам,
Де море, пиле Іове, море,
Младо й зелено
Де море, пиле Іове,
Младо й зелено.
Младо й зелено;
Де море, пиле Іове, море
Скоро женато;
Де море, пиле Іове, море,
Скоро женато.
Ћа си оставам?
Да море, пиле Іове, море,
Млада невеста:
Де море, пиле Іове, море
Млада невеста.
Млада невеста;
Де море, пиле Іове, море,
Не нальубена.
Де море, пиле Іове, море,
Не нальубена.
Ћа си оставам?
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена;
Де море, пиле Іове, море,
Бела промена.
Бела промена,
Де море, пиле Іове, море,
Не наносена;
Де море, пиле Іове, море
Не наносена.
Ћа си остава?
Брза коня,
Не канвана.

8.

О, на кого си намутена,
Стано-ле, малка Стано?
О, на кого си намутена,
Стано-ле посестримо?

Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле, малка Стано?
Иль на татка, иль на майку,
Стано-ле посестримо?
Да-ли татко те кароно,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?
Да-ли майко те тепала,
Стано-ле, малка Стано,
Стано-ле посестримо?—
«Нито татко мекарало,
Димо ле мил побратим;
Нито майка ме тепала,
Димо-ле, дели Димо,
На тебе сум намутена,
Димо ле, дели Димо,
Димо-ле лели побратим.
Що атави дервење-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ли мил побратим.
Ладоско-то, Ваденско-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Ти й зеде Дебранче-то,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил по братим.

9.

Ситно просо, црно око,
Не стой спроти мене! (2).
Си продадоф брза кона
Се заради тебе (2).
Си продадоф чиф' пищоли,
Се заради тебе (2).
Си продадоф остра собя,
Се заради тебе (2).

10.

Софекео дивойче с гърло превързано,
С гарло превързано с Велешка шамлія,
С Велешка шамлія, не стой спроти мене;
Не стой спроти мене, изгореф за тебе,
Изгореф за тебе, како лен за вода;
Како лен за вода, босилек за сенка;
Босилек за сенка, карафиль за роса;
Карафиль за роса, трандафиль за сълнце.

11.

Крени се глава, Софке, од перница-та,
Крени се глава, добро, од перница-та!
Ей Софке, Софке, мори, битольско моме!
Ей Софке, Софке, мори, ягне сугаре!

—

Вързи си глава, Софке, со ал-шамлія,
Вързи си глава, добро, со ал-шамлія;
Ей Софке, Софке, мори, битольско моме?
Ей Софке, Софке, мори, ягне сугаре!

—

Сум ти донесол, Софке, сладка понада!
Сладка понада, Софке, саан сутліач, и т. д.

Примѣч. Сугаре — тея ягне, що се обагнуватъ найдоцна спроти други яганца; ал или клосанъ — жълтоцрвена боя; саан—сосуд од бакар: сутліяч—орис, варен со пресно млеко, во кого дур се варит, клават и малу мас и шеќер, и кога ќа се сварит, да не останетъ чорба.

12.

Извор вода извореше,
На ледино разлеваше;
На ледино разлеваше,
Мало моме налеваше;
Мало моме налеваше,
С раки—сапун се міѣше;
С раки—сапун се міѣше,
Со калемќар се бришеше;
Со калемќар се бришеше;
С огледало се гледаше.
«Как сум бело и црвено,
Уще да беф црно-око;
Уще да беф црно-око,
Ќа ме земет царево-но;
Ќà ме земет царево-но,
Царево-но азнатарче;
Царево-но азнатарче,
Деня й ноќа азно броит;
Деня й ноќа азно броит,
А на утро кафе піет;
А на утро кафе піет,
А на пладне вино піет;
А на пладне вино піет,
А на вечер книга пишет.

13.

Паднала-ли Шар-планино, Калино!
Каливори вито перо зелено.
Поклопила три овчари, Калино!
Пущи мене, Шар-планино!
Еденъ су си у майчица,

Ћа ме чекат стара майка.
Вгори овчаръ се молеше:
Пущи мене, Шар-планино,
Да я су си завършено,
Ћа ме чекат девойка-та.
Трећи овчар се молеше:
Пущи мене, Шар-планино,
Старо су се оженато
Ћа ме чекат невеста-та.

14.

Со ноћ шетаф, нищо не уловиф,
Кад бы зора, слегоф край село-то.
Си украдоф едно мало моме,
Го украдоф татку од постелья,
Го украдоф майке од пазува,
Си го фрлиф зад себе на коня,
От си пойдоф горе во планина,
Врзаф коня за витаиа ефла;
А девойче фатиф за рочица.
Легнаф мрвп я да се предрема;
Кога станоф, девойче не найдоф,
Ни девойче, ни бърза—на коня.
Си отидох на нова—пазара;
Тамо найдоф девойче убаво:
Продаваше моя бърза коня,
Си го зедоф девойче убаво
И си зедоф своя бърза коня.

У Ястребова эта пѣсня нѣсколько иначе, приводится два раза въ свадебныхъ пѣсняхъ (стр. 340 и 375), а одинъ разъ въ обыденныхъ пѣсняхъ Призрѣнскаго округа (стр. 193); и она-же постоянно поется въ Черногоріи, тоже нѣсколько иначе.

15.

Легнало моме, преспало,
Пот тея дръво маслено.
Повея ветор отъ море,
Укръши ветка маслено,
Угоди моме по лико.
Льуто си моме проклина:
«Бог да убиет ветор-от;
Дал се га найде да веет,
Малку си лежах и заспах,
Голем си сончок сопевах;
Що помина до тримина:
Пръви-от беше свекор-от,
Втори-от беше мил девер,
Трети от беше сив сокол».

У Ястреб. нѣсколько иначе эта пѣсня два раза: въ юрьевскихъ (стр. 153) и въ свадебныхъ (стр. 365).

16.

Що си наплакана, бре, Анке?
Да-ли татка жалиш,
Да-ли майка плачеш?
«Нито майка жалья,
Нито татка плача;
Токо си го жалья мой-то мило брате,
Мой-то мило брате, горска арамія,
Мир ако го видиш, бре, горо,
Да му речеш, дома да си доѐт.
Майка ћа го скріет во шарени ковчег,
Татко ћа го скріет во десет цепови,
Сетры ћа го скріет во десни пазуи».
Мори да го вида, бре, Анке, не го позна.
«Само е позновито, бре горо, мое-то брате:
На сива конья яват, на сино седло одит,
Зелен байрак държит.

(Лазорополе).

Послѣдніе 4 стиха напоминають окончаніе въ сербской пѣснѣ: «Киша пада, трава расте, гора зелени...

17.

Не жалай, Стано мори, не плакай,
Не мачкай сайче шарено.
Не мачкай сайче, мори, шарено,
На Едрене ми е предено.
На Едрене ми, мори, е предено,
На град Стамбола е ткаено.
На град Стамбола е ткаено,
На средно село е белено.
На средно село е белено,
Во Московія е кровено.
Во Московія е, мори, кровено,
Во Мисир ми е шіено.
Во Мисир ми е, мори, шіено,
С триесетмина терзіи.
С триесетмина, мори, терзіи
И петнаесеть шегрти.
Дури се сайче, мори, сошило,
Двесте се игли, скършиле.
Двесте се игли, мори, скършиле,
Триста-се-мина убиле.

(Од Велина Тарунція од село Вранешница, Кичоска околина; слушана на бачило).

18.

Що си глава, Ђиди Димо, превързало?
Да-ль ти коньи, Ђино, бутур удрил?
Да-ль ти овци, Ђино, метиль фатил?
«Нито коньи, мой дружино, бутур удрил.
Нито овци метиль пофатило.
Су свършено од далеку,
Кажувает, болничава,
Болничава, грозничава».
— Не-ль земи си, млади Димо, девет коньи,
Не-ль пойди ти во село-то,
Во село-то од моме-то.—
От си зеде Димо девет коньи,
От си пойде во село-то.
Си го виде малой моме
Со глава-та превързана.
Му изговори млади Димо,
Си го праша малой моме:
«Що си глава превързало?
Су свършено на далеку,
Кажувает, болничава».
Изговори Ђиди Димо;
«Ай ти тебе, бре девойко,
Я су ти тебе момче».
Се испознае . . . . .

(Лазорополе).

19.

Тембиф сторил войвода-та,
Петкано мори, Петкано!
Ерген—чалма да не носит
Петкано мори, Петкано!
Турчин вино да не пі'т,
Петкано мори, Петкано!
Турчинъ тембиф не да държи,
Петкано мори, Петкано!
Тек си пойде на меана,
Петкано мори, Петкано!
Пак си купи пара винце,
Петкано мори, Петкано!
Пара винце, пара лебец,
Петкано мори, Петкано!
Се наиде, си се напи,
Петкано мори, Петкано!
Си се напи, си се опи,
Петкано мори, Петкано!

20

Девойкиня, мори, гугувчиня,
Поть правите, мори, да помина (2).
Нищо завал, мори, не ви чина.
Како що сте, мори, суредени,
Тако сте ми, мори, соред мили.
За алтана, мори, алтан дава,
За невена, мори, невен дава,
За Марія, мори, душа дава.
Роцы ми се, мори, во ценови,
Пълни ми се, мори, леблебіи,
Негде—годе, мори, гурабіи (им.: суво гройзе).
Есть конецъ и иначе:
Измешано, мори, суво гройзе,
Но где—годе, мори, бадем, шиЂер
Но где—годе, урубіи, чемберліи.

21.

Расипи ми, Мендо-ле, моЂія-ва,
Расипи ми, доброле, моЂія-во,
Ђоня вода, Мендо-ли, пешяк 'ода,
Коня вода', добро-ле, пешяк 'ода.
Первые два стиха повторяются; за тѣмъ:
Пушка носа', Мендо-ле, со страф ода,
Пушка носа', добро-ле, со страф ода
Леб си нося, Мендо-ле, гладен ода
Леб си нося, добро-ле, гладен ода
Вода газа, Мендо-ле, жеден стоя,
Вода газа, добро-ле, жеден стоя.

22.

Слнце но одит, заодит
Мирче-е войвода на поле;
Мирче войвода на поле,
Со самовила зборвеше.
Со самовила зборвеше:
«Самовилице, сестрице!
Самовилице сестрице:
Код-ѐ-Ћа ноЋ ноЋеваме?»
— По'оди Мирче войводо
До высоки-те ясики,
До высоки-те ясики,
Ту-е—Ћа ноЋ ноЋеваме;
Туе Ћа ноЋ ноЋеваме,
Ту-е'-ми одит Янкула.

23.

Млад ме питат (просит),
За старо ме дават;
Млад ме питат,
Старо аро, како я'ор дърво,
Старо аро;
Млад не женат—китка босилк-ѐ-ва,
Млад не женат.

24.

Собралисе сите а и ти арамии;
Да ми одит, мори, тамо горе,
Ћамо горе, мори, в Горничево;
Тамо горе, мори, в Горничево,
Да се мирит, да се токмит.
Що имаше мори, одно власе,
Ни со мирит, ни се токмит:
Ток се шетат горе и долу,
Ток се шетат, море, горе и долу;
Негде—годе, мори, посвирнуват
И се Богу помолуват,
И се Богу помолуват:
«Дай ми, Боже, мориръи (? sic) на пролет,
Стреде зима коложега!»
А си пойда дур во Влашко,
Да набере се Власина,
Що не гноет куршум рана.

25.

Добранче-то, чоляк Дойчин,
Димо-ле, дели Димо,
Димо-ле мил побратим.
Чоляк Дойчин од Галичник,
Димо-ле, дели Дима,
Диме-ле мил побратим,
Од Галичник, од Мурговцы,
Димо-ле, дели Диме,
Димо-ле мил побратим.

26

Угур-ола, море, Шабан-аго,
Уюгур-ола, море, Шаябан-Гега,
Уюгур-ола, море Шоябан-ага!
— Угур-ола, море, Шабан-ага
Угур-ола, море, Шабан-Гега
Угур-ола, море, коде ћа одиш?
Я ћа си одам, море, дури на Скопъ,
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Дури на Скопъ, море при Амзи-пашо.
Аманате, море Амзи-паша,
Чини ми конак, море, не остави ме на двор (2).
Чини ми конак, море; не оставай ме на двор;»
Вере сум удрен, море, рана ми болит (2).
Конак му стори, море, Амзи-паша,
Конак му стори, море, таин му пущи (2).
Конак му стори, море, таин му пущи,
Прати кулук-от, море, го кардисаје (2).
Кога си позна, море, Шабан-ага,
Тога се позна, море, Шабан-Гега,
Тога се позна, море, Шабан-ага.
Си изговори, море, Шабан-ага,
Си изговори, море, Шабан-Гега:
«Да ай ви вами, море, верна дружино.
Да ай ви вами, море, верна дружино,
Подседлайте ми, море, ата дория (2).
Подседлайте ми, море, ата дория,
Я да си пойдам, море, при Амзи-паша (2).
Му подседлаје, море, ата дория.
Оту си пойде, море, Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега;
Оту си пойде, море Шабан-ага,
Оту си пойде, море, Шабан-Гега,
Оту си пойде, море, при Амзи-паша.
Му изговори, море, Шабан-ага
Му изговори, море, Шабан-Гега.
Му изговори, море, Шабан-ага.
«Аманате, мори, Амзи-паша!
Пущи ме мене, море, во широко поле.
Пущи ме мене, море, во широко поле,
Коде ми играт, море, моздрак и сабя.
Коде ми играт, море, моздрак и сабя,
Коде ми играт, море, ата дория.
Коде ми играт, море, ата дория,
Пущи кулук-от, море, нека ме фтит.
Му одговори, море, Амзи-паша:
— Я не те пущам, море, Шабан-ага,
Я не пущам море, Шабан-Гега;
Я не те пущам, море, во широко поле;
Ток ћа те пущам, море, во град. Битоля.
Так ће те пущам, море, во град Битоля,
Во град Битоля, море, при садразам-от.
Тамо те чекат, море, да два ченгели,
Тамо те чекат, море, да два ченгели *).

27.

Скарал се Стоян, скарал се со негова-та стара майка;
Побегнал Стоян, побегнал, токмо дванаесте годиии;
Казандисал що, казандисал токмо дванаесет хиляды;
Токмо дванаесет хиляды се руди-бели овцы, со руди-бели ягнянца;
Со руди-бели ягнянца, со дванаесет овчары.
Кинисал дома (да) дойдет, си дошол дури во село;
Си дошол дури во село, во село дури пред чешма;

---

*) Шабан-ага был голем арамія; той бил глава на 600 души арамін; правил зулум кон Серес. На враћање го удриле на ченгел, околу 1830 г. Крсте Чавея од с. Раосоки бил со него доброволец.

На чешма си я найде негова-та невеста, той си я позна, тая не го позна.
Спроговори млад Стоян: «Невесто, млада невесто!
Ал'имат конак у вас да дойда?»
Си пойде Стоян, си пойде, таман си легна да спиет,
Стана си майка му го отет...
(не оконч.).

28.

Кинисала моме на вода
Со два обрика во роцы.
Стемнило ми се, смоглило;
Загреши моме потица,
Отиде горе в планина,
На Димово-то бачило.
Овчари овце мълзеѣ,
Кога го моме видое,
Си-те на нози станое,
Си-те на нози станое,
И си ведра-та турие.
Димо Ћеая не стано,
И си ведро-то не тури.
Говорит Димо Ћеая:
«Овчари, верна дружино!
Уфатите го моме-но,
Доведите го при мене.
Пойдите дому во село,
Викайте попа и кума,
Да си го венчаме моме-во».
Пойдое долу во село,
Викнае попа и кума,
Да го венчает моме-то.
Кога ми в црков одое,
Крвава роса зароси;
Кога од црков одое,
Дробни каменя паЂае.
Говорит Димо Ћеая:
«Овчари, верна дружино!
Да го прашаме моме во,
Да ни я кажет рода-та,
Кои му е татко и майка,
Кой му се браЋа и сестры».
От го прашае моме-то,
Моме-то велит—говорит:
Мени е майка велела,
Кднего брата си имаш,
На десна нога мал пръс немат.
Говорит Димо Ћеая:
«Девойче лепо-убаво!
Тргни ми скорен од десна нога;
Погледай ми я нога-ва».
Му тргни скорен од нога,
Му тргни скорен од нога,
Му я погледа нога-та.
Кога му виде нога-та,
Се изнайдае братац и сестра.
Запишана от М. К. Ђиноска.

Послѣ 2-го ст. тою же рукой вычеркнутъ стихъ: И дукат алтин на чело, который дѣйствительно тутъ не умѣстенъ: кромѣ того, каждый стихъ повторяется, чего мы не исполняли и отъ чего происходитъ нѣкоторое несоотвѣтствіе въ расположеніи стиховъ. Тою-же рукою вычеркнуты слова, лишнія въ размѣрѣ, какъ мали (пърс), десна (нога); но мы ихъ оставили ради смысла, который въ нихъ заключается.

29.

Кавелска песна т. е. овчарска.

Засвирел ми челник Пейо,
Засвирел ми с писан кавел,
От утрина до вечера.
Изговори челник Пейо:
«Ай ви вами, бре, дружино!
Срце ми се распеяло,
Уста ми се расвирела,
Ил је на зле, ил на добре»?
Уще реч та не изрече,
Караман ми подлафнуват,
Дофтасале араміи,
Араміи злеЂидіи,
Го фатіе челник Пейо,
Му врзае обе роцы,
Обе роцы наопаку.
Му забрале рудо стадо,
Го терае до река-та,
До река-то, до Ситница.
Рудо стадо не им врвит.
Тога рече челник Пейо:
«Ай ви вами, араміи,
Араміи злеЂидіи!
Пущите ми обе роцы,
Да посвира в писан кавел,
Да заврвит рудо стадо.
Рудо стадо је научено,
С писан кавел го потерува,
С писан кавел го повабува».
С' излогае араміи,
Араміи злеЂеди,
Му пущије обе роцы.
Не засвире челник Пейо,
Да зав'рвит рудо стадо;
Ток засвире челник Пейо,

Да го чует Анђелина,
Ђиди росна детелина:
«Дал ме чуеш, Анђелино,
Ђиди росна детелино!
Ако спіеш, разбудисе,
Ак вечераш, освестисе»!
Дофтасае араміи,
Араміи злеђидіи;
Ми вързае обе роцы,
Обе роцы наопаку.
Ми забрае рудо стадо,
Ме тераје до река-та,
До река-та, до Ситница,
Ток да збереи беђари-те,
Беђари-те неженати,
Да трчает на потеро,
На реката, на Ситница.
Си го дочу Анђелина,
Ђиди росна детелина;
От си собра беђари-те,
Беђари-те неженати.
Излегое на потера,
На река-та, на Ситница;
Си отнае рудо стадо,
Го пущіе челник Пейо.

—

(Я. стр. 219 совсѣмъ иначе).
Примѣчаніе. Овея песна имать проелечен и жалостлив глас. од К. П. Ђиноски.

30.

Шетал – прошетал, мори, Митре делия,
Шетал—прошетая, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливађе;
Видел—догледал, леори, Дунав девойка:
Коня сепенат, мори, с бела коприна,
Во лице светит, мори, как ясно слнце,
А бело гърло, мори, как месечина.
Оту си дойде, мори, Митре делия,
Оту си дойде, мори, дома на дворье.
Оту си викна, мори, постаро майко,
Лепо говорит, мори, Митре делия.
Що су догледал, мори, Дунав девойка,
Дунав —девойка, мори, долу под село,
Долу под село, мори, долу в ливадье;
Во лице светит, мори, какъ ясно слнце,
А бело гърло, мори, какъ месечина:
«Мила майко-ле, мори, опитай ми я,
Мила майко-ле, мори, со злум ђо пойде,
Со злум ђа пойда, зло ђа учина».
Тога говорит, мори, Митрова майка:
«Мили сынко-ле, мори, со злум не оди,
Со злум не оди, мори, злумъ не учини».
Митре делия, мори, майка не слушат;
Тако си собра, мори, си-те делім,
Си-те делй, мори, 'се сироти него.
Оту је пойде, мори, Дуне на порты;
Дуне на порты, мори, ноћа на полноћ.
Порты си найде, мори, 'се затворены,
Порты й втера, мори, в тређо маало,
Оту се качи, мори, горе на диван,
Тамо си найде, мори, Дунав-девойка,
Загушена је, мори, с брата Ђорђия.
Оту си зеде, мори, Дунав-девойка,
Си я донесе, мори, дома на дворье.
Се разбудила, мори, Дунав-девойка,
Се разбудила, мори, се распулила.
Кога видела, мори, Дунав-девойка,
Куђа не тая, мори, љюђе не тие.

—

Слушана од баба Петревица Ђиноска, коя умре на 1873 г. іунія.

31.

Ми кинисале два брата рођена,
Ми кинисале по бели друмови.
Им ох излегое клети айдуци,
Ми го фатије сиромаф Стояно.
Го поведое да го продавает,
Го однесае на Нова-пазара.
Ми й сустрети млада вдовичица,
Ми изговори млада вдовичица:
«Да ей ви вами, клети айдуци!
Кой го носите сиромаф Стояна!
Си го носиме, да го продаваме,
Цена-та му је три иляди гроша.
Оту си посегна млада вдовичица,
Оту си посегна во свилни цепови,
Оту си извади три иляди гроша.
Си го откупи сиромаф Стояна,
Си го однесе дома на дворови,
Оту му даде три дућани стока.

—

Дервенски глас. Записана од татка. 1882 г.

32.

Стойке седеше в градина,
Стоян от овцы идеше;
Стоян от овцы идеше—леле;
Стойке е фрьли яблъко,
Стойке е фрьли яблъко—леле!
Со урубив на него.
Стояно го љуто проклине—леле!
«Стояне, море, делиа!
Стояне, море делиа,—леле!
Не мой фрьлай ми яблъко

Не мой фрьлай ми яблъко,—леле!
Не сторевай ми ядови;
Не скоревай ми ядови,—леле!
Коде су само ядовно.
Каде сум мошне ядовно,—леле!
Дека сме пусте' роднине.
Татк-от, татк-от, две (sic) брата—леле!
Ай ти два (sic) братучеди».

33.

Илинчице *), высока планино!
Од тебе се Сари-Шабан ** гледат;
Од тебе се Сари-Шабан гледат
И во Шабан шабански калдърми,
И во Шабан шабански калдърми,
По калдърми лепи Стоян шетат;
По калдърми лепи Стоян шетат,
Въ роци държит сребрна аршина.

34.

Излези, злато мори, излези—леле!
Излези, да видиш златно яблъко.
Що чудо идет, злато, оздола—леле!
Що чудо идет оздола:
Силно ми стадо, злато, без овчар—леле!
Силно ми стадо без овчар.
Толку пред стадо, злато, имаше—леле!
Толку пред стадо имаше
Едно малечко, злато, овчарче—леле.
Едно ми мало овчарче.
Списан ми кафел, злато, свиреше—леле!
Списан ми кафелъ свиреше.
Во кавелъ песна, злато, пееше—леле!
Во кавелъ песна пееше:
Дей ђиди, село, злато, големо—леле!
Дей ђиди, село големо.
Дей ђиди, рамни, злато, ливагѣ—леле!
Дей ђиди, рамни ливагѣ.
Дей ђиди, поле, злато, широко—леле!
Дей ђиди, поле широко,
Дей ђиди, ягне, злато, сугаре—леле!
Дей ђиди, ягне сугаре.
На мрамор-плоча, злато, заклано—леле!
На мрамор плоча заклано;
На чемерика, злато, одрано—леле!
На чемерика одрано.
На суви трески, злато, печено—леле!
На суви трески печено,
На студен извор, ядено—леле!
На студен извор ядено.

*) Илин-планина е међу Охрид и Битоль (на тая планина имать црквица - Илинска црковь).
**? Сари-Шабан-гр дче зад Драма.

35.

Секогашны

Майко, майко, пали свекя,
Парусия болно лежит (2).
Парусия болно лежит,
Са лудо се засакала (2).
На вечер се заврьшило,
На полнокь се разболело (2),
На полнокь се разболело.
На утрине душа дало(2).
На утрине душа дало
Проклетiи оставило (2):
«Молим ти се, моя майко,
Ти да ме закопаш,
Во наймало-то, во наймало-то
Бавчиче.
Молим ти се, мило сестро,
Сестро Анђелийо,
Да му речеш на лудот,
На вечер да дойдуват,
На вечер да дойдуват.
Китки цвекѣ да остават.
Молим ви се, мои другачки,
Многу слъза не фрьляйте,
От слъза-та яз си умрех,
И от веков си загинах.»

36.

Ей Стано еднанъ (? sic),—Стано!
Качи се горе на диван,—Стано!
Да упали се стрьвница,—Стано,
Да упали се Струмница,—Стано!
Струмница—црьна темница,—Стано!
Ти ћа си видит брата ти,—Стано!
Како е руво променат:
На шиа-шиа синџир носеше,
На нози томрук имаше,
На роци белези имаше.

37.

«Калино моме калешо, добро ягне,
Що многу синоћ седафте?
Що многу синоћ седафте моме (добро),
Що мили гости имафте?»
— Дей ђиди лудо, бре младо џанъм,
Майке је браћа дойдоје:—
Майке је браћа дойдоје, лудо (младо),
Мои-те мили вуйчеви.
«Калино моме калешо, добро,
Ложи, кого да изложеш;
Ложи, кого да изложеш, кальо (добро),
Мене не можеш да ложеш.

Мене не можеш да ложеш, моме (добро),
Я синоћ си беф зад врата;
Я синоћ си беф зад врата, моме (добро),
Кога ти прстен даваје,
Кога ти прстен даваје, моме (добро),
Ти им го прстен враћаше.
Кога го веде майка ти, моме (добро),
Жалбы ми падна на срцо.
Жалбы ми падна на срце, моме (добро),
М'идеше да се убода.
М'идеше да се убода, каљо (добро),
Со цибрински-те ножеви.
Жалба ми падна за майка, каљо (добро),
Дека беф еден у майка,
Дека беф еден у майка, каљо (добро),
Да не останет без мене.

II. Пѣсны жалосны.

1.

Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
Отоде, лелей, каламарія,
Зад пашино-то, лелей, корія:
«Жалвай ме, майко, мори, плакай ме,
Змія ме влезе в пазува,
Не можа̀, лелей, да я извад'а.
— Жалвам те, сынко Стояне, жалвам те,
Дур да се, лелей, море исушит,
Чаири, лелей, да се учинит.
Во чаир бостан да садя,
Я да си скина од бостан,
Устава да си олада.—
Извикнал Стоян, мори, подвикнал,
Отоде, лелей, каламарія,
Зад пашина-та, лелей, корія:
«Жалвай ме, сестро, мори, плакай ме,
Змія ми влезе в пазува,
Не можа' лелей, да я извада'».
— Жалвам тѐ, брате Стояне, жалвам те,
Дур да ми гламна разместит,
Трендафиль да се учинит,
Трендафиль да се учинит,
Я да си скина трендафиль,
На пояс да си го клада, на пояс.
Извикнал Стоян, море, подвикнал,
Жалай ме, љубо мори, плакай ме...
— Жалам те, Стояне море, жалам те,
Дур да се врата од грабя,
Дур да си дойда до дома.
Дур да си влеза в градина,
Китка да цвећа набера,
Другего да си преложа.

У Ястребова въ пѣснѣ «Овчар свири у планини» (стр. 178) тотъ же самый фактъ, что овчару или Стояну влѣзла змія за пазуху, и онъ проситъ вынуть её поочередно мать, сестру и жену; но характ ръ и заключенье другіе: у Ястребова конецъ такой:

Дође љуба, љуту змију
Да извади из недар.
Не видела верна љуба љуту змију,
Но видела ситан бисер у недрима.

2.

Зайде, зайде, с'лнце,
Лелей-лелей, майко-ле моя,
Зад зелена гора;
Ох лелей-си, майко-ле моя,
Зад зелена гора,
Зад зелена гора — лелей-лелей!..
Зад бело бигорье, — ох лелей-си...

Постой, постой с'лнце— леле!..
Да се изброиме — ох лелей-си...

Три юнацы не мает—лелей!...
Три ми орли летает.—Ох лелей-си

Три ми орли летает — Лелей...
Три нишани носее.—Ох лелей-си.

Први орел носит - Лелей...
Од юнака глава — Ох лелей-си...

Од юнака глава—Лелей...
Со се туно-фесе.—Ох лелей-си...

Втори орел носит - Лелей...
Од юнака рока — Ох лелей-си...

Од юнака рока — Лелей...
Со се бурма пърстен.—Ох лелей-си..
Со се бурма пърстен.
Трећи орел носит—Лелей!...
Од юнака нога.—Ох лелей-си...

Од юнака нога—Лелёй...
Со се десе... скорен.—Ох лелей-си...
Со се десе.. скорен.

Оваяе песна во песны Миладин. 245.

3.

Посакале се момче и мома;
Мома то лежет со бело лико,

Момчето ложет со црънo гройзе.
Си и догледа кучка мошчеа,
А да сие пойде на Нова-аозар,
Да сие купи пара биляче,
Да си й отру момче и мома.
Мома-та умре сутру на утро;
Момче-то умре к вечер на вечер.
Мома закопа пот света црьква,
Момче закопа на света црьква.
Мома излезе винена лоза,
Момче излезе дафино дръво.
Расте си и спорастое,
Да се ставне връше и връше.
Си догледа кучка мощеа,
Да сиа скина винена лоза,
Да си я фрьли в огонь да гори,
Да си го собра бели-от пепелъ,
Да си врьли горе на нива,
Да си излезе бела пченицо,
Да си я собра бела пченица,
Да си я соиле бело-но брашно,
Да си я меси бела нафара,
Си я однесе на света црковъ свети Георгиа.

4.

Пукна пушка нот Будина-града,
Тие бее деветина браћа;
Си те браћа пот байрак се скриле.
Алим барактарче в рамо го удрие,
В рамо го удрие, куршум не излезе;
Що ми стоя Алим три дни и три ноћи,
Кога фати Алим да умрат,
Си и вика деветмина браћа:
«А ви вами, деветмина браћо,
Лел викните моя милна нана.
Да е реча на моя-та кана,
Да е даде три ћемери азно:
Еден ћемер жамиа да правит:
Други ћемер чешма да ми правит,
До чешма-та кона да ми връзет,
На кона-та байрак да ми запнет;
Да се знает, ал е Алим умрел.
Треќи ћемер нана да го яде.

5.

Разболел ми се левени Ђурђе,
Разболел се и ми умрело.
Да що ми Ђорђе и рода немаше;
Толко ми Ђорђе рода имаше,
Рода имаше една сестрица,
Една сестрица и бела Мариа
И тая беше далек на далек,
Далек на далек, дур в Мориово.
Да ми пущие до два Анђола,
Да ми го викнет бело Марие;
Изговорие до два Анђела:
«Да ай ти тебе, бело Марие!
Лел промени се во бело руво,
Во бело руво, во невестиньско,
На главе кладе се девойчинско».
Пак ми киниса бела Марие,
Ми пооделе и що пооделе.
Си изговори бела Мария:
— Да ой ви вами, до два Анђела,
До два Анђела, два побратима,
Що ми мирисат темяновина,
Темяновина и восковина?—
«Да ой ти тебе, бело Марие:
Во гора имат секакви билки:
Едни мирисат како на темян,
Други мирисат на восковина».
Одое, що ми одое, ми изговори бела Мариа:
«Да ой ви вами, до два Анђела!
Що ми се слушаг, како на тога,
Како на тога, како на песка?»
Изговорие до два Анђела:
В горо имает секакви пилицы;
Едно ми пеет, како на тога,
Други ми пеет, како на пѣсни.—
Кога ми пойдо, бело Мория,
Кога ми пойда дома на дворъ,
Туе ми найде девет попови,
Девет попови, десето гяче,
Коде го пеет левени Ђурђе,
Коде го пеет, да го кревает
Тога ми писна бело Мария:
«Да ай ти тебе, левени Ђурђи!
Що не ми прати до два Анђела;
Но го ми легле, болно да ложа,
Еднуш со усто н'да проговора!»

III. Песни кардальски (или кардарьски)

1.

Мирко по двори шеташе, мори,
Русо си перче чешляше,
Со црърно и криво гребенче
«Годай ме, маме, годай ме!»
— Годам те, сынко, годам те,
Годам ти Стойна попова,
«Неђум я Стойна попово:
Сакам я Мара Стойкова»
— Не ти я, синко, давает
«Сакам я, мамо, сос добро,
Зер ђа я земам сос лошо»

2.

Мори, я ћа одям на град Солун
Додо Алтано, мори милно ни бебе!
Порочай ми, що да ти купам.
«Мори, да ми купиш ал-шамія.
Бебе Божине, море милно ни дода!
Я да носа, ти ме гледаш»
Бебе Божине, море милно ни дода!
— Я ћа одам на град Негуш.
Додо Алтано, мори милно.. ни бебе!
— Порочай ми, що да ти купам.
Додо Алтано, мори милна ни бебе!
-Да ми купиш срма-колан.
Бебе Божине, море милно ни дода!
Я да носам, ти да ме гледаш.
Бебе Божине, море милно ни дода!
Я ћа одам на град Воден,
Додо Алтано, мори милно ни бебе!
Порочай ми, що да ти купам.
«Да ми купаш татар-бунда
Бебе Вожине, мора милно ни додя!
Я да носам, ти да ме гледаш»,
Бебе Божине, мори милно ни дода!

IV. Песни за смеѣње (смешны).

1.

Мори жабо, меко меше,
Ак те фата, ћа те щипна.
Море раку, тв'рдо коре,
Ако скокна, ћа те мокна.

2.

Посакал ми рак-от
Жабина-та ћерка.
Му говарит раку
Жабина-та ћерка:
«Даљ те не знам. раку,
Да коя си стока?
Напрет, незат лазиш,
Во дупка си влазиш».
Наљути се рак-от,
Напрчи мустаћ-от,
Напрчи мустаћ-от,
Накриви колпак-от
— Даљ те не знам, жабо,
Да коя си стока?
Кога, жабо, къркаш,
Гуша-та напинаш:
Гуша-та напинаш,
Очи-те й пуплиш.

Посеяла Мара до три ми просо,
Расте просо, расте, расте испорасте;
Расте, испорасте глувцу до колена,
Глувцу до колена, жабе до рамена.
Ток се чудит Мара, како ћа го берет.
Пособрала Мара од три села момцы,
Од три села момцы, од три села момы.
Ток се чудит Мара, с'още да й гостит:
Да заколет Мара мува яловица.
Страф я беше Мара, да не им не фгасат:
Пак си закла Мара бълва щиракввца;
Си изгостит Мара од три села момцы,
Од три села момцы, од три села момы.

4.

Петељ свадьба чинит:
Чудо за чудење,
Чудо да големо!
Врапцы—побратими,
Патки подкованы,
Петли подседлани,
Гуски заузданы.
Чудо за чудење,
Да големо чудо

5.

Цуцерве гойда пасеше — цупуле!
По край река Ситница,
Туй помина лисица:
«Помоги, Бог, цуцуле!»
— Дай Бог добро, лисице!
«Що е врева во село?»
— Комар свадьба чинеше;
Мушичка е невеста.
Комар вино точеше,
Мушичка му светеше,
Си ок'рши нога-та.
— Не дайте бре сељани,
Да не пбетъ м'ърцина;
Глава-та на старцы-те,
Да си правит мезенце:
Ћаки-те на момцы-те,
Да мачкает пусад-от;
Чрева-то на момы-те,
Да им растет косы-те;
Џигер-от на невесты,
Да ми быдет црвены.

6.

Оженифсе в собота,
За таткова срамота

Зедоф жена работна,
  Мошне куђа метеше,
Настред куђа бунище,
  На бунище мантарки (печурки).
От си набра мантарки,
  Меси зелник мантарник.
От го крена на глава,
  Да го носит на нива.
Кoркна жаба в зелник-от;
  Си-те ми я дочуе,
Си-те рекое: «Чудо е!»
  Поп-от рече: «Чума е!»
Си-те фатiе ридища;
  Поп-от фати долища.
Си-те дойдое трети день;
  Поп-от дойде пети день;
Си-те дойдое со круши,
  Поп-от дойде без уши.

Та-же пѣсня иначе.

Оженифсе в собота,
  За таткова срамота.
Зедоф жена работна,
  Що немаше кошуља.
А я си беф подскоклив.
  Скокнаф горе п долу,
Си пронабраф протицы
  И габрови колицы.
Е сyградиф кошуља,
  Я облекоф во нея.
Я подведоф по мене,
  Си-те ми я видое,
Си-те рекое: «Чудо е!» (конецъ одинаковъ).

7.

(За пресмеваље на невеста).

Невестица-сиротица;—дос-дос *)
Момче беше малечкаво.
Си го прати на ораље.
Фърцна вол-от с опашка-та
Го запрета во бразда-та.
Врано гракна, нейзе текна.
Търчаница тамо пойде,
Си го найде во бразда-та,
Си го зави в скутина-та,
Го донесе дури дома,
Си го кладе до мешарка.
Момче беше касканцiя;
Се раскара с кокоши-те,
Му искълвае очиня-та.
Невестица-сиротица
Си го кладе во ћоше—то.
Момче беше касканцiя:
Се раскара со глувцы-те,
Му изгрызае ушлиня-та.
Невестица-сиротица
Си го кладе по край огонь.
Момче беше завис'ливо,
Се раскара со петли-те.
Пърфна (пафна) петко со крила-та
Го запрети во сила та (жар-от).

*) Такой припѣвъ повторяется въ каждомъ стихѣ.

8.

(За пресмеваље на старица-та).

Дей ђиди моме, моме седмаћинче!
Да кога си было од седомь годины,
За що ти е чело, чело збърчкавено? (2).
«Дей ђиди лудо, дей ђиди младо!
Я вчера сум яло кисели ябълки;
За те ми е чело, чело збъркавено.»
Вопрос повторяется,
За що ти се косы, косы побелены?
«Я вчера сум было долу в воденицы,
За те ми е косы, косы побелены».
— За що ти се плећи, плећи згърбавени?
«Я вчера сум было пѣнушки вежано;
Зате ми се плећи плећи згърбавени»
— За що ти се зоби, зоби попађани?
«Я вчера сум яла од вълно ядина;
За те ми се зоби, зоби попађани».

9.

Цуцуль пасет говеда,
Цуцулица — тельцы-те,
По край река Ситница.
Туй помина лисица:
«Добро утро, цуцуле!»
— Дай Бог добро, лисице.
«Що е врево во село?»
— Комарец се женеше,
Мушичка се можеше,
Вошка куђа метеше,
Бълва вода носеше,
Мечка тесто ваљаше,
Глушац попан бiеше,
Вълчко сурла свиреше,
Лiя сваћа месеше,
Гнида сваћа 'шареше,
Жаба комат месеше.

Пърда мува зад уво,
Дойда баба да тешит:

«Мълчи ми, мълчи, мушичко!
Утре ћа пойда на пазар,
ћа ти купит симитче;
Ако мълчиш ћа ти дода,
Ак не мълчиш.—шъаканица.

—

Вошка куђа метеше,
Отколе я метеше,
Повеђе я расеше.

—

Бълва вода носеше,
Отколе я носеше,
Повеђе я піеше.

—

Мечка тесто ваљаше,
Повеђе го лапаше.

—

Од глуше меше,
Пълно вино;
Од вошка кожа,
Пълна ракія.

—

Жаба комат месеше,
Отколи го месеше,
Повеђе му зелѣ редеше;
Скокна жаба в зељник-от,
Клекна, мокна, наслочи.
цуцулъ, цуцулица=чучук=ђуђулъ.

10.

Собрале ми се, набрале до 70 юнаци,
До 70 юнаци и едно старо старчище,
Едно старо старчище от 70 години:
Кои ђе профрълит зелен бор,
Тои да си земет Янинка,
Янинка, бело-грађанка.
Си-те редом редие до седом,
Десет юнаци редие до седом;
Какон зелен бор ке прескочи.
Стана ми, стана старо старчище:
Запрегна поли рокави,
Си го прескочи зелен бор;
Си го прескочи зелен бор,
Да си я зеде Янинка,
Янинка бела-грађанка,
Кога си дочу Анинка,
Писна Анинка да плаче:
«Да ле-ле-ле до Бога!
Как ћа се любит старчище,
Старчище с бело брадище!
Со ноћ да го любам,
Ноћо-т да го губам!»
Седна ми старо да тешет:
«Млчи ми, млчи, Янинке,
Яннике, бела-грађанке!
Утре има собота,
Зад утре ми е недела;
Я ћа си пойда на пазар,
На пазар на бербер
Я се ћа си брада избрича,
ћа се стора млат юнак
От дванаест години.
Я ћа си купа в водица,
Да си истръгна жебурки.
Пак се Анинка не тешет:
«А можь, старо старчище,
Кога си имаш 70-години!»
У Ястребова гораздо короче (стр. 220).

11.

О, зададе се темен облак, Велія море!
О, зададе се темен облак, Душманин море!
О не ми было темен облакъ, Велія море!
О, не ми было темен облакъ, Душманин море!
О, так ми было ђор Матлія,
О, ђор Матлія со Матли
О, ћа се біет со Прилепцы,
О, со Прилепцы тутунціи.

Первые 4 стиха повторяются, а затѣмъ добавляется:

О, ћа се біет со Кичевцы,
О, со Кичевцы, бостанціи.
О, ђа са біет с Гостиварцы,
О, с Гостиварцы, со тикварн.
О, ђа се біет со Тетовцы,
О, со Тетовцы, со гушавцы.

—

Каждый стихъ повторяется и въ первомъ случаѣ заканчивается словами: «Велія море», а во второмъ—«Душманин море».

Мат—нахія изъ нѣсколькихъ селъ, расположенныхъ по другую сторону Арина и къ юго-западу отъ Горной Дебры: жители же его назыв. въ ед. ч. **Матлія** или **Матлянец**, а во множ.—**Матлй** или **Матяни**.
(Примѣчаніе собирателя).

12.
(Секогашна).

Море лудо, бре будала!
Що не си се оженило,
Кога беше евтиния?
Пара и пол ведро вино, по три пари ракия-та,
Десет пари товар жито.

Весело стой, повесело, како пръва та година.
«А мори, малко свекръво, со що кя бида
[весело?
Са още кя бида весело, ал со сини-ти будала?
Ако одиме на гости, си седит на чело, това
[седит в дечишча».

V. Аргатски.

1.

Пособрала Неда до девет аргати,
Да ми я жнеет бела пченица.
Жнее, що пожнее и си собрае,
Си дойдое дома на вечера.
Си те вечерае, Теме не вечерат,
Е дадо е Теме свекя, да им светит.
На сите платие, Теме не платие,
Теме е дадое еден злат пръстен.
Се молеше Теме на нейзини дружки:
«Кя и знадет майка, за мене да прашат;
Майка даречете: з мия я изиде.
Змия я изиде за наймали-от пръс.

2.

Разигралося яблъко,
В цареви парти удрило.
Цар го яблъко прашаше:
«Яблъко, пресно яблъко!
Що те аргати пущие?»
Ми изговари яблъко:
— Вечера да им готвите
Варено-то ягне, печено.

3.

Порой потече, ниво голема, да те однесе;
Да те однесе, ниво голема, дур в Мириово.
По излегое, ни во голема, Мириовски-те,
Те пожнея е, ниво, бела пченица.
Те пожнея е и те собрае,
И те кладое в нови амбари.

4.

Ужина дойде леле до-Бога, а ручекъ немат;
Али заспа, леле до Бога, ратаица-та?
Нози-те клале, варай до Бога, во огнище-то,
Му изгорело, варай до Бога главенище-то.

VI. Пѣсни при играхъ и забавахъ.

1.

Берите се си девойки на собор, на собор;
Ил се собор без девойки не берет, не берет.
Берите се си невести на собор, на собор;
Ил се собор без невести не берет.

2.

Кога се турується оро-то.

Вода водит мала моме во Цареви порти; (2)
Сам Цар седит, сеир гледат, коде вода одит; (2)
А Царев син Бога молит: «Мое да-би било!» (2).

Въ друг. спискѣ:
Край царевы порты
Сам цар седит на порты-те, моме бо го гледат.
— Мое да е моме»
(и въ числѣ свадебныхъ).

3.

На расипување оро (Лазороноле).

Я си идех, моме, од орање,
Од орање, добро, од копање.
Я ти рекох, моме, добор вечер!
Ти никако, моме, не ми рече.
Глуво-ли си, моме, чуй ме мене;
Слепо-ли си, моме, опули се.
«Ни су глуво, лудо, ни су слепо:
Да беф брало, лудо, како тебе,
Градина бы, лудо, заградило,
Тебе подар, лудо, бы те клало,
Да ми браниш, лудо, босилек-от

4.

На два хора.

Позив:
Елато овамо, девойки море,
На наша страна:
Овамо греѣт, девойкы море,
Две ясни сълнца,
Две ясни сълнца, девойки море,
Две месечиње.

Одговор:
Ни ви идемо, девойки море,
Ни ве сакаме:
Овам' имаѣт, девойки море,
Лепи момчиње.

5.

На нишалька.

Сведи се, сведи, ей миле връбо,
Долу, подолу.
Да си прикажа,
Зло и неволя:
Терзия има,
А елек нема.
Майстора има,
Одая нема.
Мѣхиня има,
Кожувче нема.

6.

На невеста, кога се нишот на нишалька.

Чія лелька на нишалька? Лелъо!
Ђурђе-ле Лельо!
Крстова е мила своя, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Васпльова е невеста, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Василько е на потица, Лельо!
Ђурђе-ле Лельо!
Утре вечер на потица, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
Василько е во град Солун, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
Ток се мешат на чаршія, Лельо!
Ђурђе-ле, Лельо!
И се чудит, що да купит:
Ђурђе-ле, Лельо!
Аљ да купит чиста фута,
Ђурђе-ле, Лельо!
Чиста фута с девет колца;
Ђурђе-ле, Лельо!
Аљ да купит чисти чегли,
Ђурђе-ле, Лельо!

7.

Кога се нишат момче.

Момче се льульат, мома го гледатъ—
Брайно-ле!
— Саво-ле *) мила — сестро-ли!
Кротку нишай го лудо-то;
Кротку нишай го младо-то.
Или е гнило (цървливо) дърво-то,
Иль е юзливо юже-то;
Ћа паднет, ћа се отепат:
(Или: Дан' паднет, да се убіет).
Каждый стихъ повторяется.

8.

Море моми буковки, море буковки!
Какъ садите пипер-от, мори пипер-от?
Дупни дупче, клай коренче.
Го садиме петер-от, мори пепер-от.
Море моми буковки, мори буковки!
Как вадите пипер-от, мори пипер-от?
Така вака подклепки, море, подклепки.
Го вадиме пипер-от, море, пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как прашите пипер-от, море пипер-от?
Така вака с нокти-те, с ноктите?
Го прашиме пипер-от, море пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как берете пипер-от, море, пипер-от?
Така вака скани шушка, клай в кошнице.
Го береме пипер-от, море пипер-от.
Море моми буковки, море буковки!
Как тълчете пипер-от; море, пипер-от?
Кака вака с петица, море, с петица.
Го тълчеме пипер-от, море пипер-от.

VII. Пѣсни биларскія (биларски, биляречки).

1.

«А девойче, Задгорянче!
Аль си было на Задгорѣ?»
— И су било, и су дошле.
«Аль имаше многу цвеће?»
— Многу беше, дробно беше.
Само цвеће нарочуват:
Како зноет момчиня-та,
Нека дает да ме берет,
Да ме носит под фесови.
Како зноет девойкы-те,
Нека доет да ме берет,
Да ме носит на пояси.
Како зноет невесты-те,
Нека доет, да ме берет
Да ме носит на сокай,
Да ме носит под гърла-та,
Под гърла-та окованы.
(Я. 148).

*) Се споменат име-то на нишачка-та-како що я викат, на прилика: Сава (Савета), или юнаку, Цвето-ле, Ружо-ле, Магдо-ле, Сирмо-ле, Маро-ле, Като-ле, Доро-ле, Невено-ле, Василько-ле, Румено-ле.

2.

Де в село идет, Синжирой-моме, два коня вода.
Два коня вода, Синжирой-моме, еден за тебе,
Еден за тебе, Синжирой-моме, други за мене.
Той, шчо за мене, Синжирой-моме, от звезда узда;
Той, шчо за тебе, Синжирой-моме, от перо седло.

3.

Расипи оро, Радо невесто,
 Пойди си дома!
Пойди си дома, Радо невѣсто,
 Браћа ти дошле.
Браћа ти дошле: Радо невесто,
 Пешкиш донесле.
Пешкиш донесле, Радо невесто,
 Чиста-на фута.
Чиста-на фута, Раоо невесто,
 Со девет кољца.
Доте ти плачет, Радо невесто,
 Браћа ти дошле,

(Я. 148).

4.

Качумчице-сиротице!—биляро-биляро!
Що си излегло во стред зима?—биляро-биляро!
В среде зима, въ коложега,—биляро-биляро!
Кога мързне дърво и камень?—биляро-биляро!
— Да я има зло мощеа,—биляро-биляро!
Ща ме рано скоревало;—биляро-биляро!
Да излега в среде зима,—биляро-биляро!
В среде зима, в коложега,—биляро-биляро!
И да плета, и да веза.—биляро-биляро!

(Я. 148).

5.

Не оди в гора, Радо невесто, не бери биље,
Не бери биље, Радо невесто, под зелен йор:
На йор имать, Радо невесто, славейно пиле,
То-ва ми пеѣт, Радо невесто, славейно пиле:
Пойди си дома, Радо невесто, гости ти дошла;
Гости ти дошле, Радо невесто, татко и майка,
Татко и майко, Радо невесто, и деветь браћа;
И деветь браћа, Радо невесто, и осомь снои;
И осомь снои, Радо невесто, седом внучиня
Гости ти дошле, Радо невесто, пешкиш донесле:
По-стари братец, Радо невесто, пешкиш донесол.
Пешкиш донесол, Радо невесто, чиста-на фута:
По-средни братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
Пешкиш донесол, Радо невесто, срмени келан;
По-мали братец, Радо невесто, пешкиш донесол,
Пешкиш донесол, Радо невесто, чисти-не чехли.

6.

Кинисала бела билька,—биляро!
Да ми одит на билячки:—биляро!
Ни лиѐно, ни чешлано,—биляро!
А от сите по убаво—биляро!

1899 г. 4-го іюля.

П. Равинскій.

По говору Любимскаго уѣзда.

Абызъ—человѣкъ, имѣющій смѣшную наружность. «Зачѣмъ ты сбрилъ бороду? теперь абызъ какой то сталъ!.. **Бабанѣжиться**—долго потягиваться въ постели. **Бяго**—стулъ деревянный, вокругъ котораго загибается полозъ. **Бѣль**—льняная пряжа, выбѣленная на насту. **Бредень**—небольшой неводъ. **Варево**—жидкое, сваренное кушанье: уха, похлебка, щи. Холодное съ квасомъ или жареный картофель варевомъ уже не будутъ. **Веретьо**—лохмотье. **Варя пива**—количество пива, варимое за одинъ разъ. **Вилокъ**—кочанъ капусты. **Вицы**—ивовые канаты и веревки, которыми деревья связываются въ плоты. **Вклепаться**—признать человѣка незнакомаго за знакомаго. «Я думалъ тогда тебя окликать, да побоялся не вклепаться бы»... **Вымочка**—низкое мѣсто на пашнѣ, гдѣ весной долго застаивается вода, отъ которой «вымокаетъ» посѣянное зерно и погибаетъ. **Горбуша**—коса на короткой палкѣ. **Дылда**—нескладной человѣкъ высокаго роста. «Экой ты дылда какой!» **Дѣвача**—дѣвушка.—«Ты, дѣвача, это не дѣло говоришь!» **Жигало** или **жгало**—жало у пчелы. Длинный желѣзный прутъ, накаливая который провертываютъ дирочки въ разныхъ предметахъ: цѣвкахъ и т. п. **Заволока**—при леченіи нѣкоторыхъ лошадиныхъ болѣзней, подъ кожей лошади на плечѣ пропускаютъ тонкую восковую свѣчку. Когда произойдетъ нагноеніе, то свѣчку передергиваютъ и способствуютъ лучшему выдѣленію гноя. **Заворъ**—ворота въ изгороди. При каждомъ проѣздѣ, жерди въ этихъ воротахъ выбираются, а затѣмъ по проѣздѣ вставляются вновь. **Завянуть**—подсохнуть. «Цвѣты завяли» **Закрайна**—кайма воды между берегомъ и льдомъ на рѣкѣ весною. **Залавокъ**—то же что и посудникъ. **Залудѣетъ** образуетъ кору послѣ дождя (про пашню). **Зариться**—сильно желать пріобрѣсти себѣ какую нибудь вещь. «Онъ позарился больно на лошадь та, да и купилъ её». **Застить**—затѣнять. «Отойди—не засти». **Зачичеревѣть**—захудѣть. «Совсѣмъ темномъ то у насъ зачучеревѣлъ!)» **Зыбка** - люлька, но съ ободкомъ, сдѣланнымъ изъ луба. **Изурочить**—сглазить. **Исправный**—зажиточный. «Ипатъ мужикъ хорошій, исправный».. **Кадь**—кадка; мѣра старинная. «Возится, какъ съ говённой кадью». **Катаники, катаницы**—валенки. **Каталажиться**—куражиться. **Кунды-мунды**—носильное имущество. «Собрала всё свои кунды-мунды». **Квашённикъ**—тряпка, которою завязывается сверху квашня. **Коко**—ласкательное названіе яица: «Васѣ коко нужно дать»... **Комель**—нижняя часть древеснаго ствола. **Кортома**—аренда· «Онъ свою землю ужь третій годъ, какъ въ кортому отдаетъ».· **Космачемъ**—ходитъ т. е. безъ платка. **Крыльца**—лопатки рукъ. «Между крыльцами у меня чешется»... **Курица**—елка выкопанная съ корнемъ. Въ такихъ курицахъ утверждается пригнетникъ въ соломенной крышѣ крестьянской избы. **Пригнетникъ**—жерди. **Курникъ**—пирогъ съ курицей. «**Рыбникъ**»—пирогъ съ рыбой. **Легчи**—лечь. **Легчить**—кастрировать животныхъ. **Лодырь**—лѣнтяй, шалопай. **Лопотинье**—лохмотье одежи. **Молосный**—скоромный. Молосный день—скоромный день. **Мумлять**—муслить, обмачивать смолою. **Наколна**—старинный головной уборъ замужнихъ женщинъ. **Намазушка**—пирогъ съ начинкою намазанною на него сверху. **Навѣтки давать**—дѣлать намеки. «Она навѣтки то мнѣ давно давала». **Обичка**—деревянный ободокъ у сита или рѣшета. **Оболокиться**—одѣваться. **Окутываться**—покрываться одѣяломъ. **Скутывать** печь, овинъ—закрывать печь или овинъ. **Обсказывать**—разсказывать все подробно. «Мнѣ все обсказали». **Объячить, наячить**—обмануть, надуть. «Меня наячили». **Огорѣваться**—съ трудомъ пріобрѣсти какую нибудь вещь. «Бологo только разъ огореваться, да купить, а тамъ и лучше будетъ». **Оклематься**—оправиться (о больномъ). «Онъ оклемываться сталъ теперь понемножку». **Осерды**—часть внутренностей животныхъ: легкія, сердце и печень. **Отава**—молодая зеленая трава, выростающая на лугу вторично послѣ уборки

сѣна. Очесливый—вѣжливый. Неочестливый—невѣжливый. Ошарашить—внезапно ударить кого нибудь напр. палкой, коломъ. Паўтъ—сводъ. Пялиться—наряжаться. «Для ча ты сегодня въ новую то кофту выпялилась?...» Переметъ—рыболовный снарядъ, состоящій изъ шнура съ прикрѣпленными къ нему крючьями. Печатная сажень—сажень, имѣющая ровно три аршина; въ отличіе отъ «маховой» сажени—(пространство между средними пальцами распростертыхъ рукъ взрослаго человѣка). Плаха—толстая доска. Плёсо—видимое пространство рѣки между двумя ея изгибами. Плесо Дрожжениковское напр.:—по имени берегового владѣльца.—Дрожжи и т. д. Полушалокъ—небольшой, теплый шерстяной платокъ. Понимать—топить, заливать. «Водой все поле поняло»... Поросъ—некладеный быкъ. Поскотина—мѣсто на которомъ пасется скотъ. Пошевни—санки, обдѣланныя лубьями или рогожею. Прокуратъ—насмѣшникъ, забавникъ. «Экой прокуратъ какой!..» Пургà—снѣжная метель. Пята—нижняя часть двери; нижняя часть воротъ. Раструсить—разбросать по мелкимъ частямъ. «Раструсить навозъ». Рушнѝкъ—полотенце. Рукотерникъ—тряпки для вытиранія рукъ. Садокъ—ящикъ съ дирами, который плаваетъ по водѣ и въ которомъ держится пойманная рыба. «Семишникъ», «семитка»—мѣдная монета въ 2 копѣйки. Сляшить, стибрить—украсть. Сбондить—тоже самое. Сумерничать—спать во время сумерекъ, пока не зажгутся огни. Сыромолотный—хлѣбъ, обмолоченный безъ предварительной сушки на овинѣ. Сѣра—древесная смола. Убродный снѣгъ—рыхлый, глубокій снѣгъ. Удушье—кашель. Умолотъ—количество зерна, намолачиваемое съ извѣстнаго количества грудъ или суслоновъ. Усолѣть—осолиться окончательно. Уторы—мѣсто соприкосновенія стѣнокъ кадочки съ ея дномъ. Хилый—слабый. Хайло—глотка. «Ты чего хайло то дерешь?» Хлипкій—нѣжный, чувствительный. Шалашъ—дѣлаютъ пастухи изъ прутьевъ, чтобы укрыться отъ дождя. Шаркунецъ—бубенчикъ. Шелòмя—верхняя часть соломенной крыши. Шепериться—топорщиться. Встрѣчаются при разговорѣ съ дѣтьми ласкательныя формы глаголовъ: «спатеньки»—спать, «питеньки»—пить и т. д. Какъ кличутъ и гоняютъ различныхъ животныхъ. Коровъ кличутъ: тпруко! тпруко! тпруко!.. Гоняютъ: ксы-ксы-ксы. Телятъ кличутъ: псе-псе-псе... псенюшка... Овецъ кличутъ; башъ, башъ, башъ!... Шишь шишь! шивара!... Свиней: рюхъ-рюхъ рюхъ!.. чушки-чушки! Курицъ: ципъ-ципъ-ципъ!.. Собакъ—призывая мызгаютъ. Утокъ: ути-ути-ути!.. Кошекъ—кисъ, кисъ... Гоняютъ—брысь. Голубей: гули-гули-гули!... Индюшекъ: пырь-пырь-пырь! Гусей: тига-тига-тига!... Всѣхъ птицъ гоняютъ: шш... шишь! кш... шишъ!. Лошадей кличутъ; псо-псо-псо! О беременности животныхъ говорятъ такъ: «обошлась» т. е. забеременѣла. Беременная корова—«стельная», лошадь—«жеребая», свинья—«сýпороса». Овца—«суягна», кошка и собака—«сукошна». О рожденіи животныхъ говорятъ: о коровѣ—«отелилась», о лошади—«ожеребилась», о свиньѣ—«опоросилась», о кошкѣ—«окотилась», о собакѣ—«ощенилась», объ овцѣ—«объягнилась».

Періодъ, въ который корова передъ отеломъ не доитъ, называется «мешмолоки». Корова тотчасъ отелившаяся называется «новотельною». Корова отелившаяся въ первый разъ—«нервотелокъ». Корова необходившаяся совсѣмъ—«яловою». Градаціи коровы по возрасту: теленокъ, на 2-й годъ поутёлокъ, и, затѣмъ тёлка, а потомъ уже корова. Быкъ «полуденникъ» называется бычекъ по второму году. «Порозъ»—быкъ не кастрированный. Градаціи лошади: «сосунъ», «стригунъ» и «учка» т. е. лошадь, которую уже начинаютъ пріучать къ работѣ.

Про курицу, когда она снесетъ первое яицо говорятъ: «обновилась». «Молодка» молодая курица. «Болтунъ»—яицо жировое безъ зародыша; изъ него цыплятъ не бываетъ. «Недоносокъ», «сносокъ»—яйцо безъ яичной скорлупы въ одной только пленкѣ. Крестьяне вѣрятъ, что курица носитъ такія яйца тогда, когда ушибется обо что нибудь.

«Двужелтяшное» яицо—яйцо съ двумя желтками. «Подкладень»—яйцо которое оставляется въ куриномъ гнѣздѣ для того, чтобы курицы не покидали его.

Клохта, клохтунья—насѣдка.

Сообщилъ *А. Баловъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Жреческая организація индогерманцевъ. (Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ).

I.

Извѣстный трудъ О. Шрадера: «Sprachvergleichung und Urgeschichte» (2 изд. 1890 г.) служитъ точкой отправленія въ новѣйшемъ изученіи индоевропейской (или индогерманской) культуры. Этимъ значеніемъ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что, не порвавъ въ методологическомъ отношеніи связей съ прежнимъ направленіемъ этой науки, онъ соединилъ весь матеріалъ, который современная лингвистика считаетъ возможнымъ относить къ древней стадіи развитія индогерманскихъ языковъ. Поэтому онъ могъ считаться показателемъ того уровня нашихъ знаній о культурѣ гипотетическаго индогерманскаго народа, какого достигла наша наука. Если теперь, т. е. лѣтъ черезъ 9—10 послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги Шрадера, мы въ значительной степени измѣнили наши воззрѣнія на индогерманскую древность, то въ основѣ такого измѣненія все-же лежатъ тѣ данныя, которыя заключаются въ обстоятельномъ трудѣ Шрадера. Какъ всякое крупное явленіе, этотъ послѣдній вызвалъ рядъ отзывовъ и возраженій, отмѣтившихъ его достоинства и недостатки. Подъ вліяніемъ его появились книги Рейнака («L'origine des Aryens». Paris. 1892) и Зейлера («Die Heimath der Indogermanen». Hamburg. 1894), представляющія рефератъ новѣйшей литературы вопроса; страстная полемическая выходка П. ф.-Брадке: «Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumswissenschaft», который уже и раньше выступалъ противъ Шрадера съ брошюрой: «Beiträge zur Kenntniss der vorhistorischen Entwickelung unseres Sprachstammes» (1888), брошюрой, въ которой среди общихъ мало подходящихъ къ дѣлу разсужденій встрѣчается нѣсколько остроумныхъ мыслей о той средѣ завоеванныхъ и низшихъ, среди которой совершалось воспитаніе молодыхъ арійцевъ. Хотя мы не можемъ, конечно, вмѣстѣ съ ф.-Брадке бросить въ лицо Шрадеру упрекъ въ «безнадежномъ отсутствіи ясности и проницательности мысли», тѣмъ не менѣе въ книгѣ Шрадера не мало и методологическихъ погрѣшностей, въ виду которыхъ всѣмъ спеціалистамъ стало особенно ясно, въ какомъ направленіи должно было двинуться послѣдующее изученіе индогерманской культуры. Прежде всего, Шрадеръ обращался довольно неосторожно съ лингвистическимъ матеріаломъ, заключая отъ существованія слова въ разныхъ индогерманскихъ языкахъ къ присутствію его въ общемъ индогерманскомъ словарѣ, хотя на самомъ дѣлѣ слово могло распространиться впослѣдствіи путемъ культурныхъ заимствованій; во-вторыхъ, въ матеріалѣ Шрадера было такъ много прорѣхъ, что самъ же онъ почувствовалъ необходимость для дополненія картины оставить въ сторонѣ лингвистику и прибѣгнуть къ даннымъ археологіи, отожествляя съ культурой индогерманцевъ культуру свайныхъ построекъ Швейцаріи. Никогда еще, кажется, изученіе индогерманской цивилизаціи не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ теперь, послѣ Шрадера: за него берутся не только спеціалисты-лингвисты (Кречмеръ, Гиртъ и др.), но и юристы (Лейстъ, Іерингъ), и археологи (Мухъ), и съ особеннымъ рвеніемъ антропологи, въ числѣ которыхъ къ Пенкѣ, продолжающему свои фантастическія изслѣдованія въ старомъ духѣ.

присоединились Аммонъ, Лапужъ и др., отстаивающіе права долихокефаловъ (=«арійцевъ») на первенство въ исторіи человѣчества *).

Въ одинъ годъ съ книгой Шрадера появилось прекрасное изслѣдованіе Дельбрюка: «Die indogermanischen Verwandschaftsnamen», въ которой былъ сдѣланъ, между прочимъ, слѣдующій важный выводъ: существованіе въ общеиндогерманскомъ словарѣ двухъ формъ: *pǒti (господинъ) и образованной отъ него *potni (госпожа) указываетъ, по словамъ Дельбрюка, на такое состояніе общества, при которомъ домомъ управляетъ не жена воображаемой эпохи патріархата, но мужчина, мужъ. Другой весьма интересный фактъ, открытый изслѣдованіемъ Дельбрюка, заключается въ обиліи общихъ названій для родни по мужу (свекръ и свекры, дѣверь, снъха, зълъва, ятры), почему можно думать, что женщина въ общеиндогерманскую эпоху входила въ домъ мужа, который не имѣлъ сношеній съ домомъ жены. Обратно, общимъ является, по мнѣнію Дельбрюка, только слово зять, хотя опредѣлить первоначальное значеніе этого имени изслѣдователь отказывается. Однако, въ скоромъ времени было указано еще другое слово того же рода: это инд. ведійское (Rg.-Veda I, 109) syālás (братъ жены), сопоставленное Гофманомъ (Bezzenberger's Beiträge. XXI), со слав. шуръ, шуринъ (инд. ā изъ au, какъ ās = уста), сопоставленіе, принятое Бругманомъ во второе изданіе его Grundriss'а.

Вопросъ, поднятый Дельбрюкомъ, настолько важенъ, что было необходимо выяснить съ методологической точки зрѣнія степень переживанія и условія новообразованія названій родни. Эту задачу взялъ на себя романистъ Э. Таппőлетъ, которому наука обязана очень интереснымъ изслѣдованіемъ: «Die romanischen Verwandschaftsnamen» (1895) Оказывается, что въ этой области языковой жизни господствуетъ большое оживленіе: на 16 словъ, унаслѣдованныхъ отъ почтенной старины, приходится больше 100 романскихъ новообразованій, при чемъ развитіе языка въ этой области такъ же капризно, какъ и вездѣ. Такъ напр., рядомъ съ вульгарно-латинскимъ mamma, давшимъ множество рефлексовъ, слово tata осталось совершенно безплоднымъ (стр. 35), да и вообще, по какому-то странному закону, «инціатива новообразованія возникаетъ почти всегда въ области названій мужской родни» (стр. 50).

Въ томъ же 1890 году, когда явились книги Шрадера и Дельбрюка, Фикъ подарилъ наукѣ новое, 4-е изданіе своего знаменитаго «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen», гдѣ словарю такъ наз. пра-языка (Grundsprache) посвящено болѣе полутораста страницъ. Изъ важныхъ культурныхъ словъ, которыхъ нѣтъ у Шрадера, здѣсь будетъ не лишнимъ упомянуть лат. erus, era (господинъ)= зенд. anhus, остроумное и многознаменательное сопоставленіе лат. cucurbita (дыня) съ санскр. carbhata (огурецъ), вед. haya съ армян. zi (конь) и т. д.

Въ настоящее время и словарь Фика уже устарѣлъ: для того, чтобы почерпнуть почти весь общеиндогерманскій словарь, надо обращаться и не къ Шрадеру, но ко второму изданію перваго тома Бругмановскаго: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen sprachen» (1897).

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ явленіяхъ науки, которыя остались внѣ сферы вліянія Шрадера. Теперь передъ нами нѣсколько трудовъ, которые такъ или иначе принимаютъ въ расчетъ взгляды этого ученаго и пытаются расширить или видоизмѣнить его выводы и методы.

Прежде всего слѣдуетъ назвать книгу М. Муха: «Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen» (1885), вышедшую вторымъ (значительно дополненнымъ) изданіемъ въ 1893 году. Въ методологическомъ отношеніи мы встрѣчаемъ здѣсь ту же вѣру въ достовѣрность и полноту лингвистическихъ данныхъ, что и у Шрадера; то же стремленіе связать выводы лингвистической археологіи съ результатами раскопокъ. Какъ не спеціалистъ въ этой послѣдней, крайне темной, области, я

*) Для оріентировки въ этихъ вопросахъ я позволю себѣ сослаться на свои же статьи: «Новыя изслѣдованія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899 г., № 2) и «Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ» (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1899 г., № 3 и 4).

могу сказать только съ большой осторожностью, что картина, нарисованная Мухомъ на основаніи доисторическихъ находокъ, представляется мнѣ заманчиво вѣрной; другой вопросъ, насколько она покрывается словарными данными. Дѣло въ томъ, что Мухъ пришелъ къ убѣжденію, что между эпохой шлифованнаго камня и бронзовымъ вѣкомъ лежитъ періодъ, характеризуемый предметами, одѣланными изъ одной мѣди безъ примѣси цинка или олова. Такіе предметы раскинуты по всей Австро-Венгріи, Нѣмецкой имперіи, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Ирландіи, Швеціи и Норвегіи и восточной Россіи; они найдены на греческихъ островахъ и на Кипрѣ, встрѣчались въ Троѣ и въ Палестинѣ; всего такихъ мѣстъ теперь найдено свыше 400, въ громадномъ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ мѣдными попадались каменныя или бронзовыя издѣлія, и, что весьма важно, мѣдныя вещи изготовлялись не только на украшенія, но и на всякую потребу: тутъ есть и скиптры, и топоры, и застежки, и мечи, и кольца, но въ основѣ мѣдной промышленности, повидимому, лежало изготовленіе плоскихъ топоровъ, кинжаловъ и шилъ. Первый является замѣстителемъ каменныхъ топоровъ и имѣетъ ту же форму, что и они; кинжалъ выдѣлывался по образцу призматическаго трехъ-или четырехъ-граннаго кремневаго ножа; вообще же надо сказать, что сходство мѣдныхъ вещей очень велико повсюду, на какомъ бы разстояніи одна отъ другой онѣ ни были найдены. Поэтому вся масса находокъ представляется автору книги однимъ большимъ цѣлымъ, общимъ признакомъ котораго служитъ плохая обработка поверхности предметовъ и отсутствіе украшеній, происходившее отъ того, что плохими каменными и костяными орудіями было невозможно орнаментировать твердый металлъ.

Обработка мѣди, продолжавшаяся долгое время и оставившая наиболѣе слѣдовъ въ Венгріи, окончилась съ переходомъ человѣчества къ бронзѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Муха (стр. 234), мѣдь при своемъ появленіи въ Европѣ стоитъ еще въ тѣснѣйшей связи съ каменнымъ вѣкомъ, встрѣчается нечасто и носитъ слѣды рѣдкаго и бережливаго употребленія. Вскорѣ послѣ того, какъ она начинаетъ попадаться въ большемъ обиліи, является на сцену уже и бронза, скудная въ процентномъ отношеніи олова къ мѣди, и въ издѣліяхъ съ простѣйшими формами; при этомъ еще не исчезаютъ совершенно и каменныя орудія: «ихъ сохраняютъ бѣдные люди или старая традиція». Наконецъ, и мѣди и бронзы становится настолько достаточно, что даже бѣднякъ можетъ не отказывать себѣ въ металлическихъ вещахъ, и эти два металла начинаютъ попадаться рядомъ, тогда какъ камень уже окончательно выходитъ изъ употребленія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣдь еще сохраняетъ не надолго перевѣсъ надъ бронзой. Эта эволюція совершилась во всей Европѣ, но особенно ярка она въ юго-восточной части Испаніи, изслѣдованной братьями Сиретъ (Siret).

Далѣе, Мухъ ставитъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ изготовлялась мѣдь первобытными обитателями Европы, и къ какому времени восходитъ начало этого кузнечнаго ремесла? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ положительнымъ заявленіемъ, что мѣдь при появленіи ея въ находкахъ уже плавили, а не обколачивали молотомъ, какъ это извѣстно въ американскихъ древностяхъ. Это доказывается неоспоримо тѣмъ фактомъ, что уже въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (напр., въ Робенгаузенѣ, Турги и мн. др.), гдѣ нѣтъ еще слѣдовъ знакомства съ металлами, найдены въ большомъ числѣ тигели и литейныя ложки (Gusslöffel); перечисленію этихъ находокъ посвящена 5-ая глава книги Муха. Вслѣдъ за тѣмъ изслѣдователь старается опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ Европы происходила добыча мѣди. Въ результатѣ этого изысканія получаются слѣдующія три положенія: (стр. 277). На Альпахъ въ Бишофсгофенѣ и Китубюгелѣ мѣдныя копи занимали значительныя пространства; подъ землей онѣ доступны до сихъ поръ; здѣсь же добытая руда подвергалась полной обработкѣ посредствомъ плавки; найденные на этихъ пространствахъ остатки сосудовъ принадлежатъ по своимъ свойствамъ еще цѣликомъ каменному вѣку и представляютъ полную аналогію предметамъ, сохранившимся въ свайныхъ постройкахъ Австріи и Швейцаріи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще тотъ весьма важный фактъ, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бишофсгофеномъ въ Готченбергѣ каменныя издѣлія приготовлялись для сбыта, а глиняныя вещи были того же рода, какія употреблялись съ одной стороны въ мѣдныхъ копяхъ, съ другой, въ свайныхъ постройкахъ того же каменнаго вѣка. Оставляя въ сторонѣ перечисленіе мѣдныхъ

копей, отысканныхъ доселѣ въ Средней Европѣ (стр. 282—283), я перейду прямо къ вопросу о происхожденіи мѣдной плавки, вопросу, который разрѣшается Мухомъ въ томъ смыслѣ, что начало этого искусства восходитъ къ Европѣ, гдѣ при рытьѣ мѣдныхъ копей, достигавшихъ значительныхъ размѣровъ (50 и 60 футовъ глубины), люди имѣли не мало случаевъ познакомиться съ плавкостью этого металла, хотя первоначально имѣли въ виду обдѣлывать его при помощи молотовъ. Такимъ образомъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, полная возможность (стр. 306) думать, что европейское населеніе неолитической эпохи дошло самостоятельно до открытія металла (мѣди). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что культура такъ называемый Kupferzeit совпадаетъ съ культурой каменнаго вѣка, а такъ какъ современные лингвисты рѣшительно переносятъ родину индогерманскаго племени въ Европу, то для Муха не представляетъ никакого затрудненія отождествить такъ называемую индогерманскую культуру съ цивилизацiей «мѣднаго вѣка» тѣмъ болѣе, что и въ опредѣленіи этой родины лингвисты сильно расходятся: одинъ переноситъ ее въ Скандинавію (Пенка), другой въ Германію (Л. Гейгеръ), а Шрадеръ помѣщаетъ ее поблизости отъ Швейцаріи, тогда какъ Томашекъ ищетъ родины индогерманцевъ на нижнемъ или среднемъ Дунаѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію книги Муха, я замѣчу, что и этотъ ученый отожествляетъ культуру съ расой и языковой группой, а потому я совсѣмъ не буду повторять его разсужденія о древнемъ орнаментѣ индогерманцевъ. Зато очень интересна и поучительна картина культуры свайныхъ построекъ, которую авторъ рисуетъ передъ нами въ 8-ой главѣ. Мы живо представляемъ промышленный и осѣдлый народъ, въ которомъ склонны вмѣстѣ съ авторомъ видѣть индогерманскія племена. Совсѣмъ другой вопросъ, слѣдуетъ-ли или, лучше сказать, стоитъ-ли отожествлять его съ еще нераздѣльнымъ индогерманскимъ племенемъ. Самое положеніе, съ котораго начинается 9-я глава, посвященная «провѣркѣ археологическихъ фактовъ по даннымъ сравнительнаго языкознанія», представляется мнѣ очень фальшивымъ. Оно гласитъ слѣдующимъ образомъ (стр. 348): «если выводы, сдѣланные на основаніи археологическаго матеріала (т. е. утвержденіе, что среднеевропейское населеніе неолитической эпохи узнало мѣдь и, кромѣ нея, знало хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, золото) справедливы, то подтвержденіе ихъ должно оказаться въ культурномъ состояніи и бытѣ арійцевъ, составлявшихъ еще о д и н ъ народъ и говорившихъ о д н и м ъ языкомъ». Точно эти два единства совпадаютъ, и точно раздробленіе народа всегда равносильно видоизмѣненію культуры!

Такимъ образомъ передъ нами провѣрка археологіи со стороны лингвистики. Представителемъ этой послѣдней для Муха служитъ Шрадеръ, который видитъ въ лат. a e s=гот. a i z=скрт. á y a s мѣдь и предполагаетъ, что только этотъ металлъ и былъ знакомъ индогерманцамъ. Рядомъ съ этимъ словомъ является другое древнее названіе металла: скрт. h i r a n y a=слав. з л а т о, которое Мухъ не рѣшается относить къ обще-индогерманской эпохѣ. Зато онъ рѣшительно отрицаетъ знакомство этой эпохи съ серебромъ, хотя общее названіе его (скрт. r a j a t â и т. д.) распространено по всему югу «арійскаго» міра. Аргументъ археолога въ этомъ случаѣ довольно произволенъ. «Если обратить вниманіе на то», говоритъ онъ (стр. 358): «что именно въ Индіи (Gungeria) и въ Испаніи серебро встрѣчается рядомъ съ мѣдными топорами, т. е. восходитъ къ праарійскому времени, то это предположеніе (о существованіи его въ обще-индогерманскую эпоху) получаетъ и археологическую основу; но было бы черезъ-чуръ рисковано ставить находки въ Gungeria въ связь съ индійцами, а находки испанскія съ арійцами». Такимъ образомъ вся теорія Муха, поскольку она касается данныхъ лингвистики, для нея въ сущности совсѣмъ не нужныхъ, основывается на предположеніи, что a e s означало мѣдь; но это-то и спорно. По крайней мѣрѣ, нѣмецкій археологъ Гостманъ (Ch. Hostman. Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie. 1890) съ жаромъ доказываетъ, что санскр. a y a s означаетъ не мѣдь, а желѣзо, безъ котораго, напримѣръ, немыслимо устроить такую повозку, существованіе которой приписывается индогерманской культурѣ. Онъ думаетъ, что первый металлъ, который знали наши предки, былъ желѣзо, а не мѣдь и не бронза. Мнѣ кажется, что прибѣгать къ лингвистическому матеріалу въ данномъ случаѣ совершенно безполезно: та интересная картина культуры, которую намъ далъ Мухъ въ своей книгѣ,

должна пояснять и наши воззрѣнія на древній бытъ индогерманцевъ, такъ какъ при однообразіи этой картины во всей Европѣ временъ свайныхъ построекъ мы не можемъ не думать, чтобы участниками ея не были и древнія индогерманскія племена, разъ доказано съ большей или меньшей вѣроятностью, что родину этихъ племенъ слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ Европѣ.

Такимъ образомъ уже Мухъ, въ сущности, порываетъ съ лингвистикой при изслѣдованіи древнѣйшей индогерманской культуры, и это отношеніе къ даннымъ языкознанія начинаетъ пріобрѣтать все больше и больше права гражданства въ современной наукѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этого направленія, я остановлюсь еще на одной книгѣ, гдѣ произведена новая попытка оцѣнить словарный матеріалъ и примѣнить къ нему иныя, болѣе строгія, требованія. Эта книга замѣчательный трудъ П. Кречмера: «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» (1896). Авторъ ея ставитъ своей задачей опредѣлить мѣсто греческаго языка въ семьѣ индогерманскихъ языковъ, указать его предковъ и сосѣдей. Поэтому онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ вопроса объ индогерманскомъ языкѣ, о прародинѣ гипотетическаго обладателя этого языка и объ относительной древности его пребыванія въ Европѣ. Далѣе Кречмеръ переходитъ къ опредѣленію первоначальныхъ, доисторическихъ сосѣдей грековъ, отъ нихъ—къ народностямъ, сосѣдившимъ съ этими послѣдними уже въ историческую эпоху, т. е. къ ѳракійцамъ и иллирійцамъ. Наконецъ, авторъ подробно останавливается на выясненіи до-эллинскаго населенія Греціи, остатки котораго онъ находитъ въ малоазіатскихъ неиндогерманскихъ народахъ, языки которыхъ характеризуются смѣной nt въ nd. Содержаніе этой интересной книги заканчивается на образованіи греческаго языка, какъ отдѣльной единицы. Я коснусь ее лишь постольку, поскольку Кречмеръ касается культуры индогерманцевъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ относится съ большимъ скептицизмомъ не только къ возможности возстановлять характеръ индогерманскихъ звуковъ (въ родѣ сонантовъ, качества долгаго *e* и т. д.), но и къ достовѣрности лингвистическихъ выводовъ о культурѣ этого народа. Свои взгляды онъ высказываетъ въ слѣдующемъ положеніи (стр. 65): «никоимъ образомъ нельзя оспаривать, что распространеніе индогерманцевъ основано на расхожденіи ихъ изъ одного центра, собственной пра-родины, равнымъ образомъ невозможно отрицать существованіе пра-народа, но все это теряется въ глубинѣ вѣковъ и недоступно изученію». Дѣло въ томъ, что, какъ бы далеко мы ни углублялись въ рядъ вѣковъ, повсюду мы встрѣчаемся со словами, которыя распространялись путемъ заимствованія отъ одного народа къ другому, отъ одного человѣка къ другому. Процессъ созданія новыхъ словъ и звуковыхъ измѣненій идетъ безостановочно, но такъ же непрерывно совершается и распространеніе ихъ, а потому говорить о единомъ «пра-народѣ», не знавшемъ діалектическихъ подраздѣленій, абсолютно невѣрно. Если мы встрѣчаемъ одно и то же слово во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ (что̀ бываетъ крайне рѣдко), то и отсюда мы можемъ заключить вовсе не то, что это слово принадлежало уже «пра-языку», а лишь то, что оно вышло изъ одного центра и распространилось путемъ перехода отъ одного народа къ другому еще въ ту эпоху, когда эти послѣдніе были близкими сосѣдями между собой. Вотъ почему Кречмеръ со своей точки зрѣнія правъ, утверждая (стр. 97), что, «если подъ родственной системой нѣсколькихъ языковъ понимать сумму ихъ древнѣйшихъ культурныхъ сношеній, то вопросъ о родствѣ ихъ нельзя разрѣшить при помощи какой-нибудь одной теоріи: отвѣтомъ на него должна служить вся древнѣйшая исторія этихъ языковъ». При этомъ Кречмеръ (стр. 413) отмѣчаетъ слѣдующее заблужденіе, въ которое впадаютъ изслѣдователи этого пра-языка: они признаютъ словарныя совпаденія за древній элементъ языка, тѣ же слова, которыя извѣстны лишь въ одномъ—двухъ языкахъ, склонны считать новыми. Но вѣдь при допущеніи діалектическаго развитія пра-языка не мало старыхъ элементовъ должно было сойти со сцены, вслѣдствіе чего кое что не совпадающее можетъ относиться къ древнѣйшимъ временамъ языка: въ исторіи языковъ постоянно дѣйствуютъ два принципа, центробѣжный и центростремительный. Въ зависимости отъ того, который изъ нихъ одерживаетъ верхъ, изъ языка выдѣляются діалекты или же, наоборотъ, различные діалекты сливаются въ одно языковое цѣлое; въ результатѣ послѣдняго процесса явились языковыя и культурныя группы кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. Ассимили-

рующій принципъ создалъ въ извѣстной группѣ племенъ сходство языковъ, обычаевъ, вѣрованій и матеріальной культуры; это все болѣе обособляло эту группу отъ сосѣднихъ. Напротивъ, въ образованіи греческой, италійской и арійской націй Кречмеръ (стр. 413—414) склоненъ видѣть дѣйствіе географической изоляціи (географич. обособленія).

Итакъ, необходимо предположить существованіе «пра-народа», но невозможно (по даннымъ лексикальнымъ) говорить объ его культурѣ. Исторія должна начинать не съ него, а съ совмѣстной жизни цѣлой группы индогерманскихъ народовъ. «Любопытно», замѣчаетъ Кречмеръ (стр. 64): «что въ поискахъ за какимъ-нибудь уголкомъ Азіи или Европы, который могъ бы годиться въ смыслѣ пра-родины индогерманцевъ, совершенно проглядѣли тотъ фактъ, что лексикальныя отношенія индогерманскихъ народовъ, въ сущности, лучше всего подходятъ къ тѣмъ самымъ мѣстностямъ, какія они занимаютъ въ историческое время, такъ что нѣтъ ни малѣйшей необходимости предполагать очень значительную перемѣну ихъ мѣстожительствъ. Это особенно ясно въ названіяхъ животныхъ и растеній». На основаніи этого заключенія Кречмеръ высказываетъ мнѣніе, что семья индогерманскихъ народовъ въ началѣ своей исторіи занимала степныя пространства, которыя тянутся отъ Франціи черезъ всю Среднюю Европу и Киргизскія степи и Азіи до самаго Ирана *) (стр. 60). Тѣ возраженія, какія можетъ представить антропологія со своимъ измѣреніемъ череповъ и археологія со своей теоріей перерыва между палео- и неолитической культурами (послѣднюю Шрадеръ, какъ извѣстно, приписываетъ индогерманцамъ), — эти возраженія Кречмеръ отклоняетъ указаніемъ на полную недостовѣрность выводовъ изъ данныхъ краніометріи, признанную теперь самими антропологами, и на отсутствіе археологическаго перерыва, подтверждающееся новыми находками. Въ виду всего этого онъ предполагаетъ, что индогерманцы искони вѣковъ жили въ указанныхъ имъ границахъ, тѣмъ болѣе, что и въ историческое время перерыва между иранцами и западными индогерманскими народами еще не было: онъ былъ заполненъ скиѳами.

Какъ же вышеприведенныя умозаключенія подтверждаются языковыми данными? Для примѣра возьмемъ слово с о л ь, которое занимаетъ мѣсто въ словаряхъ всѣхъ западныхъ индогерманцевъ, но отсутствуетъ въ языкахъ восточныхъ; тѣмъ не менѣе, и эти послѣдніе не могли не знать соли, которая покрывала почву ихъ степей. По теоріи Кречмера, этотъ фактъ объясняется очень просто: западные народы получали соль изъ одного общаго источника, тогда какъ восточнымъ не для чего было привозить ее съ запада: у нихъ и на родинѣ соли было не мало; поэтому и названіе соли оказалось разнымъ у разныхъ народовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ взглядѣ не можетъ быть и рѣчи объ одномъ пранародѣ, который выдѣлилъ изъ себя нѣсколько племенъ, унаслѣдовавшихъ и развившихъ его культуру. Оперируя на данныхъ лингвистики, къ другому выводу нельзя было и придти, и потому позиція, занятая Кречмеромъ, мнѣ представляется вполнѣ возможной. Одно только возбуждаетъ мое недоумѣніе: можетъ-ли такой богатый и уже упорядоченный языкъ, какимъ оказывается общеиндогерманскій, принадлежать народу, о культурѣ котораго намъ нечего сказать. Напротивъ, мнѣ кажется, мы можемъ смѣло утверждать, что этотъ народъ стоитъ уже настолько высоко въ культурномъ отношеніи, что среди него есть люди, на попеченіи которыхъ лежитъ систематизація языка, т. е. жрецы, слагающіе гимны и ритуалъ. На основаніи этого взгляда, высказаннаго въ недавнее время М. Бреалемъ (въ книгѣ «Essais de Sémantique»), я склоненъ видѣть въ индогерманскихъ племенахъ потомковъ одного культурнаго племени, а въ ихъ культурѣ искать продолженіе и развитіе тѣхъ принциповъ, на которыхъ создавалась уже цивилизація пранарода. При тожествѣ культурныхъ принциповъ трудно видѣть одно заимствованіе, хотя это положеніе не надо понимать слишкомъ узко въ томъ смыслѣ, что и антропо-

*) Здѣсь же распространена особая форма пользованія рогатымъ скотомъ въ смыслѣ денежной единицы, на которую въ послѣднее время съ особенной силой указалъ Ridgeway въ книгѣ The origin of Metallic currency and weight standards. Cambridge. 1892. Дѣйствительно, на всемъ этомъ пространствѣ одна культура (см. книгу Муха); здѣсь же проходила уже въ неолитическую эпоху древнѣйшая торговая дорога (см. Ridgeway, стр. 105, 111).

логически всѣ индогерманскіе народы потомки одного предка. Здѣсь рѣчь идетъ только о языкѣ и культурѣ, принципы которыхъ являются наслѣдіемъ общаго (по культурѣ) предка. Несомнѣнно, и въ словарѣ сохранилось много стараго; но дать на основаніи его полную и вѣрную картину культуры этого пра-народа невозможно такъ же, какъ на основаніи романскихъ языковъ нельзя было бы возсоздать бытъ римскаго народа во всѣхъ его частностяхъ. У насъ есть другой матеріалъ для этой цѣли. На первомъ мѣстѣ ради удобства я поставлю матеріалъ историко-ботаническій и зоологическій, на второмъ юридическій. Первымъ я старался воспользоваться въ своей вышеназванной статьѣ, гдѣ ставилъ уровень матеріальной культуры пра-народа очень высоко. Къ тому же выводу приходитъ и нѣмецкій ученый Г. Гиртъ (Hirt), которому принадлежитъ рядъ статей о родинѣ и культурѣ индогерманцевъ, напечатанныхъ частью въ журналахъ: «Indogermanische Forschungen» (т. I и V) и «Geographische Zeitschrift» (т. I и IV), частью въ другихъ изданіяхъ. Гиртъ, какъ Кречмеръ и отчасти Брадке, является продолжателемъ метода Гена, который въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «О культурныхъ растеніяхъ и домашнихъ животныхъ въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу» (послѣднее изданіе 1894 года приготовлено Шрадеромъ, внесшимъ много новаго лингвистическаго матеріала) возсоздаетъ картину древней европейской культуры на основаніи исторіи растеній и животныхъ. Правда Генъ стоитъ на шаткой почвѣ излишняго довѣрія къ словарнымъ совпаденіямъ; правда, со времени его книги и по доисторической ботаникѣ (о ней см. книгу Бушана) и по доисторической фаунѣ (о ней книги Гана, Отто и др.) открыто много новаго;—тѣмъ не менѣе, поскольку методъ Гена состоитъ въ изученіи культуры по положительнымъ фактамъ исторіи флоры и фауны, а не по лингвистическимъ даннымъ, онъ оказывается въ высшей степени плодотворнымъ и точнымъ. И интересно отмѣтить, что Германъ Гиртъ въ послѣдней изъ (извѣстныхъ мнѣ) статей возсоздаетъ эту культуру почти совершенно независимо отъ словарныхъ данныхъ. Вопреки Шрадеру, приписывающему своимъ индогерманцамъ бытъ скотоводческій, онъ (въ V томѣ «Indog. Forsch») говоритъ объ ихъ земледѣліи, а теперь (въ 1898 г. въ IV т. «Geograph. Zeitschrift») перечисляетъ даже тѣ культурныя растенія, которыя они должны были знать. Работы Гирта по вопросу о родинѣ индогерманцевъ мнѣ представляются чрезвычайно тенденціозными и, поскольку рѣчь идетъ объ этимологическихъ выкладкахъ, малонадежными, но статьи объ ихъ культурѣ мнѣ очень нравятся. По мнѣнію Гирта, индогерманцы были земледѣльцами, знали собаку, овцу, рогатый скотъ, а, можетъ быть, и козу, свинью и лошадь, а изъ культурныхъ растеній жолудь, который шелъ, вѣроятно, въ пищу, ячмень и нѣкоторыя плодовыя деревья. Объясняя развитіе индогерманской культуры подчиненіемъ ея вавилонскому вліянію, Гиртъ находится подъ впечатлѣніемъ книги Іеринга: «Vorgeschichte des Indoeuropäer» (Leipzig. 1894). Эта послѣдняя принадлежитъ перу автора «Духа римскаго права», который далеко не былъ спеціалистомъ въ интересующей насъ области; поэтому, его книга носитъ духъ диллетантизма въ самой сильной степени. Она вся построена на предположеніи, что культура индогерманцевъ была исключительно деревянная, чуждая каменныхъ построекъ, тогда какъ выдѣлка кирпича, субститута камня тамъ, гдѣ его нѣтъ, предполагаетъ культуру высшую; родина этой послѣдней лежитъ въ Вавилоніи, откуда ведутъ свое происхожденіе постройка крупныхъ зданій, кораблестроеніе, времясчисленіе, дѣленіе дней на праздничные и будничные и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣчество обязано очень многимъ досемитической культурѣ Вавилоніи, но утверждать это голословно по отношенію ко всѣмъ культурнымъ завоеваніямъ мы не имѣемъ никакого права. Подобно нравственной философіи Ницше, историческая теорія Іеринга интересна, какъ попытка изложить развитіе души (у Ницше) и культуры (у Іеринга) съ двухъ рѣзко разграниченныхъ точекъ зрѣнія: только инстинктъ господства или инстинктъ смиренія у перваго, только камень или дерево у втораго; внѣ времени и пространства, въ какой-нибудь странѣ Утопіи оба ученые совершенно правы, но горе въ томъ, что на землѣ абсолютныхъ границъ нѣтъ, и потому индогерманцы не должны были тщательно оберегаться отъ самостоятельнаго ознакомленія съ каменными постройками и т. д., а Вавилонянамъ нечего было брать на себя роль культуръ-трегеровъ индогерманцевъ и въ этомъ отношеніи; тѣмъ болѣе, что въ языкѣ послѣднихъ нѣтъ несомнѣнныхъ семитическихъ заимствованій, хотя съ предвзятой цѣлью

ихъ не разъ отыскивали и, конечно, находили (Іог. Шмидтъ, Гаммель, у Іеринга стр. 232). Такимъ образомъ, у Іеринга культура Вавилонянъ вышла черезчуръ высокой (уже въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. они знали мореплаваніе и доплывали до Индіи), а культура индогерманцевъ слишкомъ низкой. Совершенно смѣшавъ послѣднихъ съ индійцами, онъ смѣлой рукой рисуетъ намъ черты ихъ національнаго характера, и путемъ цѣлаго рода ложныхъ построеній *) приходитъ къ слѣдующей картинѣ индогерманскаго быта (стр. 103). Это былъ пастушескій народъ, крайне отсталый въ области внѣшней культуры. Онъ не зналъ ни земледѣлія, ни обработки металловъ; у него не было желѣзныхъ орудій или оружія, а были только каменные топоры и деревянные копья; металлическихъ денегъ у него также не было, а ихъ мѣсто заступалъ рогатый скотъ. Употребленіе камня для построекъ было ему чуждо; онъ не вѣдалъ каменныхъ домовъ, а зналъ только хижины изъ дерева, прутьевъ и соломы; онъ жилъ не въ городахъ, а въ деревняхъ съ отдѣльными домами. Не зналъ онъ и торговли съ чужеземными народами, чьи продукты онъ могъ получать въ обмѣнъ, то, а что онъ производилъ самъ, не выходило изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Его право не вышло изъ зародыша (über die dürftigsten Ansätze), даже самое слово п р а в о въ отличіе отъ обычаевъ было ему неизвѣстно. И для того, чтобы достигнуть этого низкаго уровня культуры, ему потребовалось десять тысячелѣтій,—когда на это было бы совершенно достаточно и одного,—девять тысячелѣтій прошло въ полной культурной неподвижности.

Цивилизаторами явились финикійцы, усвоившіе себѣ культуру у Вавилонянъ и перенесшіе ее къ грекамъ и римлянамъ.

II.

Итакъ, все сдѣланное до сихъ поръ очень мало выяснило культуру того народа потомками котораго въ отношеніи языка и цивилизаціи явились такъ называемые индогерманскіе народы. Эти изслѣдованія нарисовали намъ картину жизни Европы въ древнія времена, но не научили насъ распоряжаться съ данными лингвистики и не показали намъ, какое мѣсто въ доисторической жизни Европы занимаютъ индогерманцы. Область, которую они пытались освѣтить, осталась въ сущности такою же темной, какой была и раньше. Единственнымъ ученымъ, которому удалось пролить на нее нѣкоторый свѣтъ, оказывается, по моему мнѣнію, Іенскій профессоръ В. Лейстъ, авторъ трехъ огромныхъ томовъ: «Alt-Arisches Jus Gentium» (1889) и «Alt-Arisches Jus Civile» (1892—1896, 2 тома). Успѣхъ, которымъ, по моему убѣжденію, увѣнчалась его попытка, зависѣлъ не столько отъ эрудиціи и остроумія автора, сколько отъ правильности пути, по которому онъ пошелъ, и который одинъ только, пожалуй, и могъ привести къ надежнымъ результатамъ. Сличеніе различныхъ «арійскихъ» (какъ называетъ индогерманцевъ Лейстъ) институцій должно привести къ раскрытію древнѣйшей организаціи той среды, которая ихъ породила. Это не случайное или очевидно заимствованное совпаденіе миѳологическихъ или quasi — миѳологическихъ воззрѣній, на которыхъ строили гордое зданіе индогерманской миѳологіи В. Шварцъ, Г. Мейеръ и др.; но совпаденіе такихъ институцій, которыя лежатъ въ основѣ жизни и эволюціи всѣхъ правовыхъ системъ Греціи, Рима и др. Даже Іерингъ при всемъ поверхностномъ отношеніи къ своей задачѣ не могъ не замѣтить нѣсколькихъ замѣчательныхъ совпаденій между римскимъ и индійскимъ правомъ: позорный столбъ для должниковъ, битье этихъ послѣднихъ палками и т. д. Однако эти совпаденія не помѣшали ему заявить (стр. 87), что у гипотетическаго пра-народа не было еще никакого права, что это былъ, однимъ словомъ, народъ «безъ всякой практической жилки», діаметральная противоположность римлянамъ.

---

*) Можно было бы привести множество образчиковъ ихъ; я этого не дѣлаю въ виду общаго характера моей статьи, но вотъ одинъ примѣръ: (стр. 48) германцы не знали п р и д а н а г о. Die Germanen, welche am längsten von allen Indoeuropäern in der zweiten Heimat verweilten, haben die Einrichtung des unterjochten Volkes angenommen». Укажу страницы съ такими же построеніями: стр. 21, 23, 26—27, 54, 58, 81. 119 и т. д.

Лейстъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Прежде всего онъ устанавливаетъ рѣзкое различие между схемами, въ которыя складываются права народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры, складываются независимо и подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого уровня, и между институціями, сущность которыхъ Лейстъ формулируетъ такъ (I. Civ. I, 7): «подъ институціями я разумѣю акты (Akte) и отношенія, которыя передаются народомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію съ извѣстной постоянной властью (mit gewisser fester Wirkung)». Эти институціи могутъ быть религіозными, могутъ быть просто обычаями, наконецъ, могутъ быть правовыми, и при томъ правовыми не только въ значеніи ius civile, но и въ смыслѣ thémis-fas.

Первое и, какъ мнѣ кажется, лучшее изъ сочиненій Лейста въ разсматриваемой нами сферѣ посвящено этому послѣднему праву. Въ основѣ развитія греческаго и римскаго Jus civile лежитъ право такъ сказать обрядовое, религіозное, жизнь, подчиненная требованіямъ, предъявленнымъ людямъ самимъ Богомъ; это индійское dharma, греческое thémis и лат. fas. «Соціальный строй, покоившійся на извѣстныхъ, самой природой установленныхъ элементахъ ratio», говоритъ Лейстъ (ibd. 17), принялъ духовную оболочку (ein geistliches Gewand) уже у предковъ грековъ и римлянъ. Онъ считался (подъ именемъ θέμις или fas) за установленіе боговъ, сообщенное людямъ черезъ посредство жрецовъ толкователей. Это Jus divinum, при всемъ разнообразіи его развитія у различныхъ племенъ, считалось общимъ достояніемъ gentes, которыя видѣли источникъ права въ охраняющемъ и карающемъ богѣ отцѣ Завсѣ. Подобное Jus gentium ничего не теряло въ своемъ значеніи и при существованіи частной законодательной власти (складывались-ли ея постановленія въ государственное обычное право или въ законъ). Старое Jus gentium стояло слишкомъ высоко для того, чтобы отойти на заднiй планъ передъ авторитетами маленькаго частнаго государства. Но оно состояло изъ немногихъ общихъ и неясно выраженныхъ положеній, и чувствовалась потребность дать ясныя опредѣленія все возраставшему числу отдѣльныхъ пунктовъ и примѣнять кары, налагаемыя управляющими и судящими государственными властями ради сохраненія порядка въ общинѣ. Таково положеніе вещей, которое надо имѣть въ виду, чтобы встать на правильную точку зрѣнія при выясненіи древнихъ основныхъ элементовъ греко-италійскаго права».

Изложенію древнѣйшаго божественнаго права посвящено «Alt-Arisches Jus Gentium». Вся жизнь древнихъ арійцевъ (пользуюсь здѣсь этимъ терминомъ ради краткости) зиждилась на сохраненіи домашняго очага, на культѣ предковъ, ради котораго высшей цѣлью семьи признавалось продолженіе рода. Вслѣдствіе этого арійскій бракъ былъ учрежденіемъ священнымъ: мужъ и жена представлялись совмѣстно жрецами домашняго храма, посвященнаго душамъ умершихъ предковъ; это было divini et humani Juris communicatio; только законная жена имѣла право на совершеніе наравнѣ съ мужемъ домашнихъ обрядовъ, и потому брачная церемонія сопровождалась торжественными обрядами. Зажигая огонь на своемъ домашнемъ очагѣ, новобрачный становился законнымъ продолжателемъ рода, въ сохраненіи котораго такъ же, какъ въ жертвахъ предкамъ, состояли его главныя обязанности (ср. «La cité antique» Фюстель де Куланжа).

Despótes ведетъ домашнее хозяйство; это oikónomos. Въ то время, какъ въ древнѣйшую эпоху у древнихъ индійцевъ поселеніе отдѣльной родственной группы въ какой-нибудь grama было еще, кажется, очень свободно и совершалось на мѣстахъ, которыя легко покидались и легко избирались, въ то же время племена, прибывшія въ Грецію и Италію, явились сюда съ опредѣленной земельной организаціей. Отдѣльнымъ лицамъ была роздана по единому плану земля, и при этомъ не разъ случалось такъ, что часть земли, предназначавшаяся для обзаведенія собственнымъ домомъ, лежала въ центрѣ поселка, другая же находилась внѣ его, при чемъ и здѣсь для веденія хозяйства были необходимы жилыя постройки» (I. Gent. 89).

Цѣлью жизни арійца было безсмертіе, но, по заявленію браминовъ, подъ которымъ подписались бы и грекоиталійскіе жрецы: «ты возродишься въ своемъ потомствѣ; вотъ, смертный, твое безсмертіе». «Да и на глазъ замѣтно», продолжаетъ та же книга (афоризмы Апастамбы): «что сынъ воспроизводитъ своего отца; вѣдь сходство ихъ оче-

видно, и только тѣла у нихъ разныя. Тѣ сыновья, которые живутъ, умножаютъ, совершая обряды, изученные по ведамъ, славу и небесное блаженство своихъ почившихъ предковъ. Такимъ способомъ каждое послѣдующее поколѣніе умножаетъ славу и блаженство предковъ». Но можетъ случиться, что боги не наградили бракъ сыновьями или даже вовсе не дали ему дѣтей. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Для этого есть нѣсколько выходовъ: или усыновленіе, или продолженіе рода черезъ дочь, когда таковая есть на лицо, или соединеніе жены съ другимъ мужчиной, если отъ мужа у нея нѣтъ сына. Въ первомъ случаѣ сына даютъ отецъ и мать, почему усыновленный называется даннымъ (инд. datta, лат. datus) или, если родители покинули его, самоданнымъ (инд. svayamdatta, лат. a se ipso datus). То учрежденіе, по которому жена бездѣтнаго мужа должна сойтись съ другимъ мужчиной, основывается на убѣжденіи, что въ бракѣ жена становится собственностью не одного своего мужа, но всего рода; поэтому обязанность продолженія этого послѣдняго возлагается прежде всего на брата мужа. Продолженіе рода черезъ дочь, хорошо извѣстное въ древнеиндійскомъ и греческомъ правѣ и сохранившееся въ римскихъ легендарныхъ воспоминаніяхъ, является, по мнѣнію Лейста (Jus Gent. 108), однимъ изъ поразительныхъ явленій арійской родовой организаціи. По толкованіямъ браминовъ, отецъ, не имѣющій сыновей, можетъ сосватать свою дочь и, принесши жертвы Агни (т. е. богу домашняго очага) и Праджапати (богу произрастанія), обратиться къ жениху со словами: «пусть ради меня будетъ твое мужское потомство». Сынъ, родившійся отъ такого брака, считался не внукомъ, но сыномъ своего дѣда, прямымъ продолжателемъ его рода.

На основаніи этого развитія родовой организаціи арійцевъ нельзя сомнѣваться, что римская формула pater est quem nuptiae demonstrant восходитъ уже къ индогерманской эпохѣ, такъ какъ въ основѣ всего ея быта лежитъ бракъ, совершавшійся съ церемоніями такого же исконнаго происхожденія. Сидѣніе на шкурѣ, соединеніе aquae et ignis, произношеніе формулъ (quando tu Gaius, ego Gaia): все это ведетъ свое происхожденіе отъ того времени, когда арійскій народъ составлялъ еще одно цѣлое, цѣлое культурное. Завѣдываніе домомъ возлагало на домохозяина, старшаго въ семьѣ, цѣлый рядъ религіозно-нравственныхъ обязанностей, какъ исполненіе культовыхъ обрядовъ, такъ и сохраненіе заповѣдей, изложенныхъ въ краткой формѣ сжатыхъ требованій. Эти заповѣди, по мнѣнію Лейста, распадаются на двѣ группы: къ первой относятся слѣдующія четыре заповѣди, восходившія къ временамъ еще до арійскимъ (urarisch): чти боговъ, почитай родителей, почитай отчизну, почитай гостя; вторая группа охватываетъ требованія, которыя приписываются миѳическому основателю человѣческихъ законовъ, Ману, и изложены не въ положительной, но въ отрицательной формѣ: держись въ чистотѣ, не распускай чувствъ, не убивай, не кради, не лги. Лейстъ думаетъ, что вторая группа происхожденія болѣе поздняго, хотя нѣтъ сомнѣнія, что обѣ онѣ относятся ко временамъ общеиндогерманскимъ. Первая группа заповѣдей требуетъ почтенія къ богамъ, къ родителямъ (т. е. духамъ отца, дѣда и прадѣда) и болѣе древнимъ родственникамъ по прямой линіи, изъ чего развилось представленіе объ отчизнѣ, наконецъ ко всѣмъ нуждающимся въ защитѣ и помощи.

Такимъ образомъ домашній очагъ былъ окруженъ массой религіозныхъ (sacralrechtlich) институцій. Здѣсь уже успѣлъ развиться строгій распорядокъ стола (Speiseordnung), въ основѣ котораго лежала та мысль, что домохозяинъ обязанъ добывать пищу для всѣхъ своихъ, а хозяйка должна ее приготовлять. Право на полученіе пищи принадлежитъ всѣмъ членамъ семьи. Брачный союзъ хозяина и его жены представляется не ихъ личными отношеніями, но только средствомъ и предположеніемъ для сохраненія дома. Поэтому in domum deductio является настоящимъ исходнымъ пунктомъ семейной жизни, которому предшествуютъ, особенно въ бракѣ куплей (отъ котораго у арійцевъ сохранились только символы), двѣ подготовительныя ступени, заключеніе брака и вступленіе въ бракъ. Домъ въ полномъ смыслѣ этого слова переходитъ только къ сыновьямъ, и только эти послѣдніе могутъ быть наслѣдниками, между которыми дѣлится имущество отца; женщины сначала не имѣютъ выдѣленной собственности. У арійскихъ народовъ былъ въ большомъ ходу тотъ способъ возстановить угасающій родъ, о которомъ мы говорили выше, и который заключался въ признаніи сына дочери за собствен-

наго сына. Всѣ принадлежащіе къ семьѣ составляютъ общину (койнонію) съ опредѣленными религіозными обязанностями. Для обезпеченія ей расположенія боговъ и душъ предковъ учрежденъ домашній культъ, въ которомъ собственными жрецами служатъ домохозяинъ и его жена, и изъ котораго впослѣдствіи развился болѣе тѣсный кругъ родни ближней, въ отличіе отъ дальней.

Рядомъ съ домашней общиной стоитъ широкій кругъ всей родни, которая выдѣлялась мало по малу изъ одного дома; это братство, которое заключаетъ въ себѣ спеціально арійскіе зачатки общественнаго строя, начинаетъ складываться въ монархическую форму быта и сохраняетъ право и обязанность кровавой мести. Далѣе, къ роду примыкаетъ племя: это древне-арійскій военный строй, военная организація родственныхъ братствъ. Племя тоже принимаетъ монархическую форму, и племенные pati (phylobasileis), власть которыхъ представляетъ подражаніе власти домохозяина, ложатся въ основаніе арійскаго царскаго достоинства. Далѣе этого арійская государственная организація не пошла. За предѣлами племени арійцы знаютъ сначала только слабыя, произвольныя, международныя сношенія (Leist. Altarisches Jus civile. II, 379—380).

Таковы тѣ результаты, къ которымъ пришелъ Лейстъ послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій. Картина, которую я начертилъ здѣсь въ самыхъ грубыхъ общихъ чертахъ, разработана имъ до мелочей, и мы не можемъ сомнѣваться, что большинство тѣхъ учрежденій, которыя онъ относитъ къ общеиндогерманской эпохѣ, дѣйствительно, къ ней и относятся. Отсылая читателей за подробностями къ подлиннику, я коснусь здѣсь только такихъ частностей, которыя показываютъ, что по учрежденіямъ индогерманцевъ прошла не разъ и не два чья-то опытная рука. Кому принадлежитъ эта рука, мы увидимъ ниже. Похоронный и свадебный ритуалъ древнихъ индійцевъ разработанъ до мелочей и представляетъ много совпаденій съ ритуалами древнихъ народовъ, такихъ совпаденій, которыя не могутъ быть случайными и настолько сложны, что должны были имѣть не народное, а индивидуальное происхожденіе. Изъ этихъ совпаденій отмѣчу нѣкоторыя. Послѣ рожденія ребенка и послѣ смерти родственника семья или роженица считаются нечистыми и должны очиститься путемъ особаго жертвоприношенія. Время, въ которое семья считается нечистою, у грековъ, римлянъ и индійцевъ одинаково продолжается девять дней, причемъ особенно нечистыми признаются первые три. Черезъ годъ послѣ смерти покойникъ изъ разряда ближайшихъ родственниковъ переходитъ въ группу предковъ, изъ которыхъ три первые (отецъ, дѣдъ и прадѣдъ) еще называются по именамъ. Перенося покойнаго отца въ разрядъ усопшихъ предковъ, индійцы тѣмъ самымъ вводили прадѣда въ группу уже безыменныхъ духовъ предковъ. Поэтому въ первую годовщину смерти отца вся родня собиралась на торжественный обѣдъ, на которомъ совершалась тризна по покойномъ. Этотъ обѣдъ извѣстенъ и грекамъ, и римлянамъ подъ названіемъ perideipnon и silicernium; греки, которые культъ предковъ не выработали до такой ясности, какъ индійцы, исходили однако въ этомъ случаѣ изъ убѣжденія, что до году покойникъ еще не совсѣмъ умеръ и нуждается въ успокоеніи; по словамъ Платона, который сохранилъ самый яркій образъ древне-греческаго θέμις, онъ только черезъ годъ достигаетъ своей цѣли; на этомъ пиру присутствуютъ у всѣхъ трехъ названныхъ народовъ лишь тѣ родственники, которые носятъ у нихъ особыя наименованія, т. е. дѣти, внуки и правнуки, и въ развитіи этого родственнаго начала опять нельзя не видѣть древне-арійскаго учрежденія.

Теперь я укажу на очень знаменательное совпаденіе въ области арійскаго счисленія времени. Въ отличіе отъ семитическаго 12-ричнаго счисленія арійцы уже въ древнѣйшую эпоху своего совмѣстнаго жительства выработали систему счета по десяткамъ и сотнямъ. Уже давно сдѣлалось, кромѣ того, ходячей истиной, что впервые начали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ жители Месопотаміи, откуда начатки астрономіи перешли въ Египетъ и другіе центры древней цивилизаціи. Насколько все это справедливо, я не спорю, но только я думаю, что и арійцы, для которыхъ рожденіе ребенка представлялось дѣломъ такой первой важности, не могли не обратить вниманія на связь, существующую между лунными фазисами и теченіемъ утробной жизни ребенка. И вотъ они пришли къ убѣжденію, что «годъ беременности» состоитъ изъ 10 лунныхъ мѣсяцевъ, а отсюда было не далеко до обобщенія, что годъ состоитъ всегда изъ 10 мѣ-

сяцевъ. Слѣды этого лѣтосчисленія, уже очень вытѣсненнаго семитическими вліяніями, сохранились въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ не только въ Индіи, но и въ Греціи и въ Римѣ. (Altarisches Jus Gentium. 266—268). Объ этомъ есть прямыя свидѣтельства Овидія и Цицерона, а Авлъ-Геллій, черпавшій изъ старыхъ источниковъ, положительно утверждаетъ, что «во времена Гомера такъ-же, какъ въ эпоху Ромула, годъ состоялъ не изъ 12, но изъ 10 мѣсяцевъ». Въ брахманической литературѣ выраженія въ родѣ: «черезъ годъ родился ребенокъ» далеко не рѣдкость.

Слѣдующее совпаденіе, на которое я хочу указать, я беру изъ области нравственныхъ воззрѣній грековъ и индійцевъ. Платонъ передаетъ ученіе Мистерій, по которому убійцу постигаетъ въ аду возмездіе со стороны убивающаго его здѣсь своей рукой; это ученіе даже по выраженіямъ согласно съ древнеиндійской теоріей, высказанной въ одной изъ брахманическихъ книгъ. Обосновывая свою теорію о загробной жизни, Платонъ, этотъ вѣрный хранитель древне-арійскихъ жреческихъ традицій, восклицаетъ: «все, что имѣетъ душу, измѣняется, потому что заключаетъ въ себѣ самомъ причину измѣненія». Съ этимъ взглядомъ Лейстъ сопоставляетъ (ibd. 280), и мнѣ кажется, не безъ основанія, браминскіе догматы: «никакое дѣйствіе не пропадаетъ» и «преступленіе не можетъ оставить преступника».

Однимъ изъ способовъ взысканія долга въ Индіи былъ слѣдующій: кредиторъ въ случаѣ, если онъ принадлежитъ къ браминской кастѣ, усаживается передъ домомъ должника и, держа въ рукахъ ядъ и кинжалъ, угрожаетъ лишить себя жизни, если должникъ пройдетъ мимо него. Съ этой минуты онъ начинаетъ поститься, и обычай заставляетъ неисправнаго должника, сидящаго такимъ образомъ подъ домашнимъ арестомъ, продѣлывать тоже самое. Кто дольше выдержитъ этотъ добровольный постъ, тотъ и выходитъ побѣдителемъ изъ этой странной борьбы. Въ древне-арійскомъ правѣ существуетъ поразительное подобіе этому способу взысканія долга, состоящее въ такомъ же «перепощиваніи» лица, которое надо побудить къ тому или другому поступку (J. Gent. 475). Врядъ-ли здѣсь можетъ быть рѣчь о случайномъ совпаденіи.

Для того, чтобы дать образчикъ совпаденія между римскимъ и индійскимъ долговымъ правомъ, я приведу общеарійское учрежденіе, заставляющее должника, отрицающаго свои обязательства, уплатить двойную сумму долга. Браминское положеніе гласитъ такъ: «кто лжетъ и уличенъ, долженъ заплатить деньги, и столько же дать царю» или такъ: «кто приноситъ ложную жалобу, долженъ уплатить вдвое противъ требуемой суммы»; римскій законъ принялъ почти ту же форму.

Я могъ бы привести еще очень много совпаденій изъ различныхъ областей древнеарійскаго права, такъ какъ до сихъ поръ я бралъ примѣры лишь изъ первой, важнѣйшей книги Лейста, но, чтобы не утомлять вниманія читателей, я ограничусь однимъ, послѣднимъ замѣчаніемъ. Уголовное право грековъ, какъ и индійцевъ, развилось изъ того убѣжденія, что изъ всѣхъ преступленій непростительно лишь одно: отцеубійство. Къ нему мало по малу примкнули другія преступленія путемъ правового развитія, характернаго для обоихъ народовъ: въ Индіи на ровную ногу по своей преступности стало сначала убійство учителя, потомъ ученаго и брамина, а въ Греціи сначала убійство братьевъ и другихъ родныхъ, путемъ убійства сочлена той же филы и наконецъ убійство согражданина. (Leist. ibd. 443). Отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ общеарійскую эпоху жрецъ еще не занималъ того положенія, до котораго онъ достигъ въ Индіи. Тѣмъ не менѣе, отрицать значеніе жрецовъ уже въ ту пору нѣтъ никакой возможности. Дѣйствительно, въ Индіи рядомъ съ жрецами стоятъ брамины, въ Римѣ flamines и pontifices, въ Греціи экзегеты и жрецы; и институтъ этихъ экзегетовъ, комментаторовъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести къ древнѣйшей эпохѣ исторіи индогерманцевъ. «Основные элементы права, особенно арійскаго», говоритъ Лейстъ (Jus Civile II, 398): «предшествуютъ возникновенію народа (sind vorvolkliche). Они существовали уже тогда, когда были еще только арійскія семьи, роды и племена, еще не доросшіе до народовъ qui suis legibis vel moribus reguntur. Право еще не есть фиксированное въ мѣстныхъ территоріальныхъ границахъ и находящееся подъ свѣтской опекой народное сознаніе, но есть господствующая въ арійскихъ племенахъ религіозно-нравственно-правовая вѣра въ то, что извѣстный строй вещей богамъ угоденъ, но добиваться его

каждому съ помощью боговъ предоставлено самому. Въ виду такого характера права было естественно, что первыми толкователями его были жрецы. Благодаря прежде всего имъ, нормы, сначала еще не установившіяся и не опредѣленныя, мало по малу пріобрѣли болѣе постоянную форму». Въ Греціи на экзегетахъ лежала прямая обязанность законодательства, въ Индіи браминамъ принадлежитъ огромная юридическая литература, въ Римѣ на pontifex'ахъ покоился pax deûm, обусловленный правильнымъ соблюденіемъ обрядовъ.

Въ виду того, что весь строй арійской жизни покоился на культѣ предковъ, а ему должна предшествовать теоретическая разработка ученія о загробномъ существованіи духа, разработка, связанная съ практической регламентаціей обрядовъ, я не колеблюсь приписать огромное значеніе въ дѣлѣ образованія общеиндогерманской культуры **жрецамъ** и говорить о жреческой организаціи индогерманцевъ.

Отдѣльные обряды и формулы могутъ заимствоваться и, дѣйствительно, переходятъ отъ народа къ народу, но если двѣ культуры построены на одномъ и томъ же принципѣ, здѣсь на одинаково развитомъ и систематически истолкованномъ культовъ предковъ,—то это можетъ объясняться двояко: или обѣ культуры являются наслѣдницами потомками третьей, или одна изъ нихъ принадлежитъ народу, совершенно усвоившему себѣ чужую культуру. Для насъ оба случая тождественны: въ обоихъ случаяхъ древность происхожденія того кульрурнаго строя, который изслѣдовалъ Лейстъ, отодвигаетъ очень далеко, къ той эпохѣ, когда такіе индогерманскія племена, какъ арійцы и италійцы, были еще сосѣдями.

Рамки своего изслѣдованія Лейстъ ограничилъ матеріаломъ древнеиндійскимъ и греко-италійскимъ, исключивъ изъ подробнаго разсмотрѣнія другія народности. Какое-же положеніе по отношенію къ древней культурѣ заняли кельтскія и германскія племена? На это мы находимъ у Лейста слѣдующій отвѣтъ (Jus. Civ. I, 476): «Ирійская фамилія знаетъ систему близкаго родства, которая въ своихъ основныхъ элементахъ является очевидно тождественою съ системою индійскаго sapinda, греческихъ и римскихъ propinqui. Ирійская организація рѣзко отличается отъ индогрекоиталійской только въ томъ отношеніи, что въ послѣдней выдвигается на первый планъ ея связь съ культомъ предковъ, тогда какъ въ первой ея нѣтъ вовсе или уже не осталось. Арійская фамилія обнимаетъ отношенія между живыми людьми и даетъ основанную на нихъ систему наслѣдственнаго права. Въ этомъ можно видѣть доказательство того, что при множествѣ фундаментальныхъ совпаденій между арійскимъ и индогрекоиталійскимъ строемъ они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разошлись такъ же далеко, какъ и ихъ языки. «Что касается германцевъ, то и въ отношеніи къ системѣ правового дѣленія на близкое и дальнее родство (ibd. 491), и въ другихъ отношеніяхъ германцы, равно какъ и славяне, стоятъ дальше отъ индійской культуры, чѣмъ кельты. Такимъ образомъ, по словамъ Лейста (492), «die indogräcoitalokeltische Institution der Nahverwandtschaft zu den Germanen nicht gelangt, oder bei ihnen wieder verschwunden ist». Нѣтъ сомнѣнія, что Лейстъ склоняется ко второй части дилеммы, и что въ германцахъ онъ видитъ одичалыхъ потомковъ культурныхъ предковъ. Такъ напр., «у германскихъ народовъ, у которыхъ вслѣдствіе суровости (Wildheit) времени на огромное большинство случаевъ убійства стали смотрѣть какъ на преступленія простительныя, вѣра достигла точно установленной системы» (Jus Gentium 294). Подобно этому Лейстъ думаетъ, что у германцевъ вся жреческая организація (das gesammte Priesterwesen) отошла на задній планъ (ibd. 349) [1]).

На славянскаго этнографа изслѣдованіе Лейста налагаетъ очень важныя задачи. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что ѳракійцы и геты, эти язычники древности держались культа предковъ, что при развитіи у нихъ жреческаго сословія и о обиліи мистическихъ культовъ мы встрѣчаемся съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ формъ религіознаго строя. У одной изъ ѳракійскихъ народностей (у агаѳирсовъ) мы видимъ и старую форму этого религіознаго закона. Я приведу здѣсь замѣчателькое сообщеніе

*) Здѣсь я напомню совпаденіе древне-индійскихъ и древне-германскихъ заговоровъ, давно уже отмѣченное поразительное сходство (въ родѣ запрещенія бобовъ, мистической символики чиселъ) пиѳагоровскаго (жреческаго?) ученія съ до будійской системой самикъ, о которой прекрасное изслѣдованіе принадлежитъ Гарбе и т. д.

Аристотеля (проблемы 28): «Почему нѣкоторыя пѣсни называются ѵ ѳ р і ы. Не потому—ли, что до изобрѣтенія письменности пѣли законы, чтобы не забыть ихъ, какъ это и теперь еще въ обычаѣ у агаѳирсовъ!»

Славяне издавна сосѣдили съ различными ѳракійскими племенами; явившись на балканскій полуостровъ они еще нашли тамъ остатки стараго ѳракійскаго населенія (бессовъ и др.) и заимствовали отъ нихъ мѣстныя названія, въ родѣ Эмона (Haemus), Осема (Atemus), Янтры (Iatrus) и др. (Jirecek. Fürstenthum Bulgarien. s. 4, 9). Да и не говоря объ этомъ сосѣдствѣ, и безъ того чрезвычайно любопытно прослѣдить принципы древне-славянской жизни, поскольку они выясняются изъ современной славянской этнографіи. *А. Погодинъ.*

Румынскія сказанія о рахманахъ.

Собирая матеріалы для этнографіи бессарабскихъ румынъ, я часто встрѣчался съ румынскими разсказами и повѣрьями, въ которыхъ играетъ роль фантастическій народъ рахманы. Напечатаніе собранныхъ мною свѣдѣній о рахманахъ было пріостановлено появленіемъ въ журналѣ ясскаго профессора Аарона Денсутяну, Revista critica-literară, anulii IV, 1896 an., №№ 4—5, pp. 108—118, 129—139,—статьи извѣстнаго румынскаго этнографа, сочавскаго священника и профессора семинаріи S. Fl. Marianu подъ заглавіемъ Pascile Rocmanilor *), гдѣ изслѣдователь съ обычной ему тщательностью и особенною любовью къ румынскому народу приводитъ въ извѣстность обширный матеріалъ, сообщенный ему его бывшими учениками. О рахманахъ румынскихъ преданій онъ говоритъ:

«Рокманы, иначе называемые и рогманы, рахманы и роһманы и блаженные, по вѣрованію и сказаніямъ румынъ многихъ мѣстностей Буковины, это — христіане, живущіе въ далекой странѣ; что же касается названія страны и даже части свѣта, гдѣ она находятся, никто навѣрное не знаетъ.

Такъ, жители села возлѣ Хоморскаго монастыря (Homor) вѣрятъ и разсказываютъ что рокманы живутъ у великихъ водъ, въ которыя выливаются всѣ рѣки, рѣчки и ручьи; жители Бойана и Команештъ говорятъ, что рохманы живутъ въ огромныхъ пустыняхъ у края моря; жители Сучавы и Радауцъ—на морскихъ островахъ, жители Илишештъ—въ языческой странѣ, и что язычники не позволяютъ имъ разговляться до тѣхъ поръ, пока тѣ не получатъ скоромной пищи отъ другихъ христіанъ; жители с. Маржиня передаютъ, будто гдѣ-то въ какой-то весьма отдаленной странѣ на востокѣ, въ большихъ темницахъ заперты на всю жизнь христіане и будто въ этихъ темницахъ некому сказать, когда настанетъ Пасха, а узнаютъ они о наступленіи Пасхи только тогда, когда увидятъ изъ оконъ своихъ темницъ, что по водѣ плыветъ яичная скорлупа, брошенная въ рѣки и рѣчки другими христіанами. Жители с. Михальча говорятъ, что рахманы—это румыны, такіе же какъ и они, но даже лучше молдаванъ и что живутъ они далеко за морями, тамъ гдѣ жили евреи, гдѣ Іерусалимъ, немного только поближе; другіе жители того же села говорятъ, что рахманы живутъ на томъ свѣтѣ, подъ землей, гдѣ у нихъ есть и города и села, какъ и у насъ; жители с. Баешештъ

---

*) Множественная форма слова Paşti служитъ доказательствомъ для румынскихъ шовинистовъ латинскаго происхожденія этого слова и христіанства у румынъ. А. Д. Хеnopol въ своей Istoria romănilor ain Dacia traiana, ed pop. vol. II. pag. 86—87 говоритъ: Paşti—слово, употребляющееся только въ множественномъ числѣ. Происхожденіе его отъ еврейскаго pascha и находится и въ греческомъ πάσχα и латинскомъ pasha. Но доказательствомъ того, что румынское слово происходитъ отъ латинскаго, подобно и французскому Pâques, служитъ то, что въ обоихъ языкахъ это слово находимъ во множественномъ числѣ и римляне обыкновенно называли этотъ праздникъ Pasharum dies (Symmachus), тогда какъ въ греческомъ языкѣ это слово средняго рода и въ единственномъ числѣ τὸ πάσχα. Точно также и въ славянскомъ языкѣ эти слова всюду въ единственномъ числѣ». То же соображеніе высказываетъ и Lasar Saineanu въ статьѣ своей «Incercare asupra semasiologiei limbei române» in Revista p. istorie, archeologie si filologie, vol. VI, pag. 253—254.

вѣрятъ и разсказываютъ, что они живутъ рядомъ съ раемъ и что въ ихъ странѣ всегда тепло.

«Рахманы или же блаженные не живутъ какъ мы въ домахъ, такъ какъ домовъ у нихъ нѣтъ совсѣмъ, а живутъ подъ тѣнью виноградниковъ, ходятъ безъ одежды и питаются виноградомъ, растущимъ въ пустынѣ. Происходятъ они изъ сѣмени Сиѳова, сына Адама; они очень добры, благочестивы и блаженны,—за что они такъ и прозваны другими народами. У рахмановъ нѣтъ другихъ занятій кромѣ молитвъ, возносимыхъ къ Богу; единственный возгласъ ихъ въ молитвѣ: «Иди къ Богу и приди къ Богу!» Поэтому и считаютъ ихъ безъ всякаго грѣха, настоящими святыми, которые по смерти идутъ прямо въ рай, гдѣ живутъ вмѣстѣ со святыми. Затѣмъ, они и безгрѣшны, такъ какъ только разъ въ годъ встрѣчаются со своими женами и проводятъ съ ними нѣсколько дней, послѣ чего снова расходятся, а остальное время года проводятъ отдѣльно мущины и отдѣльно женщины. Время свиданія съ женами—ихъ Пасха, а срокъ свиданія точно опредѣлить нельзя. Такъ, жители с. Баешештъ говорятъ, что Рахманы живутъ со своими женами шесть недѣль т. е. отъ Великаго Четверга и до Вознесенія, а жители Баештъ указываютъ болѣе короткій срокъ а именно только тридцать дней... Въ эти промежутки они и женятся и выходятъ замужъ, а лишь только проходятъ опредѣленные для свиданія дни, они снова расходятся и не встрѣчаются до слѣдующаго года.

«Великій постъ у рахмановъ продолжается—по вѣрованіямъ и разсказамъ румынъ изъ с. Браештъ—десять недѣль. Но потомъ уже, видя, что очень много ихъ умираетъ отъ этого поста, Богъ сократилъ его до восьми недѣль... А иные говорятъ, что рохманы постятся круглый годъ и, если бы они не замѣчали на водѣ скорлупы отъ крашенныхъ и некрашенныхъ яицъ, бросаемыхъ другими христіанами въ Великую Субботу,—то они никогда бы и не праздновали Пасхи, потому-что у нихъ и нѣтъ другого способа узнать время Пасхи. Когда скорлупа доходитъ до ихъ страны, рахманы знаютъ, что другіе христіане уже отпраздновали Пасху и тогда и они празднуютъ ее и только тогда разговляются тѣмъ, что осталось отъ яицъ у скорлупы. Поэтому, буковинскія румынки обыкновенно каждый годъ собираютъ яичную скорлупу, какъ отъ яицъ обыкновенныхъ, идущихъ на приготовленіе разныхъ печеній, пирожныхъ и пасхальныхъ кушаньевъ, такъ въ особенности отъ крашенныхъ пасхальныхъ яицъ, почему нибудь разбившихся, и хранятъ до Великой субботы въ корытѣ, ситѣ или же корзинѣ, а когда всѣ приготовленія къ пасхѣ уже окончены, онѣ берутъ скорлупу, идутъ къ проточной водѣ и бросаютъ ее въ рѣки, рѣчки и ручейки для того, чтобы она—достигла страны рахмановъ или же блаженныхъ и, такимъ образомъ, возвѣстила бы имъ о наступленіи Пасхи. Если-же кто-нибудь изъ крестьянокъ не соберетъ скорлупу въ одно мѣсто и не броситъ ее въ проточную воду, то считается, что она сдѣлала великій грѣхъ. Скорлупа, брошенная въ проточную воду начинаетъ плыть по теченію и доходитъ до страны рахмановъ—по однимъ сказаніямъ — черезъ недѣлю послѣ Пасхи, по другимъ — только во вторникъ третьей недѣли по пасхѣ, а то и по позже — во время Русалій. Достигнувъ ихъ страны, скорлупа снова дѣлается цѣльной, какъ была и раньше, и однимъ яйцомъ разговляются двѣнадцать душъ. Тогда наступаетъ Пасха рахманъ. «Увидя плывущую по водѣ скорлупу, рахманы радуются и такъ какъ они не живутъ вмѣстѣ со своими женами или же съ чужими, то тогда они начинаютъ сходиться въ одно мѣсто и праздновать пасху. Но ввиду того, что со времени пусканія на воду скорлупы и до прибытія ея въ страну рахманъ проходитъ довольно большой промежутокъ времени, то рахманы празднуютъ свою Пасху гораздо позже, чѣмъ румыны. Вотъ почему нѣкоторые румыны изъ Буковины вѣрятъ и разсказываютъ, что Пасха рахмановъ или же Пасха блаженныхъ празднуется на четвертый день т. е. въ четвергъ пасхальной недѣли; иные говорятъ, что она празднуется черезъ недѣлю послѣ нашей Пасхи т. е. въ воскресенье Ѳомы и продолжается до вторника; иные—черезъ двѣ недѣли послѣ нашей и, наконецъ, нѣкоторые — черезъ три или же четыре недѣли и всегда Пасха приходится во вторникъ; большинство буковинскихъ румынъ того мнѣнія, что рохманы празднуютъ свои Пасху въ понедѣльникъ послѣ Ѳомина воскресенья. Тотъ день, на который падаетъ Пасха рахмановъ,—какой бы онъ ни пришелся—празднуется

и румынами, въ особенности женщинами... Въ этотъ день т. е. въ день рахманской Пасхи, который празднуется главнымъ образомъ для того чтобы не болѣли ноги и руки и чтобы посѣвы дали хорошій урожай, румыны—въ особенности женщины—выходятъ въ рощи и лѣса на поляны, покрытыя травой съ разнообразными кушаньями и напитками: куличами, красными яйцами, жаренными ягнятами, свининой, водкой, переваренной съ медомъ и виномъ. Тамъ они проводятъ цѣлый день, ѣдятъ, пьютъ и веселятся, болѣе богатыя женщины, а въ особенности горожанки, приглашаютъ съ собой и музыкантовъ. Что же касается остатковъ отъ трапезы, падающихъ на землю, и напитковъ, проливающихся на траву, то румыны вѣрятъ, что это не пропадаетъ, а души убитыхъ разбойниками, застрѣлившихся, повѣсившихся и утопленниковъ ѣдятъ и пьютъ эти остатки и хотя этимъ разговляются. Поэтому, чѣмъ больше крошекъ падаетъ и капель проливается, тѣмъ лучше и тѣмъ пріятнѣе Богу. Жители с. Бояна и Патрауцулъ празднуютъ рахманову Пасху всегда во вторникъ четвертой недѣли по Пасхѣ, такъ какъ—по ихъ вѣрованію—въ этотъ день празднуютъ и рахманы свою пасху; однако въ этихъ двухъ селахъ Пасха рахмановъ не празднуется, какъ въ выше упомянутыхъ селахъ, въ рощахъ и лѣсахъ, или же на кладбищахъ, какъ иногда празднуютъ сучавскія румынки,—но просто въ домахъ и только женщинами, которыя ходятъ въ гости другъ къ дружкѣ. И если случайно въ домѣ найдется какое нибудь питье, то онѣ угощаютъ гостей по стакану въ память с ч а с т л и в ы х ъ б л а ж е н н ы х ъ. Что же касается мужчинъ, то они не празднуютъ, а работаютъ и около избы и въ полѣ.

Мы нарочно привели въ русскомъ переводѣ все, что собралъ румынскій этнографъ относительно этого повѣрья; въ обширныхъ примѣчаніяхъ подъ текстомъ Маріану указываетъ при каждой фразѣ, въ какихъ именно селахъ существуетъ данная версія и упоминаетъ каждый разъ фамилію и родъ занятій или общественное положенія своего корреспондента. Послѣднее дѣлаетъ статью его весьма цѣнной и устраняетъ всякую мысль о его личномъ участіи въ «подбираніи» матеріала. Этого, между прочимъ, мы не можемъ сказать о другихъ трудахъ почтеннаго ученаго, гдѣ всякій читатель увидитъ его неуклонное стремленіе къ явной романизаціи самыхъ обычныхъ данныхъ этнографіи, общихъ и южнымъ славянамъ и малоруссамъ, народамъ съ которыми румыны жили въ сосѣдствѣ. Въ свое время мы укажемъ на нѣкоторыя изъ подобныхъ примѣровъ, теперь, же займемся вопросомъ: что до сихъ поръ было извѣстно изъ вѣрованій относительно рахманской Пасхи въ румынской литературѣ.

Е л е н а С е в а с т о с ъ, извѣстная собирательница сказокъ и авторъ капитальнаго изслѣдованія о народной румынской свадьбѣ, въ «Сельской Газетѣ» (G a z e t a s ă t e a n u l u i, an. VIII, 1891 an., p. 151) разсказываетъ объ предпасхальныхъ обычаяхъ слѣдующее: «Когда румынки разбиваютъ яйца для куличей и бабъ, скорлупу бросаютъ въ ручьи, которые ихъ отнесутъ въ страну блаженныхъ и дойдутъ туда только на второй день послѣ Ѳомина воскресенья; и только тогда узнаютъ блаженные о наступленіи пасхи. Тогда и они устраиваютъ пасху, дѣлаютъ куличи, крашенныя яйца и празднуютъ Пасху. А если бы женщины не бросали на воду скорлупу, то блаженные во вѣки не имѣли бы Пасхи, такъ какъ и не узнали бы, что Пасха пришла. Блаженные, это родъ людей очень добрыхъ; удаленные совершенно отъ другихъ народовъ, они никому не причиняютъ зла и никто не обижаетъ и ихъ. И даже ихъ собственныя жены живутъ отдѣльно отъ мужей и встрѣчаются только разъ въ годъ, когда родители женятъ своихъ дѣтей. Дѣвочекъ воспитываютъ женщины, а мальчиковъ—мужчины, отнимая отъ матерей дѣтей сейчасъ же, какъ только послѣднія начинаютъ ходить и сами ѣсть.

Другая румынская писательница г-жа В о р о н к а описываетъ тѣ же повѣрья въ Молдавіи и Бессарабіи такимъ образомъ («R o m â n u l literar» журналъ, изд. въ Бухарештѣ, за 1891-й годъ, № 17-й, стр. 130): «Скорлупу отъ яицъ, которыя разбивали передъ пасхой, бросаютъ въ ручей, а кто не сдѣлаетъ этого, принимаетъ на душу большой грѣхъ. По рѣкѣ онѣ плывутъ внизъ, пока не дойдутъ по морямъ до б л а ж е н н ы х ъ—т а к ъ и х ъ н а з ы в а ю т ъ в ъ М о л д а в і и, а въ Буковинѣ—рохманами. Они въ далекѣ отъ свѣта не знаютъ когда бываетъ пасха и только, когда замѣтятъ скорлупу, доплывшую до нихъ, тогда узнаютъ о пасхѣ и только тѣмъ разговляются

что остается въ скорлупкѣ.. Въ Молдавіи и Бессарабіи говорятъ, что рохманская Пасха приходится въ понедѣльникъ послѣ Ѳомина воскресенія. Этотъ день благоговѣйно празднуется въ Бессарабіи народомъ въ память блаженныхъ, а въ Молдавіи въ этотъ день наши бабушки собираютъ всѣ яйца, оставшіяся отъ Пасхи, и кладутъ на траву въ саду или во дворѣ; съ травы ихъ должны взять дѣти или женщины для поминанія. Это дѣлается ради блаженныхъ, такъ какъ бѣдные считаются принадлежащими къ ихъ роду.

Подобныя же вѣрованія существуютъ въ древнѣйшемъ гнѣздѣ румынскаго народа, въ легендарномъ Марамурешѣ, откуда вышли основатели молдавскаго княжества. Марамурешскій викарный епископъ Титъ Будъ въ томъ-же «Критико-литературномъ Обозрѣніи» (Revista critica literara ed. Ar. Densusianu, 94 an., pag. 407), задаетъ спеціалистамъ вопросъ о рохманахъ. «Пользуясь случаемъ—пишетъ онъ—я спросилъ бы тѣхъ, кто занимается народными обычаями, разъяснить: что такое такъ называемая рồгманская пасха? Много разъ меня спрашивалъ народъ, когда придетъ рồгманская пасха и я не зналъ, что̀ имъ отвѣтить. Народъ говоритъ, что эта пасха наступаетъ послѣ нашей и продолжается до Вознесенія. Но что̀ означаетъ эта пасха и когда она празднуется, я пока не могъ найти. Я былъ бы благодаренъ тому, кто меня этому научилъ бы».

Такимъ образомъ, этихъ повѣрій не существуетъ—по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не говорится въ очеркѣ С. Фл. Маріану—въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, населенныхъ румынами: Валахіи, Трансильваніи, Банатѣ и Венгріи. Что же касается македонскихъ румынъ, то трудно сказать что-нибудь о существованіи у нихъ разсказовъ о рахманахъ, такъ-какъ Маріану этимъ не поинтересовался, мы же справлялись въ книгахъ Вейганда и Т. Бурада по этнографіи, такъ называемыхъ, цинцаровъ или куцовлаховъ, но ничего объ этомъ не нашли, литература же по этнографіи македонскихъ румынъ крайне скудна. Если же эти повѣрья и существуютъ у нихъ, то оно самаго поздняго происхожденія.

Пользуясь указаннымъ матеріаломъ, тщательно собраннымъ неутомимымъ изслѣдователемъ изъ огромнаго количества писемъ—отвѣтовъ на запросы его по поводу рохмановъ, С. Маріану пытается дать слѣдующее курьезное объясненіе, присоединяясь—такимъ образомъ къ мнѣнію г-жи Воронки: «Пожалуй, вотъ гдѣ истина. Рахманы будь-ли то румыны въ Азіи, живущіе ближе къ намъ чѣмъ евреи, поселившіеся тамъ до принятія христіанства, такъ-какъ у нихъ нѣтъ яицъ,—или же румыны «заморскіе» въ римской имперіи въ связи съ мыслью о христіанствѣ—хотя національность достаточно ясно раздѣлена отъ религіи,—говоря что рахманы это гораздо лучшіе румыны чѣмъ тѣ, которые населяютъ Молдавію. А римляне развѣ не были блаженные?!» Бѣдная румынская этнографія! Неужели же ни одинъ вопросъ не обойдется безъ римлянъ? Въ заключеніе почтенный ученый обращается къ румынскимъ историкамъ и филологамъ съ просьбой разрѣшить этотъ запутанный вопросъ: кто такіе были рахманы или блаженные и отъ кого румыны приняли культъ ихъ? Постараемся отвѣтить на оба эти вопроса.

Прежде всего обратимся къ тому изъ славянскихъ народовъ, который не только съ давнихъ поръ жилъ въ сосѣдствѣ съ румынами Молдавіи, Бессарабіи, Буковины и Марамуреша, но во многихъ мѣстностяхъ живетъ съ румынами смѣшанно. Вполнѣ ясно, что мы говоримъ о малороссахъ, которые въ Буковинѣ извѣстны у румынъ подъ именемъ рутеновъ, хуцановъ, лемановъ и проч. Мы болѣе удивимся, когда узнаемъ, что румынскому этнографу хорошо извѣстно существованіе подобныхъ повѣрій и у малороссовъ, но въ силу его національно-политическихъ идей у него даже не явилась мысль видѣть въ румынскихъ повѣрьяхъ отраженіе малорусскихъ преданій о Рохманьскомъ Великимъ Дни...

Извѣстный буковинскій ученый L. A. Staufe-Simiginowicz въ своей чрезвычайно интересной книгѣ «Volkssagen aus der Bukowina», Czernowitz, 1885, pag. 95 въ популярномъ изложеніи сравниваетъ румынъ съ малороссами. «Румыны и рутены—одно и тоже!—говоритъ онъ—оба народа эти разсказываютъ о народѣ рохманахъ, живущемъ у устьевъ буковинскихъ рѣкъ. Рохманы отличаются благородствомъ и надѣлены

всякими добродѣтелями; въ ряду остальныхъ существъ они стоятъ между божествами и людьми. Несмотря однако на это, они никогда не знаютъ точно время празднованія пасхи; конечно, это большой недостатокъ и случается съ ними каждый годъ, такъ-какъ живутъ они среди язычниковъ. А для того, чтобы они имѣли свѣдѣнія о христіанскомъ календарѣ, каждая крестьянка—румынка или рутянка—собираетъ скорлупу отъ яицъ, идущихъ на приготовленіе кушаній и печеній къ Пасхѣ, и бросаетъ ихъ въ ручей. Поэтому во время Пасхи всѣ проточныя воды въ Буковинѣ покрыты яичной скорлупой *). Ручьи несутъ эту вѣсть рѣчкамъ, рѣчки-рѣкамъ большимъ, а у ихъ устья рахманы получаютъ эту желанную вѣсть. Затѣмъ они спѣшатъ приготовить—по мѣрѣ силъ и возможности, въ четвертую среду по пасхѣ—все нужное для ихъ пасхи. Въ честь ихъ повсюду въ Буковинѣ тоже празднуется четвертая среда по пасхѣ. Кто не приметъ участія въ этомъ праздникѣ, тотъ заслужитъ небесный гнѣвъ. Что же произошло не далѣе какъ годъ тому назадъ? Одинъ крестьянинъ изъ Петричанки не хотѣлъ праздновать этотъ день и объявилъ, что существованіе рахмановъ могла выдумать лишь праздная голова, чтобы подражать сумасшедшимъ. Но лишь только произнесъ онъ эти слова, вдругъ его убило громомъ, а чрезъ нѣсколько минутъ пастухи принесли при сильномъ дождѣ женщину, убитую молніей. Это была жена богохульника, а молнія—наказаніе Божіе».

Въ этнографическомъ изслѣдованіи о бытѣ буковинскихъ рутеновъ R. Fr. Kaindl и A. Monastyrsky, «Die Rutenen in der Bukowina», Czernowitz, 1890, th. II, p.p. 20—21 находимъ слѣдующее мѣсто о существованіи преданій о рахманахъ: «Скорлупу яицъ, идущихъ на приготовленіе куличей, бросаютъ въ рѣки и ручьи въ страстную пятницу и пасхальную субботу. У устьевъ этихъ рѣкъ живутъ рахманы, которые на-половину люди, на-половину рыбы. Пока эти скорлупы яицъ достигаютъ страны рахмановъ, онѣ снова превращаются въ цѣльныя яйца; каждымъ яйцомъ преобщаются двѣнадцать рахмановъ, но и этого имъ хватаетъ. Когда яйца доходятъ до страны рахмановъ и рахманы ихъ съѣдаютъ, тогда празднуютъ и рутены, подарившіе эти яйца, другой праздникъ. Онъ называется рахманскій велыкдень т. е. рахманская пасха и всегда совпадаетъ съ средой четвертой недѣли послѣ пасхи».

Въ извѣстной книгѣ ученаго доктора R. Fr. Kaindl'a, «Huzulen, ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volksüberlieferung», Wien, 1894, p. 76 und 78, мы находимъ точно такія же повѣрья, существующія у гуцуловъ. «Черезъ двадцать пять дней послѣ пасхальнаго воскресенья т. е. всегда въ среду четвертой недѣли послѣ пасхи празднуютъ они рахманскую пасху, Rachmanski welekdyn. Рахманы живутъ далеко, внизу, у устьевъ рѣкъ и благодаря своимъ добродѣтелямъ могутъ служить примѣромъ для людей. Имъ посылаютъ хуцаны по рѣкамъ и ручьямъ скорлупу освященныхъ яицъ, такъ какъ яйцо не доходитъ до рахманъ, а скорлупа доходитъ туда. По мнѣнію другихъ, рахманы—это карлики, живущіе далеко у края моря и такіе маленькіе, что двѣнадцать душъ могутъ помѣститься въ печуркѣ. Но они не знаютъ, когда имъ праздновать пасху. Поэтому люди рѣшили давать имъ знать объ этомъ, а для этого они бросаютъ скорлупу яицъ, служащихъ для приготовленія кушаній къ пасхѣ, въ рѣчки и большія рѣки, для того, чтобы онѣ уже извѣстили карликовъ. Поэтому, когда скорлупа доходитъ до нихъ, рахманы празднуютъ пасху. Съ той поры и до нашихъ дней они празднуютъ каждый годъ, а вмѣстѣ съ карликами празднуютъ и люди. Въ день рахманской пасхи въ Кутахъ бываетъ большая ярмарка, которая вообще называется «Rachmanski jermarok». Обширныя выписки изъ труда проф. Кайндля недавно были помѣщены въ двухъ фельетонахъ «Московскихъ Вѣдомостей» (см. №№ 6 и 13 за 1900-ый годъ); къ сожалѣнію г. рецензентъ ни слова не упоминаетъ о существованіи у гуцуловъ этого интереснаго повѣрья.

Указавъ, такимъ образомъ, на малорусскія параллели къ румынскимъ повѣрьямъ о рахманахъ, постараемся выяснить значеніе слова блажинъ въ румынскомъ литера-

---

*) Есть еще и другая причина. Въ этомъ случаѣ каждый припоминаетъ и утопленниковъ. Ихъ души, живущія въ водахъ, вспоминаютъ при видѣ скорлупы о дняхъ пасхи.

турномъ и народномъ языкѣ. Это будетъ тѣмъ интереснѣе, что С. Маріану не говоритъ объ этомъ ни слова.

Въ сказкѣ объ умной дѣвушкѣ, попавшей въ шайку разбойниковъ, записанной и изданной г-жей Еленой Севастосъ подъ заглавіемъ «Lăcomia perde omenia» т. е. «Жадность губитъ человѣчность», въ концѣ встрѣчается фраза: Dar pe sora talharilor ca pe o copilă nevrîstrică si blajină... o dămes, te cu jumătate din avutia hotilor = о сестрѣ разбойниковъ, какъ несовершеннолѣтней и кроткой дѣвочкѣ... даритъ половину разбойничьихъ сокровищъ. (Elena Sevastos, Povesti. Šasi, an. 1892 г., p. 138). Въ словарѣ своемъ др. Полизу опредѣляетъ значеніе слова блажін слѣдующими нѣмецкими sanft, zahm, gütlich, geduldig, gutherzig, gutmüthig, изъ чего уже видно, что слово blajin имѣетъ въ румынскомъ языкѣ обширное значеніе (Вокабулар ромжно-герман de F. A. Полизу, Брашов. 1857, p. 47); въ другомъ словарѣ, неудачномъ опытѣ введенія искусственнаго языка, A. T. Laurianu и J. C. Massimu говорится о славянскомъ происхожденіи этого слова и даются такія латинскія значенія mansuetus, benignus, affabilis. comis. (Glossariu care cuprinde vorbele d'in limb'a romana... Bucuresci 1871 an., pag. 71). Въ офенскомъ изданіи малаго словаря А. Клеменса 1821 года слова блажинъ не находимъ совсѣмъ. Въ переводѣ извѣстнаго сонета Спинозѣ Sully Prudhomme на румынскій языкъ, принадлежащемъ еврею A. Steuerman'у, читаемъ такія заключительныя слова Ce om blajin si nolil fu Baruh de Spinosa.

(Anuar pentu israeliti de dr. M. Schwarzfeld, vol. XVIII, Bucuresci, 1897 an., pag. 178).

М. Луаеску даетъ такія однозначущія слова выраженію блажинъ,—supusu. ascultătoriŭ, bunŭ la inimă, cărnia nu-ĭ place a se pune rĕu cu nimene т. е. покорный, послушный, добродушный, которому не нравятся дурныя отношенія съ другимъ. «Sedetoarea», revistă p. literatura etc. an. II, 1893, p. 29. Въ своей «исторіи румынъ траяновой Дакіи» A. D. Xenopol употребляетъ это слово въ такихъ, напримѣръ случаяхъ: boieriŭ de aice s'aŭ arătat maĭ blajinĭ т. е. тамошніе (валашскіе) бояре показались болѣе кроткими или: Văzîna Rusia pe Poartă attae blajină, se hotăreste a-ĭ da o mare lovitură т. е. Видя Порту столь покорной, Россія рѣшаетъ нанести ей большой ударъ (для выбора примѣровъ мы взяли на удачу IX томъ). См. Istoria romanilor etc. ed. populara, vol. IX, p.p. 140 et. 225). Въ то-же время слово славянское блаженъ переводится латинскимъ felix, напримѣръ заповѣди блаженства (Матоей, V, 3) въ изданіи дьякона Кореса 1560—61 г. читаемъ ferecati méseriŭ cu sufletul cĭĭ acelora e înpărătiea ceriuluĭ (см. далеко не удачное изданіе архіерея Герасима Тимуша съ предисловіемъ проф. Ербичяну «Tetraevanghelul diaconulin Coresi. Bucur, 1889 an. pag. 7) или въ изданіи русскаго библейскаго общества. С.-ПБ. 1819 года, стр. 4.

Итакъ, С. Маріану тщательно собралъ народныя преданія о рахманахъ, изложилъ ихъ въ связной формѣ, снабдилъ нѣсколькими упоминаніями въ литературѣ—и только: какого нибудь объясненія этого повѣрья у него мы не найдемъ. Поэтому, здѣсь очень кстати привести все, что̀ извѣстно о рахманахъ въ славяно-византійской литературѣ, а также и то̀, что было сдѣлано по этому вопросу русскими учеными.

Какъ доказано проф. В. М. Истринымъ Александрія не имѣла въ своей первой редакціи статьи Палладія о рахманахъ, а статья эта уже цѣликомъ вошла во вторую редакцію, явившуюся изъ первой, изъ средневѣковой греческой поэмы Βίος Ἀλεξάνδρου. Въ изданіи Новаковича читаемъ «и тіи соутъ нагомудрьци, родивше же се отъ Сита, Адамоу оубо вьноуци суть», въ новогреческомъ народномъ пересказѣ находимъ подобное же мѣсто: Μετὰ καιρὸν ἐγεννήθη ὁ Σηθ, ἀνετράφη, καὶ ἔτεκνο ποίησεν εἰς τὸ νησὶ αντὸ τῶν Μακάρων οἱ ὁ ποιοι Μάκαρες εἶναι ἀπὸ τὴν γενεάν τὸν Σηθ. Въ Кирилло-Бѣлозерской рукописи XV вѣка рахманы говорятъ: «Не намъ пища сія, но вамъ, мнѣ же пища сія отъ древа сего есть, питіе же отъ источника сего есть, земное (но) бо ми есть тѣло, отъ матери земли питается, одѣніе же ми есть листвіе, а умъ а шь есть на небесахъ. Не печемся ни о чемъ земныхъ спроста. А житіе наше бес-

страшно есть, а на много лѣта продлѣемся... сынове Сифовы есмя сына Адамова... У насъ есть жены но не суть зде, но во иномъ островѣ противу намъ суть, на годъ единого сѣмо приходятъ къ намъ 30 денъ, пакы возвращаются во свои островъ. Егда же кои родится дѣтищъ, не ктому отецъ его с женою сочтается. Аще мужъ сынъ породится, трехъ лѣтъ взимаемъ его, аще ли женскый полъ родатся, с женами пребываютъ» (А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, Спб., 1886 г., стр. 267, 269—270). Нетрудно видѣть въ приведенныхъ словахъ оригиналъ румыно-малорусскихъ преданій о рахманахъ, ускользнувшій отъ С. Маріану, несмотря на нѣсколько изданій и изслѣдованій по румынской Александріи, существующихъ въ румынской ученой литературѣ. (См. dr. M. Gaster, Literatura populara romăna Bucuresti 1883 an., pp. 7—31 и др.).

Сравнивая описаніе страны блаженныхъ въ Александріи и сказанія о рахманахъ (рехавитахъ) въ хожденіи Зосимы, академикъ А. Н. Веселовскій говоритъ о сходствѣ обоихъ сказаній, что вполнѣ справедливо. Нагой мужъ, котораго встрѣтилъ Зосима, говоритъ: «азъ единъ отъ блаженыхъ человѣкъ». Далѣе они говорятъ о своемъ житіи, что они не безсмертны, но безгрѣшны, питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, молятся одни днемъ и ночью, нѣтъ у нихъ никакого домашняго имущества, ни сокровищъ. «А иже поимаеть жену собѣ, дондеже будета у него двѣ чадѣ, и по двою детей разлучается другъ отъ друга и пребываеть оба въ чистотѣ, не вѣдущи, была ли коли въ совокупленіи, но яко же испервa чистоту хранящи... И нѣсть у насъ числа лѣтомъ, ни годомъ, ни мѣсяцемъ, ни днемъ, но якоже единъ день тако вси суть... Въ 3 часъ вкушаемъ по вся дни, исходитъ бо плодъ въ 3 часъ и ямы и піемъ отъ него, дондеже насыщемся». Другія параллели къ приведеннымъ румынскимъ сказаніямъ находимъ далѣе. Новому іерусалимскому царю донесли, что есть у него люди, которые не смѣшиваются съ женами. «Призванные царемъ, они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ переступить, почему и ввержены въ темницу...» блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней... (см. тамъ же, стр. 297—299). «Лѣта же житія нашего сту, иже отъ юности преставится, животъ его на семъ свѣтѣ лѣтъ 300 и 60; аще ль состарѣвся, отъидетъ свѣта сего, дние житія его лѣтъ 800 и 800. Дано же есть намъ отъ ангелъ день искончания нашего видѣти...» (Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченной русской литературы, II, 88). Глубокая рѣка отдѣляетъ грѣшный міръ отъ страны блаженныхъ: «есть бо широта рѣкы тоя и облака того 30 верстъ, облакъ же есть отъ нея до небесе, глубина же рѣкы тоя есть до бездны» (тамъ же, стр. 83. Ср. въ I томѣ сочиненій Тихонравова, стр. 200 и дополненія М. Н. Сперанскаго, стр. 123—125). И въ этихъ отрывкахъ мы находимъ черты румынскихъ сказаній.

Вопросу о рахманахъ у малороссовъ посвящена 39-я статья интересной книги проф. Н. Ѳ. Сумцова, «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ». Кіевъ, 1888, стр. 137—139. «Въ ряду малорусскихъ народныхъ сказаній о раѣ и блаженныхъ людяхъ—говоритъ почтенный этнографъ—видное мѣсто занимаетъ сказаніе о рахманахъ и о рахманскомъ Великоднѣ. Съ этимъ сказаніемъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ древней, приписываемой Нестору, лѣтописи, причемъ указанъ и византійскій источникъ сказанія, или точнѣе, одинъ изъ его византійскихъ источниковъ, хроника Георгія Амартола: «Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи... законъ же Вактріянъ, глаголеши Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ, благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, ни нанося же злобы творяще, страха ради многа Божія» (Лавр. сп. стр. 14). Затѣмъ Н. Ѳ. Сумцовъ передаетъ вкратцѣ сказанія рахмановъ о своемъ образѣ жизни и переходитъ къ тѣмъ повѣрьямъ у малороссовъ, которыя можно считать отголосками книжныхъ сказаній о зосимовыхъ рахманахъ. «Сказанія о рахманахъ въ южной Россіи проникли въ глубь народа, причемъ особенно привилась къ южно-русской почвѣ частность о рахманскомъ свѣтломъ праздникѣ. Въ литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что рахманы-христіане. Они не

имѣютъ собственнаго счисленія времени и потому празднуютъ Пасху тогда, когда доплываетъ къ нимъ скорлупа яицъ. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обычай выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ рахманамъ черезъ три съ половиною или четыре недѣли, и рахмане тогда празднуютъ Пасху (Чубинскій, Труды этнограф. стат. экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія т. I, стр. 220). Искаженіемъ повѣрья представляется дополнительная черта, что рахманы живутъ подъ землей. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что скорлупы, доплывъ въ рахманскую страну, обращаются въ яйца, и каждое яйцо идетъ на 12 рахмановъ, питающихся отъ него въ теченіе года. Пускаютъ скорлупу въ воду, сохраняютъ молчаніе или приговариваютъ «плыньте въ рахманьски край». На рахманскій велыкдень, бывающій въ среду на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи, не работаютъ. Говорятъ, что въ галицкомъ селеніи Герасимовѣ, однажды въ этотъ день мужикъ выѣхалъ въ поле орать. Онъ провалился подъ землю вмѣстѣ съ погоничемъ, плугомъ и волами, и если въ день рахманскаго свѣтлаго праздника приложить ухо къ землѣ, то можно слышать крики погонича о помощи. Въ селѣ Чертовцѣ говорятъ, что въ этотъ день слышенъ колокольный звонъ отъ провалившейся подъ землю церкви. Баба, мывшая бѣлье на рахманскій велыкдень, умерла на другой день (Kolberg Pokucie, t. I, отр. 199). На Украйнѣ на рахманскій велыкдень ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное значеніе («правитъ кости»); рахманскій велыкдень называется въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи «правой средой».

Аѳанасьевъ въ своей книгѣ «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», т. I, стр. 578, говоритъ, что малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то за моремъ живетъ блаженный народъ «навы»; чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашеныхъ яицъ, которыя приплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ «Навскій великъ день». Слѣдуетъ еще прибавить, что сказанія о рахманахъ внесены въ древне-русскія Космографіи (см. Изборникъ къ хронографамъ А. Попова. Ср. Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. IV, стр. 466).

Въ Галиціи существуетъ поговорка: «постимо якъ рахмане», несомнѣнно взятая изъ извѣстныхъ сказаній, приведенныхъ у многихъ ученыхъ (Григорій Илькевичъ, Галицкіи приповѣдки и загадки, у Вѣдни, 1841 г.). Говоря о дакійскихъ отшельникахъ, называвшихся плистами, преосв. Порфирій Успенскій приводитъ галицкую поговорку и прибавляетъ: «Не даромъ костромичи, помнящіе, что Дунай есть сынъ Ивановичъ, говорятъ: она ходитъ какъ рахманная. Такія поговорки, составленныя людомъ не книжнымъ, старинныя испоконь вѣковыя, доказываютъ, что и у нашихъ прапращуровъ были строгопостные и тощіе отшельники, похожіе на индійскихъ рахмановъ, на дакскихъ плистовъ и на гетскихъ ктистовъ и канноватовъ» (Востокъ христіанскій. Исторія Аѳона, ч. III, стр. 307). Конечно, иcлѣдователь упустилъ изъ виду исключительно книжное происхожденіе преданій о рахманахъ, но во всякомъ случаѣ важно то, что онъ указываетъ на параллель слова рахманинъ и браминъ. Насколько намъ извѣстно, первый указалъ на связь этихъ двухъ словъ Игнатій Ганушъ. Онъ говоритъ, что «скорлупу отъ красныхъ яицъ бросаютъ во многихъ селахъ Галиціи и теперь еще въ рѣку, вѣря, что только тогда, когда эта яичная скорлупа дойдетъ до рахманской страны, они (т. е. рахманы) празднуютъ свой праздникъ. Кто такіе эти рахманы, никто не можетъ сказать; быть можетъ это—искаженіе слова брахманы, брамины». Dr. Ignat. Iohann Hanusch, Die Wissenschaft des slawischen Mythus im weitesten, den altpreussisch Lithauischen Mythus mitumfassenden Sinne, Lemberg, 1842, p. 197.

Такимъ образомъ, происхожденіе сказанія о рахманахъ объяснено и акад. А. Н. Веселовскимъ и проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ; происхожденіе же обычая бросать скорлупу въ воду—несомнѣнно—должно поставить въ связь съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ хожденія трехъ иноковъ къ Макарію.

Паисіевскій сборникъ XIV вѣка:

да аще хоще кто мину се мѣсто. то на лѣво ідет. вся бо воды мира сего ѿ лѣвое страны приходѧ. да іже ся тѣхъ водъ надержи. то іде на свѣтъ и на десную страну су горы велики. т езеро полно змиі...

(Тихонр., Памятн. II, 61).

Сборникъ А. Яцимирскаго 1448 г. л. 394 об.

сего ради иже хощетъ минѫти сіе мѣсто, то на десно да идет. зане бѡ видь мира сего ѿ десныѧ страны исходѧ. да иже ся тѣхъ дръжит. на свѣтъ исходить. а на лѣвоѣ странѣ горы высокы сѫть и стрѫмнины и езера плъна зъміи...

(По инв. кат. № 11-й.

Моск. Синод. библіотеки XII—XIII в. № 3.

ὁ θέλων ἐνδότερον εἰσελθεῖν πάντα ἀριστερὰ περιπατείτω, πάντα γὰρ τὰ ὕδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους ἐκπορεύονται. ὁ διερχόμενος τῇ φωνῇ τῶν ὑδάτων ἀκολουθείτω καὶ ἐξελεύσεται εἰς φῶς, τὰ δὲ δεξιὰ μέρη ὄρη εἰσὶ πάντα καὶ κρημνοὶ καὶ λίμνη παμμαγέθης ὄφρων μεμεστωμένη...

Моск. Синод. библ—ки XV в., № 351.

ὁ θέλων οὖν ἐνδότερον εἰσελθεῖν εἰς τὰ ἀριστερὰ μέρη περιπατείτω, πάντα γὰρ τὰ ὕδατα τοῦ κόσμου ἐκ τοῦ ἀριστηροῦ μέρους ἐκπορεύονται· ὁ γοῦν διερχόμενος τὴν φωνὴν τῶν ὑδάτων ἀκολουθείτω καὶ εἰσελεύσεται εἰς φῶς, τὰ δὲ δεξιὰ μέρη ὄρη εἰσὶ καὶ κρημνοὶ καὶ λίμναι παμμεγέθεις ὄφρων καὶ σκορπίων μεμεστωμένα...

(A. Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pag. 142).

Если всѣ воды міра приходятъ слѣва, то для того, чтобы выйти изъ страны блаженныхъ надо идти на-лѣво; слѣдовательно, на-право нужно идти въ страну блаженныхъ. А такъ какъ всѣ рѣки текутъ слѣва, то въ страну блаженныхъ можно попасть слѣдуя внизъ по теченію рѣкъ. Вотъ почему и бросаютъ женщины скорлупу въ ручейки и рѣки. Въ какую бы рѣчку ни бросили скорлупу, она всегда дойдетъ до страны блаженныхъ и доставитъ имъ вѣсть о наступленіи пасхи, хотя въ это же время въ ихъ странѣ снова расцвѣтутъ деревья, не дававшія плода въ великомъ посту.

Укажемъ еще, что въ одной былинѣ Соловей-разбойникъ называется рахмановымъ (Рыбн. III, 14) или птицей рахманной (Гильф. 987). Это дало поводъ В. И. Ягичу видѣть въ Соловьѣ индійское его происхожденіе и сравнивать такія же показанія относительно царя Соломона (Лѣтопись Тихонравова, IV, отд. 2, стр. 120). Конечно, мнѣніе это ошибочное.

Наконецъ, для полноты очерка отмѣтимъ (у Маріану объ этомъ нѣтъ и намека), что въ Румыніи существуетъ цѣлый рядъ селъ и мѣстностей, въ названіи которыхъ можно видѣть корень слова блажин, а именно: Blaga, Blagea, Blajul, Blăgeasca, Blăgenĭ, Blăgesti, Blăjanca, Blăjani, Blejan, Blejani и др. Marele Dictionar geografic al Romăniei, vol. 1, Bucuresu, 1898 an., p.p. 467—473 или y D. Frundesĭci, Dictionaru topograficu si statisticŭ alu Român, p. 46, а также въ областныхъ словаряхъ, изданныхъ Румынскимъ Географическимъ Обществомъ. Несомнѣнно, подобныя же названія можно найти въ Галиціи, Буковинѣ, Бессарабіи и др. странахъ, населенныхъ румынами и малороссами. Слѣдуетъ еще прибавить, что русская фамилія Рахманиновы—чисто румынскаго происхожденія конца XV вѣка. См. наши замѣтки о книгѣ Василенка, Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ. 1895 г., въ Русскомъ Архивѣ за 1896 г., кн. II и въ Revista critică-literară de Ar. Dencusianu, 1896 an, № 10, а уже отъ фамилій—мѣстныя названія, напримѣръ, Рахмановскій переулокъ въ Москвѣ.

А. И. Яцимирскій.

Psihologia penala a teranului de Dem. J. Dobresku, Bucuresci, 1899 an. 8°. Просвѣщенный прокуроръ Букарештскаго трибунала г. Добреску въ вышедшей осенью брошюркѣ передаетъ свои наблюденія надъ оригинальными показаніями крестьянъ-свидѣтелей въ преступленіяхъ людей, заявившихъ себя отважными и ловкими разбойниками. Онъ удивляется, что въ большинствѣ случаетъ крестьяне показываютъ въ пользу преступника и разсказываютъ о необыкновенныхъ подвигахъ завѣдомо преступныхъ людей, подъ-часъ лишенныхъ въ своихъ поступкахъ всякой мысли. На допросахъ крестьяне иногда высказываютъ свои сомнѣнія, чтобы властямъ удалось поймать или не упустить изъ тюрьмы смѣлаго разбойника. Авторъ прежде всего раздѣляетъ крестьянина въ психологическомъ отношеніи на два разныхъ типа: насколько онъ теряется, когда видитъ, что другое лицо покушается на его имущество, настолько онъ иногда совершенно безразличенъ, когда дѣло идетъ о его собственной жизни или жизни ему подобныхъ, другими словами, его матерьяльные интересы превосходятъ нравственные и его симпатіи къ разбойнику-герою, который никогда не падаетъ духомъ, поистинѣ заставляютъ удивляться. Авторъ объясняетъ это низкой степенью состоянія чувства у крестьянина, его вѣчной нуждой и непосильной работой для достиженія самаго необходимаго для существованія. Изслѣдуя показанія свидѣтелей въ дѣлахъ знаменитыхъ атамановъ Жіану, Тунзы и Здрели, г. Добреску находитъ въ нихъ извѣстную дань удивленія предъ необъятной смѣлостью героевъ, находитъ въ нихъ намеки на то, что герои одарены сверхъестественной силой и что всѣ показанія проникнуты искренней симпатіей къ обвиняемому, сожалѣніемъ его дальнѣйшей судьбы. Крестьянинъ-свидѣтель всегда на сторонѣ обвиняемаго разбойника, всегда преувеличиваетъ преступленія исключительно для эстетическаго удовлетворенія и съ поэтическимъ жаромъ описываетъ подъ-часъ самыя ординарныя продѣлки ихъ, въ особенности, когда разбойники глумятся надъ полиціей и не даются ей въ руки несмотря на усилія послѣдней.

Брошюра Д. Добреску одинъ изъ первыхъ вкладовъ въ область изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ румынъ и касается того же вопроса, которому мы посвятили одинъ изъ первыхъ своихъ печатныхъ трудовъ. Я говорю о статьѣ своей «Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ», помѣщенной въ Этнографическомъ Обозрѣніи за 1895 годъ, № 3-й. Пользуемся случаемъ, чтобы познакомить русскихъ этнографовъ съ нѣкоторыми отрывками изъ румынскихъ авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ. Въ пятомъ томѣ своей «Исторіи Румыніи» проф. А. Д. Ксенополъ говоритъ о народномъ эпосѣ и разбойническихъ разсказахъ слѣдующее: Многія гайдуцкія пѣсни, какъ-то «Миху младенецъ», «Ѳома Алимошъ», «Выдра», «Румынъ Груя Грозованъ» и другія могли получить свое начало въ эпоху полную насилія и создать подобныхъ героевъ, пренебрегающихъ законами и живущихъ раздольной жизнью, защищаемую палашомъ и скрываемую въ тѣни лѣсовъ. Но въ виду того, что подобное положеніе переходитъ и въ слѣдующія эпохи, многія пѣсни получили болѣе новыя черты, которыя, умѣряя ихъ пылъ, приближаютъ героевъ ихъ къ разбойникамъ современнымъ (Istoria romănilor din Dacia traiana, Vol. V ed. populara, pag. 187). Въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ Ярника Бырсяну встрѣчаемъ нѣсколько гайдуцкихъ пѣсенъ: въ одной изъ нихъ гайдукъ обращается къ своему коню:

«Мургулъ, грива завитая, ну-ка вынеси меня еще разъ на гору, окину я взоромъ вокругъ и посмотрю на весь свѣтъ, гдѣ я когда то бродилъ, и вынеси меня до Тисы, такъ какъ тамъ расположенъ лагерь и тамъ подъ малыми буками—могилы усопшихъ витязей»!

Въ другой пѣснѣ гайдукъ говоритъ: «Матушка моя приказала мнѣ чрезъ птенца-ласточку придти къ ней, а я отвѣтилъ ей чрезъ птенца-кукушку, что—Кй-Богу—не могу пойти, такъ-какъ нахожусь подъ тѣнью сосны, подъ властью чужеземца. До ужина я ему служу подсвѣчникомъ, а когда ужинъ готовъ, я приготовляю ему постель, а когда онъ уже легъ, я поздно принимаюсь за ужинъ. Беру ножъ чтобы отрѣзать себѣ хлѣба, слёзы ручьемъ текутъ. Кто не вѣритъ моимъ словамъ, тому не поможетъ Пречистая». Въ преданіи о гайдукѣ Войку разсказывается, что женщины—жены

палачей и судей не могли смотрѣть на повѣшеннаго гайдука. Это мѣсто мнѣ напомнило одну изъ пушкинскихъ пѣсенъ западныхъ славянъ:

«Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями».

Румынскій писатель M. Ganea такъ художественно описываетъ покаяніе гайдука Кодряна: «Pocainta lui Codrénu».

«Испытавъ втеченіе жизни много душевныхъ страданій, Кодрянъ, атаманъ гайдуковъ пришелъ добровольно къ господарю страны.—«Здравствуйте, ваше высочество— сказалъ онъ, кланяясь до земли. Я—Кодрянъ атаманъ, за голову котораго ты назначилъ цѣну золотой казны»! Господарь испугался, услышавъ эти слова. «Не безпокойтесь, ваше высочество, я безъ оружія, а пришелъ съ повинной головой для того, чтобы принять наказаніе за содѣянныя мною злодѣянія. Дѣлай съ мной, что хочешь, такъ-какъ я пресытился и разбоями и жизнью». Господарь приказалъ заключить его въ тюрьму и собралъ бояръ на совѣтъ, чтобы опредѣлить соотвѣтствующее ему наказаніе. Одни говорили, что слѣдуетъ его повѣсить, другіе—посадить на колъ. Но господарь, знавшій тайну Кодряна, говоритъ такъ: Вотъ мое предложеніе!—ни вѣшать его, ни садить на колъ, но раскрыть двери темницы и выпустить на свободу»... Исполненные удивленія бояре пересматривались, не понимая думъ господаря.—«Да, прибавилъ онъ— смерть для него благо, такъ-какъ онъ желаетъ этого и самъ дался въ наши руки. Не слѣдуетъ наказывать его, какъ онъ самъ желаетъ, но лучше наказать его тѣмъ, чтобы онъ жилъ и чтобы, страдая вѣчно, ходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ смерть. Такое наказаніе для него самое большое, мы же не нарушимъ совѣта стариковъ, которые учатъ не рубить преклонной головы». «Вы правы, ваше высочество», отвѣчали бояре. Двери темницы раскрылись на обѣ половины, и Кодрянъ, гонимый смертью, какъ неуязвимый, вышелъ печальный съ поникшей головой съ руками на груди, тихо проходя между людей, которые сторонились съ его дороги. Онъ снова вошелъ въ лѣсъ, который самъ казалось не отвергалъ его отъ своего лона, тамъ усталый сѣлъ онъ на пень и долго просидѣлъ тамъ положивъ голову на руки въ состояніи замиранія, такъ что всякія думы его оставили. Но поздно уже онъ опомнился и, оглянувшись кругомъ, онъ замѣтилъ въ голубой дали вершины горъ. Тогда лицо его просіяло свѣтомъ радости. Онъ взялъ дорожный посохъ, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и отправился...

«Съ той поры имя Кодряна не слышалось болѣе въ странѣ... Тридцать лѣтъ спустя послѣ этихъ происшествій, въ пещерѣ на склонѣ горы Чахлэу скончался старый отшельникъ, котораго не могли перестать оплакивать сироты, вдовы и бѣдняки, такъ какъ тридцать лѣтъ подрядъ онъ былъ ихъ благодѣтелемъ. Этотъ отшельникъ достигъ глубокой старости, имѣлъ бороду до колѣнъ и такія длинныя брови, что поднималъ ихъ при помощи палки. Онъ всегда ходилъ босой и питался однимъ древеснымъ сокомъ. Откуда онъ пришелъ и кто былъ раньше—никто не зналъ, но также никто не могъ исчислить благодѣяній, содѣянныхъ имъ во всѣ дни. Имѣлъ ли кто дѣло съ противникомъ своимъ, у него находилъ правый судъ, которому подчинялись обѣ стороны; имѣлъ-ли кто горе, находилъ утѣшеніе; боленъ ли былъ, находилъ травы для лекарствъ. Поэтому всѣ горцы считали его святымъ. Питался онъ только кореньями и голова его не отдыхала на чемъ нибудь иномъ, какъ только на голомъ камнѣ. Каждое утро онъ молился, обращаясь къ востоку, но молитва его была короткая и такая горячая, что по ея окончаніи лицо его казалось принимало цвѣта солнечнаго восхода. За два часа до смерти онъ исповѣдалъ духовнику свою прошлую жизнь, ка̀къ онъ разбойничалъ, ка̀къ добровольно дался въ руки правосудія, которое его простило, и эта исповѣдь настолько облегчила его душу, что онъ принялъ смерть съ блаженной радостью, какъ прощеніе отъ Бога.

«Могила его покрылась цвѣтами, и горцы всякое утро молились за душу его, говоря: «Господь да ублажитъ его на томъ свѣтѣ, такъ-какъ много добра онъ здѣсь сдѣлалъ».

Въ своей «Исторіи румынской литературы», проф. **Ааронъ Денсушяну** причисляетъ гайдуцкія пѣсни къ разряду героическихъ, «но въ иномъ смыслѣ». Герой—говоритъ онъ—борется съ иноземцемъ-угнетателемъ, ненавидимымъ въ странѣ, съ чёкоемъ (=бариномъ), который не дерется съ оружіемъ открыто, но тайнымъ образомъ, угнетаетъ и дѣлаетъ невыносимою жизнь, какъ господинъ или чиновникъ, съ которымъ бѣдный румынъ «цѣлые года судился и не выигралъ ничего»; какъ помѣщикъ, какъ арендаторъ, какъ купецъ, какъ трактирщикъ». Затѣмъ онъ приводитъ слѣдующую гайдуцкую пѣсню «молодцовъ изъ зеленаго лѣса», прекрасно характеризующую смыслъ гайдучества:

«Нѣтъ у меня червонцевъ въ кошелькѣ, заплатить подати, за бумаги, за солдата и за проклятаго Іуду... Побей васъ крестъ, чёкои! вырваться бы мнѣ отъ васъ; и снова пойти въ лѣсъ, и дѣлать расправу въ странѣ! Когда я вижу бѣднаго человѣка, я опускаю руку въ кошелекъ и избавляю его отъ мукъ и страданій. Пойдемте-ка, ребята, къ тѣмъ дубамъ, отрѣжемъ себѣ нѣсколько дубинъ, и будемъ очищать страну и избавлять ее отъ чудовищъ».

Оттуда изъ лѣса они, какъ молнія, нападаютъ на чёкоевъ и держатъ въ страхѣ всѣхъ угнетателей меньшихъ братьевъ. «Вотъ каково происхожденіе гайдуцкихъ пѣсенъ, распространенныхъ среди всѣхъ румынъ, такъ какъ всѣ они страдали одинаковымъ образомъ. Эти пѣсни очень часто преисполнены силы и неподражаемой окраски, и въ нихъ находимъ не только чувства высшаго патріотизма, но и высшей человѣчности. Знаменитые гайдуки, обратившіеся въ легендарныхъ, слѣдующіе: Корбя, Винтя, Бужоръ Гишей, Дагіе, и др. Типъ ужаснаго и удивительнаго гайдука по имени Бурлы конца XVII вѣка намъ описываетъ Кантемиръ: Istoria limbei si literaturei române Jasi 1894 an, pp. 163—164. Затѣмъ г. Денсушяну приводитъ списокъ сборниковъ разныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ могутъ быть и гайдуцкія, но отдѣльно не указываетъ на сборники, содержащіе именно пѣсни гайдуцкія. Мы можемъ указать на 34 гайдуцкихъ небольшихъ пѣсенъ въ коллекціи **Михаила Каніану**. Poesii populare. Doine, culese etc. de **Mihail Canianu**. Iasi, 1888 an., pp. 211—239; 23 пѣсни въ коллекціи **Виктора Онишора**. Doine si strigatur din Ardeal, culese de **V. Onisor**, Iasi p.p. 85—94 и др.

Для изслѣдованій о румынскихъ гайдукахъ слѣдуетъ собрать побольше документовъ, какъ напримѣръ сдѣлалъ **проф. Gr. Tocilescu** относительно гайдука **Янку Жіану**, подвизавшагося въ Олтеніи около Краіовы въ 1738 году; впослѣдствіи родственники умершаго уже гайдука жертвовали много денегъ для спасенія души гайдука, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ начала XIX вѣка. **Revista p. istorie, archeologie si filologie** an. II, vol. I, p.p. 236—240, vol. II, p.p. 411—414.

У румынъ нѣтъ другихъ народныхъ изданій кромѣ романовъ о приключеніяхъ гайдуковъ. Въ нашей коллекціи собраны слѣдующія книжки изданія для народа N. D. Popescu, Codreanu haiducu nuvela originala, ed. II. Bucuresci, 1892 an. p.p. 1—146 съ 4 иллюстраціями; **Panait Macri**, Bujor capitan de haiduci. Bucur. 1891 an. p.p. 1—131, съ иллюстраціями; **Alaxandru Munte Stäncanul**, Fraur Vulpoiu, grosavul capiten de haiduci sau tainele pädurei, povestire dramatic-romanticä de mare sensatie. Craiova, 1893 an., p.p. 1—91; **P. Macri**, Mihu capitan de haiduci. Bucur, 1887 an., p.p. 1—112 съ иллюстраціями; Boerii gaiduci, Capitan Busdugan, Iancu Jianu Zapciu, Iancu Jianu Haiduc, Moartea lui Bujor, Basboiul dintre haiduci si rusi—всѣ изданія Бухарестскія, нѣкоторыя съ иллюстраціями. Слѣдуетъ также отмѣтить сказки, гдѣ говорится о разбойникахъ; о Бужорѣ, объ умной дѣвушкѣ, жившей и гайдуковъ и проч., напримѣръ у Elena **Sevastos**, Povesti. Iasi. 1892 an., p.p. 37—45, 136—138; упоминанія о нападаніяхъ разбойниковъ у **A. D. Xenopol'a** Istoria romänilor etc., vol. II 8, V 187, VI 28, 218, VII 253, IX 40, 184, 211, 242, **Melchisedec episc.**, Notite ictorice si archeologice, p.p. 120, 208. **A. I. Filippide**, Incercari asupra starei sociale poporului romän in trecut, Iasi, 1881 an. p.p. 22—39 и др.

Румынскій историкъ **V. Onit** такъ объясняетъ причину появленія гайдуковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ. «Эпоха нашей національной борьбы—говоритъ г. Оницъ—начи-

нается сейчасъ же послѣ основанія княжества, то есть въ XIV вѣкѣ. И Молдавія и Валахія были основаны колонистами, вышедшими изъ подъ гнёта венгерскихъ королей; поэтому имъ требовалось поддерживать свою самостоятельность предъ Венгріей. Молдавія имѣла еще противъ себя и польскихъ королей, которые претендовали на то же, на что и венгры. Поэтому еще въ XIV вѣкѣ начинаются волненія, дипломатическая борьба, чаще—войны, изъ которыхъ румыны не разъ выходили побѣдителями. Немного спустя турки наступаютъ изъ Азіи въ Восточную Европу; всѣ самостоятельныя государства балканскаго полуострова побѣждены и стерты съ карты Европы на многія столѣтія. Въ 1373—Сербія, въ 1369 болгарское царство, въ 1453 Византія—падаютъ разгромленныя къ ногамъ турокъ, въ 1392-мъ году подчиняется туркамъ Валахія. Съ этого времени начинается новая борьба, борьба отчаянная и неравная, такъ такъ силы врага были въ десять разъ больше. Эти сраженія съ турками и татарами продолжаются болѣе столѣтія, и Стефанъ Великій насъ трогаетъ своими нравственными высокими качествами своей любовью къ отечеству румынъ, вѣчная память о которой намъ осталась въ тѣхъ сорока монастыряхъ, основанныхъ львомъ Молдавіи, лучшемъ свидѣтельствѣ сорока пораженій враговъ нашего отечества. Какими средствами люди совершаютъ эту неимовѣрную и отчаянную защиту націи? Сраженіе ведется румынскими руками, а не чужеземными наемными. Главнокомандующій—господарь страны, а войско—румыны. Бояре тѣхъ временъ не были предателями, интересантами, какъ бояре XVII и XVIII вѣковъ, а воинами первыхъ рядовъ. Подъ державой Стефана оно иначе и не могло быть. А крестьянинъ, основа страны?—Онъ въ это время еще не былъ порабощенъ боярину. Большая часть ихъ была свободна, большинство ихъ были резеши (однодворцы, мелкіе владѣльцы), но и остальные не были настоящими рабами, такъ какъ они еще владѣли землей. Поэтому вполнѣ естественно, если въ бояринѣ крестьянинъ видитъ типъ героевъ и патріотовъ; онъ ихъ понимаетъ въ битвѣ за благо всей страны, а потому и крестьянинъ слѣдуетъ въ битву за бояриномъ съ любовью, поражается его храбростью, обожаетъ его. Лѣсные разбойники въ тѣ времена — всеобщіе враги и для боярина и для крестьянина. Вотъ почему и крестьянинъ ихъ ненавидитъ. Эта, и только эта эпоха можетъ быть исторической, къ которой относятся поэтическіе образы Миху, Груи, Алимоша. Герои—бояре, сражающіеся за отечество и любимые народомъ!...

«Въ срединѣ XIV вѣка румыны соединенными силами защищаются и физически и нравственно. Неравная борьба, продолжавшаяся столько времени, высосала всѣ ихъ силы. Всеобщая слабость настаетъ въ обоихъ государствахъ: блестящая эпоха подвиговъ за отечество переходитъ въ мрачную эпоху государственнаго ничтожества. Престолъ страны становится продажнымъ, бояре вмѣстѣ съ господаремъ—а этотъ вмѣстѣ съ турками и греками-боярами—терзаютъ страну и законнымъ образомъ. А терзаемые—крестьяне. О какой-нибудь національной защитѣ сраженіи за отечество нѣтъ теперь и рѣчи! Теперь бояринъ становится жестокимъ мучителемъ интересантомъ, такъ какъ онъ уже не румынъ, а грекъ! Немногочисленные румынскіе бояре не могутъ сдѣлать ничего... Эта эпоха обнимаетъ періодъ болѣе двухъ вѣковъ съ половиной, до наступленія XIX вѣка. Это—время, когда крестьяне—не имѣя уже, что терять,—соединяются въ шайки подъ начальствомъ извѣстныхъ храбрецовъ и мучатъ важныхъ бояръ, преимущественно грековъ, и дѣлаются такимъ образомъ орудіемъ мести отъ лица бѣдныхъ крестьянъ. Вѣка XVII и XVIII наполнены гайдуками. Народъ ихъ любитъ, какъ милыхъ сыновей своихъ, и память о нихъ сохраняетъ въ гайдуцкихъ пѣсняхъ.

«Вторая половина XVI, вѣка XVII и XVIII—это эпоха гайдуковъ въ нашей исторіи крестьянъ. Кодрянъ, такъ же недопустимъ во время Стефана Великаго, какъ и немыслимъ румынскій бояринъ Груя во время фанаріотовъ. Иныя времена, иныя государственныя положенія, другое отношеніе между боярами и крестьянами создали Грую, а иныя—Кодряна».

Такой блестящей и полной смысла и правды характеристикой кончаетъ свой очеркъ румынскій патріотъ В. Оницъ. Вотъ какими выводами долженъ былъ руководиться г. Добреску въ своей статьѣ и удивленіе предъ сочувствующими разбойнику-герою показаніями крестьянъ-свидѣтелей объяснять грустной исторической истиной румынскаго склада общественной жизни. Если въ Румыніи, въ «просвѣщенной» странѣ, которую

сами румыны называютъ «восточной Бельгіей» могутъ и теперь появляться разбойники, о которыхъ народъ разсказываетъ чудеса и держитъ ихъ сторону, не вѣря даже, что администраціи удалось поймать то самое лицо *), а не другое, — то трудно говорить объ истинномъ просвѣщеніи страны и ея соціальномъ равновѣсіи... Во всякомъ случаѣ, трудъ почтеннаго этнографа-криминалиста можно привѣтствовать и пожелать побольше подобныхъ работъ, имѣя еще ввиду, что подобные вопросы въ румынской ученой литературѣ почти не затронуты (кромѣ статей Б. Хыждеу, Филиппиди. Сеулеску и немногихъ другихъ).

А. Яцимирскій.

П. Лупповъ. «Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка». С.-Петербургъ. 1899 года. VIII+333 стр. 8°. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп. Трудъ г. Луппова заключаетъ въ себѣ 16 главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію вотяковъ, ихъ бытъ, занятія, промыслы, знакомитъ съ физическимъ типомъ и психическими особенностями этого племени, наконецъ, предлагаетъ свѣдѣнія о вотской языческой религіи. Главы эти, хотя и имѣютъ этнографическій интересъ, тѣмъ не менѣе, являясь для цѣлей автора побочными, не заключаютъ въ себѣ матерьяла совершенно новаго, который не былъ бы уже извѣстенъ въ этнографической литературѣ. Поэтому мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи этихъ главъ, а ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторыя частности, которыя являются въ печати впервые, или же заимствованы авторомъ изъ малодоступныхъ публикѣ земско-статистическихъ изслѣдованій. Такъ, едва-ли не въ первый разъ мы встрѣчаемся въ сочиненіи г. Луппова съ попыткой сдѣлать сводъ численности вотяковъ и географическаго распредѣленія ихъ въ Европейской Россіи въ настоящее время. Всѣхъ вотяковъ авторъ насчитываетъ болѣе 360 тысячъ. Въ трехъ губерніяхъ—Вятской, Казанской и Самарской, по даннымъ земскихъ подворныхъ описей послѣдняго 12-лѣтія (1883—1894 г.г.), они распредѣляются по этимъ губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

№ по порядку.	Названіе губерній и уѣздовъ.	Число волостей, въ которыхъ живутъ вотяки.	Общее число вотскаго населенія обоего пола.	Годъ, къ которому относятся свѣдѣнія.
	I. Вятская.			
1	Глазовскій	23	137.197	1890—91
2	Сарапульскій	22	91.290	1890
3	Малмыжскій	17	58.388	1884
4	Елабужскій	11	47.928	1887
5	Слободской	2	5684	1891
6	Уржумскій	1	626	1884
	Итого . . .	76	341.113	—

*) Лѣтомъ 1898 го года въ мѣстахъ, окружающихъ Нямецкій монастырь у подножія Карпатъ, скрывался гайдукъ въ полномъ смыслѣ этого слова, бѣжавшій съ каторжныхъ работъ (соляныя мины въ г. Тыргу-Окна), Іоанъ Флоря. Въ это время я занимался въ монастырской библіотекѣ и по цѣлымъ вечерамъ приходилось мнѣ слушать удивительные разсказы о похожденіяхъ Флори, которыя частью записаны и со временемъ будутъ напечатаны. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Флоря былъ убитъ жандармомъ Херцой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

	II. Казанская.			
7	Казанскій	1	296	1884
8	Мамадышскій	4	6.674	1887
	Итого . . .	5	6.970	—
	III. Самарская.			
9	Бугульминскій	3	1.740	1885—86
	Всего	84	349.823	1884—91

Кромѣ того есть вотяки въ Пермской и Уфимской губерніяхъ, но такъ какъ подворное изслѣдованіе въ этихъ губерніяхъ еще не закончено, то точныхъ цифровыхъ данныхъ о числѣ вотскаго населенія не имѣется. Въ Уфимской губ., по свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета, относящимся къ 1870 году, вотяковъ насчитывалось 12,521 чел., а въ Пермской, по Энциклопедическому словарю проф. Андреевскаго, приблизительно 3,000 *).

Чрезвычайно любопытны также данныя о колонизаціонномъ движеніи русскихъ въ среду вотскаго населенія. Слѣдя, вмѣстѣ съ Вятскимъ статистикомъ Романовымъ, за движеніемъ населенія въ нѣкоторыхъ вотскихъ районахъ Вятской губерніи, авторъ замѣчаетъ необыкновенно сильный приростъ жителей въ этихъ мѣстностяхъ и причину этого видитъ въ русской колонизаціи. Для примѣра авторъ беретъ три района Вятской губ., бывшихъ въ прошломъ столѣтіи почти исключительно вотскими: 1) область по лѣвую сторону р. Вятки въ Малмыжскомъ уѣздѣ, 2) 6 сѣверныхъ волостей Сарапульскаго уѣзда и 3) мѣстность по теченію р. Чепцы въ Глазовскомъ уѣздѣ. Сравнивая приростъ населенія въ этихъ мѣстностяхъ съ среднимъ поуѣзднымъ приростомъ за время съ 1795 г. по 1878 г., авторъ получаетъ слѣдующую любопытную табличку:

Годы ревизіи.	% увеличенія населенія.					
	Малмыжскій у.		Сарапульскій у.		Глазовскій у.	
	Въ вотской мѣстности по лѣвую сторону р. Вятки.	По всему уѣзду.	Въ 6 сѣверныхъ вотскихъ волостяхъ.	По всему уѣзду.	Въ вотской мѣстности по р. Чепцѣ.	По всему уѣзду
1795	15,1%	10,3	41,6	34,7	5,6	13.6
1811	21,7	15,7	41,6	34,7	18,6	26,1
1834	69,4	53,8	46,5	30,4	31,2	34, 9
1858	47,9	30,4	37,4	31,1	53,2	42,9
1878	54,6	39,2	72,8	49,5	51,5	37,4

монастыря, голова Флори была отослана въ Букарештъ, а тѣло похоронено въ лѣсу. Лѣтомъ 1899-го года я самъ видѣлъ могилу Флори, украшенную цвѣтами и вѣнками, которые приносятъ туда не только дѣти изъ окрестныхъ селъ, но и интеллигенція, живущая лѣтомъ въ монастырѣ на курортѣ.

*) Цифры эти, по мнѣнію автора, несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ. Такъ и Тезяковъ въ статьѣ «Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ язычниковъ» насчитываетъ въ семи деревняхъ Больше-Гондырской волости Осинскаго уѣзда Пермской губ. до 5.600 душъ («Новое Слово», 1896 г. Январь).

Изъ этой таблицы видно, что въ Малмыжскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ % увеличенія населенія въ вотскихъ мѣстностяхъ уже съ 1795 г. начинаетъ превышать такой же средній по каждому изъ этихъ уѣздовъ; въ Глазовскомъ уѣздѣ это замѣчается только послѣ переписи 1834 г.; съ 1858 г. разница между % увеличенія населенія всѣхъ трехъ вотскихъ мѣстностей и среднимъ по каждому изъ уѣздовъ становится особенно замѣтною. Причина этого явленія кроется въ русской колонизаціи вотскихъ мѣстностей. По послѣднимъ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается, что въ настоящее время въ Вятской губерніи нѣтъ уже ни одной волости съ исключительно вотскимъ населеніемъ. Этого мало: въ каждой волости съ вотскимъ населеніемъ русскіе расположились не отдѣльными поселками только, но главнымъ образомъ въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ живутъ и вотяки. Изъ 1704 вотскихъ селеній Вятской губерніи 806 или 47,3% имѣютъ уже русское населеніе, причемъ въ 168 селеніяхъ или почти въ 10% русскіе въ количественномъ отношеніи даже преобладаютъ надъ вотяками. Послѣдствія такого тѣснаго сожительства вотяковъ съ русскими не замедлили отразиться на всемъ строѣ жизни этого племени. Русскіе, какъ болѣе сильные въ культурномъ отношеніи, начали ассимилировать себѣ вотяковъ; въ деревняхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ вотякъ сталъ мало-по-малу усваивать русскій языкъ, перенимать у русскихъ различныя подробности житейскаго обихода, заимствовать понятія, началъ критически относиться къ своему прежнему почти языческому міросозерцанію, усваивать себѣ христіанскія религіозныя представленія. Въ послѣднее время выступилъ новый факторъ ассимиляціи—народная школа, къ которой вотяки обнаруживаютъ большую склонность. Въ результатѣ вліянія русскихъ на вотяковъ, по мнѣнію автора, должно явиться полное отождествленіе, сліяніе вотскаго населенія съ русскимъ.

Послѣ предварительныхъ общихъ свѣдѣній о вотякахъ, авторъ приступаетъ къ разрѣшенію прямой своей задачи—прослѣдить исторію распространенія среди вотяковъ и усвоенія ими христіанской религіи, причемъ изложенію предмета предпосылаетъ обозрѣніе источниковъ (глава III). Изъ этого обозрѣнія мы видимъ, что кромѣ печатной литературы по разсматриваемому вопросу, кстати сказать литературы весьма скудной, авторъ пользовался главнымъ образомъ архивнымъ матерьяломъ: неизданными дѣлами и документами архивовъ Св. Синода (47 дѣлъ), Вятской Духовной Консисторіи (229 дѣлъ) и бывшаго Елабужскаго Духовнаго Правленія (18 дѣлъ). Въ виду этого сочиненіе пріобрѣтаетъ особенный интересъ и научную цѣнность.

Въ дальнѣйшихъ восьми главахъ (IV—XII) излагается исторія распространенія христіанства среди вотяковъ. При этомъ вотяки раздѣлены на двѣ группы—вотяковъ сѣверныхъ, жившихъ по берегамъ р. Чепцы и верхняго теченія р. Вятки и тяготѣвшихъ къ г. Хлынову (Вяткѣ), и вотяковъ южныхъ, судьбы которыхъ въ XVI, XVII и частью въ XVIII вѣкахъ были тѣсно связаны съ судьбой г. Казани, бывшаго для нихъ гражданскимъ и церковнымъ центромъ. Мѣры къ распространенію христіанства среди вотяковъ на Вяткѣ и въ Казани принимались не одновременно и осуществлялись не всегда одинаковымъ способомъ.

Впервые христіанство занесено въ страну вятскихъ вотяковъ новгородскими ушкуйниками, начавшими съ XIII в. колонизовать Вятскія земли. Оттѣснивъ аборигеновъ и водворившись на новой землѣ, пришельцы поставили города и построили церкви и часовни. Такимъ образомъ вотяки получили возможность знакомиться съ христіанствомъ. Но, разумѣется, должны были пройти еще вѣка, чтобы вотяки стали принимать христіанство. Первое, исторически извѣстное обращеніе вотяковъ въ христіанство относится лишь къ 1557 году, когда вотякъ Сырьянской волости, Слободского уѣзда, Ожмекъ Черной билъ челомъ царю Іоанну Грозному отъ лица 17 вотскихъ семействъ, сообщая о намѣреніи «креститься и пріити въ православную христіанскую вѣру». Дальнѣйшіе случаи обращенія вотяковъ въ христіанство относятся уже къ началу XVIII в. и являются, какъ и первый случай, результатомъ сожительства вотяковъ съ русскими, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было миссіонерскихъ воздѣйствій. Какъ въ числѣ вотяковъ, крестившихся при Грозномъ, такъ и въ числѣ обратившихся въ началѣ XVIII столѣтія, въ числѣ 16 человѣкъ были лица, уже въ язычествѣ носившія христіанскія имена и отечества (Ортемовъ, Петровъ, Сенькинъ, Денисъ, Осипъ, Никита,

Михайло, Овдоть, т. е. Авдотья). Если мы примемъ во вниманіе существовавшій у вотяковъ-язычниковъ, а мѣстами и теперь еще существующій, обычай давать новорожденному имя того лица, которое первымъ встрѣтится отцу новорожденнаго на дорогѣ или войдетъ въ его избу, то для насъ станетъ яснымъ, что упомянутые новокрещенные вотяки имѣли тѣсныя сношенія съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ, жившимъ по сосѣдству. Очевидно первыхъ новокрещенныхъ дали деревни, въ которыхъ вотяки начали уже ассимилироваться съ русскимъ населеніемъ.

Съ 20-хъ годовъ XVIII ст. начинается уже миссіонерская дѣятельнесть правительства и духовенства. Первый возбудилъ предъ высшей духовной властью вопросъ объ обращеніи вотяковъ Вятскій епископъ Алексій. Любопытно, что, задумавъ заняться обращеніемъ въ христіанство вотяковъ, Алексій писалъ въ Кабинетъ Царскій, что «безъ указу приводить невѣрныхъ языковъ въ вѣру христіанскую не смѣетъ и для того проситъ, чтобъ о томъ прислать къ нему указъ». На этотъ запросъ Вятскому епископу была послана отъ св. Синода инструкція «для приведенія въ вѣру христіанскую невѣрныхъ языковъ и другихъ разныхъ народовъ и вѣръ, обрѣтающихся въ Вятской епархіи». При этомъ епископѣ крещено было 59 вотяковъ, составлявшихъ 8 отдѣльныхъ семей. При одномъ изъ преемниковъ Алексія, преосв. Веніаминѣ Сахновскомъ, миссіонерская дѣятетельность на Вяткѣ значительно оживилась; въ короткій срокъ (14 мѣсяцевъ) крещено было 168 вотяковъ (103 м. и 65 ж.) изъ 16 деревень, изъ коихъ въ 13 не было еще христіанъ; а вскорѣ послѣдовалъ и знаменитый указъ 11 Сентября 1740 года, изданный «для умноженія въ вѣрѣ новокрещенныхъ иновѣрцевъ» Волжско-Камскаго края. Характерную особенность этого указа представляли разнообразныя матеріальныя выгоды, которыми предполагалось привлекать въ христіанство инородцевъ. За новокрещенными утверждались льготы въ платежѣ податей и отбываніи рекрутской повинности, при чемъ уплата податей и поставка рекрутъ за новокрещенныхъ возлагалась на некрещенныхъ. Кромѣ того за воспріятіе крещенія инородцы награждались крестами, одеждою, обувью и деньгами. Затѣмъ указъ предписывалъ выселять новокрещенныхъ изъ прежнихъ мѣстъ жительства, если тамъ находились некрещенные, и водворять ихъ на новыхъ мѣстахъ или отдѣльными поселеніями, или вмѣстѣ съ русскими. Мѣра эта, впрочемъ, скоро была замѣнена другой, болѣе рѣшительной— выселеніемъ всѣхъ некрещеныхъ изъ деревень, гдѣ есть новокрещенные. Податныя льготы и льготы по рекрутской повинности, а также денежныя награды сильно дѣйствовали на вотяковъ. Они, какъ въ Казани, гдѣ дѣйствовало особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ «Новокрещенской конторы», такъ и на Вяткѣ стали креститься тысячами. «Нерѣдко лакомые до денегъ раза по два и по три въ разныхъ мѣстахъ крестилися». Съ нежелавшими креститься, несмотря на льготы, впрочемъ, не особенно церемонились: ихъ крестили насильно. Вотяки сопротивлялись, били миссіонеровъ и сопровождавшихъ ихъ гражданскихъ чиновъ, но всетаки крестились.

Такъ продолжалось до 1764 года, когда наконецъ правительство убѣдилось, что принятыя имъ мѣры къ обращенію язычниковъ въ христіанство внесли страшную нравственную деморализацію въ инородческое населеніе и матеріально раззорили его. Некрещеные инородцы обнаруживали сильную злобу на новокрещенныхъ, какъ непосредственныхъ виновниковъ ихъ податнаго обремененія и, пока новокрещенные уступали имъ въ числѣ, всячески старались выместить на нихъ свою злобу. А впослѣдствіи, когда число новокрещенныхъ увеличилось, положеніе некрещенныхъ стало весьма печально въ матеріальномъ отношеніи. Переложеніе податей съ новокрещенныхъ на некрещеныхъ скоро привело къ тому, что обычный годовой окладъ податей съ язычниковъ возросъ въ 2, 3 и болѣе разъ; равнымъ образомъ и рекрутъ требовали съ одного и того же общества некрещеныхъ инородцевъ по 2, 3 и даже по 4 раза въ одинъ наборъ. Злоупотребленія «команды» свѣтскихъ чиновниковъ, приставленныхъ къ миссіонерскому дѣлу, и самихъ членовъ Новокрещенской конторы и многочисленныхъ проповѣдниковъ довершали дѣло. Въ 1764 г. правительство вынуждено было отмѣнить законъ 1740 года. Количество обратившихся вотяковъ въ христіанство сразу замѣтно сократилось. Тѣмъ не менѣе, къ началу текущаго столѣтія, по приблизительному подсчету автора, число крещеныхъ вотяковъ въ Вятской губерніи достигло 98%.

Предметомъ слѣдующихъ трехъ (XIII—XV) главъ служитъ выясненіе дѣятельности правительства, а также различныхъ учрежденій и лицъ по утвержденію новокрещенныхъ вотяковъ въ христіанской вѣрѣ въ теченіе XVIII вѣка.

Переходимъ къ послѣдней (XVI) главѣ, представляющей наибольшій интересъ въ этнографическомъ отношеніи. Въ этой главѣ авторъ рисуетъ состояніе христіанства среди новокрещенныхъ вотяковъ въ XVIII в. Обращенные въ христіанство въ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ разнообразныхъ матеріальныхъ выгодъ, а частью даже насильно, вотяки первое время были христіанами только по имени, не проявляя почти никакихъ признаковъ своей принадлежности къ новой религіи и, напротивъ, всецѣло тяготѣя къ своимъ прежнимъ богамъ.

Изъ архивныхъ документовъ видно, что въ вотскихъ новокрещенскихъ селеніяхъ оставались языческіе молитвенные чумы или шалаши и послѣ обращенія вотяковъ въ христіанство. Помимо чумовъ новокрещенные устраивали моленія на открытыхъ мѣстахъ: на берегу рѣчекъ, ручейковъ, на лѣсныхъ полянахъ и т. д., куда собирались нѣсколькими семьями и даже цѣлыми селеніями. Священникъ Θедоръ Ившинъ доносилъ въ Консисторію: «приходу его дер. Лековаевской новокрещенъ изъ отяковъ Егоръ Ушаковъ съ товарищи, всего въ десяти семьяхъ, по ихъ прежнему вотяцкому суевѣрію общекупно отъ всей деревни іюля 31 дня, взявши быка и выведши въ поле, закололи и, сваривъ, съѣли, а остаточное на другой день уже, августа 1 числа, т. е. по начатіи поста въ первый день доѣдали... Деревни Убыцкой, которая отстоитъ отъ церкви въ 40 верстахъ, новокрещенные изъ отяковъ Сысой Трефиловъ съ товарищи, всего въ восьми семьяхъ, по прежнему суевѣрію отъ всей деревни кололи быка на улицѣ и, сваривъ, съѣли». Новокрещенный дер. Мутнинской, Волковъ, писалъ о жителяхъ своей деревни въ Консисторію: «1) въ 1751 г. въ іюлѣ Данилъ Степановъ Чирковъ по рѣчкѣ Мутницѣ по прежнему суевѣрію кололъ барана, помолясь, съ семействомъ своимъ, употребили; 2) въ 1752 г. въ февралѣ, въ чистый понедѣльникъ, жители Мутнинской деревни вмѣстѣ съ жителями Якшинской деревни въ Мутнинскомъ полѣ у рѣчки Мутны кололи жеребца по отяцкому суевѣрію, помолясь, употребили, а попомъ былъ новокрещенный Кузьма; а мнѣ, Волкову, за необъявленіе дано овса; 3) въ 1753 г. въ августѣ новокрещены въ дер. Пѣтуховской подъ рѣчкою Мутницею по обѣщанію—не ѣли-бъ черви озими—кололи быка, коего по своему суевѣрію послѣ моленія употребили; 4) въ 1753 г. предъ осеннимъ праздникомъ Іоанна Богослова дер. Мутнинской новокрещенный Иванъ Волковъ за скорбь семьи его глазами кололи нѣсколько утокъ и по ихъ злочестію молились и со всѣмъ семействомъ ѣли». Діаконъ с. Глазовскаго Іаковъ Невоструевъ въ 1754 г. доносилъ въ Консисторію, что 17 октября онъ засталъ въ полѣ подъ елками новокрещеннаго вотяка Абросима съ семьей и «видя, что у нихъ варится въ котлѣ гусь да утка, изъ которыхъ нутро и перье лежитъ близъ того огня подъ елками, спрашивалъ, для чего то они въ полѣ, а не въ домѣ варятъ, и притомъ объявилъ ему, дьякону, помянутый Абросимъ, что-де у брата моего Василія болитъ поясница и о выздоровленіи той болѣзни обѣщались по отяцкому суевѣрію молиться, для того-де нынѣ тое и варимъ».

Въ январѣ 1752 г. новокрещенные дер. Подборновской Романъ, Петръ и Димитрій Касаткины да дер. Чигиринской Иванъ Корепановъ собрались въ дер. Чигиринской и говорили: отъ дѣда его, Романа, бывшаго въ прежнемъ отяцкомъ суевѣріи, посулено отправить мольбище; по крещеніи въ христіанскую вѣру за неотправленіе того мольбища вымерло въ дер. Чигиринской мужск. и женск. пола 20 человѣкъ», и говорили Пиминову, чтобъ купить жеребца шерстью сиваго и, когда Пиминовъ сказалъ имъ, что у него такой жеребецъ есть, то они купили его за два рубля и сговорились учинить мольбище за недѣлю до заговѣнья. Въ назначенный день моленіе было совершено при рѣчкѣ Варышъ, съ принесеніемъ въ жертву жеребца; народу собралось не малое число. 19 января 1752 г. вотяки южной части Вятской провинціи, Игринскаго и Чутырскаго концовъ, въ немаломъ числѣ, при деревнѣ Потыръ-Кушьинской, за рѣчкою Лозою, въ лѣсу подъ елью молились надъ чалымъ жеребцомъ, бѣлымъ быкомъ, двумя черными баранами и двумя гусями: животныхъ закололи, мясо сварили и ѣли; кости, головы и

избытки сожгли, причемъ, по приказанію жреца, поснимали кресты, съ нѣкоторыхъ же онъ самъ срывалъ ихъ.

Жертвоприношенія совершались не только языческимъ богамъ, но и умершимъ родственникамъ (культъ предковъ).

Въ 1770 году на допросѣ въ Слободскомъ Духовномъ Правленіи новокрещенный села Глазовскаго Максимъ Ившинъ показалъ, что «когда онъ былъ боленъ, разсудилось ему помянуть по прежнему отяцкому суевѣрію умершихъ своихъ родителей, чтобъ чрезъ то отъ болѣзни получить свободу, и, сваря въ домѣ своемъ каши, взявъ съ собою, отвезъ одинъ на кладбище, гдѣ они погребены, и расклавъ оную въ разныя мѣста на снѣгъ, просилъ при томъ умершихъ своихъ родителей, чтобъ они сдѣлали ему отъ той болѣзни свободу».

По пути авторъ касается вопроса и о существованіи у вотяковъ въ XVIII столѣтіи человѣческихъ жертвоприношеній, и рѣшаетъ его отрицательно на томъ основаніи, что ни въ ученыхъ запискахъ путешественниковъ того вѣка, ни въ архивныхъ документахъ синодальныхъ, консисторскихъ и Министерства Юстиціи, нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на существованіе подобныхъ жертвоприношеній, хотя по даннымъ архивовъ можетъ быть возстановлена довольно полно религіозная жизнь вотяка того времени.

Приверженность вотяковъ къ язычеству шла, однако, параллельно съ усвоеніемъ ими и христіанства. Вынужденные на первыхъ порахъ, хотя и внѣшними мѣрами, исполнять нѣкоторыя требованія христіанской религіи, вотяки начинаютъ привыкать къ внѣшнимъ христіанскимъ формамъ, сживаются съ ними и затѣмъ понемногу начинаютъ внѣшнимъ образомъ соединять черты язычества и христіанства. Въ результатѣ этого процесса является двоевѣріе. «Признавая единство невидимаго Бога,—пишетъ миссіонеръ Стефановъ, но не зная онаго истинно и не умѣя почитать его достойно, вотяки новокрещенные стараются воздавать подобающую ему честь подъ именемъ Инмара и въ лицѣ земнородныхъ угодниковъ его. Таковы суть: Вожшудъ, Инву, Илія Пророкъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Николай Чудотворецъ и Іисусъ Христосъ. Вожшудъ и Инву, богатые благодѣтели язычники, по смерти чудесно вышедшіе изъ воды; Илія — земной пророкъ, Му-Кылчинъ, будучи другъ Божій, чудесно вошелъ въ землю, гдѣ и живетъ не умирая; Николай Чудотворецъ, хотя и умеръ, однакожъ явился съ Великой Рѣки *) чудесно; Іисусъ Христосъ—пророкъ Кылчинъ, а по нѣкоторымъ—Единородный Сынъ Божій,—Кылдысинъ, хотя умеръ, но воскресъ». Сверхъ того, пишетъ миссіонеръ, воздаютъ божескую честь св. иконамъ, называя ихъ русскими богами—Дьзюць Инмаръ. На поляхъ своихъ селеній приносятъ въ жертву Иліи пророку хлѣбъ, пиво, кумысъ, иногда быка, жеребенка, барана и гуся, коихъ кости съ частью прочихъ жертвъ скрываютъ въ землю для употребленія пророкомъ въ пищу. Св. Пасху празднуютъ русскому Богу. Жители дер. Вотскій Порѣзъ празднуютъ день св. безсребренниковъ Косьмы и Даміана, св. ап. Петра и Павла, Богоявленія Господня, ибо эти дни — праздники приходской церкви». Итакъ, Іисусъ Христосъ и христіанскіе святые въ сознаніи вотяковъ стали дѣлаться такими же богами, какъ ихъ прежніе Инмаръ, Кылдысинъ; «русскимъ богамъ» вотяки начали покланяться также, какъ они поклонялись и своимъ вотскимъ. Въ вотскихъ шалашахъ (чумахъ) на полкахъ вмѣстѣ съ идоломъ хранились иногда христіанскія иконы или же онѣ приносились сюда изъ домовъ лишь на время моленій. Процессъ слиянія двухъ міросозерцаній—языческаго и христіанскаго начался и идетъ непрерывно до нашихъ дней. Сожительство съ русскими, смѣшанные браки, школа и книга сильно ускоряютъ его.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Луппова. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ предметомъ мы отсылаемъ къ самой книгѣ, написанной съ большимъ стараніемъ и любовью къ дѣлу. Къ книгѣ приложены цѣликомъ наиболѣе важные и интересные архивные документы, указатель именъ личныхъ и географическихъ и именъ авторовъ, упоминающихся въ сочиненіи, а также географическая карта

---

*) Село Вятской губерніи.

вотскаго района, съ нанесеніемъ на нее, по возможности, всѣхъ упоминаемыхъ въ книгѣ мѣстностей и селеній.

Послѣднія приложенія значительно облегчають пользованіе книгой.

И. Сырневъ.

Nová mapa království českého Sestavil V. Kotyška, kreslil N. Hanf. Měřitko 1 : 200.000. Praha. 1897. 12 №№.

Недостатокъ въ подробныхъ географическихъ и этнографическихъ картахъ славянскаго племени представляеть одно изъ осязательныхъ доказательствъ той низкой ступени, на которой находится развитіе вспомогательныхъ дисциплинъ славяновѣдѣнія. До сихъ поръ мы не только не имѣемъ общей научной карты географическаго и этнографическаго распространенія славянскаго племени, но даже при изученіи географическихъ и этнографическихъ границъ территоріи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ читателю приходится нерѣдко пользоваться совершенно случайнымъ и необъединеннымъ матерьяломъ. Послѣднее положеніе одинаково вѣрно какъ для такихъ разбросанныхъ по разнымъ государствамъ народовъ, какъ сербскій или польскій, такъ и для такого могущественнаго своимъ единствомъ племени, какъ русское, которое до сихъ поръ не знаетъ точно предѣловъ своего распространенія *). Неудивительно поэтому, что славянскому этнографу приходится преодолѣвать при разыскиваніи извѣстнаго населеннаго пункта массу совершенно внѣшнихъ трудностей, которыя были бы немыслимы при иномъ положеніи картографическаго дѣла въ славянскихъ земляхъ. Каждый, кто занимался, напр., чешской, польской и т. д. діалектологіей, знаетъ, какъ иногда бываетъ безнадежно трудно найти какое-нибудь село или деревню, хотя и маловажную въ административномъ отношеніи, но зато тѣмъ болѣе интересную въ лингвистическомъ.

При такомъ болѣе, чѣмъ печальномъ состояніи національной картографіи въ славянскихъ земляхъ, весьма полезно изданіе географическихъ картъ, хотя и касающихся одной какой нибуть славянской націи, то зато съ такимъ масштабомъ, какого требують все увеличивающіяся нужды славяновѣдѣнія. Превосходный образецъ такого рода карты получили недавно чехи въ видѣ труда, заголовокъ котораго мы привели выше. Въ масштабѣ 1 : 200.000 (т. е. въ размѣрѣ 1 см.=1 км.) эта громадная карта отмѣчаетъ рѣшительно в с ѣ населенные пункты страны, не исключая одинокихъ усадебъ (т. н. samot'ъ), мельницъ, церквей и т. д. Тщательно нанесенныя на нее особенности орографическаго строенія Чехіи дають наглядное понятіе о рельефѣ страны, а столь же добросовѣстно начерченныя мелкія рѣчки и сухопутные пути—о ея коммуникаціонныхъ линіяхъ. Практическое пользованіе картой немало облегчается тѣмъ, что она раздѣлена на двѣнадцать тетрадокъ, изъ которыхъ: I-я—воспроизводитъ центральную Чехію, II-я—сѣверо-восточную (Крконоши), III-я—сѣверную, IV-я—юго-западную (Шумаву), V-я и VI-я—сѣверо-западную (Рудогорье), VII и IX-я—южную, VIII-я—восточную, и XI-я—юго-восточную, XII—заглавный листъ.

Остается пожелать, чтобы г.г. Котышка и Ганфъ вслѣдъ за географической картой своей родины издали такую же подробную карту этнографическую.

Г. Ильинскій.

Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva. Redaktor prof. Fr. H a n s l, c. k. okresní školní inspector. Se 362 vyobrazeními a 3 přílohami. Na Smíchově. 1899. 8°. 658 стр.

Пятидесятилѣтіе царствованія императора Франца Іосифа, въ продолженіи котораго чешскій народъ сдѣлалъ такіе гигантскіе шаги на пути къ экономической, нрав-

---

*) Извѣстная этнографическая карта Россіи ген. Риттиха въ настоящее время не можетъ быть признана удовлетворительной ни въ какомъ отношеніи.

ственной и духовной эмансипація своей отчизны отъ чуженароднаго элемента, породило въ интеллигентныхъ кругахъ чешскаго общества счастливую мысль ознаменовать юбилейный годъ изданіемъ серіи всестороннихъ описаній отдѣльныхъ округовъ чешской земли. Читателямъ «Живой Старины» мы сообщали уже объ одной такой попыткѣ, сдѣланной для Новоичинскаго округа учителями этой провинціи *). Нынѣ мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе на другой подобный трудъ, посвященный одной изъ центральныхъ областей Чехіи—Смиховскому гетманству и исполненный также исключительно мѣстными педагогическими силами.

Смиховское гетманство лежитъ на лѣвомъ берегу Влтавы, непосредственно примыкая своимъ главнымъ городомъ, котораго носитъ названіе, къ Прагѣ: только небольшой холмъ Петрина отдѣляетъ г. Смиховъ отъ столицы Чехіи. Политически гетманство раздѣляется на два округа: Смиховскій и Збраславскій, границей которыхъ на востокѣ служатъ гетманства: Карлинское, Виноградское и Бенешовское, на западѣ — Кладенское и Горовицкое, на сѣверѣ—Сланское и на югѣ—Прибрамское.

Описаніе раздѣлено на семь частей.

Въ первой части (стр. 9—105) знакомимся съ естественными условіями края: съ его географическимъ положеніемъ, пространствомъ и границами (гл. I), устройствомъ поверхности (II и V), съ геологическимъ строеніемъ почвы (III), его минеральными, растительными и животными богатствами (IV, VII и VIII), наконецъ, съ его метереологическими условіями (VI).

Вторая часть (стр. 107—124) посвящена изложенію первобытной исторіи страны: здѣсь описаны, между прочимъ, всѣ важнѣйшія археологическія находки, сдѣланныя въ области: самыя древнія изъ нихъ относятся къ эпохѣ ледяного періода.

Предметомъ третьей части (стр. 125—162) служитъ краткій историческій очеркъ округа, составленный на основаніи сочиненій извѣстнѣйшихъ чешскихъ историковъ. Особенное вниманіе обращено въ немъ на исторію соціальныхъ классовъ населенія и отношеніе ихъ другъ къ другу.

Въ четвертой части (стр. 163 — 456) находимъ перечень всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ ихъ алфавитномъ порядкѣ. При каждомъ городѣ или мѣстечкѣ приводятся указанія на мѣстоположеніе, число жителей, достопримѣчательности и, въ заключеніе, сообщается его краткая исторія.

Пятая часть (стр. 457 — 486) — этнографическая. Здѣсь описаны главнѣйшіе обычаи населенія, его нравы, способъ постройки его домовъ, характеръ его одежды и т. под.

Въ шестой части (стр. 485—552) находимъ историческій очеркъ и современное состояніе школьнаго дѣла въ округѣ.

Наконецъ, въ седьмой (стр. 595 — 657) сообщаются статистическія свѣдѣнія относительно всевозможныхъ явленій экономической и промышленной жизни края.

Многочисленные художественно исполненные рисунки, діаграммы и статистическія таблицы, планы и двѣ (географическая и археологическая) карты служатъ такимъ же внѣшнимъ достоинствомъ книги, какимъ ея фактическая содержательность и объективность — внутреннимъ.

Г. Ильинскій.

Starožitnosti země české. Díl I. Čechy předhistorické. Na základě praehistorické sbírky Musea Král. Českého Sestavil Píč. Sv. I. V Praze 1899. Большое 4° 220 стр.+LXXXVII табл.+4 карты.

Эта книга представляетъ только первый выпускъ грандіознаго изданія, предпринятаго г. Пичемъ при ближайшемъ содѣйствіи Чешской Королевской Академіи и имѣющаго задачей описать бытъ и судьбы доисторическихъ обитателей Чехіи. Произведя подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ не мало археологическихъ раскопокъ въ разныхъ мѣ-

*) См. «Жив. Ст.», вып. III (1899 г.) отчетъ о кн. «Moravsko Kravařsko».

стахъ Чехіи, и состоя въ теченіе многихъ лѣтъ хранителемъ доисторическаго отдѣла въ Чешскомъ Музеѣ, сдѣлавшагося благодаря его непрестаннымъ заботамъ однимъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, г. Пичу пришлось пересмотрѣть на своемъ вѣку огромное количество предметовъ и остатковъ доисторической культуры своей родины. Не смотря на постоянное общеніе съ сырымъ матеріаломъ, г. Пичъ никогда не былъ простымъ систематизаторомъ фактовъ, но всегда оставался истиннымъ ученымъ, стремящимся связать груду разнородныхъ фактовъ идеей закономѣрности. Эго качество его работъ дѣлаетъ ихъ интересными и важными не только въ описательномъ, но и принципіальномъ отношеніи.

Въ настоящей работѣ, составляющей итогъ всей научной дѣятельности чешскаго археолога, первая сторона выражается въ обстоятельныхъ строго фактическихъ характеристикахъ быта двухъ древнѣйшихъ народностей Чехіи, оставившихъ слѣды своей жизни на ея территоріи: безымяннаго народца диллювіальнаго періода и непосредственно смѣнившаго его «поколѣнія скорченныхъ скелетовъ» *). Глубокое изученіе предметовъ первобытной культуры дало возможность автору нарисовать очень рельефную картину личной и соціальной жизни автохтоновъ Чехіи, ихъ одежду, пищу, жилища, домашнюю утварь, оружіе, предметы торговли, способы погребенія ихъ покойниковъ и т. д. Наглядности описанія очень способствуетъ многочисленность иллюстрацій въ текстѣ, представляющихъ точные снимки съ археологическихъ сокровищъ Музея. Не удовольствовавшись такого рода украшеніемъ своего текста, г. Пичъ присоединилъ къ книгѣ 87 большихъ таблицъ, изображающихъ предметы доисторической культуры, извлеченные изъ мѣстъ какъ погребенія, такъ и «стоянокъ» туземцевъ. Изданныя отдѣльно, эти таблицы составили бы сами по себѣ очень цѣнный археологическій атласъ. Если прибавить, наконецъ, что къ книгѣ г. Пича приложены различные чертежи и карты, поясняющія расположеніе находокъ, то мы поймемъ, какой богатый кладъ всякаго рода матеріаловъ представляетъ книга г. Пича для археолога.

Но кромѣ этой описательной стороны въ книгѣ г. Пича, какъ мы сказали, есть и теоретическая, которая выражается въ стремленіи пролить свѣтъ на происхожденіе и историческія судьбы указанныхъ двухъ народцевъ. Правда, скудость археологическихъ находокъ относительно быта населенія диллювіальнаго періода Чехіи не позволяетъ ему сдѣлать никакихъ серьезныхъ выводовъ относительно происхожденія и времени прихода этого «безымяннаго» народа, но зато тѣмъ подробнѣе авторъ говоритъ о судьбахъ преемника этого народа—«поколѣнія скорченныхъ скелетовъ». Мы сообщимъ здѣсь только главный итогъ его изслѣдованія. Сравнивая предметы культуры, найденные въ гробахъ этого племени, съ подобными вещами, открытыми въ другихъ мѣстахъ Европы, г. Пичъ приходитъ къ выводу, что племя «скорченныхъ скелетовъ» пришло въ Чехію около 1500 л. до Р. Х. изъ Тюрингіи; переселеніе это произошло недобровольно, но подъ давленіемъ какого-то другого народа; укрѣпившись въ сѣверной и срединной части нынѣшней Чехіи, это племя достигло сравнительно высокой и притомъ самобытной культуры, въ матеріальномъ отношеніи представлявшей переходъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому; не смотря на своеобразіе своей культуры, «поколѣніе скорченныхъ скелетовъ» не жило замкнуто, но находилось въ довольно живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Италіей и восточноальпійскими странами; подпавъ подъ владычество кельтскихъ воинственныхъ ордъ, оно сохраняло свою индивидуальность и подъ ихъ господствомъ, пока не было поглощено этнографически и культурно какимъ-то другимъ племенемъ, жившимъ въ южной Чехіи и практиковавшимъ при погребеніи сожиганіе. Случилось это незадолго до Р. Хр.

Таковы только самые главные результаты трактата автора. Насколько они вѣрны, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если спеціалисты-археологи и сомнѣваются въ теоретическихъ конструкціяхъ г. Пича **), то при-

---

*) Названнаго такъ по тому способу, какимъ оно погребало своихъ покойниковъ.

**) См. подробный нѣмецкій разборъ этого труда г. Бухтели, приложенный къ III вып. «Věstnika Slov. Star.» Нидерле (стр. 1—42 стр.).

чина этого лежитъ не столько въ недостаткѣ критицизма у автора, сколько въ свойствахъ того матеріала, которымъ ему приходилось оперировать, а также вообще въ невыработанности метода подобнаго рода работъ. Во всякомъ случаѣ, какъ трудъ, подводящій итоги работѣ нѣсколькихъ поколѣній и пролагающій путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, книга г. Пича имѣетъ большое значеніе, и значеніе это будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ содержаніе труда будетъ приближаться къ историческимъ временамъ.

Г. Ильинскій.

Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. V Praze. 1898. 8°. 136 стр..

Къ числу труднѣйшихъ задачъ славянской этнографической науки принадлежитъ объясненіе причинъ того необыкновеннаго разнообразія соціальныхъ формъ, которое такъ характеризуетъ современный бытъ славянскаго племени. Представляетъ-ли это разнообразіе явленіе исконное, или есть только результатъ естественной дифференціаціи одной первоначально общей всѣмъ славянамъ формы? Произошло-ли оно подъ вліяніемъ соціальныхъ учрежденій другихъ народовъ, или путемъ самобытнаго органическаго развитія? Какой народъ и въ какой степени сохранилъ первоначальный укладъ славянской жизни въ наибольшей чистотѣ? Вотъ вопросы, которые остаются столь же открытыми, какими были и пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда Шафарикъ клалъ первыя основанія наукѣ «славянскихъ древностей».

Правда, втеченіе этого времени въ славянскихъ литературахъ (въ особенности русской, польской и чешской) явилось не мало теорій, съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ пытавшихся проникнуть въ тайну вопроса, но всѣ эти теоріи (одно перечисленіе которыхъ заняло бы, можетъ быть, цѣлую страницу) имѣли тотъ капитальный недостатокъ, что своей положительной стороной исходили изъ особенностей общественнаго строя какого-нибудь одного славянскаго народа, совершенно игнорируя соціальный бытъ его ближайшихъ соплеменниковъ. Этимъ самымъ заранѣе обрекалась на неудачу и ихъ главная цѣль—реставрація праславянскаго строя, такъ какъ древнѣйшій бытъ о д н о г о народа далеко не всегда совпадаетъ съ древнѣйшей фазой соціальнаго развитія в с е г о племени.

На совершенно иной и гораздо болѣе надежной почвѣ стоитъ молодой чешскій ученый г. Карлъ Кадлецъ, который въ своей работѣ «Семейная община *) въ славянскомъ правѣ» попытался едва-ли не впервые не только на словахъ, но и на дѣлѣ взглянуть на явленіе съ широкой о б щ е с л а в я н с к о й точки зрѣнія. Сравнивая правовое положеніе членовъ сербской задруги съ такимъ же положеніемъ русской крестьянской «большой семьи», авторъ пришелъ къ выводу, что въ основѣ и той и другой лежатъ однѣ и тѣ же нормы обычнаго права. Это заключеніе, сдѣланное на основаніи тщательнаго изслѣдованія лучшихъ сборниковъ обычнаго права (и главнымъ образомъ, Богишича и Якушкина) и подкрѣпленное анализомъ соотвѣтствующихъ историческихъ документовъ обѣихъ народностей, г. Кадлецу естественно пришлось распространить также на чешскую и польскую семью; но такъ какъ послѣдняя уже давно получила организацію римскаго положительнаго права, то доказать это ему удалось развѣ только въ отношеніи къ ея историческому прошлому. Установивъ такимъ образомъ фактъ существованія одного и того же общественнаго института у всѣхъ славянскихъ народовъ, г. Кадлецу оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы придти къ убѣжденію, что «нынѣшнія русскія и югославянскія учрежденія представляютъ продуктъ того глубоко древняго времени, когда всѣ славяне составляли единое племя». Юридическій характеръ этого учрежденія онъ опредѣляетъ понятіемъ «задруга», въ которой видитъ «извѣстную систему частнаго (soukromého) права, основанную съ одной стороны на

*) Такъ мы переводимъ крайне неудачный, но постоянно употребляемый г. Кадлецомъ терминъ nedíl, который, какъ отрицательный, слишкомъ широкъ для такого точнаго понятія, какъ «задруга».

началахъ семейнаго (rodinného) права, съ другой стороны на принципахъ всеобщаго (коллективнаго) имущественнаго права на недвижимости (věcného práva k nemovitostem)» (стр. 136).

Таковъ, говоря вкратцѣ, главный результатъ изслѣдованія г. Кадлеца. Хотя теорія чешскаго ученаго сама по себѣ и не нова—о задругѣ какъ учрежденіи праславянскомъ говорили еще Палацкій у чеховъ и Леонтовичъ у насъ—тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ ученыхъ, какъ первая попытка рѣшить вопросъ на основаніи сравненія обычныхъ учрежденій всѣхъ славянскихъ народовъ. Того же требуютъ и другія внутреннія достоинства труда г. Кадлеца: строго выдержанный сравнительный методъ изслѣдованія, объективность, выражающаяся въ стремленіи говорить не словами, а фактами, и стройная систематичность изложенія. Значеніе работы г. Кадлеца ослабляется правда такими крупными недостатками, какъ слишкомъ широкая и растяжимая юридическая терминологія автора, благодаря которой онъ нерѣдко соединяетъ явленія, имѣющія только отдаленное сходство, и довольно тѣсный кругъ историческихъ источниковъ автора: г. Кадлецъ пользуется только самыми извѣстными изъ нихъ, «классическими»; но вопросъ, затронутый г. Кадлецомъ, такъ сложенъ и запутанъ, что авторъ оказалъ бы услугу читателю даже въ томъ случаѣ, если бы его книга только оріентировала въ вопросѣ. Но она даетъ гораздо больше...

Г. Ильинскій.

Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Verfasst von R. E. Petermann. Wien. 1899. 8°. XV + 602 + LX стр.

Основанное въ 1894 году въ Вѣнѣ «Общество содѣйствія народно-хозяйственнымъ интересамъ Королевства Далмаціи» задумало издать такое цѣльное и систематическое описаніе Далмаціи, которое точныя данныя спеціальнаго географическаго сочиненія излагало бы въ порядкѣ и формѣ общедоступнаго путеводителя. Хотя совмѣщеніе въ одной книгѣ двухъ столь разнородныхъ задачъ теоретическаго и практическаго изученія и имѣетъ свои неудобства, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что лишь такимъ путемъ популяризація географіи извѣстной страны можетъ принести прочные результаты, въ особенности, когда она производится такимъ опытнымъ ученымъ, какъ г. Р. Петерманнъ.

Уже одна внѣшность книги производитъ на читателя самое благопріятное впечатлѣніе. Этотъ компактный томъ заключаетъ въ себѣ около 700 страницъ довольно мелкаго текста, на пространствѣ которыхъ помѣщено 165 художественно исполненныхъ рисунковъ, изображающихъ то наиболѣе живописные ландшафты Далмаціи, то различные типы ея населенія, то виды ея городовъ, то снимки съ различныхъ историческихъ достопримѣчательностей; четыре географическихъ карты, съ славянскими названіями на первомъ мѣстѣ и итальянскими на второмъ, воспроизводятъ какъ общее мѣстоположеніе Далмаціи, такъ и окрестности городовъ Задра, Сплѣта, Дубровника и Боки Которской; четыре плана трехъ важнѣйшихъ населенныхъ центровъ Далмаціи: Задра, Сплѣта и Дубровника, а также исторической Солоны столь же изящны по своему исполненію, сколько подробны по своимъ указаніямъ; наконецъ, обиліе разнообразныхъ приложеній, между которыми обращаютъ особенно вниманіе статистическія таблицы распредѣленія населенія по различнымъ округамъ Далмаціи, увеличиваютъ уже не только внѣшнюю, но и внутреннюю цѣнность книги.

Что касается послѣдней, то она обусловливается главнымъ образомъ, свѣжестью и точностью сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній. Книга открывается введеніемъ, въ которомъ послѣ краткой характеристики Далмаціи какъ страны, и въ георафическомъ и въ культурномъ отношеніи составляющей переходъ отъ востока къ западу, г. Петерманнъ перечисляетъ важнѣйшія описанія Далмаціи, существующія въ литературѣ, и опредѣляетъ задачу своей книги. Послѣ практическихъ указаній относительно продолжительности путешествій по Далмаціи, средствъ ея сообщенія и т. д., слѣдуетъ общее описаніе Далмаціи,

гдѣ разсмотрѣны географическое положеніе и размѣръ площади страны, ея оро- и гидрографическое устройство, геологическое строеніе, климатическія условія, характеръ флоры и фауны, а также явленія экономической и промышленной жизни края, какъ-то состояніе земледѣлія, винодѣлія, лѣсного промысла, рыболовства, скотоводства и т. п. Перечислены также пути сообщенія края и приведены статистическія данныя относительно распространенія различныхъ народностей и религій. Особая глава посвящена очерку исторіи Далмаціи, съ эпохи заселенія края иллирійцами до присоединенія королевства къ Австріи. За этимъ обширнымъ общимъ описаніемъ Далмаціи слѣдуетъ болѣе спеціальное, причемъ различные пункты страны описываются по мѣрѣ ихъ удаленія отъ сѣвера на югъ. Такимъ образомъ, читатель объѣзжаетъ вмѣстѣ съ авторомъ всю Далмацію, начиная свой путь у Полы и кончая его Черногоріей и островомъ Корфу.

Г. Ильинскій.

Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевич. У Львові, 1899 (Материяли до українсько-руської етнології, вид. етногр. комм., Т. II). 8°. 144 стр.

Отсутствіе всесторонняго этнографическаго и антропологическаго очерка гуцуловъ составляло до сихъ поръ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ пробѣловъ русской этнографіи. Кромѣ небольшихъ этюдовъ профессора Черновицкаго университета Кайндля, предметомъ которыхъ служили только буковинскіе гуцулы, въ литературѣ нельзя указать никакихъ систематическихъ руководствъ относительно быта гуцуловъ, такъ какъ отдѣльныя мелкія статьи и замѣтки, посвященныя этому загадочному народцу, или слишкомъ поверхностны и мало самостоятельны, или касаются только одной какой-нибудь стороны культуры гуцуловъ, напр. языка.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ мы должны привѣтствовать монографію проф. Шухевича, первый томъ которой вышелъ въ прошломъ году во Львовѣ. Основанная на свыше 20-ти-лѣтнихъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, она впервые даетъ намъ картину физической организаціи и быта всѣхъ галиційскихъ гуцуловъ, не вдаваясь въ описаніе частныхъ и единичныхъ особенностей этого быта.

Книга раздѣлена на восемь главъ. Первая (стр. 1—24), наименѣе самостоятельная, посвящена описанію естественныхъ условій края: его устройства поверхности, геологическаго строенія, климата, флоры, фауны, минеральныхъ богатствъ и т. д. Вторая (стр. 25—53) посвящена этнологическому очерку гуцуловъ: авторъ излагаетъ здѣсь исторію ихъ племенного названія, заимствованнаго вѣроятно отъ румыновъ (гоц — по румынски знач. разбойникъ, ул — уменьшит. суффиксъ), описываетъ особенности ихъ языка, мелодіи ихъ пѣсенъ, семейныя отношенія, занятія и промыслы, нравственныя и духовныя качества и въ заключеніе устанавливаетъ семь причинъ ихъ возрастающаго обѣдненія: 1) избытокъ населенія, 2) пьянство, 3) непосильныя подати и налоги, 4) чрезмѣрно легкій кредитъ, удѣляемый гуцуламъ множествомъ разсѣянныхъ по всему краю банковъ, 5) постоянные судебные процессы, которые гуцулы ведутъ между собой нерѣдко только изъ тщеславія, 6) еврейская эксплоатація и 7) недостатокъ просвѣщенія.—Въ третьей главѣ (стр. 54—73) сообщаетъ подробныя статистическія данныя распространенія гуцуловъ по тремъ повѣтамъ Галиціи: Коссовскому, Печенѣжскому и Надворнянскому, а также по ихъ отдѣльнымъ селамъ, причемъ оказывается, что общее число гуцуловъ не превышаетъ нынѣ 60 тысячъ. Цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ показываетъ распредѣленіе по общинамъ пашенъ и различныхъ угодій, относительное распредѣленіе домашнихъ животныхъ, подато- и налогоспособность громадъ и проч. Въ четвертой (стр. 74—85) и пятой (86—114) главахъ находимъ описаніе устройства гуцульскаго села и дома, а въ шестой (стр. 115—119)—церкви. Эти очерки носятъ чисто фактическій характеръ, также какъ и седьмая глава (стр. 120—139) и восьмая (стр. 140—144), посвященныя описанію одежды и пищи гуцуловъ.

Съ внѣшней стороны книга издана безукоризненно: кромѣ трехъ цвѣтныхъ иллюстрацій, изображающихъ мужской и женскій типы гуцуловъ и ихъ одежду, въ текстѣ

помѣщено множество разнообразныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ большею частью съ собственноручныхъ фотографическихъ снимковъ автора.

Г. Ильинскій.

Етнографічний збірник. Видае етнографічна комісия Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. VI. Галицько-руськи анекдоти. Зібрав В. Гнатюк. У Львові. 1899. 8°. XII. стр. + 370.

Такъ-называемые «простонародные» юмористическіе разсказы и анекдоты до послѣдняго времени не пользовались особеннымъ расположеніемъ г.г. этнографовъ. Потому-ли, что не была сжата до сихъ поръ вполнѣ богатая нива пѣсенъ, сказокъ и легендъ, или потому, что этотъ «низшій» родъ литературы самъ по себѣ не могъ привлечь пытливаго ума изслѣдователя, но наблюдатели народнаго быта записывали ихъ до сихъ поръ только мимоходомъ и въ своихъ сборникахъ удѣляли имъ мѣсто лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. И если исключить старый сборникъ Врчевича *), въ славянской этнографической литературѣ до сихъ поръ не было ни одного сборника, посвященнаго спеціально произведеніямъ народнаго остроумія.

Этотъ крупный пробѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ области одной этнографической индивидуальности—малорусскаго народа, восполняетъ г. Гнатюкъ книгой, названіе которой мы выписали выше. И по обилію матерьяла, и по научности его изданія, послѣднее не заставляетъ желать ничего лучшаго. Въ сборникъ вошло 700 разсказовъ, записанныхъ исключительно въ Галицкой Руси и раздѣленныхъ на три отдѣла. Въ первомъ находимъ анекдоты, содержаніе которыхъ касается разныхъ слоевъ населенія вообще: крестьянъ (причемъ разсказы о «бабахъ» напечатаны отдѣльно отъ анекдотовъ о «мужикахъ»), слугъ, нищихъ, калѣкъ, преступниковъ, ремесленниковъ, школяровъ, духовныхъ лицъ и господъ. Это—самый богатый отдѣлъ, такъ какъ изъ общаго числа—700 въ его составъ вошло 355 №№. Второй отдѣлъ содержитъ (№№ 356—586) анекдоты, высмѣивающіе племенные недостатки различныхъ народностей: русиновъ (бойковъ и гуцуловъ), поляковъ, великороссовъ, чеховъ, нѣмцевъ, евреевъ и цыганъ. Наконецъ, третій отдѣлъ (№№ 586—700) посвященъ историческимъ анекдотамъ, между которыми первое мѣсто по числу занимаютъ разсказы о «Каневскомъ» или Ник. Потоцкомъ (1712—1782), польскомъ магнатѣ, перешедшемъ изъ католичества въ унію, и потому необыкновенно популярномъ въ сельскомъ населеніи Галичины. Въ третій же отдѣлъ включены и анекдоты о глупцахъ, а также разсказы, описывающіе приключенія малорусскихъ бароновъ Мингаузеновъ.

Всѣ анекдоты изданы фонетическимъ правописаніемъ, многіе съ обозначеніемъ удареній; при каждомъ точно указывается время, когда, и мѣсто, гдѣ былъ записанъ извѣстный разсказъ; приводятся также фамиліи лицъ, сообщившихъ и записавшихъ анекдотъ. Но что особенно намъ пріятно встрѣтить въ сборникѣ г. Гнатюка, — это обильныя библіографическія указанія на изданныя уже другими изслѣдователями параллели къ разсказамъ, напечатаннымъ малорусскимъ этнографомъ. Благодаря этому обстоятельству, въ значительной степени облегчается работа будущаго изслѣдователя литературной исторіи этихъ разсказовъ.

Г. Ильинскій.

Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони. Вып. первый. I—II. Изд Отд. р. я. и с. И. А. Н. Спб. 1899. 8°. XIX стр. + 216 + 8 + XII.

Настоящая книга — только первый выпускъ начатаго г. Симони восьмитомнаго

*) Српске народне приповиjетке. Беогр. 1868 г.

изданія памятниковъ народной словесности гномическаго содержанія. Важность такого изданія очевидна. Главный вопросъ, къ которому обыкновенно сводятся разысканія ученыхъ въ области произведеній народно-поэтическаго творчества, есть вопросъ о ихъ происхожденіи. Но опредѣлить (хотя бы только приблизительно) генетическую зависимость между десятками и сотнями варіантовъ одного и того же произведенія возможно лишь при наличности такого критерія ихъ древности, который бы, съ одной стороны, давалъ намъ средство сравнивать ранѣе записанныя и потому мало еще подвергнувшіяся трансформаціи произведенія съ такими же произведеніями позднихъ записей, съ другой стороны, устанавливалъ точки соприкосновенія съ литературой искусственной. Подобнымъ критеріемъ и могутъ служить разные старинные сборники пословицъ, поговорокъ и т. д., которые, давая готовый основной текстъ для пословицъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣнимое пособіе для будущаго критическаго изданія произведеній этого рода народной литературы.

Нельзя не быть глубоко благодарнымъ г. Симони, что онъ не побоялся предпринять многотрудное изданіе подобнаго рода сборниковъ, общее число которыхъ достигаетъ 30. Двѣ трети изъ нихъ (19 №№) до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, и если были извѣстны ученымъ, то лишь по названіямъ рукописей, въ которыхъ они сохранились. Хотя остальную часть составляютъ печатные сборники и хотя нѣкоторые изъ нихъ знакомы каждому занимающемуся русской литературой (сборникъ Чулкова, импер. Екатерины и др.), тѣмъ не менѣе переизданіе и этихъ сборниковъ въ высшей степени желательно уже потому, что они давно являются библіографической рѣдкостью. По времени только 3 сборника относятся къ началу нашего вѣка (2—рукоп., 1—печатн.), большая же часть принадлежитъ къ серединѣ или концу XVIII в., а именно къ годамъ: 1741 г. (ркп.), 1738—1743 (ркп.), 1753 (ркп.), 1754 (ркп.), 1755 (ркп.), 1758 (ркп.), 1769 (печ.), 1770 (печ.), 1770 (печ.), 1773 (печ.), 1781 (печ.), 1782 (печ.), 1785 (печ.), 1788—1795 (ркп.), 1790 (ркп.), 1790 (печ.), 1794 (печ.), 1798 (печ.).

Безъ опредѣленной даты къ тому же времени относится шесть рукописей. Кромѣ того, два рукописныхъ сборника восходятъ къ нач. XVIII в.,—одинъ къ 1714 г., другой—безъ даты, а одинъ—даже ко второй половинѣ XVII в.

Въ составъ настоящаго перваго выпуска этого собранія вошли только два послѣднихъ памятника. Изъ нихъ особенно интересенъ второй, который хранится въ очень разнообразномъ по своему содержанію сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Хотя на основаніи его бумажныхъ знаковъ время его написанія относятъ къ 1681—1694 г.г., содержаніе его можно бы признать, по крайней мѣрѣ, на цѣлый вѣкъ старше, если только вѣрить словамъ „предсловіга до читателѧ“: „ова же писана издревле, мню гако лѣт за стω или болше“. Изъ приложеннаго къ книгѣ этюда проф. Ѳ. Е. Корша о языкѣ этого сборника, видно, что сборникъ былъ составленъ гдѣ-нибудь въ области Московскаго говора. О личности составителя сборника ничего положительнаго неизвѣстно, но по догадкамъ издателя имъ могъ легко быть ближайшій сотрудникъ Епифанія Славинецкаго, монахъ Чудова монастыря Евѳимій (+ 1705). Пословицы расположены въ алфавитномъ порядкѣ, также какъ и въ другомъ изданномъ здѣсь же сборникѣ. Этотъ послѣдній, составляющій нынѣ собственность Академіи Наукъ, относится уже къ Петровскому времени и представляетъ собой также только часть сборника смѣшаннаго содержанія. Языкъ его носитъ въ себѣ явныя черты сѣвернаго (вологодскаго) нарѣчія.

Къ изданію обоихъ этихъ памятниковъ народной мудрости г. Симони приложилъ строго-научные пріемы. Оба собранія напечатаны слово въ слово, буква въ букву, съ точнымъ сохраненіемъ ихъ правописанія и даже интерпункціи; единственныя отступленія отъ подлинника издатель позволяетъ себѣ въ печатаніи собственныхъ именъ съ прописной буквы и въ раздѣленіи словъ. Изданію обоихъ памятниковъ предшествуетъ очень подробное, переходящее иногда въ скрупулёзность, описаніе внѣшняго вида рукописей, а также обстоятельный обзоръ ихъ содержанія. При этомъ, авторъ не жалѣетъ мѣста на дословныя выписки изъ статей, представляющихъ какой-либо интересъ въ

литературномъ отношеніи; таково, напр., «Выданіе о добронравіи», которое заключается въ указанномъ уже архивномъ сборникѣ, и которое г. Симони привелъ цѣликомъ въ сличеніи съ его польскимъ прототипомъ «Politica dworskie przez Jana Zabczyca» (по ркп. библ. гр. Замойскаго). Приложенныя къ книгѣ XIII таблицъ снимковъ прекрасно объясняютъ палеографическія особенности рукописей.

Вообще пріемы изданія памятниковъ такъ безукоризненны и такъ образцовы, что сказать что-нибудь противъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Мы можемъ выразить только сожалѣніе, что авторъ не присоединилъ къ своей книгѣ примѣчаній, въ которыхъ были бы приведены параллели печатаемыхъ здѣсь пословицъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ звѣздочкой тѣхъ изъ нихъ, которыя являются въ научной литературѣ въ первый разъ.

Г. Ильинскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Смерть, похороны и причитанія.

(Этнографическій матеріалъ Калужской губерніи).

Смерть, похороны, причитанія.

Умретъ человѣкъ. Умершему несутъ муки всѣ сосѣди ближніе и дальніе; кто принесетъ свѣчей, кто принесетъ денегъ. Деньги идутъ на панафидки.

Когда умретъ покойникъ, его обмываетъ особенная старушка, «наздѣваетъ» на него чистенькую рубашку, обуваетъ его въ «башмѝчки», окрываетъ всего саваномъ (саванъ дѣлается изъ полотна); накрываетъ покойнику глаза полотномъ.

Когда приходитъ священникъ, накрываетъ покойника ризою. Покойника подымаютъ въ церковь и несутъ по сторонѣ, и всякій около своего дома служитъ панафидку.

Когда покойника опускаютъ въ могилу, бросаютъ въ могилу деньги: каждый скодько можетъ—въ вѣковѣчный домъ.

«Хозяевà» приглашаютъ батюшку на домъ, созываютъ родныхъ, сосѣдей, и всѣ служатъ панафидки по покойномъ. Потомъ хозяева приглашаютъ батюшку и всѣхъ присутствующихъ сѣсть за столъ и помянуть за трапезой покойнаго.

За похороны платятъ батюшкѣ рублей пять.

На похоронномъ обѣдѣ подается холодецъ, солонина, баранина, свѣжина.

На шестинедѣльномъ поминовеніи подается кисель съ медомъ.

Плачутъ женщины и причитываютъ, когда причищаютъ покойнаго, когда хоронятъ, когда поминаютъ.

Ежели ѣдетъ встрѣча, когда несутъ покойника, то ждутъ еще покойника въ скоромъ времени.

Когда покойникъ умретъ, и въ немъ до обѣда «кровѝ» не захолодаютъ, то ожидаютъ въ скоромъ времени еще покойника.

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по матери.

Родная ты мая матушка, что-жъ ты мине, малую сиротинушку, покинула и съ малыми дѣтками своими?

Скажи, мая родная матушка, какъ мнѣ съ ними горя проводить? Какъ мнѣ ихъ узрастить?

Куды мнѣ маю нисчасную галовушку опридилить?

Скажи, родная матушка, хто мною будить клопотàть и пичалитца; хто мнѣ што пригадаить и хто мнѣ што придумаить?

Хто мине будить работушки привучать и хто мине будить на разумъ наставлять?

И кому я нада, и кому я жалка?

Правѣть, мая родная матушка, хуть единственная словичка какъ мнѣ съ малости лѣтъ горюшка гаривать и къ кому мнѣ пріютитца и къ кому мнѣ прикланутца.

Радимый жа мой батюшка нипастаянный жизни, и тожъ онъ самъ у дварѣ ни

живётъ. Одна жъ у мине родная тётушка—тая у бѣдности живётъ ничаво она мнѣ ни пумагѣть.

Дѣтки маи малыи, дѣтки маи дробныи, радимый мой братицъ, радимая мая сестрица, подыйдитя къ сваей родный матушки и успрасйтя у сваей родный матушки, у бабушки, на каво ана надѣилась...

Ана жъ знаить наша радимая матушка, што у ей никаво радныхъ нѣтути.

Каба жъ намъ малымъ дѣткамъ и дробнымъ сиротамъ каба жъ была сродствія какая!...

Какъ у прочихъ матакъ родный батюшка,—онъ ба нашъ былъ родный дядюшка: каба жъ тибѣ, родная матушка, былъ родимый братчикъ, іонъ ба намъ былъ родный дядюшка: онъ ба насъ пріючалъ и онъ ба намъ горюшка разсказалъ.

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе „на дитья".

Дѣтки мяи малыи, дѣтки маи жалкаи, ня гнѣвайтись, маи дитятушки, што я за вами плоха хадила—вѣрно, а васъ ни накармила и ни напоила!..

Когда вы наражались, я тольки Господа Бога и просила, каба васъ только у хрящёную вѣру увести, а памрёшь—и Бохъ съ табою!...

Жизнь мая нипастаянная, судьба мая нисчасная!... И съ маласти лѣтъ я горя приняла и съ маладости я дабра ни видала и къ старости сибѣ дабра ни съ откѣда ни вижу: и ноженьки сваи я притаптала и рученьки сваи я примахала—чужіи работушки работала...

Ну, вы, дѣтки маи милыи, пумалитя Господу Богу аба мнѣ, каба мнѣ Гаспотъ вѣку укаратилъ: я ажидаю таво! што къ старасти кармить—паить мнѣ некаму и печалитца мною некаму...

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе, какъ мужа въ солдаты провожала.

Друхъ жа ты мой, друхъ жа ты мой жалкый!

Ягада жъ ты мая ни саспѣлая, ягада жъ ты мая нисазрѣлая, твой жа родный батюшка и твая родная матушка и твае родныи братцы усё тибѣ гаварили «мы пайдемъ длинную дорогу мѣрить—ты атстанисься дома»...

А родная мать и скажить: «дурная галава добраю съѣсть да канца: пайдёть мая дитя Аликсѣюшка, а ты атстанисься дома—такой нигадяй!»

Ни знала твая родная матушка, што ету тибѣ нужду снесть; не знала твая радимая, что ету тибѣ длинную дорогу мѣрить.

Ну, пращай, мой милый друхъ: атставилъ ты мине, милый друхъ съ младасти лѣтій горя горивать и чужія дворы мнѣ считать, чужимъ атцамъ съ матирями служить.

Прикажи, мой милый друхъ, свайму родныму батюшки, када я буду мима итить, и зайду къ имъ за госьтя, штоба ины мине пакармили и напаили, штоба добрымъ мине славамъ пріютили—и тымъ я буду давольна и благадарна.

(с. Пятницкое, Мосальскаго уѣзда).

Причитаніе по мужу.

Куда жъ ты, милый дружичка, и харашо ли тибе я, милый дружичка, вабрала?!

Что же ты, милая дружичка, ты мине съ маладыхъ гадочкавъ бросилъ и съ малыми дѣтушками?!

Я за тобою, милый дружичка, пажила и въ волюшки и въ холюшки; была я адѣта и абута; была я и сыта, и давольна.

Ни дай мнѣ, милый дружичка, мнѣ, горькей, мучитца—и паложьтя вы, мине, горькію, къ сибѣ рядушкамъ и сваихъ дѣтушикъ милыхъ ни даращоныхъ.

Када падходимъ къ магилачки, просимъ:

— Разступись, матушка сыра зимля, раскалися, грабава доска! Распалыхнитись, бѣлы палатны! Развиди свои уста халодныи и прикажи мнѣ, милый дружичка, какъ мнѣ малалѣтныхъ возрастать будить.

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Дочь причитываетъ:

Харашо ли тибе, матушка, харашо ли тибе, родная, я тибе сабрала?!

Куды жъ ты, матушка, скора паспишила?!

Въ какую ты дарожиньку ты атправляишьси, въ дарожиньку нивазвратимую?

Ты, мая матушка родная, была привѵтница, придѵмщица... прійдимъ къ тибѣ, горькіи, въ гости мы съ сваимъ горимъ, а ты мине, матушка, всё взвисяляишь!...

Чаво мнѣ ни дастанить, чаво мнѣ ни прибритѣть мужъ съ плахою галовушкаю, ты мнѣ, бывала, всё всё дабавляишь.

Нахажусь разутая и раздѣтая—сжальтись да мине да горькій и ни дайте мнѣ на бѣламъ свѣти горюшка мыкать.

Подходя къ могилѣ вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго, дочь причитываетъ громко выкликивая:

«Разступись, матушка сыра зимля, и раскатись, грабава даска, и распалыхнитись, бѣлы полатны—развидитя сваи уста халодныи, ускройтя сваи ясны очи, матушка, и скажите хуть одно мнѣ словичка—вы бъ умолили Господа Бога и положили бъ вы мине горькію съ малыми дѣтушками къ сибѣ рядушкамъ.

Причитаніе по ребенку.

Что жъ ты, дѣтычка милая, куды жъ ты сабралси? Или я, дѣтычка, за табою плоха хадила? Ни за чѣмъ, дѣтычка, я ни кидаласи, ни за какою работашкаю... я тибе наблюдала: я думала, што тибе узращу—всё на тибе радовалася—думалась вырастить къ старасти на пракармленіе.

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по родителямъ.

Радимый батюшка, что же вы, родный батюшка, ѵздумали? Какую вы дарожиньку сабралися? И вы мине, радитили, бросили втакую горькую—ни дорастили вы мнѣ маихъ малалѣтныхъ!

И вы мине, горькію и нисчасную, вы бъ мине палажили бъ къ сибѣ падъ правая крылушка... И какъ вы, мои радители, очинь скора паспишили и аставили мине горькію нисчасную! Я, матушка гасударыня, ни магу безъ васъ сваихъ малалѣтныхъ возрастить—и находимся мы, радитили, и галодныи и халодныи!

Вы бъ, маи радитили Госпада Бога аба мнѣ абъ горькій, и палажили бъ маихъ малалѣтныхъ вы къ сабѣ подъ правыя крылушка, и ни дайтя вы имъ па чужимъ углушкамъ шататца!...

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Причитаніе по отцу.

Радимый батюшка жаланный, што жъ ты мине горькую бросилъ биздачорную *)?

На каво жъ ты мине спакинулъ?

Асталась я горькія нисчастная круглая сирата!

Заставилъ ты мине, батюшка, кукушкай кукувать, горькый пташкай гаревать:...

Не съ кимъ мнѣ, батюшка, словичка сказать, негдѣ мнѣ, горькій, несчастный,

*) Въ словѣ «биздачорную» «*б*» произносится какъ «*п*».

глазачки простудить. Не съ кимъ мнѣ падумать, не съ кимъ мнѣ посавѣтыватца. А ты, батюшка, былъ мнѣ придумщикъ, былъ са мной савѣтщикъ. Када я ни пайду съ какимъ горюшкамъ, ты са мной падуманшь, ты са мной пасавѣтуишь. Отдумалъ *) радимый мой батюшка, отсовѣтывалъ! прашшай, мой родный батюшка, прашшай, жаланный! Ускрой свои ясны вочушки, прамолви, батюшка, хуть адно словичка! Кличу я тибе, батюшка родный, кличу, ни дакличуся!

Ничаво ты, батюшка родный, на эты славечушки, ничаво ты мнѣ ни атмолвилъ!

Пакланись ты, мой родный батюшка, маей родный матушки; разскажи ты родный матушки, какъ я горькая, несчасная, бизъ тибе горюшка мычу съ малалѣтными съ дѣтушками.

(с. Желѣзцево, Перемышл. уѣзда).

Тетка утѣшаетъ плачущую.

— Не плачъ, не плачъ, милая: какъ нибудь Гаспоть абдумаить! тапер сами стали матирьй!

— Какъ жа мнѣ, тетушка радимая, ни плакать, ни гаревать. Остались мы горькiи, нисчастныи, кругомъ горькiи безродныи...

Причитанiе по ребенку.

Охъ, ты, милый мой дитёначикъ, жаланный ты, мой дитенакъ, што ты уздумалъ, што ты загадалъ: либо ты галодёнъ былъ, либо ты халадёнъ былъ...

Куда жъ ты, мой дитёначикъ, куда жъ ты паспишаишь, у какую путь—дарожиньку? Аткуда намъ, дитёначикъ, тибе дажидатца?

Скажи, мой дитёначикъ, въ какой день небе паджидать, въ какой празникъ.

Хадила я за табой хадила, ночки ни спала, все думала пиримѣнушки дождусь!

(с. Желѣзцево, Перемышл. уѣзда).

Сообщ. *В. Н. Добровольскiй.*

О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихо-океанской экспедицiи.

(Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества).

Пользуемся промежуткомъ свободнаго времени, чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнiя о составѣ и задачахъ Сибирскаго Полярнаго Отдѣла Сѣверо-тихо-океанской Экспедицiи. Составъ экспедицiи въ настоящее время увеличился двумя новыми членами. Одинъ изъ нихъ Норманъ К. Бёкстонъ—американецъ, и прикомандированъ къ нашему отдѣлу Зоологическимъ Департаментомъ Музея въ качествѣ коллекцiониста-зоолога и отчасти ботаника. Г. Бёкстонъ участвовалъ въ Экспедицiи, снаряженной въ 1896 г. Филадельфiйской Академiей Наукъ къ мысу Барро для составленiя этнографическихъ и зоологическихъ коллекцiй, которыя въ настоящее время разработываются въ г. Филадельфiи, въ вышеназванной Академiи. Другой изъ новыхъ членовъ экспедицiи Александръ Аксельродъ—швейцарецъ, студентъ Цюрихскаго Политехникума и приглашенъ нами въ качествѣ помощника при производствѣ этнографическихъ и антропологическихъ работъ. Музей снабдилъ насъ также метеорологическими и геологическими инструментами, и, насколько позволитъ досугъ, мы будемъ собирать свѣдѣнiя и по этимъ отдѣламъ. Г. Бёкстону инструкцiя зоологическаго департамента указываетъ обратить главное вниманiе на мелкихъ млекопитающихъ, затѣмъ также на крупныхъ млекопитающихъ,

*) *О* въ словѣ «отдумалъ» произносится съ большою выразительностiю.

птицъ и рыбъ. Онъ будетъ также заниматься собираніемъ растеній для гербарія и насѣкомыхъ.

Главной задачей экспедиціи является однако ея этнографическая часть, а именно подробное изученіе трехъ народностей сѣверо-востока Азіи: юкагировъ, коряковъ и чукочъ съ точки зрѣнія этнологической, лингвистической и соматологической. Коллекціи Экспедиціи должны охватить весь объемъ матеріальной и духовной жизни племенъ и, кромѣ различныхъ предметовъ туземнаго производства, будутъ заключать обширное собраніе антропологическихъ фотографій, антропометрическихъ измѣреній и гипсовыхъ масокъ. Для этой цѣли у насъ имѣется пять фотографическихъ аппаратовъ различной системы, 3.000 пластинокъ, два фонографа, два прибора антропометрическихъ инструментовъ системы проф. Бонза и проч. Изученіе другихъ племенъ той же области: ламутовъ, аратскихъ эскимосовъ (быть можетъ, даже камчадаловъ) тоже будетъ производиться, хотя по инструкціи Музея оно имѣетъ только второстепенное значеніе. Впрочемъ, составленіе подробныхъ плановъ работы и распредѣленіе ея отдѣловъ предоставлено музеемъ на наше усмотрѣніе, но съ тѣмъ, чтобы матеріалы, собранные нами во время нашей предыдущей Экспедиціи, послужили отправнымъ пунктомъ для новыхъ работъ.

Музей предоставилъ въ наше распоряженіе средства, вполнѣ достаточныя для успѣшнаго веденія работъ, и общая сумма расходовъ по нашему Отдѣлу въ настоящее время достигаетъ 15.000 долларовъ.

Въ Нью-Іоркѣ мы провели три недѣли, занимаясь подготовленіемъ къ экспедиціи. Проф. Бонзомъ за это время былъ организованъ рядъ собраній, гдѣ принимали участіе различные члены Сѣверо-тихо-океанской экспедиціи, находившіеся въ Нью-Іоркѣ (г.г. Бертольдъ Лауферъ, Гарланъ Смитъ, К. Фаррапъ и др.), а также и другіе заинтересованныя лица. На этихъ собраніяхъ происходилъ обмѣнъ мнѣній по различнымъ вопросамъ этнологіи народовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Тихаго Океана, и между прочимъ былъ прочитанъ рядъ рефератовъ профессоромъ Бонзомъ объ эскимосскомъ языкѣ, Богоразомъ о чукотскомъ языкѣ, Іохельсономъ о юкагирскомъ языкѣ и д. Б. Лауферомъ о языкѣ айновъ. Докторъ Лауферъ два мѣсяца тому назадъ вернулся изъ Азіи, гдѣ онъ провелъ въ качествѣ члена Сѣверо-тихо-океанской экспедиціи два года среди гиляковъ, гольдовъ и айновъ. Въ настоящее время, онъ находится въ Нью-Іоркѣ и намѣревается приступить къ обработкѣ своихъ матеріаловъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ прочелъ докладъ о своихъ работахъ въ Нью-Іоркскомъ этнологическомъ обществѣ.

Изъ С.-Франциско мы отправляемся завтра черезъ Гонолулу и Нагасаки во Владивостокъ, куда разсчитываемъ прибыть въ началѣ русскаго мая.

Во Владивостокѣ мы займемся окончательной организаціей экспедиціи, разборкой запасовъ, отправленныхъ нами туда изъ Одессы, С.-Петербурга, Москвы, Антверпена, Нью-Іорка и С.-Франциско. Общій вѣсъ нашей клади вмѣстѣ съ тѣми запасами, которые будутъ пріобрѣтены во Владивостокѣ достигаетъ 1000 пудовъ. Во Владивостокѣ экспедиція раздѣлится на двѣ партіи. Первая подъ руководствомъ Богораза отправится въ Анадырскій край и къ Берингову морю. Другая подъ руководствомъ г. Іохельсона— въ Гижигинскій округъ. Обѣ партіи имѣютъ съѣхаться зимою въ Гижигѣ, откуда Богоразъ возвратится на чукотскій полуостровъ, и закончитъ полевыя работы осенью 1901 года; къ тому времени имѣетъ за нимъ пріѣхать спеціальный пароходъ. Г. Іохельсонъ имѣетъ окончить свои работы въ Гижигинскомъ округѣ лѣтомъ 1901 года, послѣ чего онъ долженъ черезъ Становой хребетъ перейти въ верховье Колымы для дополненія своихъ матеріаловъ о юкагирахъ. Обратный путь въ Нью-Іоркъ онъ совершитъ черезъ Якутскъ, Иркутскъ и С.-Петербургъ. По дорогѣ г. Іохельсону поручено составить Якутскую коллекцію, для которой ассигнована спеціальная сумма.

Таковы въ общемъ планы нашего отдѣла Сѣверо-Тихо-Океанской экспедиціи.

Предъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка мы просили проф. Бонза посылать Вамъ копіи нашихъ отчетовъ Музею о ходѣ нашихъ работъ.

Владиміръ Богоразъ. В. Іохельсонъ.

С.-Франциско.
16/3 Апрѣля 1900 г.

Стран.

4. П. Лупповъ. „Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка". *И. Сырнева.* . . . . 277—283
5. Nová mapa Království českého. Sestavil V. Kotyška Kreslil N. Hanf. Měřítko 1:200.000. *Г. Ильинскаго* . 283
6. Smíchovsko a Zbraslavsko. Společnou prací učitelstva Redaktoř prof. Fr. Hansl, c. k. okresní školní inspector. *Г. Ильинскаго* . . . . 283—284
7. Starožitnosti země české. Sestavil L. Pič Díl. I. Čechy předhistorické. Na základě praehistorické sbirky Musea Král. Českého. *Г. Ильинскаго.* . . . . 284—286
8. Rodinný nedíl čili zádruha v pravu slovanském. Sepsal K. Kadlec. Nákl. vlastním. *Г. Ильинскаго* . . . . . 286—287
9. Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. *Г. Ильинскаго* . . . . . . 287—288
10. Гуцульщина. Написав проф. Володимиръ Шухевич. *Г. Ильинскаго* . . . . 288—289
11. Етнографічний збірник. Видае етнографічна комисия Науков. Тов. ім. Шевченка. *Г. Ильинскаго* 289
12 Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. *Г. Ильинскаго* . . . . 289—291

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Смерть, похороны и причитанія. (Этнографическій матеріалъ Калужской губ.). *В. Н. Добровольскаго* . . . . . . 292—295
2. О Сибирскомъ Полярномъ Отдѣлѣ Сѣверо-тихо-океанской экспедиціи. (Изъ письма къ Предсѣдателю Этнографическаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общества). *В. Богораза и В. Іохельсона* . . . . 295—296

Цѣна 3 р.